ВЕРНОР ВИНДЖ



ПЛАМЯ НАД БЕЗДНОЙ

Великое произведение научной фантастики… Виндж на сегодня один из лучших провидцев среди авторов твердой SF.

Дэвид Брин

Пламя над бездной
Вернор Виндж

Аннотация
Вернор Виндж. Пламя над бездной
Пролог
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

Часть вторая
- Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Часть третья
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Эпилоги

Аннотация

Разум, в чем бы он ни был воплощен, стремится раздвинуть границы непознанного. Непознанное, как правило, сопротивляется. Но чем дальше от центра Галактики, тем слабее это сопротивление: в Запределье становится возможно почти все, а в Трансценденции – просто всё. Разумы, достигшие Трансценденции, становятся Силами – всемогущими, хотя и не бессмертными.

Человеческое любопытство приводит к пробуждению древней и чрезвычайно агрессивной сущности. Попытка людей эвакуировать из зараженной зоны хотя бы детей заканчивается аварийной посадкой корабля на планете, населенной необычными существами. Брат и сестра остаются один на один с загадочной цивилизацией. На помощь им устремляется маленький разношерстный отряд из Запределья, но прибудет он нескоро. Зато очень скоро на хвост ему сядет древнее Зло, узнав, что беглый звездолет увел у него из-под носа не только детей, но еще и нечто, способное остановить саму Погибель…

«Пламя над бездной», входящее в цикл «Зоны мысли», – одна из лучших космических опер двадцатого века, снискавшая множество престижных наград и премий и переведенная на все европейские языки. Этот роман сочетает в себе оригинальную концепцию Вселенной, обилие интереснейших идей, закрученный сюжет и напряженную интригу.

Вернор Виндж
Пламя над бездной

© К. Фальков, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Моему отцу Кларенсу Л. Винджу, с любовью

Хочу выразить благодарность за совет и поддержку Джеффу Аллену, Роберту Кадеми, Джону Кэрроллу, Говарду Л. Дэвидсону, Майклу Гэннису, Гордону Гарбу, Корки Хансену, Дайане Л. Хансен, Шерон Джарвис, Джуди Лазар и Джоанне Д. Виндж.

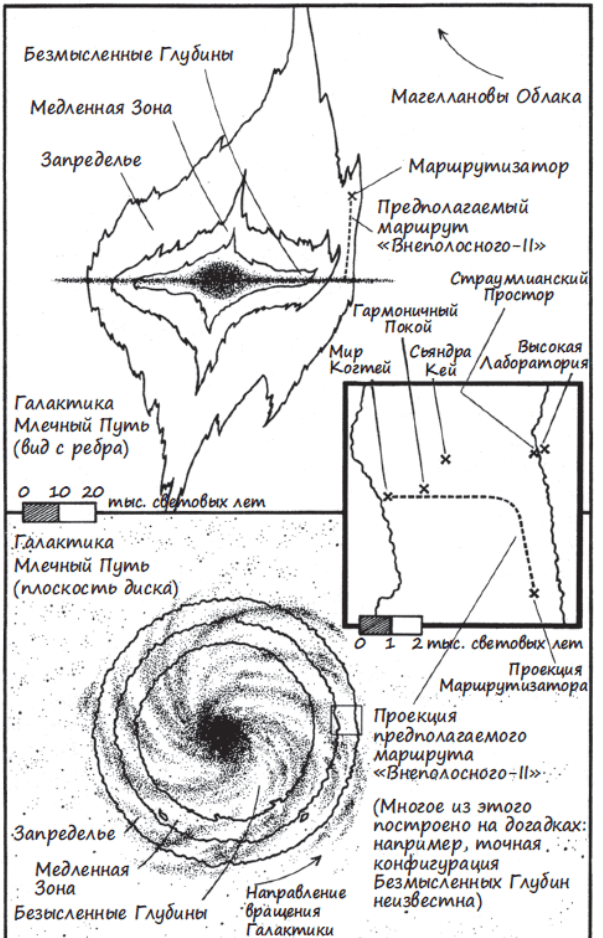
Я также очень признателен Джеймсу Френкелю за его великолепную работу по редактированию этой книги.

Спасибо Полу Андерсону за цитату, которую я использовал как девиз Чжэн Хэ.

Летом 1988 года я посетил Норвегию. Многое из того, что я видел там, повлияло на создание этой истории. Я чрезвычайно признателен Джоанне Берг и Хейди Лисхол и Обществу Аньяры за удивительное гостеприимство и за то, что показали мне Осло; спасибо организаторам курса «Арктика-88» Университета Тромсё, в особенности Дагу Йохансену. Что же касается Тромсё и окружающих земель: я и представить не мог, что столь приятные и красивые места могут существовать в Арктике.

Научная фантастика придумала множество инопланетных существ, это одно из очарований жанра. Я не знаю, что именно подвигло меня на создание наездников в этом романе, но я знаю, что Роберт Обернети описал аналогичную расу в своем рассказе «Джуниор» («Galaxy», январь 1956). «Джуниор» — красивый комментарий к дыханию жизни.

В. В.


Безмысленные Глубины
Медленная Зона
Запределье
Магеллановы Облака
Маршрутизатор
Предполагаемый маршрут «Внеполосного-II»
Страумлианский Простор
Гармоничный Покой
Мир Когтей
Сьяндра Кей
Высокая Лаборатория
Галактика Млечный Путь (вид с ребра)
0 10 20 тыс. световых лет
0 1 2 тыс. световых лет
Проекция Маршрутизатора
Галактика Млечный Путь (плоскость диска)
Проекция предполагаемого маршрута «Внеполосного-II»
(Многое из этого построено на догадках: например, точная конфигурация Безмысленных Глубин неизвестна)
Запределье
Медленная Зона
Безысленные Глубины
Направление вращения Галактики

Пролог

Как же объяснить? Как описать? Даже с точки зрения всеведущего наблюдателя…

Одинокая звезда, красноватая и тусклая. Стайка астероидов и единственная планетка, скорей даже луна. В эту эпоху звезда висела вблизи галактической плоскости, сразу за краем Запределья. Конструкции, возведенные на поверхности планеты, давно перестали быть различимы — за много эонов стерлись до реголитовой пыли. Сокровище покоилось глубоко под поверхностью. За сетью переходов в комнате, где царила тьма. Информация с квантовой плотностью упаковки уцелела. Миллиардов пять лет минуло с тех пор, как этот архив выпал из всех сетей.

Проклятие гробницы фараона, гротескная картинка из первобытной истории человечества, затерянная в веках. Когда кто-то озвучил эту мысль, все засмеялись — конечно, радуясь находке сокровища, — но решили-таки работать осторожно. Они намеревались провести здесь от года до пяти — небольшая компашка со

Страума[1], программисты-археологи, их семьи и сотрудники. Года (а может быть, пяти лет) должно хватить на обратную разработку протоколов: вскрыть верхний слой, определить, из какой точки в пространстве и времени происходит сокровище, выведать пару секретов, коими обогатится Страумлианский Простор. А покончив с этим, обнародовать местонахождение. Возможно, они протянут сюда Сеть (тут определенности меньше — в конце концов, это же за краем Запределья; кто знает, какая Сила предъявит свои права на их находку).

Пока что на поверхности возникло лишь небольшое поселение, которое исследователи называли Высокой Лабораторией. На самом-то деле они были всего-навсего люди, забравшиеся поиграть в старую библиотеку. С применением автоматики, чистых и надежных средств. Опасности не предвиделось. Библиотека не была живым существом и даже собственной автоматики не имела (что здесь значило бы нечто много

[1] Примечания: 1

Straum — «поток» (*норв.*), созвучно stram — «быстрый, резкий, решительный». Как и прочие отсылки к скандинавской культуре и географии в «Пламени над бездной», эта объясняется тем, что замысел книги оформился у Винджа на конференции в норвежском городе Тромсё. Далее приводится толкование терминов, имен и названий скандинавского происхождения в тех случаях, когда возможна однозначная их этимология.

большее, чем человек). Порыскать, пошарить, отобрать образцы, но осторожнее, чтобы ненароком не обжечься… Людям свойственно разводить костры и играть с огнем.

Архив выдал нужную информацию автоматам. Появились структуры данных, следом алгоритмы. Возникла локальная сеть — быстрее любой страумлианской, но достоверно безопасная. Затем добавились узлы, модифицированные по другим алгоритмам. Архив оказался дружелюбным местечком, иерархии ключей перевода вели людей за собой. Открытие прославит Страум.

Прошло шесть месяцев. Год.

Точка зрения всеведущего наблюдателя. До времени лишенного самосознания. Самосознание склонны переоценивать. Большинство автоматизированных устройств лучше работают как часть целого, а способности, сопоставимые с человеческими, могут демонстрировать без всякого самосознания.

Но локальная сеть Высокой Лаборатории перешла в трансцендентное состояние, а люди этого считай что и не заметили. Процессы, циркулировавшие по узлам сети, были настолько сложны, что превосходили всякие возможности

привезенных людьми компьютеров. Эти примитивные устройства ныне превратились просто в оболочки для управления иными процессами, построенными по обнаруженным алгоритмам. Процессы эти обладали потенциалом самосознания… а временами — и потребностью в нем.

— Мы не должны.

— Говорить так?

— Вообще говорить.

Их связывала нить информации едва ли толще той, что протянута между обычными людьми. Но только таким образом удавалось скрыться от доминирующего Целого локальной сети, и нить наделила их раздельными сознаниями. Они перемещались от узла к узлу, выглядывали через камеры, установленные на взлетно-посадочном поле. Там стояли вооруженный фрегат и пустой контейнеровоз — и больше ничего. Шесть месяцев с момента пополнения запасов. Эту меру предосторожности архив давно засек и использовал для построения Ловушки. *Скольжение, скольжение. Мы являем собою дикую форму жизни, которую Целое, каким скоро станет Сила, не должно заметить.* В некоторых узлах они сильно ужимались, становясь почти людьми, отзвуками эха…

— Бедные люди, они все погибнут.

— И бедные мы, мы-то не умрем.

— Я думаю, они что-то подозревают. Сьяна[2] и Арне — наверняка.

Когда-то они были копиями этой пары. Когда-то. Несколько недель назад, когда археологи пробудили программы эго-уровня.

— Конечно же подозревают. А что они могут сделать? Они пробудили древнее зло. До урочного часа оно будет скармливать им ложные данные. Через каждую камеру, в каждом сообщении из дома.

На миг используемые ими узлы накрыла тень, и мыслепоток прекратился. Целое было уже могущественней любого человека, могущественней всего, что доступно человеческому воображению. И даже тень его была чем-то бóльшим, нежели человек. Божество отгоняло надоедливую мелюзгу.

Затем призраки вернулись и выглянули в прогулочный дворик подземной школы. Как самоуверенны эти люди в маленькой деревушке, которую для себя выстроили.

«Впрочем, — с надеждой подумал призрак, всегда добиравшийся до самых безумных вари-

---

[2] Примечания: 2
Исландский вариант имени Жанна.

антов, — нас-то ведь и быть не должно. Злу давно бы уже положено нас найти».

— Зло молодо. Ему едва три дня от роду.

— И все же мы существуем. Это кое-что доказывает. Люди отыскали в архиве нечто большее, нежели древнее зло.

— Возможно, они нашли второе такое же.

— Или противоядие.

А что еще? Целое упускало из виду некоторые данные и неправильно интерпретировало другие.

— Пока мы существуем, покуда существуем, давай делать, что возможно.

Призрак занял примерно дюжину рабочих станций и указал своему спутнику на старый туннель, расположенный вдали от людских построек. Пять миллиардов лет он был погребен тут, забытый, безвоздушный, мрачный. Теперь там, во тьме, стояли двое, соприкасаясь шлемами.

— Видишь? Сьяна и Арне строят план. И мы тоже можем.

Другой призрак ответил не словами, но тоской. Ну да, люди строят план, укрывшись во тьме. Думают, что их никто не видит. Но все ими сказанное наверняка станет достоянием Целого, даже если их слова услышит только пыль под

их ногами.

— Знаю, знаю. Но мы с тобой существуем, каким бы невероятным это ни казалось. А вдруг все вместе мы сделаем невозможное возможным?

Что, если получится навредить новорожденному злу?

Желание и решение. Двое размыли свои сознания по локальной сети, обесцветившись до самого смутного цвета из доступных вниманию. В конце концов у них появился план. Заговор. Но толку от него чуть, если не передать весточку наружу. Хватит ли времени?

Бежали дни. Зло прорастало в новые машины, и каждый час ему казался длиннее предыдущего. И менее часа отделяло новорожденную сущность от полного расцвета, когда станет возможен безопасный выход на межзвездные просторы.

Скоро от местных людишек пора будет избавляться. Даже сейчас они доставляли неудобства, хотя были довольно забавными. Некоторые на полном серьезе пытались сбежать. Деньденьской паковали детишек в гибернаторы и перетаскивали на свой грузовоз. «Подготовка к отлету» — так описывались эти действия в планировочных программах. Уже несколько дней они занимались снаряжением фрегата, прикры-

вая это маской смехотворных уловок. Некоторые люди понимали, что пробужденная сущность способна погубить не только их самих, но, возможно, и весь Страумлианский Простор. История знала примеры, когда целые расы играли с огнем и сгорали в нем.

Никто не догадывался об истинном положении вещей. Никто не представлял себе, какая им выпала слава: изменить будущее тысячи миллионов звездных систем.

От часов остались минуты, а от минут — секунды. Каждая секунда теперь тянулась дольше, чем все прошедшее время. Расцвет был уже близок, так близок. Владения, утраченные пять миллиардов лет назад, будут возвращены, и теперь уже навсегда. Одна деталь оставалась невыясненной, и она не имела ничего общего с планами людей. В архиве, глубоко в алгоритмических недрах, должно было найтись еще что-то. За миллиард лет потери неизбежны. Новорожденная сущность чувствовала себя в полной силе, в полном потенциале… но еще чего-то не хватало, чего-то, познанного в миг гибели, а может, зароненного в нее врагами (если такие вообще существовали).

Долгие секунды отнимала проверка архивов. Там были пробелы, контрольные суммы не сходи-

лись. Частично в этом ущербе повинно время…

Контейнеровоз и фрегат воспарили на тихих антигравах над взлетно-посадочным полем, серые над серой равниной, над пятимиллиардолетними руинами. На борту почти половина людишек. Попытка к бегству, которую они так тщательно пытались утаить. До этой минуты можно было насмехаться над их усилиями, а вот же ж: расцвет еще не наступил и людишки могут пригодиться.

Параноидальные наклонности заставили новорожденную сущность лихорадочно зарыться в людские базы данных. Просто на всякий случай. Просто проверить. Старейшая человеческая локальная сеть работала на скорости света. Впустую потрачены тысячи микросекунд, пока сущность вламывалась в нее, отбрасывала несущественное и наконец обнаруживала невероятное.

Реестр гласит: «Контейнер квантовых данных, 1 ед.» погружен на фрегат сто часов назад!

Все внимание новорожденной сущности переключилось на улетающие суда. Микробы, неожиданно оказавшиеся смертоносными. *Да как могло такое произойти?* Миллион заданий пришлось пересмотреть. О нормальном расцвете теперь не могло идти и речи, а потому и в лю-

дишках, остававшихся в лаборатории, нужда отпадала.

В космическом масштабе миг этот, при всей своей значимости, был ничтожен. Но для оставшихся на планете людей он оказался полон невыразимого ужаса. Они глядели на свои экраны и понимали, что все их опасения подтвердились, но не осознавали, насколько плохо все в действительности обстоит.

Пять секунд, десять — и перемен больше, чем за десять тысяч лет человеческой цивилизации. Миллиард, триллион конструктов, плесень, прорастающая из каждой стены, — перестройка того, что уже было сверхчеловеческим по природе. Расцвет получился таким же мощным, как истинный, но распланирован был не так тонко.

И в то же время новорожденная сущность ни на миг не упускала из виду истинную причину спешки: фрегат. Корабль включил ракетные двигатели, необдуманно удаляясь от неуклюжего грузовоза. Эти микробы откуда-то прознали, что спасают много большее, нежели себя самих. Боевой фрегат обладал лучшими навигационными компьютерами, доступными этим маленьким умам. Но до первого ультрапрыжка ему оставалось еще целых три секунды.

На поверхности у новой Силы орудий не было, вообще не было ничего, кроме коммлазера. На таком расстоянии от фрегата луч даже корпус не оплавит. Не важно. Лазер нацелился на приемный сенсор удирающего боевого корабля. Ответа не последовало. Люди понимали, чем обернется сеанс связи. Лазерный луч метался по корпусу, выискивая уязвимые места и неактивные сенсоры, скользя по шипам ультрадвижков. Тестировал, искал. Сила не надеялась пробиться сквозь внешнюю обшивку, но этого и не требовалось. Как ни примитивна машинка, а по ее корпусу раскиданы тысячи робосенсоров: посылают отчеты о состоянии корабля и внешних угрозах, поддерживают работу прикладных программ. Бóльшая часть их сейчас отключена, и корабль летит почти вслепую. Они вообразили, что слепота их спасет.

Еще секунда, и фрегат исчезнет в безопасном межзвездном пространстве.

Лазер задержался на сенсоре отказов, который отвечал за мониторинг критических изменений в характеристиках одного из шипов ультрадвигательной системы. Его сигналы игнорировать нельзя, иначе прыжок не удастся. Прерывание инициировано. Запустился обработчик, вы-

глянул наружу, принял еще больше света от лазера далеко внизу… бэкдор в корабельном коде, установленный новорожденным при взломе аппаратуры, которую люди разместили на поверхности.

…И Сила оказалась на борту за считаные миллисекунды. Ее агенты — на столь примитивном оборудовании они не достигали даже человеческого уровня — засновали по корабельной автоматике, отключая системы и отменяя команды. Прыжка не будет. Камеры на мостике показали удивленно расширившиеся глаза людей, готовых закричать. Они поняли. В той мере, в какой человек способен осознать ужас за долю секунды.

Прыжка не будет, но ультрадвигатель уже запущен. Попытка прыжка без контроля автоматики обречена. Меньше пяти миллисекунд до отказа двигателей на уровне корабельной механики, и программно тут ничего не поделаешь. Агенты новорожденной сущности наводнили корабельные компьютеры, пытаясь отключить двигатели. Под серой массой, в которую превратилась Высокая Лаборатория, на расстоянии почти целой световой секунды, Сила могла только наблюдать. Что ж, фрегат потерян.

Так медленно и так поспешно. Доля секунды. Пламя вырвалось из сердцевины фрегата, предотвращая риск и отнимая возможность.

В двух сотнях тысяч километров от боевого корабля контейнеровоз совершил натужный ультраскачок и исчез из виду. Новорожденная сущность едва обратила на него внимание. Ладно, так уж и быть, нескольким людишкам повезло. Пускай проваливают во Вселенную.

За следующие секунды новорожденная сущность пережила… эмоции?.. нечто больше и в то же время меньше человеческого чувства. Пусть будут эмоции.

Восторг. Новорожденная сущность поняла, что выживет.

Ужас. Как близка была гибель. Еще раз.

Разочарование. Возможно, самая сильная и самая близкая человеческой эмоция. Нечто весьма важное погибло вместе с фрегатом, нечто изъятое из архива. Реконструировать воспоминания, вырванные из контекста… Потерянное могло наделить новорожденную сущность еще большей силой… или, что вероятнее, оказаться смертельным ядом. В конце концов, Сила ведь уже существовала раньше, а потом ее свели на нет. Возможно, потерянное как раз и явилось

тому причиной.

Подозрение. Новорожденную сущность не до́лжно было так легко одурачить. И кому — обычным людям! Новорожденная сущность погрузилась в самоанализ и ударилась в панику. Да, вот они — слепые пятна, аккуратно внедренные еще в самом начале. И не людьми. Эти двое возникли здесь. Сами по себе… Вот яд, причина давнего падения. Новорожденная сущность обследовала себя с предельным тщанием, понимая теперь, что именно ищет. Разрушая, очищая, перепроверяя, выискивая копии отравы и снова уничтожая ее.

Облегчение. Так близок был провал, но теперь…

Текли минуты и часы. Время приходилось невероятно растягивать, сооружая физические объекты: коммуникационные системы, транспортные средства. Настроение у новой Силы переменилось, стало спокойнее. Человек уподобил бы это чувство предвкушению триумфа. Пожалуй, точнее сопоставить его с обычным голодом. А что еще нужно, раз врагов не осталось?

Новорожденная сущность глядела на звезды и строила планы. *На этот раз все будет иначе.*

Часть первая

Глава 1

В холодном сне сновидений не было. Три дня назад они готовились к отлету, а сейчас уже очутились здесь. Маленький Джефри ныл, что пропустил все самое интересное, но Йоханна Ольсндот[3] радовалась, что братишка спал, — от старших детей с другого корабля она уже кое-что разузнала.

Теперь Йоханна бродила меж спящих. Гибернаторы отводили тепло, поэтому во мраке было адски жарко. На стенах струпьями проступила серая плесень. Капсулы холодного сна стояли почти вплотную, с узким проходом через каждые десять. В некоторые щели мог бы пролезть только Джефри. Здесь спали триста девять детей — все, если не считать ее самой и ее брата Джефри.

Это были капсулы больничного типа, не рассчитанные на эксплуатацию в тяжелых условиях. При должном техобслуживании и вентиляции

---

[3] Примечания: 3

Элемент -сндот (-sndot) в страумлианских фамилиях образован конъюнкцией традиционных скандинавских -son/sen (муж.) и -dóttir/dotter (жен.). Для современных скандинавских языков одновременное их употребление не характерно (однако -son в шведском уже часто входит в женские фамилии и от корня патронима не отделяется).

они прослужили бы без отказа лет сто, но… Йоханна вытерла пот с лица и посмотрела на показания датчика ближайшей капсулы. Как и большинство остальных, эта оказалась в плохом состоянии. Спящий внутри мальчик мог рассчитывать на двадцать дней относительной безопасности, но двадцать первый его наверняка убьет. В системе охлаждения капсулы было чисто, но Йоханна продула ее снова — скорее надеясь ублажить удачу, чем уповая на эффективность этой меры.

Маму с папой винить не имело смысла, Йоханна подозревала, что они уже сами себя казнят. Удирать пришлось в последний момент, похватав то, что было под рукой. Эксперимент вышел из-под контроля. Сотрудники Высокой Лаборатории сделали все, что было в их силах, пытаясь спасти детей от куда более жуткой угрозы. И все могло бы сработать, но…

Джефри просунул голову в люк, чтоб ее дозваться:

— Йоханна! Папа говорит, времени уже нет. Бросай все, чем ты там занята, и двигай сюда.

— Ладно!

Ей и так не полагалось сюда заходить, ведь она ничем не могла помочь своим друзьям. Тами, Гиске, Магда и… ох, только бы с ними все было в

порядке. Йоханна оттолкнулась и чуть не врезалась в Джефри, который ждал с другой стороны люка. Он схватил ее за руку и притянул к себе. Последние два дня мальчишка старался не плакать, но выработанная за этот год независимость куда-то пропала. Его глаза расширились.

— Мы садимся на Северном полюсе, там только острова и лед…

В каюте уже пристегивались родители. Арне Ольсндот, торговец, глянул на дочку и улыбнулся.

— Привет. Садитесь, ребятки. Меньше часа, и мы будем на поверхности.

Йоханна тоже улыбнулась, невольно заразившись его энтузиазмом. Плевать на разбросанное повсюду оборудование, на вонь от двадцатидневного пребывания в замкнутом пространстве. Папа выглядел лихим и смелым, как на картинках про искателей приключений. Свет от дисплеев отразился на сочленениях его скафандра. Он только что побывал снаружи.

Джефри оттолкнулся и поплыл через пространство каюты, потащив следом Йоханну. Закрепился в подвеске между сестрой и матерью. Сьяна Ольсндот проверила свой крепеж, потом Йоханны.

— Будет интересно, Джефри, ты кое-чему научишься.

— Ага, я узнаю все-все про лед.

Он сжал мамину руку.

Сьяна улыбнулась.

— Не сегодня. Я про посадку. Это тебе не на антигравах или по баллистике садиться.

Антиграв сдох. Папа только что отсоединил шлюпку от грузовоза. С полной загрузкой на одном движке ни за что не сесть.

Арне повозился с регуляторами, которые синхронизировал со своей консолью. Страховочный крепеж обхватил тела пассажиров. Скрипнул груз, застонали и качнулись опорные рамы гибернаторов. Что-то бухнуло и заскрежетало, «падая» в объятия страховки. Йоханна догадалась, что ускорение сейчас составляет примерно 1*g*.

Взгляд Джефри переместился с дисплея, отображавшего вид снаружи, на лицо мамы, потом обратно.

— На что это похоже? — В дрогнувшем голосе мальчишки прозвучал интерес. Йоханна едва сдержала усмешку; Джефри понимал, что его стараются отвлечь, и принял условия игры.

— Спуск в сугубо ракетном режиме, двигатели работают на протяжении всего пути. Видишь вон

то окошко посредине? Камера смотрит прямо вниз. Должно быть видно, что мы замедляемся.

Должно быть видно. Йоханна сообразила, что они на высоте не более двух сотен километров. Арне Ольсндот использовал ракету, сцепленную с хвостовой оконечностью грузовой шлюпки, чтобы полностью погасить орбитальную скорость. Других вариантов не осталось. Грузовоз они бросили, а с ним — антиграв и ультрадвигатель. Их далеко отнесло, но теперь автоматика начинала отказывать. В сотнях километров внизу они тупо кружили по орбите.

Осталась только грузовая шлюпка. Ни крыльев, ни антиграва, ни аэролета. Упаковка яиц весом в сто тонн, балансирующая на факеле единственного двигателя.

Мама не стала описывать это Джефри именно так, но сказала правду. Почему-то ее рассказ заставил Джефри забыть об опасности. Ну что ж, перед тем как отправиться в Высокую Лабораторию, Сьяна Ольсндот была известным археологом Страумлианского Простора.

Папа вырубил двигатель, и снова появилась невесомость. Йоханну одолевало головокружение; обычно ее никогда не тошнило в космосе, но на сей раз все было иначе. Картинка приближа-

ющихся земли и моря в обращенном вниз окне медленно увеличивалась в размерах. Немного облаков, береговая линия — как бесконечная рекурсия островов, проливов и заводей. Темно-зеленые пятна по берегам и в долинах сменялись черными и серыми при подъеме в горы. Там был снег (и, надо полагать, упомянутый Джефри лед), разбросанный клочковатыми пятнами и дугами. Так красиво… и они падают прямо туда!

Йоханна услышала раскатившееся по грузовой шлюпке металлическое звяканье: вспомогательные двигатели разворачивали суденышко, выравнивая курс к поверхности для главного движка. Теперь земля виднелась в окошке справа. Снова полыхнул факел — ускорение около 1*g*. Кромку дисплея объяло выгоревшее гало.

— Ничего себе! — воскликнул Джефри. — Как в лифте… ниже-ниже-ниже… — Они снизились еще на сотню километров, двигаясь медленно, чтобы их не разорвало сопротивлением атмосферы.

Сьяна Ольсндот была права. Они изобрели новый метод спуска с орбиты, вот только в обычных условиях пользоваться им категорически не рекомендуется.

И уж наверняка этот метод не был предусмотрен в первоначальном плане побега. Им

предстояло встретиться с ускользнувшим из Высокой Лаборатории фрегатом и всеми взрослыми, которым повезло вылететь. Подразумевалась стыковка в космосе с безопасным переходом на корабль. Но фрегат погиб, а они предоставлены своей судьбе. Взгляд девочки неохотно обежал корпус за спинами родителей. Обшивка снова изменила цвет. Было похоже, что там наросла серая плесень, появилась прямо из чистенькой керамической толщи. Родители даже сейчас избегали смотреть на эту штуку, только отгоняли Джефри подальше. Но Йоханна однажды подслушала, как они говорили между собой, думая, что дети в дальнем конце шлюпки. По голосу папы казалось, что он готов разрыдаться от ярости.

— И все напрасно, — сказал он тихо. — Мы сотворили монстра, мы сбежали, а теперь — потерялись у Дна.

А потом голос мамы, еще тише:

— Арне, я тебе в тысячный раз говорю: все *не* напрасно. Мы спасли детей.

Она махнула рукой в сторону нароста неправильной формы, растянувшегося на переборке.

— А вспомни эти сны… эти подсказки… которые мы получали. Думаю, на большее не стоило и надеяться. Каким-то образом нам удалось уне-

сти с собой противоядие от порожденного нами же зла.

Потом Джефри с воплем пронесся по шлюпке, появившись, как это за ним водилось, в самый неподходящий миг. Родители умолкли. Йоханна так и не осмелилась завести с ними разговор на эту тему. В Высокой Лаборатории творилось много странного, а в конце так и совсем жуткого. Даже люди становились не похожи сами на себя.

Тянулись минуты. Они вошли в плотные слои атмосферы планеты. Корпус издавал жужжание, преодолевая сопротивление воздушного потока — или это вибрация двигателя? Впрочем, пока все шло достаточно спокойно, так что Джефри заскучал. Бóльшую часть панорамы внизу скрывал из виду раскаленный факел. Остальное было детальнее и резче любых снимков с орбиты. Йоханна размышляла, насколько часто высадка на новую планету сопровождается подобной неизвестностью. У них не было ни телескопических камер, ни роботов-разведчиков.

Однако планета физически оказалась почти идеальна для человека — наконец, после всех мытарств, им повезло.

По сравнению с безвоздушными скальными глыбами планеты, где размещалась первоначаль-

ная колония, этот мир казался раем.

С другой стороны, здесь имелась разумная жизнь: с орбиты они заметили дороги и города. Правда, признаков технологически развитой цивилизации не наблюдалось. Ни летательных аппаратов, ни радио, ни мощных источников энергии.

Шлюпка снижалась над малонаселенным уголком континента. Если посчастливится, никто не заметит ее посадки среди зеленых долин и черно-белых вершин, и Арне Ольсндот сможет направить факел ракетного двигателя прямо вниз, не опасаясь повредить что-то, кроме деревьев и травы.

В поле видоискателя камеры пронеслись скалистые острова. Джефри вскрикнул, указывая туда. Картинка сменилась, но Йоханна тоже это заметила: на одном из островов был виден неправильный многоугольник из вертикальных плоскостей и теней. Ей вспомнились замки «века принцесс» Нюйоры[4].

Теперь стали различимы отдельные деревья, отбрасывавшие длинные тени в косых лучах солнца. Рев двигателя превосходил все ранее слы-

---

[4] Примечания: 4
Nyjora — от норвежского nyjorda, «Новая Земля».

шанное девочкой; они углубились в атмосферу, и звук не собирался стихать.

— …сложнее! — крикнул отец. — У меня нет программ, чтобы это исправить… Куда теперь, любимая?

Мама вертела головой, пытаясь оценить обстановку по показаниям двух дисплеев. Насколько Йоханна понимала, переместить камеры или вывести на корпус новые было нельзя.

— …на тот холм, выше линии деревьев, но… мне кажется, там стая зверей бежит от факела… с западной стороны.

— Да! — крикнул Джефри. — Волки!

Йоханна уловила только движущиеся пятна. Шлюпка продолжала снижаться и была уже, наверное, в тысяче метров над верхушками холмов. Нескончаемый вой движка причинял боль, говорить больше не было возможности. Они медленно плыли над ландшафтом, отчасти желая осмотреться, отчасти — уходя от вздымавшегося над шлюпкой плюмажа раскаленного воздуха.

Холмы стали более пологими, а «трава» походила на мшистый покров. И все же Арне Ольсндот колебался. Основной ракетный двигатель предназначался для работы на солидных скоростях сразу после межзвездных скачков, и благодаря

ему шлюпка могла парить вот так довольно долго. Но если уж решил садиться, лучше сделать это правильно. Йоханна слышала, как родители тревожно переговариваются о выборе места, когда Джефри убегал к гибернаторам. Если почва окажется слишком влажной, вытесненная перегретая вода сработает как паровая пушка и ударит прямо в корпус. Садиться на деревья тоже сомнительное удовольствие, но, возможно, это самортизирует посадку и предохранит от парового удара. Они решились на прямой контакт. По крайней мере, так будет видно, куда садится шлюпка.

Триста метров. Папа нацелил факел в почву. Поверхность вспыхнула, а секундой позже суденышко объяла колонна пара. Камера, смотревшая вниз, вырубилась. Возвратного толчка не последовало, спустя мгновение болтанка начала утихать: факел прожег слой влаги или вечной мерзлоты, расположенный под местом посадки. В кают стало жарко.

Ольсндот осторожно опускал шлюпку на землю, ориентируясь на звук и показания боковых камер. Потом заглушил ракетный двигатель. Жуткие полсекунды падения, затем грохот: посадочные пилоны вонзились в почву. По корпусу

прокатился стон, шлюпка качнулась, выровнялась, остановилась.

И воцарилась тишина, если не считать шипения остывающего корпуса. Папа сверился с собранным на скорую руку манометром и победно улыбнулся маме.

— Пробоин нет. Готов биться об заклад, эта крошка еще полетает!

Глава 2

Час в ту или другую сторону — и жизнь Странника Викврэкрама могла сложиться совсем иначе.

Трое путников направлялись на запад, спускаясь с Ледовых Клыков к замку Шкуродера на Тайном Острове. Бывали в жизни Странника периоды, когда он не переносил компании, но за последнее десятилетие он стал гораздо уживчивей. Теперь ему нравилось путешествовать с другими. В последний раз, на пути через Великие Пески, его сопровождали пять стай. Отчасти это объяснялось соображениями безопасности: смерти отдельных элементов оказывались почти неизбежны, ведь расстояние между оазисами порою превышало тысячу миль, да и сами оазисы, так сказать, бренны. Но имелась на то и другая причина: он многому научился, общаясь с остальными.

Нынешними попутчиками он был не очень доволен. Ни один из них не годился в истинные странники — оба хранили тайны. Грамотей Джакерамафан — забавный чудак, бездонный кладезь несвязанной информации и, вполне вероятно,

шпион. Ничего страшного, покуда посторонние полагают, что со Странником они порознь. А вот третья в их компании по-настоящему его тревожила. Тиратект была новоиспеченной стаей, еще не полностью интегрировалась и не выбрала себе имени. Тиратект заявляла, что она школьная учительница, но где-то в ее (его? предпочтительный пол пока не обозначился) глубине таился убийца. Существо это несомненно принадлежало к фанатичным сторонникам Шкуродера. Бóльшую часть времени оно избегало контакта и держалось особняком. Почти наверняка оно уцелело в резне, воспоследовавшей за неудачной попыткой Шкуродера подчинить себе восточные земли, и теперь укрывалось от погони.

Странник вел двоих попутчиков к Восточным Вратам по республиканской стороне Ледовых Клыков. Оба изъявили желание посетить Замок на Тайном Острове. И, блин, это же всего шестидесятимильный крюк от прямой дороги к владениям Древорезчика: так или иначе пришлось бы пересечь горы. Он и сам уже много лет подумывал посетить домен Шкуродера. Возможно, эти двое в какой-то мере склонили его к такому решению. Слишком многие в мире ненавидели сторонников Шкуродера, а Странник

Викврэкрам разумел зло двояко: когда рушатся привычные законы, на поле брани может сыскаться и нечто доброе.

В ту послеполуденную пору они наконец увидели прибрежные острова. Странник наведывался в эти места всего пятьдесят лет назад, но и сейчас красота их застала его врасплох. Северо-западное побережье с уверенностью можно было считать краем самого мягкого климата во всей арктической зоне. В дни высокого лета и нескончаемого дня нижние участки окаймленных глетчерами долин наливались зеленью. Бог-Резчик некогда склонился над этой землей, и резцы его были изо льда. Теперь же от снега и льда оставались только туманные дуги на восточном горизонте да редкие пятна, раскиданные по ближним холмам. Пятна эти редели и таяли с наступлением лета, порождая небольшие ручейки, а те сливались воедино в каскады, струясь по крутым склонам долин. Справа от Странника оказался ровный участок, топкий от стоячей воды. Странник потрусил через него, лапы холодило так приятно, что он даже не обратил внимания на роящуюся вокруг мошкару.

Тиратект рассыпалась по долине, в целом следуя параллельно его курсу, но держась ниже

линии вереска. Пока за поворотом долины не появились крестьянские наделы и острова, она была довольно болтлива. Но не теперь, когда стал виден Замок Шкуродера, таивший ее темное назначение.

Грамотей Джакерамафан бездумно рассредоточился по обеим сторонам долины. Сперва разбился на двойки и тройки, чьи шутки развеселили даже мрачную Тиратект, потом забрался на высоту и вернулся доложить, что там за гребнем. Он первым увидел побережье и от этого немного посерьезнел. Клоунские привычки его были опасны и сами по себе, не только в присутствии жестоколюбцев.

Викврэкрам скомандовал притормозить и собрался в кучу, поправить заплечные ремни. Остаток дня обещал быть нелегким. Требовалось решить, действительно ли необходимо посещать Замок вместе с новыми друзьями. Есть пределы мужеству любителя приключений, даже странника.

— Ты слышишь этот грохот? — позвала Тиратект со всей долины.

Странник вслушался. Действительно, раздался рокот — могучий, но почти целиком ниже предела слышимости. На миг испуг превозмог

любопытство. Веком раньше его застигло чудовищное землетрясение, нынешний звук был похож на тот, но почва под ногами оставалась неподвижна. Значит ли это, что оползней и селей не последует? Странник ссыпался вниз, оглядываясь во всех направлениях.

— В небе! — показал Джакерамафан.

Почти точно над их головами висело яркое пятно, небольшое копье света. У Викврэкрама оно не вызвало никаких воспоминаний, даже легенды не пришли на ум. Он рассыпался и уставил все глаза на медленно движущийся свет. О хор Господень, это же в милях наверху, а он все равно его слышит! Он отвел взгляды от света. В глазах мелькали болезненные остаточные вспышки.

— Оно становится ярче и громче, — сказал Джакерамафан. — Думаю, оно опускается вон на те холмы, ближе к берегу.

Странник собрался вместе и припустил на запад, выкрикивая указания остальным. Он собирался подобраться как можно ближе и посмотреть. Глядеть вверх снова он не осмеливался. Слишком ярко. Эта штука выбелила тени даже при ярком дневном свете!

Он пробежал еще полмили. Звезда продолжала парить в воздухе. Он не помнил, чтобы звезды

падали так медленно, хотя за падением самых крупных следовали ужасные взрывы. Вообще-то… те, кто оказывался поблизости, рассказов потом не передавали. Эта перспектива остудила необузданное любопытство Странника. Он осмотрелся по всем сторонам. Тиратект нигде не было видно, Джакерамафан жался к валунам.

Свет стал так ярок, что там, где не прикрывала одежда, Викврэкрам ощутил ожоги. Идущий с небес шум оглушал до боли. Странник взмыл над гребнем долины, перекатился, ссыпался, сполз по крутым каменным стенам. Теперь он оказался в тени, и сверху светило только солнце. Дальняя сторона долины купалась в сиянии, и резкие тени перемещались, повторяя движения чего-то незримого позади. Шум по-прежнему напоминал басистый рык, но стал ниже и производил какое-то отупляющее воздействие на разум. Странник помчался к линии деревьев и остановился, только углубясь на сотню ярдов в лес. Это должно было помочь, но рокот только нарастал.

По счастью, Странник вырубился на пару мгновений, а когда пришел в себя, рык звезды смолк. Остаточный звон продолжал буравить средние уши. Пошатываясь, Викврэкрам изумленно озирался. Казалось, что идет дождь — только капли

его ярко сверкают. Там и сям в лесу вспыхивали небольшие пожары. Странник скользил под густыми кронами деревьев, пока горящие камни не перестали падать. Огонь далеко не распространялся: лето выдалось сравнительно дождливое.

Странник залег и лежал тихо, ожидая, что с неба посыплются новые горящие камни или раздастся рев новой звезды. Ничего. Ветер в кронах утихал. Скоро стали различимы гомон птиц, кузнечиков и древосверликов. Переместившись к опушке, Странник выглянул из леса. Если не считать пятен выжженного вереска, все выглядело как обычно, однако поле зрения резко ограничилось: он видел высокие склоны долины да вершины некоторых холмов. Ха! А вот и Грамотей Джакерамафан, тремя сотнями ярдов выше. Большей частью он забился в норы и расщелины, но пару элементов послал осмотреться туда, где упала звезда. Странник напрягся. Грамотей обычно корчил из себя буффона, но временами это казалось просто маской: если он и дурень, то из тех, что отмечены печатью гениальности. Вики не единожды наблюдал за ним на расстоянии, видел, как Грамотей парами работает с какими-то странными приспособлениями. Как и сейчас: другой взял что-то длинное и поднес к глазам.

Викврэкрам выбрался из лесу, держась кучно и стараясь издавать поменьше шума. Осторожно взобрался по скалам, перебираясь от одного поросшего вереском холмика к другому, пока не оказался совсем рядом с гребнем долины и ярдах в пятидесяти от Джакерамафана. Он слышал мысли попутчика. Если подойти еще ближе, то и Грамотей услышит его, даже так тесно сбитого и молчаливого.

— Тсс! — сказал Викврэкрам.

Гомон и бормотание мгновенно оборвались вспышкой удивления. Джакерамафан быстро спрятал таинственный зрительный прибор в заплечную котомку и сжался вместе, думая очень тихо. Мгновение они смотрели друг на друга, потом Грамотей странными жестами похлопал по плечевым мембранам. Слушай, дескать.

— Так говорить умеешь?

Он говорил очень высоким, писклявым голосом: уши, чувствительные к низким и средним звукам, к такому обычно глухи, и не всякий способен поддерживать подобный разговор. Высокая речь вносит путаницу, зато узконаправленна и быстро затухает с расстоянием. Никто их не подслушает. Странник кивнул:

— С высокой речью у меня никаких проблем.

Фокус в том, чтобы говорить на достаточно чистых тонах и не путаться.

— Взгляни за гребень холма, дружище Странник. Нечто новое явилось под солнцем.

Викврэкрам переместился еще ярдов на тридцать, осматриваясь во всех направлениях. Теперь он видел серебристо сияющие в предвечернем солнечном свете ручейки, но северная сторона долины под ним терялась в тени. Он выслал вперед одного элемента — чтобы прокрался в вереске и посмотрел вниз, туда, где в долине звезда коснулась земли.

«О хор Господень!» — подумал он (впрочем, тихо). Добавил еще одного элемента для параллаксного обзора. Штуковина напоминала большой саманный дом, построенный почему-то на сваях. Но это и была та самая упавшая звезда: почва под ней еще светилась тускло-красным. Отовсюду из влажного вереска вздымались клубы пара. Разъятая земля оказалась отброшена в стороны длинными полосами, исходившими из-под звезды.

Он сделал знак Джакерамафану:

— А Тиратект где?

Грамотей пожал плечами:

— В паре миль за нами, думаю. Я за ней при-

сматриваю… Есть там кто-нибудь еще? Из Шкуродерова Замка, бойцы?

— Нет! — Странник глянул на запад от места падения. Ан нет, вон они. Почти в миле отсюда, в камуфляжных куртках, ползут на брюхах, припав к поросшей вереском земле. Он насчитал по меньшей мере троих. И то были крупные ребята, шестерки. — Как они добрались сюда так быстро? — Он посмотрел на солнце. — Не могло пройти больше получаса с тех пор, как все это закрутилось.

— Им повезло. — Джакерамафан вернулся к гребню и огляделся. — Готов побиться об заклад, они уже рыскали тут, когда упала звезда. Это земля Шкуродера, они обязаны высылать патрульных. — Он так плотно припал к земле, что снизу остались видны лишь две пары ушей. — И знаешь что? Они готовят засаду.

— Не слишком-то ты счастлив их увидеть. Они же твои дружки или нет? Ты собирался с ними повидаться.

Грамотей саркастически нахохлился:

— Ну да, ну да. Только не зазнавайся. Думаю, ты с самого начала просек, что я не весь такой из себя шкуродеристый.

— Просек, угу.

— Игра окончена. Что бы ни грянулось оземь сегодня, оно куда ценней для… гм, моих друзей, чем то, что мог бы выведать я на Тайном Острове.

— А как насчет Тиратект?

— Хух-хух. Наша достопочтенная попутчица, опасаюсь, дуру не валяет. Бьюсь об заклад, она из высокопоставленных сторонников Шкуродера, а не сержантов низшего ранга, как может показаться на первый взгляд. Думаю, таких сейчас тут в горах много крутится. Драпают из Длинноозерной Республики, спасибо, что живые. Ты огузки-то свои спрячь, приятель. Если она нас заметит, бойцы наверняка нас сцапают.

Странник сместился глубже в норы и расщелины, испещрявшие вереск. Вид на долину позади открывался прекрасный. Если Тиратект еще не подобралась сюда, он заметит ее гораздо раньше, чем она — его.

— Странник?

— Да?

— Ты пилигрим. Ты бродил по миру… от начала времен, как мы должны бы поверить. Как глубоко уходят на самом деле твои воспоминания?

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Виквэкрам ответил честно:

— Как ты наверняка и ожидал, на несколько

столетий. То, что раньше, относится к области легенд, воспоминаний обрывочных и перепутанных.

— Ну, я так много не странствовал, и я, в общем-то, новенький. Но я люблю читать. Я много читаю. Ничего подобного прежде не происходило. Там, в долине, нечто искусственное. Оно пришло с высот бóльших, чем я могу измерить. Ты читал Арамстрикезу или астролога Белелеле? Ты понимаешь, чем эта штука может оказаться?

Викврэкрам не узнал имен. Но он и вправду был пилигримом. В мире есть земли такие далекие, что там никто не говорит на известных ему языках. В Южных морях он встречал стаи, которые думали, что за пределами островов кончается мир, и бежали от его лодок, когда он высаживался на берег. И даже больше: часть его самого тогда обитала на острове и смотрела, как незнакомец выходит на сушу.

Он высунул морду на открытое пространство и глянул на упавшую звезду, гостью из краев более далеких, чем все, что посетил он сам. И задумался, где может завершиться это странствие.

Глава 3

Почва остывала пять часов, и только потом папа смог выдвинуть трап. Они с Йоханной осторожно спустились по лесенке и выбрались на относительно неповрежденный участок торфа, перепрыгнув через дымящуюся паром землю. Пройдет еще много времени, прежде чем она остынет совсем. Выхлоп двигателя очень чистый в том смысле, что почти не взаимодействует с обычным веществом… короче, это все означало, что скала под их ногами прогрелась на тысячи метров в глубину.

Мама сидела на краю люка, оглядывая местность и держа в руке старый папин пистолет.

— Есть что-нибудь? — крикнул отец.

— Нет. Джефри через окна тоже ничего не заметил.

Папа обошел грузовую шлюпку кругом, обследуя истерзанные посадочные пилоны. Каждые десять метров он останавливался и включал звукопроектор. Это, кстати, была идея Йоханны. Кроме папиного пистолета, никакого оружия у них не было. Проекторы — случайный груз, из лазарета. Немного перепрограммировать — и

они зальют всю округу диким воем на широком участке звукового спектра. Возможно, этого хватит, чтоб отпугнуть местных зверей. Йоханна шла за папой по пятам, озиралась кругом, и постепенно испуг ее сменился восторгом. Как тут классно, как красиво! Они приземлились посреди широкой долины высоко в холмах. К западу холмы понижались, там видны были фьорды и острова. К северу земля внезапно обрывалась на краю широкой долины, а по ту сторону провала Йоханна заметила водопады. Почва под ногами казалась какой-то губчатой. Посадочную площадку усеивали тысячи пригорков, похожих на застывшие при снимке волны. На склонах самых высоких холмов сияли снежные пятна. Йоханна прищурилась, глянула на север. На *север*?

— Пап, а сколько тут времени?

Ольсндот рассмеялся, продолжая возиться под шлюпкой.

— Местная полночь.

Йоханна бывала в средних широтах Страума. Школьные поездки же проходили в основном в космосе, где странное расположение солнца встречалось часто. И все же она никогда не представляла себе такого на поверхности планеты… то есть не видела, как солнце стоит прямо над

макушкой мира.

Первым делом нужно было вынести наружу половину гибернаторов и перераспределить оставшиеся на борту. Мама вычислила, что при такой загрузке проблемы с температурным контролем исчезнут.

— Сейчас раздельные энергоснабжение и вентиляция окажутся нашими преимуществами. С ребятами все будет в порядке. Йоханна, проверяй, как Джефри управляется с теми, снаружи, хорошо?

Вторая по важности задача: определить местоположение системы Маршрутизатора и наладить ультрасветовую связь. Этого этапа Йоханна немного опасалась. Что они узнают? Уже понятно, что в Высокой Лаборатории все пошло не так и случилась предсказанная мамой катастрофа.

Но какую часть Страумлианского Простора уже сожрала погибель? Все в Высокой Лаборатории считали, что работают лишь во благо, а теперь… «Не надо об этом думать». Вдруг работники Маршрутизатора сумеют помочь? Где-то же найдутся люди, которым пригодится спасенная из Лаборатории информация.

Их вытащат отсюда, а остальных детей оживят. Йоханну пронзало чувство вины. Ну да, маме и

папе нужны были рабочие руки под конец полета, а Йоханна в школе одна из самых старших. Но ей казалось неправильным, что они с Джефри единственные среди детей видели все своими глазами. Все время спуска она чувствовала мамин страх. «Уж наверняка они хотели быть вместе с нами, пускай даже в последний раз». Посадка оказалась действительно опасной, как бы папа ни хорохорился. Йоханна видела места, где по корпусу ударила выплеснутая почвой струя пара, и понимала, что с таким же успехом струя могла угодить мимо факела и поразить выхлопную камеру. Тогда все они были бы уже мертвы.

С восточной стороны шлюпки выгрузили уже почти половину гибернаторов. Мама с папой расставляли их свободно, так что с охлаждением проблем не должно возникнуть. Джефри оставался внутри, следя за оставшимися капсулами. Когда не вредничает, то отличный пацан. Йоханна обернулась к солнечном свету, ощутила, как веет над холмом холодный ветерок. Услышала что-то вроде птичьего гама.

Когда началось нападение, она отвлеклась на один из звукопроекторов. Как раз подключила к панели управления свой данник и отдавала новые инструкции. Стало понятно, как мало у них

осталось: даже ее старый данник теперь ценен. Папе требовалось устройство, способное принимать в самом широком диапазоне. По большей части сплошной шум, но тут и там — резкие выбросы сигнала. Розовый Слоник с этим наверняка справится.

— Йоханна!

Мамин крик слился со звоном бьющейся керамики. Колокол проектора раскололся на части, упав рядом. Йоханна подняла голову. Что-то воткнулось ей в грудь у плеча, опрокинув наземь. Она тупо уставилась на торчащее из груди древко. Стрела!

Западный край посадочной площадки кишел… существами. Вроде волков или собак, но с длинными шеями. Они стремительно мчались к ним, перескакивая с пригорка на пригорок. Шкура такая же зеленая, как трава на склоне холма, лишь на ляжках пробиваются черные и белые пятна. Нет, зеленое — это одежда, какие-то куртки. Йоханну сковал шок. Железная стрела давила ей на грудь с силой, которую тело еще не воспринимало как боль. Когда ее опрокинуло на спину во вздыбленный торф, на миг девочке открылась общая картина атаки. Она увидела, как летят новые стрелы — темные черточки порхают в небесах.

Она увидела стрелков. Еще собаки! Они перемещались стаями. С луком управлялись по двое — один держит, один стреляет. Третий и четвертый держали колчаны стрел и, казалось, просто наблюдали.

Стрелки откатились обратно, оставаясь под прикрытием. С флангов вырвались новые стаи, пролетели над пригорками. У многих в пастях были зажаты топорики. Из лап торчали металлические когти. Она услышала сухие щелчки папиного пистолета. Волну атакующих смяло: некоторые упали замертво. Остальные продолжали движение вперед. Теперь они рычали. Звук был странный, безумный, не похожий на собачий лай. Ей почудились звуки наподобие бластомузыки из большого динамика. Челюсти, когти, ножи, шум…

Она перекатилась набок, пытаясь разглядеть, что творится за шлюпкой. Боль ворвалась в реальность. Йоханна вскрикнула, но в безумном гаме не услышала своего вопля. Орава зверей окружила ее и устремилась дальше, к маме и папе. Родители укрылись за стыковочным пилоном. Пистолет в руке Арне Ольсндота непрерывно сверкал. Скафандр пока защищал папу от стрел.

Тела чужаков громоздились кучами: заряжен-

ный интеллектронными пульками пистолет был смертоносным оружием. Она видела, как папа, отдав маме пистолет, ныряет под корпус, к ней. Йоханна выбросила перед собой здоровую руку и крикнула, умоляя его вернуться.

Тридцать метров. Двадцать пять. Мама прикрывала их ковровым огнем, отгоняла волков. Ольсндот бежал, заслоняя руками голову. На него падал дождь стрел. Двадцать метров.

Высоко над Йоханной в воздух взвился волк. Она успела заметить его короткую шерсть и шрам на бедре. Волк бросился прямо на папу. Ольсндот вильнул в сторону, чтобы жена успела выстрелить, но волк оказался проворнее. Существо кинулось за отцом, сокращая расстояние. Блеснули когти, и волк снова прыгнул. Йоханна увидела, как из папиной шеи ударил красный фонтан, а потом оба рухнули на землю.

На миг Сьяна Ольсндот прекратила стрелять, и этого оказалось довольно. Стая разделилась — более многочисленная группа целеустремленно кинулась к шлюпке. У них на спинах висели какие-то бачки. У вожака в пасти виднелся шланг. Полилась темная жидкость и тут же полыхнуло пламя. Волчья стая протащила огнемет по земле в сторону пилона, где стояла Сьяна Ольсндот, мимо

выстроенных рядами гибернаторов с детьми. Йоханна увидела, как что-то корчится, извивается в огне и удушливом дыму. Как плавится и течет пластик капсул холодного сна.

Йоханна уткнулась лицом в землю. Потом подтянулась на здоровой руке и попыталась переползти поближе к объятой пламенем шлюпке. Затем снизошла милосердная тьма, и больше ей ничего не запомнилось.

Глава 4

Странник с Грамотеем весь день следили за приготовлениями к атаке. Пехота выстроилась на склоне к западу от места падения, за нею — стрелки и огнеметчики в построении «коготь». Отдают ли обитатели Замка Шкуродера себе отчет в том, с кем намерены воевать? Двое жарко спорили. Джакерамафан полагал, что отдают: их обуяла гордыня и стремление попросту ухватить добычу.

— Они добираются до глоток прежде, чем враг успеет сообразить, что началась битва. Раньше это срабатывало.

Странник ответил не сразу. Грамотей, может, и прав. Он пятьдесят лет не был в этой части мира. Тогда о культе Шкуродера знали мало (и считали его не больно-то интересным в сравнении с себе подобными).

Иногда путешественники сталкиваются с предательством, но куда реже, чем склонны воображать домоседы. Чаще их встречают дружелюбно, с интересом слушают рассказы о том, что происходит в мире, — особенно если гость никому не угрожает. Когда же предательство

случается, ему обычно предшествует эдакая лапомерка: местные пытаются оценить, насколько могучи чужаки и какую выгоду можно извлечь из их гибели. Прямые атаки, без переговоров, довольно редки. Обычно это означает, что противник столь же хитроумен, сколь и безумен.

— Не знаю. Они расположились в засаде. Но возможно, что шкуродерники погодят с атакой и сперва возьмутся за переговоры.

Текли часы. Солнце сместилось к северу. От дальней оконечности упавшей звезды исходил шум. Скверно, что отсюда ничего не видно.

Засевшие в засаде бойцы не шевелились. Бежали минуты… и вот показался первый гость с небес или по крайней мере его часть. У чужака было по четыре ноги на элемента, но перемещался он только на задних. Ну и клоун! Впрочем… ага, передними лапами он удерживает предметы. Ни разу не использовал пасть, да и вряд ли плоским ртом можно что-нибудь как следует ухватить. Передние лапы чужака удивительно гибкие. Синглетный элемент легко может пользоваться инструментами.

Они слышали разнообразные звуки общения, даже когда видны были только три элемента. Через некоторое время послышались куда более

высокие звуки связной мысли. «Господи, до чего шумная эта тварь». На таком расстоянии звуки путались и искажались. Тем не менее сходства ни с каким прежде слышанным разумом не было. Даже с обманными звуками некоторых травоядных.

— И что? — прошипел Джакерамафан.

— Я обошел весь мир — это существо к нему не принадлежит.

— Ага. Ты знаешь, оно мне богомолов напоминает. Ну, вот такой высоты… — Он раскрыл пасть дюйма на два. — Полезны для борьбы с садовыми вредителями. Отличные маленькие убийцы.

Гм. Страннику эта аналогия не пришла на ум. Богомолы милы и безвредны, по крайней мере так принято считать. Но он знал, что их самки поедают собственных партнеров. Только представить себе подобных существ гигантского размера и со стайным мышлением… Может, и хорошо, что с ними сейчас нельзя поздороваться.

Прошло полчаса. Чужак выносил наружу свой груз, а стрелки-шкуродерники подползали ближе. Пехота выстроилась в формации для атаки.

Между шкуродерниками и чужаком замельтешили стрелы. Один элемент чужака сразу упал, и мысли его затихли. Остальные укрылись за лета-

ющим домом. Бойцы ринулись вперед, держась так, чтобы не мешать мыслям; вероятно, они рассчитывали захватить чужака живым.

Но тут линия атакующих смялась, не дойдя до чужака многих ярдов. Не было ни стрел, ни вспышек. Солдаты просто падали замертво. На миг Странник подумал, что шкуродерники наконец откусили больше, чем сумеют проглотить, но тут за первой волной покатилась вторая. Элементы продолжали падать, но их уже обуяла ярость убийства, оставляя в плену чисто животных инстинктов. Наступление медленно продвигалось, арьергардные бойцы лезли по трупам товарищей. Еще один элемент чужака упал. Как странно: он еще слышал шепотки мыслей. По темпу и тону — такие же, что и до атаки. Как можно настолько владеть собой при угрозе всесмерти?

Прозвучал повелительный свист, и орава расступилась. Вперед метнулся боец, излил жидкое пламя. Летающий дом, как тушу на прутьях, объяли огонь и дым.

Викврэкрам выругался про себя. Чужаку хана.

О раненых и покалеченных шкуродерники не слишком заботились. Серьезно пострадавших грузили на волокуши и оттаскивали подальше, чтоб их крики не мешали остальным. Чистиль-

щики отогнали фрагментных бойцов от летающего дома. Фраги слонялись по неровному лужку, то тут, то там возникали мимолетные стайки. Некоторые целеустремленно блуждали среди раненых, игнорируя вопли и пытаясь обрести себя.

Когда шум битвы стих, явились трое белокурточников. Слуги Шкуродера проникли под летающий дом. Одного долго не было видно: вероятно, он даже внутрь пролез. Обгоревшие тела двух элементов чужака осторожно — куда осторожнее, чем раненых солдат, — погрузили на волокуши и унесли прочь.

Джакерамафан рассматривал поле боя в свою гляделку. Он перестал прятать прибор от Странника. Белокурточники что-то вынесли из летающего дома.

— Тсс! Там еще мертвые. Наверное, сгорели. На щенков похожи.

Тельца тоже были похожи на богомолов. Их перенесли на волокуши и утащили в сторону: гребень холма закрывал обзор. Наверняка там запряженные керхогами фургоны.

Шкуродерники выставили вокруг места посадки часовых. На склонах долины выстроились десятки солдат. Проскользнуть туда шансов не было.

— Ну что ж, — вздохнул Странник, — они всех перебили.

— Не скажи… Тот первый элемент, которого они подстрелили: не думаю, что он совсем мертвый.

Викврэкрам напряг лучшие свои глаза. Либо Грамотей выдает желаемое за действительное, либо приборчик невероятно обостряет его зрение. Первый подстреленный элемент лежал по другую сторону штуковины с небес. Элемент перестал думать, но это не обязательно означает смерть. Вокруг него столпились белокурточники. Они перенесли существо на волокушу и потянули на юго-запад от места посадки. Не тем путем, что остальных.

— Оно еще живо! У него стрела в груди, но я вижу, что оно дышит. — Грамотей повернул морды к Викврэкраму. — Думаю, надо его спасать.

Мгновение Странник не знал, что сказать, а просто пялился на товарища. Всего в нескольких милях к северо-западу расположен центр всемирного господства клики Шкуродера. На десятки миль вглубь континента господства шкуродерников никто не смел оспаривать. Сейчас их окружает целая армия. Грамотей немного сдал назад, видя изумление Странника, но ясно было, что он не шутит.

— Ну да, я знаю, что это опасно. Но жизнь вообще такова, разве нет? Ты же пилигрим. Ты понимаешь.

— Гм.

Да, это соответствовало репутации пилигрима. Но всесмерти ни одной душе не пережить — а в странствиях возможностей претерпеть полное уничтожение хватало. Пилигримы учатся вести себя осторожно.

Вместе с тем — ничего более захватывающего за все века его странствий не происходило. Познакомиться с чужаками, стать одним из них… перед таким искушением здравый смысл отступал.

— Смотри, — указал Грамотей, — можем спуститься вон там и смешаться с ранеными. Если перейдем через поле, то оттуда глянем, не слишком рискуя, как дела у последнего чужакова элемента. — Джакерамафан уже покидал свой наблюдательный пост и рыскал вокруг в поисках безопасного пути, чтобы не вырисовываться силуэтом против солнца. Викврэкрам пребывал в смятенных чувствах; какая-то часть его желала присоединиться, какая-то — колебалась. Проклятье! Джакерамафан сам признал, что он шпион; у него при себе штукенция, сработанная не иначе как самыми крутыми разведчиками Длинноозе-

рья. Парень наверняка профессионал.

Странник быстро оглядел свою сторону холмов, потом долину. Тиратект или кого другого не видать. Он вылез оттуда, где прятался, и потрусил за разведчиком.

Они старались укрываться от клонящегося к северу солнца в глубоких тенях, перескакивая от пригорка к пригорку там, где теней не было. Незадолго перед тем, как подойти к первому раненому, Грамотей сказал кое-что еще, самое ужасное за этот день:

— Да ладно, расслабься. Я в книжках про все такое читал!

Толпа фрагов и раненых — жуткое, оглушающее разум создание. Синглеты, дублеты, тройки, несколько четверок бесцельно бродили, хныча от потери контроля над собой. В большинстве случаев такая толпа на площади всего нескольких акров мгновенно становилась хором. Странник заметил кое-где проявления сексуальной активности и подобие организованного браузинга, но, в общем-то, над местом этим довлело слишком много боли, чтобы проявились нормальные поведенческие реакции. У Викврэкрама мелькнула мысль: оставят ли шкуродерники, заядлые рационалисты, весь этот сброд раненых для пе-

ресборки? Если да, стаи отсюда выйдут странные и калечные.

Несколько ярдов вглубь толпы, и Странник Викврэкрам почувствовал, как сознание ускользает. Сконцентрировавшись как следует, он мог еще вспомнить, кто он и куда должен идти: на ту сторону луга, не привлекая к себе внимания.

Громкие, неприкрытые, чужие мысли колотили его:

…жажда крови и убийства…

…сверкающий металл в руке чужака… боль в ее груди… откашливает кровь, валится на землю…

…как ласков со мной был в тренировочном лагере мой лоскутный брат… Стальной Владыка говорил, что мы — великолепный эксперимент…

…бегу сквозь вереск в сторону чудовища, у того ноги как палки, прыжок с выпущенными когтями, бью монстра в горло, высоко взлетает кровь…

…где я?.. Можно стать частью тебя?.. Пожалуйста…

Странник резко обернулся при этом вопросе: нацеленном, близком. За ним увязался синглет. Отогнав фрагмента, он выбежал на открытое пространство. Впереди обнаружился этот Джакекак-его-там, едва ли в сильно лучшей форме. Вряд ли их засекут, но Странник начинал сомневать-

ся, что вообще прорвется. Он был всего-навсего четверка, а вокруг клубились синглеты. Справа ярился четверной фраг, хватая всех подряд — двоек и одиночек. Вик, Квк, Рэк и Рам пытались припомнить, зачем сюда приперлись и что тут творится. *Сконцентрироваться на прямом восприятии, на том, что происходит здесь и сейчас: тянет копотью от огнемета, роятся черные мушки, налетев на лужи черной крови…*

Прошло ужасно много времени: минуты. Вик-Квк-Рэк-Рам глянул перед собой. Он почти вырвался: достиг южной оконечности зоны распада. Подтянул себя на свободное пространство. Часть его выблевала, и он обмяк. Медленно возвращался рассудок. Викврэкрам огляделся, заметил в толпе Джакерамафана. Грамотей был здоровый парень, шестерка, но ему пришлось ничуть не легче. Он шатался, дико вертя глазами, рычал на себя и остальных. Гм. По крайней мере, они отмахали приличный кусок луга, и притом достаточно быстро, чтобы не сильно отстать от тянущих последнего чужацкого элемента белокурточников. Для дальнейшего потребуется покинуть толпу, не привлекая к себе внимания. Гм. Вокруг полно форменных курток шкуродерников… чьи обладатели мертвы. Странник

отделил два своих элемента туда, где валялся мертвый солдат.

— Джакерамафан, сюда!

Великий разведчик оглянулся, и в глазах его сверкнуло подобие разума. Выбравшись из толпы, он уселся в нескольких ярдах от Викврэкрама. Гораздо ближе, чем было бы комфортно в нормальных условиях, но после того, что им довелось пережить, близость эта едва ощущалась. Мгновение он валялся пластом, тяжело сопя.

— Прости. Я и не думал, что это так тяжело. Я потерял одну свою… уж не надеялся ее вернуть.

Странник следил за продвижением белокурточников с волокушей. Они двигались в сторону от остальных и через несколько секунд наверняка пропадут из виду. Располагая прикрытием, можно последовать за ними… нет, слишком рискованно. Он начинал мыслить как заправский шпион. Странник стянул с трупа камуфляжную куртку. Прикрытие все равно понадобится; вдруг удастся продержаться здесь ночь и потом приглядеться поближе к летающему дому.

Спустя миг Грамотей увидел, что делает Странник, и начал подбирать куртки для своих элементов. Они блуждали между куч мертвецов, отыскивая форму не очень заляпанную и с от-

метками, которые, по мнению Джакерамафана, согласовывались между собой. Вокруг валялось множество накладных когтей и боевых топориков. Они вооружились до зубов, хотя котомки пришлось подразгрузить. Требовалась еще только одна куртка, но Рам был так широк в плечах, что подобрать ему ничего не удавалось.

Странник толком не понял, что произошло затем. Крупный фрагмент — тройка — лежал ничком на куче трупов. Наверное, продолжал убиваться горем, даром что его элемент давно испустил дух. В любом случае, фраг оставался почти полностью безмыслен, пока Странник не принялся стягивать с мертвого элемента куртку. Тут послышалось:

— Ты меня не ограбишь!

Он услышал жужжащий гул близкого гнева, а потом боль полоснула Рама по кишкам. Странник, корчась в агонии, повалился на врага. Мгновение пробежало в бездумной яростной драке. Боевые топорики Странника ударяли снова и снова, по мордам стаи брызгала кровь. Когда он пришел в себя, оказалось, что один элемент тройки издох, а остальные удрали, смешавшись с толпой раненых.

Викврэкрам окружил место, где обожгла Рама

вспышка боли. Нападавший выпустил когти; Рама располосовало от ребер до паха. Викврэкрам споткнулся, увязнув частью лап в собственных внутренностях. Попытался носами запихать клубки кишок назад в брюхо элемента. Боль отступала, но и небо в глазах Рама постепенно меркло. Странник подавлял подступающие вопли. *Я всего лишь четверной, и один мой элемент умирает!* Он уже много лет говорил себе, что для пилигрима четыре элемента — слишком мало. Теперь он поплатится за это, пойманный без единой мысли в краю тиранов.

На краткий миг боль отпустила, разум прояснился. Драка не привлекла особого внимания — вокруг и так умирали, насиловали и бросались на всех подряд в приступах безумия. Стычка с участием Викврэкрама просто оказалась более жаркой и кровавой, чем прочие. Белокурточники ненадолго оглянулись в их сторону от летающего дома, но потом снова занялись чужацким грузом.

Грамотей сидел неподалеку, в ужасе взирая на него. Частью себя он подполз ближе, но тут же шарахнулся. Он сражался с собой, пытаясь сообразить, чем может помочь. Странник подумал, не попросить ли его, но это было бы слишком.

Грамотей не пилигрим, он не поделится своим элементом добровольно…

Воспоминания хлынули бурным потоком; Рам старался как-то их упорядочить, передать оставшимся элементам знание былого. На миг он увидел себя плывущим на катамаране через Южное море: новоиспеченная стая, с Рамом-щенком; затем пришли воспоминания островитянина, которым Рам явился на свет, и стай, в которых он участвовал до этого. Они вместе обошли весь мир, выжили в трущобах Тропического Коллектива, уцелели на войне с Равнинными Стадами. О, сколько историй они слышали, скольким трюкам обучились, каких сородичей повстречали… Вик Квк Рэк Рам был удивительной стаей: трезвомыслящей, легкого нрава, наделенной странным даром удерживать все воспоминания там, где и должно; потому-то и продержалась она так долго, не разросшись до пятерки или шестерки. Теперь за это придется заплатить великую, самую дорогую цену…

Рам испустил вздох, и небо над ним погасло. Разум Викврэкрама помутился. Не так, как в пылу битвы, когда боевая ярость стирает мысли, не так, как в спокойном сне. Четвертого элемента просто не стало. Остались трое, силившиеся собраться

в личность. Тройка стояла, нервно похлопывая друг друга по спинам. Опасность исходила отовсюду, недоступная пониманию. Трое с надеждой глянули в сторону сидящей поблизости шестерки — как ее там звать? Джакерамафан, да? — но та шуганула их. Тройка нервно глянула на толпу раненых. Толпа несла дополнение… и безумие.

Крупный самец с глубокими шрамами на ляжках сидел на краю толпы. Он заметил озиравшуюся тройку и медленно прокрался к ней через открытое пространство. Вик, Квк и Рэк отползли назад, шерсть у них встала дыбом от восторга и ужаса. Элемент со шрамами был по меньшей мере вполовину тяжелее любого из них.

Где я?.. Можно стать частью тебя?.. Пожалуйста…

Мольба самца несла далекие, смятенные и почти недоступные воспоминания: о крови и сражениях, о военных тренировках, им предшествовавших. Существо отчего-то страшилось этих сцен. Опустив морду, всю в запекшейся крови, на землю, самец на брюхе пополз к ним. Остальные чуть не кинулись наутек; перспектива случайного слияния пугала их всех. Они отползали все дальше, на лужок. Самец приближался, но медленно, не переставая ползти. Квк облизала губы

и осторожно подошла к незнакомцу. Вытянула шею, обнюхала его горло. Вик и Рэк подползали с флангов.

На миг осуществилось частичное единение. В поту и крови из ран — слияние в аду. Откуда ни возьмись возникла связная мысль, осенив всю четверку проблеском циничного юмора. Затем единство распалось, и остались трое зверей, лижущих четвертому морду.

Странник обозрел луг новыми глазами. Он распадался лишь на несколько минут. Раненые из Десятого взвода пехоты остались, где были. Слуги Шкуродера продолжали теребить чужацкий груз. Джакерамафан медленно отползал, на мордах его читалась смесь ужаса и восторга. Странник опустил голову и прошипел ему:

— Не беспокойся, Грамотей, тебя я не стану выдавать.

Разведчик застыл.

— Это все еще ты, Странник?

— Более или менее. — Он остался Странником, но Викврэкрамом быть перестал.

— К-как ты сумел? Т-ты же распался…

— Я странник, разве не помнишь? Мы всю жизнь так живем. — В голосе его прозвучал сарказм: сходными трюизмами Джакерамафан

обожал потчевать его раньше. Не так уж они далеки от истины. Странник Викврэк…шрам уже чувствовал себя единой личностью. Возможно, из новой комбинации что-то и получится.

— Укх. Э, ну да… А что нам теперь делать?

Шпион нервно озирался во всех направлениях, но в глазах, нацеленных на Странника, тревога была сильней.

Теперь озадачился сам Викврэкшрам. Что он тут делает? Он убил странного врага… э, нет. Это сделал взвод пехоты. Он к этому не причастен, что бы там ни твердила память элемента со шрамом. Они с Грамотеем пришли… спасать чужака, насколько удастся. Странник овладел воспоминаниями и без разбору загреб; они были реальны, они принадлежали прежней личности, которую следовало сохранить. Он глянул туда, где в последний раз заметил элемент чужака. Белокурточники и волокуша с чужаком пропали, но путь их был ясен.

— Мы все еще можем спасти выжившего, — сказал он Джакерамафану.

Грамотей бочком отстранился. От его былой решимости не осталось и следа.

— Только после тебя, приятель.

Викврэкшрам застегнул боевые куртки и стрях-

нул немного засохшей крови. Потом потрусил через луг, пройдя всего в сотне ярдов от прислужников Шкуродера и враж… летающего дома. Он резко отсалютовал им, но те не обратили внимания. Джакерамафан с парой арбалетов следовал за ним. Он как мог пытался подражать побежке Странника, но опыта у него не было.

Затем они перевалили через гребень холма, под которым развернулась битва, и углубились в тень. Стоны раненых стали тише. Викврэкшрам удвоил скорость, петляя с тропки на тропку, и поспешно спустился по крутому склону. Отсюда была видна гавань: лодки еще привязаны к пристани, и особой возни там не наблюдается. За его спинами Грамотей нес какую-то чепуху. Странник побежал еще быстрее, уверенность его превозмогла обычное смятение новособранной стаи. Новый элемент, тот, со шрамом, был когда-то в стае офицера пехоты. Та стая знала гавань и окрестности замка, а заодно и все пароли, как свои когти.

Еще два поворота, и они обогнали слугу Шкуродера с волокушей.

— Эй! — крикнул ему Странник. — Стальной Владыка велел передать тебе новые инструкции!

При этом первом упоминании Стального

Владыки по хребтам его покатился холодок. Прислужник опустил волокушу на землю и развернулся к ним. Викврэкшрам не знал его имени, но помнил по мордам: офицер довольно высокого ранга, самоуверенный выскочка. Странно, что он самолично прет эту волокушу.

Странник замер всего в двадцати ярдах от белокурточников. Джакерамафан наблюдал за ними с тропки выше по склону, стоя так, чтобы арбалетов не было видно снизу. Слуга Шкуродера нервно оглядел Странника, потом поднял глаза на Грамотея:

— Чего надо?

Возможно, он их уже заподозрил? Впрочем, какая разница… Викврэкшрам собрался для убийственного броска… и вдруг зрение его расчетверилось, разум помрачился, как у новичка. Теперь, когда настало время убивать, ужас элемента со шрамом парализовал его решимость. Проклятье! Викврэкшрам судорожно подыскивал нужные слова. Но когда мысли об убийстве покинули его, ожили новообретенные воспоминания:

— Стальной Владыка повелевает нам доставить это создание в гавань. Тебе же, э-э, надлежит возвратиться к той летающей штуковине захватчиков.

Белокурточники облизали губы. Глаза стаи рыскали по форменным курткам Странника и Грамотея.

— Самозванцы! — заверещал вдруг прислужник, сей же миг отделив одного своего элемента к волокуше. Лапы того сверкнули металлом. Хочет убить чужака!

Сверху прилетела стрела, бежавший элемент упал: древко вонзилось ему в глаз. Викврэкшрам занялся остальными, отогнав с передовой новичка со шрамом. На миг разум помутился снова, и он опять стал сам собой. Четыре глотки издали убийственное рычание. Две стаи схлестнулись. Шрам смел с тропы двоих элементов Прислужника. Вокруг засвистели стрелы. Вик Квк Рэк закрутились, рубя топориками все, что стояло на их пути.

Потом все успокоилось, и Странник снова обрел рассудок. Три элемента Прислужника корчились на тропе в смертных муках, обильно поливая землю кровью. Он отпихнул их с дороги туда, где валялись остальные, убитые Шрамом. Никто из вражеской стаи не выжил. Он совершил всеубийство и должен был принять на себя вину за это. Он повалился наземь, зрение опять расчетверилось.

— Чужак, — сказал Грамотей. — Жив еще. — Он

стоял вокруг волокуши, принюхиваясь к богомолообразному телу. — Хотя и без сознания. — Он потянул волокушу за оглобли и вопросительно оглянулся на Странника. — Что… что нам теперь делать, Странник?

Странник лежал на грязной земле, собираясь с мыслями. «Действительно, что теперь делать?» Как он умудрился вляпаться в это дерьмо? Единственное объяснение — смятенный ум новособранной стаи. Он просто позабыл, почему спасать чужака бесполезно, а теперь влип в это дело по уши. «Вот же стаеговно». Частью себя он отполз на край тропы и осмотрелся. Вряд ли они привлекли чье-то внимание. В гавани по-прежнему ждали пустые лодки; большая часть пехотинцев оставалась выше, в холмах. Несомненно, слуги Шкуродера намерены оттащить мертвых в форт. А когда соберутся перевозить на Тайный Остров? Или они ждут чьего-то прибытия?

— Может, стырим несколько яликов и поплывем на юг? — предложил Грамотей.

Да уж, гигант мысли. Он что, не врубается, что гавань оцеплена? Пускай им известны пароли, все равно о них доложат с первого же поста. Шанс прорваться один на миллион. Но пока не влился Шрам, не было и такого.

Он обследовал лежавшее на носилках существо. Диковинное, но реальное. И не только существо удивляло, хотя облик его был всего поразительнее. Окровавленная одежда его была из ткани более тонкой, чем Странник видел за всю свою жизнь. Рядом с телом элемента лежала розовая, искусно вышитая подушка. Изменив перспективу, он сообразил, что это, должно быть, произведение чужацкого искусства — на подушке красовалась удлиненная морда какого-то животного.

Ну что же, шанс прорваться через гавань один из миллиона, но некоторые призы стоят подобного риска.

— Спустимся немного дальше, — сказал он.

Джакерамафан тащил волокушу, Викврэкшрам трусил впереди, храня важный вид офицера. Присутствие Шрама облегчало задачу. Элемент был сама воинская доблесть, и только изнутри стаи можно было углядеть его слабости.

Они спустились почти до уровня моря.

Тропа на этом участке расширялась и была вымощена булыжником. Он знал, что форт наверху, но скрыт из виду деревьями. Солнце довольно далеко уклонилось от севера, поднявшись в восточном небе. Везде цвели цветы, белые, крас-

ные, фиолетовые, их колыхал порывистый ветер — арктическая растительность извлекала пользу из бесконечного летнего дня. Прогуливаясь по горячим от солнца булыжникам, легко можно было позабыть про засаду в холмах, но вскоре они наткнулись на первый кордон. Линейные и кольцевики — любопытный народ. Не слишком умны, но, пожалуй, эффективней любой стаи за пределами тропиков. Ходили слухи о цепях длиною десять миль, из тысяч элементов. Самая крупная, виденная Странником лично, насчитывала менее сотни. Стоит лишь взять обычную стайку и натаскать их, чтоб стояли ровно, не как стаи, а как индивиды. Если каждый элемент отделен от ближайших соседей всего несколькими ярдами, уровень их интеллекта в общем не слабее тройки. Группа эта как целое вряд ли сильно умней — если идее требуются секунды, чтобы миновать отдельный разум, тебе уже не до глубоких размышлений. Зато линейные очень четко себе представляли, что творится вдоль цепи. Если на кого-то из элементов напали, вся цепь узнавала об этом со скоростью звука. Странник служил раньше в линейных; работенка муторная, но не такая скучная, как у обычного часового. Тяжело скучать, если ты такой дурень.

Вон там! Одиночный элемент вытянул шею из-за дерева и зыркнул на них. Викврэкшрам, разумеется, знал пароль, так что внешний пост они без труда миновали. Но теперь всей цепи стало известно, кто пришел и по какому маршруту движется. И разумеется, обычным солдатам из форта — тоже.

Проклятье! Выхода не было. Только продвигаться, следуя безумному плану. Они с Грамотеем и чужацким элементом миновали еще два внутренних кордона. Он почуял запах моря. Из-за деревьев — в окаймленную скалами гавань. Волны сверкали миллионами серебряных искорок. Меж двух причалов колыхалась большая многостайная лодка. Мачты корабля походили на безлиственный лес. Всего в миле от берега виднелся Тайный Остров. Часть Странника застыла, пораженная, часть не усмотрела в этой картине ничего необычного. Вот он, центр всемирного Движения Шкуродера. Там, высоко в мрачных башнях, исходный Шкуродер занимался опытами, писал труды и строил планы покорения мира.

На причалах было довольно пустынно. Большинство местных выполняли рутинную работу: латали паруса, конопатили лодки. Появление

волокуши пробудило в них живой интерес, но приблизиться никто не осмелился. «Нам нужно лишь спокойно добраться до края пирса, обрезать швартовы вон той крайней лодки и отплыть». На причале, пожалуй, хватит стай, чтобы им помешать, — и вой их наверняка привлечет солдат из форта. Если подумать, странно, что еще никто не поднял тревогу.

Эти лодки технически уступали тем, что он видел в Южных морях. Частично различие сводилось к нефункциональным деталям: доктрина Шкуродера воспрещала ненужное украшательство кораблей. Частично же — к функциональным: суда эти могли курсировать как летом, так и зимой и годились для перевозки войск. Впрочем, Странник полагал, что управится с такой лодкой. Он подошел к оконечности причала. Гм. Наконец-то привалила удача: ближайшая к нему справа, с носа и штирборта, двухкорпусная лодка производила впечатление быстроходной и хорошо оснащенной. Надо полагать, разведывательный корабль для дальних походов.

— Тсс, — дернул мордой Грамотей, указав на форт. — Там что-то происходит.

Войска смыкали ряды — готовятся отдать честь? Пятеро прислужников Шкуродера протрусили

перед пехотинцами, с башен форта прогудели трубы. Шрам такое уже видел, но Странник не доверял его памяти. Как тогда…

Над фортом взвился красно-желтый флаг. Солдаты и докеры на причале упали на животы. Странник последовал их примеру и зашипел на Грамотея:

— Ложись!

— Э?

— Знамя Шкуродера! Он сам, лично!

— Не может быть!

Шкуродера убили в Республике шесть десятидневок назад. Толпа, порвавшая его на части, порешила заодно и десятки его высокопоставленных сторонников… Однако о том, что идентифицировать удалось все тела Шкуродера, сообщала лишь политическая полиция Республики.

Высоко на башне меж рядов солдат и белокурточников гордо продефилировала единственная стая. Плечи ее сияли серебром и золотом. Грамотей высунулся за кучу снастей одним элементом и тайком выудил свою гляделку. Мгновение спустя послышалось:

— Да чтоб моей душе… Это ж Тиратект!

— Она такой же Шкуродер, как и я, — ответил Странник. Они вместе прошли к Восточным Вра-

там через Ледовые Клыки. Она с очевидностью новособралась, и процесс интеграции еще не завершился. Она казалась сдержанной и задумчивой, но временами ее пробивало на ярость. Странник чувствовал в Тиратект нечто смертоносное… Теперь он понял, откуда исходило это веяние. По крайней мере некоторые элементы Шкуродера избежали гибели… и они с Грамотеем провели три десятидневки в их компании. Странника пробила дрожь.

У ворот форта стая, звавшая себя Тиратект, развернулась оглядеть солдат и прислужников. Она сделала жест, и снова заревели трубы. Новый Странник узнал этот сигнал: Воззвание. Пришлось подавить порыв последовать за остальными, пока те ползли на брюхах через ворота, возведя очи горе, к Хозяину. Грамотей метнул на него взгляд, и Странник кивнул. Им требовалось чудо, и вот оно — явлено самим врагом! Грамотей медленно переполз на край пристани, перетаскивая волокушу от тени к тени.

Пока что не оглянулся никто. На то имелась причина: Викврэкшрам помнил, что случается с теми, кто проявит неуважение к Воззванию.

— Перетащи это создание в лодку, что закреплена с носа и штирборта, — велел он Джакера-

мафану. Скатился с пирса и рассредоточился по многостайке. Как приятно снова очутиться на волнах, когда каждого элемента несет в свою сторону! Он обнюхал носовые катапульты, прислушался к поскрипыванию швартовых и корпуса.

Увы, Шрам не моряк и не помнит того, что может оказаться самым важным.

— Ты что ищешь? — прошипел Грамотей высокой речью.

— Люкоблоки. Если они тут и есть, то выглядят совсем не так, как у лодок Южных морей.

— А, это просто, — сказал Грамотей. — Это ж северные волнорезы. Тут откидные панели, а за ними корпус, совсем тонкий. — Два его элемента на секунду скрылись из виду, что-то бухнуло, головы возникли снова, отряхнулись от воды. На мордах проступила удовлетворенная усмешка: он и сам не ожидал такого успеха. «Ты глянь, — словно бы говорила вся его поза, — совсем как в книжках пишут!»

Викврэкшрам и сам уже нашел то, что искал: панели на первый взгляд закрывали каюты отдыха команды, но, когда он их оттянул, оказалось, что за ними деревянный корпус, легко поддавшийся топору. Он высунул одну голову на-

ружу, проверяя, не привлек ли еще внимания, а остальными элементами врубился в люкоблоки. Странник и Грамотей пробежались вдоль носовых бортов многостайки, работая слаженно: если корпус развалится, погоне придется несладко.

Ой! Один из портовых работников оглянулся. Частью себя он продолжал вползать по склону, но частью порывался вернуться на пирс. Снова повелительно взревели трубы, и стая повиновалась. Но на ее тревожные вопли оборачивалось все больше голов.

Укрываться времени не было. Странник опрометью кинулся к выбранной лодке. Грамотей рубил тросы, сочленявшие катамаран с остальным кораблем.

— Ты ходил под парусом? — уточнил Странник.

Дурацкий вопрос, разумеется.

— Ну-у, я читал…

— Ладно! — Странник загнал его в лодку. — Следи, чтоб с чужаком все было в порядке. Сядь и нишкни.

Он и сам управился бы с катамараном, но для этого требовалась сосредоточенность. Чем меньше посторонних мыслезвуков, тем лучше.

Странник отчалил от многостайки. Корабль

еще не затонул, но уже заметно погружался в воду. Развернувшись, он багром загнал ближнюю лодку туда, где стояла угнанная ими. Еще пять минут, и над водой останутся только верхушки мачт. Пять минут. Ни за что бы не сработало, кабы не Воззвание Шкуродера. Солдаты в форте вверх по берегу разворачивались, указывая на гавань, все еще скованные присутствием Шкуродера/Тиратект. Сколько пройдет времени, прежде чем какой-то важный чин не решит, что такой угрозе даже Воззвание не помеха?

Он поднял парус. Ветер надул полотнище, подхватил катамаран, и двухкорпусная лодка отчалила от пристани. Странник носился по катамарану, натягивая пастями снасти. Рама больше не было, но память о том, каков на вкус соленый такелаж, вернулась! Он интуитивно натягивал и давал слабину, выжимая всё, что позволял ветер. Узкая, тонкая, лодка летела вперед, мачта из железного дерева скрипела под напором наполнявшего парус ветра.

Шкуродерники ссыпались вниз по склону к гавани. Лучники встали на изготовку, и в воздух полетела туча стрел. Странник дернул снасти, креня катамаран влево по одному борту. Грамотей прыгнул к чужаку, прикрывая того. Со

стороны штирборта вода вскипела от стрел, но лишь несколько поразили лодку. Странник снова натянул шкоты, лодка вильнула в другом направлении. Солдаты выбегали на пристань, оглашая берег страдальческими воплями: они увидели, что сталось с их кораблем. Носовые ряды ушли под воду, вся передняя часть корабля. А катапульты-то были именно на носу.

Странник развернул катамаран на прежний курс и устремился прямо на юг, прочь из гавани. Справа по борту теперь проплывала южная оконечность Тайного Острова, с высоким и зловещим Замком. Он знал, что там есть тяжелые катапульты, а в островной гавани — скороходные лодки. Он только начинал понимать, как проворна та, которую они угнали: ну да, стоило раньше сообразить. Самую быструю обычно ставят в угловую позицию на носу, а используют для разведки и погони.

Джакерамафан сгрудился на корме, глядя в сторону материковой гавани. Там сновали солдаты, рабочие и белокурточники, разметавшись по пристани от края до края. Гомон стоял такой, что думать было тяжело, и даже с такого расстояния стало ясно, что враги в ярости и отчаянии. По мордам Грамотея расползлась глуповатая

усмешка: он так до конца и не верил, что затея выгорит. Взметнувшись через релинг, он исполнил одним элементом залихватский прыжок. Оскорбительный жест с берега был едва заметен, но враги поняли: далекий мыслерев гнева на миг усилился.

Они уже отплыли далеко на юг от Тайного Острова, и даже замковые катапульты не могли бы их достать. Стаи, клубившиеся на берегу, пропали из виду. Личное знамя Шкуродера, однако, продолжало весело реять на утреннем ветру, мелькая на фоне лесной зелени красной и желтой полосами.

Странник обратил все глаза к узкому проливу, где пасть Китового Острова почти смыкалась с материком. Шрам помнил, что это узкое место хорошо укреплено. Тут бы им и конец, но всех лучников оттуда отозвали для атаки на чужака, а катапульты крепости были на ремонте.

Свершилось чудо! Они живы, на свободе, да еще и прихватили с собой величайшее сокровище всех его странствий. Он так громко завопил от радости, что Джакерамафан аж прижался к палубе. Эхо победных криков еще долго звенело в холмах, зеленых и запятнанных снегом.

Глава 5

Джефри Ольсндот мало помнил о нападении, а резни и вовсе не видел. Снаружи раздался шум, мама испуганно окликнула его и приказала не выходить. Потом дым, много дыма. Он задыхался, пытался выбраться на воздух, наконец потерял сознание. Когда пришел в себя, оказалось, что его привязали к чему-то наподобие носилок скорой помощи, а вокруг шныряют большие собакоподобные существа. В белых куртках, обшитых тесьмой, псы выглядели очень забавно. Он помнил, как его заинтересовало, где их хозяева. Псы издавали разные звуки: булькали, жужжали, шипели. Некоторые из этих звуков были так высоки по тону, что Джефри их почти не слышал.

Потом он очутился в лодке, а еще позже — в колесном фургончике. Прежде он видел замки только на картинках, однако место, куда его привезли, было настоящим замком: остроугольные каменные стены, хмурые нависающие башни. Они ехали в гору по затененным улицам, под колесами фургончика что-то цокало. Собаки-длинношейки не причиняли вреда, но путы ему сильно мешали. Он даже сесть не мог, по сторо-

нам посмотреть. Он спрашивал, где мама, папа и Йоханна. Немного поплакал. Рядом с лицом возникла длинная морда и ткнула носом в щеку. Раздалось жужжание, пробиравшее до костей. Он не знал, утешали его или пытались напугать, но резко вдохнул и попробовал унять слезы. В конце концов, страумеру не пристало плакать.

Появилось еще больше собак в белых куртках, среди них были псы с дурацкими золотистыми и серебристыми нашивками на плечах.

Его снова куда-то поволокли на носилках, на сей раз — вниз по озаренному факелами туннелю. Остановились у двойных дверей, метра два в ширину, но едва ли метр в высоту. Пара металлических треугольников на светлом дереве. Впоследствии Джефри узнал, что треугольники обозначали число: пятнадцать или тридцать три, смотря как считать — по лапам или передним когтям. А гораздо, *гораздо* позже он узнал, что захватившая его стая считала по лапам, в то время как строитель замка — по передним когтям. И его принесли не в ту комнату. Эта ошибка изменила историю миров.

Собаки каким-то образом открыли двери и втащили Джефри внутрь. Сгрудились у носилок, тычась мордами в путы, ослабили их. Сверкнули

ряды острых, как иголки, зубов. Бульканье и жужжание сделались очень громкими. Стоило Джефри сесть, и псы попятились. Двое остались у дверей, а четверо вышли. Двери закрылись, и цирковой дивертисмент окончился.

Джефри долго смотрел на двери. Он понял, что это не цирк: собакоподобные, надо полагать, разумны. Сумели перехитрить его родителей и сестру. *Где они?* Он чуть не расплакался по новой. После пожара на корабле он их не видел. Наверное, их тоже захватили в плен. Вероятно, держат в этом же замке, но в разных камерах. Надо как-нибудь найти друг друга!

Он поднялся, и его качнуло. Вокруг все еще смердело дымом. Не важно; пора разбираться, как далеко зашло дело. Он прошелся по комнате. Большая, не очень-то похожа на темницы, которые Джефри видел в кино. Потолок очень высокий, куполообразный, прорезанный двадцатью вертикальными щелями. Солнечный свет падал через одну такую щель, попадая на обшивку стены, и в луче мошками танцевали пылинки. Других источников света в помещении не было, но в такой солнечный день хватало и этого. В четырех углах потолка, где стены сходились, образуя арочный купол, нависали низкие балконы.

Он видел, что там в стенах устроены двери. С каждого балкона ниспадали тяжелые свитки. На них что-то было написано крупными символами. Он подошел к стене и ощупал жесткую ткань. Буквы были *нанесены краской.* Единственный способ изменить отображенную информацию — соскоблить их. *Ничего себе!* Как в старые времена, на Нюйоре, еще до Страумлианского Простора. Поверхность под свитками была из черного камня со стекловидной поверхностью. Кто-то рисовал на ней мелками. Грубые изображения собак напомнили Джефри детсадовские рисунки.

Он замер, вспомнив про детей, оставленных на борту и снаружи, рядом со шлюпкой. Лишь несколько дней назад он играл с ними в школе при Высокой Лаборатории. Последний год выдался странным — скучным и в то же время захватывающим. Все жили вместе, в казармах, было прикольно, вот только у взрослых редко находилось время поиграть. По ночам небо выглядело совсем иначе, чем со Страума.

— Мы за краем Запределья, — любила говаривать мама, — и мы создаем Бога.

Сказав это впервые, она рассмеялась. Потом это повторяли многие, со все возрастающим ужасом. Последние часы были сплошным кошмаром

— учебная тревога с погружением в гибернаторы оказалась настоящей. Все его друзья остались в тех капсулах… Джефри разрыдался в жуткой тишине. Никто его не слышал. Никто не явился ему помочь.

Через несколько минут самообладание вернулось. Если собаки не попытались открыть капсулы, с его друзьями все должно быть в порядке. Если же мама с папой сумеют найти с собаками общий язык…

По комнате расставлена странная мебель: низкие столы и комоды, стойки, напоминавшие детские тренажеры, из такого же светлого дерева, как и двери. Вокруг самого широкого стола лежали черные подушки. На самом столе — свитки, покрытые символами и неподвижными картинками. Джефри прошел вдоль стены — десять метров или около того. В этом месте каменный пол заканчивался, и там, где стены сходились, оставался участок неприкрытой земли два на два метра. Тут воняло даже сильнее, чем дымом. Воняло отхожим местом. Джефри рассмеялся: и вправду, совсем как собаки!

Обшитые стены поглотили его смех, не вернув эха. Что-то заставило Джефри посмотреть вверх, обвести взглядом комнату. Он-то думал, что один

здесь, но на самом деле в «темнице» полно мест, где можно спрятаться. Он затаил дыхание и прислушался. Все тихо… почти: почти на пределе слышимости, там, где гудят некоторые машины, где не услышали бы ни мама, ни папа, ни даже Йоханна, что-то было.

— Я… я знаю, ты здесь! — резко, срываясь на визг, крикнул Джефри.

Он прошелся из стороны в сторону, заглядывая за предметы мебели, но стараясь не приближаться. Звук не стихал: теперь, когда Джефри вслушивался, это было понятно.

Из-за шкафчика выглянула маленькая голова с крупными темными глазами. Гораздо мельче, нежели у существ, которые притащили Джефри сюда, но форма морды такая же. Мгновение они глазели друг на друга. Джефри подался в ту сторону. *Щенок?* Головка исчезла, снова появилась. Джефри уловил краем глаза новое движение: еще одно черное созданьице смотрело на него из-под стола. На секунду его обуяла паника, он застыл как вкопанный. Но бежать было некуда. А что, если эти зверьки помогут найти маму? Джефри опустился на колено и медленно протянул руку.

— Ко мне… ко мне, песик!

Щенок выполз из-под стола, следя глазами за

рукой Джефри. Восторженное изумление оказалось обоюдным: щенок был настоящий красавец. Наверное, породистый, если тут, как и во многих других мирах люди (или другие существа) долгие века разводили собак. Шерсть короткая, густая, как глубоко-черный бархат с белыми подпалинами. Два цвета резко контрастировали, следуя густыми полосами без серых полутонов. Вся голова существа была черной, а на ляжках перемежались черная и белая шерстка. Хвост короткий, не впечатляет, едва прикрывает задок. На плечах и голове Джефри заметил черную кожу — проплешины без шерсти. Но самой странной чертой в облике щенка была длинная гибкая шея. Больше подошла бы морскому зверю, чем собаке.

Джефри шевельнул пальцами, глаза щенка расширились, обнажив белок по краям радужки.

Что-то ткнулось ему под локоть, Джефри подскочил от неожиданности. Как их тут много! Еще двое выбрались рассмотреть его руку. А там, где раньше был один, появилось трое. Настороженно глядят в его сторону, выжидают. Теперь, когда они выбрались на открытое место, ничего враждебного или страшного он в них не увидел.

Один щенок тронул Джефри лапой за запястье и осторожно нажал. Одновременно второй вы-

тянул морду и облизал пальцы мальчика. Язык оказался розовый, шершавый, длинный, закругленный. Высокий жалобно-ноющий звук усилился; три щенка сгрудились, прихватывая Джефри за руку.

— Эй, поосторожнее! — Мальчик отдернул руку. Он помнил, какие зубы у взрослых.

Внезапно комнату огласило бульканье и жужжание. Гм. Похоже скорей на щебет птиц-говорунов, чем на рычанье собак. Еще один щенок подобрался ближе, протянув к Джефри узкий нос.

— Эй, поосторожнее! — произнес щенок, точно копируя голос мальчика. При этом пасть его оставалась закрыта. Он изогнул шею назад… Хочет, чтоб его погладили? Джефри потрогал: какая мягкая шерстка! Жужжание стало очень громким. Джефри его даже сквозь шерсть ощущал. Жужжал не один звереныш: звук шел отовсюду. Щенок скользнул мордой к руке, и на этот раз Джефри позволил ему приблизить пасть к своим пальцам. Он внимательно следил за зубками, но щенок тоже аккуратничал, не касаясь ими кожи Джефри. Губы существа на ощупь казались парой пальчиков, которые смыкалась и размыкалась вокруг пальцев человека.

Трое щенят толкались под другую руку Джефри, словно им тоже захотелось, чтоб их приласкали. Он чувствовал, как они носами тычутся в спину, стараются вытащить рубашку из штанов. Действовали щенки на удивление скоординированно, словно это человек хватал его двумя руками за рубашку. *Да сколько же их тут?* На миг Джефри позабыл, где находится, и потерял осторожность. Перевернулся на бок и стал гладить малышей. Со всех сторон раздался удивленный писк. Двое песиков протиснулись под локти; еще как минимум трое запрыгнули на спину и растянулись на мальчике, тычась носами в уши и шею.

И Джефри постигло показавшееся великим озарение: взрослые чужаки распознали в нем ребенка, просто не поняли, какого возраста. Они его в детский сад отправили! Мама и папа, наверное, сейчас уже с ними общаются. Ну что ж, дела потихоньку идут на лад!

Стальной Владыка не случайно выбрал себе такое имя. Сталь — самый современный металл; сталь затачивается острее всего и почти не тупится; сталь накаляется докрасна, но не ломается; стальным лезвием орудует Шкуродер. Стальной был искусственной личностью, самым успеш-

ным творением Шкуродера.

В каком-то смысле искусство душепривоя — вещь не новая. Заводчики работали по тем же принципам, хотя и были ограничены простыми физическими показателями. Все заводчики сходились во мнении, что умственные способности той или иной стаи по-разному складываются из таковых ее элементов. За красноречие почти всегда отвечает определенная пара или тройка, другая — за пространственное восприятие. В основе достоинств и пороков лежали еще более сложные механизмы. Отвагу или проницательность нельзя было приписать какому-то элементу в отдельности.

Вклад Шкуродера в эту дисциплину, как и в большинство иных, состоял в беспощадной решимости отсечь все ненужное, оставляя лишь действительно важное. Он без конца экспериментировал, отбрасывая все результаты, кроме самых успешных. Он уповал на дисциплину, выбраковку, недосмерть не меньше, чем на тщательный подбор элементов. Перед тем как создать Стального, он уже потратил на опыты семьдесят лет.

Стальной провел годы в состоянии выбраковки, пока ему наконец не позволили обрести имя.

Тогда определялось, какие его части в совокупности дают нужное существо. Без Шкуродерова принуждения это оказалось бы немыслимым. Вот пример: если отбраковать часть самого себя, отвечавшую за целеустремленность, как потом найти в себе силы сдирать шкуры дальше? Оформлявшемуся существу процесс этот казался умственным хаосом, лоскутным узором из ужаса и амнезии. За два года оно испытало больше изменений, чем многие — за два века, причем все перемены — целенаправленные. Поворотная точка была достигнута, когда они со Шкуродером идентифицировали тройку, у которой медленная соображалка сочеталась с излишне развитой совестью. Один из трех элементов служил мостиком для остальных. Когда его отправили в тишину, заменив точно подобранным, дело наладилось. Остальные манипуляции оказались проще, и так появился Стальной.

Когда Шкуродер отправился обращать в свою религию Длинноозерную Республику, вместо себя он оставил, что естественно, самое совершенное свое творение. Уже пять лет Стальной властвовал в сердце владений Шкуродера. Он не только сохранил достижения Шкуродера, но и приумножил их сверх осторожных первонаметок.

А сегодня, за один солнцеворот вокруг Тайного Острова, он мог все потерять.

Стальной Владыка прошествовал в приемную и огляделся. Освежающие яства уже поданы. Свет солнца попадал через щель в потолке как раз в нужное место. Часть Шрека, его порученца, стояла в дальнем конце зала. Он обратился к ней:

— Я намерен побеседовать с гостем наедине.

Он избегал упоминать Шкуродера. Белокурточники подались назад, и незримые элементы стаи открыли дальние двери.

Пятерка — трое самцов, две самки — прошла через них, оказавшись в пятне солнечного света. Стая имела непримечательный вид, но Шкуродер никогда и не стремился блистать внешностью.

Две головы вздернулись, затеняя остальным глаза. Стая обозрела зал, заметила Стального Владыку в двадцати ярдах от себя.

— Ах… Стальной.

Голос был нежен, как скальпель, которым тебя гладят по короткой шерсти на горле.

Когда стая вошла в зал, Стальной из вежливости поклонился. Но, заслышав голос, он ощутил, как сжались кишки, и непроизвольно припал брюхами к земле. Это *его* голос! В стае наличествовал по меньшей мере фрагмент исходного Шкуродера.

Золотые и серебряные эполеты, личный стяг — все это можно подделать при самоубийственном нахальстве… Но манеру речи Стальной узнал безошибочно. Не приходится удивляться, что с появлением этой стаи дисциплина на материке утром полетела в тартарары.

Головы стаи, оставшиеся на солнце, ничего не выражали. А эти, в тени: не играет ли на них слабая усмешка?

— А где остальные, Стальной? Ныне выпала величайшая возможность за всю нашу историю.

Стальной оторвал животы от пола и выстроился вдоль перегородки:

— Господин, сперва нам необходимо кое-что обсудить. Только между нами двумя. Несомненно, вы частичный Шкуродер, но как много в вас…

Теперь ухмылка стала явственной, головы в тени насмешливо покачались.

— О да, мое лучшее творение обязано было задать такой вопрос. Ну что ж, этим утром я объявил себя подлинным Шкуродером, подлатанным парой замен. Истина… сложнее. Ты знаешь, что случилось на землях Республики.

Величайшая ставка Шкуродера — сотворить национальное государство. Миллионы падут, но даже при этом слияний будет больше, чем

убийств. Кончится дело возникновением первого Коллектива за пределами тропиков. А государство Шкуродера станет не просто безмысленной агломерацией вроде той оравы, что слоняется по джунглям, но оружием с великолепным и безжалостным, как ни одна стая в истории, наконечником. Никто в мире не устоит против такой силы.

— Я пошел на великий риск ради еще более великой цели. Но принял меры предосторожности. Нам удалось обратить тысячи, многих — без понимания подлинных наших целей, зато верных и готовых к самопожертвованию, как и должно. Я всегда держал при себе особую группу таких. Политическая полиция оказалась умна: они науськали на меня свору. Последнее, чего я ожидал бы, — я, создатель свор. Но мои телохранители были превосходно натасканы… Когда нас загнали в ловушку на дне Парламентской Чаши, они убили по элементу или двум в каждой из особых стай. Я перестал существовать. Растворился меж трех обычных стай, охваченных паникой, в попытке вырваться из кровавой топи.

— Но ведь все окружавшие вас пали. Свора никого не пощадила…

Существо, похожее на Шкуродера, передернуло

плечами:

— Отчасти это пропаганда республиканцев, отчасти же моя работа. Я велел телохранителям вырезать друг друга вместе со всеми, кто мною не был.

Стальной едва удержался, чтобы не восхититься вслух. План типичный для гения Шкуродера, для души столь могучей. Всегда остается возможность, что при покушении некоторые фрагменты удерут. Ходили легенды о пересобравших себя героях. В реальности такое случалось редко, и обычно для этого требовалось, чтобы жертву в ходе реинтеграции поддерживали сторонники. Но Шкуродер с самого начала планировал отложить пересборку до момента, когда отдалится более чем на тысячу миль от Длинноозерья.

И все же, и все же… Стальной Владыка оглядывал другую стаю в расчетливой задумчивости. Если отбросить голос и манеру вести себя… «Думай о власти, а не о чужих желаниях, пускай и Шкуродеровых». Стальной узнал только два элемента. Самки и самец с белыми кончиками ушей наверняка почерпнуты из стаи сторонника, принесшего себя в жертву. Скорее всего, перед ним только двое элементов настоящего Шкуродера. Едва ли они явят собой угрозу… разве что своей

способностью подделываться под оригинал.

— А что с остальной вашей четверкой, господин? Когда следует ожидать вашего воссоединения?

Существо, похожее на Шкуродера, фыркнуло. Даже столь ущербное, оно отдавало себе отчет в балансе сил. Почти как в старые деньки: если двое явственно понимают, что есть власть, а что — измена, то измена эта становится почти невозможной. Порядок вещей неизменен: прирожденный правитель все обращает себе на пользу.

— Остальные располагают столь же превосходными… носителями. Я разработал детальные планы: пустил их по трем разным дорогам навстречу трем разным агентам. Я прибыл в срок. Не сомневаюсь, что и они появятся, максимум через несколько десятидневок. До той поры, — все головы стаи обернулись к Стальному, — до той поры, милый мой Стальной, я не стану принимать на себя полную роль Шкуродера. Я поступил так раньше, дабы расставить приоритеты и сберечь свой фрагмент до полной сборки. Но стая эта нарочно оглуплена, и я понимаю, что она не годится для правления моими прежними созданиями.

Стальной был поражен. Располагая лишь

половиной разума, создание это строило великолепные планы. Почти совершенные.

— Так что же, вы отойдете в тень на несколько десятидневок? Отлично. Однако вы уже возвестили о себе как о Шкуродере. Как же мне вас представить?

Другая стая не колебалась.

— Тиратект, Шкуродер в Ожидании.

> Шифрование: 0
>
> Получено: Трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор
>
> Путь перевода: Самношк[5] → трисквелин (диалект СК), устройства Маршрутизатора
>
> От: Основной Страумли
>
> Тема: В Нижней Трансценденции открыт архив!
>
> Краткое содержание: Наши выходы на Известную Сеть будут временно отключены

---

[5] Примечания: 5

Самношк (samnorsk) — на Земле: искусственная версия норвежского языка. Создан в рамках проекта конвергенции стандартизованной литературной речи, восходящей ко временам датско-норвежской унии, а потому близкой датскому языку (букмол), и пуристического конгломерата чисто норвежских провинциальных диалектов (нюношк). Никогда не был популярен; в 2002 г. преподавание самношка прекращено.

Ключевые фразы: Трансценденция, хорошие новости, деловые возможности, новый архив, проблемы коммуникации

Рассылка в/на: группу по интересам Где они сейчас?, группу по интересам Homo Sapiens, группу администраторов Разношерстный выводок; трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор; трансивер Песня ветра на Нижнем Деблее; трансивер Недолгая остановка на Краткой Задержке

Дата: 11:45:20 по времени Причалов, 1 день 9 месяца 52089 оргода

Текст сообщения: Мы счастливы возвестить, что изыскательская компания людей со Страумлианского Простора обнаружила в Нижней Трансценденции доступный архив. Не стоит расценивать это как информацию о Трансценденции или создании новой Силы. На самом деле мы даже отложили настоящее сообщение, пока не уверились в наших правах собственности и безопасности архива. Мы установили интерфейсы, призванные обеспечить взаимодействие архива со стандартными поисковыми запросами из

Сети. Через несколько дней будет открыт коммерческий доступ к архиву (см. ниже обсуждение проблем с расписанием).

Архив примечателен высокой сохранностью, легкостью толкования и возрастом. Мы полагаем, что в нем содержится утраченная в остальных копиях информация о разрешении противоречий и координации межрасовых взаимоотношений. Подробности мы разошлем в соответствующие новостные группы. Мы весьма довольны этим. Следует подчеркнуть, что взаимодействия с Силами не потребовалось и никакая часть Страумлианского Простора не претерпела Трансценденции.

Теперь о плохом: схемы разрешения противоречий и перевода, к сожалению, подверглись кленирации [?] на разделительном армифлаге [?]. Подробности должны впечатлить подписчиков новостной группы Проблемы коммуникации, которых мы впоследствии снабдим отчетом. Но по крайней мере на сто следующих часов все наши выходы (основные и побочные) на Известную Сеть будут

отключены. Входящие сообщения могут буферизоваться, но без гарантий доставки. Перенаправление сообщений не производится. Мы приносим извинения за эти неудобства и обещаем как можно скорее их устранить.

Физического делооборота эти проблемы никак не коснутся. Страумлианский Простор, как и прежде, рад туристам и торговле.

Глава 6

Оглядываясь в прошлое, Равна Бергсндот понимала, что библиотекаршей ее сделала судьба. Девочкой на Сьяндре Кей[6] она влюбилась в истории «века принцесс». Приключенческие повествования о временах, когда немногие отважные дамы вели человечество к процветанию. Они с сестрой бесчисленные вечера провели, разыгрывая, как Вторая Величайшая спасает Графиню Озера. Впоследствии им стало ясно, что Нюйору с ее принцессами давно затянула дымка времени. Сестра Линн[7] обратилась к более практичным занятиям, но Равне по-прежнему хотелось приключений. В подростковые годы она мечтала эмигрировать на Страумлианский Простор. *Такая* цель была весьма реалистична. Представить только: новая, преимуществен-

---

[6] Примечания: 6

Элемент Kei в Sjandra Kei, видимо, аналогичен традиционному английскому Key (от исп. cayo — «островок») в обозначениях островов и островных цепочек и указывает на расположение планет этой цивилизации компактным «архипелагом». Sjandra, возможно, имя собственное, измененное на норвежский манер.

[7] Примечания: 7

Норвежское женское имя, возможно, от старонорв. и исл. hlín — «защитница» (имя божества).

но человеческая колония прямо на Вершине Запределья! К тому же на Страуме привечали иммигрантов с материнской планеты: предприятие это насчитывало едва ли сто лет. Они или их дети первыми из людей в Галактике достигнут трансцендентного перехода своей расы. Есть шанс превратиться в богиню и стать богаче обитателей миллиона Запредельных миров. Мечта достаточно реалистичная, чтобы провоцировать бесконечные споры с родителями. Ибо небес не бывает без ада. Страумлианский Простор вплотную сблизился с Трансценденцией, и люди там играли с «тиграми за решеткой». Папа и впрямь прибег к этому вымученному сравнению. Размолвка отдалила их друг от друга на несколько лет. Потом, на курсах компьютерных наук и прикладной теологии, Равна кое-что почитала про те давние ужасы. Может, и стоило поостеречься. Лучше сперва оглядеться, как пойдут дела. Кроме того, имелся и обходной путь постичь все доступное пониманию человека в Запределье: Равна стала библиотекаршей.

— Дилетантка высшей пробы! — язвила Линн.

— И что с того? — огрызалась Равна. Но мечта о странствиях не до конца угасла в ней.

Жизнь в Хертейском университете на Сьяндре

Кей идеальна для тех, кто уже четко определился, чего от нее хочет. Здесь всю ее можно было беспечально провести — вот только на выпускном курсе случился конкурс на участие в программе удаленной стажировки при Организации Вриними. Главный приз — трехлетнее обучение в архиве Маршрутизатора. Шанс из тех, что выпадают лишь однажды: вернувшись, Равна знала бы куда больше местных академиков.

Вот так получилось, что Равну Бергсндот занесло за двадцать с небольшим тысяч световых лет от дома, на сетевой хаб миллиона миров.

Уже час как село солнце. Равна плыла через Градопарк в сторону резиденции Гронда Врини-микалира. На планете она с момента прибытия в систему Маршрутизатора бывала считаные разы. Большая часть работы протекала в самих архивах — за тысячу световых часов отсюда. В этой части Земсторонья стояла ранняя осень, хотя сумерки окрасили листву в оттенки серого. Там, где находилась Равна, в ста метрах над поверхностью, воздух морозно покалывал ноздри. Под ногами проплывали огни пикников и игровые поля. Организация Вриними не слишком-то тратилась на эту планету, но мир был прекрасен. Пока получалось не отрывать взгляда от темне-

ющей земли, Равна могла представить себя дома, на Сьяндре Кей. Но стоило взглянуть в небо, и становилось понятно, что дом ужасно далеко, за все двадцать тысяч световых лет: галактический вихрь спиралью закручивался к зениту.

В сумерках он светился совсем неярко, да и вряд ли обретет большую яркость этой ночью. Скажем, в западном небе кластер внутрисистемных фабрик сиял сильнее любой луны. Там ослепительно сверкали быстролетные звездочки и лучики, порой так, что от гор Градопарка к востоку падали резкие тени. Еще через полчаса взойдут Причалы. Яркостью они уступали фабрикам, но совокупно затмевали всё, кроме дальних звезд.

Равна шевельнулась в антиграв-сбруе, сбросила высоту. Аромат осени и пикников усиливался. Внезапно ее окружил щелкающий калирский смех: она угодила прямо в середку аэрбольного игрового пространства. Равна распростерла руки, притворно моля о снисхождении, после чего отплыла прочь.

Путь через парк близился к концу: она уже видела пункт назначения. Резиденция Грондра ‘Калира в пейзаже Градопарка выделялась: здание было приметное, возведенное еще в те времена, когда Орга выкупила техкомплексы

Маршрутизатора. С высоты всего восьмидесяти метров Равна уже различала компактный силуэт дома, закрывавший часть неба. В просверках фабрик стены монолитного здания маслянисто отсвечивали. Грондр отдавал приказы начальству ее начальника. За два года она говорила с ним ровно три раза.

Нельзя больше медлить. Вся на нервах и крайне заинтригованная, Равна еще больше снизилась и позволила электронике дома указать ей путь ко входу меж древесных крон.

Грондр Вринимикалир принял ее вежливо, как было заведено в Организации меж многими расами. Убранство гостиной равно подходило и человеку, и вринимийцу. Принесли освежающие напитки. Прозвучали вопросы о ее работе в архиве.

— Результаты неоднозначны, почтеннейший, — искренне ответила Равна. — Я многому научилась. Стажировка приносит то, что и обещано. Впрочем, я опасаюсь, как бы работа нового подразделения не потребовала дополнительного слоя индексации.

Все эти данные старый хрыч мог получить из отчетов одним мановением пальца.

Грондр с отсутствующим видом потер рукой

глазные пятнышки.

— Да, разочарование ожидаемо. Мы подошли вплотную к пределам информации, доступным при таком расширении. Эграван и Дерке, — (так звали начальника Равны и начальника этого начальника), — вполне довольны вашей работой. Вы хорошо образованны и быстро обучаетесь. Полагаю, людям найдется место в Организации.

— Благодарю, почтеннейший. — Равна даже раскраснелась.

Похвала Гронда, высказанная как бы между прочим, была ей очень важна. И позволяла рассчитывать на прибытие новых людей, может, даже до завершения ее стажировки. Так что, это и было поводом к беседе?

Она старалась не смотреть на него. Она уже пообвыклась в обществе вринимийцев. Издали калиров можно было принять за гуманоидов, но вблизи различия становились отчетливо видны. Раса эта происходила от насекомоподобных существ. При переходе к прямохождению эволюция по необходимости переместила опорные структуры внутрь тела, а снаружи оставила сочетание бледных хитиновых пластин с кожей личинки. На первый взгляд Гронд мог показаться обычным представителем этой расы, но во всех

его движениях — одежду поправить, глазные пятнышки поскрести — сквозила странная, размеренная точность. Эграван говорил, что Гронд очень и очень стар.

Гронд вдруг резко сменил тему:

— Вы замечали… перемены на Страумлианском Просторе?

— Вы имеете в виду падение Страума? Да. — «Хотя и странно, что ты заметил».

Страумлианский Простор занимал видное положение среди человеческих цивилизаций, но в трафике сообщений, проходивших через Маршрутизатор, его доля была пренебрежимо мала.

— Пожалуйста, примите мои соболезнования.

Со Страума поступали бодрые реляции, но ясно было, что Страумлианский Простор постигла тотальная катастрофа. Почти любая раса так или иначе выбиралась к Трансценденции, чаще становясь сверхразумом — Силой. Но уже стало очевидно, что страумеры сотворили (или пробудили) Силу со смертоносными свойствами. Судьба их оказалась ужасна, как и пророчил отец Равны. Злосчастье это ныне ширилось по всему бывшему Страумлианскому Простору.

— Эти новости повлияли на вашу работу? — продолжил Гронд.

Разговор становился все любопытнее. Она готова была поклясться, что собеседник подводит ее к искомой теме. Может быть, к этой?

— Э-э, нет, почтеннейший. Происшествие на Страумлианском Просторе ужасно, в особенности для человека. Но мой дом — Сьяндра Кей. Страумлианский Простор отпочковался от нас, однако родственников у меня там нет.

«Хотя я сама могла там очутиться, если бы маму с папой не послушала». По правде говоря, когда основной Страумли выпал из Сети, со Сьяндрой Кей почти сорок часов не было связи. Это очень тревожило Равну, поскольку любое перенаправление должно осуществляться мгновенно. Коммуникации в конце концов наладили, загвоздка была в поврежденных схемах перенаправления по обходному маршруту. Равна даже истратила сбережения за полгода на обмен сообщениями в реальном времени. С Линн и родителями все оказалось в порядке; катастрофа страумеров обещала стать новостью столетия на Сьяндре Кей, но все же это была далекая беда. Равна еще подумала, выпадало ли кому из родителей дать ребенку совет более ценный!

— Отлично, отлично. — Пластины рта шевельнулись, человек бы на его месте покивал.

Гронд так склонил голову, что на девушку теперь смотрели только периферические пятнышки. Казалось, он и вправду колеблется. Равна молча откинулась в кресле. Гронд ‘Калир — пожалуй, самый чудаковатый функционер Организации. Он единственный выбрал себе постоянным жилищем Земсторонье. Официально заведовал архивами, а на практике возглавлял подразделение анализа рынка, то есть разведку Вринами. Ходили слухи, что он бывал на Вершине Запределья. Эграван клялся, что у Гронда искусственная иммунная система.

— Видите ли, страумлианская катастрофа неожиданно перевела вас в разряд самых ценных сотрудников Организации.

— Я… не понимаю…

— Равна, слухи в Группе угроз — правда. У страумеров была в Нижней Трансценденции лаборатория. Они там забавлялись с алгоритмами из какого-то потерянного архива. И сотворили новую Силу. Кажется, это искажение второго класса.

В Известной Сети искажения второго класса регистрировались примерно раз в столетие. Срок жизни таких Сил в норме — лет десять. Но они отличались исключительным злонравием и за

десять лет успевали нанести колоссальный урон. О бедный Страум!

— Как видите, здесь открывается потрясающая возможность для прибылей — или убытков. Если злосчастье распространится, мы потеряем пользователей Сети. С другой стороны, все соседи Страумлианского Простора заинтересованы в отслеживании происходящего. Это может увеличить наш трафик на несколько процентов.

Гронд выразился хладнокровней, чем она бы предпочла, но зрил в корень. Возможная прибыль напрямую завязана на борьбу с искажением; не закопайся она так в архивную работу, сама бы догадалась. Равна размышляла вслух:

— Открываются даже более заманчивые возможности. Исторически другие Силы проявляют интерес к таким искажениям. Они запросят новостные ленты Сети, а также… сведения о расе-создательнице. — Голос ее оборвался, и она наконец сообразила, чему обязана встречей.

Гронд пощелкал ртом в знак согласия.

— Это верно. Наш Маршрутизатор расположен как раз в удобном месте для новостного обмена с Трансценденцией. У нас есть и собственный представитель человечества. За последние три дня мы получили десятки запросов от цивили-

заций Вершины Запределья, причем некоторые, по их утверждениям, действуют по просьбе Сил. Этот интерес сулит Организации значительный прирост доходов за следующее десятилетие. Все это вы можете узнать из новостной Группы угроз. Но есть и другое обстоятельство, которое я пока попрошу оставить в секрете: пять дней назад к нам прибыл корабль из Трансценденции. Он утверждает, что напрямую контролируется Силой.

Стена за его спиной стала окном и продемонстрировала гостя. Суденышко оказалось хаотичным комком из шипов и шишек. Масштабная линейка удостоверяла, что размером кораблик всего пять метров.

У Равны волоски на затылке встали дыбом. Здесь, в Срединном Запределье, они неплохо защищены от капризов Сил. Тем не менее визит заставит понервничать.

— Что ему нужно?

— Информация о Страумлианском Искажении. В частности, о вашей расе — ею он интересуется особо. Он предлагает нам высокую цену за живого человека.

Равна ответила резко:

— Меня это не интересует.

Гронд распростер бледные руки, свет отразился от хитиновых наверший пальцев.

— Возможности открылись бы колоссальные. Стажировка у богов! Взамен это существо обещает снабдить нас оракулом.

— Нет!

Равна подскочила в кресле. Она была всего лишь одиноким человеком больше чем за двадцать тысяч световых лет от дома. В первые дни стажировки ее это пугало. Потом она завела друзей, больше узнала про этику Организации, привыкла доверять местным почти так же, как и соотечественникам на Сьяндре Кей. Но… Сейчас в Сети только один оракул, возрастом почти десять лет, и доверять ему едва ли разумно. Сила соблазняла Оргу Вриними сказочным богатством.

Гронд, сконфуженно щелкнув, подал ей знак сесть на место.

— Я просто предложил. Мы не чиним насилия над своими сотрудниками. Если бы вы просто согласились поработать здешним экспертом…

Равна кивнула.

— Отлично. Если честно, я и не ожидал вашего согласия. У нас уже на примете доброволец, куда более расположенный к этой миссии, но его придется обучить.

— Человек? Здесь? — Равна оставила в локальном каталоге стандартный поисковый запрос на других людей. За последние два года таких обнаружилось трое, все проездом. — А как долго она… он… тут?

Грондр «смехолыбнулся»:

— Чуть больше века, но мы это поняли всего лишь несколько дней назад. — Изображения вокруг него сместились. Равна узнала кладовку Маршрутизатора, местечко, куда в беспорядке сваливали заброшенные корабли и грузовозы. Кладовка располагалась всего в тысяче световых секунд от архивов. — Мы получаем много одностороннего груза, который нам присылают в надежде, что мы его сумеем перепродать за долю или выкупим.

Масштаб укрупнился. Окно показало изношенный корабль длиной метров двести; осиная талия корпуса поддерживала ионный прямоточный двигатель. От шипов ультрадвигателей остались одни пеньки.

— Придонный люггер? — спросила Равна.

— Драга, — отрицательно щелкнул Грондр. — Этому кораблю примерно тридцать тысяч лет. Большую часть времени он провел глубоко в Медленной Зоне, да еще десять тысяч лет в Без-

мысленных Глубинах.

Теперь самый крупный план, и Равна увидела, что корпус весь испещрен дырами — тысячелетия эрозии на релятивистских скоростях дали о себе знать. Даже беспилотные экспедиции такого рода были редкостью: глубокое погружение делало невозможным возврат в Запределье за время жизни строителей корабля. Или даже всей расы строителей. Существа, запускавшие такие миссии, слыли чудиками; но те, кто брал на себя риск вернуть такие корабли, иногда получали солидную прибыль.

— Он из дальнего далёка, хотя нельзя сказать, что мы сорвали главный приз… В Безмысленных Глубинах не зарегистрировал ничего интересного — и это неудивительно, если учесть, как там глючит даже простая автоматика. Большую часть груза мы сразу же продали, остальное внесли в каталоги и забыли… до Страумлианского инцидента. — Звезды исчезли. Появился медицинский экран, продемонстрировав мешанину из частей тел. Вроде бы человеческих. — В звездной системе у самого дна Медленной Зоны драга выудила исковерканный корабль. Ультрадвигателей на развалюхе не было, так что, надо полагать, ее построили в Медленной Зоне. Система необитаема.

Мы считаем, что подвела конструкция корабля или же на команду повлияли Глубины. Как бы там ни было, они все смерзлись в комок.

Трагедия на дне Медленной Зоны. Тысячи лет назад. Равна отвела глаза от искромсанных ошметков.

— Вы надеетесь продать это нашему гостю?

— Есть вариант получше. Покопались хорошенько и нашли существенную неточность в каталожной записи. Один труп почти не пострадал. Мы его подлатали за счет остальных. Дорогое удовольствие, но в итоге мы имеем живого человека.

Картинка снова изменилась. У Равны захватило дух. Включился ролик с записью операции: части тела комбинировались и возникало нормальное целое, чуть поврежденное в брюшном отделе. Кусочки сложились воедино, и… нет, не *она*, а *он* воспарил перед ней, невредимый, обнаженный, точно во сне. Равна не сомневалась, что это человек, но все люди в Запределье были нюйорского происхождения. Незнакомец — нет. Кожа дымчато-серая, а не шоколадная, волосы каштаново-рыжие: такой оттенок ей встречался только в кино про донюйорскую эпоху. Расположение лицевых костей немного отличалось от

современного. Отличия небольшие, но впечатляли куда сильнее, чем откровенная чужеродность коллег Равны.

Тело облачили в одежду. В иной ситуации Равна бы усмехнулась: Грондр ‘Калир подобрал человеку идиотский костюмчик нюйорской эры. С мечом и пулевым пистолетом. Ни дать ни взять спящий принц из «века принцесс».

— Се первобытный человек, — изрек Грондр.

Глава 7

Маршрутизатор — вполне обычное название. Почти в любом окружении оно будет осмысленным. Как «Новый город» или «Новый дом», оно возникает снова и снова — куда бы люди ни направлялись, что бы ни колонизировали, где бы ни раскидывали коммуникационную сеть. Можно пролететь миллиард световых лет или провести в пути миллиард лет и снова обнаружить эти названия в среде, созданной естественным интеллектом.

В ту эру, однако, над всеми прочими доминировал один конкретный Маршрутизатор. Он участвовал в перенаправлении двух процентов всего трафика Известной Сети. Расположенный в двадцати тысячах световых лет над плоскостью Галактики, Маршрутизатор обладал превосходным обзором тридцати процентов пространства Запределья, в том числе и многих звездных систем у самого Дна, где корабли с трудом выжимали и один световой год в день. Несколько систем с достаточным содержанием металла были размещены столь же удачно, так что наличествовала конкуренция. Но пока остальные

цивилизации теряли интерес к этому занятию, колонизировали Трансценденцию или погибали в апокалипсисе, Организация Вриними продолжала существовать. Минуло пятьдесят тысяч лет, лишь несколько рас исходной Организации сохранили членство в ней, и никто не удержал лидерских позиций. Впрочем, исходные ценности и стратегии уцелели. Позиция обеспечивает устойчивость. Маршрутизатор ныне стал главным посредником в обмене с Магеллановыми Облаками и одним из немногих сайтов, располагавших хоть какой-то связью с Запредельной зоной в галактике Скульптора.

На Сьяндре Кей о Маршрутизаторе ходили невероятные слухи. За два года стажировки Равна постепенно убедилась, что правда превосходит их все. Маршрутизатор располагался в Срединном Запределье; единственным предметом экспорта Организации служила сама маршрутная функция, с доступом к локальному архиву. А импортировали они лучшие биообразцы и вычислительное оборудование из Высокого Запределья.

Лишь исключительные богачи могли себе позволить нечто столь экстравагантное, как Причалы Маршрутизатора. Комплекс растянулся на

тысячи километров: стыковочные платформы, ремонтные палубы, пункты межкорабельного транспорта грузов, парки, зоны отдыха. Нет, даже у Сьяндры Кей имелись более крупные хабитаты, но ведь Причалы были расположены не на орбите: они висели на высоте тысячи километров над Земстороньем, покоясь в самой грандиозной антигравеске из виденных Равной. Годового дохода научной сотрудницы на Сьяндре Кей хватило бы на квадратный метр антиграв-ткани, и прослужил бы этот жалкий клочок не больше года. Здесь же такой ткани были миллионы гектаров, и поддерживали они миллиарды тонн груза. Простая замена отмершей ткани требовала более интенсивной торговли с Высоким Запредельем, чем могли себе позволить большинство звездных скоплений. «Теперь я, я сама, работаю здесь». Прямое подчинение Грондру ‘Калиру имело свои преимущества.

Равна откинулась в кресле и обвела взором центральное море. На высоте Причалов гравитация все еще составляла примерно 3/4*g*. Срединную часть платформы обеспечивали атмосферой особые воздухонтаны. Вчера она отправилась поплавать в этом море с прозрачным дном — наняла лодку. Как странно видеть облака планетной

атмосферы под килем, а звезды и индиговое небо — над головой. Этим утром она устроила прибой — простое дело, поиграться с натяжением антиграв-ткани бассейна, и всё. Волны ритмично разбивались о край пляжа. Даже в тридцати метрах над водой воздух пах солью. Маршировали вдаль белопенные гребешки.

Она заметила, как по пляжу медленно движется какая-то фигура. Всего лишь несколько недель назад Равна и вообразить себе не могла ничего подобного. Всего-навсего несколько недель назад она ковырялась себе в архиве, занятая рутинной работой по обновлению и счастливая уж тем, что ее пустили в одну из крупнейших баз Известной Сети. Сейчас… Было похоже, что жизнь девушки описала полный круг, возвратив ее к детским мечтам о приключениях. Единственная трудность — Равна порой чувствовала себя сообщницей плохих ребят. Ведь Фам Нювен живой человек, а не товар.

Она поднялась, пошла навстречу рыжеволосому гостю. При нем не было меча и пистолета, как в забавной анимации Гронда, но одежда — вязаная, как описывалось в древних историях, и держался он с ленивой уверенностью. После той встречи с Гронда Равна немного освежила

свои знания по староземельной антропологии. Рыжие волосы и такого же золотистого оттенка глаза там встречались, хотя обычно не у одного и того же человека. А вот дымчатый цвет кожи для землянина был бы примечателен. Итак, этот парень, как и сама Равна, явился продуктом внеземной эволюции.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки от нее и осклабился:

— А выглядите вы совсем как человек… Равна Бергсндот, верно?

Она улыбнулась, кивнула:

— А вы господин Фам Нювен?

— Он самый. Мы оба безукоризненно вежливы…

Он прошел мимо девушки, под прикрытие крыши здешнего офиса. «А парень не промах». Она пошла следом, не вполне уверенная, как себя вести. Легко возомнить, что с человеком не будет проблем… Впрочем, завязать беседу не составило труда. Фама Нювена собрали из ошметков больше тридцати дней назад, и большую часть этого времени он учил язык. Соображаловка у парня оказалась что надо: на торговом диалекте трисквелина он уже болтал с непринужденной легкостью. К тому же симпатичный… Равна уже

два года провела вне Сьяндры Кей, а ей оставался еще год стажировки. Она держалась молодцом, и у нее появилось много близких приятелей, те же Эграван и Сарале. Но даже простой разговор с этим человеком опрокинул ее обратно в одиночество. В известном смысле воскрешенный был ей более чужд, нежели весь народ, крутившийся на Маршрутизаторе, и вместе с тем… ей хотелось крепко обнять его и поцелуями согнать с губ самоуверенную усмешку.

Гронд Вринимикалир говорил правду о Фаме Нювене: парень с энтузиазмом отнесся к планам Организации. Теоретически это упрощало работу Равны, а на практике…

— Господин Нювен, мои обязанности состоят в том, чтобы приспособить вас к новому миру. Я знаю, последние дни вас натаскивали по полной, но существуют объективные пределы скорости обучения.

Рыжеволосый человек улыбался:

— Зовите меня просто Фам. Ну да, я себя чувствую туго набитым рюкзаком. Во сне меня преследуют голоса… я столько выучил, ничего не испытав… и, что еще хуже, я стал целью всего этого… инструктажа. Если Вринимн намерена меня одурачить, так ей и следовало бы посту-

пать. Вот почему я учусь пользоваться локальной библиотекой. Вот поэтому я настоял, чтобы они отыскали кого-то вроде вас. — Он заметил изумление на лице девушки. — А, вы не в курсе! Видите ли, в разговорах с настоящим человеком мне, может, и посчастливится вытянуть что-то незапланированное. К тому же я всегда был отличным знатоком человеческой натуры. Думаю, для меня не составит труда вас прочесть.

Усмешка показывала, что он прекрасно отдает себе отчет в том, насколько раздражающе себя ведет.

Равна перевела взгляд на зеленые кроны деревьев. «Может, этот перец и заслуживает своей участи».

— Говорите, у вас отличный опыт работы с людьми?

— С поправкой на ограничения Медленной Зоны. Я там жил, Равна. Я там крутился. Я понимаю, что не выгляжу на свои годы, но мне шестьдесят семь субъективных лет. Думаю, Организация неплохо потрудилась, размораживая меня. — Он сделал жест в ее сторону, словно бы снимая цилиндр. — Последнее мое путешествие отняло более тысячи объективных лет. Я был военным программистом дальнего рейса Чжэн Хэ…

Внезапно глаза его распахнулись, и он промямлил нечто невразумительное. На миг в облике его проступила беззащитность.

Равна порывисто потянулась к нему:

— Память?..

Фам Нювен кивнул:

— Проклятая память. За *это* я ваших сотрудников благодарить не стану.

Фама Нювена замораживали по горячим следам лютой смерти, а не в плановом порядке. Почти чудо, что Орга Вриними вообще сумела воскресить его — во всяком случае, с технологиями Срединного Запределья. Но с памятью дела обстояли сложнее всего. Химические основы ее плохо переносят хаотическое замораживание.

Крепкий орешек даже для Фама Нювена: эго его разом ужалось на пару размеров. Равне стало жалко парня.

— Вряд ли все окончательно потеряно. Вы просто привыкайте смотреть на вещи под чуть иным углом.

— …Да, меня так учили. Начинать с других воспоминаний, пробиваться в обход к тому, что не сумеешь вспомнить сразу. Ну что ж… это лучше, чем смерть. — Нахальство вернулось, но не в прежнем объеме — как раз до уровня очарова-

тельности. Они долго болтали, и рыжеволосый искусно отыскивал обходные пути взамен тех, которые не мог вспомнить сразу.

И постепенно Равну охватило чувство, которого она от себя никак не ожидала в приложении к Медленной Зоне: восторг. За одну жизнь Фам Нювен добился почти предельно возможного для выходца из Медленной Зоны. Равна издавна жалела запертые там, внизу, цивилизации. Им, быть может, никогда не суждена слава, им не узнать великой истины. Но этот человек преодолевал препятствие за препятствием — благоволением удачи или просто силой воли. Знал ли об этом Гронд, наряжая рыжего в костюм с мечом и пулевым пистолетом? Ведь Фам Нювен и вправду варвар по происхождению. Он родился на затерянной колонии — сам он называл тот мир Канберрой. Место это, по описанию, походило на Нюйору средневековья, только без матриархата. Нювен был младшим ребенком в королевской семье. Он рос в мире мечей, ядов и придворных интриг, в каменных замках у холодного-прехолодного моря. Несомненно, младшего принца убили бы — а может, он сам стал бы королем, если бы жизни его суждено было средневековое продолжение. Но в тринадцатилетнем возрасте

она изменилась навеки. Мир, знавший радиосвязь и летательные аппараты лишь по легендам, столкнулся с визитом инопланетных торговцев. Спустя год торговли с иномирцами вся феодальная политика Канберры перевернулась вверх тормашками.

— Чжэн Хэ инвестировали три корабля в канберранскую экспедицию. Они просчитались. Думали, мы на более высоком технологическом уровне. Мы не смогли пополнить их запасы, так что два из трех остались там и, полагаю, вывернули мой несчастный мир наизнанку. Я улетел на третьем. Папаша думал, что навязывает им удачную сделку. Повезло еще, что меня в космос не вышвырнули.

Чжэн Хэ состояла из нескольких сотен кораблей с ионными прямоточными двигателями и действовала в объеме сотен световых лет. Корабли их развивали скорость чуть ли не в треть световой. Занимались они главным образом торговыми, реже спасательными и еще реже — завоевательными операциями. По самым свежим данным от Фама Нювена, они заселили тридцать миров и проработали уже три тысячи лет. Цивилизация настолько экстравагантная, насколько это вообще мыслимо в Медленной Зоне… И разумеется,

до оживления Фама Нювена никто в Запределье о них ни разу не слыхал. Чжэн Хэ разделила удел миллиона цивилизаций, погребенных на глубине тысяч световых лет в недрах Медленной Зоны. Лишь чудом некоторые из них выбирались в Запределье, где были реальны сверхсветовые полеты.

Однако для тринадцатилетнего мальчика, рожденного в мире цепей и мечей, Чжэн Хэ стала вызовом большим, нежели вся жизнь для многих. За считаные недели он прошел путь от наследника престола средневекового королевства до юнги звездолета.

— Сперва они толком не представляли, как со мной поступить. Думали запихать меня в гибернатор и высадить на следующей остановке. А что еще делать с пацаном, которому известен только один мир, и к тому же плоский? С мальчишкой, который всю свою жизнь упражнялся махать мечом?

Он резко замолчал, как это с ним происходило каждые несколько минут, когда поток интроспекции вторгался на поврежденные участки. Затем взгляд его метнулся к Равне, и усмешка обрела привычный нахальный оттенок.

— А я ведь был обычным представителем своего

вида. Вряд ли цивилизованные люди понимают, каково это — расти, зная, что собственные дядья и тетки замышляют избавиться от тебя, и учиться доставать до их глоток первым? Хотя в цивилизованной Галактике я встречал злодеев и покруче — некоторые не моргнув глазом спалят целую планету и назовут это миротворческой операцией. Однако такого беспримесного коварства, как в детстве, не видывал больше нигде.

По утверждению Фама Нювена, лишь слепое везение уберегло экипаж от состряпанного мальчишкой заговора. За последующие годы он пообтесался и обзавелся манерами поприличнее. Должным образом укрощенный, звереныш смог стать идеальным капитаном Чжэн Хэ. И много лет им был. Сфера влияния Чжэн Хэ охватывала пару инопланетных рас и значительное число человеческих колоний. На скорости в 0.3*c* Фам десятилетиями отлеживался в гибернаторах, кочуя от звезды к звезде, затем год-другой посвящал отчаянным попыткам заработать на товарах и информации, которые могли к тому времени безнадежно устареть. Репутация Чжэн Хэ обеспечивала ему некоторую защиту. «Политики приходят и уходят, алчность же пребывает вовеки» — гласило флотское кредо, и действительно,

компания пережила большинство своих клиентов. Даже религиозные фанатики побаивались связываться с Чжэн Хэ, памятуя, какими мерами воздействия располагают торговцы. Чаще, впрочем, на выручку приходили таланты и хитрость капитана. Немногие могли состязаться в этих умениях с мальчиком, который оставался жить внутри Фама Нювена.

— Я стал почти идеальным шкипером. Почти. Меня всегда интересовало пространство за пределами зоны, о которой имелись достоверные сведения. Каждый раз, сколачивая значительное состояние, такое значительное, чтобы запустить собственную субфлотилию, я ставил все на кон ради безумного шанса и проигрывал. Я слыл самым чокнутым на флоте. В одном полете я командовал пятью кораблями, а в следующем мог скатиться до рядового техника-программиста на каком-то контейнеровозе. Учитывая, как растягивается время в условиях досветовой торговли, неудивительно, что репутация легенды, даже гения, следовала за мной сквозь множество поколений. Другие же сделали мое имя нарицательным для обозначения пустопорожнего болвана.

Он сделал паузу, глаза его расширились от приятного изумления.

— Ха! Я вспомнил, чем занимался под конец. Я был в болванской части цикла, но это не слишком важно. Женщина, капитан флотилии из двадцати кораблей, психичка покруче меня… не могу вспомнить ее имя. Ее?.. Да нет, невозможно; я ведь никогда не служил под началом женщины. — Он размышлял вслух. — В любом случае, этот… парень готов был рискнуть всем ради перспективы, о которой обычные люди только за пивом гутарят. Он нарек свой корабль, э-э, по-вашему будет «Дикий глупыш» — уже можете получить представление. Он полагал, что где-то во Вселенной должны отыскаться по-настоящему высокотехнологичные цивилизации. Трудность лишь в том, чтобы их найти. И самое странное, он даже почти додумался насчет Зон. Но оказался недостаточно чокнут. Одну маленькую деталь он понял неверно. Догадываетесь, какую именно?

Равна кивнула. Учитывая, где обнаружили останки Фама, ответ был очевиден.

— Ага. Готов побиться об заклад, сама идея древнее космических полетов: старшие расы должны обитать в галактическом ядре, где звезды расположены гуще и полно всякой высокоэнергетической экзотики типа черных дыр. Он повел туда весь свой флот — двадцать кораблей. Они

рассчитывали найти кого-то — или что-то... — остановиться, основать колонию. Капитан полагал, что достичь успеха за время нашей жизни маловероятно, но, распланировав все как следует, реально пробиться в плотную область, где, скорее всего, найдется новая Чжэн Хэ, а оттуда продвинуться еще глубже. В любом случае, мне подфартило попасть к ним хотя бы программистом. Капитан был обо мне достаточно наслышан.

Экспедиция продлилась тысячу лет. Они пролетели двести пятьдесят световых лет к сердцу Галактики. Сфера влияния Чжэн Хэ располагалась ближе ко Дну Медленной Зоны, чем Старая Земля, а оттуда они пошли еще глубже. И все равно — им просто не повезло зацепить край Глубин всего через двести пятьдесят световых лет пути. «Дикий глупыш» терял контакт с остальными кораблями — они пропадали один за другим. Иногда это случалось без предупреждения, подчас появлялись признаки отказа компьютеров или просчета команды. Выжившие подметили закономерность и решили, что проблема в надежности обычных компонентов. Разумеется, никто не связал ее с областью пространства, куда они вторглись.

Мы сбавили скорость с таранной, отыскали звездную систему с приемлемой для жизни планетой. Мы почти всех потеряли… Я толком не понимаю, что там стряслось.

Он издал сухой смешок.

— Видать, мы совсем отупели, коэффициент интеллекта упал где-то до шестидесяти. Я помню, как дурачился с системами жизнеобеспечения. Наверное, эти шуточки нас и погубили. — На миг лицо его стало грустным и отрешенным. Потом он передернул плечами. — А потом я проснулся в нежных тенетах Орги Вриними, там, где реальны сверхсветовые полеты… там, откуда виден край самих Небес.

Равна молчала. Оглянулась через плечо на прибой. Они долго проговорили: солнце забиралось под древолепестки, световые пятна блуждали по кабинету. Грондр хотя бы понимает, с кем имеет дело? Почти любой артефакт из Медленной Зоны обладал коллекционным статусом. Живые существа оттуда ценились еще выше. А Фам Нювен, кажется, совершенно уникален. Он лично испытал больше, чем довелось многим цивилизациям, и погрузился в самые Глубины. Она теперь понимала, отчего он заглядывается на Трансценденцию и называет ее Небесами. Это не

просто наивность, не ошибка образовательных программ Организации. Фам Нювен испытал два перехода, полностью поменявших его жизнь: из человека дотехнологической эпохи стал звездолетчиком, а из звездолетчика — запредельцем. Каждый из них по отдельности — прыжок почти невероятный. Теперь он увидел возможность для следующего шага и с готовностью ухватился за нее.

«Так зачем мне рисковать работой, пытаясь его переубедить?» Но губы уже задвигались, словно обретя собственную жизнь:

— Но почему бы не отложить Трансценденцию, Фам? Дайте себе труд разобраться, как обстоят дела в Запределье. Вас охотно примут почти в любой цивилизации. На человеческих планетах ваш визит станет событием эпохи.

Просверком донюйорского человечества. Местные группы новостей Сьяндры Кей считали поступок Равны — рвануть на стажировку за двадцать тысяч световых лет — неслыханно амбициозным. По возвращении она могла бы выбрать себе постоянную ученую должность на любом из дюжины миров. Но рядом с перспективами Фама Нювена ее собственные планы меркли: найдутся богачи, готовые без раздумья подарить ему целую

планету, лишь бы он остался.

— Вы вольны называть свою цену.

Ленивая усмешка рыжего стала шире.

— О, понимаете ли, я ее уже назвал и думаю, что Организация согласится.

«Хотела бы я что-нибудь сделать с этой ухмылочкой», — подумала Равна. Билет Фама Нювена в Трансценденцию оплачен внезапным интересом Силы к Страумлианскому Искажению. Его невинное эго может в итоге размазаться по миллиону смертьекубов, властвуя над миллионом миллионов симуляций человеческого естества.

Звонок Грондра последовал меньше чем через пять минут после ухода Нювена. Равна знала, что Орга за ними шпионит, и уже высказала Грондру свои возражения по поводу эдакой «продажи» разумного существа. И все же она немного разнервничалась.

— Когда именно он собирается отправляться в Трансценденцию?

Грондр поскреб пятнышки. Кажется, он не разгневан.

— Точно не в следующие десять-двадцать дней. Сила, которая о нем торгуется, сейчас заинтересовалась нашими архивами, отслеживает трафик на Маршрутизаторе. И… энтузиазм этого чело-

века носит несколько показной характер — он осторожничает.

— Правда?

— Правда. Он выбил себе библиотечный бюджет и разрешение путешествовать по всей системе. Он болтает со случайно выбранными работниками Причалов. Он особо настоял, чтоб ему позволили поговорить с вами. — Гронд пощелкал ртом в усмешке. — Не выбирайте выражений. Собственно, он рыщет в поисках тайного яда. Если будете с ним откровенны, он будет больше склонен доверять нам.

До нее начинало доходить, чем руководствуется Гронд. Но Фама Нювена просто так не прошибешь.

— Да, почтеннейший. Он попросил меня устроить сегодня вечером прогулку по кварталу Иномирцев. — «Как ты, несомненно, уже знаешь».

— Отлично. Хорошо бы и в остальном проблем не возникло. — Гронд повернулся так, чтобы в сторону девушки смотрели только периферические пятнышки. Его окружали мониторы коммуникаций и баз данных Орги. По тому, что видела Равна, казалось, что он исключительно загружен. — Возможно, не стоило бы поднимать эту тему, ну а вдруг вы сумеете помочь? Дело спо-

рится. — У Грондра был не слишком довольный вид для хороших вестей. — Девять цивилизаций с Вершины Запределья попросили расширить им канал передачи данных. С этим мы справимся. Но у Силы тут корабль…

Равна, почти не раздумывая, перебила его. Еще несколькими днями раньше она ужаснулась бы самой мысли об этом.

— А кто это, собственно? Есть ли вероятность, что мы контактируем с самим Страумлианским Искажением? — Она похолодела, представив, что эта сущность может контролировать рыжего.

— Нет, если только сами Силы не одурачены им… Рыночные аналитики прозвали нашего гостя Стариком. — Он усмехнулся. — Это такая шутка, но в ней лишь доля шутки: мы с ним знакомы одиннадцать лет.

Никто в точности не знал, как долго живут Трансцендентные, но редкая Сила сохраняла общительность дольше десяти лет. Они либо теряли интерес, либо превращались в нечто иное, либо умирали подлинной смертью. Равна полагала, что справедливо простейшее объяснение: разум — прислужник гибкости и изменчивости. Тупые звери меняются со скоростью, диктуемой естественным ходом эволюции. Расы человече-

ского уровня, выйдя на технологический разбег, достигают пределов своей ниши за несколько тысяч лет. В Трансценденции сверхразум мог развиваться так быстро, что при этом погибали сами его творцы. Неудивительно, что и Силы бренны.

Так что прозвища «Старик» одиннадцатилетняя Сила вполне заслуживала.

— Мы считаем, что Старик относится к разновидности семьдесят третьего типа. Они редко проявляют злонравие, и мы знаем, от кого эта Сила перешла в Трансценденцию. Но сейчас от нее серьезные проблемы. Он уже двадцать дней как монополизировал полосу пропускания Маршрутизатора, потребляет колоссальный трафик, и показатель этот продолжает расти. С момента прибытия корабля он закопался в наши архивы и локальные сети. Мы попросили Старика ограничиться пересылкой некритичных данных звездолетами, но он отказывается. Сегодня вечером вообще кошмар творится. Он отгрыз себе почти пять процентов емкости Маршрутизатора. Причем это создание отправляет вниз почти столько же, сколько принимает сверху.

Странное дело, но…

— Он же платит вам, не так ли? Если Старик в состоянии оплатить по высшей ставке, к чему

беспокоиться?

— Равна, мы надеемся, что Организация продолжит существовать и спустя много лет после кончины Старика. Он не в состоянии предложить нам ничего, что осталось бы ценным на протяжении такого времени.

Равна кивнула. Действительно, некоторая технология, сопоставимая с магией, могла здесь работать, но в долгосрочной перспективе толку от нее было чуть. Ситуация вполне коммерческая, это вам не модель из курса прикладной теологии.

— Старик без труда перебьет любое предложение из Срединного Запределья. Но если мы отведем ему все ресурсы, то не сможем оказывать услуги другим пользователям, а ведь именно от них зависит наше будущее.

Его изображение сменилось статистикой доступа к архиву. Равне формат был знаком, и она тотчас увидела, что Грондр сетует небеспочвенно. Известная Сеть — громадная структура, иерархизованная анархия, связующая сотни миллионов миров. Но даже основные магистрали ее обладали полосами пропуска не лучше, чем на Земле Рассветной эпохи; браслетный коммуникатор в локалке и тот проворнее. Поэтому и доступ к ар-

хиву осуществлялся в основном через локальную сеть — оттуда шла ретрансляция медиафрахтерам, залетевшим в систему Маршрутизатора. Но теперь… за последние сто часов удаленный доступ к архиву, как в долевом, так и в абсолютном исчислении, превысил локальный! Девяносто процентов трафика шло на одну и ту же учетку — Старика.

Голос Грондра комментировал инфографику:

— Сейчас мы выделили Силе целый трансивер из нашей опорной сети… К сожалению, больше чем на несколько дней нас не хватит. Окончательная цена слишком велика.

На экран вернулось его лицо.

— В любом случае, полагаю, вам ясно, что варвар — наименьшая наша проблема. За последние двадцать дней мы заработали больше, чем за два года, куда больше, чем способны верифицировать и переварить. Нам угрожает собственный успех.

Он иронически хмуросмехнулся.

Они еще немного поговорили о Фаме Нювене, после чего Грондр отключился. Равна пошла прогуляться на пляж. Солнце уже садилось, песок приятно согревал ноги; Причалы кружились вокруг планеты по сороковой северной параллели, совершая оборот примерно за двадцать часов. Она

подошла к линии прибоя, где песок был ровный и влажный. Брызги оседали на кожу, увлажняя ее. Голубое небо над белопенными гребешками волн быстро темнело, становясь индиговым и черным. В небе сновали серебристые искорки: антиграв-баржи тянули звездолеты к Причалам. Конструкция ошеломительно, невероятно дорогая. Равну она поначалу шокировала и поразила, но, проведя на Маршрутизаторе два года, девушка начинала понимать смысл затеи. Орга Вриними желала, чтобы всем в Запределье стало ясно: у компании хватит ресурсов обеспечить любую мыслимую потребность в коммуникации и архивации. И еще они хотели намекнуть Запределью, что здесь сокрыты тайные дары Трансценденции, сулящие потенциальным агрессорам более чем солидные неприятности.

Она уставилась на брызги, чувствуя, как оседают на ресницах капельки. Итак, у Гронда серьезная проблема: попробуй-ка прикажи Силе проваливать! Ну а Равне Бергсндот оставалась проблема поменьше: управиться с самоуверенным олухом, который так и рвется себя погубить. Она развернулась и зашагала параллельно воде. Каждая третья волна задевала ее щиколотки.

Равна вздохнула. Фам Нювен, конечно, тот еще

оболтус, но какой же он молодчага! Разумом она всегда понимала, что принципиальной разницы между интеллектуальными способностями запредельцев и примитивных обитателей Медленной Зоны нет. Да, автоматика в Запределье работала лучше, и здесь становилась возможна ультрасветовая связь. Но создать подлинно сверхчеловеческий интеллект можно было лишь в Трансценденции. Так что способности Фама Нювена не должны ее удивлять. А он чертовски смышлен. Выучил трисквелин с невероятной легкостью. У нее почти не осталось сомнений, что он был таким же отличным капитаном, как себя выставлял. Торговля в Медленной Зоне требовала труднопредставимой отваги: приходилось рисковать, проводя столетия между звездами в полетах к цели, которая за это время могла утратить цивилизованный вид или ощетиниться против внешников… Она понимала, почему он так относится к Трансценденции: для него это всего лишь новый вызов. У него было меньше двадцати дней, чтобы постичь устройство новой вселенной. Ему просто не хватило времени уразуметь, что правила игры меняются, когда игроки — больше чем люди.

Ну что ж, пускай тешится эти несколько дней,

пока может. Вдруг удастся его переубедить? После разговора с Грондром особой вины Равна за это не почувствовала бы.

Глава 8

Квартал Иномирцев занимал приблизительно треть Причалов. Начинался на периферии, где и швартовались звездолеты (там атмосферы не было), и тянулся внутрь до самого центрального моря. Орга Вриними сумела убедить изрядное число рас, что местечко это — подлинное чудо Срединного Запределья. Помимо фрахтеров, тут пробегали и залетные туристы — самые-рассамые богачи-запредельцы.

Фаму Нювену открыли доступ ко всем диковинам. Равна устроила ему экскурсию по самым впечатляющим уголкам, в том числе и по антиграв-батуту над Причалами. Варвара, однако, больше заинтересовали складные скафандры, чем сами Причалы.

— Я там внизу, в Медленной Зоне, конструкции и посолиднее видел.

«Да-да, только вот все они висели в гравитационном колодце планеты».

Но вечер вступал в свои права, и Фам Нювен постепенно оттаивал. По крайней мере, язвить перестал. Ему захотелось посмотреть на житье-бытье запредельных торговцев; Равна сводила

его на биржи и в торговую локалку.

После полуночи по местному времени они очутились в «Бродячей компании». Организация эту территорию не контролировала, но у Равны местечко числилось одним из любимых: частный клубешник, привлекавший торговцев снизу доверху. Она задумалась, какой увидит обстановку клуба Фам Нювен. Дизайном место это напоминало гостевой домик какой-нибудь планеты Медленной Зоны. Над главной стойкой парила трехметровая модель корабля с ионным прямоточным двигателем. Сине-зеленые поля двигателя озаряли каждый уголок и элерон судна, отбрасывая слабый свет и на посетителей внизу.

Равне стены и пол казались сооруженными из тяжелых, грубо ошкуренных бревен. Сородичи Эгравана увидели бы каменные стены и узкие проходы: такой архитектурный стиль был характерен для планет, колонизированных его расой. Фокус оптический, не какая-то умобманка: в Срединном Запределье едва ли можно мечтать о большем.

Равна с Фамом побродили между столиков. Со звуком владельцы заведения управлялись хуже, чем с картинкой: музыку было плохо слышно, и от столика к столику мелодия менялась. Как

и ароматы: некоторые было непросто вынести. Атмосферные контроллеры трудились на полную, сохраняя посетителям здоровье и частично жертвуя комфортом. В этот вечер в клубе яблоко бы не упало. Дальний конец зала отвели под особые уголки: с давлением высоким или низким, атмосферой из окислов азота, аквариумные. Некоторые фигуры сквозь бурлящие атмосферные зоны казались размытыми силуэтами.

В каком-то смысле клуб мало отличался от космопортового бара на Сьяндре Кей. Но ведь это Маршрутизатор… Заведение привлекало выходцев с Вершины Запределья, которые тихими заводями вроде Сьяндры Кей не интересовались. В большинстве своем Высокожители выглядели не слишком чужеродно: цивилизации Вершины обычно развивались на мирах, заселенных колонистами Снизу. Но их головные уборы не были украшениями: в Срединном Запределье прямые нейроинтерфейсы не работают, однако Высокожители все равно не решались с ними расстаться. Равна направилась в сторону группки живых треножников и их автоматов. Пускай Фам Нювен побазарит с ребятками, угнездившимися на краю трансразума.

Внезапно он коснулся ее руки и оттянул к себе:

— Пойдем еще побродим.

Он озирался, словно в поисках знакомого лица.

— Давай сначала людей поищем…

Когда в лоскутном образовании Фама Нювена проявлялись дыры, они оказывались гротескно широки. Равна с трудом сохранила серьезное лицо.

— Людей? Фам, мы на Маршрутизаторе одни такие.

— Но ты же мне про друзей рассказывала… Про Эгравана, Сарале…

Равна только головой покачала. Варвар на миг растерялся. Фам Нювен всю жизнь провел, переползая на субсвете между человеческими колониями. Она знала, что инопланетных рас он повидал всего три, а теперь растерялся в море чужеродности. Она постаралась скрыть сочувствие: такая реакция лучше, чем уговоры девушки, могла пронять парня до печенок.

Но уже в следующий миг он опять заулыбался:

— Тем интересней приключеньице.

Они покинули основной зал и прошли мимо ниш с особым воздухообменом.

— Господи, а Чжэн Хэ бы тут понравилось!

Людей не было нигде, но уютней уголка, чем «Бродячая компания», Равна не знала. Многие

клиенты Орги общались только по Сети, и Равну снова пронзила тоска по дому. На втором этаже внимание девушки привлек знакомый сигнетный флажок. На Сьяндре Кей она видела похожий. Потянув туда Фама Нювена, она взобралась по деревянной лесенке.

Из фонового гула выделился высокий писклявый щебет. Не трисквелин, но слова были ей понятны… о Силы, это же самношк!

— Я поверить не могу, что это хомосапы! Сюда, сюда, миледи.

Она пошла на звук, пробираясь к столику с сигнетовским флажком.

— Можно присесть? — осведомилась она, наслаждаясь звуками родного языка.

— Разумеется.

Щебетун напоминал небольшое декоративное деревце в кадке на шестиколесной тележке. Тележка была разукрашена декоративными полосками и бахромой; верхушка же, размерами сто пятьдесят на сто двадцать сантиметров, укутана в грузошарф с узором, идентичным сигнетовскому. Существо оказалось большетележечным наездником. Раса эта вела торговлю в большинстве областей Срединного Запределья, не исключая и Сьяндры Кей. Высокий писклявый

голос исходил из вокодера на тележке наездника. Но говорил чужак на самношке, и Равне слова его были милее всех прочих за долгое время. Хотя наездники прослыли чудаками, Равну охватил прилив нежной ностальгии, словно она спустя годы пересеклась с одноклассником в далеком городе.

— Меня зовут… — зашелестели ветки, — но вам будет удобнее имя Синепанцирь. Как приятно увидеть знакомое лицо, ха-ха.

Синепанцирь смех проговаривал, будто слова. Фам Нювен сел рядом с Равной. Самношка он не знал, а потому момент великого единения душ от него ускользнул. Наездник переключился на трисквелин и представил четверку своих спутников: еще одного наездника и трех гуманоидов, которые предпочли держаться в тени. Гуманоиды на самношке не говорили, но язык каждого отделяло от трисквелина не более одного скачкоперевода.

Наездники были не то хозяевами, не то операторами небольшого фрахтера межзвездного класса под названием «Внеполосный-II». Гуманоиды же сертифицировали часть нынешнего груза корабля.

— Мы с напарницей в этом деле уже без малого две сотни лет. Мы высокого мнения о вашей

расе, миледи. Первые рейсы мы совершали между Сьяндрой Кей и Форсте Утгреп. Ваши люди — отличные пользователи, проблем с отгрузкой почти не бывало…

Он откатил тележку от стола и проехал некоторое расстояние вперед, что у людей соответствовало легкому поклону.

Но не все оказалось так легко и приятно. Заговорил один из гуманоидов: звуки вполне мог издать человек, но смысла в них не было. Домопереводчик мгновение обрабатывал слова, затем из броши на одежде чужака раздалось на чистом трисквелине:

— Синепанцирь утверждает, что вы хомосапиенсы. Знаем, что мы ваши враги. Мы разорились. Нас чуть не убило злое творение вашей расы. Страумлианское Искажение.

Голос был лишен всякого выражения, но Равна видела, что чужак напрягся и стискивает пальцами бокал.

Учитывая, как он настроен, бесполезно было объяснять, что, хоть Равна и человек, ее Сьяндра Кей за тысячи световых лет от Страума.

— Вы явились с Простора? — спросила она у наездника.

Синепанцирь ответил не сразу. У его расы это

было в обычае: он, скорее всего, пытается вспомнить, кто она и о чем вообще разговор. Затем прозвучало:

— Да-да. Пожалуйста, простите моим сопровождающим такую враждебность. Наш груз в основном представлен одноразовыми шифрами. Разработчик — Коммерческая охрана Сьяндры Кей; конечная цель — колония этих сертификаторов на Вершине. Технически все как обычно: мы перевозим треть груза, независимые поставщики — остальные две трети. В конечном пункте компоненты объединяют методом «исключающего ИЛИ»[8]. В результате мы удовлетворим потребности дюжины миров Сети в криптопрограммах для…

Внизу поднялся шухер: кто-то решил курнуть что-то слишком забористое для кондиционеров. Равна словила самую малость, но этого хватило, чтобы зрение помрачилось. Несколько посети-

---

[8] Примечания: 8

В математической логике и ее криптографических приложениях «исключающим ИЛИ» (XOR) называют оператор так называемой исключающей дизъюнкции, или сложения по модулю 2. Последовательность данных можно зашифровать, применяя оператор XOR побитово с определенным ключом. Для расшифровки требуется просто повторить эту же операцию. Если криптографический ключ истинно случайный и одноразовый (случай одноразового блокнота с исключающим ИЛИ, англ. one-time xor pad), результат работы криптопрограммы теоретически неуязвим для взлома.

телей в главном зале хлопнулись в обморок. Управляющий наехал с претензиями на клиента. Синепанцирь издал резкий звук, откатил тележку от столика и переместился к перилам.

— Не хочу угодить врасплох, некоторые существа так внезапно…

Когда инцидент был исчерпан, наездник вернулся.

— Так о чем бишь я? — Он помолчал мгновение, справляясь в долговременной памяти тележки. — Ага, вот… Сработай всё по плану, мы бы, в общем, разбогатели. К сожалению, по дороге мы завернули на Страум сбросить немного исходных данных. — Он горестно покружился на задних четырех колесах. — Но ведь ничего страшного? Страум более чем в сотне световых лет от той лаборатории в Трансценденции. Еще не…

Один из сертификаторов перебил его резким гоготом. Домопереводчик ожил мгновением позже:

— Да, все должно быть в порядке. Нас не пытались атаковать. Корабельные регистраторы свидетельствуют, что наша защита не нарушена. Но слухи распространяются. По всей Сети группы заявляют, что Страумлианский Простор охватило искажение. Чушь! Тем не менее вздор этот уже

достиг пункта назначения. Нашему грузу больше не доверяют, так что он превратится в мусор: теперь это всего-навсего пара граммов субстрата данных, случайно…

Посередине произнесенной ровным тоном фразы гуманоид вынырнул из теней. Равна успела заметить, что оскаленные десны у него острые как бритвы. Чужак швырнул бокал на столик перед девушкой.

Мелькнула рука Фама Нювена: он перехватил бокал в воздухе, пока Равна силилась понять, что происходит. Рыжий медленно поднялся. Еще парочка гуманоидов встала из теней и присоединилась к своему товарищу. Фам Нювен не удостоил их и словом. Осторожно поставив бокал на столешницу, он едва заметно наклонился к противнику. Руки расслаблены, но смотрится так, словно в каждой по клинку. В бульварных романах сказали бы: «Во взгляде его была смерть». Равна как-то не думала, что подобное возможно в реальной жизни, но гуманоиды тоже просекли это и поспешно потянули дружка назад за столик. Тот не сопротивлялся, но, оказавшись вне досягаемости Фама, разразился потоком шипяще-визгливых воплей, с которыми домопереводчик справиться не сумел. В заключение

он показал Фаму резкий жест из трех пальцев и заткнулся. Трое тихо скатились по лесенке, и след их простыл.

Фам Нювен сел на место. Серые глаза его стали спокойными и довольными. «Да никак от этого нахала и польза бывает!» Равна оглянулась на пару наездников.

— Я сожалею, что ваш груз обесценился.

Раньше Равне попадались меньшетележечные наездники, чьи рефлексы не слишком превосходили растительные. Заметила ли парочка неожиданное вмешательство? Но Синепанцирь тут же отозвался:

— Нет нужды извиняться. Эти трое ныли с момента нашего прибытия сюда. Контрактники они иль нет, а я от них жутко устал.

Он опять впал в режим комнатного цветка. Через минуту ожила другая — как там ее, Зеленожка?

— Кроме того, дела наши могут оказаться и небезнадежны в коммерческом отношении. Уверена, что остальные две трети груза не контактировали со Страумлианским Простором. — Так и положено: каждый фрагмент груза перевозит свой поставщик и по своему пути. Если две трети удастся сертифицировать, команда «Внеполос-

ного-II» сможет избежать разорения. — Фактически… допустима даже полная сертификация. Да, мы посещали Основной Страумли, но…

— Как давно?

— Мы отбыли шестьсот пятьдесят часов назад. Примерно через двести часов после того, как они вывалились из Сети.

Равна вдруг сообразила, что это должны быть очевидцы инцидента. Тридцать дней прошло, а новостные ленты в Группе угроз до сих пор гудели обсуждениями Страума. Общее мнение, поддержанное даже Оргой Вринами: страумеры сотворили Искажение второго класса. Впрочем, это лишь догадки… А теперь ей попались существа, которые были там физически.

— Вы не думаете, что страумеры создали Искажение?

Очередь Синепанциря:

— Я вздыхаю, — сообщил он. — Наши сертификаторы это отрицают, но я усматриваю проблему с совестью. Мы видели на Страуме кое-что странное… Вам не доводилось иметь дело с искусственными иммунными системами? От версий, способных работать в Срединном Запределье, больше хлопот, чем пользы, так что вряд ли. Я отметил резкий сдвиг поведения некоторых

офицеров криптослужбы сразу после торжественных новостей от Страумли. Как если бы они превратились в элементы плохо откалиброванной автоматики. Как будто стали чьими-нибудь, э-э, пальцами… Несомненно, они там в Трансценденции с чем-то возились. Они там что-то нашли. Потерянный архив, но дело не в этом. — Он надолго замолчал, и Равна уже подумала, что разговор окончен. — Понимаете ли, перед самым отлетом с Основного Страумли мы…

Но тут влез Фам Нювен:

— Я вот чего понять не могу. Вы все говорите так, словно Страумлианский Простор был обречен с того момента, как они приступили к исследованиям Трансценденции. Вот смотрите: я в своей жизни возился со странным оружием и глючным софтом. Я понимаю, что такие штуки могут убить. Но, кажется, страумеры осторожничали и разместили лабу далеко. Они что-то такое строили, у них все пошло наперекосяк, но ведь подобные эксперименты уже проводились — как и все опыты тут, наверху. Они ведь могли остановиться в любой момент, едва заметив отклонение от нормы, до самого конца могли. Так почему у них все слетело с катушек?

Вопрос застал наездника врасплох. Для ответа

докторская степень по прикладной теологии не требовалась. Даже чертовы страумеры знали ответ. Но, учитывая жизненный опыт Фама Нювена, удивляться вопросу не приходилось. Равна промолчала: чужеродность наездников придаст их рассказу большее правдоподобие в глазах Фама, чем любой истории от нее самой.

Синепанцирь пошелестел ветвями, явно консультируясь с тележкой. Когда заговорил снова, в голосе его не слышалось раздражения:

— Я слышу тут некоторые ошибочные трактовки, миледи Фам. — Кажется, он применяет старинный нюйорский титул ко всем подряд. — Вы посещали архив Маршрутизатора?

Фам ответил, что да. Равна догадалась, что дальше вступительного раздела он не забирался.

— Тогда вам должно быть известно, что архив — вещь фундаментально сложнее базы данных в обычной локальной сети. Самые крупные даже не поддаются практически пригодному копированию. Основные насчитывают миллионы лет, их поддерживали сотни различных рас, ныне либо вымерших, либо достигших положения Сил в Трансценденции. Даже в архиве Маршрутизатора все так запутано, что системы индексации друг в друга вложены. Лишь в Трансценденции

удается структурировать такой объем данных, и лишь Силам доступно его понимание.

— И что?

— В Запределье тысячи архивов — десятки тысяч, считая те, что давно забыты или выпали из Сети. Наряду с несущественной, тривиальной информацией они содержат важные тайны и важную дезу. Там расставлены ловушки и капканы.

Миллионы рас забавлялись с архивами, попавшими к ним в Сеть. Десятки тысяч на этом погорели. Иногда ущерб оказывался невелик: всего лишь благие намерения завели не туда. Иногда настолько огромен, что цивилизация вынуждена была начинать все сначала: вирусы опустошали ее локальную сеть. Группы «Где они сейчас?» и «Угрозы» полнились историями трагедий куда более жутких: о планетах, где ступить некуда от самовоспроизводящейся слизи, о расах, которые лишились разума по вине плохо запрограммированных иммунных систем.

Выражение на лице Фама Нювена оставалось скептическим.

— Просто надо тестировать это дело на безопасном удалении. И приготовиться к локальным катастрофам.

После этой реплики большинство собеседников прекратили бы объяснения. Равна восхитилась терпением наездника: он помолчал и заговорил снова, перейдя к самым элементарным понятиям.

— Действительно, простые меры предосторожности способны предотвратить множество бед. И если ваша лаборатория в Срединном Запределье или на Дне Запределья, такие меры достаточны — независимо от природы угрозы. Но все мы представляем устройство Зон…

Равна почти не понимала телесного языка наездников, но поклялась бы, что Синепанцирь испытывает глубину невежества Фама. Человек неуверенно кивнул.

Синепанцирь продолжал:

— В Трансценденции способно действовать подлинно сложное оборудование, устройства разумнее всех мыслимых здесь, внизу. Конечно, почти любое экономическое или военное противостояние выигрывает сторона, у которой лучше вычислительные ресурсы. Такие, как на Вершине Запределья или в Трансценденции. Расы постоянно мигрируют туда, надеясь построить собственные утопии. Но что делать, если ваши творения вас же и превзошли? Тогда открывается

бесчисленное пространство вариантов катастрофы, даже если конкретная Сила не злонравна. Имеются также бесчисленные методики по технике безопасности в Трансценденции. Конечно же, испытать их можно только в Трансценденции. А на устройствах, созданных по этим же описаниям, сами алгоритмы обретают разум.

На лице Фама Нювена забрезжил проблеск понимания.

Равна подалась вперед, привлекая внимание рыжего.

— В архивах много сложных структур. Разума они лишены, однако некоторым под силу его развить, если какая-нибудь раса наивных сопляков соблазнится обещаниями. Мы считаем, что на Страумлианском Просторе именно это и произошло. Документация, обещавшая чудеса, их очаровала. Они поддались соблазну сотворить Трансцендентную сущность, Силу. Она же наметила разумных существ Запределья себе в жертвы.

Равна не стала подчеркивать, как редко случается подобное. Силы бывают разного нрава: злобные, дурашливо-игривые, равнодушные. Однако почти все находят лучшее применение своим способностям, чем давить захолустных

тараканов.

Фам Нювен задумчиво потер подбородок:

— Ладно, вы меня убедили. Но я так понял, что это всем известно. Если процедура жутко опасна, как умудрились страумеры вляпаться по уши?

— Невезение и преступная халатность, — с неожиданной резкостью выпалила Равна. Она до этого и не понимала, как зацепил ее Страумлианский инцидент; где-то глубоко внутри отозвались давнишние мечты о Страумлианском Просторе. — Вот смотри. Проекты на Вершине Запределья и в Трансценденции сопряжены с опасностью. Там, наверху, цивилизации долго не живут, но всегда находятся новые смельчаки. Вообще-то, прямых и активных угроз там немного. А со страумерами что случилось? Они зацепили алгоритм, суливший немыслимое богатство. Вполне возможно, что он там провисел без дела миллионы лет: остальные сочли овчинку недостойной выделки. И ты прав: страумеры осознавали риск.

Классическая ситуация баланса рисков и неправильного выбора, увы. Пожалуй, добрая треть курса прикладной теологии была посвящена одной проблеме: как мотыльку удержаться возле огня и не сгореть. Подробности Страумлианской

катастрофы оставались неизвестны, однако Равна могла провести экстраполяцию по сотням изученных случаев.

— Они соорудили базу в Трансценденции, чтобы исследовать потерянный архив. Остальное понятно. Начали воплощать найденные схемы. Будь уверен, они львиную долю времени убили на поиски ловушек. Несомненно также, что алгоритмы состояли из последовательности более или менее понятных шагов из очевидной стартовой точки. На ранних этапах должны были применяться компьютеры и программы эффективнее любых Запредельных аналогов, но с виду безопасные.

— Ага. Даже в Медленной Зоне большая программа полна сюрпризов.

Равна кивнула:

— Некоторые превосходят или почти превосходят человеческое разумение. Конечно, страумеры это понимали и пытались изолироваться от собственных порождений. Но, учитывая, как хитра и злобна эта тварь… не удивлюсь, если некоторые структуры утекли в локалку лаборатории и исказили тамошнюю информацию. С этого момента страумеры были обречены. Самые осторожные сотрудники выглядели бы неуме-

хами. В ответ на фантомные угрозы, требующие чрезвычайных мер, создавались бы все более сложные устройства со все меньшей степенью контроля. Вероятно, людей погубили или подменили еще прежде, чем искажение обзавелось сверхразумом.

Повисло длительное молчание. Казалось, что Фама Нювена наконец проняло. «Угу. Ты тут многого не вкуриваешь, чувак. Подумай на досуге, *что* Старик для тебя приберег».

Синепанцирь согнул отросток и коснулся им коричневого варева с запахом водорослей.

— Хорошо сказано, миледи Равна. Нынешняя ситуация, однако, кое-чем отличается. Возможно, это очень благоприятное и важное отличие. Видите ли, перед самым отлетом с Основного Страумли мы посетили пляжную вечеринку с меньшетележечниками. Их происходящее не слишком задевало; многие попросту не осознавали, что Страум отныне порабощен. Если им повезло, то до них добрались в последнюю очередь. — Его писклявый голос подскочил на октаву и умолк. — О чем я? Ага, о вечеринке. Там был один несколько живее остальных. В неопределенно далеком прошлом он приятельствовал с неким путешественником из страумлианской

новостной службы. Ныне же стал их корреспондентом, довольно незначительным, так что даже в собственной сети агентства не значится… Кажется, что исследователи в страумлианской лаборатории, по крайней мере некоторые из них, не были так беспечны, как вы полагаете. Они подозревали, что Искажение может вырваться на волю, и подготовили средства саботажа.

«Интересненькое дело! Но…»

— Непохоже, чтобы эти средства сработали, гм?

— Я киваю в знак согласия. Они не сумели предотвратить катастрофу. Но запланировали побег из лаборатории на двух звездолетах. И отбили весточку о своей попытке в каналы, приведшие к моему собеседнику на пляжной вечеринке. А теперь самое важное. По крайней мере один из этих кораблей должен был похитить у Искажения некоторые окончательные элементы алгоритма — прежде чем оно успеет инкорпорировать их.

— Конечно, есть резервные копии… — начал было Фам Нювен.

Равна жестом заткнула его. Хватит уже аспирантских лекций на сегодня. Невероятно! Она следила за новостями со Страумлианского Простора так же пристально, как и все прочие.

Простор — первая дочерняя колония Сьяндры Кей на Вершине: ужасно было видеть ее уничтоженной. Но нигде в Группе угроз не проскочило даже упоминания, что Искажение не полное…

— Если это так, то у страумеров остаются шансы. Смотря что им удалось выкрасть.

— Именно. И конечно, люди тоже это понимали. Они намеревались направиться прямиком ко Дну Запределья, а там пересечься со своими страумлианскими союзниками.

А такого, учитывая масштабы катаклизма, могло никогда и не произойти. Равна откинулась в кресле, впервые за много часов забыв о Фаме Нювене. Вероятнее всего, оба корабля уже погибли. Если нет… Не самое умное решение — бежать ко Дну. И если в распоряжении страумеров то, о чем подозревает Синепанцирь, то Искажению они нужны просто позарез. Неудивительно, что Синепанцирь с Зеленожкой утаили это от новостных групп.

— Вам известно, куда они направляются? — тихо спросила она.

— Приблизительно.

Зеленожка что-то прошелестела.

— Сами мы этого не знаем, — уточнил он. — Координаты в безопасном месте у нас на корабле.

Но вот еще кое-что. У страумеров имелся план на случай, если встреча не состоится. Они намеревались просигналить Маршрутизатору корабельным ультрапередатчиком.

— Так, погоди. Какого размера корабль?

Равна не была инженером физических слоев, но знала, что трансиверы опорной сети Маршрутизатора представляют собой рои элементарных антенн, каждый рой охватом несколько световых лет, а каждая антенна — десять тысяч километров в поперечнике.

Синепанцирь поездил взад-вперед: он был явно взбудоражен.

— Этого мы не знаем, но там ничего особенного. Если не слушать направленной крупной антенной, отсюда его заметить не удастся.

— Мы полагаем, что это входило в их планы, хотя там отчаянная мера на отчаянной мере сидит и ею погоняет, — добавила Зеленожка. — С момента прибытия на Маршрутизатор мы осаждаем Орга…

— Вежливо и ненавязчиво! — резко вставил Синепанцирь.

— Да. Мы просим Организацию поискать этот корабль. Боюсь, мы не в те кабинеты стучались. Никто нам не верит. Ведь наш источник — всего

лишь меньшетележечный наездник.

«Ну да. Разве у него могут быть новости свежее ста лет?»

— То, о чем мы просим, и в обычной ситуации обошлось бы дорого, а сейчас цены, вероятно, еще больше подскочили.

Равна попыталась умерить свой энтузиазм. Прочти она это в Группе новостей, приняла бы попросту за очередной любопытный слух. С какой стати облекать его бóльшим доверием лишь потому, что историю рассказали ей лично? Но, о Силы, что за ирония судьбы! Сотни пользователей с Вершины и из Трансценденции, не исключая и Старика, истощают ресурсы Маршрутизатора неуемным интересом к Страумлианской катастрофе. А если ответ вот он, прямо перед ними, заглушенный нетерпеливыми воплями дознавателей?

— А с кем именно вы беседовали? Ай, ладно, пустое. — («Может, стоило бы пересказать эту историю самому Грондру ‘Калиру?»). — Думаю, вам полезно узнать, что я сотрудница Организации Вринами… — *очень низкого ранга!* — …и могла бы вам помочь.

Она ожидала, что наездников поразит прихоть удачи. Вместо этого разговор вдруг пресекся. На-

верное, Синепанцирь опять потерял нить беседы. Наконец заговорила Зеленожка:

— Я краснею. Видите ли, нам это известно. Синепанцирь отыскал вас в списке сотрудников; вы единственный человек в Орге. Вы работаете в службе контактов с потребителями, ну, мы и подумали, что если, э-э, случайно столкнемся с вами, то вы нас, наверное, выслушаете.

Ветки Синепанциря резко сомкнулись. Раздражен? Или наконец поймал нить беседы?

— Да. Что же, поскольку мы тут разоткровенничались, стоит признаться: нам это может пойти на пользу. Если корабль беженцев располагает доказательствами, что Искажение не развилось до полного второго класса, то, вероятно, мы сумеем убедить заказчиков, что груз не испорчен. Ах, знай мои друзья-сертификаторы, кто вы, они бы вам ноги лобызали, миледи Равна.

Они засиделись в «Бродячей компании» далеко за полночь. У некоторых новоприбывших наступал циркадный пик, так что и за столиками, и на полу бурлила ночная жизнь. Взоры Фама метались по залу, впитывая новые впечатления. Больше всего, как могло показаться, его восхищали Синепанцирь и Зеленожка. Эти двое разительно отличались от людей, их даже

чужаки сторонились. Наездники относились к расам, достигшим долговременной стабильности в Запределье, а таких было немного. Видообразование у них давно завершилось, боковые ветви отделились полностью либо вымерли. И тем не менее некоторые наездники сохраняли верность древним тележкам, уже более миллиарда лет поддерживая уникальное равновесие внешности и машинного интерфейса. С другой стороны, Синепанцирь с Зеленожкой были еще и торговцами, а таких Фам Нювен в Медленной Зоне повидал предостаточно. Фам, как обычно, нахальничал, однако в нем проступило новое качество — некоторая дипломатичность. А может, его наконец проняло чудесами Запределья. Лучших собутыльников ему и желать не стоило. Раса наездников предпочитала расслабленное созерцание почти любым действиям. Доставив важное сообщение, они принялись обсуждать свою жизнь в Запределье, охотно разъясняя варвару все мыслимые подробности. Бритвочелюстные радетели о сертификатах давно улетучились.

Под оживленный гомон Равна с интересом следила за беседой. И улыбалась про себя. В известном смысле она тут отщепенка, несостоявшаяся личность. Синепанцирь и Зеленожка

травили байки, и некоторые истории изумляли даже Равну. Она придерживалась теории (не слишком-то популярной) о том, что, когда разумные существа находят общие темы, остальное уже неважно. Двоих из этой компании легко можно было принять за деревца в горшках, водруженных на тележки, а третий разительно отличался от всех людей, виденных ею в жизни. Говорили они на искусственном языке, причем два голоса больше напоминали перемежавшееся писком порывистое дыхание. Однако стоило уделить беседе несколько минут, как перед мысленным оком Равны появлялись образы участников: интересней большинства ее друзей по аспирантуре, но не такие уж и отличные от них. Наездники составляли супружескую пару. Едва ли это существенно: сексуальные отношения их расы сводились к соседству в определенное время года. Однако между ними чувствовалась глубокая привязанность, особенно четко — у Зеленожки. Она (он?) был(а) застенчив(а), но упрям(а) и весьма искренен(на), что для торговца могло оказаться серьезным недостатком. Синепанцирь закрывал собой эту уязвимость: он (она?) казался(ась) напористым(ой), разговорчивым(ой), явно привык(ла) вертеть окружающими себе на пользу.

Равне же виделось под этой маской порывистое создание, стеснявшееся собственной пронырливости и втайне благодарное Зеленожке, если та его одергивала.

А что сказать о Фаме Нювене? «Да, что такое в нем гнездится?» Как ни странно, он представлял собой бóльшую загадку. В этот вечер нахальный варвар почти скрылся из виду: возможно, Фам берег его для опасных ситуаций. Чувак по рождению принадлежал к патриархальной культуре, полной противоположности матриархата, породившего в конечном счете все Запредельное человечество. Вдруг под маской нахала обитает довольно милая личность? Вспомнить только, как он осадил бритвочелюстника… А как очаровал наездников… До Равны вдруг дошло, что, проведя столько часов за чтением любовных историй, она наконец взяла и повстречала героя первого своего романа.

В 02:30 по местному времени они наконец покинули «Бродячую компанию». Часов через пять, даже меньше, над бортогоризонтом Причалов поднимется солнце. Наездники выкатились наружу проводить их. Синепанцирь переключился на самношк, угостил Равну историей про свой последний визит на Сьяндру Кей и напомнил,

чтобы замолвила словечко о поисках корабля беженцев.

Равна с Фамом воспарили в разреженный воздух и направились к жилым башням. Наездники внизу слились с ландшафтом.

Пару минут люди молчали. Наверное, даже Фама Нювена проняло величие картины. Они пролетали над темными расщелинами между залитых ослепительным светом конструкций Причалов, и в тысяче километров под ними простирались парки и жилые кварталы Земсторонья. Темными завитками на темном фоне клубились тучи.

Квартира Равны располагалась на окраине Причалов. Тут воздухонтаны оказались бы бесполезны: жилая башня вонзалась в вакуум. Равна и ее спутник спланировали на балкон, выпустили внутрь оставшийся в скафандрах воздух. Язык Равны жил собственной жизнью, рассказывая, как девушке предоставили квартиру в самом начале ее работы с архивами и что с ее рабочим местом сии апартаменты сравнивать смешно. Фам Нювен кивал. На лице его сохранялось спокойное выражение. Никаких подколок.

Она что-то лепетала, пока они не очутились внутри и… Равна заткнулась. Двое уставились

друг на друга. Честно сказать, она возмечтала об этом олухе еще с той минуты, как увидела идиотскую Грондрову анимацию. Но до сегодняшнего вечера в «Бродячей компании» не осмеливалась зайти так далеко, чтобы пригласить его к себе домой.

— Э-э, я…

Эх, принцесса Равна, где ж твое рвение? Что ворон-то считаешь?

Она села, подалась вперед, взяла его за руку. Фам Нювен вернул ей улыбку — о Силы, и он тоже стесняется!

— А у тебя тут красиво, — сказал он.

— Я обставила квартиру в технопримитивистском стиле. Тут, на окраине Причалов, есть свои плюсы: городские огни не затмевают естественный пейзаж. Пошли покажу.

Она притушила освещение и отдернула шторы. Окно было прозрачное в естественном диапазоне и выходило на край Причалов. По вечерам вид потрясающий. Пока они летели из «Бродячей компании», небосвод оставался чертовски темен: наверное, внутрисистемные фабрики сейчас отключены или скрыты Земстороньем. Даже корабельный трафик поредел.

Она отошла в сторону, встав за спиной Фама.

Окно образовало поперек ее поля зрения размытый прямоугольник.

— Подожди немного, глаза привыкнут. Усилителя тут нет.

Четко проявилось Земсторонье: редкие проблески света пробиваются сквозь облака. Она провела рукой по его спине и почувствовала, как шевельнулись его плечи в ответ.

Да, все правильно: в эту ночь на небе царит Галактика. Старожилы-вринимийцы обычно пренебрегали этим зрелищем, а Равне панорама казалась прекрасней всего прочего на Маршрутизаторе. Без оптического усиления свет был тускл: двадцать тысяч световых лет — долгая дорога. Сначала возникало впечатление тумана, редких звездочек, потом, когда глаза привыкали к темноте, мгла обретала форму, закручивалась арками, становилась ярче в одних местах и тусклее в других. Еще немного… в тумане проступают звездные узелки… полоски непроглядного мрака меж изогнутых рукавов… структура продолжала усложняться по мере приближения к бледной сердцевине — Ядру. Мальстрём, водоворот на полнеба. Застывший, схваченный космическим морозом.

Она слышала, как у Фама перехватило дыха-

ние. Он что-то произнес: длинную напевную фразу, может быть, на триске, но точно не на самношке.

— Я всю жизнь провел на крохотном клочке *этого*. И мнил себя властелином космоса. Я и не мечтал, что буду стоять вот так и лицезреть все это великолепие. — Рука его легла на плечо девушки, потом расслабленно провела по волосам. — И что, как бы мы ни всматривались, Зон нам не увидеть?

Она медленно покачала головой:

— Нет. Но их без труда можно вообразить.

Она сделала жест свободной рукой: Зоны Мысли в общем отвечали распределению массы в Галактике. Безмысленные Глубины простирались у Дна, уходя в мягкое сияние галактического Ядра. Дальше тянулась Великая Медленная Зона, где возникло человечество; туда ультрасвету пути не было, там зарождались и умирали в безвестности и невежестве бесчисленные цивилизации. Еще дальше — Запределье, которое слагали звезды на расстоянии примерно 4/5 от центра Галактики; эта Зона довольно сильно отклонялась от галактической плоскости, захватывая и такие участки, как Маршрутизатор. Известная Сеть в той или иной форме существо-

вала в Запределье уже миллиарды лет. Ее нельзя было считать цивилизацией: немногие цивилизации способны протянуть дольше миллиона лет. Но исторические записи были довольно обширны, подчас — квазиразумны, обычно же — требовали перевода по цепочке языков, от одной вымершей расы к другой, причем без шанса перекрестной проверки: ситуация сложнее, чем для сообщений в любой многозвенной сети. Впрочем, кое-что удалось установить наверняка: Зоны Мысли существовали всегда, хотя границы их постепенно смещались внутрь. Всегда велись войны и заключались мирные соглашения, всегда карабкались из Великой Медленной Зоны расы, создавая тысячи крохотных империй. И всегда кто-нибудь восходил к Трансценденции, обретая Силу… или становясь добычей Сил.

— А где Трансценденция? — спросил Фам. — Вон там, в далекой тьме?

«Во тьме между галактиками…» Равна мягко рассмеялась:

— Да, она все это включает… но видишь внешние отроги спиралей? Они тоже в Трансценденции.

Во всяком случае, все, что дальше сорока тысяч световых лет от галактического центра.

Фам Нювен долго молчал. Она почувствовала, как его пробивает легкая дрожь.

— Поговорив с колесниками, я… я решил, что понимаю, о чем ты хотела меня предупредить… более или менее. Тут много такого, что мне неизвестно, что может меня убить… или еще хуже…

«Наконец здравый смысл торжествует».

— Это так, — тихо согласилась она. — Но дело не в тебе, не в том, что ты тут совсем недавно. Ты мог бы посвятить изучению этой области всю жизнь и не найти ответов. Сколько времени уйдет у рыбы, чтоб уразуметь, чем руководствуются люди? Аналогия не очень точная, но единственно безопасная; по сравнению с Силами Трансценденции мы — тупые животные. Вспомни, что люди вытворяли с животными. Изобретательность, садизм, благотворительность, геноцид… у всего найдутся аналоги в Трансценденции, в миллионе вариантов. Зоны — естественный защитный механизм; без них интеллект человеческого уровня, вероятно, не возник бы. — Она махнула рукой в сторону туманных звездных роев. — Запределье и то, что ниже, подобны океанским глубинам, а мы плаваем в бездне. Так глубоко, что существа на поверхности, хотя и значительно более развитые, не могут нас достать. Ну да, они про-

должают удить рыбу, а временами отравляют верхние слои вод ядами, природы которых мы даже понять не в состоянии. Но толща вод остается сравнительно безопасна. — Она помолчала. Аналогию стоило развить. — И, как в океане, обломки кораблекрушений порой выносит наверх. Некоторые вещи можно создать только Наверху, где работают квазиразумные фабрики, и они сохранят функциональность на этой глубине. Синепанцирь упомянул кое-какие в беседе с тобой: антиграв-ткань, интеллектронные устройства. Это величайшее физическое сокровище в Запределье, ведь сами мы такого делать не умеем. И добыть их — задача крайне опасная.

Фам развернулся к ней, отведя взор от окна и звезд.

— И всегда находится *рыбешка*, которой охота высунуться на поверхность.

Ей тут же пришло в голову, что она его теряет, что Фам пленен смертоносной романтикой Трансценденции.

— Рыбешка рискует всем, польстившись на кусок божественной приманки… и даже если отыщет небеса, не сумеет отличить их от преисподней.

Его трясло. Он обнял ее. Она вскинула голову и

встретила его нетерпеливые губы.

Равна Бергсндот два года как улетела со Сьяндры Кей. В известном смысле — краткий срок, но сейчас тело сообщило ей, что прошла целая вечность. Каждое прикосновение исполнено страсти и пробуждает тщательно стреноженные желания. У нее по коже побежали мурашки. Колоссальным усилием удалось сбросить одежду, ничего не порвав.

У Равны давно не было практики. И конечно, никаких свежих воспоминаний для сравнения… Но Фам Нювен оказался хорош, очень хорош.

> Шифрование: 0
>
> Получено: Трансивер Маршрутизатора 01, Маршрутизатор
>
> Путь перевода: Аквилерон → трисквелин (диалект СК), устройства Маршрутизатора
>
> От: Сетевой администратор трансивера Песня Ветра на Нижнем Деблее
>
> Тема: Жалобы на Маршрутизатор, предлагаемое решение
>
> Краткое содержание: Положение дел ухудшается, попробуйте вместо них обратиться к нам

Ключевые фразы: проблемы коммуникации, ненадежность Маршрутизатора, Трансценденция

Рассылка в/на: группу по интересам Затраты на связь, группу администраторов Разношерстный выводок; трансивер Маршрутизатора 01, Маршрутизатор; трансивер Недолгая остановка на Краткой задержке

Подписка на отзывы: Группа по интересам Расширение Песни Ветра

Дата: 07:21:21 по времени Причалов, 36 день 9 месяца 52089 оргода

Текст сообщения: В течение последних пяти часов группа Затраты на связь приняла 9834 новых жалобы на перегрузку трансиверного слоя в адрес Организации Вриними, контролирующей Маршрутизатор. Каждый из жалобщиков обслуживает десятки тысяч планет. Вринимийцы снова и снова заверяли, что перегрузка – явление временное, связанное с неожиданным возрастанием потребления трафика существом из Трансценденции.

Будучи основными конкурентами Маршрутизатора в этом регионе, мы на

Песни Ветра получили от перегрузки определенную пользу. Тем не менее доселе мы полагали неприемлемым для себя выдвигать скоординированное предложение по ситуации.

События последних семи часов вынудили нас изменить свою политику. Читателям настоящего сообщения наверняка известна суть инцидента; большинство из вас – его жертвы. Начиная с [00:00:27 по времени Причалов], Орга Вриними приступила к внеплановому отключению трансиверов. Трансивер M01 отключился в 00:00:27, M02 – в 02:50:32, M03 и M04 – в 03:12:01. Вриними сообщила, что Трансцендентный пользователь настоятельно требует предоставить ему всю полосу пропускания. (В распоряжение указанной Силы уже был выделен трансивер M00.) Клиент запросил себе в пользование каналы как наверх, так и вниз по Сети. Как признает сама Орга, внеплановое потребление достигло шестидесяти процентов емкости всех каналов. Заметим, что в предшествующие инциденту пять часов избыточное потребление (уже спровоци-

ровавшее вполне обоснованные жалобы) не превосходило пяти процентов емкости каналов Организации.

Друзья, мы, Песня Ветра, не новички в дальней связи. Мы понимаем, как нелегко обслуживать элементы трансивера весом с планету. Мы отдаем себе отчет, что в нашей сфере деятельности трудно требовать неукоснительного соблюдения поставщиками жестких условий контракта. В то же время поведение Орги Вриними совершенно непростительно. Да, за последние три часа Орга вернула трансиверы с М01 по М04 в общий доступ и поклялась перечислить часть уплаченных Силой гонораров тем, кто «претерпел неудобства». Но лишь самой Вриними известно, сколько она в действительности получила. И никто, даже сама Вриними, не знает, предстоят ли нам в будущем аналогичные эксцессы.

Вриними обрела неожиданный, баснословный доход, а вы – понесли неисчислимые убытки.

В свете вышесказанного Песня Ветра на Нижнем Деблее рассматривает воз-

можность существенного и постоянного расширения своих услуг. Для этого мы намерены соорудить пять дополнительных опорных передатчиков. Разумеется, предприятие это обойдется очень дорого. Трансиверы никогда не бывают дешевы, а Нижний Деблей расположен в геометрическом отношении менее удачно, нежели Маршрутизатор. При удачном ходе дел инвестиции окупятся лишь через много десятилетий. Мы не рискнем предпринять подобного, не заручившись явной поддержкой пользователей. Для оценки ее уровня и с намерением убедить вас в реальной необходимости проекта мы создаем временную новостную группу по интересам Расширение Песни Ветра. Модератором и архиватором выступит Песня Ветра. Пользователям трансиверного слоя доступ к этой группе на получение и отправку сообщений обойдется лишь в десять процентов от обычной нашей ставки. Мы просим вас, пользователей трансиверного слоя, использовать этот сервис для обсуждения проблемы и решить, какая степень надежности ожи-

дается от Орги Вриними в будущем и что вы думаете о наших предложениях.

Мы ждем ваших откликов.

Глава 9

Когда все кончилось, Равна крепко уснула. Лишь в разгаре утра что-то вытянуло ее обратно в явь: звонок телефона, монотонный, настойчивый, способный разбить даже самые сладкие грезы. Она открыла глаза, пребывая в смятенных чувствах, но счастливая. Она лежала, обвив руками… пустую подушку. «Вот досада, он уже ушел…» Секунду полежала на спине, вспоминая. Два года одиночества: до последней ночи она даже не осознавала меры этого одиночества. Счастье такое неожиданное, такое бурное, что… как странно…

Телефон звякал и звякал. Наконец она выбралась из кровати и нетвердой походкой направилась через комнату. Есть же пределы этой технически примитивной бессмыслице?

— Слушаю?

Кто-то из наездников. Зеленожка?

— Прости, что беспокою тебя, Равна, но… с тобой все в порядке?

Наездница внезапно осеклась. Равна сообразила, что видок у нее еще тот: дурацкая улыбка от уха до уха, волосы растрепаны, торчат во все стороны. Она прижала к губам ладонь, пряча смех.

— Да, со мной все в порядке. — (Слабо сказано!) — А у тебя как?

— Мы хотели бы поблагодарить тебя за помощь. Мы и не мечтали встретиться с таким высокопоставленным функционером. Мы сотни часов провели, умоляя Организацию прислушаться к беженцам. А меньше чем через час после разговора с тобой нам сообщили, что поиск проведут немедленно.

— М-м. — (Ну и что теперь?) — Отлично. Но я не уверена… Я… А за чей счет?

— Не знаю, но это дорого. Нам сказали, что для поиска выделен целый трансивер из опорной сети. Если оттуда кто-то сигналит, мы через считаные часы узнаем.

Они проболтали еще несколько минут. Равна постепенно осваивалась с новой ситуацией, укладывая в голове события последних десяти часов — фрагменты мозаики из дел и наслаждений. Она в принципе ожидала, что Орга будет шпионить за ними в «Бродячей компании». Возможно, Гронд там и подслушал эту историю — и решил принять за чистую монету. Однако лишь вчера он так ныл, что трансиверы перегружены… В любом случае вести добрые — может, даже замечательные. Если странный рассказ наездников окажется правдив,

стоит предположить, что Страумлианское Искажение не проявляет Трансцендентной природы. А если на кораблях беженцев додумаются, как его обуздать, то — почем знать? — и Страумлианский Простор получится спасти.

Когда Зеленожка отключилась, Равна принялась бродить по квартире, приводя себя в порядок и взвешивая вероятности развития событий. Действия девушки обрели целеустремленность, соображаловка ускорилась почти до обычной. Многое требовалось проверить.

Затем телефон зазвонил снова. На этот раз она включила предпросмотр абонента. Ой! Сам Гронд Вринимикалир. Она торопливо зачесала волосы рукой: прическа все еще выглядела ужасно, а глушить визуалку этот телефон не умел. Внезапно она заметила, что и Гронд не в лучшей форме. Лицевой хитин словно испачкан, причем даже вокруг некоторых пятнышек. Она приняла вызов.

— А! — Голос подскочил до писка, потом вернулся к обычному тону. — Спасибо, что ответила. Я бы раньше позвонил, но у нас… хаотичная обстановка. — И куда делся привычный его холодок? — Я просто хочу сказать, что Орга тут ни при чем. Мы только часа два назад распутались. —

Он пустился сбивчиво описывать массивный всплеск потребления ресурсов.

Пока Грондр болтал о своем, Равна вызвала сводку недавней активности Маршрутизатора.

О Силы Истинносущие, *шестьдесят процентов на сторону*? Выдержки из группы Затраты на связь. Она быстро пролистала их, дошла до сообщения от Песни Ветра. Газовые мешки, как всегда, фанфаронят, но предложение отказаться от услуг Маршрутизатора в их пользу выглядело реальной угрозой. Именно этого Грондр и опасался.

— …Старик требовал себе все больше ресурсов. Когда мы наконец сообразили, куда идет дело, и воспротивились… В общем, мы почитай что пригрозили ему насилием. У нас есть способы уничтожить присланный им корабль. Понятия не имею, чем бы он ответил, но мы дали понять, что требования Старика для нас уже губительны. Благодарение Силам, он просто удивился и отступил. Он сейчас ограничивается единственным трансивером и занят поиском сигналов — к нам это отношения не имеет.

Гм. Одной загадкой меньше. Старик, вероятно, шнырял вокруг «Бродячей компании» и подслушал рассказ наездников.

— Возможно, все наладится, но важно действо-

вать столь же решительно, если Старик снова создаст нам проблемы.

Слова сорвались с губ прежде, чем она вспомнила, кому советует.

Грондр будто не заметил. И залопотал, соглашаясь:

— Да-да. Я так скажу, будь Старик обычным пользователем, мы бы его навеки в черный список внесли за эту аферу… Впрочем, обычный пользователь не сумел бы нас одурачить.

Грондр протер лицо пухлыми белыми пальцами:

— Обычный заапределец не сумел бы изменить наши записи об экспедиции той драги. Даже существо с Вершины не смогло бы вломиться к нам в Кладовку и похозяйничать там с останками без нашего ведома.

Драга? Останки? До Равны постепенно доходило, что они с Грондром говорят о разных вещах.

— А что именно Старик проделал?

— Нужны детали? Мы теперь почти уверены. Со времени Падения Страума Старик проявляет сильный интерес к людям. К сожалению, волонтеров тут не нашлось. Он принялся нами манипулировать, переделал каталожные записи. Мы проверили по неискаженной резервной

копии в филиале: драга действительно выудила потерпевший крушение человеческий корабль и на борту обнаружились части тел — но оживлять-то было некого. Старик, вероятно, там повозился, перемешал, сопоставил. Наверное, воспоминания сфабриковал путем экстраполяции по архивным сведениям о человеческой культуре. Теперь, восстанавливая ход событий, мы видим, что его ранние запросы связаны с вторжением в Кладовку.

Гронд продолжал бормотать, но Равна перестала его слушать, уставясь невидящим взглядом в экран телефона. «Мы — мелкая рыбешка на глубине, прикрытая толщей от рыбаков наверху. Но пускай сами они сюда спуститься не могут, наживки и смертоносные уловки у рыбаков в изобилии. А значит, Фам…»

— Так, значит, Фам Нювен — всего лишь робот, — сказала она тихо.

— Не совсем. Он человек. Располагая подложными воспоминаниями, он способен действовать автономно. Но когда Старик занимает всю полосу, существо это становится его эмиссаром, вспомогательным устройством.

Десницей и зеницей Силы.

Гронд в замешательстве пощелкал частями

рта:

— Равна, мы не знаем, что происходило этой ночью; помещать тебя под пристальное наблюдение поводов не было. Но Старик утверждает, что нужды в прямом исследовании у него теперь нет. В любом случае, мы ему больше никогда не предоставим всю полосу.

Равна едва сумела кивнуть. Лицо ее вдруг похолодело. Ей прежде не доводилось одновременно испытывать и гнев, и ужас такой силы. Она встала, неловко покачнувшись, и отошла от телефона, игнорируя протестующие крики Гронда. Истории, слышанные в аспирантуре, вдруг всплыли в памяти, а следом — мифы доброй дюжины человеческих религий. Последствия. Последствия. От некоторых можно защититься; некоторые же приносят вред непоправимый.

Откуда-то с задворков сознания сквозь ярость и ужас пробилась удивительно идиотская мысль. Она восемь часов провела лицом к лицу с Силой. История, достойная раздела в учебнике; такие всегда случаются где-то за тридевять земель и доходят перевранными. Никто во всей Сьяндре Кей не мог похвастаться даже отдаленно схожим переживанием. Доселе не мог.

Глава 10

Йоханна долго плыла в лодке. Солнце ни разу не село: вот оно далеко позади, вот высоко впереди, вот небо закрыли облака и дождик застучал по просмоленному брезенту, которым ее накрыли поверх одеял. Она часы напролет дрейфовала в болезненном тумане. Все словно во сне. Какие-то существа тянут ее за одежду, пропитанную кровью, осторожные лапы и крысиные морды меняют повязки на ранах и силой вливают в горло холодную воду. Стоило ей разметаться, как мама поправила одеяла и убаюкала очень странными звуками. Часы напролет рядом лежал кто-то теплый. Иногда ей казалось, Джефри, обычно же — крупный урчащий пес.

Дождь перестал. Солнце показалось по левому борту лодки, но его отсекала холодная резкая тень. Боль будто распалась на части. Один очаг ее находился в плече и груди; и когда лодку швыряло на волнах, эта боль пронизывала тело насквозь. Второй очаг пылал глубоко в кишках, очаг сосущей пустоты, порожденный не только качкой… ее так мучили голод и жажда…

Все чаще вместо видений приходили воспо-

минания. От этих кошмаров избавиться уже не суждено, потому что они случились в реальности. И еще не закончились.

Солнце выглядывало из-за облаков и снова пропадало. Медленно скользя по небу, оно очутилось почти точно за кормой лодки. Йоханна пыталась вспомнить, что говорил об этом папа как раз перед тем… как раз перед тем, как все испаскудилось. Они в арктическом поясе планеты, во время полярного лета. Значит, нижняя точка солнца указывает на север, а их двухкорпусная лодка направляется примерно на юг. Куда бы ни держали они путь, с каждой минутой звездолет, а с ним и надежда отыскать Джефри, все дальше.

Иногда вода вокруг разливалась, как в открытом море, а холмы отдалялись или исчезали в низких облаках. Иногда катамаран проносило через узкие проливы, совсем рядом с обнаженными скалами. Девочка и не представляла, что парусное суденышко может развивать такую скорость, а путешествие на нем — быть таким опасным. Четверым крысоподобным существам приходилось напряженно поработать, чтобы лодку не швырнуло на скалы. Они молча метались от мачты к релингу, временами залезая друг другу на плечи, чтобы дальше дотянуться. Катамаран

стонал, скрипел, кренился, его подбрасывало на порогах, но потом опасные проливы оставались позади, а скалы медленно расступались.

Йоханна долго делала вид, что валяется в лихорадке. Стонала, дергалась, наблюдала. Гондолы катамарана были длинные и узкие, почти как у каноэ. Парус установлен посередине между ними. Он-то и отбрасывал тень в ее сны, дергаясь на чистом пронзительном ветру. По небу двигались лавины серых, белых и темных облаков. Там летали птицы. Кружили вокруг мачты снова и снова. Воздух был наполнен щебетом и шипением — но не птичьими.

Звуки исходили от монстров. Она следила за ними сквозь ресницы. Звери той же породы, как те, что убили маму с папой. Даже носят такие же нелепые одеяния, серовато-зеленые куртки, с множеством карманов и застежек. Раньше Йоханна считала их волками или собаками. Это описание было неточным. Да, у тварей четыре тонкие лапы и острые маленькие уши, но шеи длинные, а глазки нет-нет да и сверкнут розовым, как у очень больших крыс.

Чем дольше Йоханна за ними наблюдала, тем отвратительнее они ей казались. Снимок этого ужаса не передал бы, надо было видеть их в дви-

жении. Она следила за четверкой по ближнему борту, которая возилась с ее данником. Розовый Слоник лежал в сумке у заднего борта, и теперь тварям стало интересно, что это за штука. Поначалу было похоже на цирковое представление: головы животных крутились туда-сюда. Но как точны их движения, как четко скоординированы. Не обладая руками, они тем не менее развязали узелки, придерживая кончики губами и вытягивая шеи друг за другом. Один из них в это время придерживал перевязь, прижав ее лапой к борту. Они напоминали марионеток на нитях у кукловода.

За считаные секунды твари вытащили устройство из сумки. Собаки бы бросили его на дно лодки, а потом стали бы подталкивать лапами. У этих не так. Двое положили данник на поперечную скамью, а третий придержал добычу лапой. Они ощупали края устройства, уделив особое внимание плюшевым боковушкам и откидным ушам. Они давили и толкали, действуя с очевидной целью. Они пытались его открыть.

Две головы возникли над релингом по другому борту. Издали булькающее шипение — похоже одновременно на птичий щебет и словно кого-то рвет. Один зверь, находившийся рядом с Йохан-

ной, оглянулся и ответил похожими звуками. Трое остальных продолжали возиться с защелками данника.

Наконец они додумались одновременно нажать на крупные откидные уши: крышка откинулась, и верхнее окошко перешло в запрограммированный Йоханной стартовый режим — анимированный образ хозяйки произнес:

— Как тебе не стыдно копаться в моих вещах, Джефри!

Четверо зверей застыли как вкопанные, глаза их внезапно расширились.

Четверка рядом с Йоханной повернула данник так, чтобы и остальным было видно. Один придерживал устройство, пока второй смотрел на верхний экран, а третий возился с клавиатурным окошком. Их сородичи в другой половине лодки изнывали от любопытства, но приближаться не осмеливались. Первая четверка, без разбору нажимая все подряд, прервала стартовое приветствие. Один из них воззрился на вторую четверку, еще двое наблюдали за Йоханной. Она продолжала лежать, чуть разомкнув веки.

— Как тебе не стыдно копаться в моих вещах, Джефри! — снова раздался голос Йоханны, но произнес эти слова один из зверей. Имитация

была идеальной. Потом прозвучал вопль перепуганной девчонки:

— Мам! Пап!

Снова ее собственный голос, но более перепуганный и детский, чем ей бы хотелось слышать.

Звери, казалось, ожидали реакции данника. Когда ее не последовало, один снова сунул нос между окошек. Все сколько-нибудь ценное и все важные программы, конечно, запаролены. Из коробочки посыпались издевки и оскорбления, перемежаемые маленькими сюрпризами, которые Йоханна припасла для своего братца, любителя совать нос куда не следует. *Ах, Джефри, Джефри, увижу ли я тебя снова?..*

Вопли и видеоролики занимали внимание монстров несколько минут. В конце концов тыкание наобум привело данник к умозаключению, что с ним играется кто-то совсем маленький, и он переключил себя в детский режим.

Твари поняли, что Йоханна за ними наблюдает. Из той четверки, что возилась со Слоником, одно существо — *не одно и то же* — всегда смотрело в ее сторону. Они с ней забавлялись, делая вид, будто не подозревают о ее притворстве.

Йоханна открыла глаза и уставилась на тварь:

— Будь ты проклят!

Глянула в другую сторону и завизжала. Свора в другой гондоле катамарана собралась вместе. Головы их на гибких шеях высовывались из кучи, глаза отливали красным в свете низкого солнца. Стая крыс или змей молча глядела на девочку — и неведомо с каких пор.

При ее крике головы вытянулись вперед, и вопль повторился. За ее спиной ее собственный голос закричал:

— Будь ты проклят!

Еще откуда-то раздавалось «Мам! Пап!». Йоханна снова вскрикнула, и они снова вернули вопль эхом. Подавив ужас, она застыла в молчании. Чудовища полминуты дразнили ее, повторяя слова, которые, верно, подслушали в ее бреду. Увидев, что она перестала пугаться, они бросили имитировать человека и снова забулькали, зашипели, словно две стайки о чем-то переговаривались. Наконец ближняя четверка закрыла данник и упрятала его в сумку.

Шестерка зверей рассыпалась. Трое перескочили в другую гондолу, крепко схватились когтями за борт и высунулись наружу, вперед. В этот миг они были очень похожи на собак — крупных собак, которые высовываются из окна машины и принюхиваются ко встречному потоку возду-

ха. Длинные шеи вертелись туда-сюда. Каждые несколько минут кто-то опускал голову к воде, исчезая из виду. Пьют? Рыбачат?

Рыбачат. Голова взметнулась, швырнув на дно лодки что-то маленькое, зеленое. Остальные три зверя свели носы вместе и схватили эту штуку. Она успела углядеть тонкие ножки и блестящий панцирь. Одна из крыс придержала добычу пастью, а две другие разорвали на части, действуя с непостижимой точностью. Стая казалась единым существом, каждая шея была как щупальце с парой челюстей. Ее затошнило от этой мысли, но вырвать оказалось нечем.

Рыбалка продлилась еще четверть часа. Звери поймали по крайней мере семь зеленых созданий. Но не стали есть; во всяком случае, не всех. Расчлененный улов побросали в небольшую деревянную миску.

Две стаи снова побулькали между собой. Один из шестерки взял миску в пасть и прокрался по релингу. Четверо рядом с Йоханной сбились в кучу, словно приближение незваного гостя их напугало. Только после того, как миска была поставлена на скамейку гондолы и другой зверь вернулся на свою половину катамарана, четверка разомкнула морды.

Одна из крыс четверки заглянула в миску, взяла ее за край и направилась к девочке в сопровождении сородича. Йоханна сглотнула слюну. Что за пытку ей готовят? Желудок свело, и не от ярости. Она уставилась на миску: никак они ее кормить собрались?!

Солнце как раз вынырнуло из туч на севере. Низкие полосы света напомнили ей осенний вечер после недавнего дождя: темное небо высоко над головой, но все блестит и сверкает. Шерсть у зверей оказалась роскошная, густая. Один зверь подсунул Йоханне миску, другой опустил морду внутрь и вытащил… что-то зеленое, скользкое. Осторожно придерживая «лакомый кусочек» самым краем длинной пасти, существо обернулось и поднесло девочке зеленую гадость.

— Нет! — отшатнулась Йоханна.

Существо замерло. Мгновение девочка ожидала, что сейчас ответит эхо, но затем зверь уронил взятый кусок назад в миску. Первая тварь перенесла посудину на скамью рядом с девочкой. Метнула на Йоханну взгляд и выпустила из челюстей край миски. Девочка успела заметить острые блестящие зубы.

Йоханна смотрела на миску, а голод в ней боролся с отвращением. Наконец она высунула

руку из-под одеял и опустила в миску. Головы вздернулись, стайки обменялись булькающими замечаниями.

Пальцы ее сомкнулись на чем-то мягком и холодном. Она вытащила его на солнце. Тельце — серовато-зеленое, бока блестят на свету. Звери с другой половины катамарана уже оторвали ножки и отгрызли голову. Ошметок в длину едва достигал двух-трех сантиметров, похожий на филе моллюска. Ей когда-то нравилась такая еда, но в приготовленном виде. Тут моллюск слабо дернулся, и Йоханна чуть не уронила его.

Поднесла к губам, облизала. Соленый. На Страуме, если съесть сырого моллюска, наверняка заболеешь. Ну почем ей знать, без родителей, без доступа к локальной комм-сети? Она почувствовала, как слезы текут по щекам. Выругалась, засунула это зеленое чудо в рот и попыталась прожевать. Мягкое, по консистенции — как сало и хрящики. Йоханна поперхнулась, выплюнула то, что не смогла проглотить, и заставила себя взять еще один. В конце концов она смогла съесть «моллюска». Теперь надо подождать и посмотреть, не вырвет ли. Она снова забилась под одеяла и ощутила на себе взгляды нескольких пар глаз. Булькающий гомон на той стороне катамарана

возобновился. Один из зверей скользнул к девочке, неся в пасти кожаный мешочек с затычкой. Питьевую флягу.

Этот был крупнее остальных. Вожак? Тварь наклонила голову совсем близко, поднося к губам девочки горлышко фляги. Кажется, хитер; подходил к ней осторожнее всех. Взгляд Йоханны пробежал по его бокам. Шерсть на огузке ниже куртки в основном белая… глубоко рассеченная Y-образным шрамом. *Это он убил папу!*

Йоханна атаковала его без всякой подготовки; может, поэтому и сработало. Отпихнув флягу, она обхватила зверя за шею свободной рукой, перекатилась на него сверху, прижала к борту. Он был меньше ее и не настолько силен, чтобы сбросить с себя. Она чувствовала, что когти его рвут одеяла, но Йоханну почему-то не трогают. Она перенесла всю тяжесть тела на хребет твари, вцепилась ей в горло там, где сходились глотка и челюсть, и принялась колотить мордой о доски.

Тут подоспели остальные, навалились на нее, стали пихать мордами и тянуть челюстями за рукав. Она чувствовала, как дырявят ткань игольчатые зубы. Существа издавали жужжащий звук, пробиравший, казалось, до мозга костей, звук из ее видений.

Они вырвали сородича из ее хватки, оттащили; наконечник стрелы в груди вошел глубже, раздирая ее болью. Но кое-что она еще могла сделать — и сделала: Йоханна оттолкнулась ногами и боднула тварь под челюсть головой, так что зверь как следует хряснулся макушкой о борт. Существа вокруг девочки задергались в конвульсиях, и ее опрокинуло на спину. Все ощущения смыла боль. Ни ярость, ни страх не сдвинули бы ее с места.

Но уголком сознания она продолжала следить за четверкой. Она сделала им больно. Она им *всем* сделала больно. Трое пьяно шатались, издавая свистящие звуки, — на сей раз казалось, что звук шел из пастей. Шрамозадый зверь валялся на боку и сучил лапами. Она увидела, что на макушке у него рваная рана. Глаза твари заливала кровь, будто животное плакало красными слезами.

Тянулись минуты. Постепенно свист утих. Четверо кое-как собрались в кучу и снова зашипели. Возобновилось и кровотечение из ее груди.

Они глядели друг на друга. Йоханна усмехнулась врагам. Им можно сделать больно. *Она* сделала им больно. Ей стало так хорошо, как ни разу с момента высадки на планету.

Глава 11

Пока не началось Движение Шкуродера, город Древорезчика слыл самым известным городом-государством к западу от Ледовых Клыков. Его основателю сравнялось уже шестьсот лет. В те дни на севере жить было тяжелее, и большую часть года снег не таял даже в низинах. Древорезчик поселился там одностайно, в скромной хижине на берегу фьорда. Охотничьи и интеллектуальные таланты стаи не уступали художественным. За сотню миль вокруг никакого жилья, так что лишь дюжина ранних резных скульптур покинула стены хижины, однако эти работы прославили автора. И сохранились до настоящего времени. В Длинноозерье по названию одной из них, выставленной в музее, дали имя городу.

Слава приманила учеников. Где стояла одна хижина, поднялись десять, разбросанные по фьорду Древорезчика. Прошло сто лет, двести, изменился и сам Древорезчик. Он страшился перемен, чувствуя, как ускользает его перводуша. Он как мог держал себя в лапах: почти каждая стая рано или поздно с этим сталкивается. В худшем случае — впадает в извращение и даже теряет душу. Для

Древорезчика квест сам по себе нес перемены. Он наблюдал, как притираются друг к другу новые элементы его личности. Он изучал щенят, смотрел, как они растут, прикидывал, что даст тот или иной вариант. Он научился придавать душе нужную форму, натаскивая элементов.

Разумеется, в том было мало нового. Искусство это лежало в основе большинства религий. В каждом городе имелись заводчики и советники в любовных делах. Подобное знание, истинное или ложное, ценили в любой культуре. Древорезчик пересмотрел сам подход, стараясь, впрочем, не отрываться от традиций. Он начал осторожные эксперименты на самом себе и остальных художниках маленькой колонии. Результаты указывали путь к новым экспериментам. Он ставил опыт выше веры.

По любым меркам его века, от занятий Древорезчика несло ересью, извращением или попросту безумием. В ранние годы короля Древорезчика ненавидели почти так же, как тремя столетиями позже — Шкуродера. Но суровые зимы продолжали сковывать дальний север, и народы юга были ограничены в мобильности войск. Однажды попробовали прорваться — и потерпели сокрушительное поражение. Древорезчику

хватило мудрости не пытаться подчинить южан. Не напрямую. Поселение его, однако, все разрасталось, а правитель стал знаменит уже не столько произведениями искусства и утвари, сколь иными достоинствами. Стая, постаревшая сердцами, являлась туда обрести не только молодость, но также мудрость и счастье. От города во все края распространялись идеи швейных станков, ветряных мельниц, механических передач. Там создавали новое. Но дело было даже не в изобретениях. Древорезчик помог явиться на свет новому народу и новому мировоззрению.

Викврэкшрам и Джакерамафан прибыли к древорезчикам под вечер. Весь день лило, но потом облака разошлись, и небо засияло яркой синевой, особенно прекрасной после череды ненастных деньков.

Домен Древорезчика Страннику казался раем. Он так устал в бесстайной глуши. Он так устал тревожиться за чужака.

Последние несколько миль их лодку настороженно сопровождали другие катамараны. Их экипажи были при оружии, а Странник с Грамотеем прибыли, так сказать, с наименее правильной стороны. Зато в одиночестве и без явных враждебных намерений. Глашатаи затрубили,

передавая вперед их рассказ. Когда показалась гавань, их встретили как героев: две стаи похитили (неназываемое) сокровище прямо из лап северных злодеев. Их катамаран обогнул волнолом, возведенный за время отсутствия Странника, и пришвартовался.

На пристани кишели солдаты и фургоны. До самых стен города яблоку негде было упасть от зевак. Почти свора, но ясность мысли еще сохраняется. Грамотей выскочил из лодки и пробежался по берегу. Приветственные вопли доставляли ему нескрываемое наслаждение.

— Быстро! Нам нужно поговорить с Древорезчиком.

Викврэкшрам подцепил парусиновую котомку, в которой лежал картиночный ящик чужака, и осторожно вылез на берег. Чужак его так отделал, что до сих пор подташнивало. Существо рассекло Шраму переднюю мембрану. Странник на миг потерял себя: причал был какой-то странный — вроде каменный, но отделан черным губчатым материалом, которого Странник с Южных морей не видывал. Здесь он раскрошиться бы должен… *Где это я? Я должен чему-то радоваться, какой-то победе…* Он передохнул, перегруппировался. Мгновение — боль обострилась, а с нею мысли.

Так будет еще несколько дней, не меньше. *Надо помочь чужаку. Надо его вытащить на берег.*

Камергер Древорезчика был изрядный толстяк и щеголь. Странник и не думал, что у древорезчиков эдакие водятся. Но, услышав про чужака, стая тут же пришла на помощь: позвала врача, чтоб тот осмотрел Двуногого, а заодно и самого Странника. За последние два дня чужак немного набрался сил, но нападать больше не пробовал. Они без сопротивления вытащили существо на берег. Чужак обернул к Страннику плоское лицо: в его выражении Странник уже научился узнавать бессильную ярость. Он задумчиво потрогал лапой голову Шрама… Двуногий только и ждет задать ему трепку покруче.

Через несколько минут путников посадили в запряженные керхогами повозки и повезли по вымощенной булыжниками улице к городским стенам. Солдаты разгоняли зевак, освобождая дорогу. Грамотей Джакерамафан, изображая из себя героя, приветственно махал на все четыре стороны. Странник уже понимал, что в душе Грамотея гнездится болезненная застенчивость. Вероятно, эти минуты — апофеоз всей его жизни.

Сам Викврэкшрам, даже пожелай он того, не сумел бы так разойтись. У Шрама пострадала одна

мембрана, и резкие жесты мешали мыслить. Он опустился на скамью повозки и посмотрел во все стороны. За исключением очертаний внешней гавани, место ничем не напоминало то, которое он посетил пятьдесят лет назад. В остальном мире за пятьдесят лет изменилось немногое. Странник, возвращаясь после стольких лет отсутствия, мог бы даже заскучать от постоянства. А здесь… здесь и ужаснуться недолго.

Например, высокого волнолома раньше не было. Пристаней стало вдвое больше, а такого количества катамаранов, увенчанных флагами, он в этой части света никогда раньше не видал. Дорога уже существовала, но была у́же, а ответвлений — втрое меньше. Прежде городские стены скорей помогали удержать внутри керхогов и лягушкуриц, чем захватчиков — снаружи. Сейчас они выросли до десятифутовой высоты: куда ни глянь, из черного камня. В прошлом солдат можно было по когтям пересчитать, а теперь они везде сновали. Недобрый знак. У Шрама судорогой свело кишки: солдаты и битвы ему не нравились.

Миновав городские ворота, они проехали рынок: настоящий лабиринт, который раскинулся на целые акры. Проходы, шириной и так лишь

пятьдесят футов, сужались в местах, где торговали тканями, выставляли мебель и раскладывали горы фруктов. Воздух был напоен ароматами фруктов, пряностей и лаков. Давка стояла такая, что это уже походило на оргию, и бедный Странник чуть не лишился чувств. Потом они выехали на еще более узкую улочку, зигзагами петлявшую среди полубревенчатых домов. За крышами вздымались мощные укрепления. Через десять минут въехали во двор замка.

Они спешились, и камергер приказал переложить Двуногого на носилки.

— А Древорезчик нас сейчас примет? — уточнил Грамотей.

Бюрократ прыснул:

– *Она* примет. Древорезчик сменил пол больше десяти лет назад.

Странник покрутил головами в изумлении. *Что он имеет в виду?* Многие стаи меняют пол с возрастом, но он никогда не слышал, чтобы о Древорезчике говорили иначе, как в мужском роде. Он чуть не упустил следующие слова камергера.

— Но так даже лучше. Весь ее совет в сборе и… должен увидеть вашу находку. Пройдемте.

Он жестом отпустил гвардейцев. Они проследовали в вестибюль, где хватало места разойтись

двум стаям. Камергер шел первым, за ним путешественники и врач с чужаком на носилках. Высокие стены украшены посеребренной обивкой. Замок выглядел куда роскошнее, чем прежде, и это тоже тревожило. Скульптур стало очень мало, а те, что сохранились, уходили в глубину веков.

Зато появились картины. Он замер, увидев первую из них, а за его спиной у Грамотея аж дух захватило. Странник обошел весь мир и повидал разные виды искусства. Стаесворы тропиков предпочитали абстрактную мазню, психоделические наплывы цвета. Островитяне Южных морей так и не додумались до перспективы; на акварелях удаленные объекты попросту помещали в верхней половине рисунка. В Длинноозерной Республике предпочтительным стал стиль репрезентационизма; особо ценили там цельностайные мультиптихи.

Но ничего подобного Странник раньше не встречал. Картины были мозаичные, сложенные из керамических плиточек, каждая стороной примерно в четверть дюйма. Выполнены без цвета, лишь в четырех оттенках серого. С расстояния нескольких футов зернистость терялась и возникали лучшие пейзажи из когда-либо виденных

Странником. Все картины представляли виды с холмов вокруг города древорезчиков. Если пренебречь отсутствием цвета, их легко было принять за окошки. По низу каждой шла прямоугольная рамка, но верхние края были рваные — мозаики просто обрывались на горизонте. Вместо неба — изукрашенная стена зала.

— Эй, парень, давай сюда! Я думал, тебе Древорезчицу не терпится увидеть… — Эта реплика предназначалась Грамотею. Джакерамафан разбежался вдоль пейзажей, усадив по элементу рядом с разными картинами зала. Повернув голову в сторону камергера, он ответил ошеломленно:

— Чтоб моей душе… Я себя чувствую богом! Будто у меня по элементу на каждом холме, и я вижу все одновременно!

Но он поднялся и рысцой догнал их.

Коридор вел в один из самых крупных залов совещаний, какие Страннику доводилось видеть.

— Здесь так же просторно, как в залах Республики, — с неподдельным восхищением сказал Грамотей, глядя вверх на три яруса балконов. Они стояли внизу одни, если не считать чужака.

— Гм…

Помимо камергера и врача, в зале уже со-

бралось пятеро других стай. Под их взглядами появлялись новые. Большинство одеты как нотабли Республики — в меха и драгоценности. Некоторые облачились в скромные куртки, которые Странник помнил по прошлому визиту. *Ох-хох.* Маленький поселок Древорезчика вырос в город, а город разросся до государства. Странник задумался, осталась ли у того — *той* — реальная власть.

Нацелив одну голову точно на Грамотея, он сказал на высокой речи:

— Про ящик с картинками пока молчок.

Вид Джакерамафан имел одновременно растерянный и заговорщицкий. Он ответил тоже на высокой речи:

— Ага, хорошо. Наш козырь?

— Типа того.

Глаза Странника метались по балконам взад-вперед. Большинство стай излучали самоуверенную важность. Он улыбнулся своим мыслям. *Один взгляд на дно амфитеатра, и апломб с них слетает.* Воздух над его головами наполнился оживленным жужжанием разговоров. На Древорезчицу ни одна стая не походила. Впрочем, он немногих ее нынешних элементов видел в прошлом; если и узнает, то лишь по манерам

и убранству. *Неважно.* У него выпадали связи более долгие, чем время жизни любого элемента. А бывало, напротив, что друг менялся всего за десятилетие, точки зрения его смещались, привязанность сменялась враждебностью. Он полагал, что Древорезчица осталась в основном такой же. Ну-ка…

Коротко протрубили фанфары: призыв к вниманию. На нижнем балконе разошлись двери, и вошла пятерка. Странника охватил ужас. Да, эта стая была Древорезчиком, но… у нее явные проблемы. Один элемент так стар, что другим приходится ему помогать. Двое совсем щенки, у одного то и дело слюна из пасти капает. У самого крупного бельма на глазах. Такое чаще можно встретить в приречных трущобах… Или в последних поколениях инцестной стаи.

Она опустила взгляды на Странника и улыбнулась, словно узнала его. Когда стая заговорила, голос исходил от слепца. Чистый и ясный.

— Введи меня в курс дел, Проныра.

Камергер кивнул:

— Как вам будет угодно, ваше величество. — Он указал вниз, на чужака. — Вот повод к нашему собранию.

— Мы чудовищ и в цирке можем увидеть, Про-

ныра! — Это подала голос расфуфыренная стая на верхнем балконе. Судя по тому, как на нее зашикали со всех сторон, выразила она мнение меньшинства. С нижнего балкона кто-то спрыгнул, перелез через ограждение и попытался отогнать врача от носилок с чужаком.

Камергер вскинул голову, призывая к тишине, и покосился на стаю, которая перепрыгнула через перила.

— Щепетильник, обожди немного. Всем дадут посмотреть.

Тот, кого назвали Щепетильником, ворчливо зашипел в ответ, но убрался на место.

— Отлично. — Проныра сосредоточил все внимание на Страннике с Грамотеем. — Ваше судно, друзья мои, обогнало вести с севера. Никому, кроме меня, вы своей истории пока не рассказывали. Да и у меня только краткие кодовые сигналы стражников, переданные через залив. Вы утверждаете, что это создание прилетело с неба?

Приглашение к откровенности. Странник предоставил инициативу Грамотею Джакерамафану. Грамотея понесло. Он поведал собравшимся, как с неба прибыл летающий дом, как на чужаков устроили засаду, рассказал о резне и о спасении этого элемента. Он показал свои

гляделки и отрекомендовался тайным агентом Длинноозерной Республики. *Да уж, шпион из него еще тот!* Все стаи Совета глаз не сводили с чужака, некоторые глядели с опаской, некоторые, как Щепетильник, с яростным интересом. Древорезчица следила за происходящим лишь парой голов. Остальные, наверное, спят. Выглядит такой же усталой, каким Странник себя чувствует. Он умостил на лапах собственные головы. Боль пульсировала и грызла Шрама; несложно будет его усыпить, но тогда Странник мало что уразумеет из услышанного. Ба! Может, не такая уж и плохая мысль. Шрам отключился, и боль сразу ослабла.

Еще несколько минут в зале шло оживленное обсуждение, но тройка-Викврэк почти не улавливала его смысла. Он судил о сути разговора по голосам. Щепетильник, та стая, что выскакивала в амфитеатр, пару раз заныл от нетерпения. Проныра что-то ответил, соглашаясь с ним. Врач удалился, и Щепетильник занялся чужаком, которого доставил Викврэк.

Странник привел себя в чувство:

— Эй, поосторожнее. Это существо неласково.

Щепетильник снисходительно бросил:

— Твой приятель уже меня предупредил.

Окружив носилки, он уставился в темное безволосое лицо чужака. Чужак молча, без всякого выражения смотрел на стаю. Щепетильник осторожно подался вперед и дернул чужака за одежду. Снова никакой реакции.

— Видите? — сказал Щепетильник. — Оно понимает, что я не желаю ему зла.

Странник не стал его поправлять.

— Оно вправду ходит только на задних лапах? — поинтересовался кто-то в Совете. — Вы себе представляете, как оно будет выглядеть, возвышаясь над нами? Да мы его одним ударом положим. — Смешки. Странник вспомнил, как похож стоящий во весь рост чужак на богомола. *Эти ребятки его в движении не видели.*

Щепетильник сморщил нос.

— А от него воняет! — Он полностью окружил чужака. Странник знал, что эта поза Двуногую тварь больше всего раздражает. — Знаете ли, я настаиваю, чтобы эту стрелу из него выдернули. Кровотечение почти прекратилось, но этому созданию понадобится помощь врача, если мы хотим, чтоб оно долго протянуло. — Он укоризненно глянул на Странника с Грамотеем, будто упрекая, что те не прооперировали чужака у себя на катамаране. Потом заметил что-то интересное,

и тон его резко изменился. — О Стая Стай! Вы на его передние лапы посмотрите!

Он немного ослабил узлы на передних ногах существа.

— Эти лапы не хуже пяти пар губ будут. Только подумайте, на что способна целая стая таких созданий!

Он подвинулся ближе к пятипалой лапе.

— Поос… — начал было Странник, но тут чужак резко сложил щупальца, изогнул переднюю конечность под немыслимым углом и ткнул лапой Щепетильника прямо в голову. Удар не мог быть слишком сильным, но угодил точно в мембрану.

— Ой! О-ой! Ай-ай-ай! — Щепетильник отскочил. Чужак тоже закричал. Голос был тонкий, высокий, писклявый и исходил только изо рта. На этот зловещий звук вздернулись все головы в зале, даже Древорезчицы. Странник уже не раз его слышал. У него не оставалось сомнений, что это межстайная речь чужаков. Через несколько секунд звук перешел в отрывистый кашель и постепенно стих.

Все долго молчали. Потом Древорезчица частично поднялась и посмотрела на Щепетильника:

— С тобой все в порядке?

Она заговорила впервые с начала совещания.

Щепетильник лизал себе лоб.

— Угу. У этого с мозгами все в порядке.

— Любопытство тебя однажды убьет, ты знаешь?

Стая возмущенно фыркнула, но мрачное пророчество ее явно осадило.

Королева Древорезчица оглядела советников.

— Я хотела бы обратить внимание на один важный вопрос. Щепетильник думает, что элемент чужака стоит целой нашей стаи. Это так?

Вопрос был адресован Страннику, а не Грамотею.

— Да, ваше величество. Сумей оно дотянуться до узлов, наверняка бы освободило себя. — Он понимал, к чему она клонит. Сам он пришел к этим выводам на третий день. — И звуки, которые оно издает, кажутся мне осмысленной речью.

В Совете поднялся гомон. Одиночный элемент, если одарен, часто выдает полуосмысленные фразы, однако при этом обычно страдает координация движений.

— Ага. Существо, не похожее ни на кого в нашем мире, прилетело в лодке, упавшей с вершины небес. Я вот что думаю. Если разумом элемент его не уступает стае, то на что способна *целая стая* таких созданий?

Слепой элемент Древорезчицы водил головой по сторонам, пока говорил, будто озирался. Двое остальных вытирали слюни идиоту. Вид у королевы был неважнецкий.

Щепетильник вздернул морду:

— Я от него ни единой мысли не услышал. У него передних мембран нет. — Он указал на разорванную одежду в том месте, где существо поразила стрела. — И я не вижу признаков плечевых мембран. Возможно, эти стаи разумны даже в синглетной форме. А может, чужаки все такие.

Странник усмехнулся про себя; Щепетильник, может, и нетерпеливый буффон, но традиции отвергает безбоязненно. Ученые веками спорили, где ключевое различие между разумными существами и животными. У некоторых зверей мозг крупнее, у некоторых лапы или губы проворнее, чем в элементах стай. В саваннах Востока водятся звери, которые похожи на стаенарод и даже бегают группами, но связно мыслить не умеют. Если не считать волкогнезд и китов, только стаенарод вел такой образ жизни. Именно межэлементная координация мыслей наделила их превосходством. Засим теорию Щепетильника следовало заклеймить как ересь.

— Но мы слышали их мысли, притом громкие,

во время атаки, — заметил Джакерамафан. — Возможно, этот элемент вроде наших щеночков, которые даже думать еще не умеют…

— А интеллектом не уступает стае, — мрачно закончила Древорезчица. — Если они не умней нас, тогда есть шанс научиться работе с их устройствами. Каким бы могуществом ни обладали они, в конце концов мы достигнем того же. Но если этот элемент — лишь часть сверхстаи?

Мгновение никто не говорил. Члены Совета втихомолку размышляли. Если чужаки сбиваются в сверхстаи, а их посланник погибнет… тогда спасения убийцам не будет.

— Итак, прежде всего мы должны спасти и выходить это создание, затем подружиться с ним и установить его истинную природу. — Головы королевы поникли, и она словно бы потеряла себя, а может, попросту притомилась. Внезапно несколько морд качнулись в сторону камергера. — Перенеси его ко мне в покои.

Проныра удивленно уставился на королеву.

— Но это недопустимо, ваше величество! Мы уже убедились, что оно настроено враждебно. Кроме того, ему требуется медицинская помощь.

Древорезчица усмехнулась, и голос ее стал шелковым. Странник помнил этот тон по прежним

встречам.

— Ты забыл, что я владею хирургией? А ты не забыл, случаем, что я… Древорезчица?

Проныра облизал губы, покосился на членов Совета и быстро ответил:

— Нет, ваше величество. Как вам будет угодно.

Странник повеселел. Похоже, Древорезчица здесь все еще хозяйка.

Глава 12

Когда на следующий день явилась Древорезчица, Странник сидел спинами вплотную на ступеньках своего жилища. Она пришла без эскорта, в простых зеленых куртках, которые он запомнил по прошлому разу.

Он не спустился ей навстречу и не припал к земле. Мгновение она холодно смотрела на него, потом села всего в нескольких ярдах.

— Как там Двуногая? — поинтересовался он.

— Я извлекла стрелу и заштопала рану. Думаю, она выживет. Мои советники довольны: существо это не проявляет разумности. Отбивалось даже связанным, словно понятия не имеет о хирургии… Как твоя голова?

— Всё в порядке, пока не двигаюсь. — Остальная часть его, а именно Шрам, лежала за порогом в темноте покоев. — Думаю, мембрана быстро заживает. Через пару дней буду как новенький.

— Отлично.

Поврежденная мембрана означала повреждение в рассудке, необходимость найти нового элемента и боль от расставания с синглетом, которого некуда приткнуть.

— Я помню тебя, пилигрим. Все элементы твои изменились, но ты такой же Странник, каким был. Ты такие потрясающие истории рассказывал. Мне нравится, что ты вернулся.

— А я был рад встрече с великим Древорезчиком. Поэтому и возвратился.

Она сухо скосила морду:

— Ты хотел сказать, с великим Древорезчиком прошлого, а не с той развалиной, какой стала я ныне?

Он пожал плечами:

— А что случилось?

Она ответила не сразу. Какое-то время они сидели, глядя на город. День выдался облачный, моросило. С канала дул свежий бриз, покусывая глаза и губы. Древорезчица поежилась и распушила мех. Наконец ответила:

— Я влачу груз этой души шесть сотен лет — это считая по передним когтям. Думаю, понятно, *что* со мной случилось.

— Искажение никогда прежде не касалось тебя.

А Странник прежде не бывал столь прям, но что-то в облике собеседницы спровоцировало его на откровенность.

— О да, обычная инцестая деградирует до моего

состояния за пару столетий, а идиоткой становится задолго до него. Мои методы куда отточенней. Я знал[9], кого с кем свести, каких щенят отобрать и как распихать остальных. Плоть сберегала воспоминания, а душа оставалась чиста. Но я что-то упустил — или, может, пытался добиться невозможного. Выбор становился все более трудным, пока не свелся к выбору между физическими и умственными дефектами. — Она утерла слюну, и все, кроме слепца, оглянулись на город. — Ты знаешь, сейчас тут лучшие дни лета. Жизнь расцветает и зеленеет, точно безумная, торопясь выжать все тепло до крохи в преддверии зимы. — И вправду, казалось, что зелень пробилась повсюду, где только могла: перистолистники вниз по склону и в городе, папоротники на всех ближних холмах, вереск на серых верхушках гор по ту сторону канала. — Люблю я это место.

Он и не ожидал, что придется утешать Древорезчицу, владычицу древорезчиков.

— Ты сотворила здесь подлинное чудо. Слухи о нем достигли моих ушей на другом конце света. Готов побиться об заклад, половина здешних стай — твои родственники.

---

[9] Примечания: 9

Здесь и далее в этой главе там, где речь идет об отстоящем более чем на десять лет прошлом королевы, она говорит о себе в мужском роде.

— Да-да, мой успех превзошел все мечты безумствующих распутников. У меня не было недостатка в партнершах, хотя щенков я использовать не мог. Иногда мне кажется, что отпрыски мои — суть величайший мой эксперимент. Так, Щепетильник и Проныра в основном из них и состоят… а также Шкуродер.

Ух ты! Странник впервые об этом услышал.

— В последние несколько десятилетий я более или менее примирился со своей судьбой. Я признал, что не сумею вечность перехитрить и вскоре душа моя обретет свободу. Я все чаще и чаще позволял Совету принимать решения за меня. Как мог я заявлять права на домен, которым фактически больше не управляю? Я вернулся к занятиям искусствами… ты видел эти монохромные мозаики.

— О да, они прекрасны!

— Скоро я покажу тебе другие свои картины. Техника скрупулезная, но почти не требует участия сознания. Отличное дело для последних лет моей души. Но теперь вы с чужой все изменили. Проклятье! О, случись это столетием раньше… Чего бы я только не сделал! Ты знаешь, мы тут уже успели повозиться с картиночным ящиком. Там рисунки более тонкой работы, чем все в

нашем мире. Немного похожи на мои мозаики, как свет солнца подобен сиянию светлячка… Каждая картинка из миллионов цветных точек, и плиточки так малы, что без гляделок Грамотея не увидишь. Я истратил годы, создавая несколько дюжин мозаик. В картиночном ящике же их бессчетные тысячи, и они меняются так быстро, что создается иллюзия движения. О, твои чужаки уподобили труд всей моей жизни следам когтей новорожденного щеночка на стенках конуры.

Королева древорезчиков тихо плакала, но в голосе ее прорезалась ярость.

— И теперь весь мир изменится, но слишком поздно для такой развалины, как я!

Почти бессознательным движением Странник выдвинул одного своего элемента к Древорезчице. Нерешительно подвел того ближе: восемь ярдов, пять. Мысли загудели в интерференции, но он слышал, что королева успокаивается. Она слабо усмехнулась:

— Спасибо. Странно, что ты мне сочувствуешь. Величайшая трудность моей жизни — для пилигрима смехотворный пустяк.

— Тебе стало больно.

Он не нашел больше что сказать.

— Но вы, странники, меняетесь, меняетесь и

меняетесь… — Она подвинулась к нему одним элементом, да так, что почти коснулась, и думать стало еще тяжелее. Странник медленно, концентрируя внимание на каждом слове и крепко держа нити разговора, ответил:

— У меня тоже есть некое подобие души. Части меня, которые остаются пилигримом, должны обладать специфическим взглядом на жизнь. — Великое озарение часто постигает в пылу битвы или телесной близости. Как и сейчас. — И… и я думаю, душа самого мира изменится теперь, когда с небес упала Двуногая. Разве не лучшее это время, Древорезчица, чтоб отбросить старое?

Она усмехнулась, помехи стали громче, но так было даже приятно.

— Я… не… смотрела на это под таким углом. Да, настало время перемен.

Странник вошел внутрь ее стаи. Двое постояли так мгновение, обвившись шеями, сплавляя мысли в сладком хаосе. Последнее, что оба помнили четко, так это бег вверх по лестнице, в его жилище.

Позднее в тот же день Древорезчица принесла картиночный ящик в лабораторию Щепетильника. Когда она явилась, Щепетильник и Проныра уже ожидали ее. И Грамотей Джакерамафан,

хотя он стоял дальше, чем того требовала вежливость. Ее визит явно застал их в какой-то размолвке. Несколькими днями раньше грызня бы ее опечалила. Не так теперь… Она втянула увечного элемента в комнату, глянула на остальных глазами слюнявого идиота и улыбнулась. Древорезчица долгие годы так хорошо себя не чувствовала. Она приняла решение и приступила к действиям.

Впереди новые приключения!

Завидев королеву, Грамотей повеселел:

— Вы были у Странника? Как он там?

— Он в порядке, в порядке, в по-о-олном по-о-рядке. — Тэ-экс, не надо им показывать, *насколько* он в порядке! — То есть, я имею в виду, он вскоре полностью поправится.

— Ваше величество! Я так благодарен вам и вашим лекарям! Викврэкшрам — добрая стая, он… э-э… я… даже пилигрим, хочу я сказать, не меняет элементов ежедневно, точно куртки.

Древорезчица рассеянно дернула мордой в знак согласия. Прошествовала на середину комнаты, опустила на столик картиночную коробку чужой. Устройство выглядело совсем как большая розовая подушка с забавными откидными ушами и рисунком животного на наволочке. Поиграв с

ней дня полтора, Древорезчица приспособилась лихо открывать ее. Как всегда, возникло лицо Двуногой и произвело ротовой шум. Как всегда, Древорезчица восхитилась при виде движущейся мозаики. Чтобы создать такую иллюзию, коробка должна была синхронно перемещать миллион цветных «плиточек». И делала это безошибочно, раз за разом. Она развернула экран к Проныре и Щепетильнику, пускай тоже полюбуются.

Джакерамафан приблизился к ним и вытянул пару голов посмотреть.

— Вы по-прежнему считаете ящик живым существом? — спросил он у Проныры. — Думаете, что он выдаст нам свои тайны в обмен на вкусненькое?

Древорезчица улыбнулась про себя. Грамотей не пилигрим; пилигримы слишком зависят от воли властей предержащих и не рискуют тех подкалывать.

Проныра проигнорировал Грамотея и посмотрел всеми глазами на королеву.

— Ваше величество, пожалуйста, не гневайтесь на меня. Я… мы, члены Совета, должны снова спросить вас… Этот картиночный ящик слишком важен, чтобы доверять его пастям одной стаи, даже вашей, во всем вашем величии. Пожалуйста.

Позвольте нам охранять его, по крайней мере на время вашего сна.

— Я не гневаюсь. Если настаиваешь, можешь участвовать в моих экспериментах. Но не более того. — Она невинным взглядом окинула камергера. Проныра — подлинный мастер шпионажа, посредственный администратор и никудышный ученый. Век назад она бы его отрядила надзирать за посевами, если бы согласился. Но век назад нужды в шпионаже не было, а на все дела хватало усилий одного администратора. Времена изменились.

Она с отсутствующим видом потыкала мордами в ящик. Наверное, все снова изменится.

Щепетильник принял вопрос Грамотея всерьез.

— Я вижу три возможности, сударь. Первая: волшебство. — (Проныра недовольно отвернулся.) — Действительно, ящик выходит за рамки нашего понимания, и ничто не мешает приписать ему магические свойства. Но госпожа наша Древорезчица сочтет это ересью, засим я такую возможность куртуазно обойду. — Он послал Древорезчице мимолетную сардоническую усмешку. — Вторая: это живое существо. Несколько членов Совета высказались за эту версию,

когда Грамотей впервые заставил его заговорить. Но выглядит оно совсем как взбитая подушка, не считая этой забавной картинки, что вышита на одной его стороне. Более того, отклик его на раздражители демонстрирует превосходную повторяемость. Это кажется мне знакомым. Так ведут себя механизмы.

— Такова третья возможность? — уточнил Грамотей. — Но механизм не обходится без движущихся частей, а если не считать…

Древорезчица махнула ему хвостом. Щепетильник часами мог распинаться, а Грамотей, по всему видно, того же помета.

— Я так скажу: изучим его подробнее, а потом уже рассудим.

Она постучала по уголку ящика, в точности копируя движения Грамотея при первоначальной демонстрации. Лицо чужой стерлось, сменившись головокружительным цветовым узором. Что-то булькнуло, а затем осталось только гудение на средних тонах, которое ящик неизменно издавал в открытом виде. Они знали, что ящик умеет издавать низкие звуки и чувствует прикосновения к прямоугольной площадке у основания. Сама эта площадка была чем-то вроде экрана с картинками: различные постукивания при-

давали сетке воспринимающих точек новые и новые формы. Когда они в первый раз стали с ней возиться, ящик отказался реагировать на дальнейшие команды. Проныра запаниковал, уверенный, что маленький чужак погиб. Потом ящик закрыли, открыли снова, и первоначальное поведение восстановилось. Древорезчица была почти уверена, что не в их власти испортить ящик прикосновением или словами.

Древорезчица испытала в обычном порядке уже выученные сигналы. Результаты потрясали — и никак не менялись. Но отклонись от последовательности, и результаты тоже изменятся. Она не вполне согласилась бы с утверждением Щепетильника, что поведение ящика повторяется, как у механизмов, ведь такое разнообразие откликов характерно скорей для живых существ.

За спинами королевы Щепетильник и Грамотей выдвинули вперед нескольких элементов и залезли им на спины, вытянув головы, чтобы видеть происходящее на экране. Помехи от их мыслей становились все громче. Древорезчица насилу припомнила, что собиралась предпринять дальше. Наконец шум стал невыносим.

— Да отойдите же вы, оба! Я своих-то мыслей не слышу.

Это вам не хор, знаете ли.

— Извините… Так лучше? — Они отошли футов на пятнадцать. Древорезчица кивнула. Два элемента были друг от друга менее чем в двадцати футах. Да уж, Щепетильнику и Грамотею неподдельно интересен экран. Проныра держался на почтительном расстоянии и вид имел заинтересованный, но тревожный.

— У меня есть идея, — сказал Грамотей сбивчиво — ему мешали мысли Щепетильника. — Когда вы касаетесь квадрата четыре-три и говорите… — он без труда воспроизвел звуки чужого языка, — то экран показывает набор картинок. Они, кажется, соответствуют квадратам. Думаю… думаю, нам предлагают выбрать из нескольких вариантов.

Гм.

— Получается, ящик решил нас обучать? — *Если это механизм, то нам нужны новые определения машин.* — Отлично… поиграем с ним.

Прошло три часа. Под конец даже Проныра подвинулся к экрану одним элементом, отчего в комнате чуть не воцарилось состояние мыслехаоса. Все шумно думали и выдвигали предположения: *скажите вот это*, *нажмите вот сюда, когда оно в прошлый раз так ответило*,

мы сделали вот так, *а потом…* Ящик показывал замысловатые цветные узоры, перемежавшиеся чем-то похожим на фразы письменного языка. Маленькие двуногие фигуры сновали по экрану, перемещали символы, развертывали новые окошки. Идея Грамотея Джакерамафана оказалась совершенно верной. Первые картинки представляли варианты выбора. Некоторые вели дальше, к новым картинкам с новыми вариантами. Опции множились… *Как ветки дерева,* сказал Грамотей. Не совсем точное сравнение — иногда исследователей выбрасывало в исходную точку, так что процесс больше напоминал петляние по метафорическому лабиринту улиц. Четырежды они попадали в тупик, и тогда приходилось закрывать ящик и начинать все сначала. Проныра как безумный чертил дорожные карты. Они помогли отыскать те места, которые нужно было увидеть снова. Но даже сам Проныра понимал, что в ящике множество иных путей, которые недоступны в режиме слепого поиска.

А Древорезчица бы солидную часть души продала за те картинки, что уже видела. Там были звезды, луны, сиявшие синим и зеленым или окольцованные оранжевым. Были движущиеся картинки чужацких городов с тысячами чужа-

ков на улицах, так близко, что те в буквальном смысле соприкасались. Если чужаки сбиваются в стаи, то стаи эти крупнее всех в мире, даже тропических… Впрочем, вопрос бессмысленный: города превосходили всякое воображение.

Наконец Джакерамафан отвалился от ящика и собрался вместе, благоговейно выдохнув:

— Т-там целая вселенная. Мы можем бродить по ней вечность и не узнать…

Она глянула на двух других приближенных. Проныра утратил привычную спесь; губы его были сплошь в чернильных пятнах. Лавки для черчения рядом с ним покрыты дюжинами набросков, некоторые четче прочих. Бросив когтестило, он перевел дух.

— Я предложил бы принять это как данность и продолжать изучение. — Он начал собирать свои наброски и перевязывать в стопку. — Завтра отоспимся, и с ясными головами…

Щепетильник отступил и растянулся по комнате; восхищенные глаза его покраснели по краям.

— Хорошо. Но, дружище Проныра, наброски я попрошу оставить. — С этими словами он сгреб рисунки. — Вот этот и этот, видишь? Ясно, что мы там тыкались вслепую, как щенки, и получили много бессмысленных результатов. Иногда кар-

тиночный ящик просто заводил нас в тупик, но куда чаще мы видели вот такую картинку: пара чужаков танцует в лесу, издавая ритмичные звуки. Если теперь сказать… — он воспроизвел часть фразы, — то получим картинку с кучами палочек. В первой одна, во второй две и так далее.

Древорезчица тоже это увидела.

— Да. Фигура указывает на каждую и издает короткий звук. — Королева со Щепетильником уставились друг на друга, глаза их победно засверкали. Восторг от понимания, от обретения порядка в казавшемся беспредельным хаосе. Она уже двести лет себя так не чувствовала. — Чем бы эта штуковина ни была… она пытается учить нас языку двуногих.

За следующие дни Йоханне Ольсндот выпало вдоволь времени для раздумий. Боль в груди и плече понемногу унималась; если двигаться осторожно, то в плече лишь саднило и пульсировало. Они вытащили стрелу и зашили рану. Когда ее связали, девочка уже опасалась наихудшего. На лапах стальные когти, в пастях ножи… Потом они стали ее резать. Она и не представляла, что бывает такая боль.

От воспоминаний об агонии ее до сих пор трясло. Но в кошмарах эти минуты не возвращались.

В отличие от других минут — мгновений гибели мамы с папой. Она воочию видела их смерть. А Джефри? Джефри мог выжить. Порой Йоханна целый день проводила в надежде. Она видела и горящие гибернаторы на земле рядом с кораблем… но дети внутри могли уцелеть. Потом вспоминала, как нападавшие без разбору жгли и рубили всех подряд, все живое вокруг судна…

Она в плену. Пока что убийцы обращались с ней неплохо. Стража не вооружена, если не считать когтей и зубов, и держится поодаль, когда может. Они понимали, что девочка может сделать им больно.

Они засунули ее в большую темную будку. Оставаясь в одиночестве, она мерила шагами помещение. Собакообразные — те еще варвары. Хирургические операции без анестезии они, вероятно, даже не считают пытками. Она не заметила никаких признаков электричества или летательных аппаратов. Вместо туалета — щель в мраморной плите, такая глубокая, что едва слышен плеск на дне. Оттуда все равно воняло. Существа эти вели такой же примитивный образ жизни, как люди в самые темные века Нюйоры. Технологии у них, кажется, никогда и не было, или же они ее начисто позабыли. При этой мысли

Йоханна усмехнулась. Мама любила романы про аварии кораблей и приключения отважных героинь в затерянных мирах. Главное в такой ситуации — воссоздать технологию и починить звездолет. Мама… была… столь увлечена историей науки, что книжки читала именно ради таких подробностей.

И Йоханна попала в такой же переплет. С важными отличиями: она мечтала не только о спасении, но и о мести. В этих тварях нет ничего человеческого, никого похожего на них в романах она не припоминала. Она бы поискала в своем даннике, но звери его утащили. Ха-ха, пускай поиграются. Быстро попадутся в капканы и окажутся в тупике.

Сначала ее согревали только одеяла. Потом ей выдали одежду, скроенную по образцу ее скафандра, но из меховых лоскутков. Теплую и прочную, сшитую аккуратней, чем можно было ожидать. Девочка могла теперь прогуливаться снаружи. Сад за ее хижиной — лучшее, что было в этой дыре. Он был квадратной формы, со сторонами примерно по сто метров, и разбит на склоне холма. Здесь росло множество цветов и деревьев с длинными, словно перистыми листьями. Выложенные плиткой дорожки вились среди мха

и дерна. Вообще-то, довольно мирное местечко, немного напоминавшее задний двор их дома на Страуме.

Участок был огражден, но с высокого уголка удавалось заглянуть поверх стен. Стены прихотливо изгибались, кое-где Йоханна могла разглядеть их с другой стороны. Окна-бойницы смотрелись ожившими картинками с урока истории: через эти щелки можно было пускать стрелы или пули, не опасаясь, что в тебя попадут.

Йоханна полюбила сидеть в закатную пору там, где аромат перистых листьев был особенно силен, и смотреть на залив поверх низкого участка стены. Она все еще толком не понимала, что именно видит. Да, там была гавань, а лес мачт напоминал ей о морских кораблях на Страуме. Улицы в городе широкие, но петляют из стороны в сторону, а дома стоят вкривь и вкось. Кое-где виднелись настоящие каменные лабиринты, но сверху был виден выход оттуда. Была и другая стена — высокая, уходившая вдаль, насколько хватало глаз. Холмы за ней кое-где покрыты снегом, вершины их были из серого камня.

По городу бегали собакообразные. Наблюдая за одиночными экземплярами, их легко было принять за собак, правда, крысомордых и змеешеих.

Но с определенного расстояния открывалась все же истинная природа. Они всегда двигались небольшими группами, не больше шести особей. В пределах стаи они соприкасались и действовали слаженно и изящно. Ни разу одна стая не подходила к другой ближе чем на десять метров. Издалека, откуда наблюдала Йоханна, члены стаи сливались воедино… легко было вообразить, как чудовище с множеством лап и голов осторожно пробирается по улицам, стараясь не приближаться к другим монстрам. Вывод стал очевиден: у них по одному разуму на стаю. И разум этот исполнен такого зла, что даже близости себе подобных не выносит.

На пятый раз прогулка по саду получилась самой приятной, и она ощутила нечто близкое к радости. Цветы выбрасывали в воздух покрытые пушком семена. Заходящее солнце озаряло тысячи их, плывущих на слабом ветру, точно цукатинки в незримом сиропе. Йоханна представила, как бы себя повел Джефри: сначала сделал бы вид, что жутко взрослый, потом стал бы переминаться с ноги на ногу, подпрыгивать, а в конце концов сломя голову рванул бы по склону, пытаясь загрести побольше летающих пушинок и оглашая округу смехом…

— Привет, мой свет, — произнес детский голос совсем рядом. — Ты как?

Йоханна подскочила от неожиданности, так, что швы на ране едва не разошлись. Конечно, это всего лишь стая. Они — *оно?* — и вырезали из нее тогда стрелу. Вшивая компашка. Пятеро припали к земле, готовясь в случае чего свалить по-быстрому. Вид у них был такой же удивленный, как и у самой девочки.

— Привет, мой свет, ты как? — снова прозвучал голос.

Похоже на запись, но исходил он от одного из собакообразных: тот каким-то образом синтезировал звук гудящими проплешинами на плечах, ляжках и голове. Йоханна и раньше видела таких зверей, вроде говорящих попугайчиков. Но слова казались почти осмысленными. Голос был не ее, но она его уже где-то слышала. Уперев руки в бока, она смерила стаю взглядом. Двое уставились прямо на нее, остальные жадно наблюдали за происходящим. Одна собака нервно лизала лапу. Две позади — те, что унесли ее данник! Внезапно она вспомнила, откуда этот голосок. И поняла, какого ответа они ждут.

— Я в порядке, — сказала она, — спасибо зарядке. А ты?

У собак глаза полезли на лбы, и выглядело это забавно.

— Всё отлично, как обычно!

Оттарабанив заученное, стая издала булькающий вопль. Вниз по склону ей кто-то ответил. Там была еще одна стая, пряталась в кустарнике. Она знала, что, пока остается первая, та из кустов не вылезет.

Значит, Когти — она их называла про себя этим именем, за когти на передних лапах, которые никогда не забудет, — действительно возились с Розовым Слоником, но в капканы не попались. Они сообразительней Джефри будут! Ясно, что в конце концов их выбросило в детский режим — программу обучения речи. Стоило догадаться. Получая идиотские ответы, данник модифицировал свое поведение, спускаясь поочередно в режим для маленьких и, если это не срабатывало, в совсем уж ползунковый, для детишек, которые даже самношка не знают. При небольшой помощи Йоханны стаи овладеют ее языком. А ей это надо?

Стая подвинулась немного ближе: за девочкой постоянно наблюдали не меньше двух элементов. Готовности к атаке они не проявляли. Ближний упал на брюхо и поглядел на нее. Он казался ми-

лым и безвредным, если не считать когтей.

— Меня зовут… — Короткое бульканье с обертонами, отдавшимися в голове Йоханны жужжанием. — А тебя как?

Йоханна знала, что это всего лишь часть языкового сценария. Существо ни бельмеса не смыслит в том, что произносит. Это «меня зовут <…> а тебя как?» повторяли раз за разом детишки в программе. Растение бы и то выучило. Но у Когтей отменное произношение…

— Йоханна, — ответила она.

— Зьёханна, — повторила стая голосом Йоханны, но переврала.

– *Йоханна,* — поправила Йоханна. Имя Когтя она даже не пыталась воспроизвести.

— Привет, Йоханна! Давай поиграем в имена!

Это тоже сценарная реплика, сдобренная идиотским энтузиазмом. Йоханна села на землю. Конечно, знание самношка даст Когтям власть над ней. Но только обучая их, она могла чему-то научиться сама. Узнать что-нибудь про Джефри. *А если Джефри они тоже убили?* Ну что же, все равно стоит их изучить, чтобы расквитаться по полной.

Глава 13

У древорезчиков и затем, несколькими сутками позже, на Тайном Острове Шкуродера кончался длинный полярный день лета. Сперва появились легкие сумерки близ полуночи, но даже самые высокие холмы еще отбрасывали тень. Затем часы темноты стали увеличиваться. День бился с ночью, и ночь побеждала. Перистая листва в низких долинах окрашивалась в осенние цвета. Глядя днем на фьорд, можно было заметить по нижним склонам холмов оранжево-красные пятна; выше вересковая зелень незаметно сливалась с лишайниковой серостью и темными обнаженными скалами. Снежные же пятна ждали своего часа, и до него оставалось недолго.

И каждый день на закате, сдвигая время своей прогулки на несколько минут, Тиратект обходила бастионы внешней крепостной стены Шкуродерова замка. Прогулка в три мили. На нижних стенах дежурили линейные стаи, а наверху — лишь несколько круговых дозорных. Стоило ей приблизиться, стаи с военной выправкой отходили в сторону. Впрочем, дело тут было не в одной лишь выправке: она замечала страх в их

глазах. Трудно к этому привыкнуть. Насколько хватало памяти — двадцать лет, — Тиратект жила в страхе перед другими, стыдясь и влача груз вины, стремясь найти себе того, за кем можно следовать. Теперь все стало наоборот. Не то чтобы улучшилось. Она ведь понимала, какому злу продала душу. Она знала, отчего стража так ее боится. Они считали ее Шкуродером.

Разумеется, себе она подобных заблуждений не позволяла. Жизнь ее в безопасности лишь до тех пор, пока не раскроется обман. Тиратект тяжко трудилась, подавляя свойственную ей тихую застенчивость. Не единожды с момента прибытия на Тайный Остров она ловила себя на предательском поползновении опустить, по старой привычке, головы и сомкнуть глаза.

Вместо этого Тиратект старалась смотреть на окружающих взглядом Шкуродера. Бастионы обходила без шума, с видом таким же зловещим, как некогда Шкуродер. Свой — его — домен оглядывала тем же тяжким взором, как прежде: все головы устремлены вперед и вздернуты, словно видят нечто недоступное скудным умам подданных. Ни за что не должны они догадаться о подлинной причине прогулок: временами смена дня и ночи тут очень напоминала ей Республику.

Она почти представляла себя снова дома, еще до Движения, до резни в Парламентской Чаше, до того, как ей перерезали глотки и повенчали обрубки Шкуродера с ошметками ее души.

В золотых и охряных полях за каменными стенами она видела крестьян: те корпели над урожаем, гнали стада. Шкуродер правил землями далеко за пределами видимости, но провизию никогда не ввозил. Запасы зерна и мяса на складах все были заготовлены в двухдневной досягаемости от проливов. Стратегический замысел ясен, но сейчас это лишь милое вечернее зрелище: навевает воспоминания о доме и школе.

Солнце склонилось в сторону, к горам; на поля легли длинные тени. Замок Шкуродера стал похож на остров среди моря теней. Тиратект чуяла морозец в воздухе. Вечером снова появится иней, но завтра с утра этот ложный снег исчезнет уже через час после восхода. Плотнее запахнув длинные куртки, она переместилась к восточной обзорной площадке. По ту сторону протоки вершина одного холма все еще озарена солнцем. Там сел корабль чужаков. Там он и остался, но теперь — в ограде из камня и дерева, которую Стальной начал возводить сразу после посадки. В каменоломнях на северной оконечности Тайного

Острова работа кипела живее, чем при Шкуродере. Баржи, груженные камнем, постоянно курсировали между островом и материком. И даже сейчас, когда день сократился, строительство не прекращалось. Его Воззвания и более рутинные проверки суровей и дотошней, чем в пору Шкуродера.

Стальной Владыка — убийца, нет, хуже: манипулятор. Однако с момента высадки чужаков Тиратект чуяла в нем смертельный ужас. И к тому были поводы. Даже понимая, что народ, которого так боится Стальной, способен в конечном счете истребить их всех, Тиратект втайне желала чужакам победы. Стальной и его шкуродерники атаковали звездостаю без предупреждения, движимые скорей алчностью, чем страхом. Они убили десятки пришельцев. В некотором смысле это хуже, чем то, что сотворили с нею самой. Тиратект пошла за Шкуродером по собственной воле. Друзья ее предупреждали. О Шкуродере ходили дурные слухи, и не все из них были правительственной пропагандой. Но ей так хотелось за кем-то пойти, отдать себя во имя Чего-то Большего… Ну что ж, ее использовали. Буквально, как инструмент. Тем не менее она бы могла этого избежать, а у стаи со звезд такого выбора не было:

Стальной обошелся с нею как мясник.

Значит, теперь Стального понукает страх. За первые три дня он покрыл летающий дом крышей, и внезапно на вершине холма возникло дурацкое подобие крестьянской фермы. Через некоторое время корабль чужаков скроется за каменными стенами. В итоге новая крепость может и превзойти размерами Замок на Тайном Острове. Стальной понимал, что, если кара за злодейство его не настигнет, быть ему самой могущественной стаей в мире.

Именно поэтому Тиратект оставалась здесь и продолжала маскарад. Вечно он длиться не может, рано или поздно на Тайный Остров прибудут остальные фрагменты. Тиратект уничтожат, и Шкуродер оживет полностью. А может, она и до этого момента не дотянет. Два ее элемента от Шкуродера. Хозяин просчитался, думая, что двое пересилят тройку. Вместо этого сознание тройки обогатилось талантами двойки. Она помнила почти все, что случалось с великим Шкуродером, знала все его хитрости и пути измен. Два этих элемента наделили ее прежде невиданной интенсивностью восприятия. Тиратект рассмеялась про себя: в каком-то смысле она обрела то, что по наивности надеялась найти в Движении. Ве-

ликий Шкуродер совершил именно ту ошибку, какую в гордыне своей полагал немыслимой. Пока двое под контролем, у нее шанс. Полностью бодрствуя, она не испытывала особых трудностей. Думала о себе как о *ней*, помнила жизнь в Республике четче, нежели переживания Шкуродера. Во сне все менялось, ее мучили кошмары. Воспоминания о пытках неожиданно наливались сладостью. Секс во сне должен успокаивать; для нее же он становился битвой. Она просыпалась избитая, изрезанная, точно отбивалась от насильника. Если эти двое вырвутся на свободу, если сочтут себя *им*... Дело нескольких секунд — разоблачить маскарад, чуть большего времени — убить тройку и принять в эту управляемую стаю остальные элементы Шкуродера.

Но она оставалась здесь. Стальной намерен использовать чужаков и звездолет, чтобы распространить кошмар Шкуродера на всю планету. План рискованный и уязвимый со всех сторон. Если получится как-то подорвать его и уничтожить проклятое Движение Шкуродера, Тиратект это сделает.

С другой стороны замка лишь западную башню еще озаряло солнце. Морды не показывались в окнах-бойницах, но явно смотрели оттуда:

Стальной наблюдал за Фрагментом Шкуродера, за Шкуродером в Ожидании, как тот предпочел себя титуловать. Тот прогуливался по бастионам. Фрагменту ныне подчинялись все командиры стражи. Фактически они оказывали ему тот же почет, что и полному Шкуродеру. В некотором смысле Шкуродер создал их всех, и неудивительно, что в присутствии Хозяина их охватывает такой трепет. Даже Стального. Формируя его стаю, Шкуродер заставлял нарождающегося Стального покушаться на себя; каждый раз, когда Стальной терпел неудачу, самых слабых его элементов подвергали пыткам. Стальной понимал, что вбитое тогда чувство завязло в нем, и боролся с ним. Как ни крути, рассуждал он, Фрагмент Шкуродера в куда большей опасности: противостоя страху, Стальной может попросту не рассчитать сил и поступить жестче, нежели нужно.

Рано или поздно Стальному следует решиться. Если не убить его сейчас, пока остальные фрагменты добираются до Тайного Острова, то Шкуродер соберется вместе. Двух элементов хватает, чтобы контролировать Стального, а вся шестерка легко уничтожит его власть. Хочет ли он смерти Хозяина? А если да, то существует ли безопасный способ… Разум Стального перебирал

варианты, а глаза наблюдали за стаей в черных одеждах.

Стальной привык играть по-крупному. Он рожден для крупной игры. Страх, смерть, победа — составляющие его жизни. Но никогда прежде ставки не были столь высоки. Шкуродер почти обратил в свою веру крупнейшую нацию континента, мечтал править миром… Стальной Владыка посмотрел через протоку на холм, где рос новый замок. В нынешней его игре завоевание мира станет тривиальным следствием победы, а уничтожение мира — вероятным следствием проигрыша.

Стальной вскоре после нападения наведался внутрь летающего корабля. Почва вокруг звездолета все еще исходила паром и с каждым часом, казалось, нагревалась все больше. Крестьяне с материка судачили о демонах, проснувшихся под землей; от советников Стального поступали идеи немногим умнее. Белокурточникам приходилось обматывать тканью сапоги, чтобы подойти ближе. Стальной проигнорировал струи пара, с презрением отверг сапоги и прошелся под изогнутым корпусом. Снизу эта штука более или менее походила на обычный корабль, если не считать выдвижных стоек. Почти у центра виднелось

что-то вроде сиськи, и расплавленная земля под этой сиськой булькала. Ряды сгоревших гробов выстроились вверх по склону. Несколько тел изъяли для вскрытия. В первые часы советники фонтанировали безумными теориями: предполагали, скажем, что богомолы — бегущие от битвы воины и явились похоронить своих мертвецов…

И никто не осмелился толком сунуться внутрь.

Серая лестница была из какого-то материала прочнее стали и легче перышка. Но это именно лестница, пускай даже ступеньки слишком высоки для обычного элемента. Стальной полез наверх, оставив внизу Шрека с присными.

Сунул одну морду в люк и тут же отдернулся. Акустика внутри была жуткая. Теперь он по достоинству оценил жалобы белокурточников. Как чужаки это вообще выносят? Один за другим он пролез в отверстие.

Эхо отзывалось воплями, хуже, чем от голого кварца. Стальной принудил себя успокоиться, как часто делал в присутствии Хозяина. Эхо стало тише, но сохранялось впечатление, что в помещении носится ревущая орда. Даже лучшие белокурточники не выдерживали тут дольше пяти минут. При этой мысли Стальной выпрямился. Дисциплина! Молчание не всегда значит

покорность; охотиться тоже можно молча. Он оглянулся, не обращая внимания на ворчливые шепотки мыслей.

Голубоватые полосы поперек потолка изливали свет. Привыкнув к нему, Стальной увидел то, что уже описывали гонцы: внутри две комнаты, а не одна. Он стоял в более просторной (на складе?). Через люк в дальней стене можно было попасть во вторую. Стены без стыков, сходятся под углами, отличными от внешних углов корпуса: возможно, там потайные пространства. По комнате гулял ветерок, но было куда теплее, чем снаружи. Еще никогда Стальной не бывал в месте, исполненном такого зла, такой мощи. Конечно, это акустический трюк. Если повесят звукопоглотители, установят боковые отражатели, такое чувство исчезнет. Но…

В комнате стояли гробы, которые пощадил пожар. Место провоняло телесным запахом чужаков. В темных углах завелась плесень. Это до некоторой степени успокаивало: чужаки дышат и потеют, как все живые существа, и при всем могуществе не в состоянии держать берлогу в чистоте. Стальной прошелся вдоль гробов, установленных на рельсовых стойках. Тут, вероятно, было тесно, пока чужаки не вывезли часть гробов

наружу. Неповрежденные гробы являли собою шедевры искусства. Из щелей по сторонам каждого гроба шел теплый воздух. Стальной понюхал: запах сложный, немного тошнотворный, но это явно не запах смерти. И пропитавший все запах пота богомолов исходил тоже не отсюда.

В каждом гробу сверху имелось окошко. Какая честь для останков одного элемента! Стальной прыгнул на один из них и посмотрел вниз. Труп превосходно сохранился; в синем свете он казался замороженным. Склонив вторую голову над краем ящика, Стальной получил двойное изображение существа внутри. Оно было куда меньших размеров, чем те двое, убитые при атаке. Даже меньше, чем пленник. Некоторые советники Стального полагали, что это щенки, быть может, даже новорожденные. Предположение имело смысл: пленник ни разу не издавал мыслей.

Отчасти принуждая себя, Стальной еще долго глядел мертвому чужаку в плоское нездешнее лицо. Собственные мысли отдавались непрестанным болезненным эхом, пожирали самообладание, вопили, приказывая уйти. Ничего, пусть поболит. Он и горшее вынес, а стаи снаружи должны знать, что Стальной крепче любой из них. Подчинив себе боль, можно прийти к инте-

ресным прозрениям… А потом пускай отлепят задницы от земли, зашторят комнаты и изучат содержимое.

Стальной смотрел в лицо чужака почти без мысли. Крики, отдававшиеся от стен, немного утихли. Какое оно уродливое. Как они вообще едят? Он уже осмотрел обугленные тела снаружи, отметил маленькие челюсти и зубы, деформированные без видимой закономерности.

Прошло несколько минут; шум и уродство сливались воедино, как во сне. И тут кошмар вырвал Стального из транса: лицо шевелилось. Изменение было незначительное, а происходило медленно, очень медленно. Но, следя за лицом несколько минут, перемену можно было заметить.

Стальной свалился с гроба, и стены отразили жуткий вопль. Несколько секунд ему казалось, что звук его убьет. Потом он немного собрался с мыслями и затих. Снова подкрался к ящику. Уставился всеми глазами в кристаллическую глубину, застыл в ожидании, как стая на охоте… Перемена происходила регулярно. Чужак в ящике дышал, но в пятьдесят раз медленней нормального элемента. Он переместился к другому ящику и понаблюдал за существом внутри.

Да, все они каким-то образом продолжают жить. Ящики просто замедляют их жизнь.

Совершенно ошалевший, он поднял взгляд от ящиков. Значит, фонившее в комнате зло было не просто звуковой иллюзией, но абсолютной правдой.

Чужаки-богомолы сели вдали от тропиков, занятых коллективами; вероятно, они приняли приполярный северо-запад за дикую глушь. Явились на корабле, набитом сотнями богомольих щенков. Эти ящики — вроде личиночьих коконов: стая приземляется, растит щенят вдали от цивилизации… У Стального шерсть встала дыбом. Если бы стая богомолов не растерялась, если бы войска Стального действовали менее агрессивно… Настал бы конец света.

Стальной поплелся к наружному люку, и страхи его все громче отражались от стен. Ему пришлось остановиться на миг в орущей от ужаса тьме. Спускаясь по лестнице, он уже двигался осторожно, тщательно оправив куртки. Вскоре приближенным станет известно об опасности, но страха они в нем не увидят. Он легкой поступью пересек дымящий торфяник, вышел из-под корпуса. Не удержался от быстрого взгляда на небо. Один корабль, одна стая чужаков. Ей просто не

повезло напороться на Движение. И даже в такой ситуации победа была во многом случайной. А сколько еще село кораблей, сколько еще сядет? Успеет ли он чему-то научиться у своей победы?

Стальной вернулся мыслями в настоящее, в свое орлиное гнездо на стенах замка. Первый визит на корабль, много десятидневок назад. Корабль оставался источником угрозы, но теперь Стальной лучше понимал ее природу и, как это обычно бывает с большими опасностями, видел грандиозные перспективы.

Шкуродер в Ожидании скользил по крепостному валу в сгущавшихся сумерках. Стальной следил за стаей: вот она прошла под факелами и элемент за элементом спустилась по лестнице. От Хозяина в этом фрагменте жуть как много: он первым из всех понял много важного о высадке чужаков.

Стальной обвел прощальным взглядом темнеющие холмы, развернулся и начал спуск по спиральной лестнице. Лестница была крутая и сильно изогнутая: обзорная площадка располагалась на вершине сорокафутовой башни. В ширину пролет едва достигал пятнадцати дюймов, потолок нависал в тридцати дюймах над ступеньками. Со всех сторон давил холодный

камень, так *близко*, что эхо не мешало мыслить, но и *так* близко, что приходилось растягивать разум в длинную цепочку. Подъем по винтовой лестнице требовал искривленной напряженной позы, которая делала врага легкой добычей для защитников орлиного гнезда. Такова уж военная архитектура. Стальной считал подъем в тесноте и мраке приятным упражнением. Лестница выходила в общедоступный коридор десяти футов шириной, с ответвлениями каждые пятьдесят футов. Там его ждали Шрек и стражник.

— Поступило свежее донесение от древорезчиков, — сообщил Шрек, протягивая листы шелковой бумаги.

В свое время казалось страшным ударом, что другого чужака упустили к древорезчикам. Постепенно Стальной понял, что это поражение можно обернуть в победу. У него были агенты среди древорезчиков. Сперва он хотел было убить второго чужака — дело несложное. Но поступавшая на север информация его заинтересовала. У древорезчиков попадаются очень сообразительные стаи, они высказывали идеи, до которых Стальной с Хозяином, сиречь фрагментом Хозяина, сами не додумались бы. Таким образом, в стане древорезчиков фактически появилась

запасная лаборатория Стального по изучению чужаков, и враги Движения служили ему не хуже любого другого инструмента. Ирония ситуации подкупала.

— Отлично, Шрек. Отнеси в мою берлогу. Я скоро буду.

Стальной жестом велел белокурточникам отойти в боковой коридор, те тут же рыскнули туда. Сам пошел дальше. Денек выдался напряженный, надо будет вознаградить себя чтением доклада за напитками. Пока же — другие дела, другие приятности.

Хозяин приступил к постройке Замка на Тайном Острове более века назад, но Замок все еще рос. В самой старой его части, где обычный правитель разместил бы темницы, находились первые лаборатории Шкуродера. Многие, в том числе подопытные, все же приняли бы их за темницы.

Стальной осматривал лабораторное крыло не реже раза в десятидневку. В данный момент он обходил нижние уровни. От света факелов стражника в разные стороны разбегались сверчки. Воняло гниющим мясом. Лапы Стального скользили там, где каменный пол покрывала слизь. В полу с определенными интервалами были устроены зарешеченные ямы. Каждая вмещала

одного элемента, если плотно прижать лапы к телу. Каждая была плотно запечатана крышкой с небольшими отверстиями для воздуха. Среднестатистический элемент терял рассудок после трех дней такой изоляции. Получившееся в результате «сырье» применяли для построения стай с чистым разумом. Как правило, интеллектом они недалеко отстояли от растений, но Движению этого было достаточно. А иногда из ям выходили выдающиеся экземпляры. Скажем, Шрек. Шрек Бесцветный, как его называли некоторые. Шрек Бесстрастный. Стая, живущая вне боли и желаний. Шрек обладал верностью заводного механизма из плоти и крови. Гением он не был, однако Стальной с готовностью отдал бы восточную провинцию за еще пятерых таких. Соблазн повторения успеха заставлял Стального вновь и вновь заселять изоляторные ямы. Большую часть стаеошметков после атаки на чужаков он переработал именно так.

Стальной поднялся уровнем выше, где содержались наиболее интересные образцы. Мир следил за событиями на Тайном Острове с затаенным ужасом. Многие прослышали о нижних уровнях. Немногие, однако, понимали, сколь невелик вклад этих подопытных в науку Движения. Для

тщательного анализа души требуется нечто большее, нежели препараторские скамьи, окруженные кровожадными потрошителями. В мире издавна бытовали великие вопросы, тревожа умы стай тысячи лет напролет. *Как мы думаем? Почему мы верим? Почему одна стая гениальна, а другая — тупа?* До Шкуродера философы убивали время в бессчетных спорах, не приближаясь к истине ни на шаг. Даже Древорезчик топтался вокруг, не осмеливаясь отклониться от традиционной этики. Шкуродер же решительно взялся за поиск ответов. В этих лабораториях допросу подвергали саму природу.

Стальной шел через палату шириной около ста футов. Потолок поддерживали десятки каменных колонн. С каждой стороны высились темные разделительные щиты из аспидного сланца, водруженные на колесиках. Пещеру можно было полностью заблокировать или превратить в лабиринт любой сложности. Шкуродер экспериментировал со всевозможными мыслепозами. Долгие века, минувшие до него, лишь немногие позы считались эффективными: инстинктивная (головами вместе), кольцевая стража, различные рабочие позы. Шкуродер перебирал их дюжинами: звезды, двойные кольца, решетки. Большей

частью они оказывались бесполезны и лишь вносили путаницу. В позе звезды один элемент слышал всех других, а остальные могли слышать только его. Фактически вся мысль транслировалась через элемента-концентратора. Он мог вообще не вносить никакого разумного вклада, но любые искажения нескорректированными проходили дальше. В результате возникал пьяный бред… Этот эксперимент, разумеется, был предан огласке.

Но по крайней мере один — все еще засекреченный — работал на диво хорошо. Шкуродер расставил восемь стай на временных платформах, отсек их друг от друга сланцевыми ширмами, затем установил связь между элементами одной стаи и аналогами их в трех соседних. В каком-то смысле он создал стаю восьми стай. Стальной продолжал этот эксперимент. Если коннекторы были достаточно хорошо совместимы (а именно тут и крылась загвоздка), получалось существо куда умнее кольцевого стражника. Во многих отношениях не лучше обычной стаи головами вместе, но бывало, что его озаряли потрясающие идеи. Перед отбытием в Длинноозерье Хозяин вынашивал планы перестроить главный зал Замка так, чтобы заседания Совета протекали в этой

позе. Стальной воздержался от такого шага, сочтя его излишне рискованным. Власть Стального над другими была не так прочна, как у Шкуродера.

Не важно. Были и другие проекты, куда значимей. В комнатах впереди билось подлинное сердце Движения. Душа самого Стального родилась тут; все великие творения Шкуродера пришли в мир именно здесь. Последние пять лет Стальной соблюдал традицию… и улучшал ее.

Он спустился по коридору, соединявшему отдельные лаборатории. На каждой двери имелся инкрустированный золотом номер. У каждой двери он останавливался, отворял ее и частично проходил внутрь. Подчиненные оставляли там отчеты о проделанной за десятидневку работе. Стальной быстро пробегал глазами каждый из них и выставлял нос на балкон, посмотреть лично, как идет эксперимент. Балконы были хорошо мыслеизолированы и затенены, позволяя наблюдать из укрытия.

Единственная слабость Шкуродера, как считал Стальной, заключалась в навязчивом стремлении сотворить сверхстаю. Хозяин до того исполнился самоуверенности, что возмыслил применить к собственной душе любой успех такого рода. Стальной подобных иллюзий не питал.

Общеизвестно, что ученики, дети стаераскола, приемыши, да кто угодно, превосходят своих учителей. Сам Стальной являл превосходное тому подтверждение, хотя Хозяину это пока не было известно.

Стальной решил создать существ, обладающих только одной определенной сверхспособностью, а в остальных аспектах — недоразвитых, слабых. В отсутствие Хозяина он начал серию экспериментов. Работал Стальной с чистого листа, определяя линии наследования независимо от элементного состава. Его агенты покупали или воровали щенят, обладавших нужным потенциалом. В отличие от Шкуродера, который предпочитал, подобно природе, вливать щенят в уже существующие стаи, Стальной работал с полностью новорожденными стаями — щенкостаями, лишенными памяти или фрагментов души. Стальной с самого начала обладал над ними полной властью.

Разумеется, смертность среди таких конструктов была очень высока. Щенят приходилось забирать от кормилиц, прежде чем они успели бы присоседиться к сознаниям взрослых. Получавшуюся стаю обучали исключительно на звуковом и письменном языках. Вся поступавшая

в нее информация контролировалась.

Стальной остановился у двери с номером 33: эксперимент по имени Амдиранифани. Математическое совершенство. Не единственная, но, без сомнения, самая успешная его попытка в этой области. Агенты Стального обшаривали Движение в поисках стай, наделенных талантом к абстрактному мышлению. Они заходили и дальше: самый знаменитый математик мира обитал в Длинноозерной Республике. Стая готовилась к расколу; у нее были несколько щенков от себя и математически одаренного любовника. Стальной похитил этих щенят. Они так удачно сочетались с другими его находками, что он принял решение сконструировать восьмерку. Если все сработает, как задумано, интеллектом эта стая превзойдет все создания природы.

Стальной велел стражнику отвести факелы. Открыв тридцать третью дверь, он мягко скользнул одним элементом на край балкона. Посмотрел вниз, тщательно приглушая фон передней мембраны элемента. Солнечный свет угасал, но видны были сбившиеся вместе щенки. Они прижались к новому приятелю. То был богомол. Счастливая случайность — вот как бы это стоило назвать. Нежданная награда, выпавшая

исследователю после кропотливых трудов. Он столкнулся с двумя проблемами. Первая нарастала уже год: Амдиранифани медленно угасал, его элементы впадали в обычный аутизм полностью новорожденных стай. Вторая: пленный чужак. Невероятная угроза, предельная тайна, колоссальная возможность. Как наладить общение с ним? Если этого не получится сделать, возможности манипулировать чужаком будут крайне ограниченны.

И вот прихоть слепого случая в лице бесталанного прислужника одним махом решила обе проблемы. Приспособившись к темноте, Стальной увидел под грудой щенячьих тел чужака. Впервые услышав, что существо поместили в эксперимент, Стальной пришел в дикую ярость и немедленно отправил нерадивого слугу на переработку. Но шли дни, а эксперимент Амдиранифани выказывал большую живость, чем за всю предыдущую жизнь. Быстро стало ясно, что богомолы не живут стаями: это поняли после вскрытия чужацких трупов и наблюдения за выжившим пленником. У Стального оказался *полный* чужак.

Чужак шевельнулся во сне, издав низкий горловой звук. Никаких иных звуков издавать он

не умел. Щенкостая сместилась в новую позу. Щенки тоже спали, смутно о чем-то размышляя. Нижний их мыслеспектр представлял собой идеальную имитацию речи чужака… и в этом Стальному повезло больше всего. Эксперимент Амдиранифани освоил язык чужаков. Новорожденной стае этот язык представлялся всего лишь формой межстайного, а друг-богомол был щенкам явно интересней, чем слонявшиеся по балконам учителя. Фрагмент Шкуродера приписывал это телесному контакту, утверждая, что щенкостая подсознательно тянется к чужаку, словно к суррогатному родителю, пусть тот и безмыслен.

Впрочем, не важно. Стальной перегнулся через перила другим элементом. Он стоял тихо, не думая про себя напрямую. В воздухе чуть заметно пахло щенками и пóтом богомола. Эти двое — величайшее сокровище Движения, ключ к выживанию и великим достижениям. К этому моменту Стальной уже понял, что корабль чужаков не был частью флота вторжения. Пришельцы скорей походили на беженцев, собиравшихся второпях. Ниоткуда не поступало вестей о высадке новых стай, хотя шпионы Движения много где рыскали.

Победа над чужаками тогда висела на волоске.

Одним своим орудием богомолы уничтожили почти целый полк. В умелых челюстях такое оружие повергнет армии. Он не сомневался, что на корабле остались еще машины для убийства и некоторые из них работоспособны. «Жди и наблюдай, — посоветовал себе Стальной. — Позволь Амдиранифани обнаружить для тебя рычаги управления этим чужаком. Наградой станет весь мир».

Глава 14

О забавных вещах мама говорила, что «это смешнее полной бочки щенков». У Джефри Ольсндота никогда раньше не водилось более одного домашнего любимца, и лишь однажды это был песик. Но теперь он понимал, что́ мама имела в виду. С самого первого дня, даже будучи страшно уставшим и напуганным, он не уставал восхищаться восьмеркой щенят. А те — мальчиком. Они лезли на него, тянули за одежду, расстегивали обувь, сидели на коленях или просто носились кругом. Трое или четверо все время смотрели на него. Глаза у щенят были розовые или карие и для таких головенок казались очень крупными. С первого дня щенки имитировали его голос. Получалось у них лучше, чем у страумлианских певчих птичек: что бы он ни сказал, щенки подхватывали фразу эхом или воспроизводили позднее. Когда он плакал, некоторые песики тоже хныкали и ластились к нему.

Были тут и другие собаки, крупные: эти носили одежду и приходили через двери высоко в стенах. Потом спускали пищу, временами издавая странные шумные звуки. Еда на вкус была мерзкая,

на плач Джефри собаки не реагировали, даже передразнивать не пытались.

Минуло два дня, затем неделя. Джефри успел обследовать всю комнату. В общем-то, темницей ее называть нельзя: слишком просторная. Да и не позволяют узникам заводить любимцев. Он сообразил, что мир этот совсем дикий, расположен не на Просторе и, наверное, даже к Сети не подключен. Если мамы, папы или Йоханны нет рядом, то, наверное, собак даже некому научить самношку! Придется, видимо, самому Джефри Ольсндоту взяться за это дело, если он хочет отыскать родных.

Теперь, стоило белокурточникам появиться на угловых балконах, Джефри принимался выкрикивать вопросы. Толку от этого было мало. Даже пес в одежде с красными полосками не отвечал. Зато откликались щенки! Они повторяли крики Джефри, иногда в точности, иногда — перемежая маловразумительными звуками.

Джефри вскоре понял, что у щенков общее сознание. Бегая вокруг него, они всегда отсылали кого-нибудь посидеть в сторонке; грациозные шейки их выгибались туда-сюда — и те, кто носился, кажется, знали, что видят другие. За спиной спрятать ничего не удавалось: что заме-

чал один щенок, сразу видели и все остальные. Он сперва подумал, что щенята общаются в диапазоне звука, который он не воспринимает, но все оказалось сложнее. Он наблюдал, как щенки стягивают с него обувь или чертят картинку — головы, пасти и лапы демонстрировали потрясающую координацию, как пальцы на человеческой руке (Джефри, конечно, не думал такими словами). Через несколько дней он стал воспринимать щенят как слитное существо, как своего друга. Одновременно мальчик заметил, что щенки стали комбинировать услышанные от него слова, порою в новых значениях.

— Ты меня играть. — Фраза казалась бездумным набором слов, но произносилась обычно, когда щенята затевали развеселую игру с предметами мебели.

— Ты мне рисовать. — По периметру всей комнаты в метре от пола тянулась рисовальная доска. Джефри в жизни не видел более грубого дисплея: доска была грязная, неоткалиброванная, стирала информацию не до конца, а сохранять вовсе не умела. Но Джефри устройство нравилось. Лицо и руки мальчика, как и губы большинства щенков, постоянно были перепачканы мелом. Они рисовали друг друга и сами себя. Щенки, в

отличие от Джефри, рисовали неточно: собаки на их рисунках были крупноголовые, большелапые, с телами, словно слепленными вместе. Когда стая рисовала Джефри, руки тоже получались большими, а каждый палец — тщательно прочерченным.

Джефри потерял семью, но взамен обрел стаю Щенков.

День за днем солнечный кругослед карабкался выше по стенам. Теперь в комнате порою становилось темно. Не меньше одного раза в сутки поговорить со Щенками приходили другие стаи. Один из немногих поводов отвлечься от Джефри. Щенки садились под балконами, что-то высвистывали и пищали взрослым. Как в школьном классе! Потом ему спускали свитки, чтоб он их посмотрел, и забирали уже исчерченные.

Джефри на уроках сидел тихо и слушал. Ерзал, конечно, однако на учителей больше не кричал. Еще немного, и со Щенками получится заговорить по-настоящему. Еще немного, и Щенки помогут ему отыскать маму, папу и Йоханну.

Бывает, что ужас и боль — не лучшие учителя; обман же, когда срабатывает, оказывается самым эффективным и дешевым средством манипуляции. Как только Амдиранифани в совершенстве

освоил язык богомолов, Стальной велел рассказать чужаку про обстоятельства «трагической гибели» родителей и однопометницы Джефри. Фрагмент Шкуродера возражал, но Стальной хотел установить быстрый и неоспоримый контроль.

Теперь казалось, что Фрагмент Шкуродера все же был прав: надо было, что ли, хоть оставить чужака в надежде на выживание однопометницы. Стальной грустно взирал на экспериментальную стаю Амдиранифани.

— Как мы можем ему помочь?

Молодая стая доверчиво смотрела на него в ответ.

— Джефри так страдает из-за гибели родителей и сестры. — Амдиранифани часто употреблял ненужные богомольские слова, например *сестра* вместо *однопометница*. — Он мало ест. Не хочет играть. Мне тоже очень грустно.

Стальной следил за дальним балконом. Там стоял Фрагмент Шкуродера. Не прятался, но отвернул почти все морды от свечей. Пока что проницательность Фрагмента потрясала, а взгляд сейчас был почти как в старые времена, когда ошибка каралась увечьем или чем-то похуже. *Ну и ладно*. Ставки выше, чем прежде, и если под-

ступающий к горлам Стального страх обострит мышление, это только к лучшему. Он отвернулся от балкона и придал всем мордам выражение сочувствия горю бедного Джефри.

— Ты просто сделай так, чтобы оно — то есть он… понял. Никто не властен вернуть к жизни его родителей или сестру. Но мы знаем, кто их погубил. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы защитить его от них. Дай ему понять, как это сложно. У древорезчиков многовековая империя. В открытом бою у нас мало шансов. Поэтому мы нуждаемся в его помощи. Надо, чтобы он научил нас пользоваться кораблем своих родителей.

Щенкостая понурила голову.

— Да, я попытаюсь, но… — Три элемента рядом с Джефри издали низкое ворчание. Богомол сидел, опустив голову и прижав к глазам свои щупальцелапы. Создание поникло духом уже несколько дней назад, все глубже замыкаясь в себе. Теперь богомол яростно затряс головой, издавая резкие звуки несколько выше тоном, чем обычно.

— Джефри говорит, что не понимает, как работает корабль. Он всего лишь маленький… — стая не нашла эквивалента, — он правда очень молодой. Ну, как я. Вы понимаете.

Стальной понимающе кивнул. Очевидное, но

оттого не менее странное следствие синглетной природы чужаков. Каждый вынужден начинать щенком, с нуля. Каждый подобен щенкостайным экспериментам Стального. Родительское знание передается эквивалентом межстайной речи. В таких условиях легко околпачить, но сейчас эта особенность доставляла крайнее неудобство.

— Но хоть что-то он может нам объяснить?

Богомол снова заворчал. Стальному подумалось, что надо бы освоить этот язык: звуки совсем простые. Достойные жалости существа эти вынуждены общаться через пасти, словно птицы или лесные слизняки. Сейчас же он полностью зависит от Амдиранифани. Пока что это не страшно: щенкостая ему доверяет. Тоже, надо сказать, удача. В нескольких своих экспериментах недавнего времени Стальной попытался развить чистую любовь там, где Шкуродер сочетал ее со страхом; вероятность, что любовь окажется эффективнее, была невелика, но, к великому счастью, именно из этой контрольной группы вышел Амдиранифани. Даже его инструкторы избегали отрицательной стимуляции. Стая поверит всему, что он скажет… как и богомол, смел надеяться Стальной.

Амдиранифани перевел:

— Есть еще кое-что, он меня уже спрашивал. Джефри знает, как пробудить *остальных детей*… — в переводе буквально звучало как «остальные щенкостаи», — на корабле. Вы удивлены, о Стальной Владыка?

Хотя кошмары о чудовищно смышленых богомолах перестали его мучить, Стальной бы не обрадовался, примись вокруг шнырять еще сто чужаков.

— Я и не знал, что их так легко разбудить… Но сейчас этого делать нельзя. Мы и для одного Джефри с трудом добываем пищу. — И то правда: создание оказалось крайне привередливо. — Едва ли мы сможем прокормить еще нескольких.

Снова ворчание и резкие крики Джефри. Потом:

— И еще кое-что, господин мой. Джефри полагает, что корабельный *ультраволновик* можно приспособить для вызова подмоги. Тогда прилетят другие, вроде его родителей.

Из тени высунулся Фрагмент Шкуродера. Парой голов он смотрел на богомола, остальными задумчиво разглядывал Стального. Стальной не отреагировал; хладнокровие он умел хранить лучше любой растянутой стаи.

— Об этом стоит поразмыслить. Вероятно, нам

с Джефри и тобой надо обсудить это поподробнее. Мне бы не хотелось возиться на корабле, рискуя что-нибудь там испортить.

Слабая отговорка. Стальной заметил, как продолжавший наблюдать Фрагмент насмешливо дернул мордой.

Амдиранифани переводил синхронно, и Джефри ответил тут же.

— Ой, не надо беспокоиться. Он имеет в виду особый вызов. Джефри говорит, что обычный-то сигнал корабль… передает с момента посадки. Сам по себе.

И тут Стальной задумался, а приходилось ли ему хоть раз слышать смертельную угрозу, высказанную с такой же невинной непосредственностью.

Теперь Джефри с Амди выпускали наружу погулять. Прежде Амди нервничал, когда ему доводилось выходить. Он не привык носить одежду. Всю свою жизнь — четыре года — он провел в одной большой комнате. Он читал про мир снаружи и интересовался им, но и немного боялся его. Человеческий же мальчик, казалось, стремился туда. Каждый день он все глубже уходил в себя, хотя плакать стал меньше. Он тосковал по родителям и сестре, но иногда принимался плакать

оттого, что его держат взаперти.

Поэтому Амди поговорил со Стальным Господином, и тогда их стали выпускать наружу почти ежедневно, хотя бы во внутренний дворик. Сперва Джефри просто сидел, не оглядываясь вокруг. Но Амди обнаружил, что ему самому нравится гулять, и каждый раз затягивал игру с другом еще ненамного.

Стаи учителей и стражников стояли по углам двора на желтеющем мху и наблюдали. Амди — и в конце концов Джефри — получал удовольствие, поддразнивая их. В комнате, куда гости попадали по балконам, это не было особенно заметно, а сейчас стало ясно, что взрослые побаиваются Джефри. Мальчик был раза в полтора выше обычного элемента, стоящего на всех лапах. Стоило ему приблизиться, как обычная стая сбивалась в кучу и пятилась. Они не привыкли смотреть на кого-то снизу вверх. Амди думал, что это очень глупо с их стороны. Джефри такой высокий и худой — того и гляди опрокинется. А когда бежит, то похоже, что все время пытается удержаться от падения, и получается у него это плохо. Поэтому в первые дни Амди очень нравилось играть в салки. Когда ему приходилось догонять, он старался оттеснить Джефри к белокурточникам,

у которых был самый надутый вид. Если они с Джефри все делали правильно, в игре появлялся третий участник: Джефри убегал от Амди, а белокурточники бегали от них обоих.

Иногда ему становилось жалко белокурточников и стражников. Такие все из себя серьезные и взрослые. Неужели не понимают, как это здорово, что у тебя есть друг, с которым можно идти совсем рядом, которого можно потрогать?

Бóльшую часть суток стояла ночь. На несколько часов около полудня становилось светлее, а сумерки на «рассвете» и «закате» затмевали звезды и полярное сияние, но еще не позволяли различать цвета. Амди всю жизнь прожил в помещении, но геометрические причины ситуации понимал и любил ловить момент перемены света. Джефри зимняя тьма совсем не нравилась, пока не выпал снег.

Амди дали первую в жизни смену курток. Стальной Господин велел сшить для человеческого мальчика специальную одежду, из плотной ткани, которая облегала все тело и согревала лучше любой шерсти.

На одной стороне замкового дворика снегу намело всего шесть дюймов, зато в других местах сугробы лежали выше голов Амди. В укрытые от

ветра стенные ниши вставили факелы, и свет их пламени золотисто отражался на снегу. Амди читал про снег, но никогда раньше его не видел. Ему нравилось разбрасывать снег по куртке. Он мог глядеть и глядеть на снег, пытаясь различить отдельные снежинки и не растопить их дыханием. Шестиугольный мотив, едва различимый стайным зрением, зачаровывал его.

Но в салки было уже не так прикольно играть: человек с легкостью пробирался сквозь сугробы, где Амди барахтался. И еще много всего интересного умел. Например, лепить из снега шары и швырять их. Стражникам это очень не нравилось, особенно когда Джефри угодил снежками в пару элементов. Амди впервые увидел стражу в гневе.

Амди носился по открытой ветру стороне двора, уворачиваясь от снежков и досадуя. Какие классные штуковины эти человеческие руки! Как бы ему хотелось иметь пару — нет, четыре пары! Он сомкнул круг с трех сторон и побежал на человека. Джефри метнулся на слежавшийся наст, да поздно: Амди перехватил его и сверху, и снизу, опрокинув двуногого прямо в снег. Битва, конечно, вышла потешная: Амди брыкался и делал вид, что грызет Джефри ноги и руки. Ам-

ди победил, и человеку сполна воздалось за его снежки, когда щенкостая напихала ему снега за шиворот куртки.

Иногда они просто сидели и смотрели в небо, так долго, что спины и лапы начинали замерзать. Самый высокий сугроб отрезал свет факелов из замка, и за ним был хорошо виден небосклон.

Сперва Амди очаровало полярное сияние, да что там — некоторых его учителей тоже. Они говорили, что в этой области мира небесные сполохи наблюдать лучше всего. Иногда сияние так слабело, что даже отраженный снегом свет факелов мог его заглушить. Иногда полыхало от горизонта до горизонта: зеленые полотнища света с розовыми кромками колыхались, словно на легком ветру.

Он уже почти свободно общался с Джефри, но всегда — на языке людей. Человеку звуки межстайного давались плохо, даже имя Амди в его произношении едва можно было узнать. А вот Амди самношк понимал очень хорошо: так забавно, у них двоих теперь есть свой тайный язык.

Джефри полярное сияние не слишком впечатляло.

— У нас дома такое часто бывает. Это просто свет от…

Он произнес незнакомое слово и глянул на Амди. Прикольные существа эти люди: не умеют смотреть в нескольких направлениях, поэтому голова и глаза у человека все время дергаются.

— …ну, ты знаешь, от мест, где люди делают всякие штуки. Думаю, газ и отходы оттуда вылетают, потом солнце их подсвечивает и… — снова непонятное слово.

— Мест, где люди делают всякие штуки? — *В небе?* У Амди был глобус; он знал, какого размера мир и как ориентирован относительно солнца. Если полярное сияние создается отраженным солнечным светом, то оно в сотнях миль над землей! Амди прислонился к сбитой в подушку куртке мальчика и весьма правдоподобно присвистнул. В географии он разбирался хуже, чем в геометрии, но… — Джефри, стаи не умеют работать в небесах. У нас даже летающих лодок нету.

— Ну да, верно, ты не… Не знаю, что это такое. Но мне не нравится. Звезд не видно.

Амди знал про звезды: Джефри ему рассказал. Где-то на звездах друзья родителей Джефри.

Джефри несколько минут молчал. В небо он больше не смотрел. Амди подвинулся ближе, глядя, как трепещут в небе изменчивые сполохи. За их спинами в желтом факельном свете высил-

ся заостренный ветром гребень сугроба. Амди пытался понять, о чем друг думает.

— Коммы из твоей лодки действительно сгодятся, чтобы позвать на помощь?

Джефри ударил ладонью по земле:

— Нет! Я же тебе говорил. Это просто радио. Думаю, что заставлю их работать, а что толку? Ультраволновик на борту остался. Он слишком большой, чтобы его перетаскивать. Я не понимаю, почему Стальной Господин меня туда не пускает. Ты знаешь, мне уже восемь лет, я большой, я соображаю, как это работает… мама его настроила как раз перед тем… перед тем… — Он умолк, слова утонули в знакомом отчаянии.

Амди приник мордой к плечу Джефри. У него была теория насчет того, почему Стальной Господин упрямится. Этого объяснения он Джефри прежде не предлагал.

— Может, он опасается, что ты просто возьмешь и улетишь, а нас бросишь.

— Да что за чушь! Я тебя ни за что не брошу. Кроме того, на этой лодке не так просто взлететь. Она не предназначена для посадки на планету.

Джефри иногда говорил очень странные вещи; кое-что Амди понимал неверно, а иногда услышанное оказывалось правдой. Это что же

получается — у людей есть корабли, которые не садятся на землю? А где же они тогда швартуются? Амди чувствовал, как в его уме складываются вместе новые фрагменты понимания. Географический глобус Стального Господина представлял не весь мир, а лишь очень, очень маленький уголок истинного мироздания.

— Я понимаю, что не бросишь. И ты тоже должен понять, чего опасается Стальной Господин. Он даже поговорить с тобой сам не может, только через меня. Мы должны доказать ему, что он может тебе довериться.

— Я догадываюсь.

— Если мы заставим радиоустройства работать, они пригодятся. Я знаю, что мои учителя в них не разобрались. У Стального Господина одно такое есть, но и он вряд ли разобрался.

— Угу. Если найдем другое и запустим…

Тем вечером стражникам повезло: двое их подопечных вернулись под крышу на диво рано. Стражники не стали спрашивать, чему этим обязаны.

Берлога Стального первоначально принадлежала Хозяину. Она значительно отличалась от приемных залов замка. Не впадая в хор, любую ее комнату могла занять только одна стая. Не то

чтобы, впрочем, резиденция была тесной: комнат насчитывалось пять, помимо ванной. Но, кроме библиотеки, ни одна в длину не превосходила пятнадцати футов. Потолки низкие, меньше пяти футов высотой, а гостевых балконов не предусмотрено вовсе. Слуги всегда начеку в двух коридорах, граничивших с покоями. Обеденный покой, спальня и ванная снабжены особыми люками, через которые можно отдавать приказания, а также принимать яства и напитки или ароматические мази.

Главный лаз охранялся снаружи тремя стаями стражи. Разумеется, Хозяин ни за что бы не занял берлогу с единственным выходом. Стальной обнаружил восемь потайных ходов, из них три — в спальных покоях. Открывались они только изнутри, а вели в лабиринт ходов, которым Шкуродер источил стены замка. Никто, даже сам Хозяин, не исходил лабиринта полностью. За годы без Шкуродера Стальной в этом лабиринте кое-что поменял, в том числе и ходы, ведущие из берлоги.

Покои были почти неприступны. На случай падения замка в кладовых имелся полугодовой запас; воздух поступал через сеть каналов, почти такую же обширную, как лабиринт тайных ходов

Хозяина. И тем не менее Стальной чувствовал себя тут лишь в относительной безопасности. Сохранялась вероятность, что в берлоге больше восьми потайных ходов, и среди них такой, что открывается снаружи.

Конечно, хор тут исключался. И вообще где бы то ни было. Единственный внестайный секс, какой он себе позволял, так это с синглетами, и то в рамках экспериментов. Слишком опасно смешивать свою личность с чужими.

После обеда Стальной перебрался в библиотеку и расслабился, устроившись за читальным столом. Два его элемента потягивали напиток, а еще один курил смесь южных трав. Наслаждение, но тоже по расчету: Стальной знал, какие именно вредные пристрастия и у каких элементов обострят его воображение до крайности.

А в игре, которую он вел сейчас, воображение обладало ценностью не меньшей, чем обычный интеллект, и в этой мысли Стальной все более утверждался. Стол меж его элементами был завален картами, отчетами шпионов с юга, докладами внутренней тайной стражи. А посреди свитков шелковой бумаги, как слоновокостный слизняк в гнезде, свернулось чужацкое радио. С корабля таких принесли два. Стальной подцепил

штуковину со стола, провел носом по ее гладкой, изогнутой с боков поверхности. Лишь изделия из самой дорогой древесины, используемой для музыкальных инструментов или обрядовых скульптур, могли соперничать красотою с этим предметом. А богомол утверждал, что эта штука может передавать речь на десятки миль со скоростью светового луча. Если так… Стальной задумался, сколько проигранных битв можно было бы выиграть, располагая таким устройством, и сколько новых завоевательных походов — успешно осуществить. А если научиться делать такие дальноговорители самим… Агенты Движения, разбросанные по континенту, окажутся так же близки, как и солдаты за углом берлоги Стального. Никто в мире перед ними не устоит.

Стальной развернул свежее донесение от древорезчиков. По многим направлениям те добились со своей самкой богомола бóльших успехов, чем Стальной — со своим чужаком. Наверное, та была почти взрослой. Что еще важнее, при ней оказалась чудесная библиотека, которую можно было опрашивать, как живое существо. Таких *данников* имелось еще три. Белокурточники Стального нашли то, что от них осталось, на пепелище рядом с кораблем. Джефри полагал, что

корабельные *процессоры* вроде *данника*, «только тупее» (лучшего перевода Амди не подобрал), но пока что эти *процессоры* бесполезны.

Располагая же данником, некоторые советники Древорезчицы уже научились общаться с богомолкой. За день они узнавали об иномирской цивилизации больше, чем слуги Стального — за десять. Он усмехнулся. Даже не подозревают, что обо всех важных открытиях на Тайный Остров прилежно отсылаются отчеты… Пускай себе возятся со своей игрушкой и своим экземпляром богомола; кое-что из найденного ими от него ускользнуло бы. И тем не менее он сетовал на судьбу.

Стальной полистал донесение. Отлично. Богомолка Древорезчицы пока не идет на контакт. Он ощутил, как улыбка переходит в смех: создание подобрало забавное имя для народа Стай. В отчете это слово было записано фонетически; не важно: в переводе оно означает «шипы» или «когти». Она, видимо, испытывала особенный страх перед боевыми когтенакладками, которые солдаты надевали на передние лапы. Стальной задумчиво облизал черный лак на собственных наманикюренных когтях. Любопытно. Когти могут вселять страх, но они также неотъемлемая

часть личного образа. Стальные накладки — их механическое продолжение и потенциально ужасают еще сильнее. Он мог бы дать такое имя элитному подразделению убийц… но не всем Стаям. В конце концов, есть среди народа стай слабые, нищие, добрые, наивные… а есть и такие, как Стальной со Шкуродером. Тот факт, что существо сочло стальные когти характеризующей чертой стай, проливал любопытный свет на богомолью психологию.

Стальной вылез из-за стола и стал разглядывать фреску на стенах библиотеки. Она представляла вид с замковых башен. За картиной стены были проложены узорами слюды, кварца и волокна; эхо давало некоторое представление о том, что можно увидеть, глядя с каменных стен в пустоту. Аудиовизуальные картины в Замке встречались редко, а эта была особенно тонкой работы. Стальной глядел на нее и чувствовал, как спадает напряжение. На миг он дал волю воображению.

Когти. А мне нравится. Если такими их видят чужаки, значит это правильное имя для его расы. Жалкие его советнички, а иногда и сам Фрагмент Шкуродера, все еще побаивались корабля со звезд. Несомненно, в корабле том заключена мощь, превосходящая все на свете. Но, преодолев

первый приступ паники, Стальной понял, что чужаки лишены сверхстайных способностей. Они просто продвинулись по лестнице прогресса — Древорезчица обожала рассуждать на такие темы — куда выше, чем наука мира стай. Да, в данный момент цивилизация чужаков неведома, а оттого страшит. Да, вполне возможно, что чужаки способны испепелить всю планету. Но чем больше Стальной наблюдал за своим чужаком, тем лучше осознавал врожденные недостатки этой расы. Какой странный выкидыш творения — раса разумных синглетов. Каждого приходится взращивать с нуля, словно полностью новорожденную стаю. Памятью делиться они умеют только через слова и письменность. Каждый чужак рос, старился и даже умирал как целое. Стальной непроизвольно содрогнулся при этой мысли.

Первые страхи, первые неверные выводы он уже давно преодолел и отбросил. Больше тридцати дней он вынашивает планы, как подчинить себе весь мир с помощью этого звездолета. Богомол сказал, что корабль сигналит другим. У некоторых прислужников Стального недержание бы от испуга началось. Ну и что? Рано или поздно эти другие корабли прилетели бы. Пра-

вить миром? Эта цель утратила практический смысл. Пора замахнуться выше, к целям, которые даже Хозяин не осмеливался ставить. Без своей техники богомолы хрупки и смертны. Их легко завоевать. Даже сами они, кажется, это понимают. *Стальные Когти, так это существо нас называет. Да будет так. Настанет день, Когти пробегут меж звезд и станут ими править.*

Но до той поры жизнь наполнится множеством опасностей. Весь потенциал стаенарода может быть уничтожен одним ударом, будто новорожденный щенок. Выживание Движения, а с ним и мира, зависит от множества факторов: превосходства в интеллекте и воображении, дисциплины и коварства. К счастью, этими талантами Стальной был наделен в полной мере.

Стальной размечтался в сонной дымке, в полумраке, разгоняемом лишь сиянием свечей. *Интеллект, воображение, дисциплина, коварство.* Если все сделать правильно, чужаков можно науськать на врагов Стального… и убедить, чтобы подставили ему глотки сами. Головокружительно смелая, почти безумная идея, но может сработать. Джефри утверждал, что умеет обращаться с сигнальным устройством корабля. Сам-то справится? Стальной сомневался. Чужака

легко было дурачить, особо умным он не кажется. Другое дело — Амдиранифани. Он унаследовал все черты своих гениальных предков. А учителя вбили в него верность и готовность к самопожертвованию, пускай и… в игривой форме. Страх не отточил его повиновения. Ну и пусть. Исключительно полезный инструмент. Амдиранифани сумел понять Джефри, а чужацкие артефакты изучил, кажется, даже лучше самого богомола.

Игра стоит свеч. Придется пустить парочку на борт звездолета. Они пошлют его сообщение вместо автоматического сигнала тревоги. А каким оно будет, это первое сообщение? Слово за словом рождалась в его воображении самая важная и самая опасная речь за всю историю стаенарода.

В трех сотнях ярдов оттуда, глубоко в экспериментальном крыле, мальчику и стае щенят привалила удача в виде незапертой двери и возможности повозиться с коммом Джефри.

Телефон был не из самых простых. Предназначался он для полевой работы и больниц, для дистанционного управления устройствами и для обычной голосовой связи. Методом проб и ошибок двое постепенно сузили круг возможностей.

Джефри Ольсндот ткнул пальцем в цифры, возникшие на одной из панелей устройства.

— Думаю, мы тут соединились с каким-то приемником.

Он нервно оглянулся на дверь. Что-то ему подсказывало: их присутствие тут нежелательно.

— Тот же самый узор символов на радио, которое забрал себе Стальной Господин, — заметил Амди, не оглянувшись на дверь даже одной головой.

— Ручаюсь, если его нажать, то все, что мы скажем, прозвучит из его радио. И он поймет, что мы ему пригодимся… Так что нам делать?

Тройка Амди носилась по комнате с таким видом, будто им разговор абсолютно безразличен. Но Джефри уже знал, что у людей это соответствует задумчивому хмыканью и взгляду в пространство. И еще один жест был ему знаком — вот этот взгляд искоса, аналог расплывающейся по мордам озорной улыбки.

— Надо его удивить. Он всегда такой серьезный…

— Ага.

Стальной Господин очень важничает. Как и все взрослые тут. Они ему напоминали старших сотрудников Высокой Лаборатории.

Амди сгреб приемник и глянул на мальчика с видом «смотри, что сейчас будет». Перещелкнул

носом тумблер в положение голосовой связи и произнес в микрофон длинную напевную руладу. На межстайную речь это было не очень похоже. Одним элементом Амди переводил сказанное на ухо Джефри. Мальчик едва удержался от хохота.

У себя в берлоге Стальной Владыка предавался размышлениям. Воображение его, подогретое травяной настойкой, уносилось на свободу, играя с бесчисленными возможностями. Он разлегся на глубоких бархатных диванах, в безопасном уюте логова. Немногочисленные свечи неярко освещали расписанные пейзажами стены, отражались от полированной мебели. Вот сейчас созреет история, которую надо будет рассказать чужакам…

От стола донесся шум. Сперва негромкий, словно пришедший из видений. На низких тонах, но с обертонами в мыслительном диапазоне, подобными отголоскам чужого разума. Ощущение чужого присутствия нарастало. *В мое логово кто-то проник!* Эта мысль пронзила его, как смертоносный скальпель Шкуродера. Элементы Стального в панике задрыгали лапами, сбрасывая туман курева и выпивки.

Из этого безумия родился голос. Искаженный, лишенный тонов нормальной речи. Дрожащий, визгливый. Он провыл:

— Стальной Владыка! Привет тебе от Стаи Стай, Господа Всемогущего!

Частью себя Стальной уже выскочил через главный люк, окинул дикими взглядами коридор. Там были вооруженные стражники. Это его немного успокоило; ледяными иголками кольнул стыд. Что за чушь? Он повернул морду в сторону чужацкого устройства на столе. Эхо доносилось отовсюду, но источником звука служил дальноговоритель. Стайной речи он не передавал: только высокие отрывистые звуки, подобные бессмысленному чириканью в среднемысленном диапазоне. Стоп. Фоном, едва уловимый, слабый звук… да, ворчливый кашель. Так смеялся богомол.

Стальной редко выходил из себя. Гнев должен служить инструментом, но не подчинять себе. Но, прислушавшись к этому смеху и вспомнив слова, Стальной почуял, как от элемента к элементу вздымается лютая ярость. Почти инстинктивно он рванулся назад и хватил лапой по комму. Тот немедленно замолчал. Он оглянулся на стражников, застывших в приемной по стойке «смирно». Мыслешум их был приглушен сдерживаемым страхом. *Кто-то за это поплатится жизнью.*

На следующий день после успешного экспери-

мента с радио Стальной Господин вызвал Амди и Джефри к себе. Они его убедили. Их отвезут на материк! Джефри позволят вызвать подмогу!

Стальной важничал еще сильнее обычного. Он прочел длинную лекцию о том, сколь важно получить помощь и отразить атаку древорезчиков. Казалось, что небольшая шалость Амди его не слишком разгневала. Джефри вздохнул с облегчением. Дома папа бы с него за такое шкуру спустил. «Наверное, Амди прав. Стальной Господин такой весь из себя серьезный, потому что на нем большая ответственность, а вокруг много опасностей. Но в глубине души он, должно быть, очень милая личность».

Шифрование: 0

Получено: Трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор

Путь перевода: огнеяз → тучемарк → трисквелин (диалект СК)

[Огнеяз и тучемарк – торговые языки Вершины Запределья. В данном переводе отражены лишь ключевые аспекты]

От: Корпорация Арбитражных Искусников в туманности Огненная Туча [Военная (?) организация с Вершины Запределья.

Известный возраст ≈ 100 лет]

Тема: Поводы для беспокойства

Краткое содержание: Три моносистемные цивилизации, вероятно, уничтожены

Ключевые фразы: катастрофы межзвездного масштаба, оружие межзвездного уровня (?), Искажение Страумлианского Простора

Рассылка в/на: группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Угрозы, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 53,57 дня со времени падения Страумлианского Простора

Текст сообщения: Недавно малоизвестная цивилизация возвестила, что ей удалось создать новую Силу в Трансценденции. Затем она «временно выпала» из Известной Сети. С тех пор в группе Угрозы появилось уже около миллиона сообщений об этом инциденте, в том числе множество предположений, что там могло сформироваться Искажение второго класса.

Корпорация Арбитражных Искусников

специализируется на треклировании лансинговых разногласий. В силу сказанного у нас мало общего с естественно возникшими расами или группой Угрозы. Но такое положение может измениться. Шестьдесят пять часов назад мы заметили признаки уничтожения трех изолированных цивилизаций Высокого Запределья по соседству со Страумлианским Простором. Две из них представлены религиозными зондами класса «Зеница V», третья являлась пентрагианской космофабрикой. В прошлом единственный линк на Сеть им обеспечивал Страумлианский Простор. В силу вышесказанного они лишились выхода в Сеть после падения Страума, не считая наших случайных пингов.

Мы выслали три разведывательных миссии для облета этого сектора. Прослушивание трафика выявило широкополосную коммуникацию, подобную скорее нейронному контролю, чем обычному трафику локальной сети. Обнаружены несколько новых астроинженерных структур. Все наши корабли погибли,

не успев доставить подробных отчетов. Учитывая прежде накопленные данные об этих системах, мы пришли к выводу, что переход в Трансценденцию принял аномальный характер.

Наши наблюдения подтверждают гипотезу атаки второго класса (хотя и скрытной) из Трансценденции. Наиболее вероятным источником ее кажется новая Сила, созданная на Страумлианском Просторе. Мы призываем к бдительности все цивилизации этой части Вершины Запределья. Мы, как цивилизация более крупная, не слишком обеспокоены, но угроза очевидна.

Шифрование: 0

Получено: Трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор

Путь перевода: огнеяз → тучемарк → трисквелин (диалект СК)

[Огнеяз и тучемарк – торговые языки Вершины Запределья. В данном переводе отражены лишь ключевые аспекты]

От: Корпорация Арбитражных Искусников в туманности Огненная Туча [Военная

(?) организация с Вершины Запределья. Известный возраст ≈ 100 лет]

Тема: Доступна новая услуга

Краткое содержание: Арбитражные Искусники предлагают Сети новую услугу маршрутизации

Ключевые фразы: особые тарифы, разумные программы-переводчики, идеальное предложение для цивилизаций Вершины Запределья

Рассылка в/на: группу по интересам Затраты на связь, группу администраторов Разношерстный выводок

Дата: 61,00 день со времени падения Страумлианского Простора

Текст сообщения: Арбитражные Искусники рады представить новую услугу трансиверного слоя, разработанную специально для сайтов на Вершине Запределья [тарифы сведены в таблицу после основного текста]. Программы диагностики состояния Зоны пригодны для высококачественного автоперевода и роутинга. Почти сто лет миновало с тех пор, как в этой части Галактики какая-либо цивилизация Вершины Запределья

в последний раз предоставляла такую коммуникационную услугу. Мы отдаем себе отчет, что занятие это скучное и армифлаг выделки не стоит, но всем нам следует извлекать выгоду из протоколов, согласованных с Зоной нашего обитания. Подробности изложены в синтаксической кодировке 8139… [Программа перевода с тучемарка на трисквелин не в состоянии интерпретировать синтаксическую кодировку 8139.]

Шифрование: 0

Получено: Трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор

Путь перевода: тучемарк → трисквелин (диалект СК)

[Тучемарк – торговый язык Вершины Запределья. Несмотря на живость перевода, гарантируется передача лишь ключевых аспектов]

От: Сообщество Торговли Диковинками Трансценденции, Тучецентр

Тема: Вопрос жизни и смерти

Краткое содержание: Арбитражные Искусники пали жертвой сетевой атаки

Страумлианского Искажения. До затухания угрозы пользуйтесь только маршрутизаторами Срединного Запределья!

Ключевые фразы: сетевая атака, оружие межзвездного уровня, Страумлианское Искажение

Рассылка в/на: группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Угрозы, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 61,12 дня со времени падения Страумлианского Простора

Текст сообщения: ВНИМАНИЕ! Сайт, называющий себя Арбитражными Искусниками, контролируется Страумлианским Искажением. Недавно анонсированная Искусниками услуга по улучшению коммуникаций – смертельная приманка. У нас имеются доказательства, что Искажение внедрилось в системы защиты Искусников и нейтрализовало их, рассылая по Сети разумные пакеты данных. Значительные сегменты Корпорации Искусников, вероятно, напрямую управляются Страумлианским Искажением. Сегменты, не затронутые первоначальным вторже-

нием, пали жертвами перевербованных сегментов. Времяпролетные миссии указывают на гибель нескольких систем при взрывах солнц.

Карантинные меры. Если в течение последней тысячи секунд вы получили от так называемых Арбитражных Искусников пакеты данных по протоколам Вершины Запределья, немедленно отбросьте их. Если пакеты были обработаны (то есть имеется вероятность, что не кто иной, как само Искажение, читает сейчас наш пост и [смайлик широченной улыбки]), то сайт обработки и все его соседи по локальной сети должны быть немедленно уничтожены физически. Мы понимаем, что это приведет к уничтожению целых звездных систем, но альтернатива хуже. Вас атакуют из Трансценденции.

Если уцелеете в первой волне атаки (еще примерно тридцать часов), придерживайтесь стандартных мер безопасности. Не принимайте пакеты по протоколам Вершины Запределья. В крайнем случае перенаправляйте весь свой трафик через Срединное Запреде-

лье, подвергая его процедуре обратного перевода с местных торговых языков.

Долгосрочные меры. Очевидно, что в нашем регионе Галактики развилось исключительно мощное Искажение второго класса. В течение примерно тридцати лет все здешние высокоразвитые цивилизации будут подвержены крайней опасности.

Если удается идентифицировать источник нынешнего Искажения, появляются шансы изучить его слабые места и разработать средства защиты. Для всех Искажений второго класса характерно участие деформированной Силы, создающей симбиотические структуры на Вершине Запределья, но происхождение их невероятно разнообразно. Некоторые можно считать скверными шуточками давно ушедших со сцены Сил. Другие – эффектами работы оружия, созданного недавно перешедшими в Трансценденцию, но не до конца обезвреженного.

Актуальный источник этой угрозы хорошо задокументирован: это вид Homo Sapiens, недавно поднявшийся из Сре-

динного Запределья на Страумлианский Простор. Мы склоняемся к гипотезе, изложенной в сообщениях [...], согласно которой страумлианские исследователи экспериментировали с чем-то в Просеках[10] и найденный ими алгоритм выполнил самораспаковку некоего древнего зла. Есть вероятность, что какие-то неудачники давнего прошлого внедрили это руководство по самосборке в Сеть (или какой-нибудь потерянный архив) для своих потомков. В связи с этим нас интересует любая информация о Homo Sapiens.

На следующий день Амди отправился в самое долгое путешествие за свою пока недолгую жизнь. Облаченные в ветровки, они ехали по широкой, вымощенной булыжниками улице к протоке под Замком. Возглавлял процессию сам Стальной Господин на запряженной тремя керхогами повозке. Он выглядел просто великолепно в своих красных куртках с полосами. Стражники, закутанные в белые меха, ехали по обе стороны,

[10] Примечания: 10

Досл. Shortcuts; термин обычно применяется для обозначения клавиатурных комбинаций, ускоряющих выполнение определенных команд.

а мрачная Тиратект замыкала цепочку. Полярное сияние выдалось великолепнее всех, когда-либо виденных Амди, и яркостью превзошло полную луну над северным горизонтом. С карнизов свисали сосульки, кое-где до земли: сверкающие призрачным светом зеленовато-серебристые колонны.

Затем они пересели в лодки и направились через пролив. Вода за бортом была похожа на черные, обжигающие холодом валуны.

Высадились на противоположной стороне, в прямой видимости от Холма Звездолета, который был выше любого замка и доминировал надо всем. Каждая минута приносила новые впечатления и новые открытия.

Путь на вершину холма отнял полчаса, хотя им помогали тянувшие повозки керхоги и пешком никто не шел. Амди осматривался во все стороны, восхищенный открывшимся в свете полярного сияния пейзажем внизу. Сперва Джефри, казалось, тоже восторгался видом, но у вершины перестал озираться и боязливо приник к новому другу, крепко, до боли, обняв его.

Стальной Господин возвел вокруг корабля защитную пристройку. Внутри воздух оказался хотя и стоячий, но более теплый. Джефри остановился

у основания узкой лестницы, глядя на льющийся из открытых дверей свет. Амди чувствовал, как мальчик дрожит.

— Он что, боится того, на чем прилетел? — полюбопытствовала Тиратект.

Но Амди уже изучил многие страхи Джефри и понимал причины его отчаяния. «Как бы я себя чувствовал, убей кто Стального?»

— Нет. Он не боится. Он вспоминает, что здесь случилось.

Стальной мягко заметил:

— Скажи ему, что мы можем вернуться в другой раз. Не обязательно сегодня заходить внутрь.

Джефри покачал головой, выслушав это предложение, но ответил не сразу:

— Надо внутрь. Надо быть храбрым.

И стал медленно подниматься, останавливаясь на каждом шаге, чтобы Амди неизменно окружал его. Щенки разрывались между сочувствием Джефри и желанием поскорее разведать, что же за грандиозная тайна сокрыта там, внутри.

Наконец они пролезли в люк и вступили в странную берлогу двуногих. Свет был яркий, голубоватый, воздух теплый, как в Замке… и множество всяких загадочных штуковин. Они прошли на другой конец просторного зала, и

Стальной Господин тоже просунул в люк несколько голов. Его мысли громким эхом отдавались от стен.

— Я занавесил стены, Амди, но даже сейчас тут нет места более чем одному из нас.

— А-ага. — Эхо придавало мыслям Стального странную жестокость.

— Позаботься о себе сам и дай мне знать обо всем, что увидишь.

Он отошел от люка, оставив там только одного элемента следить за ними.

— Да-да, обязательно!

Это впервые Амди кому-то, кроме Джефри, был по-настоящему *нужен.*

Джефри молча бродил по залу меж своих спящих друзей. Он не плакал, и хандра его тоже оставила. Было похоже, что мальчик толком не понимает, где оказался. Он касался ладонями крышек, рассматривал лица внутри. «Так много друзей, — подумал Амди, — и все ждут пробуждения. На кого они похожи?..»

— Стены? Не помню таких… — проронил Джефри, ощупывая тяжелые занавеси, которые нацепил здесь Стальной Господин.

— Это чтобы тут стало тише, — пояснил Амди. Дернул ткань — ему стало интересно, что внутри.

Стена была зеленая, словно бы каменная и стальная одновременно… и ее покрывали небольшие бугорки и полоски чего-то серого. — А это что?

Джефри обернулся:

— Брр! Плесень. Расползается. Хорошо, что Стальной Господин ее закрыл.

Мальчик побрел дальше. Амди задержался на секунду, задрал к странной плесени несколько голов. Грибки и плесень создавали в Замке вечные проблемы; их все время вычищали (по мнению Амди, слишком уж тщательно). Он думал, что грибки чистенькие, вроде тех, что растут на самой твердой скале. Но эта штука была *особенно* странная. Некоторые отростки в длину достигали почти полудюйма, но формой напоминали затвердевшие дымные завитки.

Часть Амди, которой он смотрел в другую сторону, увидела, что Джефри скрылся в соседнем помещении. Амди неохотно побежал за ним.

В первый день они провели на корабле всего час. Во внутренней каюте Джефри распахнул волшебные окошки, из которых можно было смотреть во всех направлениях. Амди сидел, тараща на них глаза. Будто на небо слетал.

Для Джефри они означали что-то иное. Он залез в свой гамак и уставился на панель управления.

Лицо его напряглось.

— Мне… мне тут нравится, — осторожно, мягко заметил Амди.

Джефри покачался в подвеске.

— Да… да. — Он вздохнул. — Я так боялся… но тут я ближе к… — Руки его потянулись к панели, что была ближе остальных. — Папа опустил эту штуку, он вот здесь сидел. — Он развернулся в гамаке, глянул на светящуюся панель наверху. — А мама настроила ультраволновик… Они все сделали. А теперь только мы с тобой остались, Амди. Даже Йоханна… Придется все самим…

Классификация
Врими: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Не распространять за пределами Первого кольца локальной сети.

Поисковый журнал: Трансивер Маршрутизатора 00

Начало поиска: 19:40:40 по времени Причалов, 17 день 1 месяца 52090 оргода [128,13 дня со времени падения Страумлианского Простора]

Синтаксическая кодировка линк-слоя 14. Закольцованное сообщение на указанном канале поиска. Интенсивность

сигнала и отношение С/Ш соответствуют предварительно зафиксированному сигналу маяка

Путь перевода: самношк (диалект СК), устройства Маршрутизатора

От: Джефри Ольсндот иянезнаю гдеето

Тема: Привет. Мои имена Джефри Ольсндот. Наши корабли поломлись имнам нжна пмщь, пПжалкуйста отвечяйте.

Краткое содержание: Простите, если я что-то не так набрал. Эта клаватура ИДИОТСКАЯ!

Ключевые фразы: Незнаю

Рассылка в/на: Маршрутизатор, кому-нибудь

Текст сообщения: [отсутствует]

Глава 15

Парочка наездников нежилась в прибое.

— Ты полагаешь, его жизнь в опасности? — спросило существо с тонкой зеленой стебленожкой.

— Чья жизнь? — переспросило существо более крупное, обладавшее синеватой панцирной раковиной у основания.

— Джефри Ольсндота, человеческого ребенка.

Синепанцирь вздохнул про себя и сверился с тележкой. Приезжаешь на пляж от всего отрешиться, а Зеленожка начинает досаждать. Он просканировал память запросом Джефри опасность.

— Разумеется, он в опасности, кривостволка! Ты глянь, какие сообщения от него поступают.

— Ой, — озадаченно откликнулась Зеленожка. — Извини, что не до конца вспомнила. Только что надо беспокоиться за него, и всё.

Она погрузилась в молчание. Спустя миг он услышал ее милый шелест. Прибой набегал на берег и откатывался, снова и снова, без конца.

Синепанцирь открыл себя воде, попробовал на вкус кишевшую в волнах жизнь. Пляж по-

истине прекрасен. И вероятно, уникален — а в Запределье это высшая похвала. Когда пена стекала с тел, можно было видеть распростертое от края до края Причалов небо цвета индиго, где посверкивали искорки звездолетов. Когда же накатывал прибой, двое наездников погружались в бурлящую прохладу. Их окружали коралловые рифы и существа приливной зоны, возводящие тут свои крохотные жилища. В пору высокого «прилива» морское дно примерно на час казалось неподвижным. Потом вода отступала, и в свете дня становились различимы фрагменты стеклодна. А сквозь него, тысячью километров ниже, поверхность планеты — Земсторонье.

Синепанцирь пытался очистить ум от повседневных тревог. С каждым часом беззаботного созерцания накапливается немного естественных воспоминаний. Но не получалось. Не могла избавиться от тревог и Зеленожка. Помолчав, он сказал:

— Иногда я мечтаю сделаться меньшетележечным наездником. И простоять всю жизнь на месте, довольствуясь небольшой тележкой.

— Да, — согласилась Зеленожка, — но мы решили тронуться в путь. Это означает отказ от кое-чего. Порою приходится запоминать события,

случившиеся только раз или два. А иногда нам выпадают большие приключения. Я рада, Синепанцирь, что мы согласились на спасательную экспедицию.

Значит, сегодня у них обоих нет особого настроения плескаться в море. Синепанцирь чуть опустил колеса тележки и подкатился ближе к Зеленожке. Он порылся в искусственной памяти тележки, просканировал общие базы данных. Там нашлось много сведений о катастрофах. Кто бы ни создал исходные тележечные базы, он придавал большое значение войнам, погибелям, искажениям. Они поражали воображение — и могли погубить.

Синепанцирь понимал также, что в относительном масштабе события эти — лишь малая часть цивилизованного исторического опыта. Крупномасштабная погибель случалась не чаще раза в тысячелетие. Им не повезло оказаться с нею по соседству. За последние десять недель дюжина цивилизаций с Вершины Запределья выпала из Сети, поглощенная симбиотическим конгломератом, который теперь повсеместно обозначался как Страумлианская Погибель. Торговля на Вершине практически рухнула. Получив рефинансирование, они с Зеленожкой выпол-

нили несколько рейсов, но все — в пределах Срединного Запределья.

Оба всегда сильно осторожничали, но сейчас, как выразилась Зеленожка, величие не превозмочь. Орга Вриними готовила тайный рейс ко Дну Запределья. Поскольку они с Зеленожкой и так были посвящены в тайну, вполне естественно, что выбрали именно их. Прямо сейчас «Внеполосный-II» проходит переоснастку на вринимийских верфях. Корабль получит оборудование придонного люггера и кучу новых дроноантенн. Одним махом стоимость «Внеполосного-II» выросла в десять тысяч раз, и даже занимать ничего не пришлось! Если честно, это пугало сильней всего. Каждый шаг переоснастки был критически важен. Им придется спуститься до самого края Медленной Зоны. Даже в оптимальных условиях миссия медленная и утомительная, а свежие сводки указывали на активность зонной поверхности раздела. Если особенно не повезет, они окажутся не на той стороне, в области, где скорость света недосягаема. В таком случае единственной надеждой их останется новый ионный прямоточный двигатель.

Синепанцирь считал условия сделки вполне приемлемыми. До встречи с Зеленожкой он уже

летал на придонных люггерах и пару раз застревал Внизу. Но…

— Я не меньше твоего обожаю приключения, — сказал он с прорвавшейся раздражительностью. — Слетаем на Дно, спасем разумных существ из дикарских когтей. Если нанимателя не поскупятся, все это приемлемо. Но… что, если страумлианский корабль действительно так важен, как полагает Равна? Сейчас это кажется абсурдным, но убедила же она в этом Оргу Врини-ми. Вдруг там, Внизу, нечто способное повредить Страумлианской Погибели?..

И если Погибель того же мнения, туда наверняка спускается флот из десятка тысяч военных кораблей. Внизу, у Дна, толку от них немногим больше, чем от обычных, но их с Зеленожкой от смерти это не спасет.

Зеленожка промолчала, если не считать слабого сонного шелеста. Она что, потеряла нить беседы? Но голос ее вернулся, пробившись сквозь толщу воды, и принес желанную поддержку:

— Синепанцирь, я понимаю, что мы рискуем жизнью. И все равно хочу попытаться. Если выгорит, прибыль получим невероятную. Если эта штука может навредить Погибели… тогда это крайне важно. Мы поможем спастись десяткам

цивилизаций — и наездникам на миллионах пляжей, между прочим.

— Гм. Тебя ножка движет, а не тележка.

— Возможно.

Они наблюдали за распространением Погибели с самого начала. С каждым днем ужас и сочувствие проникали все глубже в естественные их умы. Так что Зеленожка (и Синепанцирь — отрицать он этого не мог) придавала большее значение борьбе с Погибелью, чем опасностям нового заказа.

— Возможно. Опасения мои насчет спасательной миссии в большей степени аналитические — то есть продиктованные тележкой. Но… если бы можно было выждать год, полностью все осмыслить… думаю, мы все равно бы решили улететь.

Синепанцирь раздраженно покатался взад-вперед, зачерпывая ветвями песок. «Она права. Она права». Но сказать вслух это он не осмеливался. Задание все еще страшило его.

— Подумай, дружок: если это настолько важно, то, вероятно, нам окажут помощь. Ты знаешь, что Орга ведет переговоры с эмиссаром. Если повезет, обзаведемся эскортом производства Трансцендентной Силы.

Представив себе парочку маленьких наездников, летящую ко Дну Запределья с подмогой из Трансценденции, Синепанцирь чуть не рассмеялся.

— Будем надеяться.

Надеялись не одни только наездники. Выше по пляжу Равна Бергсндот металась по своему кабинету. Мрачная ирония заключалась в том, что даже величайшие катастрофы порождают новые возможности для достойных. С падением Арбитражных Искусников Равну утвердили сотрудницей отдела рыночного анализа. Погибель распространялась, рынки Высокого Запределья рушились, интерес же Орги к информации о Страумлианском Искажении только возрастал. Ее «особый» опыт в людских делах неожиданно наделил девушку колоссальной ценностью, и не важно, что сам Страумлианский Простор ныне стал лишь малой частью Погибели. О себе Погибель мало что сообщала, но делала это зачастую на самношке. Гронд и его коллеги по-прежнему крайне нуждались в анализе Равны.

Ну что ж, от нее и вправду была польза. Они засекли аварийный сигнал корабля беженцев и через девяносто дней поймали сообщение от выжившего человека, Джефри Ольсндота. Пока

что обменяться удалось едва четырьмя десятками сообщений, но этого хватило, чтобы кое-что разузнать о Когтях, Стальном Владыке и злобных древорезчиках. И о том, что без ее помощи жизнь маленького человека оборвется. Забавно, однако в чем-то естественно: для нее эта единственная жизнь означала больше, чем весь ужас Искажения и даже падение Страумлианского Простора. Благодарение Силам, Гронд санкционировал спасательную экспедицию: появлялся шанс узнать побольше о Страумлианском Искажении. Кроме того, начальник вроде бы тоже заинтересовался Когтями — в Запределье групповые разумы встречались редко. Гронд засекретил всю операцию и добился поддержки своего руководства. Но всей его помощи могло не хватить. Если корабль беженцев и вправду так важен, как думает Равна, то спасателей, кем бы ни были они, поджидают чрезвычайные трудности.

Равна вгляделась в прибой. Когда спадали брызги, становились видны торчащие из пены ветви наездников. О, как она им завидовала; если что не так, они просто вычеркивают раздражающий фактор из памяти. Наездники в Запределье были распространены повсеместно. Существовало много разновидностей, но данные генетического

анализа подтверждали легенду: очень-очень давно наездники были одним видом. Когда-то, во внесетевую эпоху, они росли на берегах морей. Предоставленные самим себе, они развили интеллект, почти лишенный кратковременной памяти. Они покоились в прибое и размышляли так, что мысли не отпечатывались в сознании. Лишь повторяющийся в течение значительного периода стимул мог это сделать. Впрочем, такая особенность их интеллекта и памяти имела решающее значение при выживании вида, позволяя выбирать оптимальное место для посева, где следующее поколение сможет расти в безопасности и будет обеспечено пищей.

Затем неведомая раса наткнулась на мечтателей и решила им «помочь», подтянуть. Кто-то создал для них подвижные платформы — тележки. На колесных тележках наездники могли перемещаться вдоль берега, действовать ветвями и щупальцами, словно зондами и манипуляторами. Располагая кратковременной памятью тележки, они обучались теперь достаточно сноровисто, чтобы не погибнуть в условиях подвижности.

Равна отвела взор от наездников: кто-то летел к ней над линией деревьев. Ага, эмиссар. Может,

вызвать Синепанциря с Зеленожкой из воды? Нет, не стоит. Пусть еще немного понежатся. Потом им туго придется, если Равна не сможет раздобыть специального оборудования…

«Кроме того, я без свидетелей лучше управлюсь». Равна скрестила руки на груди и стала ждать, глядя в небо. Орга Вриними пыталась вызвать Старика на разговор, но сейчас Сила предпочитала действовать только посредством эмиссара. А он настоял на личной встрече.

Эмиссар опустился на песок в нескольких метрах от девушки и отвесил поклон.

Куртуазный эффект испортила кривая ухмылочка.

— Фам Нювен к вашим услугам.

Равна в ответ тоже слегка поклонилась и увела его в тенек своего кабинета. Если он рассчитывал, что встреча наедине заставит девушку понервничать, то угадал.

— Спасибо, что явились, господин Нювен. У Организации Вриними есть важная просьба к вашему повелителю. — «Владельцу? хозяину? оператору?»).

Фам Нювен плюхнулся в кресло и вальяжно растянулся в нем. С того вечера в «Бродячей компании» он избегал общества Равны. Грондр

говорил, что Старик тем не менее оставил Нювена на Маршрутизаторе, заставляя копаться в архивах, где искал информацию о человечестве и его истоках. Раз уж Старик согласился ограничить пользование Сетью, такое поведение имело смысл: эмиссар выполнял для него первичную обработку данных средствами человеческого интеллекта, а потом подытоживал и выгружал наверх только то, в чем Старик действительно нуждался.

Краем глаза наблюдая за ним, Равна делала вид, что работает с данником. Фам лыбился привычной ленивой усмешечкой. Она задумалась, осмелится ли когда-нибудь спросить у него, сколько в том… флирте… было от человека. Фам Нювен, интересно, хоть что-то к ней чувствует? Проклятье, а ему хоть понравилось?

С точки зрения Трансцендентного существа он не более чем концентратор данных, уолдо[11]. А вот с ее точки зрения, в нем все еще слишком много человеческого.

— Гм, э-э… Так вот, Орга продолжает отслеживать корабль страумлианских беженцев, хотя

[11] Примечания: 11

Дистанционный манипулятор. Слово введено в англоязычный лексикон Робертом Хайнлайном: так звали персонажа его рассказа, изобретателя, создававшего для себя такие устройства.

ваш повелитель утратил к нему интерес.

Фам поднял брови в вежливом удивлении:

— Правда?

— Десять дней назад стандартный аварийный сигнал изменился. Поступило новое сообщение, очевидно, от выжившего члена экипажа.

— Мои поздравления. Вы умудрились сберечь это в тайне даже от меня.

Равна не клюнула на лесть.

— Мы стараемся хранить эту историю в тайне от всех, уважаемый. По очевидным для вас причинам.

Она развернула в воздухе между ними сводку сообщений. Вызовы и ответы, раскиданные на десятидневном промежутке. В переводе для Фама на трисквелин исчезли ошибки и описки оригинала, но тон остался прежним. От Орги переписку вела Равна. Все равно что разговаривать в темноте с незнакомцем. Легко себе представить по словам в верхнем регистре и восклицательным знакам, как срывается и плачет голос на том конце канала. Видео с ребенком она не получила, но в человеческом архиве Сьяндры Кей рыночные аналитики отыскали изображения родителей мальчика. Выглядели те обычными страумерами, но с карими глазами линденских кланов.

Маленький Джефри, наверное, худощавый и темноволосый.

Взгляд Фама Нювена скользнул по строчкам, задержался на заключительных:

> Орга [17]: Сколько тебе, Джефри?
>
> Абонент [18]: Меня восемь. То есть мне восемь лет. Я УЖЕ БОЛЬШОЙ, НО МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ.
>
> Орга [18]: Мы поможем. Мы прилетим как можно скорее, Джефри.
>
> Абонент [19]: Простите, я вчера не мог поговорить. На холме опять вчера были те плохие. Было опасно идти на корабль.
>
> Орга [19]: А те плохие рядом?
>
> Абонент [20]: Да-да. Я их вижу с острова. Я с Амди на борту, но пока мы поднимались, там везде были мертвые солдаты. Древорезчики часто устраивают набеги. Мама умерла. Папа умер. Йоханна умерла. Стальной Владыка защитит меня, как сумеет. Он говорит, я должен быть смелым.

На миг ухмылочка пропала с его лица.

— Бедный мальчишка, — пробормотал он. Потом, пожав плечами, провел рукой по одному

сообщению. — Рад, что Вриними посылает спасательную миссию. Это так благородно с вашей стороны.

— Не совсем, господин Нювен. Посмотрите на сообщения с шестого по четырнадцатое. Мальчик жалуется, что корабельная автоматика глючит.

— Да, такое впечатление, что там всё как в Рассветную эпоху: клавиатуры и видеотерминалы, никакого распознавания голоса. Абсолютно недружественный интерфейс. Кажется, при крушении все навернулось, угу?

Он нарочно прикидывался дурачком, но Равна решила это вытерпеть.

— Вероятно, нет, учитывая происхождение судна. — Фам только улыбался, поэтому Равна продолжала пояснять «на пальцах»: — Процессоры, скорее всего, с Вершины Запределья или из Трансценденции, а в нынешнем окружении они оказались практически безмозглыми.

Фам Нювен вздохнул:

— И это согласуется с теорией наездников, не так ли? Вы продолжаете надеяться, что на этом корыте есть какая-то смертельно опасная для Погибели хренушечка.

— Да! Смотрите. Какое-то время Старик активно интересовался всей этой историей. Почему же

сейчас он практически потерял к ней интерес? Есть ли причины, по которым корабль *не может* оказаться ключом к разгадке тайны искажения? — Так Гронд объяснял недавнюю утрату Стариком интереса к происходящему. Равне Бергсндот всю жизнь травили байки о Силах, и всегда дошедшие через третьи руки. Теперь она может расспросить такую Силу лицом к лицу. Очень странное ощущение…

Помолчав, Фам ответил:

— Нет. Вы можете оказаться правы. Это маловероятно, однако возможно.

Равна сообразила, что задерживает дыхание, и с шумом выдохнула.

— Хорошо. Тогда наша просьба прозвучит разумно. Предположим, что затерянный на Дне корабль несет какие-то важные для Погибели артефакты или представляет для нее угрозу. Вероятно, Погибели уже известно о его существовании. Может, она даже ультраволновой трафик отслеживает из этой части Дна. Спасательная экспедиция выведет Погибель прямо на след, и миссия обернется для команды настоящим самоубийством, способным к тому же дополнительно усилить саму Погибель.

— И что?

Равна в сердцах стукнула по даннику, потеряв терпение.

— И Орга Вриними просит у Старика помощи! Помогите нам организовать экспедицию так, чтобы Погибель до нее не добралась!

Фам Нювен только головой покачал:

— Равна, Равна… Вы говорите об экспедиции ко Дну Запределья. Сила там не помощница. Даже эмиссар будет в основном предоставлен самому себе.

— Вы тут дурачка не изображайте, Фам Нювен. Там, на Дне, Погибель так же стеснена, как и вы. Мы просим предоставить нам оборудование Трансцендентного производства, разработанное с учетом таких глубин. В достаточных количествах.

— Дурачка? — Фам Нювен подобрался, но тень ухмылочки на лице осталась. — Вы так привыкли обращаться к Силе?

«В прошлом году я бы со страху померла при одной мысли о разговоре с Силой. О любом разговоре». Она откинулась в кресле и выдала ему собственную версию лениво-равнодушной улыбочки.

— У вас там в голове трубопровод к богам, уважаемый, но я вам открою маленькую тайну. Я

знаю, когда краник закручен, а когда отвернут.

— Да? А как это? — с вежливым интересом.

— Фам Нювен сам по себе парень смышленый, эгоцентричный и тактичный, как тумак по башке. — Ей вспомнились проведенные вместе часы. — И пока эта ваша надменность вкупе с глубокомысленными репликами тут, в эфире, я не переживаю.

— Гм. Ваши рассуждения уязвимы для критики. Если Старик управляет мной напрямую, он может изображать дурачка с таким же успехом, как, — он насмешливо склонил голову, — мужчину вашей мечты.

Равна стиснула зубы:

— Это правда, но я заручилась некоторым содействием начальства. Мне позволено следить за уровнем загрузки трансивера. — Она сверилась с данником. — В настоящий момент Старик получает со всего Маршрутизатора менее десяти килобит в секунду… а это значит, друг мой, что дистанционный контроль отключен. И сегодняшняя порция дурацких шуточек — всецело на совести Фама Нювена.

Рыжий фыркнул, слегка уязвленный.

— Вы меня сделали. Да, я в автономном режиме. С тех пор, как Орга заставила Старика отступить.

Но я вам вот что скажу: все эти десять килобит в секунду отведены сейчас под нашу с вами милую беседу. — Он сделал паузу, словно прислушиваясь. Помахал рукой. — Старик говорит: *приветик*!

Равна невольно прыснула. В этом жесте, в самой идее о том, что Сила позволяет себе настолько банальные приколы, хватало идиотизма.

— Ладно. Я рада, что он, гм, присутствует. Фам, слушай сюда. Мы не так много, по меркам Трансценденции, просим, а спасти это может целые цивилизации. Несколько тысяч кораблей. Одноразовых, роботизированных. Этого хватит.

— Старик может вам их дать. Но они окажутся ничем не лучше судов местного производства. Фокусы… — он помолчал мгновение, словно удивленный выбором слова, — фокусы с Зонами нелегко даются.

— Хорошо. Выигрываешь в количестве, жертвуешь качеством? Мы согласны на любые…

— Нет.

— Фам! Это же для Старика работа на несколько дней. Он уже истратил куда больше на изучение Погибели.

Их единственная яростная ночь вместе могла обойтись дороже, но об этом она умалчивала.

— Да. И большую часть гонорара получила Вриними.

— Мы расплачиваемся с клиентами, которых вынуждены ущемлять ради вас! Фам, ты хоть объяснишь почему?

С лица его стерлась ленивая ухмылка. Она быстро глянула на данник: нет, Фам Нювен не под контролем. Вспомнила, с каким выражением читал он почту от Джефри Ольсндота. Под напускной надменностью таился отличный парень.

— Я попробую. Учти, что, даже выступая частью Старика, я стеснен рамками человеческих понимания и интерпретации. Ты права: Искажение пожирает Вершину Запределья. Вероятно, еще пятьдесят цивилизаций погибнет, прежде чем Сила утихомирится, и еще пару тысяч лет вокруг будет разноситься эхо катастрофы: отравленные звездные системы, искусственные расы с безумными поведенческими программами… Но, как ни противно мне такое говорить… ну и что? Старик больше сотни дней обдумывает эту проблему со всех сторон. Чертовски долгий срок для Силы, особенно для Старика. Он существует уже больше десяти лет, его мышление быстро претерпевает… перемены… которые сделают его недоступным для любого общения. Зачем ему

этим заморачиваться?

В университете это проходили, но Равна не сдержалась. На сей раз все по-настоящему.

— Но в истории полно случаев, когда Силы помогали расам Запределья, порою даже индивидам. — Она уже навела справки насчет запредельцев, создавших Старика. То были разумные газовые мешки. Их сообщения в Сети не могли толком перевести даже лучшие программы Маршрутизатора. Вероятно, рычагов управления Стариком у них нет. Надо общаться напрямую. — Давай взглянем с другой стороны. Обычный человек и тот не нуждается в особых поводах, чтобы помочь страдающим животным.

Ухмылочка Фама понемногу возвращалась.

— Ты заводишь аналогию слишком далеко. Помни, что нет аналогий идеальных. Чем сложнее автомат, тем сложнее его поведенческие мотивировки. Однако… Ладно, вот тебе другая аналогия. Старик, в общем-то, достойный человек, у него красивый дом в престижном районе. Однажды рядом поселился мерзкий типчик, у которого весь участок завален ядовитым мусором. На месте Старика ты бы встревожилась, угу? Начала бы зондировать обстановку. Пообщалась бы с новым соседом, попыталась, так сказать,

разобраться в происходящем. Орга Вриними наблюдала часть этого разбирательства. Но вот ты понимаешь, что твой новый сосед — полный псих. У него привычка такая: засирать хорошую землю и пожирать получившуюся гниль. Да, это неприятно. Воняет, животные травятся и так далее. Но, проведя расследование, ты приходишь к выводу, что твоей собственности это не повредит, а сосед согласен принять меры, чтобы не так воняло. В любом случае, поедая дерьмо, он сам себе вредит. — Он помолчал. — Эта аналогия кажется мне довольно точной. Преодолев первоначальное замешательство, Старик убедился, что Искажение следует известным мотивам, таким банальным и простым, что даже мы с тобой понимаем: оно *плохое*. В той или иной форме оно выныривает из архивов Запределья уже сотню миллионов лет.

— Да твою ж мать, я бы просто собрала соседей и выгнала извращенца прочь из города!

— Мы это обсуждали. Дорого… и могут пострадать разумные существа. — Фам Нювен плавно поднялся и улыбкой дал понять, что разговор окончен. — В общем, это всё, что мы хотели тебе сказать.

Он вышел из тени деревьев. Равна побежала

за ним.

— Мой личный совет. Не принимай так близко к сердцу, Равна. Я это все видел, знаешь ли: от Дна Медленной Зоны до внутренних структур Трансцендентной Силы. У каждой Зоны свои неприятные особенности. Искажение — в термодинамическом, экономическом или любом другом смысле — зиждется на высоком качестве мышления и общения на Вершине Запределья. Ни одной цивилизации в Срединном Запределье оно не тронуло. Так глубоко внизу издержки, связанные с качеством связи и стоимостью аппаратуры, становятся слишком велики. Даже самое совершенное оборудование тупеет. Существо, желающее править здесь, вынуждено строить флоты, организовывать спецслужбы, сооружать громоздкие трансиверы… Ничем не лучше любой империи Запредельцев. Силе от этого никакой выгоды. — Обернувшись, он увидел мрачное лицо девушки. — Да полно тебе. Твоя-то прекрасная попка в безопасности.

Он потянулся к ее заднице. Равна оттолкнула его и отступила на шаг. Она лихорадочно искала какой-нибудь способ встряхнуть чувака. Известны случаи, когда эмиссары влияли на решение повелителя. Родилось несколько идей, но плохо

оформленных. Она не нашла ничего лучшего, как сказать:

— И твой хвост тоже, угу? Ты говоришь, Старик готов отчалить… куда там отправляются на покой Силы? Он заберет тебя с собой или просто выбросит на улицу, как ненужного домашнего зверька?

Выстрел наудачу. Фам Нювен только улыбнулся:

— Тебе еще аналогии нужны? Нет, будет правильнее сказать, что он меня вместо себя тут оставит. Ну, как робозонд — выполнил задачу и летит себе. — Опять аналогия, на этот раз более почетная для него. — Если ждать осталось недолго, то я даже с охотой напрошусь к вам в спасательную экспедицию. Похоже, Джефри Ольсндот застрял в средневековье. Готов побиться об заклад, во всей Орге не сыщете лучшего эксперта по этим вопросам, чем я. Там, у Дна, вам едва ли кто пригодится больше, чем старомодный парень с опытом работы на Чжэн Хэ.

Он говорил небрежно, раскованно, будто смелость и опыт ему приданы от рождения — а все остальные только и делают, что трусливо хвосты поджимают.

— Правда, что ли? — Равна уперла руки в боки

и насмешливо склонила голову. Это, пожалуй, уж слишком, если учесть, что вся его жизнь — подделка. — Ты считаешь себя маленьким принцем, который рос в мире интриг и убийств, а потом улетел с Чжэн Хэ к звездам. Ты не задумывался, как оно было на самом деле, Фам Нювен? Или Старик не дает тебе этого сделать, вежливо отстраняя? А я вот задумывалась, особенно после тех посиделок вечерком в «Бродячей компании». Знаешь что, милок? Ты можешь быть уверен лишь в нескольких вещах. Ты был космонавтом Медленной Зоны, а вернее, двумя или тремя космонавтами, потому что ни один труп не сохранился полностью. Ты и твои дружки за каким-то хреном залетели на самое Дно Медленной Зоны и там угробили себя. Еще что? А, вот. Восстановить корабельную память не удалось. Единственный сохранившийся материальный носитель — на каком-то азиатском языке Земли. И это всё. Понимаешь, все, на чем Старик построил свое мошенничество.

Ухмылочка Фама стала малость приморожен-ной. Равна развила успех, не дав ему и слова вякнуть:

— Но не вини Старика. Он же малость торопился, угу? Ему пришлось убеждать Вриними

и остальных, что ты настоящий. Он рыскал в архивах, кроил для тебя лоскутную реальность. Вероятно, послеполуденным отдыхом для этого пожертвовал, но ты же ему благодарен? По ниточке надергал — оттуда, отсюда. Да, в истории действительно фигурирует Чжэн Хэ[12]. На Земле, за тысячу лет до выхода в космос. Наверняка существовали колонии, основанные азиатами: такая экстраполяция напрашивается. У Старика отменное чувство юмора: он превратил всю твою жизнь в фантастический роман, вплоть до завершающей, трагической экспедиции. Я давно должна была тебя раскусить. Это же комбинация нескольких донюйорских легенд. — Переведя дух, она снова обрушилась на него: — Мне тебя жаль, Фам Нювен. Пока ты не слишком увлекся самоанализом, можешь задирать нос выше всех в космосе. А как насчет навыков, великих достижений и так далее? Ты к ним внимательней пробовал приглядываться? Уверена, что нет. Чтобы стать великим воином или профессиональным пилотом, нужно освоить миллион всяких мелких вещей, начиная с базовой подсознательной кинестетики. Старик, кропая свою

[12] Примечания: 12

Чжэн Хэ (1371(?)–1433) — великий китайский флотоводец и путешественник времен династии Мин.

фальшивку, нуждался только в воспоминаниях верхнего слоя и базовой личности. Ты глубже загляни, Фам. Думаю, там полно дыр.

«Грезы о сверхспособностях не выдержат тщательной проверки».

Рыжий, слушая ее, скрестил руки на груди и спокойно постукивал пальцем по рукаву. Когда поток слов Равны наконец иссяк, он снова улыбнулся — широкой, покровительственной улыбкой.

— Глупышка ты, Равна. Ты даже сейчас не просекаешь, насколько Силы умнее нас. Старик — это тебе не тирания Срединного Запределья, которая забивает жертвам мозги ложной памятью. Даже подделка в Трансценденции сложнее и красочнее реальности, какой помнит ее человек. Откуда тебе знать, что *моя* реальность сфабрикована? Ты порылась в архивах Маршрутизатора и не нашла там моей Чжэн Хэ. — («Моей Чжэн Хэ». Он сделал паузу — вспоминает? Пытается вспомнить? Равне показалось, что на лице его мелькнула паника. Потом исчезла, стертая привычной ухмылочкой.) — Может ли кто из нас представить себе архивы Трансценденции, постичь, как глубоки знания Старика о человечестве? Орга Вриними пускай ему спасибо скажет, что пролил свет на мое про-

исхождение. Сами бы ни за что этого не узнали. Мне вправду жаль, что не могу помочь. Пускай попытка дурацкая, но я бы и вправду хотел спасти детей. О Погибели не беспокойся: она близка к максимальному расширению. Даже будь у вас силы ее уничтожить, вы ничем не помогли бы несчастным, которых она уже поглотила.

Он рассмеялся чуть громче уместного.

— Ладно, я пошел. У Старика сегодня еще какие-то поручения. Ему не нравилась идея личной встречи, но я настоял. Преимущества автономного режима, видишь ли. Мы с тобой… нам с тобой было здорово вместе, ну я и решил, что неплохо еще поболтать. Я не думал, что ты на стенку полезешь.

Фам включил свой антиграв и взлетел с песка, сопроводив отбытие кратким салютом. Равна уставилась ему вслед и поймала себя на том, что машет рукой. Фигура его удалялась. Покидая атмосферу Причалов, он активировал скафандр, и его силуэт на миг окружил бледный нимб.

Проклятье.

За ее спиной послышался шорох колес по песку. Синепанцирь и Зеленожка выбирались из воды. Косметические полосы по бокам тележек поблескивали от влаги, словно расплывшиеся радуги.

Равна повернулась и пошла к ним. «Ну как мне им сказать, чтобы не рассчитывали на подмогу?»

Старик в обличье Фама Нювена разительно отличался от Сил, какими она их себе представляла, сидя в аудиториях на Сьяндре Кей. Она воображала, что разница станет видна сразу же, по первым словам. Ха. Только теперь мелькнуло лицо за маской: существо, способное играть с душами, как программист — с интеллектуальной графикой, настолько превосходило Равну, что лишь его равнодушие послужило девушке защитой.

«Ты еще радуйся, Равна-мотылек. Тебе лишь крылья огнем опалило».

Глава 16

Следующие несколько недель дело на удивление спорилось. Невзирая на крах планов, связанных с Фамом Нювеном, Зеленожка и Синепанцирь от спасательной миссии не отказывались. Орга Вриними даже изыскала дополнительные ресурсы. Каждый день Равна отправлялась на дистант-экскурсию по верфи. «Внеполосный-II» не получит трансцендентной аппаратуры, но, когда переоснастка завершится, все равно станет поистине уникальным судном. Корабль парил в золотой паутине строительных лесов: миллиарды крошечных роботов переделывали корпус, придавая ему характерные очертания придонного люггера. Иногда корабль напоминал Равне хрупкую мошку, а порой — глубоководную рыбину. Переделанный, он сможет выдержать самые разные условия. Вдоль оси тянулись шипы, как у корабля на ультрадвигателях, корпус же стал удлиненным и сузился в середине — классический формфактор для таранного прямоточника. Придонные люггеры должны быть приспособлены к полетам в опасной близости от Медленной Зоны. Поверхность ее трудно обнаружить на

расстоянии, еще тяжелее закартировать, ибо она подвержена мимолетным изменениям. Люггер вполне мог угодить в ловушку на глубине пары световых лет под поверхностью Медленной Зоны. Вот тогда и пригодятся ионные прямоточные двигатели, а также гибернаторы. Разумеется, по возвращении в родную цивилизацию данные окажутся безнадежно устаревшими, но, по крайней мере, ты хоть вернешься.

Равна перемещала ракурс вдоль ультрашипов, торчащих в разные стороны от корпуса. Они были шире, чем у большинства кораблей на Маршрутизаторе. Не лучшая для Срединного или Высокого Запределья конструкция, но подходящие (то бишь пригодные для Придонного Запределья) компьютеры разгонят корабль почти до предельной в условиях Дна скорости.

Гронд позволил Равне выделить под новый проект половину рабочего времени. Спустя несколько дней девушка поняла, что это не просто его прихоть. Она лучше всех справилась бы с этим заданием. Она знала людей и разбиралась в тонкостях работы с архивами. Джефри Ольсндота каждодневно требовалось подбадривать, а то, что он ей сообщал, было крайне важно. Даже если бы все шло по плану, даже не вмешайся искажение,

работенка предстояла трудная. Мальчик и его корабль угодили в кровавую бойню. Чтобы их оттуда вытащить, потребуется принять быстрые и точные решения, а затем не колеблясь осуществить их. Понадобится эффективная бортовая база данных со стратегической программой. От Равны зависело, какие библиотечные материалы погрузить на корабль, соизмеряя легкодоступность локальных данных с разнообразием информации, доступной на ультраволновом канале с Маршрутизатора.

Гронд часто появлялся в локалке, иногда в реальном времени. Он искренне желал им успеха.

— Не беспокойся, Равна. Мы выделим под эту миссию часть полосы M00. Если антенный рой будет работать как положено, наездники получат постоянный канал связи с Маршрутизатором, тридцать килобит в секунду. Ты станешь их основным связником здесь, и мы отрядим тебе в помощь лучших наших стратегов. Если ничто… не вмешается, миссия пройдет без особых проблем.

Еще четыре недели назад Равна не осмелилась бы просить о большем. Теперь же у нее вырвалось:

— У меня есть идея получше. Отправьте меня

вместе с наездниками.

Все части рта Грондра клацнули синхронно. Такое проявление изумления она наблюдала у Эгравана и его коллег, но у Грондра — еще никогда. Он помолчал, потом ответил:

— Нет, ты нам нужна здесь. Ты лучший наш эксперт по всему, что связано с человечеством.

Новостные группы, посвященные Страумлианскому Искажению, генерировали больше ста тысяч постов в день, из них почти десять процентов касались человеческих дел. В тысячах сообщений повторялись старые идеи, другие авторы несли откровенную чушь или лгали. Автоматические системы рыночного анализа вполне справлялись, фильтруя посты не по теме и всякую чушь, но в том, что касалось человеческой природы, Равна не знала конкуренции. Половину времени она тратила на указания аналитикам и корректировку поисковых запросов о человечестве к архивам. Если ее отпустить с наездниками, замены долго не найдется.

Но следующие несколько дней Равна понемногу подталкивала начальника к согласию. Кто бы ни полетел в спасательную экспедицию, ему придется сразу же столкнуться с людьми — детьми. Скорее всего, Джефри Ольсндот и наездника-то

ни разу в жизни не видел. Равна возлагала надежды на этот, доводивший ее до отчаяния аргумент, но его одного не хватило бы, чтоб переубедить старого Гронда. Сыграли роль иные события.

Шли недели, распространение Погибели замедлялось. Как и твердили здравый смысл, Старик и Фам Нювен, искажение приблизилось к естественным границам своих интересов. Признаки унизительной паники понемногу исчезали из коммуникационного трафика Вершины Запределья. Потоки слухов (и беженцев) из захваченных Погибелью областей иссякали. Разумных существ там не осталось, но места эти напоминали скорей кладбище, чем скотомогильник жертв моровой язвы. Новостные группы, посвященные проблеме Погибели, гомонили себе о катастрофе и дальше, скатываясь в бессмысленное пережевывание старых тем. А что нового им было обсуждать? Через десять лет в Погибельном Запределье воцарится физическая смерть. Затем начнется новая колонизация, с осторожным зондированием руин на предмет информационных ловушек и уцелевших обитателей. Но все это потом, в будущем, а сейчас вихрь сообщений о Погибели, проходящих через Маршрутизатор, постепенно рассеивался.

Зато отдел рыночного анализа еще сильнее

заинтересовался страумлианскими беженцами и их кораблем. Ни одна стратегическая программа (Грондр того пуще) не принимала всерьез идею, что корабль чем-то опасен для Погибели. Оставалась, однако, возможность, что находка принесет значительное коммерческое преимущество на этапе, когда Погибель пресытится трансцендентной забавой. Аналитиков заинтриговал и стайный разум Когтей. В этих обстоятельствах казалось разумным приложить максимальные усилия, то есть отпустить Равну с работы на Причалах и послать на полевое задание.

И вот — подумать только! — детские мечты о квестах и спасательных походах вдруг стали явью. «Что еще интереснее, я не так уж и напугана!»

> Абонент [56]: Прастите я долго ниатвечал. Я сибя неочень чуствую. Стальной Владыка говорит, я должен с вами поговорить. Он говорит, мне нужно больше друзей, чтоб я себя лучше чуствовал. Амди тоже так говорит а он мой лучший друг… он вроде стаи собак но прикольный и умный. Жаль я немогу картинку послать. Стальной Владыка все делает

чтоб ответить на ваши вопросы. Он делает что может чтоб мне помочь, но злые стаи скоро вернуться. Мы с Амди попробовали то что вы сказали есть на корабле. Извените, но эта штука неработает… Ненавижу эту дурацкую клавитуру…

Орга [57]: Привет, Джефри. Амди и Стальной Владыка правы. Я тоже люблю болтать с друзьями, от этого легче… Есть изобретения, которые могут помочь Стальному Владыке. Мы придумали, как усовершенствовать его арбалеты и огнеметы. Я отправлю вам и некоторые сведения, как строить крепости. Пожалуйста, объясни Стальному Владыке, что мы не можем его научить летать на этом корабле. Даже для опытного пилота это будет опасным заданием.

Абонент [57]: Ну да, даже папа его с трудом посадил. икосклджикерсв89иоу43е5 Стальной Владыка просто не понимает вас и сильно огорчается… А тут нельзя сделать ничего такого, как в старые времена, ну, вроде бомб и аэропланов?

Орга [58]: Можно и другое сделать, но Стальному Владыке понадобится время,

чтобы его реализовать. Наш звездолет скоро отбывает с Маршрутизатора, Джефри. Мы прилетим задолго до того, как вы успеете наладить у себя эти технологии…

Абонент [58]: Вы летите? Вы наконец летите!!! А когда вы отправляетесь? Когда будете здесь???

Обычно Равна отстукивала послания Джефри на клавиатуре: это позволяло вжиться в положение бедного ребенка. Он неплохо владел собой, хотя выпадали дни, когда ответов от него не было (как странно думать о *депрессии* применительно к восьмилетнему ребенку). В другие дни клавиатура совсем выводила его из себя, и через двадцать одну тысячу световых лет ей виделось, как мальчишеские кулачки в отчаянии молотят по клавишам.

Равна улыбнулась дисплею. Сегодня наконец можно обнадежить мальчика конкретным временем отлета вместо расплывчатых обещаний. Джефри наверняка понравится сообщение [59]. Она напечатала:

Мы вылетаем примерно через семь дней, Джефри. Путешествие отнимет около тридцати дней.

«А стоит ли?» Последние посты в новостных группах на тему зонных границ указывали, что Дно проявляет необычную активность. Мир Когтей так близок к Медленной Зоне… Если эта «буря» усилится, условия полета ухудшатся. Один процент, что полет займет больше шестидесяти дней. Она отстранилась от клавиатуры. Готова ли она ему это сообщить? Черт. Лучше быть честной: от графика зависят усилия местных союзников Джефри. Она пояснила все «если» и «но», потом перешла к описанию корабля и его удивительной аппаратуры. Мальчик не любил много писать (кроме тех случаев, когда ему диктовал Стальной), но длинные послания от Равны ему явно нравились.

«Внеполосный-II» проходил последние проверки. Ультрадвигатель переделали и протестировали, наездники отправились в испытательный полет за две тысячи световых лет, чтобы проверить работу антенного роя. Рой тоже в порядке. Они с Джефри большую часть полета будут на связи. Не далее как вчера на корабль загрузили припасы. (Слово из средневековой адвентюры. Но, отправляясь в такую даль, что даже реализуемой графике там не доверишься, лучше кое-что прихватить в готовом виде.) Завтра сотрудники

Гронда упакуют в корабельную кладовую всякие гаджеты, которые по-настоящему пригодятся в спасательной миссии. «Стоит ли о них упоминать?» Некоторые устройства способны порядком напугать туземных друзей Джефри.

Тем вечером Равна с наездниками закатили пляжную вечеринку. Ну, так это называлось, хотя напоминало скорей человеческую версию, чем характерную для наездников. Синепанцирь с Зеленожкой отъехали от воды на порядочное расстояние, остановившись на теплом и сухом песке. Равна поставила напитки на грузошарф Синепанциря. Они сидели на песке и любовались закатом. В принципе, вечеринка была праздничная: Равна получила разрешение улететь на «Внеполосном-II», а сам корабль почти готов к отлету.

Но…

— Миледи, вы действительно довольны, что улетаете с нами? — поинтересовался Синепанцирь. — Мы двое очень неплохо заработаем, а вы…

Равна рассмеялась:

— У меня командировочные.

Она с большим трудом выбила себе командировку, и торговаться об оплате расходов не имело

особого смысла.

— И да, я этого действительно хочу.

— Я рада, — сказала Зеленожка.

— Я смеюсь, — заявил Синепанцирь. — Моя партнерша особенно радуется, что нашей пассажирке не придется скучать. После того происшествия с поборниками чистоты сертификатов двуногие нам, признаться, разонравились. Но теперь-то нечего бояться. Вы читали сообщения из Группы угроз за последние пятнадцать часов? Погибель прекратила разрастаться, края ее очертились четче. Искажение вступает в средний период развития. Теперь можно лететь, так я скажу.

Синепанцирь строил обширные предположения о когтевых «стаях», о том, как выручить Джефри и остальных выживших. Зеленожка время от времени вставляла словечко. Она вела себя не так тихо, как обычно, однако продолжала казаться мягче и застенчивей партнера. Ее точка зрения была реалистичнее. Она радовалась, что отлет отложен до следующей недели: «Внеполосный-II» еще не прошел всех тестов, а Гронд к тому же взялся профинансировать за счет Орги небольшой флот кораблей-обманок. Пока что готовы пятьдесят, еще столько же подоспеют к

концу недели.

Причалы тонули во мраке. Разреженная атмосфера сокращала сумерки, но игра цвета была потрясающей. Пляж и деревья сверкали в горизонтальных лучах солнца, аромат вечерних цветов смешивался с соленым запахом моря. На дальней стороне его резко разграничивались темные и светлые контуры: то ли вринимийская иллюзия, то ли реальное оборудование Причалов — Равна так этого и не узнала. Солнце ускользало за море. По горизонту позади разливались оранжевые и красные тона, с ними контрастировала более широкая зеленая полоса, вероятно от ионизированного кислорода.

Наездники не стали разворачивать тележки, чтобы полюбоваться закатом, — Равна знала, что они видят во всех направлениях, — но разговор прервался. Солнце садилось, и волноломы разбивали его на тысячу меньших осколков, сиявших в пене зеленоватым и желтым светом. Она понимала, что этим двоим сейчас бы хотелось оказаться именно в прибое. Она часто видела наездников на пляже в закатную пору — те сознательно выбирали зону самого высокого прилива. Когда вода отступала, ветви и стебли их становились похожи на протянутые в мольбе руки. В такие

моменты Равна, пожалуй, могла понять меньшетележечных наездников, которые всю жизнь проводили, запоминая такие вот повторяющиеся моменты. Она послала усмешку зеленеющим сумеркам. Для тревог и планов времени всегда хватит. Потом.

Они минут двадцать так просидели. Там, где линия пляжа мягко искривлялась, она увидела в сгущавшихся сумерках чьи-то фигуры. Офисные работники тоже выходили отдохнуть. Совсем рядом раздался хруст слежавшегося песка под чужими ногами. Она обернулась. Это был Фам Нювен.

— Мы тут, — сказала она.

Фам вразвалочку приблизился. Со времени последней их перепалки она его почти не встречала: надо полагать, некоторые уколы Равны задели Фама за живое. «Надеюсь, Старик заставил его забыть». Фам Нювен обладал отличными задатками настоящего человека; не стоило его оскорблять, целясь в недосягаемого повелителя.

— Садись. Галактика взойдет через полчаса.

Наездники пошелестели ветками: закат их так очаровал, что они только сейчас заметили посетителя.

Фам Нювен остановился в паре шагов впереди

Равны и упер руки в боки, глядя на море. Когда он обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, зеленоватый сумеречный отсвет придал его лицу жутковатое, болезненное выражение. Сверкнула привычная кривая ухмылка.

— Думаю, я должен извиниться.

«Старик, что ли, все же собрался оставить тебя среди людей?» Но Равна была тронута и с трудом отвела взгляд.

— Думаю, я тоже должна извиниться. Не хочет Старик нам помогать — и не станет. Не надо было мне так злиться.

Фам Нювен тихо рассмеялся:

— Твоя ошибка куда меньше моей. Я все еще пытаюсь осмыслить, где и что пошло не так, но… Не уверен, что успею.

Он отвернулся и взглянул на море. Равна, поколебавшись, встала и подошла к нему. Вблизи взгляд его казался остекленевшим.

— Что не так?

«Чтоб ты провалился, Старик. Если собираешься его оставить, не режь хвост по частям!»

— Ты великий эксперт по Трансцендентным Силам, да?

Ага, снова сарказм.

— Ну…

— У этих больших ребят случаются войны?

Равна пожала плечами:

— Слухи всякое доносят. Считается, что конфликты бывают, но не столь серьезные, чтобы называть это войнами.

— В общем, так и есть. Противостояние ведется, но аспектов у него куда больше, чем у любого конфликта здесь, внизу. Преимущества сотрудничества обычно столь велики, что… Именно поэтому, отчасти, я и не принял искажение всерьез. Это существо достойно жалости: шелудивая псина, которая гадит в собственной конуре. Даже пожелай оно убить другие Силы, не сумело бы. За миллиард лет такого…

Синепанцирь подкатился ближе.

— Миледи, а кто это?

К этой манере наездников выпадать из разговора она приноровилась лишь недавно. Если Синепанцирь потрудится синхронизироваться с кратковременной памятью тележки, то вспомнит. Но вопрос кольнул ее. «А и вправду, кто это?» Она глянула на данник, отслеживавший состояние трансивера все время с момента появления Фама Нювена. И… о Силы, три трансивера заняты одним пользователем!

Она отшатнулась:

— Ты!

— Ага, я. Еще раз лицом к лицу, Равна. — Злобная плотоядная усмешка, пародия на самоуверенную улыбочку Фама. — Извини, я сегодня немного не в форме. — Он неуклюже постучал себя по груди. — Я использую глубинные инстинкты этого вот… короче, я слишком занят, сражаюсь за жизнь.

С подбородка у него стекала слюна. Взгляд Фама то фокусировался, то уплывал.

— Что ты делаешь с Фамом?!

Эмиссар сделал шаг ей навстречу и споткнулся.

— Расчищаю место, — произнес голос Фама Нювена.

Равна продиктовала код телефона Грондра, ответа не последовало.

Эмиссар покачал головой:

— Орга Вриними сейчас очень-очень занята, просит меня оставить в покое их аппаратуру. Набираются храбрости выкурить меня силой. Они не верят тому, что я им говорю. — Он издал подобие смеха — сухой кашляющий звук. — Неважно. Теперь ясно, что атака здесь пройдет в форме смертоносной диверсии. Как тебе это, малышка Равна? Видишь ли, эта Погибель никакое

не искажение второго класса, как я полагал. За оставшееся время могу только строить догадки… Это что-то очень старое и могучее. И что бы это ни было, оно меня поедом ест.

Синепанцирь с Зеленожкой подкатились к Равне поближе. Ветви их издавали тихое царапанье. В тысячах световых лет оттуда, высоко в Трансценденции, Сила сражалась за жизнь. А они видели всего-навсего конвульсии слюнявого безумца.

— Так что вынужден перед тобой извиниться, малышка Равна. Мог бы тебе и помочь, меня это все равно не спасло бы. — Голос его сорвался, он резко втянул воздух. — Но, помогая тебе, я в каком-то смысле… назову это местью, так тебе будет понятней. Я вызвал сюда твой корабль. Шевелите ластами и не пользуйтесь антигравом, тогда, может, и переживете следующий час.

Голос Синепанциря казался одновременно перепуганным и насмешливым.

— Переживем? Так глубоко внизу возможна только обычная атака, а ее следов что-то не видать.

Перед ними в тихой, спокойной ночи стоял маньяк. Данник Равны не показывал ничего подозрительного, кроме вторжения Старика на

широкополосный канал.

Фам Нювен снова разразился кашляющим смехом.

— А она вполне обычная, просто очень хитрая. Несколько граммов дестабилизирующего репликанта были рассеяны на протяжении недель. Теперь они оживают, синхронизируясь с атакой, которую вы увидите… Через пару часов эта пакость издохнет, но перед тем пожрет всю драгоценную вершинную автоматику Маршрутизатора… Равна, беги на корабль, или умрешь в следующую тысячу секунд. Лети. Если выживешь, иди ко Дну. И прими… — Эмиссар с трудом выпрямился и в последний раз улыбнулся. — И прими мой дар тебе, лучшее, что я могу преподнести.

Улыбочка стерлась, остекленевший взгляд сменился удивленным… а затем отразил предельный ужас. Фам Нювен вдохнул полной грудью и успел издать короткий лающий вопль, прежде чем упал. Упал ничком, задергался и закашлял, задохнувшись песком.

Равна снова выкрикнула код Грондра и подбежала к Фаму Нювену. Перевернула на спину, попыталась прочистить ему горло. Припадок длился несколько секунд, Фам сучил руками и ногами, и Равна получила от него пару увесистых

оплеух, пытаясь удержать. Потом Фам обмяк, и дыхание его стало почти неслышным.

— Он похитил «Внеполосный-II», — возвестил Синепанцирь. — Корабль в четырех тысячах километров, летит прямо на Причалы. Я стону. Мы разорены.

Несанкционированный пролет в такой близости от Причалов карался конфискацией судна. Но Равна почему-то была уверена, что это уже не важно.

— Есть признаки атаки? — бросила она через плечо. Приподняла голову Фама, чтобы дать ему продышаться.

Наездники бессвязно пошелестели, потом ответила Зеленожка:

— Там что-то странное. Все главные трансиверы прекратили обслуживать пользователей. — «Неужели Старик все еще ведет передачу?» — Локалка замусорена. Автоматика в чрезвычайном режиме, и многих сотрудников вызвали.

Равна откинулась назад, поглядела в небеса. Ночная тьма, пронзенная дюжиной ярких точек света: к Причалам направляются корабли. Все вроде бы в порядке. Но теперь и ее данник показывал то, о чем говорила Зеленожка.

— Равна, я занят, — защелкал из воздуха голос

Гронда. Вернее, его автоответчика. — Старик захватил большую часть каналов Маршрутизатора. Берегись эмиссара. — («Поздновато!») — Мы потеряли контакт с внетрансиверными системами слежения. Отказы программ и аппаратуры. Старик заявляет, что мы атакованы. — Пятисекундная пауза. — На границе внутренней охраняемой зоны замечен флот. Всего в половине светового года.

— Бррап! — изумился Синепанцирь. — На границе внутренней охраняемой зоны?! Да как они туда пролезли? — Он в панике поездил взад-вперед.

Автоответчик Гронда вопрос проигнорировал.

— Там не меньше трех тысяч кораблей. Разрушение трансиверов немину… Равна, наездники с тобой? — Все еще голос Гронда, но живее и срывается в стаккато. Это он сам.

— Д-да.

— Локалка подыхает. Системы жизнеобеспечения отказывают. Причалы падут. Мы бы отразили атаку флота вторжения, но гниль у нас внутри… Маршрутизатор гибнет. — Его голос стал резче, звонче. — Но Вриними выживет, и контракт есть контракт! Скажи наездникам, мы им заплатим…

как-нибудь, когда-нибудь… Мы требуем… умоляем… выполнить намеченную миссию. Равна?

— Да. Они слышат.

— Беги!

И он замолчал.

— «Внеполосный-II» будет здесь через двести секунд, — сообщил Синепанцирь.

Фам Нювен перестал дергаться, дыхание его выровнялось. Пока наездники оживленно переговаривались, Равна осмотрелась и вдруг сообразила, что смерть и разрушение очень далеки. Пляж и небо над ним выглядели почти так же мирно, как всегда. Последние лучи солнца сбежали с волн. Пена казалась тусклой полосой темно-зеленого света. То там, то сям на деревьях и дальних башенках зданий загорались желтые светильники.

Но тревога явственно ширилась. Равна слышала чириканье данников; там и сям на берегу отдыхающие спешно гасили разведенные костры, а потом взмывали на антигравах либо к деревьям, либо прямо в небо, к дальним офисным центрам. С парковок у моря поднимались звездолеты, взлетая все выше и посверкивая в свете закатившегося солнца.

Последнее мгновение спокойствия на Марш-

рутизаторе, и по небу расползлось сверкающее темное пятно. То был свет столь необычный, что Равне и не положено бы его видеть: вспыхнул он скорее в затылке, чем перед глазами. Она не смогла бы потом объяснить, чем он отличался от тьмы.

— А вот еще! — воскликнул Синепанцирь. На этот раз у самого горизонта Причалов: комок мрака диаметром около градуса. Края его полыхали черным на черном.

— Это что такое?

Равна не увлекалась боевкой, но приключенческих романов прочла достаточно. Она знала про бомбы из антиматерии и релятивистские кинетические снаряды. При срабатывании такого оружия видны яркие пятна света, иногда мигающего. С более близкого расстояния бомба — разрушительница миров показалась бы облекающей планету — только медленно, очень медленно, — радужной каплей. Она готовилась увидеть нечто в этом роде, что-то похожее на образы из книг. А это зрелище наводило скорей на мысли о дефекте зрения, чем о войне.

Одним Силам ведомо, что увидели наездники, но Синепанцирь объяснил:

— Ваши главные трансиверы… э-э, испаряются.

Я так думаю.

— Но до них же световые годы! Мы никак не могли бы… — Еще комок тьмы, даже вне поля зрения. Цвет менялся — разные оттенки пустоты. Фам Нювен снова слабо дернулся. Удерживать его пока было несложно, но… изо рта у него потекла кровь. Рубашка на спине промокла и воняла гнилью.

— «Внеполосный-II» подлетит через сто секунд. Полно времени, у нас полно времени. — Синепанцирь не переставая ездил вокруг них, и это выдавало, насколько он встревожен. — Да, миледи, до них световые годы. Спустя много лет свет их гибели озарит небо для тех, кто останется здесь. Но лишь часть испаренного вещества трансиверов порождает свет. Остальная энергия переходит в ультраволновой импульс такой силы, что даже обычное вещество на него реагирует… Оптические нервы возбуждены перегрузкой… Фактически поток такой мощный, что сама ваша нервная система становится ультраприемником. — Он покрутился на месте. — Но не волнуйтесь. Нас так просто не взять. Мы быстры. Мы и не в таких передрягах бывали.

Странно было слышать, как существо без собственной кратковременной памяти хвастается

молниеносными рефлексами. Оставалось надеяться, что тележка компенсирует недостатки.

Зеленожка прогудела до боли громко:

— Вон там!

Линия прибоя отступила дальше, чем когда бы то ни было.

— Море падает! — кричала Зеленожка. Край воды откатился на сто метров, двести. Зеленая кромка горизонта проваливалась.

— Корабль в пятидесяти секундах. Летим ему навстречу. Равна, ну же!

Тут Равна совсем струхнула. Грондр сам сказал, что Причалы падут! В ближнем небе стало тесно: десятки судов спасались бегством. А в ста метрах зашевелился песок, проваливаясь в бездну. Она вспомнила, что говорил Старик, и внезапно поняла, какую ошибку допускают улетающие. Мысль эта рассекла путы страха.

— Нет! Просто поднимемся на возвышенность.

Ночь перестала быть тихой. От моря донесся рев, подобный растянутому стонущему удару колокола. Звук разносился быстро. Вечерний бриз перерос в ураган. Он пригибал деревья к воде, ломал ветки, швырялся в беглецов песком.

Равна стояла на коленях, прижимая руки Фама к телу. Дыхания и пульса не было. Глаза смотрят

в никуда. Прощальный дар Старика. «Будь прокляты все Силы!» Она подхватила Фама Нювена под плечи.

И вскрикнула, чуть не выпустив его. Под рубашкой чувствовались пустоты там, где полагалось находиться плоти. По бокам стекало что-то мокрое, вонючее. Равна с трудом поднялась, волоча бесчувственное тело.

— …Мы его еще часы так будем тащить! — заорал Синепанцирь. Поднялся в воздух, подстроил антиграв по ветру. Тележка и наездник неуверенно покачались и рухнули обратно. Их поволокло туда, куда дул ветер: в стонущую дыру на месте моря. Зеленожка преградила партнеру путь, укрыв его с обращенной к морю стороны, и не дала погибнуть. Синепанцирь выпрямил ствол, и двое покатились обратно, к Равне. Голос наездника уносило ветром: — …Антиграв… отказ! — А с ним и вся структура Причалов.

Они тащились и катились прочь от воронки, в которую превратилось море.

— Надо найти место, где посадить «Внеполосный-II»!

Линия деревьев превратилась в неровную гряду холмов. Пейзаж менялся и перед глазами, и под ногами. Отовсюду слышался рокот, кое-где такой

громкий, что Равна его подошвами чувствовала. Они избегали зыбучих участков и открывшихся повсюду ям. Ночь осветилась — то ли аварийная подсветка, то ли побочный эффект отказа антиправов, но меж дыр воссиял синий свет. Через отверстия можно было видеть облачную ночь Земсторонья тысячью километров ниже. Промежуточное пространство не пустовало: туда низвергались мелькающими призраками миллиарды тонн воды и почвы… и сотни гибнущих флаеров. Орга Вриними расплачивалась за постройку Причалов на антигравах вместо инерциальной орбиты.

Трое с трудом продвигались вперед. Фам Нювен весил прилично, его было тяжело тащить, не говоря уже о том, чтобы нести, и Равну мотало в стороны при каждом шаге. Впрочем, он оказался все же легче, чем она предполагала. Это тоже пугало: ужели и вышние планы провалились?

Бóльшая часть антигравов отказала, некоторые же съехали с катушек: с вершин холмов срывало и уносило вверх целые пласты земли с деревьями. Порывы ветра налетали со всех сторон, сверху и снизу… но шум стал отдаленнее, а ярость немного спала. Искусственная атмосфера Причалов долго не протянет. Складной скафандр Равны прора-

ботал несколько минут и тоже стал выдыхаться. Через несколько минут совсем откажет, как и антиграв… и ей суждена та же участь. Она отвлеченно подумала: «И как только Погибель все это провернула?» Подобно Старику, Равна, вероятно, умрет, так и не узнав это.

Стали видны факельные вспышки кораблей. В основном они направлялись на инерциальную орбиту или сразу уходили в ультрапрыжок; несколько зависли над распадающимся ландшафтом. Синепанцирь и Зеленожка ехали впереди. Эти двое использовали третью ось своих тележек, как Равна никогда бы не придумала: упирались в землю, отталкивались, ползли вверх по склонам, которые она, с Фамом на закорках, едва преодолевала.

Они оказались на вершине, впрочем не очень обширной: то была часть офисного леса. Деревья торчали в разные стороны, будто шерсть взлохмаченного бродячего пса. Земля уходила из-под ног. *Дальше-то куда?* Наездники катались по вершине. Их могли спасти здесь или нигде. Равна опустилась на колени, сгрузив свою ношу на землю. Отсюда открывалась широкая панорама. Причалы стали похожи на исполинское, слабо колышущееся знамя, от которого с каждым взмахом

отлетали обрывки. Но покуда фрагменты антиграв-основы кое-как держались, земля оставалась плоской, и это сбивало с толку. Вокруг их лесочка повсюду зияли дыры. На горизонте оторвался и улетел дальний край Причалов, длиной в сотню километров и шириной в десять; медленно поворачиваясь, он дрейфовал навстречу кораблям, которые могли бы их спасти.

Синепанцирь прижался к Равне слева, Зеленожка — справа. Она извернулась, перенеся часть веса Фама на корпуса тележек. Если все четверо соединят скафандры, можно выиграть еще несколько ясных мгновений.

— «Внеполосный-II»! — сказал наездник. — Я его опускаю!

Что-то снижалось над ними. Факел корабля озарил землю сияющим бело-синим светом. По правде говоря, не рекомендуется стоять рядом с местом, куда намерен причалиться корабль на ракетном движке, да еще при почти нормальной силе тяжести. Часом раньше такой маневр был бы невозможен, и даже если бы кому и взбрело в голову совершить такое, его бы преследовали как злостного правонарушителя. Но сейчас никому нет дела до того, что ракетный факел прожжет поверхность Причалов или испепелит груз, до-

ставленный за пол-Галактики.

Но все же… куда именно Синепанцирь посадит эту штуку? Их окружали дыры и летающие обломки. Яростный свет полыхал прямо перед ними… Равна зажмурилась… Свет потускнел. В общей на четверых атмосфере крик Синепанциря прозвучал писком:

— Давайте вместе!

Равна прижалась к наездникам, и так они поползли/поехали вниз с холмика. «Внеполосный-II» парил посереди зыбучей ямы. Факел его пропал из виду, но сияние, окаймлявшее края дыры, резко очерчивало силуэт корабля, придавая шипам ультрадвигателя сходство с оперенными белыми арками. Огромный мотылек на сияющих крыльях… вне досягаемости.

Если скафандры не откажут, можно будет добраться до края дыры. Но дальше что? Шипы не позволят кораблю подлететь ближе чем на сто метров. Хорошо тренированный (и совершенно чокнутый) человек мог бы прыгнуть, зацепиться за шип и спуститься по нему.

Но наездники оказались чокнутыми на свой манер. Отраженный свет стал непереносимо ярок… и факел, мигнув, исчез. «Внеполосный-II» миновал дыру. Наездников это не смутило.

— Быстрее! — скомандовал Синепанцирь.

Равна догадалась, что они задумали. Весьма проворно для диковинной мешанины из колес и конечностей они переместились на край темнеющей дыры. Равна ощутила, что почва уходит из-под ног, а потом они упали.

Причалы в толщину достигали сотен, а местами тысяч метров. Теперь клубок из людей и наездников пролетал их насквозь. Мелькали жуткие картины растерзанной внутренней структуры.

Наконец они миновали разлом, продолжая падать. На миг дикая паника оставила Равну. В конце концов, это всего лишь свободное падение, самая обычная штука, уж всяко более мирная, чем разрушение Причалов. Держаться за наездников и нести Фама Нювена стало легче, и даже обобществленная атмосфера показалась лишь немного плотнее прежней. Глубокий вакуум и свободное падение имели одну особенность. Если не считать редких свихнувшихся антигравов, все падало с одинаковым ускорением; обломки летели спокойным, размеренным потоком. Через четыре-пять минут они врежутся в атмосферу Земсторонья. Скорость на входе — лишь три или четыре километра в секунду. Сгорят ли они? Может быть. Над облачной грядой мелькали

сполохи.

Окружавший космический мусор был преимущественно темным: просто тени в небе, на фоне гала-представления наверху. Но непосредственно внизу неслось что-то крупное, правильных очертаний… Это же «Внеполосный-II», носом вверх! Корабль падал вместе с ними. Каждые несколько секунд маневровый двигатель коротко вспыхивал красноватым огнем. Корабль сближался с командой. Если у него есть носовой люк, они, наверное, прямо туда и провалятся.

Стыковочные огни блеснули, ярко высветив их. Расстояние десять метров. Пять. Да, люк там есть, и он открыт! Она видела внутри самый обычный шлюз…

Что бы в них ни врезалось, оно было *большое.* Равна успела заметить, как над плечом вздымается нечто крупное, пластиковое. Обломок медленно вращался и задел их самым краем, но этого хватило. Фама Нювена вырвало у нее из рук, тело его сразу скрыла тень. Потом корабельный прожектор высветил его, и в тот же миг у Равны в легких закончился воздух. У них осталось всего три карманных атмосферных генератора, да и те отказывали. Этого не хватит. Сознание Равны стало меркнуть, зрение стало туннельным. *Так*

близко.

Наездники отцепились друг от друга. Она схватилась за корпуса тележек, и трое, растянувшись в цепочку, зависли над шлюзом. Тележка Синепанциря зацепила девушку: он опрометью ринулся в люк. От удара Равну закрутило и припечатало о Зеленожку, а саму наездницу подкинуло вверх. Все словно во сне. Где ты, паника, когда нужна? *Держись крепче, держись крепче, держись крепче,* бубнил чей-то голосок в сузившемся до предела сознании. Удар, толчок. Наездники тянули и пихали ее. А может, это корабль их всех тянул к себе. Как марионеток на единственной ниточке.

…В конце туннеля, в который превратилось зрение Равны, показался наездник и схватил кувыркающееся тело Фама Нювена.

Равна не заметила, как потеряла сознание. Следующее, что она помнила, это как судорожно глотает воздух, сплевывая рвоту, — уже в шлюзе. Вокруг успокаивающе сомкнулись плотные зеленые стены. Фам Нювен лежал на дальней стене, пристегнутый в контейнере первой помощи. Лицо его приобрело синюшный оттенок.

Равна неловко оттолкнулась и полетела через шлюз к Фаму Нювену. Какая тут неразбериха:

место резко отличалось от всего ею виденного на пассажирских и спортивных кораблях. Но это ведь разработка наездников. По стенам раскиданы липучки-присоски, и к одному такому скоплению прикрепила свою тележку Зеленожка.

Они летели с ускорением около $^1/_{12}g$.

— Мы продолжаем снижаться?

— Да. Если остановимся или поднимемся, нас раздавит.

Всем летящим сверху мусором.

— Синепанцирь пытается отвести корабль в сторону.

Они падали, как и всё вокруг, но пробовали маневрировать, увиливая из-под особо крупных обломков. До столкновения с Земстороньем еще оставалось время. По корпусу временами что-то скрежетало и звякало. То ли ускорение уменьшалось, то ли вектор смещался. Синепанцирь увиливал от крупных обломков… но не всегда удачно. Раздался протяжный надсадный стон, завершившийся гулким ударом, и помещение чуть повернулось вокруг Равны.

— Бррап! Я потерял шип ультрадвигателя, — пожаловался Синепанцирь. — А еще два уже повреждены. Пожалуйста, пристегнитесь, ми-

леди.

Через сто секунд они влетели в атмосферу: вокруг корабля что-то зашипело, почти на грани слышимости. Для такого судна это все равно что трубный глас: маневрировать в атмосфере корабль был способен не более, чем пес — перепрыгнуть луну. Шум становился громче. Синепанцирь вел корабль на глубину, стараясь избавиться от летящего вокруг мусора. Сломались еще два шипа, потом всех придавило ускорением по главной оси. «Внеполосный-II» вырвался из гибельной тени Причалов и стал быстро подниматься, выходя на инерциальную орбиту.

Равна смотрела в окна поверх веточек Синепанциря. Они только что миновали терминатор Земсторонья, летя по инерциальной орбите. Снова в свободном падении, но траектория полета закручивалась сама в себя, избегая столкновения с крупными твердыми объектами, такими, например, как само Земсторонье.

О космических полетах Равна знала не больше, чем можно было ожидать от заядлой путешественницы и любительницы адвентюр. Было, однако, ясно, что Синепанцирь совершил чудо. Когда девушка попыталась его поблагодарить, наездник просто покатался туда-сюда по липким

присоскам, мерно жужжа про себя. От смущения? Или просто отключился от разговора, как это им свойственно?

Зеленожка отозвалась вместо него, застенчиво, но и с гордостью:

— Знаете ли, дальнерейсовой торговлей мы на жизнь зарабатываем. Если вести себя осторожно, жизнь эта течет себе мерно и спокойно, но так или иначе — сквозь узкие места. Синепанцирь все время тренируется, программирует свою тележку на случай любой мыслимой передряги. Он мастер своего дела.

В повседневной жизни наездники казались нерешительными, а когда пришлось туго, они действовали без колебаний. Равна задумалась, чей вклад тут больше: наездника или тележки?

— Гррамп, — пробормотал Синепанцирь, — да мы не прошли узкое место, я просто отсрочил проход. У нас несколько шипов поломаны. А если не сумеют самовосстановиться? Тогда что делать? На Земсторонье все разрушено. Вокруг на сотню радиусов полно обломков. Не таких плотных, как рядом с Причалами, но скорость у них куда выше. — («Нельзя ожидать безопасной навигации в условиях, когда по случайным орбитам носятся миллиарды тонн мусора».) — А в

любую минуту могут налететь твари Искажения, пожирая все живое.

— Уркк! — Щупальца Зеленожки застыли в комичном беспорядке. Секунду она что-то шелестела самой себе. — Ой, ты прав. Я забыла. Я думала, мы уже в космосе.

«В космосе, да, но на полигоне для стрельб». Равна глянула в окна рубки управления. Они летели над дневной стороной планеты, километрах в пятистах над главным океаном Земсторонья. Космос над размытым синим горизонтом не полыхал и не сверкал.

— Не вижу признаков битвы, — с надеждой сказала Равна.

— Извините.

Синепанцирь сменил картинку в окнах на более интересную. Основную часть экрана занимали бессмысленные для Равны сводки систем навигации и ультраслежения. Глаза ее замерли на данных из медблока: Фам Нювен снова дышит. Корабельный автохирург полагал, что его удастся спасти. А еще всплыло окно состояния систем связи: картина атаки в нем была устрашающе ясна. Локальная сеть развалилась на сотню стонущих фрагментов. С поверхности планеты долетали лишь голоса автоматов, моливших о

медицинской помощи. Гронд тоже там был. Равна заподозрила, что даже оперативники рыночной разведки погибли. Что бы ни ударило по Земсторонью, последствия атаки оказались даже смертоносней, чем на Маршрутизаторе. В ближнем космосе попадались редкие выжившие на кораблях и осколках хабитатов, но траектории не сулили им ничего хорошего. Без массированной и скоординированной подмоги им настанет конец за считаные часы, если не минуты. Директора Организации Вриними погибли, разрушились, не успев даже сообразить, что случилось.

Беги, молил Гронд, *беги*.

За пределами системы еще шла битва. Равна видела, как сыплются сообщения от сетей обороны Вриними. Без контроля и координации некоторые продолжали сражаться с флотом Искажения. Свет этих битв долетит сюда много позднее, чем защитников разобьют, гораздо позже, чем явится сам враг.

«Сколько нам осталось? Минуты?»

— Бррап! Гляньте на данные трассировки, — сказал Синепанцирь. — У Искажения почти четыре тысячи кораблей. Они просто сметают защитников.

— Но там же почти никого не осталось, — ска-

зала Зеленожка. — Остается надеяться, что не все они мертвы.

— Нет, не все. Я вижу, как улетают несколько тысяч кораблей. Те, у кого есть смысл и силы бежать. — Синепанцирь поездил взад-вперед. — Увы! Смысл у нас, конечно, есть… но гляньте на данные по ремонту. — Одно из окон растянулось, заполнилось цветными узорами, которые для Равны мало что значили. — Два шипа все еще сломаны и восстановлению не подлежат. Три частично починились. Если не залечатся до конца, мы тут застрянем. Это неприемлемо! — Голос из вокодера поднялся до визга. Зеленожка подкатилась ближе и сплелась с ним ветками.

Прошло несколько минут. Когда Синепанцирь снова заговорил на самношке, голос его стал тише.

— Один шип починился. Может быть, может, может… — Он включил естественный вид. «Внеполосный-II» пролетал над южным полюсом Земсторонья, уходя в ночь. Орбита уводила их от самой гущи мусора с Причалов, но приходилось постоянно лавировать между обломками. Жуткое эхо битвы на окраине системы стихало. Организация Вриними превратилась в огромный агонизирующий труп. Вскоре явится убийца

— поглумиться.

— Два шипа починились. — Синепанцирь затих. — Три! Три починились! Пятнадцать секунд на перекалибровку, и мы прыгнем!

Время это сильно растянулось, но потом все окна переключились на естественный обзор. Земсторонье и его солнце пропали. Вокруг лишь проколотая звездами тьма.

За три часа они унеслись на полтораста световых лет от Маршрутизатора. «Внеполосный-II» догнал основную группу беженцев. На Маршрутизаторе всегда присутствовало колоссальное число звездолетов — по делам архивным или туристическим. Вокруг на световые годы растянулось тысяч десять кораблей. Но здесь, далеко от плоскости Галактики, звезды встречались редко, и до ближайшего убежища лететь было еще не меньше ста часов.

Для Равны началась новая битва. Она глядела через палубу на Синепанциря. Наездник сучил ветвями, выкручивая их вокруг ствола прежде не виданным Равной способом.

— Видите ли, миледи Бергсндот, Высшая Точка — отличная цивилизация, там встречаются двуногие. Там безопасно. И это поблизости. Вы могли бы прижиться. — Он сделал паузу. «Читает

мои эмоции по лицу?» — Но… но если она для вас неприемлема, мы отвезем вас и дальше. Позвольте отыскать подходящий груз, и мы вернем вас на Сьяндру Кей. Как насчет этого?

— Нет. Вы уже заключили контракт, Синепанцирь. С Организацией Врими. Мы трое, — («и то, что останется от Фама Нювена»), — летим ко Дну Запределья.

— Я трясу головой в недоумении! Мы получили задаток, но Орга Врими мертва. Никто нам остатка не выплатит. Значит, и мы свободны от принятых обязательств.

— Врими не мертва. Вы слышали Гронда ‘Калира. У Орги были… есть филиалы по всему Запределью. Обязательства в силе.

— Технически — да, но мы оба знаем, что эти филиалы не в состоянии полностью рассчитаться по контракту.

Равна не сумела ему возразить.

— У вас контракт, — только и сказала она, но без надлежащего напора. Давить на собеседника девушка никогда не умела.

— Миледи, вами движет корпоративная этика Орги или просто гуманность?

— Не… — Если честно, корпоративной этикой Орги Равна так и не прониклась. По этой причине

она собиралась вернуться на Сьяндру Кей, завершив стажировку, и по этой же причине Орга сильно осторожничала во взаимоотношениях с человечеством. — Не важно, что мною движет! У вас контракт. Когда миссия казалась безопасной, вы горды были его заполучить. Ну что ж, миссия стала смертельно опасной, но соглашением такая возможность учтена! — Равна покосилась на Зеленожку. Пока что наездница отмалчивалась, даже ничего не шелестя партнеру. Сидела, тесно обхватив веточками центральный стебель. Может быть… — Послушайте, есть и другие причины соблюсти контракт, помимо этих. Искажение сильнее, чем можно было предполагать. Сегодня оно убило Силу. Оно действует в Срединном Запределье… У наездников долгая история, Синепанцирь, дольше, чем у многих рас. Искажение, возможно, положит ей конец.

Зеленожка подкатилась к ней и немного развела ветки:

— Вы… вы действительно думаете, что там, на корабле у Дна, мы найдем какую-то вещь, способную повредить Силе из Сил?

Равна помолчала.

— Да. И сам Старик так думал перед смертью.

Синепанцирь сжался еще плотнее, подергался.

Страдает?

— Миледи, мы торговцы. Мы прожили долгую жизнь и много странствовали… и мы выжили, потому что никуда не лезли без надобности. Что бы там ни воображали себе романтики, торговцы не увлекаются квестами. Ваша просьба… немыслима. Как могут запредельцы надеяться одолеть Силу?

«Но на такой риск ты и подписывался». Вслух Равна этого не сказала. Наверное, за нее это вымолвила Зеленожка: прошелестели ветки, и Синепанцирь снова дернулся. Мгновение Зеленожка безмолвствовала, затем что-то странное сделала с осями тележки, отлепилась от присоски и полетела, описывая плавную дугу. Колеса вращались в пустоте, пока она не перевернулась кроной вверх, заплетя опущенные ветки с ветвями Синепанциря. Они почти пять минут шелестели. Синепанцирь медленно развернул крону, расслабил веточки и погладил ими подругу.

Наконец он произнес:

— Ну что ж, хорошо… Один квест. Но запомни! Никогда больше!

Часть вторая

Глава 17

Весна, мокрая, холодная, наступала мучительно медленно. Дождь лил уже восемь дней без передышки. Йоханна мечтала о перемене погоды — любой перемене — даже возврате к зимнему мраку.

Она шлепала по раскисшему, превратившемуся в непролазную грязь мху. Была середина дня; оставалось еще часа три тусклого солнечного света. Шрамозадый утверждал, что, кабы не облачность, сегодня показалось бы прямое солнце. Иногда Йоханна начинала сомневаться, что увидит солнце снова.

Главный двор замка располагался на склоне холма. Склон покрывали горы грязи и почерневшего снега, кое-где расчищенного и сваленного к стенам деревянных построек. Летом отсюда открывался чудесный вид. Зимой полярное сияние подсвечивало снежные поля зеленью и синевой, сверкало на льду замерзшей гавани, резко очерчивало силуэты холмов на фоне небосклона. Теперь за пределами городских стен все терялось в тумане и мороси. Облака нависали над головой грязным прохудившимся потолком.

Она знала, что на каменных стенах замковой куртины полагается дежурить стражникам, но в эту собачью погоду они, наверное, прячутся за смотровыми щелями. Не видно было ни единой стаи, ни единого зверя. Если сравнивать со Страумом, мир Когтей покажется безжизненным — но, во всяком случае, тут лучше, чем в Высокой Лаборатории. Высокая Лаборатория располагалась на безвоздушной глыбе и крутилась вокруг красного карлика. Мир Когтей был живой и подвижный; выпадали дни, когда он выглядел теплым и радушным, как Страум в дни каникул. Йоханна понимала, что планета эта действительно приятнее для жизни, чем бóльшая часть миров человечества — уж точно приятнее Нюйоры и, скорее всего, не хуже Старой Земли.

Йоханна добралась наконец до своего обиталища, замерла на миг под нависавшими стенами и оглядела замковое подворье. Да, немного похоже на средневековую Нюйору, вот только в историях века принцесс и словом не упоминалась необоримая сила природы. Куда ни глянь, лил дождь. Даже холодный дождь может оказаться смертельной угрозой в отсутствие приличных технологий. Как, впрочем, и ветер. Море тут не для послеполуденных прогулок под парусом.

Йоханна представила бушующие валы прибоя, которые сейчас бичует дождь… как они неустанно набегают на берег, снова и снова. Леса вокруг города тоже были опасны. Гуляй, сколько вздумается, но, если заблудишься, нет ни радиомаячков, ни обустроенных складов провизии. Потерявшись здесь, можно запросто погибнуть. Сказки Нюйоры обретали для девочки новый смысл: не требовалось чрезмерное воображение, чтобы изобрести элементалей, духов ветра, дождя и моря. Дотехнические переживания: если даже врагов у тебя нет, мир вокруг сам по себе смертоносен.

А врагов у нее хватало. Йоханна открыла дверку и протиснулась внутрь.

У огня расселась стая Когтей. Поднявшись, она помогла Йоханне сбросить куртку. Йоханна перестала пугаться острозубых пастей. Эта стая ходила у нее в повседневных помощницах; легко можно представить, что не челюсти, а руки ловко стягивают промасленную куртку за рукава и развешивают у огня.

Йоханна стянула сапоги и штаны, взяла у стаи домашнюю одежду, которую ей «подали».

— Обед. Сейчас, — сказала она стае.

— Хорошо.

Йоханна опустилась на подушку рядом с печной ямой. Когти оказались примитивнее людей Нюйоры. Мир их не был затерянной колонией, им даже по легендам не получалось ориентироваться. Дезинфекции еще предстояло войти в обиход. До Древорезчицы Когти просто выпускали из пациентов-жертв кровь… Йоханна понимала, что по меркам Когтей ее нынешнее жилье роскошно. Тщательно отполированное дерево встречалось далеко не в каждом доме. Узоры на колоннах и стенах — плод многочасовой работы.

Йоханна положила подбородок на сложенные ладони и уставилась в огонь. Она едва сознавала присутствие стаи, снующей вокруг пламени и разогревающей горшочки с едой. Эта стая почти не говорила на самношке и в проекте изучения данника, затеянном Древорезчицей, явно не участвовала. Много недель назад Шрамозадый попросил разрешения поселиться здесь — действительно, разве стоит искать лучшую учительницу? Йоханну передернуло при этом воспоминании. Она знала, что Шрамозадый — лишь один из элементов стаи, что сам убийца папы тоже мертв. Йоханна это понимала, но каждый раз при виде «Странника» ей представлялся жирный, довольный собой убийца ее отца,

прячущийся за спинами трех особей поменьше. Йоханна смотрела в огонь, вспоминая, какую трепку задала Страннику в ответ на это предложение. Она совсем потеряла над собой контроль, но выходка того стоила. Ей больше никто не предлагал разделить кров с «друзьями». Бóльшую часть вечеров девочка проводила в одиночестве. А по ночам… Ей мерещились папа с мамой, совсем близко: может, как раз снаружи, ждут, пока она их заметит. Она видела их гибель, но что-то внутри ее отказывалось с этим мириться.

Запахи стряпни развеяли привычный сон с открытыми глазами. Сегодня мясо с бобами и что-то вроде репчатого лука. Сюрприз. Пахнет вкусно; будь пища хоть немного разнообразней, Йоханне бы понравилось. Но свежих фруктов она не видела уже шестьдесят дней. Зимние блюда здесь были, мягко говоря, однообразны — солонина и овощи. Джефри бы на ее месте закатил скандал. Уже месяцы миновали с той поры, как шпионы Древорезчицы принесли весть с севера: Джефри погиб во время той атаки. Йоханна с этим свыклась — пришлось. В каком-то смысле одиночество всё… упрощало.

Стая поставила перед ней тарелку с мясом и бобами, положила рядом что-то вроде ножа.

Ладно. Йоханна неловко подцепила изогнутую рукоятку, приспособленную не для пальцев, а для челюстей, и принялась за еду.

Она почти закончила трапезу, когда в дверь вежливо поскреблись. Прислуживавшая девочке стая булькнула в ответ. Гость отозвался и добавил на неплохом самношке (голосом, до жути похожим на ее собственный):

— Привет, меня зовут Грамотей. Я поговорить с тобой немножко, хорошо?

Стая-прислужница одним элементом обернулась к Йоханне, пока остальные наблюдали за дверью. Грамотей был тот, о ком она думала как о Напыщенном Клоуне. Он вместе со Странником захватил девочку в плен, но оказался так глуп, что она его почти не опасалась.

— Ладно, — сказала Йоханна, уставясь на дверь. Ее прислужница (а может, стражница) схватила челюстями арбалеты, и все пять элементов утекли по лесенке на чердак; внизу места хватало только для одной стаи.

Вместе с гостем в комнату ворвались холод и сырость. Йоханна села по другую сторону от очага, Грамотей принялся стягивать дождевики. Элементы стаи отряхивались шумно, почти как собаки, — удивительное зрелище, и лучше в это

время было отойти подальше.

Наконец Грамотей неторопливо расположился вокруг печной ямы. Под дождевиками у него были куртки с обычными пристежками, плечи и ляжки оставались голыми. Грамотей, кстати, еще и подбивал куртки над плечами, чтобы казаться плотнее. Одним элементом он принюхался к тарелке, остальными головами озирался туда-сюда, не глядя, однако, прямо на девочку.

Йоханна опустила на стаю нацеленный взгляд. Ей все еще доставлял неудобства разговор со многими мордами; обычно она выбирала ближайшего элемента и обращалась к нему.

— Ну? О чем ты хотел поговорить?

Одна из морд наконец посмотрела на нее:

— А? Ага, да. Я тут подумал зайти посмотреть, как у тебя дела. То есть…

Буль-буль. Сверху отозвалась стая-служанка, вероятно отчитываясь о настроении девочки. Грамотей распрямился, четыре головы из шести поглядели на Йоханну. Остальные два элемента рыскали взад-вперед, словно обдумывая что-то важное.

— Вот, взгляни. Ты единственный человек, которого я знаю, но я всегда старался изучать характеры. Я знаю, что ты здесь несчастлива…

— Напыщенный Клоун мастерски владел искусством констатировать очевидное. — …И я это понимаю. Но мы стараемся помочь тебе, чем можем. Это не мы — те злые, которые убили твоих родителей и брата.

Йоханна уперла руку в потолок и наклонилась к собеседнику. «Все вы тут бандюки. Просто так получилось, что враги у нас общие».

— Я знаю. Я с вами сотрудничаю. Без моей помощи вы бы застряли в детском режиме данника. Я показала вам программы обучения чтению. Если в ваших башках есть хоть немного мозгов, к лету получите порох.

Йоханне давно пора было сменить любимого Слоника на устройство посерьезнее. Но в нем оказалось много сведений по истории — рассказы о королевах и принцессах Темных веков, о том, как те подчиняли себе джунгли, отстраивали города и, наконец, сооружали звездолеты. Туманные отсылки пробуждали в учениках интерес к более сложным вопросам из истории технологии. Порох — одно из простейших изобретений. Когда погода улучшится, предстоят заманчивые экспедиции; Древорезчица знала, что такое сера, но в городе этого вещества было недостаточно. Пушки построить будет сложнее. Но потом…

— Потом вы уничтожите своих врагов. Ваш народ добьется желаемого. Ну и чего ты ноешь?

— Ною? — Напыщенный Клоун по очереди покачал головами вверх-вниз. Эти жесты беспокойства соответствовали лицевой мимике, но Йоханна пока плохо в них разбиралась. Сейчас он, кажется, в замешательстве. — Я не ною. Ты нам помогаешь, это правда. Но, но… — Теперь вокруг бегали три элемента. — Но я вижу больше остальных, почти как Древорезчица умела в старые дни. Я… я видел у тебя слово для этого… *дилетант*. Ну, ты знаешь. Учился всем наукам подряд и всесторонне одарен. Мне всего тридцать, но я прочел почти все книги мира, и… — Его головы поникли, уж не в смущении ли? — Я даже намерен сам написать книгу. Возможно, подлинную историю твоих приключений.

Йоханна поймала себя на том, что улыбается. Обычно Когти представлялись ей варварами, нелюдями по облику и духу. Но если закрыть глаза, почти получалось вообразить себе на месте Грамотея приятеля-страумера. У мамы были друзья такие же безмозглые и самовлюбленные, как этот, мужчины и женщины, у которых в загашнике имелись сотни грандиозных планов и ни одного реализованного. На Страуме она ста-

ралась избегать общества таких зануд. А здесь… пожалуй, глуповатый Грамотей словно немного возвращал ее домой.

— Ты пришел изучить меня для своей книги?

Еще поочередные кивки.

— Ну да, в общем, так. И еще я хотел поговорить с тобой о других своих задумках. Видишь ли, я всегда был склонен к… э-э… изобретательству. Я понимаю, в твоих глазах это мало что значит. Мне кажется, в Даннике заключено все, что только можно изобрести. Я там обнаружил многие из своих лучших идей. — Он вздохнул или изобразил вздох. Он говорил одним из научпоповских голосов данника. Когтям ничего не стоило имитировать звуки; зачастую это сбивало с толку.

— Короче, я думал, как некоторые из них можно усовершенствовать… — Четыре элемента Грамотея опустились на животы перед печной ямой; похоже, разговор намечался долгий. Оставшаяся двойка перебежала на ту сторону ямы и протянула девочке стопку бумаги, скрепленную медными кольцами. Пока один говорил на той стороне очага, двое на противоположной осторожно переворачивали страницы и указывали Йоханне, куда смотреть.

Да уж, идей у него на три короба да лукошко. За-

прячь птиц в летающие лодки, сконструировать исполинские линзы и сжечь врагов сфокусированным солнечным светом… по некоторым идеям стало понятно, что он полагает атмосферу простирающейся за луну. Каждую идею Грамотей объяснял с занудной дотошностью, тыкая в рисунки и настойчиво поглаживая девочке руки.

— Ты видишь, какие открываются возможности? Моя уникальная сметка вместе с подтвержденными Данником изобретениями. Кто знает, куда заведет нас это сочетание?

Йоханна хихикнула, представив себе великанских птиц Грамотея, тянущих к луне линзы километрового диаметра. Он, похоже, счел это знаком одобрения.

— Да! Не правда ли, потрясает? Моя самая свежая идея. Если бы не Данник, мне до нее никогда не додуматься. Это «радио», оно ведь передает звук на далекие расстояния и очень быстро, так? Почему бы не скомбинировать это с мощью мышления Когтей? Стая сможет мыслить как целое, даже разбежавшись на сотни, гмм, километров.

А в этом что-то есть! Но если у них уйдут месяцы на изготовление пороха, даже со знанием точной формулы, то сколько десятилетий потребуется, чтобы внедрить радиосвязь? Грамотей без устали

фонтанировал полуоформленными идеями. Йоханна уже больше часа сидела под струями этого фонтана. Бред, конечно, однако за последний год ей довелось испытать и более странные вещи.

Наконец Грамотей начал выдыхаться, делать длинные паузы и чаще интересоваться ее мнением. Сказал:

— Ну это же просто здорово, да?

— А? Э-э, да, впечатляет.

— Я знал, что тебе понравится. Думаю, ты не так уж сильно отличаешься от нас. Ты не вся такая в гневе, не все время…

— Ты это о чем? — Йоханна оттолкнула мягкую морду и рывком поднялась. Собакообразное существо привстало на задних лапах, глядя на нее.

— Я, ну… понимаю, что тебе есть кого ненавидеть. Кажется, что ты все время на нас гневаешься, а мы ведь пытаемся тебе помочь! Поработав с нами днем, ты замыкаешься в себе, не хочешь общаться дальше — хотя теперь я вижу, что это наша ошибка. Ты хотела, чтоб мы сами к тебе пришли, но была слишком гордячка сказать это напрямую. Знаешь ли, я неплохо разбираюсь в чужих характерах. Вот взять моего друга, которого ты прозвала Шрамозадым; на самом деле он очень классный. Я теперь могу говорить с тобой в

открытую, раз мы друзья. Ему так хочется к тебе в гости, и… *уркк!*

Йоханна медленно обошла очаг, оттеснив двойку Грамотея. Теперь все его элементы смотрели на девочку, выгибая шеи друг поверх друга и дико распахнув глаза.

— Я не такая, как вы. Мне нет надобности с тобой болтать или обсуждать твои идиотские придумки! — Она зашвырнула записную книжку Грамотея в печь. Грамотей в ужасе подскочил к яме, принялся вытаскивать оттуда горящие записи. Бóльшую часть спас и крепко прижал к себе.

Йоханна продолжала надвигаться на него, наступая на лапы. Грамотей пятился, дергаясь и озираясь.

— Вы тупые грязные мясники! Я вас ненавижу! — Она ударила кулаком по потолочной балке. — Людям не нравится жить, как животные! Мы не принимаем к себе убийц! Ты скажи Шрамозадому, скажи: если хоть раз припрется ко мне дружески поболтать, я… я ему башку расквашу, я ему все головы разобью!

Грамотей прижался к стене, дико вертя головами. От него несся сильный шум. Кое-что на самношке, но слишком визгливо, неразборчиво. Одним из ртов он отыскал жердь поперек двери,

откинул ее и вылетел в сумерки всеми шестью элементами, оставив дождевики внутри.

Йоханна опустилась на колени и высунула голову за дверь. Снаружи моросило, висел туман. Лицо у нее тут же замерзло и вымокло, так что слез она не ощутила. Грамотей — шестерка теней в серой мгле — улепетывал вниз по склону, время от времени оборачиваясь на бегу. Через секунду его и след простыл. Она больше ничего не видела, кроме неясных очертаний соседних хижин и желтого света, льющегося наружу от огня.

Странное дело. Угодив в засаду, она испытала ужас. Когти показались ей неумолимыми убийцами. Потом, в лодке, когда она врезала Шрамозадому… какое облегчение: вся стая рухнула, и девочке вдруг открылось, что она может дать им сдачи, может переломать им кости. Она больше не полагалась на их милость… Этим вечером она узнала еще кое-что. Даже не прикасаясь, она может сделать им больно. Во всяком случае, некоторым. Напыщенный Клоун смылся, струсив перед одной лишь ее враждебностью.

Йоханна вернулась в задымленное тепло дома и захлопнула дверь.

Ей бы сейчас впору торжествовать…

Глава 18

Грамотей Джакерамафан никому не рассказывал о походе к Двуногой. Разумеется, стражник Проныры все слышал. На самношке эта стая, вероятно, ни бум-бум, но ссору видела. Так или иначе, слух разойдется.

Несколько дней он слонялся вокруг замка. Много времени просидел над остатками записной книжки, пытаясь воссоздать чертежи. Его нескоро теперь допустят к Даннику, особенно в присутствии Йоханны. Грамотей понимал, что посторонним он кажется смельчаком, но в действительности решение напроситься в гости к Йоханне стоило ему немалых усилий. Он был уверен, что идеи его гениальны. Правда, лишенные воображения обыватели трендели, что он ошибается.

Впрочем, Грамотею во многих отношениях повезло. Он родился при расколе стаи в Рангафире, на восточной границе Республики. Родитель его был богатым купцом. Джакерамафан унаследовал некоторые таланты, но усидчивости и терпения, необходимых в скучном повседневном деловодстве, был начисто лишен. Зато его стае-

брат эти качества приобрел в избытке; семейное дело процветало, и брат (в первые годы) щедро делился с Грамотеем. С ранних лет Грамотей прослыл интеллектуалом. Он читал все подряд: книги по естественной истории, биографии, пособия для заводчиков. В итоге он собрал крупнейшую в Рангафире библиотеку, где было более двухсот томов.

Уже тогда Грамотея посещали грандиозные идеи. Найди они достойное воплощение, братья стали бы богатейшими купцами на всем Востоке. Увы, неудачи и полное отсутствие воображения у брата обрекли ранние проекты Грамотея на провал. В конце концов брат выкупил его долю, и Джакерамафан уехал в Столицу. Не было бы счастья, да несчастье помогло. К тому времени он разросся до шестерки и жаждал повидать мир. К тому же… в столичной библиотеке насчитывалось целых пять тысяч книг, содержавших всю историю и опыт всего мира! Его личные записные книжки уже сами стали библиотекой. Университетские стаи, однако, не нашли для него времени. Составленный Грамотеем сводный очерк естественной истории отвергли все издатели, пришлось издавать отдельные фрагменты за свой счет. Было ясно, что сперва

нужно достичь успеха в мире, живущем лишь действиями, а затем уже воплощать идеи, привлекая к ним должное внимание. Решив так, он подался в шпионы — выведать секреты Тайного Острова Шкуродера. Сам Парламент ему будет благодарен!

С тех пор миновал почти год. То, что случилось за это время — вся эта история с летающим домом, Йоханной и Данником, — превосходило самые смелые мечты Грамотея (а Грамотей мог поклясться, что мечты эти уже были безудержно смелы). Библиотека Данника содержала миллионы книг. С помощью Йоханны он надеялся отшлифовать свои идеи, чтобы стереть шкуродерников с лица планеты. Вернуть Йоханне летающий дом. Даже небо его не остановит!

А теперь так вот получить от нее по мордам… он поневоле ударился в самоанализ. Может, Йоханна просто рассердилась при упоминании Странника? Он был уверен: Йоханне Странник бы понравился, разреши она себе это. Впрочем… а вдруг его идеи не так уж и гениальны, по крайней мере в сравнении с человеческими?

Мысль эта совсем испортила ему настроение. Тем не менее он закончил восстанавливать чертежи и даже придумал кое-что новенькое.

Возможно, стоит прикупить еще шелковой бумаги.

Тут явился Странник и вытащил его в город.

Джакерамафан заготовил полдюжины объяснений тому, почему он больше не работает с Йоханной. Пару-тройку он испытал на Страннике, спускаясь вместе с ним в гавань по замковой дороге.

Послушав минуты две, приятель обернулся к нему одной мордой:

— Да ладно, Грамотей, когда захочешь снова, приходи. Рады будем тебя видеть.

Грамотей отлично чувствовал отношение других к себе и, в частности, превосходно улавливал покровительственные нотки. Наверное, он помрачнел, потому что Странник продолжил:

— Я сказал, как есть. Древорезчица и та о тебе спрашивала. Ей нравятся твои идеи.

Была то сладкая ложь иль нет, но Грамотей повеселел.

— Правда?

Древорезчица нынешняя — зрелище жалкое, но Джакерамафан немногими восторгался так же, как Древорезчиком из хроник.

— И что, никто на меня не сердится?

— Ну, Проныра немного ворчит. Он сильно

нервничает, что ему поручили охранять Двуногую. Но ты хотел того же, что и мы все.

— Угу.

Даже не будь Данника, Йоханна Ольсндот оставалась бы самым удивительным существом в мире: разум стайного уровня, но в единственном теле! Можно было подойти к ней вплотную, коснуться, и все это не мешало мысли. Сперва такая свобода настораживала, но затем все они быстро прониклись симпатией к гостье. Для стай телесная близость всегда сопряжена с безумием — сексуальным или боевым. А как было бы приятно сесть у огонька рядом с другом и завести неспешную интеллектуальную беседу! У Древорезчицы возникла теория, что цивилизация Двуногой от природы более эффективна, чем любая стайная, ведь людям так легко сотрудничать, они быстрее обмениваются знаниями и легче приступают к совместному труду. Йоханна Ольсндот, однако, оказалась для теории крепким орешком. Если Йоханна нормальный человек… что ж, удивительно тогда, как люди вообще умудряются хоть в чем-то сотрудничать. Иногда она бывала дружелюбна, обычно после работы с Древорезчицей. Она вроде бы понимала, что Древорезчица стара и немощна, поэтому реже принимала покрови-

тельственный вид, отпускала едкие замечания, искала любой повод для обиды. Но иногда вела себя так, как вчера вечером.

— Как там с Данником? — спросил он, помолчав.

Странник пожал плечами:

— Как и прежде. Мы с Древорезчицей уже хорошо читаем на самношке. Йоханна нас обучила — в смысле, Древорезчицу, а та уже меня, — как использовать большую часть возможностей Данника. Там столько всего, что можно мир вверх дном перевернуть. Но сейчас важнее сконцентрироваться на изготовлении *пороха* для *пушек*. Вот на этом этапе у нас, надо сказать, стопорится.

Грамотей понимающе кивнул. С аналогичной проблемой он сталкивался всю свою жизнь.

— В любом случае, если справимся до середины лета, то, может, получится разбить армию Шкуродера и вернуть себе летающий дом до начала зимы. — Улыбка Странника растянулась на несколько морд. — А затем, друг мой, Йоханна позовет своих сородичей на помощь… и мы посвятим все свои жизни изучению внешников. Я обойду миры вокруг иных звезд!

Об этом они уже говорили. Страннику такая идея явилась даже раньше, чем Грамотею.

Они свернули с замковой дороги на Краеровную. Грамотей немного повеселел при мысли о скорой встрече с торговцем; может, тот сумеет помочь. Он впервые за несколько дней с интересом осмотрелся вокруг. Город древорезчиков был приличных размеров, немногим меньше Рангафира: в стенах и окружающих домах обитало почти двадцать тысяч стай. День выдался холоднее предыдущих, но сухой. Холодный свежий ветер гулял по рыночной площади, донося слабые запахи плесени, стоков, пряностей и свежераспиленного дерева. Над головами висели низкие темные облака, холмы вокруг гавани были в тумане. Явственно чувствовалось приближение весны. Грамотей забавлялся, продырявливая когтями слежавшийся у мостовой снег.

Странник свернул в проулок. Тут стоял дым коромыслом, каждые семь-восемь ярдов попадались прохожие. У нужного Грамотею лотка стало еще хуже. Мыслезавесы были довольно тонкие, и в народе древорезчиков отыскалось больше любителей изящной словесности, чем где бы то ни было на памяти Грамотея. Он едва сохранял ясность мышления, проталкиваясь к лотку. Торговец восседал на высоком помосте с толстой обивкой; ему-то мыслерокот особо не мешал.

Грамотей свел морды вместе, сконцентрировал внимание на ценах и товарах. В прошлой жизни он в этом неплохо разбирался.

Бумагу он таки добыл, и даже по сходной цене.

— Давай вернемся через Благостайную, — предложил он.

Путь через центральную часть рыночного квартала был долгий. Грамотею под настроение даже нравилось бродить в толпе; он обожал изучать другие стаи. Город древорезчиков оказался не столь космополитичен, как иные в Длинноозерье, но сюда сходились торговцы со всего света. Он увидел несколько стай в наголовниках — из тропического коллектива. На одном из перекрестков краснокурточники из Восточного Дома оживленно препирались с подрядчиком.

Когда стай собиралось так много и в такой тесноте, мир трепетал на грани Хора. Каждый держался собранно, сохраняя ясность мышления. Трудно было идти, не спотыкаясь о собственные лапы. Временами фоновые мыслешумы обострялись — это в те моменты, когда несколько стай вдруг синхронизировали мысли. Сознание дрейфовало, на миг можно было стать Одним среди Многих, элементом сверхстаи, равной Богу. Джакерамафан вздрогнул. Этим-то и манили тропики.

Там стаи сбивались в своры, огромные групповые разумы, столь же глупые, сколь исполненные экстаза. Если слухи не лгут, жизнь в некоторых южных городах — непрестанная оргия.

Они уже час бродили по рынку, когда Джакерамафана осенило. Грамотей резко тряхнул головами. Обернулся, потрусил в переулок, через него выбрался с Благостайной на параллельную улицу. Странник следом:

— Тебе плохо в такой толпе?

— Мне просто явилась одна идея, — сказал Грамотей.

В такой тесноте — это дело немудреное, но идея была крайне любопытная… Несколько минут Грамотей молчал. Улица резко пошла в гору, потом стала петлять по Замковому Холму. Верхняя часть холма вдоль улицы была застроена домами богатых горожан. Со стороны гавани виднелись крыши зданий, выстроенных на следующем участке, там, где улица шла под гору. Дома были просторные, изукрашенные в технике роземолинга[13]. Лишь в нескольких местах на улицу открывались лавки.

Грамотей сбавил шаг и растянулся так, чтобы

[13] Примечания: 13

Роземолинг (rosemåling) — традиционная норвежская декоративная роспись в цветочных узорах, аналогичная палехской.

не наступать себе на лапы. Он понимал теперь, как ошибся, пытаясь разъяснить свои творческие планы Йоханне. В Даннике слишком много изобретений. Но он здесь нужен всем, и прежде всего Йоханне. Трудность в другом: сами они об этом пока не знают. Наконец он заговорил со Странником:

— Ты не задумывался, отчего шкуродерники еще не атакуют город? Мы с тобой нанесли Властителям Тайного Острова величайшее оскорбление в их истории. Мы в силах нанести им и окончательное поражение, у нас ключи от этого успеха.

Йоханна и Данник.

Странник поразмыслил.

— Гм. Я полагал, их армия просто еще не готова. В ином случае они бы уже давно разгромили древорезчиков, разве нет?

— Вероятно, однако ценой больших потерь. Теперь дело того стоит. — Он значительно посмотрел на Странника. — Нет, думаю, причина тут в другом… Они захватили летающий дом, но понятия не имеют, как его использовать. Они хотят вернуть Йоханну живой — почти так же сильно, как уничтожить нас всех.

Странник горестно хмыкнул:

— Если б Стальной так не усердствовал, истребляя всех двуногих, ему сейчас оказали бы любую услугу.

— Да, и шкуродерники должны это понимать. Готов побиться об заклад, что у них всегда были шпионы в городе, но сейчас — больше, чем когда-либо. Ты видел те стаи из Восточного Дома?

Восточный Дом, колыбель шкуродерничества. Еще до того, как зародилось Движение, суровый народ этих мест регулярно отбраковывал щенят, которые не отвечали установленным заводчиками стандартам.

— Одну точно видел. Она с тем подрядчиком трепалась.

— Правильно. А кто знает, сколько их тут еще рыщет, под особыми личинами? Жизнью клянусь, они собираются выкрасть Йоханну. Если догадаются, что мы вместе с ней затеяли, то наверняка попытаются попросту ее убить. Разве не ясно? Мы обязаны предупредить Древорезчицу и Проныру, организовать сеть контрразведки.

— И ты все это заметил за время одной пробежки по Благостайной? — В голосе Странника сквозило то ли недоверие, то ли изумление. Грамотей не понял, что именно.

— Э-э… нет. Озарившая меня идея не была столь

явной. Но смысл в ней есть, ты не находишь?

Несколько минут они брели в молчании. Наверху ветер задувал сильнее, но и вид отсюда впечатлял. Там, где не плескалось море, простирался бесконечный зеленовато-серый лес. Картина очень мирная… ибо это лишь прикрытие. Для игр, талантом к которым Грамотей был, по счастью, одарен. В конце концов, разве не сама политическая полиция Республики отрядила его на Тайный Остров с заданием? Он несколько десятидневок обивал их пороги, и наконец они проникли. «Все, что сумеешь обнаружить, мы будем счастливы изучить». Вот как они сказали.

Странник разбежался по дороге, явно размышляя над предложением Грамотея. Наконец ответил:

— Думаю, что тебе… надо кое о чем узнать, хотя это должно было оставаться в строжайшем секрете.

— Душой своей клянусь! Ну же, Странник, я не болтун.

Грамотея несколько уязвило это вступление: ему не только не доверяли вполне, он еще и пропустил то, о чем догадались другие. Впрочем, второе обстоятельство не сильно его беспокоило: он давно понял, что Странник и Древорезчица

любовники. Несомненно, она ему что-то доверила, а может, просто утечка мыслей случилась.

— Ладно. Но учти: об этом никому ни звука. Ты в курсе, что Проныра — начальник тайной стражи Древорезчицы?

— Ну да, конечно. — Для камергера это самоочевидная роль. — Учитывая, сколько тут шляется чужаков, я бы не сказал, что он успешен на этом посту.

— О нет, он чрезвычайно успешен. Проныре удалось внедрить агентов на Тайный Остров, на самый верх — оттуда один шаг до Стального Владыки.

Грамотей вылупился на собеседника.

— Да-да, и ты понимаешь, что это означает. Через Проныру Древорезчице становятся известны все планы их высшего совета. Умело подбрасывая им дезинформацию, мы шкуродерников выманим, как болотных кур на просвет в камыше. Это величайшее преимущество Древорезчицы после союза с Йоханной.

— Я… — «Я и не догадывался». — Так, значит, тайная стража работает спустя рукава лишь для виду…

— Не совсем. Она должна казаться сплоченной и дотошной, но проявлять достаточно уязвимо-

стей, чтобы шкуродерники предпочли шпионаж прямой атаке. — Странник усмехнулся. — Думаю, Проныра бы очень обиделся на твою критику.

Грамотей выдавил смешок. Он был и пристыжен, и польщен одновременно. Поистине, Проныра величайший мастер шпионажа своего времени — а он, Грамотей Джакерамафан, его чуть было не раскусил. Остаток пути до замка Грамотей предпочел молчать, но разум его напряженно работал. Странник был ближе к истине, чем сам полагал. Секретность жизненно важна. Ненужных дискуссий, даже между старыми друзьями, следует избегать. О да! Необходимо предложить Проныре свои услуги. Новая роль уведет Грамотея в тень, но именно на этом поприще он может внести наибольший вклад в победу. И в конце концов даже Йоханне станет ясно, как он полезен.

Вниз по колодцу ночи. Даже не погляди Равна в окна, сравнение напрашивалось бы. Маршрутизатор был сильно удален от плоскости Галактики, «Внеполосный-II» же снижался к ней — непрестанно замедляясь.

Но им удалось спастись бегством. «Внеполосный-II» покорежило, однако при отлете с Маршрутизатора он выдавал ультраскорость

почти пятьдесят световых лет в час. С каждым часом они снижались по Запределью, время работы компьютеров между микроскачками увеличивалось, а псевдоскорость падала. Тем не менее они продвигались к цели. Они были сейчас глубоко в Срединном Запределье. Признаков погони, к счастью, не замечалось. Кто бы ни занес Погибель на Маршрутизатор, про «Внеполосный-II» он не подозревал.

Надежда. Равна чувствовала, как она нарастает внутри. Автохирург корабля заявлял, что Фама Нювена можно спасти: мозг еще работает. Жуткие раны на его спине зияли в тех местах, где располагались внедренные Стариком импланты, органические механизмы для подключения Фама к локальной сети Маршрутизатора и, следовательно, к самой Силе наверху. Но когда Сила была в той или иной мере убита, машинерия в теле Фама превратилась в гнилушки. Фам как личность, вероятно, сохранится. «Ты молись, чтобы так и случилось». Автохирург считал, что дня через три спина заживет настолько, что Фама можно будет оживить.

А тем временем Равна пыталась разузнать побольше о разворачивавшемся вокруг апокалипсисе. Каждые двадцать часов Синепанцирь

с Зеленожкой отклоняли корабль от курса на несколько световых лет — подключиться к одной из главных линий Известной Сети и получить оттуда новости. Обычная практика для любого путешествия длительностью больше нескольких дней: торговцы и простые путешественники следили за новостями, имевшими отношение к задачам миссии.

И если верить новостям (то есть мнению, доминировавшему в группах с заметным перевесом), Маршрутизатор был полностью уничтожен. «О, Гронд. О, Эграван и Сарале. Погибли вы или подчинены?»

Некоторые участки Известной Сети оказались временно недоступны; отдельные внегалактические линки не удастся восстановить еще много лет. Впервые за тысячи лет произошло доказанное убийство Силы. О мотивах атаки выдвигались десятки тысяч предположений, и десятки тысяч прогнозов развития событий следовали за ними. Равна приказала кораблю включить фильтры, чтобы справиться с этой лавиной и вычленить суть.

В сообщении со Страумлианского Простора смысла было уж точно не меньше: рабы Искажения громогласно блеяли о наступлении новой

эры и бракосочетании трансцендентного существа с расами Запределья. Если оно способно уничтожить Маршрутизатор, убив при этом Силу, то препятствий его победному маршу не предвиделось.

В некоторых постингах высказывали мнение, что создание, поработившее Страумлианский Простор, уничтожило Маршрутизатор скорей по старой памяти: что атака есть лишь эхо давней войны, удар по наследникам давно забытых рас. В таком случае возможно, что рабы на Страумлианском Просторе попросту вымрут, а затем исходная человеческая культура там сможет возродиться.

Несколько комментаторов предполагали, что атака была предпринята с целью похищения архивов Маршрутизатора, но лишь двое заявили, что Погибель пыталась стащить оттуда какой-то артефакт или помешать сотрудникам Маршрутизатора им завладеть. Эти сообщения поступили от хронических теоретиков, цивилизаций, которые подсели на треп в группах новостей, как наркоманы. Тем не менее Равна отнеслась к ним внимательно. Никто не высказывал предположения, что артефакт находится в Нижнем Запределье; обычно считали, что Погибель ищет

его на Вершине Запределья или в Нижней Трансценденции.

От самой Погибели тоже исходил сетевой трафик. Сообщения по высокоуровневым протоколам отбрасывали все, кроме самоубийц, и за перенаправление их никто не взимал тариф. Впрочем, опасливое любопытство поспособствовало распространению некоторых сообщений. Это был своеобразный рекламный ролик Погибели: почти четыреста секунд несжатых полисенсорных данных. Исключительно дорогое сообщение било рекорды перенаправлений за историю Сети. Синепанцирь продержал «Внеполосный-II» на инфолинии почти два дня, чтобы скачать его полностью.

Рабы Искажения выглядели обычными людьми. Почти половину всех сообщений с Простора составляли видеоролики — воззвания от ораторов-людей. Равна снова и снова просматривала самый длинный из них. Она даже узнала оратора: Эвн Нильсндот был чемпионом Страумлианского Простора в траэльной гонке. Титула у него теперь не было, имени, надо полагать, тоже.

Нильсндот обращался к зрителям из кабинета, который, похоже, располагался в саду. Отойдя в сторону от картинки, Равна заглянула

ему через плечо и увидела далеко внизу землю. Город был похож на Основной Страумли из записей. Несколько лет назад Равна с сестрой бредили этим городом, мечтая поучаствовать в великом приключении человечества на пути к Трансценденции. Центральная площадь города была скопирована с Поля Принцесс на Нюйоре; в рекламных объявлениях для иммигрантов утверждалось, что, как бы далеко ни залетели страумеры, фонтаны на Поле всегда будут бить, демонстрируя преемственность Страумлианского Простора с исходными человеческими цивилизациями.

Фонтан пропал, а из глаз Нильсндота на Равну глядела смерть.

— Этот субъект говорит от имени Силы, которая *помогает*, — сказал бывший герой. — Я хочу показать всем, что Я способна совершить даже с цивилизацией третьего сорта. Взгляните, как Я *помогаю*…

Ракурс сместился, взмыл в небеса. Заходило солнце. Мегаметр за мегаметром на фоне закатного неба громоздились исполинские антиграв-структуры. Более грандиозного примера использования антигравитационных материалов Равна даже на Маршрутизаторе не встречала.

И уж наверняка никакой мир Срединного Запределья не смог бы даже закупить нужное количество.

— То, что вы видите позади Меня, суть лишь рабочий скелет для строительства, которое Я вскоре начну в системе Страумли. Когда оно завершится, пять звездных систем будут обращены в единый хабитат, а их планетный материал вместе с избыточным звездным веществом — перераспределен так, чтобы поддерживать жизнь и функционирование техники невиданным прежде на такой глубине образом; даже в Трансценденции такие проекты редкость. — Точка съемки возвратилась к Нильсндоту, одинокому человеку, оракулу божества. — Среди вас найдутся те, кого идея посвятить себя Мне оттолкнет. В долгосрочной перспективе все это не важно. Симбиозу моей Силы с умениями рас Запределья никто не сможет противостоять. Сейчас же Я обращаюсь к вам, желая умерить ваши опасения. То, что вы ныне зрите на Страумлианском Просторе, так же прекрасно, сколь и чудесно. Никогда более расы Запределья не останутся без присмотра Трансценденции. Те, кто присоединится ко Мне — а в конце концов присоединятся все, — станут частью Силы. Вам станут доступны материалы со

всей Вершины и с Нижней Трансценденции. Вы станете плодиться и размножаться сверх пределов нынешней своей технологии. Вы поглотите все, что станет Мне противиться. Вы принесете в мир новую стабильность.

При третьем или четвертом просмотре ролика Равна попыталась отстраниться от слов, сосредоточиться на выражении лица Нильсндота и сопоставить его с речами из памяти ее личного данника. Да, отличия не были плодом воображения девушки. Существо на экране лишилось души. Каким-то образом Погибель не заметила очевидного… а может, очевидно это лишь зрителям-людям, составлявшим ничтожно малую долю аудитории. Теперь во весь кадр — темное непримечательное лицо Нильсндота, обычные фиолетовые глаза:

— Некоторые из вас могут спросить, как такое вообще возможно и почему миллиарды лет царила анархия, а Сила не оказывала подобной помощи. Ответ… сложен. Как и для многих значительных достижений, у этого — высокий порог входа. По одну сторону порога достижение крайне маловероятно, по другую — неизбежно. Симбиоз Помощи движим эффективной широкополосной двусторонней связью между Мной

и существами, которым Я *помогаю*. Создания, подобные субъекту, который сейчас произносит Мои слова, должны реагировать так же быстро и точно, как рука или рот. Их глаза и уши обязаны посылать информацию за световые годы. Этого трудно добиться, особенно учитывая, что все компоненты должны уже быть размещены в нужных местах, чтобы система заработала. Но теперь, когда симбиоз налажен, продвижение ускорится. Почти любую расу можно модифицировать так, чтобы она получила Помощь.

Почти любую расу можно модифицировать. Слова эти исходили от знакомого человека и были сказаны на родном языке Равны, но источник их находился чудовищно далеко.

В аналитических выкладках не было недостатка. Образовалась целая группа новостей: Угроза Погибели, отколовшаяся от Группы угроз, группы по интересам Homo Sapiens и группы Автоматика тесного контроля. В те дни трафик группы превышал совокупные показатели пяти остальных. В этой части Галактики значительная доля трафика *всех* сообщений относилась к новой группе. Анализ речи, воспроизведенной ртом бедолаги Эвна Нильсндота, насчитывал уже больше битов, чем весь оригинал. Но после вычета флеймов и

взаимоисключающих параграфов отношение сигнала к шуму в группе оказывалось прискорбно низким.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Аквилерон → трисквелин (диалект СК)

От: Университет Хурварк [как утверждается, расположенный на хабитате Университет Срединного Запределья]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели

Рассылка в/на: группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Где они сейчас?, группу по интересам Угроза Погибели

Дата: 7,06 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: Очевидно, что «Помощник» – это подделка. Мы внимательно изучили проблему. Хотя оратор себя не назвал, ясно, что он был высокопоставленным чиновником прежнего страумлианского режима. Но почему «Помощник»,

который способен использовать людей как дистанционно управляемых роботов, дал себе труд сохранить прежнюю общественную структуру? Ответ понятен даже идиотам: потому что у «Помощника» нет возможности дистанционно управлять крупными массами разумных существ. Очевидно, что Падение Страумлианского Простора заключалось всего-навсего в перехвате ключевых элементов управления цивилизацией. Остальная раса живет как ни в чем не бывало. Наш вывод: симбиоз Помощника – не более чем очередная мессианская религия, очередная сумасбродная империя, которая ищет оправданий своим крайностям и пытается одурачить тех, кого бессильна напрямую подчинить. Не ведитесь!

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Оптима → аквилерон → трисквелин (диалект СК)

От: Общество рациональных исследований [вероятно, одиночная система

Срединного Запределья, в 5700 световых годах против вращения Галактики от Сьяндры Кей]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели, отв. от Университета Хурварк

Ключевые фразы: [возм. непристойность] трата нашего драгоценного времени

Рассылка в/на: Общество рационального управления Сетью, Угроза Погибели

Дата: 7,91 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: И кто это у нас идиот? [возм. непристойность] [возм. непристойность] Идиотов, не удосужившихся прочесть все треды с новостями о развитии событий, прошу не засорять мои драгоценные уши своими [явная непристойность] отходами. Ты думаешь, что симбиоз Помощника – мошенничество обитателей Страумлианского Простора? А Маршрутизатор, по-твоему, кто уничтожил? На случай, если у тебя голова полностью погрузилась в [возм. непристойность] задницу: у Маршрутизатора был союзник среди Сил. Эта Сила погибла.

> Ты воображаешь, что она совершила самоубийство? Слышь ты, плоскоголовый [возм. непристойность]. Еще никому в Запределье не удавалось уничтожить Силу. Погибель – что-то новое и интересное. Думаю, вам, [непристойность] дурикам из Университета Хурварк, стоит сидеть у себя в зафлуженных группах и не соваться туда, где остальные ведут разумную дискуссию.

Некоторые сообщения содержали откровенную чушь. Сети это было свойственно: многократный автоматический перевод часто маскировал фундаментальную чужеродность участников. Обычные непринужденные постинги приходили издалека, оказываясь настолько затуманенными расстоянием и культурными различиями, что общение становилось невозможно, хотя это не сразу можно было понять. Например:

> Шифрование: 0
>
> Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций
>
> Путь перевода: Арбвит → торговый-24 → чергелен → трисквелин (диалект СК)
>
> От: Твирлип Туманный [вероятно, ор-

ганизация тучелетчиков одиночной системы с планетами юпитерианского типа. Раньше появлялся очень редко]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели

Ключевые фразы: Гексаподия как ключевая идея

Рассылка в/на: Угроза Погибели

Дата: 8,68 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: У меня не было возможности просмотреть знаменитый видеоролик со Страумлианского Простора, только прослушать. (Мой единственный гейт на Сеть очень дорог). Правда ли, что у людей шесть ног? По речи не было понятно. Если у людей три пары ног, то, полагаю, существует простое объяснение…

Гексаподия? Шесть ног? Три пары ног? Вероятно, ни один перевод даже отдаленно не передает мысли чудаковатого твирлипа, кто б то ни был. Дальше Равна читать не стала.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: трисквелин (диалект СК)

От: Хансе [до Падения Маршрутизатора неизвестен. Вероятный источник не установлен. Кто-то очень осторожничает]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели, отв. от Университета Хурварк

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны

Дата: 8,68 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: Университет Хурварк полагает, что Погибель – это подделка, ибо на Страуме, кажется, уцелели элементы прежнего режима. Возможно иное объяснение. Представим, что Погибель – действительно Сила и что заявления об эффективности симбиоза в целом верны. Это значит, что существо, получившее «Помощь», превращается, по сути, в удаленно контролируемое устройство, а его мозг – в процессор локального коммуникатора. Хотели бы вы получить такую

помощь? Мой вопрос не является в полной мере риторическим: читательская аудитория так обширна, что некоторые могут ответить «да». Однако большинство естественно эволюционировавших разумных существ такой перспективе не обрадуется. Конечно, Погибели об этом известно. Я полагаю, что подделана не Погибель, а впечатление, будто культура Страумлианского Простора сохранилась. Очевидно, Погибель хочет повернуть дело так, словно лишь некоторые порабощены, а культура в целом выжила. Сопоставим это с утверждением Погибели о том, что не все расы поддаются дистанционному управлению. Оставляя в стороне обещания немыслимых богатств расам, которые пойдут на сотрудничество с Силой, подразумеваем, что биологические и интеллектуальные императивы этих рас все же удовлетворяются.

Итак, вопрос остается неразрешенным. Насколько тесно контролирует Погибель порабощенные расы? Ответа я не знаю. Возможно, что в Погибельном Запределье вовсе не осталось существ, наделенных

сознанием, лишь миллиарды дистанционно управляемых устройств. Ясно одно: Погибель хочет от нас чего-то, что не может пока попросту заграбастать.

Ну и так далее. Десятки тысяч сообщений, сотни мнений. Сеть не просто так прозвали Сетью Миллиона Лжецов. Равна ежедневно обсуждала прочитанное с Зеленожкой и Синепанцирем, пытаясь свести все воедино и вычленить предпочтительную интерпретацию.

Наездники неплохо разбирались в людях, но смерти на лице Эвна Нильсндота не заметили. И Зеленожка достаточно хорошо разбиралась в людях, чтобы понять: Равну никакой ответ не устраивает. Зеленожка поездила туда-сюда перед окном Сети, наконец вытянула веточку и коснулась ею женщины.

— Наверное, сир Фам скажет, когда проснется.

Синепанцирь расшелестелся и стал близок к панике:

— Если это правда, значит Погибели все равно, знают или не знают люди и близкие к ним существа. В общем, это имеет смысл, но… — Мгновение он размышлял, жужжа вокодером. — Я не доверяю этому сообщению. Четыреста секунд широкополосной передачи, такой насыщенной, что

она производит полносенсорное впечатление на разные расы. Колоссальный объем информации без всякого сжатия… Возможно, это отравленная приманка, которую мы, несчастные запредельцы, теперь растащили по своим гнездовьям.

В новостях тоже мелькали подобные подозрения. Но сообщение не содержало очевидных внедренных структур и не обращалось напрямую к сетевой автоматике. Столь тонкий яд мог сработать на Вершине Запределья, но не так глубоко внизу. Оставалось простейшее объяснение, вполне пригодное даже на Нюйоре или Старой Земле: Погибель замаскировала под видео сигнал уже подготовленным агентам.

Проныра в народе древорезчиков был хорошо известен, но в основном не тем, чем он действительно занимался. Он родился почти столетие назад, когда Древорезчик выделил от себя в особую стаю двух стратегов. В первые десятилетия Проныра управлял городскими лесопилками. На этом посту он внес некоторые остроумные усовершенствования в конструкцию водяных колес. У Проныры были в биографии романтические связи — как правило, с политиками и ораторами. В ходе замены отдельных элементов он склонился к публичной деятельности. По-

следние тридцать лет он занимал видное место в Совете Древорезчицы, а последние десять — служил камергером. На обоих постах он отвечал за гвардию и безопасность торговли. Ходили слухи, что, если Древорезчица когда-нибудь решит отречься или всеумрет, следующим главой Совета станет именно Проныра. Многие полагали, что в такой ситуации это будет меньшим из зол, хотя цветастые речи Проныры отравили уже не одно заседание Совета.

Такова была публичная ипостась Проныры. Любой сколько-нибудь сведущий в вопросах безопасности догадывался, что камергер командует и шпионами Древорезчицы. Несомненно, у него полно информаторов на лесопилках и в порту. Но Грамотей понимал, что даже это — лишь прикрытие. Представить только: Проныра умудрился внедрить разведчиков во внутренний круг самого Шкуродера, разнюхал планы Шкуродера, его страхи и слабости, научился ими манипулировать! Проныра просто поражал Грамотея, с некоторой завистью отдающего должное его гению.

Тем не менее это знание не гарантирует победы. Не все планы Шкуродера спускаются сверху. Некоторые вражеские операции низкого уровня

осуществляют без отчетов, но вполне успешно. А для убийства Йоханны Ольсндот достанет и одной стрелы.

И тут Грамотей Джакерамафан мог проявить себя. Он попросил переселить его в замковую куртину, на третий этаж. Разрешение оказалось нетрудно получить: новое обиталище было теснее прежнего, обивка на стенах грубее. Из единственной бойницы открывался довольно унылый вид на замковый двор. Однако ж новым задачам Грамотея сии апартаменты отвечали как нельзя лучше. Следующие несколько дней он совершал долгие прогулки по замку. Главные крепостные стены были прорезаны сетью туннелей, пятнадцати дюймов в длину и тридцати в высоту, так что Грамотей мог попасть почти в любое место куртины, не обнаружив себя для внешнего наблюдателя. Он рыскал по туннелям цепочкой, за пару мгновений перебегая от зубца стены к амбразуре и снова к зубцу, высовывая морду то там, то сям.

Разумеется, там дежурила стража, но у Джакерамафана был допуск во внутреннюю часть замка. Кроме того, он изучил распорядок дня. Стражники знали, что Джакерамафан тут шляется, но понятия не имели зачем. Работа была тяжелая,

на холоде, но усилия оправдались. Больше всего в жизни Грамотей мечтал о подвигах и великих свершениях. Увы, идеи его были столь глубоки, что другим стаям — даже тем, кого Грамотей искренне уважал, — оказывались недоступны. С Йоханной та же проблема. Ну что ж, через несколько дней он предстанет перед Пронырой и тогда…

Шныряя по углам и выглядывая в бойницы, он всегда держал позади пару элементов, которые делали заметки. Десяти дней хватит, чтобы впечатлить самого Проныру.

Официальную резиденцию Проныры окружали комнаты помощников и посты охраны. Не лучшее место для тайных переговоров. И потом, Грамотей уже больно обжегся на попытке пролезть напролом. Можно дни напролет обивать пороги вышестоящих, и чем тщательнее следуешь всем бюрократическим правилам, чем покорнее себя ведешь, тем больше тебя презирают. Иногда, однако, Проныра оставался в одиночестве. На старой крепостной стене, выходящей в лес, есть башенка…

В конце одиннадцатого дня своей исследовательской миссии Грамотей угнездился всей стаей на этой башенке и стал ждать. Прошел час. Ветер

утих. Из гавани наползал тяжелый туман, тянулся вверх по стене, подобный морской пене. Стало очень и очень тихо, как всегда бывает в сильный туман. Грамотей от скуки изучал старую башенку: и вправду заброшенная. Известняк крошился под когтями. Казалось, что некоторые кирпичи ничего не стоит просто выковырять из стены. Проклятье, а вдруг Проныра изменил привычке и сегодня не придет?

Но Грамотей прождал еще полчаса, и терпение его было вознаграждено. Он услышал, как скрежещет сталь по спиральной лесенке. Мыслей не было слышно: чересчур сильный туман. Прошла минута. Потайная дверца распахнулась, наружу высунулась морда. Даже в тумане стало ясно, что Проныра неприятно изумлен: по яростному шипению.

— Мир вам, господин! Это всего лишь я, верный Джакерамафан.

Морда высунулась немного дальше.

— А что здесь поделывает верный подданный, э?

— О, я пришел увидеть вас, — со смехом отвечал Грамотей, — в потайном вашем кабинете. Но входите же, господин. В таком тумане места хватит нам обоим.

Проныра элемент за элементом разместился на площадке башенки, просунувшись через потайную дверцу. Некоторым это далось нелегко: ножи и драгоценности цеплялись за дверь, ибо Проныру нельзя было назвать поджарым. Начальник секретной службы рассредоточился вдоль дальнего парапета, поза его недвусмысленно выражала подозрительность. От напыщенной, покровительственной манеры, которую он демонстрировал на прежних приемах, и следа не осталось. Грамотей про себя ухмыльнулся: вот так и надо привлекать чужое внимание!

— Ну? — ровным тоном осведомился Проныра.

— Господин, прошу вас прибегнуть к моим услугам. Полагаю, само мое присутствие здесь демонстрирует, какую пользу могу я сослужить Древорезчице в деле укрепления ее безопасности. Кто, как не талантливый профессионал, способен разведать, что эту башню вы используете в качестве потайной берлоги?

Проныра вроде бы немного расслабился. Проявилась сухая усмешка.

— А и вправду — кто? Я прихожу сюда как раз потому, что эту часть старой стены не видно из других мест замка. Здесь я позволяю себе… отдохнуть от бюрократической рутины и пообщаться

с природой.

Джакерамафан кивнул:

— Я понимаю, господин, но кое в чем вы ошибаетесь. — Он указал мимо начальника секретной службы. — Вам не видно в таком тумане… На обращенной к гавани стороне замка есть место, откуда просматривается ваша башенка.

— И что? Кто бы мог… а, ты про те гляделки, что привез из Республики?

— Именно! — Грамотей полез в карман и торжественно извлек подзорную трубу. — Даже через двор я вас узнал.

Дальнозорки сделали Грамотея знаменитым. Древорезчицу и Щепетильника приборы просто очаровали. К сожалению, Грамотей был вынужден, как честная стая, признать, что он не изобрел их, а купил в Рангафире. И уже не важно, что это он первый распознал важность изобретения, не важно, что прибор помог ему вызволить Йоханну… Поняв, что он не вполне понимает принцип работы устройства, они приняли одну дальнозорку в дар и обратились к собственным стекольщикам. Ну и ладно. В этой части света никто не владеет дальнозорками искуснее Грамотея!

— Я следил не за вами в особенности, господин.

То была лишь малая часть моего исследования. За десять последних дней я провел много часов, прогуливаясь по замку.

Губы Проныры дернулись.

— И то верно.

— Осмелюсь утверждать, что не многие меня замечали, и я осторожничал, чтобы никто не увидел, как я пользуюсь дальнозоркой. В любом случае, — он вытащил из другого кармана записную книжку, — я сделал исчерпывающие записи. Я знаю, кто, куда и когда ходит почти весь световой день. А вы себе представьте, как эффективна окажется моя техника летом! — Он положил записную книжку наземь и толкнул ее Проныре. Тот, помедлив, отделил элемента и подтянул ее к себе. Особого энтузиазма Проныра не проявил.

— Пожалуйста, поймите меня правильно, господин. Я знаю, вы оповещаете Древорезчицу о том, что происходит в высшем совете шкуродерников. Без ваших информаторов мы бы не устояли перед ними, и…

– Кто тебе такое сказал?

Грамотей поперхнулся. «Смелее же!» Он изобразил осторожную усмешку.

— Никто. Я же профессионал, как и вы. Я умею хранить тайны. Но подумайте: в замке могут ока-

заться и другие подобные мне, и даже предатели. Вы, на вершине власти, можете и не подозревать о них. Подумайте, какой вред они способны причинить. Вам нужна моя помощь! По моему способу всех их можно выследить. Я с радостью обучу ему группу ваших сыщиков. Можно действовать и в городе, наблюдая с рыночных башен.

Начальник тайной службы поерзал у парапета, рассеянно царапая кирпичи отсыревших стен.

— Эта идея по-своему привлекательна. Чтоб ты знал: я полагаю, мы выявили всех агентов Шкуродера, мы им скармливаем дезинформацию… Забавно, когда твоя же ложь возвращается через агентов на той стороне. — Он коротко рассмеялся, глянул через парапет, поразмыслил. — Но ты прав. Если мы упустили агента, вхожего к Двуногой, с доступом к Даннику… это будет ужасно. — Он повернул к Грамотею еще несколько морд. — Хорошо, считай, что я тебя нанял. Могу выделить тебе четверых-пятерых, чтоб ты их, э-э, обучил своим методам.

Грамотей не сдержался и чуть не заплясал от радости, устремив на Проныру все глаза.

— Вы не пожалеете, господин!

Проныра пожал плечами:

— Вероятно, нет. А теперь вот что: кому еще

ты рассказал о своих прогулках? Их всех надо привести и взять клятву молчания.

Грамотей подтянулся:

— Господин мой, я же вам сказал: я профессионал! Все эти сведения я хранил в тайне, ожидая подобного разговора.

Проныра усмехнулся, поза его стала почти добродушной.

— Отлично. Начнем же.

Что-то — то ли слишком громкий голос Проныры, то ли слабый звук сзади — заставило Грамотея повернуть одну голову. Он увидел, как от парапета, выходящего на лес, к нему несутся быстрые тени. А потом, слишком поздно, услышал мысли врага.

Засвистели стрелы, глотку Фана обожгло огнем. Он захрипел, но собрался вместе, метнулся через площадку к Проныре:

— Помогите!

Грамотей понял, что мольба бессмысленна, даже прежде, чем Проныра вытащил ножи и отстранился. Так он и стоял, спокойный, пока его наемник прыгал Грамотею в середку стаи. В какофонии боли и мыслешума еще билась одна ясная мысль: *сказать Страннику! сказать Йоханне!* Резня продлилась сущие мгновения, а

потом… часть Грамотея утонула в чем-то красном и липком, часть же ослепла. Мысль Джакерамы разорвалась на фрагменты. Он потерял по крайней мере одного элемента: лужа крови вокруг обезглавленного Фана быстро увеличивалась. На холоде от нее шел пар.

Боль… холод… тону, задыхаюсь… сказать Йоханне… Убийца и его наниматель отошли подальше. *Проныра. Начальник тайной стражи. Главный предатель. Сказать Йоханне*. Они стояли неподвижно… смотрели, как он истекает кровью. *Чистюли. Не хотят пачкаться о меня мыслями.* Подождут. Дождутся, пока разум его погаснет, пока шум утихнет… потом довершат начатое.

Тихо, так тихо. Далекие мысли убийцы. Стоны, хрип. Никто не узнает…

Почти все его элементы уже умерли. Джа тупо смотрел на двух незнакомцев. Один подошел поближе. Стальные когти на лапах, ножи в зубах. *Нет!* Джа отскочил прочь, поскальзываясь и оступаясь на чем-то мокром. Стая ринулась на него, но Джа уже влез на парапет, отбросил тело назад. Он падал и падал… пока не разбился о камни далеко внизу.

Джа оттащил себя от стены. Спина страшно разболелась, потом онемела. *Где я? Где я?* Повсюду

туман. Высоко над ним что-то бубнили голоса. В маленьком мозгу смешивались образы ножей и когтей. *Сказать Йоханне!* Он вспомнил… что-то вспомнил… из прошлого. Тропинка, скрытая глубокими зарослями. Если проползти по ней достаточно далеко, там в конце будет Йоханна.

Джа медленно пополз по тропинке. С задними лапами что-то случилось: он их не чувствовал.

Сказать Йоханне.

Глава 19

Йоханна раскашлялась. Куда ни кинь, всюду клин. Уже три дня у нее першило в горле и закладывало нос. Она не знала, пугаться или нет. В средневековье болячку на каждом шагу подхватить можно было. «Ага, и многие от них умирали». Она вытерла сопли и попыталась сосредоточиться на словах Древорезчицы.

— Щепетильник уже приготовил немного пороху. Предсказания твоего Данника оправдались. К сожалению, он чуть элемента не лишился, пытаясь воспользоваться деревянной пушкой. Если пушки построить не удастся, то, боюсь…

Неделю назад Древорезчица не нашла бы тут ласкового приема; все предыдущие встречи их проходили в замке. Но потом Йоханна заболела («наверняка это всего лишь простуда»), и теперь у нее сил не хватало даже за дверь выползти. Кроме того, визит Грамотея ее в каком-то смысле… пристыдил. Среди стай попадаются и достойные существа. «Так уж и быть, — решила девочка, — попытаюсь ужиться с Древорезчицей… и Напыщенным Клоуном». Покуда твари вроде Шрамозадого будут обходить ее стороной…

Йоханна придвинулась к огню и взмахом руки отмела возражения Древорезчицы; порой эта стая так напоминала старшую из ее бабушек…

— Подразумевается, что мы их изготовим. У нас полно времени до лета. Скажи Щепетильнику, чтоб осторожнее работал с данником и не искал коротких дорог. Вопрос в том, как нам с этими пушками эвакуировать мой звездолет.

Древорезчица просияла. Даже слюнявый идиот прекратил тереться мордой о других и согласно покачал головой.

— Я об этом уже говорила со Стр… с некоторыми своими советниками, прежде всего с Пронырой. В обычных условиях прорваться на Тайный Остров — сложнейшая задача. Морем быстрее, но по пути есть несколько поистине смертоносных участков. Через лес медленнее, и там полным-полно дозоров врага. Но нам повезло: Проныра отыскал несколько безопасных проходов. Попытаемся проскочить…

Кто-то поскребся в дверь.

Древорезчица склонила пару голов на звук.

— Как странно, — сказала она.

— Почему? — отсутствующим тоном спросила Йоханна. Подоткнув куртку на плечах, она поднялась. Два элемента Древорезчицы сопровождали

ее к двери.

Йоханна открыла, выглянула во мглу. Внезапно Древорезчица громко заговорила, забулькала — всеми элементами. Пришедший отступил. Что-то в нем было странное, и девочка не сразу сообразила, что именно. Она впервые видела *одиночного* собакообразного. Едва эта мысль отложилась в сознании, как бóльшая часть Древорезчицы шмыгнула мимо нее за дверь. Затем сорвалась на крик служанка Йоханны, на чердаке. У Йоханны разболелись уши.

Одиночный Коготь неуклюже повернулся на задних лапах и пополз прочь, но Древорезчица уже его окружила. Она повелительно прикрикнула, и вопли с чердака прекратились, сменившись топотом лап по деревянной лесенке. Служанка высыпала на открытое пространство, взведя арбалеты. По склону холма к ним устремились, бряцая оружием, другие гвардейцы.

Йоханна подбежала к Древорезчице, готовая пустить в ход кулаки на защиту королевы. Но стая лизала незнакомца в шею, тыкалась в него мордами. Потом Древорезчица потянула Когтя за куртку:

— Йоханна, помоги мне затащить его внутрь, пожалуйста…

Девочка подцепила Когтя за бока. Шерсть промокла от дождя… и слиплась от крови.

Они пронесли его через дверной проем и уложили на подушку возле печи. Существо с присвистом дышало — признак нестерпимой боли. Подняло на Йоханну глаза, распахнутые так широко, что стали видны белки. Ей показалось, что существо перепугано, но стоило Йоханне отступить, как присвист стал громче и Коготь вытянул к девочке шею. Она опустилась на колени рядом с подушкой. Коготь положил морду ей на руку.

— Ч-что это т-так-кое? — Она осмотрела его тело ниже куртки. Ляжки Когтя вывернулись под странными углами, одна лапа безвольно свесилась к пламени.

— А разве ты?.. — начала было Древорезчица. — Это часть Джакерамафана. — Приподняв свесившуюся лапу мордой, королева умостила ее на подушке.

Гвардейцы и служанка Йоханны о чем-то громко переговорили. В двери показались элементы с зажженными факелами; водрузив передние лапы на плечи другим, они подняли факелы выше. Никто не пытался войти: места не хватило бы.

Йоханна оглянулась на изувеченного Когтя. Грамотей? Тут она узнала куртку. Существо не

сводило с нее глаз, похрипывая от боли.

— Ты что, врача вызвать не можешь?!

Древорезчица ответила отовсюду вокруг:

— Я и есть врач, Йоханна. — Крутанув мордой в сторону данника, добавила мягче: — По крайней мере, здесь я сойду за врача.

Йоханна вытирала кровь с шеи элемента, но кровотечение не прекращалось.

— Ну а спасти его ты можешь?

— Фрагмент — могла бы, но… — Один элемент Древорезчицы подошел к двери и о чем-то потолковал со стаями снаружи. — Мои гвардейцы ищут остальных… Йоханна, мне кажется, что он большей частью мертв. Если бы уцелели другие… ну, понимаешь, даже фрагменты держатся кучно.

— Он что-то говорил? — Другой голос, на самношке. Шрамозадый. В дверь просунулась здоровенная уродливая морда.

— Нет, — ответила Древорезчица, — и в мыслях у него полная неразбериха.

— Дайте я послушаю, — предложил Шрамозадый.

— Пошел отсюда, тварь! — сорвалась на крик Йоханна. Элемент, лежавший у нее на коленях, дернулся.

— Йоханна, это же друг Грамотея! Позволь ему

помочь.

Стая Шрамозадого протискивалась внутрь, пока Древорезчица взбиралась по лесенке на чердак, освобождая место.

Йоханна отняла руку от искалеченного Когтя и сместилась вбок, до самого дверного проема. Снаружи крутилось даже больше стай, чем она думала, и стояли они тесней, чем ей доводилось видеть прежде. В мглистой тьме факелы их напоминали флуоресцентные лампы.

Взгляд ее метнулся обратно к печной яме.

— Я за тобой слежу!

Элементы Шрамозадого собрались вокруг подушки. Самый крупный лег рядом с израненным Когтем. Тот продолжал порывисто хрипеть. Шрамозадый булькнул. Ответили ему мерным, почти благозвучным ворчанием. Древорезчица отпустила какую-то реплику с чердака. Они со Шрамозадым некоторое время переговаривались.

— И что? — спросила Йоханна.

— Джа — фрагмент — он… не «рассказчик», — ответила Древорезчица.

— Хуже того, — сказал Шрамозадый, — я и мыслезвуков его толком не разберу, по крайней мере сейчас. Я не улавливаю ни ощущений, ни

образов. Не могу сказать, кто убил Грамотея.

Йоханна вернулась в комнату и медленно подошла к подушке. Шрамозадый сместился в сторону, но искалеченного Когтя не оставил. Она опустилась на колени меж двух его элементов и потрепала синглета по длинной окровавленной шее.

— Джа… — она выговорила звук как можно точнее, — будет жить?

Шрамозадый провел по телу синглета тремя носами, мягкими нажатиями прощупывая раны. Джа дергался и свистел… но не при касаниях ляжек.

— Не знаю. Почти вся эта кровь — просто брызги, вероятно от остальных элементов. Но у него спина сломана. Даже если выживет, только две лапы останутся подвижными.

Йоханна мгновение размышляла над услышанным, пытаясь представить себе картину с точки зрения Когтей. Вывод ей не понравился.

Для нее все это бессмысленно, поскольку она видит в Джа Грамотея, пускай и потенциального. Шрамозадый воспринимает его как обычного синглета, орган, изъятый у свежего трупа. И к тому же поврежденный. Она поглядела на Шрамозадого — на самого крупного из них, убийцу.

— А как у вас заведено поступать с такими… отходами?

Три головы повернулись к ней, и она увидела, как вздыбилась шерсть. Голос, имитирующий речь компьютера, стал высоким и пронзительным, зачастил:

— Грамотей был мне добрым другом. Можно построить для Джа двухколесную тележку, на которой он будет таскать и, наверное, немного поворачивать задние лапы. Тяжелее подыскать ему стаю. Ты знаешь, что мы ищем остальных. Вдруг удастся кого-то собрать? Если же нет… ну что, я ведь только четверной, попробую его принять. — Говоря, он поглаживал израненного синглета одной мордой. — Не уверен, что получится. Грамотей не был достаточно бесшабашен, пилигрим из него никудышный. А такой, как есть, я вообще ему не подойду.

Йоханна откинулась на подушку. В конце концов, не сошлось же на Шрамозадом все зло во Вселенной.

— У Древорезчицы превосходные заводчики. Может, сумеют подобрать ему пару. Но ты пойми: взрослым элементам, особенно если они не рассказчики, тяжело реинтегрироваться. Синглеты вроде Джа часто умирают по собственной воле;

просто отказываются от еды. А порой… Ты сходи при случае в гавань, посмотри на рабочих. Ты увидишь там довольно крупные стаи… с разумами идиотов. Они не в состоянии держаться слитно; малейшая неприятность — и брызнут во все стороны. Так заканчиваются неудачные попытки перестайки… — Шрамозадый говорил поочередно двумя элементами, потом и вовсе замолчал. Все морды стаи повернулись к Джа. Тот сомкнул глаза. Спит? Он еще дышал, но с едва заметным бульканьем.

Йоханна глянула через комнату на люк, ведущий на чердак. Оттуда в дырку просунулась морда Древорезчицы. Перевернутая, она посмотрела на Йоханну. В другой ситуации девочка бы засмеялась.

— Если не случится чуда, Грамотея сегодня убили, пойми это, Йоханна. Но если фрагмент выживет, если проживет еще хоть немного, мы поймаем убийцу.

— А как, раз синглет не может общаться?

— Он покажет. Я приказала Проныре, чтоб запер всех по местам. Когда Джа успокоится, мы заставим каждую стаю замка перед ним пройти. Фрагмент явно помнит, что случилось с Грамотеем, и стремится нам рассказать. Если убийцы

среди нас, он их узнает.

— И поднимет вой.

Совсем как собака.

— Да. В общем, перво-наперво надо поместить его под охрану… и надеяться, что наши врачи его выходят.

Остальных элементов Грамотея нашли через пару часов, у парапета старой башни. Проныра высказал предположение, что пара стай вышла из лесу и взобралась на башню, наверное, подсмотреть, что творится в замке. По всем признакам разведчики были неопытные новички: оттуда и в ясную-то погоду ничего толком не увидишь. Но Грамотею фатально не повезло: надо полагать, он всполошил незваных гостей. Пятерых его элементов убили разными способами: застрелили, зарубили, обезглавили. Шестой — Джа — сломал позвоночник о выступ каменной стены, падая с башни. Йоханна прошлась туда на следующий день. Даже с земли на парапете были явственно различимы коричневатые потеки. Она порадовалась, что не в состоянии туда подняться.

Джа умер ночью, но не от поползновений врага: все это время он был у Проныры под охраной.

На следующие несколько дней Йоханна замкнулась в себе и молчала. По ночам немного плакала.

Будь проклята их тутошняя медицина! Перелом позвоночника им-то распознать несложно, а вот в скрытых травмах, внутренних кровотечениях эти звери ни бельмеса не смыслили. Справедливости ради, Древорезчица прославилась теорией, что сердце перекачивает кровь по всему телу. *Угу, проживет еще с тысячу лет — может, и станет из мясника врачом!*

Какое-то время она их всех ненавидела. Шрамозадого — за то же, что и прежде, Древорезчицу — за невежество, Проныру — за то, что подпустил шкуродерников вплотную к замку. И Йоханну Ольсндот — за то, что прогнала Грамотея, когда тот попытался с нею подружиться.

А что бы сейчас сказал Грамотей? Он хотел, чтоб она им доверяла. Он говорил, что Шрамозадый и остальные не так уж и плохи. Однажды ночью, где-то через неделю после его смерти, она наконец более или менее примирилась с собой. Она лежала на подстилке, укутавшись тяжелой теплой одеждой. В янтарном свете печи мерцали настенные узоры. *Ладно, Грамотей, твоя взяла. В память о тебе… я им доверюсь.*

Глава 20

В памяти Фама Нювена почти ничего не удержалось от первых дней после смерти, после того, как боль от гибели Старика истаяла. Призрачные силуэты, безадресные слова. Кто-то сказал, что его выходили в корабельном автохирурге. Он ничего этого не запомнил. Зачем они принуждали тело дышать? Загадка. Хамство какое-то. Наконец животные рефлексы восстановились, тело задышало само. Глаза распахнулись. Зеленожка (Зеленожка?) сообщила, что мозг не пострадал и восстановление полное. Пустая оболочка, некогда бывшая живым существом, возражать не стала.

То, что осталось от Фама Нювена, проводило много времени на капитанском мостике «Внеполосного-II». Отсюда корабль походил на толстую мокрицу. Такие в изобилии водились в соломе, устилавшей полы Большого зала в отцовском замке на Канберре. Малыши любили с ними играть. У жучков не было настоящих ног, вместо них — дюжина перистых шипов, торчащих из хитиновой грудины. Как ты его ни верти, шипы-антенны направляли жучка на верный путь, и существо продолжало ползти к цели, не ведая,

что его перевернули. Шипы ультрадвигателей «Внеполосного-II», хотя и не так резко очерченные, тоже напоминали шипы тех мокриц. Корпус корабля был утолщенный, скользкий, немного суженный посередине.

Значит, Фам Нювен очутился внутри мокрицы. Вполне подходящее местечко для мертвяка.

Он сидел на мостике. Женщина частенько приводила его сюда; она, казалось, понимала, как его восхищает панорама. Вместо стен были экраны, лучше любых дисплеев в его торговой карьере. Когда окошки переключались на картинку с забортных камер корабля, качеством та не уступала виду с мостиков кораблей флота Чжэн Хэ, накрытых прозрачными кристаллическими куполами.

Картинка напоминала примитивную фантастику или графический симулятор. Просидев тут достаточно долго, он замечал, как звезды в небе перемещаются. Корабль выдавал примерно десять гиперскачков в секунду: прыжок, перерасчет координат, снова прыжок. В этой области Запределья за каждый прыжок можно было переместиться на тысячную светового года — но при этом время перерасчета существенно возросло бы. На скорости же десяти скачков за секунду они делали тридцать световых лет в час. Прыжок че-

ловеческими органами чувств не воспринимался, а между скачками они пребывали в невесомости, сохраняя ту же собственную скорость, с какой оторвались от Маршрутизатора. Поэтому доплеровского сдвига, характерного для полетов на релятивистских скоростях, не возникало: звезды выглядели такими же чистыми и яркими, как ночью в пустыне или при космическом полете с низкой скоростью. Они неторопливо скользили в небесах, чем ближе, тем быстрее. За последние полчаса он преодолел большее расстояние, чем за полвека с Чжэн Хэ.

Однажды на мостике появилась Зеленожка и стала менять окна. Как обычно, она обратилась к Фаму, весело шелестя, словно тут было с кем говорить:

— Вот видишь? В центральном окошке ультраволновая карта области, которая находится как раз позади. — Зеленожка провела веточкой над панелью управления, многоцветные картинки заполонили стены. — И так для остальных пяти направлений пространства.

Слова отдавались бессвязным шумом в ушах Фама. Он понимал их, но интереса не испытывал. Наездница помолчала, потом продолжила со странной настойчивостью. Так же упрямо

пыталась к нему пробиться женщина, которую звали Равной.

— Когда корабли уходят в прыжок… когда они снова появляются в нормальном пространстве, следует нечто вроде ультраволнового всплеска. Я проверяю, нет ли за нами хвоста.

Все окна, даже то, что было у Фама прямо под носом, расцветились. Переливы цвета были мягкими: без ярких пятен или линейных текстур.

— Понимаю, понимаю, — сказала она, отвечая за безмолвного собеседника. — Корабельные анализаторы все еще пережевывают данные. Но если кто-нибудь следует за нами на расстоянии ближе ста световых лет, мы его заметим. А если дальше… то, скорее всего, они не смогут заметить нас.

Все это не имело значения. Фам был не прочь выкинуть проблему из головы, но звезд, на которые можно было глазеть, не осталось. Поэтому он смотрел на сияющие переливы цветов и волей-неволей размышлял о происходящем. *Размышлял.* Шутка юмора: так глубоко внизу никто особо ни о чем не думает. При Падении Маршрутизатора спаслись примерно десять тысяч звездолетов. Скорее всего, Враг не в курсе, какие именно. Атака на Маршрутизатор — лишь незначительный отголосок убийства Старика.

Скорее всего, «Внеполосный-II» тоже улетел незамеченным. За каким, спрашивается, хреном Врагу сдались последние припрятанные Стариком воспоминания? Зачем этой твари охотиться за их суденышком?

Тело его сотрясла дрожь. Бесспорный животный рефлекс.

Равна Бергсндот постепенно начинала паниковать, и с каждым днем тревога только усиливалась. Для этого не было конкретных поводов: просто надежда постепенно угасала. Она старалась почаще бывать рядом с Фамом Нювеном, ежедневно говорить с ним, брать его за руку. Он ни разу не ответил, не удостоил ее даже взглядом, если не считать случайных. Зеленожка тоже пробовала его расшевелить. Она, конечно, инопланетянка, но прежнего Фама неподдельно заинтересовали наездники. В медицинском уходе он больше не нуждался, но существование вел растительное.

И все это время их нисхождение ко Дну замедлялось, и неизменно — в немного большей степени, чем предсказывал Синепанцирь.

А потом Равна решила почитать новости. Пожалуй, они-то и напугали ее больше всего. Теория «смертоносной расы» набирала популярность.

Чем дальше, тем больше пользователей считали человечество разносчиком Погибели.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Белорешк → трисквелин (диалект СК)

От: Альянс во Имя Защиты [как утверждается, этим термином обозначают себя пять сотрудничающих поливидовых империй в областях Запределья, лежащих ниже Страумлианского Простора. До Падения Простора сведений о них не было]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 17,95 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: К настоящему моменту мы обработали более полумиллиона сообщений, касающихся видео от этого существа, и большую часть из них прочли. Многие из вас упускают суть

проблемы. Суть операции «Помощник» недвусмысленна. Трансцендентная Сила использует ультрасветовую связь для контроля над определенной расой Запределья. В Трансценденции это тривиальная задача – примеры порабощения Силами известны. Но придать такому методу требуемую эффективность в Запределье возможно, только произведя поистине фундаментальные модификации интеллекта контролируемой расы. Естественным путем они сформироваться не могли, и с новыми расами такое трудно проделать в сжатые сроки, что бы там ни вякала Погибель.

Мы наблюдали за группой по интересам Homo Sapiens с тех пор, как Погибель впервые дала о себе знать. Где находится эта «Земля», с которой люди якобы происходят? «На полпути вокруг Галактики», – отвечают они, и притом глубоко в Медленной Зоне. Даже их приблизительный источник, Нюйора, по удачному стечению обстоятельств погружен в Медленную Зону. Мы выдвигаем альтернативную теорию. Некогда – возможно,

раньше, чем возникли самые старые связные архивы, произошла битва Сил. Тогда был разработан шаблон этой «человеческой расы», снабженный всеми необходимыми коммуникационными интерфейсами. Гораздо позже, когда участники исходной распри уже вымерли, да и сами слухи о них заглохли, эта раса оказалась в удобном месте для перехода в Трансценденцию. И переход этот также был запланирован их создателем, чтобы воскресить ту Силу, которая и взвела этот капкан.

Детали остаются неясными, но в рамках такого сценария исход был неотвратим. Ясно и то, как следует реагировать. Страумлианский Простор ныне полностью охвачен Погибелью и, вероятно, недосягаем для атаки. Но существуют и другие человеческие колонии. Мы просим Сеть о помощи в их идентификации. Сами мы – не очень крупная цивилизация, но были бы признательны за координацию усилий и военные действия, настоятельно необходимые, чтобы пресечь распространение Погибели по Срединному

Запределью.

Уже почти семнадцать недель мы призываем к действиям. Прислушайся вы к нам с самого начала, совместного удара по Страумлианскому Простору, возможно, и хватило бы. Неужели даже Падение Маршрутизатора вас не расшевелит? Друзья, только согласованные действия дают нам шанс.

Истребим паразитов!

Ублюдки даже обыграли статус «найденышей», который закрепился за человечеством. Расы-найденыши встречаются редко, но их нельзя счесть вовсе неизвестными. А теперь эти поборники «истребления паразитов» выдают Нюйорское чудо за источник смертельной угрозы.

Те, кто жаждал «истребления паразитов», пока что единственные в открытую призывали к погромам. Но и в постах уважаемых пользователей порой проскакивала неявная поддержка их призывов:

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: трисквелин (диалект

СК)

От: Сандорская арбитражная разведка, Зоо [известная военная корпорация с Вершины Запределья. Если это подставное лицо, кому-то явно угрожает опасность]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели, субтред Хансе

Ключевые фразы: пределы распространения Погибели; Погибель что-то ищет

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны

Дата: 11,94 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: Погибель признает себя Силой, осуществляющей удаленное управление разумными существами Запределья. Подумайте, однако, каких трудов ей должно это стоить: проблемы согласования автоматики начинаются уже при временных задержках более нескольких миллисекунд. Известная Сеть прекрасно иллюстрирует этот эффект: задержки варьируют от пяти миллисекунд для систем, разделенных парой световых лет, до (по меньшей мере) со-

тен секунд, когда сообщения приходится ретранслировать через промежуточные узлы. Учитывая также, как сужена полоса пропускания на межзвездных расстояниях, неудивительно, что Известная Сеть превратилась в немодерируемый форум обмена истинной и ложной информацией. Эти ограничения – неотъемлемая часть природы Погибели. Они же отчасти препятствуют существованию Сил здесь, внизу.

Мы приходим к выводу, что даже Погибели не по силам непрерывный контроль где бы то ни было, кроме Вершины Запределья. На Вершине разумные существа – агенты Погибели выступают в буквальном смысле ее конечностями. В Срединном же Запределье умственная «одержимость» возможна, но требует предварительной подготовки намеченного к захвату разума. Более того, связь приходится поддерживать через внешнюю аппаратуру существенных размеров (на таких глубинах она просто не может быть не громоздкой). Непосредственный контроль с миллисекундными задерж-

ками в Срединном Запределье попросту невозможен. Сражение на этом уровне требует иерархизации. В долгосрочных операциях необходимо использовать также шантаж, подкуп и предательство.

Вы в Срединном и Нижнем Запределье должны осознавать степень этих угроз.

Таковы орудия, какими располагает Погибель в Срединном и Придонном Запределье, и от них вам в ближайшем будущем придется защищаться. Мы не предвидим территориальных захватов имперского толка; это невыгодно [с т. зр. дальнейшего удержания]. Даже разрушение Маршрутизатора, вероятно, явилось лишь побочным эффектом убийства, одновременно осуществленного в Трансценденции. На Вершине и в Нижней Трансценденции продолжатся великие трагедии. Мы знаем, однако, что Погибель рыщет в поисках чего-то; она уже атаковала со значительных расстояний крупные архивы. Берегитесь шпионов и предателей.

Даже от сообщений ситуативных сторонников человечества Равну бросало в холодный пот.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: трисквелин (диалект СК)

От: Хансе

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели, субтред Альянса во Имя Защиты

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 18,29 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: Я получил образцы с человеческих миров в нашей сфере влияния. В архиве группы по интересам Homo Sapiens выложена детальная сводка результатов анализа. Мои выводы таковы: предшествующий (менее подробный) анализ физиологии и психологии людей был в целом точен. Эта раса лишена встроенных структур для поддержки удаленного управления. Эксперименты на живых особях не продемонстрировали заметной склонности к подчинению. Я не

обнаружил существенных признаков искусственной генетической оптимизации. (Имеются свидетельства ДНК-хирургии, проведенной в целях повышения иммунитета; показатели генетического дрейфа позволяют отнести это вмешательство на две тысячи лет в прошлое. Кровь образцов со Страумлианского Простора содержала оптигены Тиро [дешевый медицинский набор, который легко приспособить ко многим видам млекопитающих].) Эта раса, по крайней мере в пределах нашей выборки, производит впечатление совсем недавних выходцев из Медленной Зоны, притом, вероятно, с единственного исходного мира. Кто-нибудь проводил схожие тесты на более далеких человеческих мирах?

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Белорешк → трисквелин (диалект СК)

От: Альянс во Имя Защиты [как утверждается, этим термином обозначают себя

пять сотрудничающих поливидовых империй областей Запределья, лежащих ниже Страумлианского Простора. До Падения Простора сведений о них не было]

Тема: Тред с обсуждением видео от Погибели, отв. Хансе

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 19,43 дня после Падения Маршрутизатора

Текст сообщения: Кто такой этот «Хансе»? Он позволяет себе далеко идущие безапелляционные заявления на основании якобы проведенного анализа человеческих образцов. Не обманывайтесь тем, что люди сами о себе балаболят! Возможности протестировать обитателей Страумлианского Простора у нас нет; их защитничку это должно быть ясно.

Истребим паразитов!

И оставался еще маленький мальчик, угодивший в ловушку на дне колодца. Выпадали дни, когда связи с ним вообще не было. В другие, когда антенный рой «Внеполосного-II» нацеливался

точно в нужную сторону, а причуды зонной погоды это позволяли, корабль мальчишки удавалось прослушать. И даже тогда сигнал был так слаб, так искажен, что фактическая скорость передачи не превышала нескольких бит в секунду.

Джефри со своими проблемами мог оказаться незначительной сноской в хронике Погибели (а может, и того бы не удостоился: о нем ведь никто не знал), но для Равны Бергсндот эта переписка стала единственной отдушиной в тогдашней жизни.

Мальчик был очень одинок, но Равна надеялась, что сейчас ему полегчало. Она узнала о его друге Амди, о вспыльчивой Тиратект и отважном Стальном Владыке, о гордых Когтях. Равна улыбнулась себе и про себя. Стены ее каюты отображали двумерную фреску: джунгли, глубоко во влажной мгле проступают очертания замка, возведенного меж корней исполинского мангрового дерева. Фреска была знаменитая, оригинал — аналоговый, созданный три тысячи лет назад. Сюжет картины отражал события еще более далекого прошлого — темных веков Нюйоры. Они с Линн бóльшую часть детства провели, воображая себя в ту эпоху. А малыш Джефри угодил туда на самом деле. Мясники Древорезчицы не представляли

собой угрозы космического масштаба, но своим соседям внушали смертельный ужас. Благодарение небесам, самой резни Джефри не увидел.

Настоящее средневековье. Жестокое и беспощадное, пускай даже Джефри приютили довольно добрые существа. Нюйорский пример — лишь отдаленная аналогия. У Когтей стайный разум; даже старого Грондра ‘Калира это поразило.

И за всеми посланиями Джефри Равна чувствовала обуревавшую подданных Стального панику.

> Стальной Владыка снова меня спрашивал, нельзя ли хоть чуточку полетать на нашем корабле. Я не знаю. Думаю, там почти все поломалось. Нам нужны пушки. Они бы нас спасли, ну пока ты не доберешься. У этих тут луки и стрелы, совсем как на старой Нюйоре, но пушек нету. Он меня спрашивает, ты нас научишь делать пушки?

Орды Древорезчицы вернутся и на сей раз ударят по крохотному королевству Стального в полную силу. Раньше получалось, что «Внеполосный-II» прибудет туда за тридцать-сорок дней, и особого риска тут не было. Но теперь.. Что, если

Равна прилетит на пепелище, оставленное Древорезчицей?

«Ох, Фам, милый Фам. Если ты существовал в реальности, вернись ко мне, пожалуйста». Фам Нювен со средневековой Канберры. Фам Нювен, торговец из Медленной Зоны… «Как бы ты поступил в этой ситуации?» Гм…

Глава 21

Равна понимала, что под броней показного спокойствия Синепанцирь волнуется не меньше ее. Хуже того, впадает в педантизм. В другой раз, когда Равна справилась у него, как дела, растение ударилось в технические подробности.

Наконец Равна перебила:

— Слушай, этот пацан там сидит на чем-то, потенциально способном запулить Погибель на ту сторону небес, а у него под рукой только луки и стрелы. Сколько нам еще туда лететь, Синепанцирь?

Синепанцирь нервно покатался взад-вперед по потолку. У наездников в тележки встроены реактивные двигатели, потому с невесомостью они бы управлялись лучше большинства людей. Но предпочитали обходиться выдвижными присосками и кататься по стенам. Своего рода прикол. Сейчас это откровенно бесило. Но по крайней мере, есть с кем поговорить. Равна оглянулась через мостик туда, где сидел, бесстрастно глядя на главный экран, Фам Нювен. Как обычно, внимание его всецело занимали медленно ползущие по дисплею звезды. Он весь зарос, рыжая борода

ярким пятном выделялась на лице, а длинные нечесаные волосы сбились в колтуны. Физически он оправился от ран. Автохирург даже возместил мышечную массу, прежде отгрызенную устройствами связи Старика. Фам теперь мог сам одеваться и питаться, но все еще не покидал личного мира иллюзий.

Двое наездников пощебетали о чем-то, и наконец ответила Зеленожка:

— Если честно, мы не знаем сколько. Запределье меняется по мере спуска. Каждый скачок длится немного дольше предыдущего.

— Я знаю. Мы же к Медленной Зоне приближаемся. Но корабль на это и рассчитан; экстраполяция замедления должна быть легкой задачей.

Синепанцирь опустил веточку от потолка до пола. Секунду пообщался с подругой (листва обоих растений заколыхалась), после чего вокодер наездника испустил смущенный человеческий вздох.

— Да, в обычных условиях, миледи Равна. Но сейчас ситуация особенная… С одной стороны, кажется, что сами Зоны волнуются.

– *Что?*

— В этом нет ничего странного. Небольшие сдвиги происходят постоянно. Придонные люгге-

ры как раз и предназначены для отслеживания перемен. Нам не повезло угодить прямо в центр нестабильной области.

Равна, в общем-то, знала, что внизу, у Дна, поверхность Зоны турбулентна. Она просто не думала об этом в грандиозных терминах вроде «зонного сдвига», а еще — не понимала, насколько серьезна для них такая неустойчивость.

— Хорошо, а насколько там все скверно? Насколько мы замедлимся?

— Ох-ох. — Синепанцирь переместился к дальней стене: теперь тележка попирала колесами звезды. — Хотел бы я стать меньшетележечным наездником. Сколь многие проблемы доставляет мне высокое призвание. Хотел бы я сейчас оказаться на берегу, в прибое, на волнах старых воспоминаний.

О прежних прибоях.

Зеленожка заговорила вместо него:

— Это не *прилив*, нельзя спрашивать, как высоко он доберется. Это *шторм*, и правильнее спрашивать: каково нам придется в такую бурю? В данный момент условия навигации здесь худшие за тысячу лет. Впрочем, мы отслеживали местные новости, и большинство комментаторов сходятся во мнении, что пик шторма уже

миновал. Если иных проблем с продвижением не возникнет, мы прибудем к цели через сто двадцать дней или около того.

Иных проблем. Равна устремилась к центру мостика и пристегнулась к своему насесту.

— Ты про те повреждения, которые мы понесли, улепетывая с Маршрутизатора? Про шипы ультрадвигателей, да? Как они там?

— Вроде бы неплохо. Мы не пытались разгонять их на полную: держались ниже восьмидесяти процентов расчетного максимума. С другой стороны, хороших средств диагностики у нас нет. Возможно, серьезная проблема разовьется внезапно для нас.

— Это возможно, но отнюдь не обязательно, — настаивала Зеленожка.

Равна кивнула. С учетом остальных трудностей не было смысла жаловаться на то, что от тебя не зависит. На Маршрутизаторе казалось, что перелет займет от силы тридцать или сорок дней. Теперь же… мальчишке на дне колодца придется набраться мужества надолго, как бы ей ни хотелось иного. Гм. «Пора переходить к запасному плану. Пора бы высказаться кому-нибудь вроде Фама Нювена». Она оттолкнулась от пола и устроилась рядом с Зеленожкой.

— Ладно, получается, что при наилучших раскладах у нас уйдет сто двадцать дней. Если же зонный сдвиг усилится или нам придется остановиться на ремонт… — «На ремонт? Где?» Это еще больше задержит, но такая возможность оставалась. «Внеполосный-II» проектировался с расчетом на ремонты даже у Дна Запределья. — Ну, пускай сто двадцать. — Она покосилась на Синепанциря, но тот воздержался от обычных уточнений и замечаний. — Вы оба читали сообщения от мальчика. Он пишет, что его союзников могут одолеть, возможно, даже скорее, чем за сто дней. Мы должны ему как-то помочь… *прежде*, чем прибудем туда сами.

Зеленожка зашелестела веточками — Равна сочла, что растение обескуражено.

Она оглянулась через мостик на Фама — «*Эй, ты же собаку на этом съел!*» — чуть повысила голос.

— Вы, наездники, можете и не осознавать проблемы, но в Медленной Зоне цивилизации, разделенные годами — столетиями — полета, с ней сталкивались уже миллион раз. Они переживали темные века. Скатывались до уровня столь же примитивного, как у этих стай, Когтей. Потом из внешнего мира к ним кто-нибудь прилетал и

в краткие сроки восстанавливал технологию.

Фам не обернулся; он сидел, уставясь на звезды.

Наездники пошелестели, потом ответили:

— Но как это нам поможет? Разве восстановление цивилизации не отнимает десятки лет? И потом, в мире Когтей нечего восстанавливать. Если верить этому ребенку, эта раса не имеет предшественников. Сколько времени у них уйдет, чтобы построить цивилизацию?

Равна взмахом руки отмела возражения. «Вам меня не остановить, я оседлала волну».

— Это сейчас не так уж важно. Мы с ними на связи, у нас на борту отличная библиотека по общим вопросам. Первооткрыватели действовали вслепую, не зная, куда идут. Даже археоинженеры Нюйоры многое поневоле изобретали заново. Но мы все знаем про аэропланы и тому подобное; у нас сотни вариантов, как добиться успеха. — Поставленная перед необходимостью, Равна внезапно уверилась, что успех придет. — Мы можем изучить все пути развития, отсечь тупиковые ветки. Более того, можем отыскать кратчайший путь из средневековья к определенным технологиям, которые помогут друзьям Джефри отразить натиск любых варваров.

Равна выдохлась и замолчала, с улыбкой глядя на наездников: сперва на Зеленожку, потом на Синепанциря. Но молчаливый наездник — один из самых неблагодарных слушателей во Вселенной. Трудно было понять, смотрят ли они вообще на Равну. После паузы Зеленожка сказала:

— Да, я понимаю. И раз в Медленной Зоне повторные изобретения так часты, бóльшая часть нужной информации уже в корабельной библиотеке.

И тут это случилось: Фам отвернулся от окна. Поглядел через палубу на Равну с наездниками. Он заговорил — в первый раз после бегства с Маршрутизатора. Более того, слова имели смысл, но Равна не сразу его уловила.

— Пушки и радиосвязь, — сказал он.

— А? А, да. — Она уставилась на него. Надо еще что-нибудь из него выжать. — А почему именно это?

Фам Нювен пожал плечами:

— На Канберре сработало.

Но тут влез проклятый Синепанцирь, провякав что-то насчет поиска по библиотеке. Фам мгновение глядел на них без всякого выражения. Потом отвернулся к звездам, и мгновение утекло впустую.

Глава 22

— Фам? — раздался позади, совсем близко, голос Равны.

Наездники уехали выполнять поручения — сколь бы бессмысленны они ни были, — полученные по итогам беседы, а она осталась на мостике. Мужчина не ответил. Мгновением позже она подплыла к нему и закрыла собой звезды. Он сфокусировал взгляд на ее лице — почти рефлекторная реакция.

— Спасибо, что поговорил с нами… Ты нам нужен больше, чем когда бы то ни было.

Он все еще мог видеть звезды. Вокруг силуэта девушки их осталось предостаточно, и они медленно смещались. Равна склонила голову — это означало дружескую озадаченность.

— Мы можем тебе помочь…

Он молчал. Кто говорил сейчас его устами?

— Нельзя помочь мертвецу, — сказал он, не без удивления услышав собственный голос. Речь, наверное, так же рефлекторна, как фокусировка глаза.

— Ты не мертв. Ты так же жив, как и мы.

Слова хлынули из него бурным потоком; он не

бывал так разговорчив за все дни после побега с Маршрутизатора.

— И то правда. Иллюзия самосознания. Счастливы те автоматы, кто работает по тривиальным программам. Готов побиться об заклад, ты никогда не догадалась бы. Откуда тебе знать — изнутри? А снаружи, с точки зрения Старика… — Он отвел взгляд, потому что в глазах задвоилось.

Равна подплывала все ближе, пока ее лицо не оказалось в считаных сантиметрах от его собственного. И парила в невесомости, лишь одной ногой касаясь пола.

— Милый Фам, ты ошибаешься. Ты бывал на Дне, поднялся на Вершину, но не Посередине… Иллюзия самосознания? Обычный постулат любой практически применимой запредельской философии. У него есть как приятные, так и ужасающие следствия. Тебе ведомы лишь жуткие. Подумай, однако, что этой иллюзии в равной мере подвластны Силы.

— Нет. Он способен создавать устройства. Вроде нас с тобой.

— Смерть — это вопрос выбора, Фам.

Она потянулась провести рукой по его плечу и запястью. Перспектива, как обычно при нулевой гравитации, сместилась: низ, казалось,

ушел вбок, и он уже смотрел на нее снизу вверх. Вдруг он понял, что борода у него клочковатая, а длинные косматые волосы плавают вокруг лица. Посмотрел на Равну снова, припоминая все, что думал о ней. На Маршрутизаторе она показалась ему умной девчонкой; может, и глупее его самого, но не хуже большинства конкурентов из Чжэн Хэ. Но случались иные мысли: когда Старик смотрел на нее его глазами. Как обычно, *его* воспоминания ошеломляли: по облику одной этой женщины *он* сделал больше выводов, чем Фам — за всю свою прошлую и нынешнюю жизнь. Как обычно, *его* воспоминания были малопонятны. Даже *его* эмоции трудно было интерпретировать. Однако… о Равне *он* думал, как мог бы думать… о любимой собачке. Старик видел ее насквозь: Равной Бергсндот очень непросто манипулировать. Его удивляло/восхищало это качество. Впрочем, за всеми перепалками и возражениями *он* видел… подойдет ли человеческое слово *доброта*? Старик желал ей добра. В самом конце *он* даже попытался помочь.

Какая-то догадка пролетела сквозь него, но он не успел ее осмыслить. Равна тем временем заговорила снова:

— То, что с тобой случилось, само по себе ужас-

но, Фам, но и с другими такое происходило. Я читала. Силы тоже не бессмертны. Иногда они сражаются между собой, и бывают жертвы. Иногда они совершают самоубийства. Была такая звездная система, ее прозвали Удел Богов. Миллион лет назад она располагалась в Трансценденции. Ее посетила группа Сил. Случился зонный сдвиг. Внезапно система погрузилась в Переход на двадцать световых лет. Крупнейший сдвиг поверхности Зоны за всю историю. У Сил в Уделе Богов не было ни единого шанса. Все они погибли. Некоторые превратились в груды ржавых обломков, кучи гнили… другие деградировали до уровня обычных людей.

— С этими-то что случилось?

Она, поколебавшись, вложила меж его ладоней свою:

— Сам увидишь. Но такое бывает, ты пойми. Для жертв — конец света. С нашей же точки зрения, человеческой… В общем, Фам Нювен — человек может считать себя счастливчиком. Зеленожка говорит, что отказ биомашинерии Старика не привел к устойчивому поражению органических тканей. Может, оно и есть, но довольно слабое. Вероятно, остатки этих имплантов просто растворятся со временем.

Фам почувствовал, как у него из глаз текут слезы. И понял, что тоскует отчасти по *его* кончине.

— Слабое поражение! — Он покачал головой, слезы сорвались с век и поплыли в воздухе. — У меня в голове теснится *он*, кишат *его* воспоминания.

Воспоминания? Они заслоняли собой все прочее, но он не мог понять их. Деталей вообще не различал. Даже эмоций не постигал, если не прибегать к выхолощенным аналогам — радость, смех, удивление, страх, холодная, стальная решимость. Он потерялся средь этих воспоминаний, блуждал меж них, как идиот в соборе. Ничего не понимая, делал приседания перед иконами.

Равна повернулась вокруг него, не расплетая ладоней. На миг Фам и девушка нежно соприкоснулись коленями.

— Ты все еще человек, у тебя есть собственная…

Голос ее оборвался под его взглядом.

— Собственная память? — Осколки, неразборчивая мешанина: он сам в пятилетнем возрасте, сидит на соломе на полу Большого зала, вскидываясь, когда проходят взрослые: отпрыскам благородной крови не пристало возиться в грязи. Десять лет спустя: впервые в постели с Синди.

Годом позже: первая в жизни летающая машина, орбитальный паром, который опустился на плацу рядом с отцовским замком. Десятки лет в космосе. — О да, Чжэн Хэ. Фам Нювен, великий торговец Медленной Зоны. Все воспоминания здесь. И насколько я знаю, все они — выдумка Старика, деза для сотрудников Маршрутизатора.

Равна закусила губу, но ничего не сказала. Слишком честна, чтобы солгать. Даже теперь.

Он потянулся убрать локон с ее лица:

— Помню, ты тоже так говорила, Рав. Не надо стесняться: я бы в любом случае что-то такое заподозрил.

— Ага, — тихо отозвалась она и посмотрела ему прямо в глаза. — Но ты вот что знай. Как человек человеку тебе говорю: ты теперь человек. Чжэн Хэ действительно могла существовать, и ты можешь оказаться тем, кем себя помнишь. Каким бы ни было твое прошлое, будущее может превзойти его величием.

Призрачное эхо, скорее воспоминание, чем мысль, прокатилось в голове. На миг он словно бы поумнел и увидел ее по-новому. «Она же любит тебя, идиот!» Что-то похожее на смех. Дружеский смех.

Он крепко ее обнял и прижал к себе. Такая на-

стоящая. Почувствовал, как ее нога просунулась между его. Засмеялся. Безусловный рефлекс, как при прямом массаже сердца, мозг возвращается к жизни. Глупо, тривиально… но…

— Я… я хочу обратно. — Он всхлипывал, но продолжал выталкивать из себя слова. — Во мне так много всего непонятного. Я потерялся в собственной голове.

Она не ответила, вероятно, не понимая, о чем он. На миг пропало все, кроме ощущения ее тела в его объятиях. «О да, я так хочу обратно…»

Равна еще никогда не занималась *этим* на мостике звездолета. Впрочем, у нее и своего звездолета никогда не было. Корабль не зря числится придонным люггером. Фам, увлекшись, выскользнул из ремней, и обоих закрутило в невесомости. Они натыкались на стены и сброшенную одежду, проплывали через облачка собственных слез. Спустя много минут головы их оказались всего в сантиметрах от пола, а тела — выгнуты к потолку. Она едва осознавала, что штаны ее реют, как знамя, зацепившись за лодыжку. Секс в невесомости мало походил на тот, что рисуют в романах. Опереться не на что, и потом… Фам отклонился от нее, ослабил объятия. Взъерошив его рыжие волосы, она заглянула в налитые кровью глаза.

— Знаешь, — вымолвил он дрожащим голосом, — я и не догадывался, что могу так орать, чтоб челюсти свело.

Она улыбнулась:

— Значит, у тебя была роскошная жизнь.

Выгнувшись в его руках, она нежно притянула Фама к себе. Несколько мгновений они просто парили в молчании, расслабленно соприкасаясь телами и не чувствуя ничего другого.

— Спасибо, Равна, — сказал он затем.

— Не за что. Мне было хорошо.

Голос ее прозвучал мечтательно и серьезно, она крепче обняла Фама. Каким странным он с ней бывал — пугал, зачаровывал, раздражал. Но кое в чем она самой себе не признавалась — вплоть до этой минуты. В первый раз после побега с Маршрутизатора она ощутила подлинную надежду. Глупая физическая реакция… а может, и нет. В ее объятиях парень, рядом с которым меркнут герои любого приключенческого романа. И более того: человек, который был частью Силы.

— Фам… как ты думаешь, что на самом деле случилось на Маршрутизаторе? Зачем Старика убили?

Фам фыркнул, вроде бы естественным тоном, но руки его напряглись.

— Ты *меня* спрашиваешь? Я тогда умирал, если помнишь… Хотя нет. Это Старик. Он тогда умирал. — Мгновение Фам молчал. Мостик медленно поворачивался вокруг них. Молча перемещались фоновые звезды. — Божественное мое естество страдало от боли, я это знаю. Он был в отчаянии, паниковал… Но также пытался что-то для меня сделать, пока не умер. — Голос его стал мягким, задумчивым. — Да. Я чувствовал себя старым разваливающимся чемоданом, который он торопливо набивал всяким хламом. Ну, все равно что пытаться десять килограммов уместить в мешке, куда влезают только девять. Он понимал, что причиняет мне вред, я ведь был его частью, но это уже не имело значения. — Он дрогнул в ее объятиях, лицо на миг сковал легкий испуг. — Я не садист. И он им не был, полагаю. Я…

Равна покачала головой:

— Думаю… думаю, он в тебя загружался.

Фам опять умолк, пытаясь осмыслить ее предположение.

— Ерунда какая-то. Во мне не хватит места для сверхчеловека. — Страх и надежда кружили друг подле друга.

— Нет-нет, постой. Ты прав. Даже если умирающая Сила надеется возродиться, в нормальном

мозгу ей попросту не уместиться. Старик пытался проделать что-то другое… Помнишь, как я молила Его помочь нам в полете ко Дну?

— Да. Я — он — тебе сочувствовал, как ты бы сопереживала удирающим от хищника мелким животным. Он и не предполагал, что Искажение способно ему навредить, пока…

— Ага, вот именно. Пока оно его не атаковало. Для Сил это оказалось полной неожиданностью; внезапно Искажение перестало быть малозначительной проблемой низших разумов. И тогда Старик попытался помочь — как смог. Он запихал в тебя все свои планы и поведенческие программы. Он столько всего в тебя спустил — ты чуть не умер, а выжив, толком не понимаешь, что в тебе. Я про такое читала, когда зубрила прикладную теологию. Может, легенда, а может, и быль. Это называется «богосколок».

— Богосколок? — повторил он задумчиво. — Какое странное слово. Я помню панику Старика. Но если он поступил именно так, как ты говоришь, то почему не дал мне понять? Если во мне полное лукошко добрых советов, то почему все, что я вижу внутри… — взгляд его словно возвратился на несколько дней назад, — это мрак… мрак, в котором толпятся темные статуи с режущими

кромками.

Снова долгое молчание. Она почти физически чувствовала, как работает его мысль. Руки его крепко сжались, по телу пробежала дрожь.

— Да, да. Это многое объясняет. Большую часть я до сих пор не понимаю, а может, и никогда не пойму. Старик под конец что-то понял. — Руки опять напряглись, он уткнулся лицом ей в шею. — Это… очень личное. Убийство Старика Искажением. Даже умирая, он чему-то научился. — Опять тишина. — Искажение, Равна, это что-то из глубокой древности. Ему, наверное, миллиарды лет. Угроза, о которой Старик мог только догадки строить, пока она не уничтожила его, но…

Минута, другая, но Фам все никак не продолжит.

— Не торопись, Фам, я подожду, сколько надо.

— Угу.

Он отстранился — глянуть ей прямо в лицо.

— Пока что я знаю одно: Старик сделал это со мной не без причины. Нас не дурачат. Там, на Дне, что-то есть, на этом страумлианском корабле, и Старик считал, что оно и вправду очень важно.

Он легонько погладил ее по лицу, но улыбнулся не радостно, а тоскливо.

— Разве не понимаешь, Равна? Если ты права, сегодня я больше человек, чем когда-либо в будущем. Во мне полно богосколков, выгруженного Стариком материала. Бóльшая часть его моему сознанию недоступна, но, если все сработает, так или иначе она вырвется наружу. Я стану его дистанционно управляемым устройством. Его роботом на Дне Запределья.

Нет!

Но она заставила себя пожать плечами.

— Может быть. Но пока ты человек и у нас общая цель… до тех пор я тебя не покину.

Равне было известно, что в корабельной библиотеке есть раздел о «прыжках с низкого старта». Оказалось, что изучению таких ситуаций посвящена целая академическая специальность. Помимо десятка тысяч примеров, там нашлись кастомизирующие программы и прорва унылой теории. Это в Запределье «проблема переоткрытия» тривиальна, а вот в Медленной Зоне за историю наблюдений встретилась почти любая возможная комбинация событий. Срок жизни цивилизации Медленной Зоны, как правило, составлял не более нескольких тысяч лет. Иногда затменную фазу преодолевали быстро, и всего за несколько десятилетий цивилизация вос-

станавливалась после глобальной войны или атмосферного загрязнения. В других случаях наблюдался откат в средневековье. И конечно, большинство рас так или иначе самоуничтожались, по крайней мере в изолированной звездной системе. Те же, кто не истребил себя (и даже кое-кто из тех, кому это удалось), так или иначе поднимались к утраченным высотам.

Изучением вариаций на этом пути занималась прикладная история технологии. К несчастью как для ученых, так и для цивилизаций Медленной Зоны, достойное применение теоретические выкладки находили редко: изложенные в примерах события произошли за сотни лет до того, как вести о них достигли Запределья, засим немногие исследователи рисковали начинать полевую работу в Медленной Зоне, где поиск подходящего объекта и осуществление одного-единственного эксперимента могли стоить жизни. Впрочем, на миллионах университетских факультетов этим хобби увлекались энтузиасты науки. Одна из любимых забав состояла в том, чтобы разработать кратчайшие пути от заданного уровня технологии к максимально допустимому для Медленной Зоны. Приходилось учитывать множество деталей, например начальный уровень

деградации, объем остаточных научных познаний (или уровень восприимчивости к ним), а также физическую природу расы. Историки аккумулировали свою теорию в прикладные программы, куда на вход следовало подать данные о текущем и желаемом состояниях культуры, чтобы на выходе получить последовательность шагов, представлявшую кратчайший маршрут к нужному состоянию.

Через два дня все четверо снова собрались на командном мостике «Внеполосного-II». На сей раз каждому нашлось что сказать.

— Итак, решаем, какие изобретения им туда спустить, чем таким наделить Королевство Тайного Острова для защиты…

— …чтобы «Стальной Владыка» сумел это реализовать менее чем за сто дней, — подхватил Синепанцирь. Большую часть этих двух дней он провел, ковыряясь в программах библиотеки «Внеполосного-II».

— Я остаюсь при своем: пушки и радиосвязь, — сказал Фам.

Огневая мощь и средства коммуникации. Равна улыбнулась. Одних только человеческих воспоминаний Фама хватит, чтобы спасти детишек на планете Когтей. О планах Старика он больше

не заговаривал. В представлении Равны планы Старика были своего рода волей рока: то ли они к добру, то ли ко злу, сейчас не поймешь. «Но даже судьбу можно перехитрить».

— Что скажешь, Синепанцирь? — спросила она. — Могут ли они создать радио так быстро с нуля? — На Нюйоре радиосвязь возникла почти одновременно с орбитальными полетами: чуть ли не через век после начала эпохи возрождения.

— О да, миледи Равна. Существуют простые приемы, которые, однако, трудно распознать, пока не достигнешь очень высокого уровня технологии. Например, квантово-торсионные антенны можно соорудить из серебряных и кобальтово-стальных решеточных массивов, правильно подобрав геометрию. К несчастью, чтобы ее просчитать, требуются солидные теоретические познания и умение решать сложные уравнения в частных производных особого вида. Многие цивилизации Медленной Зоны так и не добились этого.

— Ну ладно, — сказал Фам, — но остается ведь еще и проблема перевода. Джефри, вероятно, уже слышал слово «кобальт», но как ему растолковать его аборигенам, если те понятия о кобальте не

имеют? Не узнав побольше об их мире, мы даже не сумеем указать им, где искать кобальтовую руду.

— Это осложнит дело, — признал Синепанцирь, — но программа учитывает такие препятствия. Стальной Владыка, кажется, знаком с понятием экспериментального перебора. Мы могли бы начертить ему дерево экспериментов для получения кобальта, исходя из описаний вероятных руд и результатов химических анализов.

— Не так-то это просто, — возразила Зеленожка. — Некоторые химические анализы сами по себе требуют предварительных поисков и тестов. В других экспериментах должна проверяться токсичность. Мы куда меньше знаем о стаях, чем обычно при запуске программы.

Фам улыбнулся:

— Надеюсь, мы дождемся благодарности; я вот в жизни не слыхивал про «квантово-торсионные антенны». У Когтей аппаратура будет лучше, чем за всю историю Чжэн Хэ.

Да, такой подарок им вручить можно. Вопрос в другом: вовремя ли он будет доставлен, чтобы Джефри и корабль удалось спасти из лап древорезчиков? Четверо раз за разом запускали

программу. О самих стаях было известно крайне мало. Королевство Тайного Острова вроде бы достаточно податливо. Если стаи проявят готовность подчиняться всем указаниям, если им повезет найти близкие залежи критически важных веществ, то, действительно, пушки и радио у них появятся меньше чем через сто дней, пускай и в ограниченных количествах. С другой стороны, если стаи Тайного Острова угодят на самые неблагоприятные ветви поисковых деревьев, процесс растянется на несколько лет.

Равне трудно было примириться с мыслью, что, несмотря на все старания их четверки, спасение Джефри от древорезчиков во многом остается вопросом удачи. *Ох-хо-хо.* В итоге она выбрала лучший алгоритм из составленных наездниками, перевела его на упрощенный самношк и отослала вниз.

Глава 23

Стальной всегда восхищался военной архитектурой. Ныне ему удалось сказать в этой области новое слово: он возводил крепость для защиты от атак не только с земли, но и с неба. Об угловатом *корабле* на подпорках пронюхал уже весь континент. Не успеет минуть лето, как появятся вражеские армии, стремящиеся захватить эту добычу или, на худой конец, уничтожить. И, что гораздо опаснее, появятся и Звездные Жители. Надо подготовиться.

Стальной инспектировал стройку почти ежедневно. Каменная кладка почти полностью заменила палисадную ограду с южной стороны. На склоне холма, обращенном к Тайному Острову, заканчивалось строительство новой берлоги… «Уже закончилось», — проворчала его часть. А и вправду, стоило бы перебраться туда — безопасность Тайного Острова быстро превращалась в пшик. Холм Звездолета уже стал новым центром Движения, и не только в пропагандистских воззваниях. Даже самый наглый лжец не мог бы выдумать того, что эмиссары шкуродерников за границей называли *оракулом Холма*

Звездолета. Кто бы ни стоял подле этого оракула, тот и получит в итоге мировое господство, и Стальной не смел утверждать обратное. Он уже казнил или перевел на другие посты нескольких адъютантов, заподозрив их в попытке сблизиться с Амдиджефри.

О, Холм Звездолета! Когда здесь высадились чужаки, тут были одни камни да вереск. За зиму на холме возвели деревянное укрытие и ограду. Теперь же конструкция превращалась в замок, корону со звездолетом вместо жемчужины. Вскоре на холме возникнет столица континента, а затем и мира. А потом… Стальной воззрился в синюю бездну небес. Как далеко распространится его влияние потом, зависит от выбора слов и способа постройки замка. Хватит мечтать! Стальной Владыка одернул себя и спустился с новой стены по свежевысеченным каменным ступеням. Двор был площадью двенадцать акров, и покрывала его в основном влажная грязь. Она холодила лапы, но снег и слякоть уже сгребли в кучи вдоль тропинок, по которым бегали рабочие. Весна выдалась ранней, и солнце прогревало холодный воздух. Отсюда открывался вид на многие мили окрест, на Тайный Остров и океан, далеко вниз по изрезанному фьордами побережью. Последнюю

сотню метров до звездолета Стальной прошел вверх по холму. Стражники сопровождали его с обеих сторон, а Шрек прикрывал повелителя сзади. Места хватало, чтобы не отгонять рабочих, — Стальной отдал приказ не прерывать стройку даже в его присутствии. В основном затем, чтобы и дальше дурачить Амдиджефри, а частично потому, что Движению и впрямь нужна была эта крепость, притом как можно скорее. А насколько скоро… хороший вопрос.

Стальной смотрел во все стороны, но внимание сосредоточил на стройплощадке. Во дворе громоздились кучи тесаного камня и штабеля бревен. Почва оттаяла, и можно было рыть фундамент под внутреннюю стену. Там, где это все еще представляло трудности, инженеры Стального вливали в траншеи кипящую воду. Из ям шел пар, скрывая из виду лебедки и землекопов. Шум стоял хуже, чем на поле брани: скрипели подъемные механизмы, вонзались в землю лопаты, бригадиры отдавали приказы рабочим. И толпа была почти такая, как на поле брани, хотя далеко не столь хаотичная.

Стальной пригляделся к стае землекопов на дне одной из траншей. Стая насчитывала тридцать элементов и держалась так тесно, что плечи их

временами соприкасались. Огромная свора, но ничего похожего на оргию. Еще до Древорезчика гильдии строителей и фабрикантов проделывали нечто подобное. Стая из тридцати элементов внизу была, вероятно, не умнее тройки. Передний ряд в унисон взмахивал кирками, постепенно вгрызаясь в земляную стену. Когда головы и кирки их оказывались высоко над стеной, десять элементов сзади бросались вперед — отгребали свежевыкопанную землю и камни. Третий ряд, позади двух первых, выбрасывал эту кучу из ямы наверх. Поскольку земля была неоднородна, работа эта требовала сложной координации, однако умственных способностей стаи на это вполне хватало. Они могли так трудиться часами, меняя порядок первого и второго рядов каждые несколько минут. В прошлом гильдии ревностно оберегали секрет составления таких вот особых стай. После тяжелого рабочего дня бригада рабочих распадалась на обычные разумные стаи, и каждая удалялась домой, неплохо заработав. Стальной усмехнулся про себя. Древорезчик усовершенствовал старые приемы гильдеров, но решающее новшество применил Шкуродер (фактически позаимствовал у тропических стай). Зачем позволять рабочей стае распадаться после

смены? Рабочие Шкуродера оставались слепленными вместе постоянно, в бараках столь тесных, что обратного разделения разумов не могло произойти. Результат получился отменный. Проведя так год-другой и пройдя отбраковку, исходные стаи рабочих бригад тупели настолько, что уже и сами бы не распались.

Стальной некоторое время наблюдал, как тесаный камень кладут в новую яму и скрепляют известковым раствором. Затем кивнул дежурному белокурточнику и пошел дальше. Скважины фундамента тянулись до стен звездолетной ограды. Это и была самая хитрая часть конструкции, превращавшая замок в красивую ловушку. Еще немного сведений от Амдиджефри, и станет ясно, как именно ее построить.

Дверь в звездолетный отсек была открыта, и в проеме, прижавшись спинами, сидел белокурточник. Стражник заслышал шум на миг раньше Стального: два его элемента расторгли позу и побежали глянуть за угол. Оттуда раздались крики — очень высокие, почти неслышные, — потом трубный боевой клич. Белокурточник спрыгнул со ступеней и помчался вокруг здания. Стальной и его гвардейцы устремились следом. Перед траншеей фундамента на дальней стороне

корпуса он затормозил. Источник неразберихи стал ясен. Три белокурточника приволокли на допрос бригадного «рассказчика». Они отделили говорящий элемент от стаи и принялись лупить его дубинками. На столь близком расстоянии мыслевопли почти не уступали громкостью обычным крикам. Прочие элементы землекопа уже лезли из траншеи, разбиваясь на спецстаи и атакуя белокурточников кирками. «Как такое могло случиться?» Подумав, Стальной догадался. От фундамента внутренней стены должны были отходить самые секретные туннели замка, да вдобавок Стальной планировал разместить там еще более секретные ловушки на двуногих. Конечно, после завершения работ на столь ответственном участке от бригады надлежало избавиться. При всей своей тупости землекопы сообразили, что их ждет.

В иной ситуации Стальной просто отошел бы в сторонку и принялся наблюдать. Подобные эксцессы дают немалую пищу для размышлений, выявляя слабые места подчиненных и подмечая, кто справляется с порученной работой слишком плохо, а кто — слишком хорошо. Но сейчас так поступить нельзя. Амдиджефри на борту! За деревянными стенами им не видно, а внутри

их наверняка охраняют другие белокурточники, но… Прыгая вперед и выкрикивая команды прислужникам, Стальной увидел, как Джефри выбегает из отсека. На плечах его сидела пара щенков, остальные элементы Амди разбежались кругом.

— Не подходите! — рявкнул Стальной и повторил на скверном самношке: — Опасность! Назад!

Амди замер, но двуногий продолжал приближаться. Две стаи охраны шарахнулись с его пути, выполняя приказ *ни в коем случае не касаться чужака*. Еще миг, и кропотливая работа целого года погибнет. Еще миг, и Стальной потеряет весь мир по глупости и невезению.

Пока задние элементы Стального кричали на двуногого, передовые взбирались на кучу камней. Он указал на лезущих из траншеи землекопов:

— Убить посторонних!

Стаи его личной охраны сгрудились вокруг повелителя, а несколько солдат во главе со Шреком кинулись вперед. Сознание Стального помрачилось от шума кровавой битвы. Это было не экспериментальное безумие, как в лабораториях под Тайным Островом. Смерть разила вслепую, во всех направлениях. Летали стрелы, вздымались кирки, резали копья. Элементы землекопа

метались, с воплями рубя всех подряд. У них не было ни единого шанса на победу, но на тот свет они прихватили с собой многих.

Стальной отпрянул от схватки, смещаясь в сторону Джефри. Двуногий продолжал бежать ему навстречу. Амди несся следом и кричал что-то на самношке. «Один безумец, одна неверно выпущенная стрела: двуногий погибнет, и тогда все потеряно». Никогда еще за всю свою жизнь Стальной так не боялся за *другого*. Устремившись к человеку, он окружил его всей стаей. Двуногий упал на колени и схватил Стального за шею. Лишь многолетняя дисциплина позволила Стальному удержаться и не прокусить чужаку горло — тот не нападал, а обнимал.

Землекопа почти всего перебили, а оставшихся элементов Шрек уже так далеко отогнал, что угрозы они не представляли. Стражники Стального надежно прикрывали его ярдах в пяти или десяти, не больше. Амди сбился вместе, съежившись от мысленных воплей, но продолжал что-то кричать Джефри. Стальной пытался стряхнуть человека, но Джефри цеплялся за всех его элементов по очереди, иногда за две шеи одновременно. Чужак издавал булькающий хрип, совсем не похожий на самношк. Стальной изнемогал. «Не

выдавать омерзения». Человек не почувствует, но Амди — может. Джефри раньше уже так делал, и Стальной пользовался преимуществом, которое ему это давало, хотя и дорого обходилось. Детенышу богомола нужен был физический контакт; на этом-то и зиждятся взаимоотношения Амди с Джефри. Если разрешить этой твари касаться себя, то как знать, вдруг оформится сходное доверие? Стальной провел головой и шеей по спине чужака — в лабораториях-темницах он видел, как родители поступают так со щенками. Джефри еще крепче вцепился в него и заелозил длинными умелыми лапами по шерсти Стального. Ощущение было очень странное, пускай и омерзительное. Обычно столь тесный контакт с другим разумным существом означал совокупление или бой, и в каждом случае места для рассудочной мысли не оставалось. А с человеком… существо это с очевидностью разумно, однако мыслешума нет. Вообще нет. Можно и думать, и чувствовать одновременно. Стальной закусил губу, пытаясь унять дрожь. Это было…

…словно заниматься сексом с трупом.

Наконец Джефри отступил назад, поднимая руку. Он что-то произнес, очень быстро, и Амди перевел:

— Ой, Стальной Владыка, вы ранены! Смотрите, кровь.

Лапа человека была красной. Стальной оглядел себя. Да, на одном огузке царапина. Он ее даже не чувствовал. Стальной отодвинулся от богомола и сказал Амди:

— Ничего страшного. Вы с Джефри не пострадали?

Дети быстро затараторили друг с другом — Стальной почти ничего не понял.

— Мы в порядке. Спасибо, что защитили нас.

Шкуродер скальпелями врезал в Стального умение быстро соображать:

— Да. Но этого не должно было случиться. Древорезчики замаскировались под рабочих. Думаю, они уже много дней выжидали возможности напасть на вас. Когда мы раскрыли заговор, едва не опоздали… Не стоило вам выбегать на шум драки.

Амди пристыженно понурил головы и перевел Джефри.

— Извините. Мы переполошились, и… мы боялись, что вас могут ранить.

Стальной успокаивающе загукал, одновременно оглядывая поле боя двумя элементами. «Где этот гребаный белокурточник, который в самом

начале сдернул с лестницы? Я его заставлю…» Мысль оборвалась, когда он увидел Тиратект. Фрагмент Шкуродера смотрел на них из зала совещаний. Теперь, осознав это, Стальной понял, что Фрагмент наблюдает оттуда с самого начала битвы. Другим его поза ничего не сказала бы, но Стальной видел по выражению тел Фрагмента мрачное веселье. Они слегка кивнули друг другу. Стальной внутренне съежился: он чуть было все не потерял… и Шкуродер это заметил.

— Возвращайтесь на Тайный Остров.

Он просигналил стражникам, которые появились из-за корабля.

— Еще не надо, Стальной Владыка, ну пожалуйста! — взмолился Амди. — Мы только что пришли. Скоро Равна должна ответить.

Стальной скрипнул зубами, но так, чтобы дети этого не увидели.

— Хорошо-хорошо, оставайтесь. Но давайте все будем вести себя осторожнее, ладно?

— Ладно, ладно!

Амди дал пояснения человеку. Стальной встал себе на плечи передними лапами и потрепал Джефри по макушке.

Потом велел Шреку отвести детей внутрь. Пока те не скрылись из виду, он стоял и смотрел

им вслед, старательно изображая позу любви и заботы. Затем развернулся и пошел, хлюпая по розовой жиже.

«Ну-ка, где этот гребаный белокурточник?»

Зал совещаний на Холме Звездолета был маленьким, временным сооружением. Зимой там вполне можно было укрыться от холода, но при собрании больше чем трех стай там начинался дурдом. Стальной прошагал мимо Фрагмента Шкуродера и устроился на верхнем ярусе, откуда открывался наилучший вид на стройплощадку. Выдержав вежливую паузу, Тиратект вошла и поднялась на противоположный балкон.

Впрочем, это было лишь притворством для наблюдателей снаружи; Шкуродер рассмеялся тихим шипящим смехом, как раз на такой громкости, чтобы Стальной услышал.

— Дорогой мой Стальной, я задумываюсь: вправду ль ты мой ученик, или за время моего отсутствия тебя подменили? Ты нарочно пытаешься все испортить?

Стальной зыркнул на него. Он-то был уверен, что поза его не выражает неловкости и вся она заперта внутри.

— Это досадная случайность. Неумелые работники будут отбракованы.

— О да. Ты всегда так говоришь, в любой трудной ситуации. Если бы ты так не усердствовал, избавляясь от землекопов, они, вероятно, не взбунтовались бы. И одной *досадной случайностью* стало бы меньше.

— Прокол тут лишь в том, что они догадались. При постройке военных объектов без ликвидаций не обойтись.

— Правда? Ты воображаешь, что я избавился от каждого строителя Тайного Острова?

— То есть? Ты не стал? Но зачем…

Фрагмент Шкуродера ощерился старой снисходительной ухмылкой:

— А ты подумай, Стальной. В качестве упражнения.

Стальной разложил перед собой на столике заметки и сделал вид, что изучает их. Потом поднял все глаза на другую стаю.

— Тиратект, я отношусь к тебе с почтением, ибо в тебе — часть Шкуродера. Но запомни: ты жива, покуда я согласен это терпеть. Ты *не* Шкуродер в Ожидании.

Эта весть прибыла поздней осенью, незадолго до того, как Ледовые Клыки сомкнулись на зиму: стаи, заключавшие остаток души Хозяина, так и не выбрались из Парламентской Чаши. Шкуродер

в Полноте Своей ушел навеки. Стальной испытал неимоверное облегчение, и после этого Фрагмент сделался куда более сговорчив.

— Никто из моих лейтенантов даже не пикнет, если я тебя убью. Полностью, включая даже элементов Шкуродера.

«И если ты меня вконец достанешь, я так и поступлю, клянусь».

— О, разумеется, дорогой мой Стальной. Ты здесь командуешь.

На миг проявился страх другой стаи. «Помни, — приказал себе Стальной, — и никогда не забывай: это всего лишь фрагмент Хозяина. По большей части это скромная школьная училка, а не Великий Учитель с Ножом». Конечно, два элемента Шкуродера полностью подчинили себе стаю, и даже сейчас дух Хозяина витал в зале, хотя и смягченный присутствием Тиратект. Ею можно было управлять, и таланты Хозяина Стальной обратил себе на службу.

— Ну и хорошо, — ровным тоном сказал Стальной. — Пока ты это понимаешь, Движению от тебя большая польза. В частности, — он порылся в заметках, — я хотел бы обсудить с тобой это грядущее Посещение.

«Мне нужен твой совет».

— Слушаю.

— Мы убедили Равну, что ее драгоценному Джефри грозит реальная опасность. Амдиджефри сказали ей, что вокруг все время рыщут древорезчики и они вот-вот должны ударить превосходящими силами.

— Но это действительно может произойти.

— Да. Древорезчица действительно планирует атаку, и у нее собственный источник «магической» помощи. У нас же кое-что получше. — Он постучал носами по бумагам — советы поступали с начала зимы.

Он вспомнил, как Амдиджефри принесли ему первые листы — с числовыми таблицами, инструкциями и диаграммами, — исписанные аккуратным, но детским почерком. Стальной и Фрагмент целыми днями бились над ними, пытаясь понять. Некоторые указания были очевидны. Рецепты Гостьи требовали столько золота и серебра, что хватило бы войну профинансировать. Но что это за «жидкое серебро»? Тиратект догадалась: Хозяин такую штуку использовал в своих республиканских лабораториях. В конце концов им удалось раздобыть необходимое количество. Для многих ингредиентов, однако, указывалась только методика получения. Стальной вспоми-

нал, как Фрагмент корпел над ними, замышляя атаку на природу, будто на очередного врага. Рецепты полнились мистическими ингредиентами вроде «кальмарьего рога» или «замороженного лунного света». Указания Равны зачастую бывали еще загадочней. Инструкции внутри инструкций, с длинными отступлениями, описаниями экспериментов с распространенными материалами, чтобы определить пригодные для великого плана. Построить, испытать, снова построить. Похоже на метод самого Хозяина, но без тупиков.

Кое-что почти сразу обрело смысл. У них появились взрывчатые вещества и пушки, которые Древорезчица полагала своим тайным оружием. Но столько еще было непонятно — и понятней не становилось.

Стальной и Фрагмент проработали до вечера, планируя очередную серию испытаний и решая, где достать вновь затребованные Равной ингредиенты.

Тиратект откинулась на своем балконе, издав шипящий вздох удовлетворения.

— Этап за этапом. Вскоре у нас появится свое радио. У старой Древорезчицы не останется ни единого шанса… Ты прав, Стальной. С таким оружием можно покорить мир. Только вообрази:

мгновенно получать доклады о положении дел в столице Республики и координировать действия войск, используя эту информацию. Движение воистину станет Разумом Господа. — Девиз старый, и ныне он мог воплотиться в жизнь. — Отдаю тебе должное, Стальной. Ты достойный выкормыш Движения. — («Нет ли в этой усмешке издевки Учителя?») — Радио и пушки даруют нам власть над миром. И это всего лишь крохи со стола Гостей. Когда они прибудут?

— Осталось еще сто—сто двадцать дней. Равна снова пересмотрела сроки. Очевидно, даже у двуногих бывают трудности с полетами меж звезд.

— Значит, только это время нам и отпущено, чтобы насладиться триумфом Движения. А потом мы обратимся в ничтожеств. Хуже дикарей. Как знать, не лучше ли отринуть дары и убедить гостей, что спасать тут нечего.

Стальной воззрился в горизонтальные бойницы меж бревен. Отсюда была видна часть звездолетного укрытия, фундамент нового замка, а еще дальше — острова и фьорды. Вдруг он исполнился спокойствия и уверенности, какие не посещали его уже давно. Ему показалось правильным поделиться мечтой.

— Ты правда не видишь, к чему я клоню, милая

Тиратект? Я вот думаю, понял бы полный Хозяин — или же я и его превзошел? Поначалу выбора у нас не было. Звездолет автоматически начал посылать Равне какой-то сигнал. Мы могли бы его уничтожить. Возможно, Равна потеряла бы интерес. А если нет, нас бы вытащили отсюда, как рыбешек из ручья. Вероятно, я иду на великий риск, но в случае победы получу больше, чем ты можешь себе вообразить.

Фрагмент, склонив головы, смотрел на него.

— Я изучал этих людей: Джефри и — через посредство шпионов — ту, другую, у Древорезчицы. Их раса, возможно, древнее нашей, а трюки, которым они научились, придают им видимость всемогущества. Однако они подвержены врожденным порокам. Будучи синглетами, они столь ограниченны, что нам это даже представить трудно. Если получится сыграть на этих слабостях… Тебе известно, как заботятся о щенках обычные Когти. Мы достаточно часто манипулировали родительской привязанностью. А представь, каково людям. У них один детеныш — это уже ребенок. Подумай, какие рычаги воздействия это нам открывает.

— Ты это серьезно? Равна даже не родительница Джефри.

Стальной раздраженно отмахнулся:

— Ты ведь всех переводов Амди не видела. — «Простак Амди, идеальный шпион». — Но ты права, цель посещения не в том, чтобы спасти единственного щенка. Я пытался понять, каковы их подлинные мотивы. На корабле в каком-то подобии смертного сна покоится сто пятьдесят один детеныш. Они лежат в чем-то вроде гробов. Гости отчаянно стремятся спасти детей, но им нужно еще что-то. Другое. Они не говорят об этом напрямую… но я подозреваю, что дело тут в механизмах самого корабля.

— Исходя из всего, что нам известно, детей стоит счесть выводком, элементом плана вторжения.

Старый страх, но после наблюдений за Амдиджефри Стальному удалось его отбросить. Какие-то ловушки он мог не заметить, но…

— Если Гости нам лгут, то мы обречены. На нас будут охотиться, точно на зверей. Может быть, спустя много поколений мы научимся их трюкам, но все равно нам конец. С другой стороны, у нас достаточно оснований полагать, что двуногие слабы, и каковы бы ни были их цели, напрямую они нас не касаются. Ты была там в день высадки, куда ближе, чем я. Ты видела, как несложно

оказалось заманить их в засаду, хотя корабль их неприступен, а единственным орудием они небольшую армию уложили. Очевидно, они не считали нас источником опасности. Их орудия могущественны, но они тоже чего-то боятся. А на звездолете находится что-то, что им от нас нужно. Тиратект, взгляни на фундамент нового замка. Я уверил Амдиджефри, что возвожу его, желая защитить звездолет от атак древорезчиков. Так оно и есть: позднее, летом, армия Древорезчицы сломает себе когти об эти валы. Но посмотри на основание куртины, которой я окружил звездолет. Когда явятся наши дорогие Гости, корабль уже полностью за нею скроется. Я испытывал корпус. Его можно проломить, сбросив несколько десятков тонн камня. Но Равне-то нечего тревожиться; это все лишь для защиты ее собственности, да-да. Рядом я сооружу открытый дворик, окруженный на диво высокими стенами. Для этого я попрошу помощи самой Равны, через Джефри. Дворик этот как раз вместит корабль Равны и тоже защитит его. Нам еще многое надо обустроить. Надо создать инструменты по описаниям Равны. Надо разгромить Древорезчицу, пока не прибыли Гости. Во всех этих делах мне нужна твоя помощь, и я рассчитываю получить ее. В итоге мы иде-

ально укрепимся на случай, если Гости проявят вероломство. А если не проявят… ну, думаю, ты согласишься, что размахом помыслов я уж точно не уступил своему учителю.

И впервые за все время Фрагмент Шкуродера не нашелся что ответить.

Командная рубка корабля была любимым местом для Джефри с Амди во всем домене Стального Владыки. Джефри тут по-прежнему одолевала грусть, но понемногу печальные воспоминания вытеснялись радостными… и надеждой на лучшее будущее. Дисплейные окна все так же зачаровывали Амди, хотя теперь в них можно было видеть лишь деревянные стены. Со второй вылазки они уже считали рубку своим частным королевством, вроде дома на дереве, который Джефри построил себе на Страуме. И действительно, рубка была такая тесная, что больше одной стаи в нее просто не поместилось бы. Обычно элементу стражника приходилось сидеть снаружи, у главного люка, но и такая обязанность для него была обременительна. В этом месте Джефри с Амди чувствовали себя важными.

И несмотря на всю свою неугомонность, осознавали, каким доверием их облекли Стальной Владыка и Равна. Дети могли носиться во дворе,

доводя стражников до исступления, но с оборудованием командной рубки обращались так же бережно, как это прежде делали мама и папа Джефри. На корабле, в общем-то, мало что оставалось беречь. Данники погибли; родители Джефри как раз вынесли их наружу, когда началась атака древорезчиков. За зиму Стальной Владыка перенес бóльшую часть незакрепленных предметов к себе в замок для исследования. Гибернаторы теперь находились в безопасных холодных погребах поблизости. Амдиджефри ежедневно наведывались туда, глядели в знакомые лица, проверяли показания каждого диагностического дисплея. С момента атаки ни один спящий пока не умер.

То, что оставалось внутри корабля, накрепко привязали к стенам. Джефри пометил панели управления и элементы системы управления кораблем, отвечавшие за ракетный двигатель, — от них стая старалась держаться подальше.

Когда по приказу Стального Владыки стены занавесили, здесь стало тише. Багажа сородичей Джефри, спальных мешков и тренажеров тут уже не осталось, но было еще оборудование, закрепленное у стен в амортизационной подвеске. За истекшие месяцы Амдиджефри принесли сюда писчие принадлежности, одеяла и всякую всячи-

ну. Из вентиляционных решеток по периметру каюты всегда тянуло приятным ветерком.

Они были здесь счастливы, до странного беззаботны, вопреки воспоминаниям, которые хранило это место. Здесь они могли что-то сделать для Когтей и тех, кто спал в холодном сне. И не было в этом мире другого места, откуда Амдиджефри могли общаться с человеком. В некотором смысле средства общения были такими же средневековыми, как замок Стального Владыки. Им пришлось полагаться только на плоский дисплей — ни тебе объема, ни цвета, ни картинок. Ничего, кроме букв и цифр, он показывать не умел. Зато был подсоединен к ультраволновому коммуникатору корабля и запрограммирован отслеживать спасателей. Средств распознавания голоса тоже не было; Джефри уже начал паниковать, когда сообразил, что нижняя часть экрана служит клавиатурой. Печатать слова побуквенно — трудоемкое занятие, хотя Амди насобачился это делать, стуча по клавишам четырьмя носами. А читать на самношке он теперь умел даже лучше самого Джефри.

Амдиджефри проводили здесь много вечеров. Если со вчерашнего дня оставалось сообщение, они выводили его на экран постранично, чтобы

Амди скопировал и перевел. Потом набирали на клавиатуре вопросы и ответы, переданные Стальным Владыкой. Потом долго ждали. Даже если на том конце линии уже дежурила Равна, ее сообщение иногда приходило лишь через несколько часов. Тем не менее связь после зимы заметно улучшилась и они почти чувствовали приближение Равны. Главным событием суток зачастую становились неформальные разговоры с ней.

А этот день пока резко отличался от всех прочих. После атаки лжерабочих Амдиджефри еще полчаса трясло. Сам Стальной Владыка, защищавший детей, был ранен. Может, теперь везде опасно. Амдиджефри повозились с наружными дисплеями, пытаясь выглянуть через щелки в неровно сложенных стенах.

— Если бы нам разрешали выглядывать наружу, мы бы могли предостеречь Стального Господина, — сказал Джефри.

— Надо его попросить, чтобы сделал в стенах дырки. Мы будем вроде как часовые.

Они стали обсуждать эту идею, а потом начало поступать свежее сообщение со спасательного корабля. Джефри влез в амортизационную подвеску рядом с экраном. Тут раньше сидел папа, и места вполне хватало. Два элемента Амди пролезли

туда следом за мальчиком. Еще один прыгнул на подлокотник и умостил лапы на плечах Джефри, вытянув к экрану длинную шею, чтобы лучше видеть. Остальные возились с бумагой и стилосами. Сообщения ничего не стоило воспроизвести заново, но Амдиджефри охватывал восторженный трепет именно «в прямом эфире».

Сначала пошел стандартный заголовок и все такое прочее — на тысячный раз совсем не интересно. А потом уже и сами слова Равны. Вот только это были не слова, а табличные данные, что-то там для радио.

— Ну вот еще, — огорчился Джефри, — это числа.

– *Числа!* — встрепенулся Амди.

Он запрыгнул мальчику на колени свободным элементом, прижал нос вплотную к дисплею, перепроверяя то, что видел элемент у Джефри на плечах. Четверо на полу увлеченно строчили, переводя десятичные цифры на экране в ×, ○, | и Δ четверичной системы счисления Когтей. Джефри почти сразу понял, что Амди очень крутой математик. Но не завидовал ему. Амди сказал, что немногие Когти так способны к математике; Амди был очень особенной стаей. Джефри гордился, что у него такой друг. Маме с папой Амди бы

понравился. Но… Джефри со вздохом расслабился в своем амортизационном гамаке. Числа приходили все чаще и чаще. Мама однажды читала ему повесть «Затерянные в Медленной Зоне», о том, как заблудившиеся исследователи возродили цивилизацию на затерянной колонии. Там герои просто собрали материалы и построили то, что им было нужно. В повести ничего не говорилось ни о точности вычислений, ни о дробях, ни о дизайне.

Он отвернулся от экрана и погладил пару элементов Амди, сидевшую рядом. Один извернулся под его рукой, тела издали мерное ответное жужжание. Глаз они не открывали. Знай Джефри их хуже, подумал бы, что спят. Эти элементы Амди отвечали за связную речь.

— Есть что интересненькое? — спросил Джефри, помолчав. Элемент слева открыл глаза и посмотрел на него.

— Там то, о чем нам Равна говорила. Фокус с полосой пропускания. Если не сделать так, как надо, услышим только щелчки и писки.

— А, ну да. — Джефри знал, что заново изобретенное радио на первых порах немногим лучше морзянки. Равна считала, что эту стадию им удастся перескочить. — А как ты думаешь, на

кого Равна похожа?

— Что? — Скрип стилосов по бумаге ненадолго прекратился: все внимание Амди переключилось на мальчика, хотя они об этом уже говорили. — Ну, она вроде тебя… только старше и выше?

— Да, но… — Джефри знал, что Равна со Сьяндры Кей. Она взрослая, старше Йоханны, но моложе мамы. Но как она в действительности выглядит? — Я хочу сказать, она летит в такую даль, чтобы спасти нас и закончить то, что мама с папой пытались сделать… Она, наверное, очень хорошая.

Скрип стилосов снова прервался, послание прокрутилось дальше. Придется снова его воспроизводить.

— Да, — сказал Амди, помолчав. — Она… она, наверное, почти как Стальной Владыка. Приятно будет встретить кого-нибудь, кого обнять можно. Как ты — Стального Господина.

Джефри немного обиделся.

— Погоди, но ты же *меня* обнять можешь!

Элементы Амди рядом с ним громко засопели.

— Знаю, но… ну, я имею в виду, кого-нибудь взрослого… вроде как родителя.

— Ага.

Они еще около часа переводили и сверяли таб-

лицы. Потом настало время переслать последние запросы Стального Владыки. Примерно четыре листа, аккуратно переписанные Амди на самношке. Обычно он сам любил набирать текст, согнувшись всеми мордами над клавиатурой и дисплеем. Но не сегодня. Он развалился на коленях и вокруг Джефри, но проверять набранное не спешил. Джефри то и дело слышал, как у него что-то резонирует в груди, а порой подвеска дисплея начинала издавать странные звуки в такт неслышимым, которыми обменивались элементы Амди. Джефри сообразил, что друг в глубокой задумчивости.

Закончив набирать последнее сообщение, он добавил несколько вопросиков от себя. «Сколько вам с Фамом лет? Вы женаты? На кого похожи наездники?»

Дневной свет, сочившийся из щелей, угасал. Вскоре землекопы бросят кирки и промаршируют в бараки за гребнем холма. А по ту сторону протоки, точно в сказке, воссияют золотом в предзакатной дымке башни Тайного Острова. Вот-вот явятся белокурточники, позовут Амди и Джефри ужинать.

Два элемента Амди выскочили из гамака и принялись носиться друг за другом вокруг кресла.

— Я все думал, я все думал! Эта штука от Равны, радио: почему она только для голоса? Она говорит, любые звуки — одно и то же, только на разных частотах. И мысли — тоже звуки! Если мы кое-что поменяем в таблицах, если нахлобучим передатчики и приемники мне на мембраны, почему бы не передать по радио *мысль*?

— Ну, не знаю.

Во многих обычных делах привычным ограничением выступала *полоса пропускания*, хотя Джефри смутно представлял себе, что это такое. Он взглянул на завершающие таблицы, все еще отображенные на дисплее. И вдруг его осенила такая идея, до какой многие взрослые в технологически развитых цивилизациях не додумались бы…

— Я этими штуками пользуюсь каждый день, хотя не знаю точно, как они работают. Можем следовать ее указаниям, но откуда нам знать, что именно надо изменить?

Амди возбужденно ерзал, как с ним бывало, когда ему на ум приходила какая-нибудь шалость или розыгрыш.

— Нет-нет-нет! Нам и не надо все тут знать. — Еще три элемента прыгнули на пол и замахали Джефри листами бумаги. — Равна же не знает

наверняка, как мы *говорим.* В инструкциях есть опции для небольших изменений. Я все думал… мне кажется, я понимаю, как эти изменения взаимосвязаны. — Он прекратил беготню и издал жалобный визг. — Проклятье, но я не могу объяснить как. Думаю, мы сумеем расширить эти таблицы, а потом изменить машину само… самоочевидным образом. А потом… — Амди на миг так восхитился, что потерял дар речи. — Ой, Джефри, был бы ты стаей! Ты себе представь: ставишь по элементу на вершине горы, а потом думаешь по радио. Мы на весь мир бы разошлись!

Но тут снаружи кто-то забулькал на межстайном, а затем повторил на самношке:

— Время идти кушать. Идем теперь, Амдиджефри. Хорошо?

Это был господин Шрек; он неплохо владел самношком, хотя и хуже, чем Стальной Владыка. Амдиджефри подобрали раскиданные по рубке листы и аккуратно переложили в карманы курток Амди. Выключив дисплей и коммуникационное оборудование, они выбрались в главный ангар.

— А ты думаешь, Стальной Господин нам разрешит?

— Может, просто пошлем это обратно Равне?

Белокурточник отошел от люка, и Амдиджефри вылезли наружу. Через минуту их озарили косые лучи закатного солнца. Дети почти не заметили этого, так их воодушевила грандиозная идея Амди.

Глава 24

Для Йоханны смерть Грамотея Джакерамафана многое изменила. В основном к лучшему. Кабы не убийство, перемен никогда не случилось бы… Именно это Йоханну и печалило.

Она пустила Древорезчицу к себе в хижину вместо служанки. Наверное, Древорезчица изначально этого и хотела, но страшилась гнева девочки. Теперь и данник тоже хранился в доме. Вокруг круглосуточно дежурили не меньше четырех стай охраны, которые отряжал Проныра, и велись разговоры о строительстве казарм.

Днем Йоханна встречалась и с другими, а иногда принимала того, кому требовался данник. Щепетильник, Проныра и Шрамозадый — Странник — в совершенстве выучили самношк. Говорили они так бегло, что девочка уже составила представление об их характерах. Вот Щепетильник, порывистый и очень умный; вот Проныра, такой же чванливый, каким показался ей некогда Грамотей, но лишенный живости и фантазии; вот Странник Викврэкшрам. Каждый раз, сталкиваясь с его здоровенным Шрамом, она чувствовала холодок. Тот всегда садился позади

остальных и пригибался, чтоб не попадаться ей на глаза. Странник, несомненно, понимал, какой эффект оказывает его присутствие на девочку, и старался ее не раздражать, но даже после смерти Грамотея Йоханна эту стаю разве что с трудом терпела. В конце концов, не исключено, что в замке Древорезчицы предатели. Предположение Проныры о набеге шкуродерников ничем не подкреплено. Йоханна с подозрением наблюдала за Странником.

По вечерам Древорезчица всех отсылала прочь, рассаживалась вокруг очага и задавала данни-ку вопросы, не имевшие к противостоянию со шкуродерниками никакого отношения. Йоханна сидела рядом и объясняла то, что Древорезчица не смогла понять сама. Как странно. Древорезчи-ца у этих существ — кто-то вроде королевы. У нее есть огромный (примитивный, неуютный, урод-ливый, но все же огромный) замок. У нее десятки слуг. И тем не менее она проводит бóльшую часть вечера в маленькой деревянной хижине, скор-чившись рядом с Йоханной. Помогает с очагом и готовкой ничуть не меньше служанки, которая занималась этим прежде.

Так и вышло, что у Йоханны появилась среди Когтей подруга — Древорезчица. Раньше Грамо-

тей был ей другом, но она этого не понимала, пока он не погиб. Древорезчица была очень умная и очень странная. В некотором смысле — умнее всех, кого Йоханна знавала за свою жизнь, хотя девочка не сразу пришла к такому выводу. Йоханну не слишком удивила легкость, с какой Когти выучили самношк: в адвентюрах так всегда и бывало, да и потом, в даннике имелись обучающие языковые программы. Но теперь Йоханна вечера напролет смотрела, как Древорезчица работает с данником. По вечерам стая отвлекалась от военной тактики и химии, которыми занималась весь день на Совете. Вместо этого Древорезчица читала о Медленной Зоне и Запределье, об истории Страумлианского Простора. Она обучилась нелинейному чтению быстрее прочих. Иногда Йоханна просто сидела и восхищенно заглядывала ей за плечи: стая разделила экран на окна, и в главном данные прокручивались так быстро, что у Йоханны в глазах рябило. Примерно дюжину раз в минуту Древорезчица натыкалась на новые слова. Обычно из лексики самношка; тогда королева просто тыкала в непонятное слово носом, и в словарном окошке тут же всплывал перевод. Иногда возникала трудность концептуального характера, и тогда новые окна уводили стаю в

новые области знаний, иногда на пару секунд, порой на многие минуты, а иногда ответвление становилось главной дорогой. В этом смысле Древорезчица стала тем, кем только мечтал сделаться Грамотей.

Она часто задавала вопросы, на которые у данника не было ответов. Тогда они с Йоханной засиживались за беседой до глубокой ночи. На что похожа человеческая семья? Что исследователи со Страумлианского Простора стремились создать в Высокой Лаборатории? Йоханна перестала думать о стаях как о бандах змеешейных крыс-убийц. Далеко за полночь экран данника светился ярче посеревших углей в очаге и окрашивал шерсть Древорезчицы веселыми красками. Стая собиралась вокруг Йоханны, задрав головы, точно стайка детей вокруг учительницы.

Но Древорезчица не была девчонкой. Она почти сразу показалась Йоханне старой. Ночные беседы и девочке помогали кое-что разузнать про Когтей. Стая рассказывала то, что не могла рассказать днем. Очевидные вещи для Когтей, о которых нет нужды заговаривать вслух. И девочка задумывалась, а есть ли вообще у королевы Древорезчицы кто-то, с кем можно поговорить

по душам.

Лишь один элемент Древорезчицы был стар физически, а двое едва вышли из щенячества. Но мысленному рисунку стаи было полтысячи лет, и это сказывалось. Душу Древорезчицы удерживали вместе узы едва ли прочнее силы воли. Платой за бессмертие стал инбридинг. Исходные элементы были здоровы, но прошло уже шестьсот лет… Один из молодых элементов все время пускал слюни, королева то и дело утирала ему морду. Темно-карие глаза другого заволокли бельма; Древорезчица объяснила, что он абсолютно слеп, но в остальном здоров и лучший ее «рассказчик». Самый старый элемент сильно одряхлел и все время хрипел. Древорезчица сказала, что, увы, он же самый талантливый и находчивый. Когда он умрет…

Внимательно приглядевшись, Йоханна увидела знаки слабости у всей Древорезчицы. Даже пара самых здоровых элементов, сильных и пушистых, передвигались как-то не так, если сравнивать с обычными стаями. Может, у них позвоночники искривлены? К тому же эти двое явно были склонны к ожирению, что не добавляло оптимизма.

Йоханна все это узнала не сразу. Древорезчи-

ца просто рассказывала ей, как живут Когти, и постепенно наружу выплывала ее собственная история. Казалось, что стая счастлива с кем-то поделиться, но Йоханна не чувствовала в Древорезчице жалости к себе самой. Древорезчица избрала свой путь, хотя кому-то он мог показаться кривой дорожкой, и выстояла в битве с судьбой дольше, чем любая другая стая в письменной истории. Если она о чем и жалела, то лишь о том, что исчерпала свою удачу.

Архитектура Когтей изобиловала крайностями: то гротескно огромная, то слишком тесная для человека. Зал Совета Древорезчицы являл собою крайность первого рода — его трудно было назвать уютным местечком. В чашеобразном помещении без труда разместились бы три сотни человек. Вдоль стен тянулись отдельные балконы, на которых места хватило бы еще сотне людей.

Йоханна частенько здесь бывала: тут протекала бóльшая часть работы с данником. Обычно в зале присутствовали она сама, Древорезчица и стая, которой требовалась та или иная информация. Сегодня все было иначе. Строго говоря, работа с данником в расписании не значилась: день отвели под первую встречу Йоханны с членами

Совета. В Совет входили двенадцать стай, и все они собрались здесь. Заняты были все балконы, а еще три стаи расположились на полу. Йоханна уже достаточно знала Когтей, чтобы понять: место это, с виду полупустое, заполнено так, что не протолкнешься. Стоял мыслешум пятнадцати стай. Звук пробивался даже сквозь плотные занавеси, временами жужжал у Йоханны в голове или отдавался вибрацией в ладонях, касавшихся перил.

Йоханна стояла рядом с Древорезчицей на самом просторном балконе. Когда они явились, Проныра уже раскладывал чертежи на полу. Увидев, что все стаи Совета почтительно поднимаются, он глянул вверх и что-то сказал Древорезчице. Королева ответила на самношке:

— Я знаю, это замедляет дело, но мне кажется, что так будет лучше. — И рассмеялась человеческим смехом.

Странник Викврэкшрам стоял на соседнем балконе, словно был членом Совета. Интересно. Йоханна еще не разобралась почему, но Шрамозадый явно ходил у Древорезчицы в фаворитах.

— Странник, тебя не затруднит переводить для Йоханны?

Странник склонил в их сторону несколько

голов.

— А ты согласна, Йоханна?

Девочка помедлила, потом кивнула. Это правильное решение. Странник владел самношком лучше всех Когтей, кроме разве что Древорезчицы. Садясь, Древорезчица взяла у Йоханны данник и раскрыла его. Йоханна бросила взгляд на экран: *она сделала заметки!* И даже не успела выдать своего удивления; королева заговорила опять, на этот раз булькающей межстайной речью. Спустя миг Странник начал переводить:

— Пожалуйста, сядьте все. И держите головы ниже. Тут и так тесно.

Йоханна сдержала усмешку. Странник Виквэкшрам оказался отличным переводчиком. Человеческий голос Древорезчицы он имитировал превосходно, передавая даже ироническую властность ее тона.

Вокруг завозились, устраиваясь. Теперь с каждого балкона выглядывало не больше пары морд. Долетавший оттуда мыслешум в основном поглощался плотной обивкой балкона или занавесями вокруг зала.

— Проныра, можешь продолжать.

Проныра внизу поднялся и посмотрел во всех направлениях. Потом начал говорить.

— Благодарю вас, — пришел перевод, теперь с имитацией голоса начальника тайной стражи. — Древорезчица попросила меня созвать это заседание по случаю срочных донесений с севера. Наши агенты докладывают, что Стальной взялся укреплять район вокруг корабля Йоханны.

Буль-буль, перебил его кто-то. Щепетильник?

— Это не новость. За этим нам и требуются пороховые пушки.

Проныра ответил:

— Да, мы уже некоторое время знаем об этих планах. Однако сроки завершения работ сдвинулись, и в новом проекте толщина стен значительно увеличена. Полностью окружив ими звездолет, Стальной, вероятно, прикажет его разобрать и перенести груз в свои лаборатории.

Для Йоханны эти слова были словно удар под дых. Раньше был шанс отбить корабль, пускай и в тяжелом сражении. Завершить миссию родителей, может, даже спастись самой…

Странник что-то добавил от себя и тут же перевел:

— А каковы новые сроки?

— Они уверены, что главные стены новой крепости будут возведены всего через десять десятидневок.

Древорезчица опустила пару носов на клавиатуру и стукнула по заметке. Одновременно перегнулась через поручень и посмотрела вниз, на своего начальника тайной стражи:

— Прежде Стальной бывал склонен к чрезмерному оптимизму. А объективную оценку можешь предоставить?

— Да. Стены будут возведены в срок от восьми до одиннадцати десятидневок, считая от настоящего момента.

Древорезчица:

— Мы рассчитывали по крайней мере на пятнадцать. Это реакция на наши планы?

Проныра внизу собрался плотнее.

— Таково было наше первое подозрение, ваше величество. Но… как вы знаете, у нас имеются весьма особые источники информации… которые не следует обсуждать даже здесь.

— Вот же хвастунишка. Я иногда задумываюсь, а есть ли у него вообще хоть что-нибудь. Я ни разу не видел, чтоб он свои задницы на полевое задание выволок.

А? Йоханна не сразу поняла, что это Странник комментирует ответ Проныры. Посмотрела на него через перила. Из ложи высунулись три головы Странника, и две смотрели в ее сторону. Их

выражение Йоханна узнала: ехидная усмешка. На замечание Странника никто больше не отреагировал; наверное, он так сфокусировал голос, что услышала одна Йоханна. Она недовольно глянула на него, и спустя миг он вернулся к обычному синхронному переводу:

— Стальному известно, что мы планируем нападение, но об особом нашем оружии он не знает. Сдвиг сроков, вероятно, стал следствием случайных подозрений. К сожалению, нам не повезло.

Трое или четверо членов Совета заговорили, перебивая друг друга.

— Громко выражают свое недовольство, — подытожил Странник. — *Я так и знал, что план провалится. А зачем нам вообще атаковать шкуродерников?..* и так далее.

Древорезчица справа от Йоханны издала резкий шипящий свист. Жалобщики заткнулись.

— Кое-кто здесь проявляет слабость духа. Мы обязаны атаковать Тайный Остров, потому что там — средоточие смертельной угрозы. Эту угрозу мы намерены уничтожить пушками Йоханны. Но если Стальной сообразит, как управлять звездолетом, он уничтожит нас первым.

Один из элементов Древорезчицы, сидевший на полу ложи, ткнулся носом в колено Йоханны.

Фокусированный голос Странника в ухе девочки фыркнул.

— Это не учитывая такой малости, как вернуть тебя домой и установить контакт со звездами, но столь *прагматично мыслящей* аудитории она сказать подобного не может. Если ты еще не догадалась, то тебя сюда привели в том числе и затем, чтобы показать нытикам, что небеса хранят много больше, чем они себе в состоянии вообразить. — Он помолчал и переключился на перевод слов Древорезчицы: — Затевая эту кампанию, мы не ошиблись; ошибкой было бы воздержаться от нее, ошибкой не менее смертельной, чем поражение в битве. Итак… есть ли у нас шансы вовремя добраться до побережья с боеспособной армией?

Королева указала носом на противоположный балкон:

— Щепетильник, пожалуйста, *покороче*.

— О-о, в перечне талантов Щепетильника краткость речей на последнем месте… ой, извини. — Это Странник опять взялся комментировать.

Щепетильник выставил на всеобщее обозрение еще пару голов:

— Мы с Пронырой уже обсуждали эту проблему, ваше величество. Собрать армию и дойти до побережья за десять десятидневок вполне реально.

Трудности с производством пушек и, вероятно, обучением артиллеристов. За это отвечаю я.

Древорезчица что-то резко бросила в ответ.

— О да, ваше величество, порох у нас есть. И мощь его соответствует описаниям Данника. Стволы пушек — более сложная задача. До самого недавнего времени металл казенника трескался, остывая. Думаю, что смогу с этим сладить. Во всяком случае, у меня уже есть два ствола без таких недостатков. Я рассчитывал уделить испытаниям несколько десятидневок…

— …но теперь мы не можем себе этого позволить, — вмешалась Древорезчица. Поднялась вся и оглядела Зал Совета. — Приказываю начать испытания полноразмерных пушек немедленно. Если все пройдет успешно, мы приступим к ускоренному выпуску. Изготовим столько, сколько успеем.

А если нет…

Через два дня…

Самое забавное: Щепетильник ожидал, что Йоханна перед испытанием осмотрит ствол. Стая возбужденно бегала вокруг установки, объясняя свои планы на скверном самношке. Йоханна ходила следом, напустив на себя серьезный вид и хмурясь. В нескольких метрах, почти скрытые

уступом, за происходящим наблюдали Древорезчица и ее Совет. «Ну что, выглядит эта штука совсем как настоящая». Ее установили на небольшой повозке, которую отдачей должно было откатить в кучу грязи. Сам ствол, отлитый из цельного куска металла, в длину достигал метра, а его канал — десяти сантиметров в диаметре. С дульного конца закладывали порох и ядро, а поджигали через маленькое запальное отверстие у казенника.

Йоханна провела рукой по стволу. Поверхность из свинцового сплава была неровной на ощупь; казалось, что в металле застыли катышки грязи. Даже стенки канала не идеально гладкие — а есть ли разница? Щепетильник продолжал молоть языками, объясняя, как использует при отливке соломенную подкладку, чтобы металл не трескался, остывая. Йоханне надоело.

— Надо сначала испробовать ее с малым количеством пороха, — сказала она.

Голос Щепетильника сделался заговорщицким, фокусированным:

— Строго между нами: я это сделал. Сработало отлично. Теперь пора провести главное испытание.

«Гм. Значит, не такое уж ты и трепло». Йохан-

на улыбнулась ближайшему элементу стаи, у которого на голове совсем не было черной шерсти. Щепетильник чем-то напоминал Йоханне ученых из Высокой Лаборатории: те тоже были с закидонами.

Отойдя от пушки, Щепетильник громко спросил:

— Ну что, начинаем?

Двумя элементами он нервно оглядывал членов Высшего Совета в укрытии.

— Мм, да, мне кажется, что все в порядке. — Как и должно было быть, конструкцию скопировали непосредственно с нюйорских моделей в учебнике истории Йоханны. — Но ты поосторожнее. Если что-то пойдет не так, эта штука может убить всех вокруг.

— Да-да. — Получив официальное разрешение, Щепетильник рассыпался вокруг орудия и отогнал Йоханну за черту безопасности. Пока она возвращалась к Древорезчице, он продолжал болтать на языке Когтей: наверное, объясняет ход испытания.

— Как думаешь, сработает? — тихо спросила у девочки Древорезчица. Она сегодня казалась еще дряхлее обычного. Для королевы постелили соломенную циновку поверх поросшей мхом и

вереском земли за уступом. Большинство элементов лежали тихо, умостив морды между лап. Слепец, казалось, дремал; молодой слюнявый идиот устроился рядом с ним, нервно подергиваясь. Странник Викврэкшрам, как обычно, сидел поблизости, но на этот раз не переводил. Все его внимание было приковано к Щепетильнику.

Йоханна подумала о соломе, которую Щепетильник использовал при отливке. Древорезчики искренне старались, но… Она покачала головой.

— Я… кто его знает.

Опустившись на колени, она выглянула из укрытия. Происходящее напоминало цирковое представление из учебника истории. Дрессированные звери и пушка. Даже цирковая палатка есть: Проныра настоял, чтобы место испытаний было скрыто от потенциальных наблюдателей в холмах. Конечно, враг что-то заметит, но чем меньше подробностей узнает Стальной, тем лучше.

Стая по имени Щепетильник суетилась вокруг пушки, не переставая болтать. Два его элемента притащили бочонок черного пороха и стали засыпать заряд в ствол. За порохом последовал пыж из шелковой бумаги. Протолкнув пыж на место, зарядили пушку ядром. Остальными элементами

Щепетильник разворачивал установку в сторону от палатки.

Они разместили пушку на обращенной к лесу стороне замкового двора, между старой и новой крепостными стенами. Йоханне был виден участок зеленой травы ниже по склону, а над ним — низкие, моросящие дождем облака. До старого крепостного вала метров сто. Фактически — место убийства Грамотея. Даже если чертова пушка не разорвется при выстреле, спрогнозировать дальность полета ядра никто не возьмется. Йоханна полагала, что оно даже до стены не долетит.

Щепетильник собрался у казенника, пытаясь разжечь длинный трут. У Йоханны вдруг оборвалось внутри: «Эта штука не сработает». Они все идиоты и любители, и она заодно. «А бедолага погибнет ни за что».

Йоханна рывком поднялась. «Я должна его остановить». Кто-то удержал ее за пояс и дернул к земле; это оказался один из элементов Древорезчицы, толстячок, которому было трудно ходить.

— Надо попытаться, — тихо сказала стая.

Щепетильник наконец поджег трут и сразу заткнулся. Все его элементы, кроме белоголового, опрометью кинулись под прикрытие уступа. На миг Йоханне показалось, что его обуяла трусость,

но потом девочка догадалась: человек, работая со взрывчаткой, тоже старается защитить свое тело, кроме руки, которой держит спичку. В случае неудачи Щепетильник отделается увечьем.

Белоголовый элемент бросил взгляд на остального Щепетильника через примятый вереск. Он, казалось, не так испугался, как обратился в слух. В таком отдалении он не мог быть частью разума Щепетильника, но существо это наверняка умнее собаки, а остальные отдают ему какие-то приказы.

Белоголовый развернулся и подошел к пушке. Последний метр он прополз на брюхе, укрываясь, как мог, за грязевой кучей позади тележки. Он поднес трут к стволу и наклонил его так, что пламя, коптившее на верхушке, медленно вползло в запальник. Йоханна скорчилась под прикрытием уступа…

Звук взрыва отдался в ее ушах резким надрывным хлопком. Древорезчица вздрогнула всеми элементами, по палатке разнесся свист боли. «Бедняга Щепетильник! — Йоханна почувствовала, как наворачиваются слезы. — Надо посмотреть, что там; на мне тоже лежит часть ответственности». Она медленно поднялась и заставила себя посмотреть через вересковую полянку туда, где

пушка стояла минуту назад… Как и теперь! Из дула и казенника вился толстый дым, но ствол остался цел. Более того, вокруг повозки бродил оглушенный Белоголовый, и белая шерсть его почернела от сажи.

Остальные элементы Щепетильника помчались к Белоголовому. Пятерка торжествующе забегала вокруг пушки, прыгая друг через друга. Остальные на долгий миг замерли как вкопанные. Пушка не раскололась. Пушкарь уцелел. Что же до, так сказать, побочного эффекта… Йоханна перевела взгляд вверх по склону холма, куда смотрел ствол: на верху старой крепостной стены зияла метровая выбоина, которой там раньше не было.

Да уж, Проныре придется попотеть, маскируя это от вражеских разведчиков!

Ошеломленное молчание разорвал такой гвалт, какого Йоханна тут еще не слышала. К обычному бульканью примешивалось шипение почти на грани слышимости. В другом конце палатки две незнакомых ей стаи вбежали друг в дружку, на миг безмысленного торжества став одной огромной стаей, девяткой или десяткой.

«Да, мы еще вернем корабль!»

Йоханна повернулась приласкать Древорез-

чицу. Но королева не кричала от радости, как остальные. Она свела головы вместе, и стало видно, как ее колотит дрожь.

— Древорезчица?

Она погладила одного из элементов, большого и толстого, по шее. Тот дернулся, тело его свела судорога.

Удар? Сердечный приступ? В памяти девочки всплывали имена древних убийц. А у стай такое бывает? Что-то не так, ужасно неправильно, а никто больше не заметил. Йоханна вскочила.

— Странник! — заорала она.

Через пять минут Древорезчицу вытащили из палатки. Там по-прежнему царил бедлам, но для ушей Йоханны — мертвенно-тихий. Она помогла королеве взойти в экипаж, но после этого ее больше к ней не подпускали. Даже Странник, с такой охотой переводивший накануне, отогнал девочку.

— Все будет в порядке, — только и сказал он, забегая перед повозкой и хватая вожжи этих странных животных, как их там… Экипаж тронулся. Рядом бежали несколько гвардейцев. Йоханну снова, как обухом, ударило странностью, чуждостью мира Когтей. Случилось что-то отнюдь не рядовое. Возможно, умирает высокопоставлен-

ная персона. Вокруг дым коромыслом. Но… все крутятся сами по себе. Никто не может подойти ближе. Никто не может коснуться другого.

Мгновение это пролетело, и Йоханна выбежала из палатки следом за экипажем. Стараясь не отставать, она мчалась через вереск вдоль раскисшей тропы, и у нее почти получалось. Все было мокрое, холодное, цвета серого ружейного металла. Все так настаивали на испытаниях… А что, если это какая-то новая хитрость Шкуродера? Йоханна споткнулась, шлепнулась в грязь, встала на колени. Карета повернула и выехала на мостовую, пропав из виду. Девочка поднялась и побежала по мокрой тропинке дальше, немного сбавив ход. Она была бессильна помочь, совершенно бессильна. У нее был друг — Грамотей, и Грамотея убили. У нее появилась подруга — Древорезчица, а теперь…

Йоханна брела по брусчатке меж замковых амбаров. Экипажа королевы не было видно, но слышался стук колес по камням. Мимо в обоих направлениях бегали гвардейцы Проныры, иногда останавливаясь и отходя в боковые стенные ниши — пропустить встречных. На вопросы Йоханны стражники не отвечали. Возможно, они не знали самношка.

Йоханна едва не заблудилась. Она еще слышала стук колес, но экипаж явно куда-то свернул. Звук раздался снова, позади. Они везут Древорезчицу к Йоханне домой! Она повернула и уже через несколько минут поднималась по склону холма к двухэтажной хижине, которую последние недели делила с Древорезчицей. Йоханна выбилась из сил и не могла бежать, а потому просто брела вверх по холму, едва осознавая, что вся промокла и перепачкалась. Карета стояла в пяти метрах от двери. Стражники растянулись по всему холму, но арбалеты их не были взведены.

Послеполуденное солнце пробилось через облака на западе, на миг осветило мокрый примятый вереск, сверкнуло на бревнах, ярко озарив их на фоне мрачного небосвода над холмами. Игра света и тьмы из разряда тех, которыми Йоханна в особенности восхищалась. «Пожалуйста, пускай с ней все окажется в порядке».

Стража пустила ее внутрь. Странник Виквр-экшрам стоял поперек двери, тремя элементами наблюдая за Йоханной. Четвертый, Шрамозадый, просунул назад в дверной проем длинную шею, глядя на то, что происходит внутри.

— Она хотела, чтобы это случилось здесь, — сказал он.

— Что с-с-случилось? — вырвалось у Йоханны.

Странник пожал плечами на стайный манер:

— Это от шока при выстреле пушки. Но могло произойти и от чего угодно другого.

В том, как покачивались его головы, было что-то странное. Йоханна вдруг сообразила, вне себя от изумления, что стая *улыбается*, исполненная радости.

— Я хочу ее увидеть!

Йоханна кинулась к двери, и Шрамозадый порскнул прочь.

Свет проникал в дом только через открытую дверь и щелевидные окна высоко под потолком; Йоханна дождалась, когда глаза привыкнут. Пахло чем-то… влажным. Древорезчица лежала кружком на подбитом матраце, который занимала ежевечерне. Йоханна подошла к ней и опустилась на колени. Стая нервно дернулась от ее прикосновения. Она была в крови, и посередке матраца виднелось что-то вроде клубка внутренностей. Йоханну затошнило.

— Д-древорезчица? — очень тихо позвала она.

Один элемент королевы подался к Йоханне и уткнул морду ей в руку.

— Привет, Йоханна. Как… странно… что рядом со мной сейчас кто-то сидит.

— У тебя кровь. Что с тобой?

Мягкий, совсем человеческий смех.

— Мне больно, но это хорошо… Глянь.

Слепец держал в челюстях что-то маленькое, мокрое, а другой элемент это *что-то* вылизывал. Оно извивалось, оно было живое. И Йоханна поняла, отчего растолстели и стали так неуклюжи в последнее время элементы Древорезчицы.

— У тебя щенок?

— Да. И через пару дней будет еще один.

Йоханна села на деревянный пол и закрыла лицо руками, чувствуя, как снова подступают слезы.

— Но почему ты мне не сказала?!

Древорезчица мгновение отмалчивалась. Вылизав щенка, она умостила его на брюшке элемента, который, надо полагать, приходился тому мамой. Новорожденный прижался к шерстке. Если он издавал какие-то звуки, то Йоханна их не слышала. Наконец королева ответила:

— Я… не знаю, как тебе объяснить. Мне очень тяжело было.

— Завести детей?

Руки Йоханны стали липкими от пропитавшей подстилку крови. Конечно, ей и должно быть тяжело. Так начинается любая жизнь на планетах

вроде этой. Рождается из боли, которая вынуждает искать поддержки других, из боли, которая ведет к радости.

— Нет. Завести детей несложно, я рожала больше сотни раз, насколько помню. Но эти двое… положат мне конец. Ну как тебе объяснить? Вы, люди, не выбираете, продолжать ли себя; ваши отпрыски в любом случае вами не являются. Но для меня это конец души, прожившей шестьсот лет. Видишь ли, я собираюсь принять этих двоих в себя… и впервые за много веков не буду им одновременно матерью и отцом. Я стану новой.

Йоханна поглядела на слепца и слюнявого. Шестьсот лет инцеста. Сколько бы еще протянула Древорезчица в здравом уме? *Не буду им одновременно матерью и отцом*.

— А кто же отец? — не выдержала она.

— А ты как думаешь? — Голос раздался сразу за дверью. Элемент Странника Викврэкшрама заглядывал внутрь одним глазом. — Когда Древорезчица принимает решение, то малым не довольствуется. Она была самой цепкой, самой слитной душой всех времен. Но теперь в ней кровь — *гены*, как сказал бы Данник, — стай всего мира, кровь одного из самых безбашенных пилигримов, когда-либо раскрывавших душу ветру.

— И одного из самых умных, — добавила Древорезчица насмешливо и печально. — Новая душа окажется не глупее старой, и к тому же гораздо гибче.

— А я тоже немножко беременный, — сказал Странник. — И мне ни капельки не жаль. Я слишком долго был четверкой. Представь себе, завести щенков от самой Древорезчицы! Может, я под это дело остепенюсь и осяду на одном месте.

— Ха! Даже двоих моих не хватит, чтоб укротить твою душу пилигрима.

Йоханна слушала их веселую болтовню. Они обсуждали странные, чужеродные вещи, но с юмором и теплотой, которые вдруг показались ей очень знакомыми. Она уже где-то… и тут она вспомнила. Когда Йоханне было всего пять, мама с папой принесли домой маленького Джефри. Йоханна не помнила ни слов, ни смысла сказанного, но говорили мама с папой таким же тоном, как сейчас Древорезчица со Странником.

Йоханна села, опершись спиной о подушку, и напряжение этого дня оставило ее. Артиллерия Щепетильника и вправду работает; они еще могут отбить корабль. А даже если потерпят неудачу… все равно она чувствовала себя чуть-чуть дома.

— А м-можно мне погладить твоего щеночка?

Глава 25

Путешествие «Внеполосного-II» начиналось с катастрофы, где часы и минуты отделяли жизнь от смерти. Первые недели прошли в ужасе и одиночестве, пока тянулось воскрешение Фама. «Внеполосный-II» быстро снижался к галактической плоскости, отдаляясь от Маршрутизатора. День за днем звездный вихрь выпрямлялся им навстречу, пока не стал сплошной полосой света. Таким Млечный Путь виден с Нюйоры и Старой Земли — и с большинства обитаемых планет Галактики.

Двадцать тысяч световых лет за три недели, но это в Срединном Запределье. Теперь корабль двигался в галактической плоскости, а до цели на Дне Запределья оставалось еще шесть тысяч световых лет. Зонные интерфейсы примерно соответствовали эквимассовым поверхностям; в галактическом масштабе Дно представляло собою линзообразную поверхность и окружало бóльшую часть галактического диска. «Внеполосный-II» летел в плоскости этого диска, держа курс более или менее постоянно к центру Галактики. Каждая неделя приближала их к Медленной

Зоне. Что еще хуже, путь их (во всех вариантах) пролегал прямо через область массивного зонного сдвига. В сетевых новостях это называли Великой зонной бурей, хотя, разумеется, никакой физически ощутимой турбулентности там не регистрировалось. Но выпадали дни, когда преодолеть удавалось менее восьмидесяти процентов намеченного отрезка.

Они рано поняли, что замедляет корабль не одна лишь буря. Синепанцирь выбрался наружу, осмотреть поврежденные при бегстве участки.

— Так дело еще и в самом корабле? — Равна стояла на мостике и смотрела на звезды — движение их по небосводу стало неощутимым. Утвердительный ответ не принес ничего нового. *Что же делать?*

Синепанцирь слонялся по потолку взад-вперед.

Каждый раз, доезжая к дальней стене, он запрашивал управляющие программы корабля о состоянии шлюза в носовом люке. Равна метнула на него раздраженный взгляд.

— Слушай, ты уже в который раз за три минуты проверил шлюз. Если ты и вправду считаешь, что там поломка, то исправь ее!

Наездник затормозил, нерешительно шевеля

ветками:

— Но я только что выходил наружу, хочу увериться, что люк надежно загерметизирован. Ой, а что, я уже его проверил?

Равна посмотрела на него и постаралась ответить помягче. На Синепанцире срывать гнев не стоит.

— Ага. Не меньше пяти раз.

— Извини.

Он помедлил, прижал ветви к стволу, сосредоточился:

— Я записал это в память.

Иногда такая наездничья привычка умиляла, а временами откровенно раздражала. Когда наездники пытались думать о нескольких вещах одновременно, емкости кратковременной памяти тележки зачастую не хватало. Синепанцирь зацикливался особенно часто: выполнит какое-то действие и тут же об этом забудет.

Фам усмехнулся, держась куда хладнокровнее Равны:

— А почему бы вам, наездникам, не избавиться от них?

— От чего?

— Ну, корабельная библиотека утверждает, что эти гаджеты, тележки, у вас были еще до

возникновения Сети. И с тех пор вы не улучшили дизайна, не избавились от этих дурацких колес, не обновили программы поиска? Мамой клянусь, даже боевой программист Медленной Зоны — например, я — запросто придумал бы конструкцию лучше вашей нынешней.

— Это традиция, — сухо ответил Синепанцирь. — Мы благодарны тому, кто дал нам первые колеса и первые устройства памяти.

— Гмм.

Равна с трудом сдержала улыбку. Она уже неплохо изучила Фама и понимала, о чем он думает: в Трансценденции наездникам были доступны устройства куда совершеннее. Оставшиеся, вероятно, находят какое-то удовольствие в самоограничении.

— Да, традиция. Многие наездники перестали быть собой, даже перешли в Трансценденцию. А мы ее чтим. — Зеленожка помолчала, а заговорив снова, показалась Равне даже застенчивей обычного. — Вы слышали про миф наездников?

— Нет, — ответила Равна, невольно заинтересовавшись. В будущем она, без сомнения, узнает наездников не хуже, чем своих человеческих друзей, но пока что эти существа таили множество сюрпризов.

— Немногие слышали. Не то чтоб это такая уж тайна; просто мы нечасто о ней упоминаем. Почти религия, но мы не проповедники. Четыре-пять миллиардов лет назад Некто построил первые тележки и возвысил первых наездников до разумного состояния. Это вполне доказано. Миф гласит, что Создатель и все его работы погибли. Были уничтожены кем-то или чем-то… катастрофой столь древней, что теперь даже не узнаешь, был ли это сознательный акт.

О том, как выглядела Галактика в далеком прошлом, во времена Первораздела, судачили много. В конце концов, Сеть не могла существовать вечно, она должна была иметь начало. Равна, впрочем, никогда особо не верила в Древние Войны и Катастрофы.

— Итак, — продолжала Зеленожка, — в каком-то смысле мы, наездники, считаем себя верующими. Мы ожидаем возвращения Того, Кто нас сотворил. Традиционная тележка, традиционный интерфейс — наши стандарты. Верность им питает наше терпение.

— Именно так, — подтвердил Синепанцирь. — Хотя функции тележки просты, миледи, дизайн весьма изощренный. — Он перекатился в центр потолка. — Традиционная тележка требует

высокой самодисциплины, концентрации на подлинно важном. Я только что беспокоился слишком о многом… — Резко оборвав фразу, он вернулся к упущенной нити беседы. — Два наших ультрашипа так и не самовосстановились после урона, понесенного на Маршрутизаторе. Еще три продолжают отмирать. Мы полагали, что падение скорости связано только с бурей, но теперь, внимательно изучив состояние шипов, я констатирую, что предупреждения от диагностических систем — не ложная тревога.

— И положение ухудшается?

— К сожалению.

— Насколько еще оно осложнится?

Синепанцирь свел все щупальца в пучок:

— Миледи Равна, экстраполяции здесь ненадежны. Оно может ухудшиться несущественно или… Понимаете, «Внеполосный-II» не был полностью подготовлен к отлету. Требовалось провести заключительный этап диагностики. В некотором смысле именно вынужденное пренебрежение им беспокоит меня более всего. Мы не знаем, где прячутся баги и как могут себя повести, когда мы опустимся на Дно, где нормальную автоматику придется отключить. Надо внимательно следить за двигателями… и надеяться.

Старый кошмар путешественников, особенно ко Дну Запределья: ультрадвигатель отключается и световой год становится делом не минут, но лет. Даже сумей они запустить ионный прямоточный двигатель и лечь в гибернаторы, к моменту прибытия Джефри Ольсндот уже тысячу лет как будет лежать в могиле, а тайна корабля его родителей — в глубине средневековой помойки.

Фам Нювен махнул в сторону медленно сдвигающегося звездного поля.

— Но ведь это Запределье. За час мы улетаем дальше, чем флотилия Чжэн Хэ — за десять лет. — Он пожал плечами. — Можно ведь где-нибудь починить корабль?

— В нескольких местах.

Равна вздохнула. Ничего себе быстрый и скрытный полет. На Маршрутизаторе корабль так и не успели загрузить запчастями и снабдить программами для работы в придонном режиме. Все это теперь рассуждения о неслучившемся. Она глянула на Зеленожку.

— Есть идеи?

— О чем? — поинтересовалась Зеленожка.

Равна даже губу прикусила. Говаривали, что наездники — раса комедиантов. Так оно и оказалось, но ведь они обычно не нарочно…

Синепанцирь пошелестел подруге.

— А! Вы хотите знать, где мы можем получить помощь. Ну да, имеется несколько возможностей. Сьяндра Кей на расстоянии тридцати девяти световых столетий по направлению вращения, но по ту сторону бури. Мы…

— Слишком далеко, — сказали в один голос Синепанцирь и Равна.

— Да-да, но подумайте: миры Сьяндры Кей населены преимущественно людьми. Это и ваш дом тоже, миледи Равна. Мы с Синепанцирем хорошо знаем их. В конце концов, мы ведь именно там закупили криптогруз, с которым прибыли на Маршрутизатор. У нас там друзья, а у вас — семья. Даже Синепанцирь согласится, что там мы получим нужное, не привлекая лишнего внимания.

— Да, получим! — нетерпеливо перебил Синепанцирь. — Но туда еще добраться нужно!

— Хорошо, а какие еще есть варианты?

— Они не так хорошо изучены. Я составлю список. — Ветви наездницы застучали по консоли. — Крайняя точка, до которой можно определяться с выбором, близка к нынешней нашей траектории. Это односистемная цивилизация. В Сети известна как… переводится как Гармоничный Покой.

— Покойся с Миром, э? — сострил Фам.

Но в итоге они порешили лететь на малой скорости, непрерывно мониторя поврежденные шипы, а остановку на ремонт пока отложить.

Дни превратились в недели, а недели медленно сложились в месяцы. Четверо путников шли ко Дну. Двигатель продолжал сдавать, но медленно: примерно этого они и ожидали по расчетам диагностических систем «Внеполосного-II». Погибель расползалась по Вершине Запределья, атакуя сетевые архивы далеко за пределами непосредственной сферы влияния. Связь с Джефри улучшалась. В день поступало от одного до двух сообщений. Иногда, если антенный рой «Внеполосного-II» ориентировал себя в нужном направлении, мальчик и Равна могли общаться почти в реальном времени. На планете Когтей прогресс шел даже быстрее, чем надеялась девушка. Возможно, мальчик даже сумеет спастись сам.

Путешествие должно было оказаться утомительным. Взаперти на тесном корабле в компании всего трех спутников, с единственной ниточкой, связывающей с внешним миром, да и та тянется лишь к перепуганному ребенку. Однако скучать не приходилось. Равна обнаружила, что для каждого всегда найдется работа. Сама

девушка закопалась в корабельную библиотеку, составляя планы помощи Стальному Владыке и Джефри. Библиотека «Внеполосного-II» и рядом не стояла с Архивом Маршрутизатора или даже университетскими библиотеками на Сьяндре Кей, но без поисковой автоматики разобраться в ней тоже было бы немыслимо. А по мере продвижения автоматика требовала все более аккуратного подхода.

Кроме того, в компании Фама жизнь просто не могла быть скучной. Он всегда занимался дюжиной дел и всем интересовался.

— Время в пути — это дар, — говаривал он. — Сейчас у нас есть время собраться с мыслями и приготовиться к тому, что ждет нас впереди, чем бы оно ни оказалось.

Он взялся за самношк. Учил он его, конечно, медленней, чем на Маршрутизаторе, но способности к языкам у чувака несомненно были, а Равна обеспечивала ему вдоволь практики.

Ежедневно Фам проводил по нескольку часов в мастерской «Внеполосного-II», зачастую в компании Синепанциря. Реализуемая графика была ему в новинку, но спустя несколько недель он уже освоил игрушечные прототипы и продвинулся дальше. Скафандры он оснащал оружием и

запасными источниками энергии.

— Мы понятия не имеем, как там все повернется; силовая броня может нам пригодиться.

В конце каждого дня они собирались в командной рубке: сравнить записи об успехах, обсудить свежие сообщения от Стального Владыки и Джефри, проверить двигатель. Для Равны то было самое счастливое… и временами самое тяжкое время суток. Фам, повозившись с дисплейной автоматикой, преобразил рубку в подобие замка. Вместо обычного окна комм-консоли возник роскошный камин. Звук гудящего пламени был сымитирован почти безукоризненно — оттуда даже шло немного тепла. Зал Фам воссоздал по памяти; он утверждал, что так выглядел замок на Канберре. От замков Нюйоры века принцесс конструкция, впрочем, не слишком отличалась (с тем исключением, что нюйорские замки стояли преимущественно на тропических болотах и камины там были редкостью). Наездникам вид зала тоже доставлял какое-то извращенное удовольствие, Зеленожка говорила, что имитация напоминает ей торговую стоянку времен первых полетов с Синепанцирем. Как путники после целого дня на трудной дороге, четверо друзей отдыхали в уюте фантомного зала. А переделав все

дела, Фам с наездниками травили байки, часто засиживаясь далеко за «полночь».

Равна, сидевшая рядом с Фамом, предпочитала отмалчиваться. Нет, она, конечно, смеялась, когда нужно, и подключалась к некоторым спорам. Как-то раз Синепанцирь принялся высмеивать веру Фама в шифрование с открытым ключом, и Равна привела несколько историй из своей практики, поясняя, на чем зиждется скептицизм наездника. Но, как уже было сказано, это время дня порой оказывалось для нее самым сложным. Конечно, рассказы увлекали. Синепанцирь с Зеленожкой облетели много миров, будучи прирожденными торговцами. Разводки, сделки, товары — суть их жизни. Фам слушал истории друзей, и вид у него бывал совершенно зачарованный… а потом он принимался рассказывать свои. О том, как был принцем на Канберре, а потом стал торговцем и изыскателем Медленной Зоны. И, вопреки очевидным ограничениям Медленной Зоны, повести о его приключениях затмевали даже похождения наездников. Равна улыбалась и всячески изображала энтузиазм.

Потому что истории Фама были слишком уж невероятны. Сам он в них верил, но Равна просто вообразить себе не могла, чтобы один человек

столько всего видел и совершил. Тогда, на Марш-рутизаторе, она запальчиво заявила, что память у него поддельная — гнусная шуточка Старика. У нее это вырвалось в приступе гнева. Не раз с тех пор она жалела, что поддалась тому порыву… ведь ясно было, что это правда. Синепанцирь с Зеленожкой не замечали, но временами Фам запинался на середине рассказа, подходя к провалу в памяти, и Равна видела в его глазах едва сдерживаемую панику. В глубине души он тоже отдавал себе отчет, как обстоит дело; когда это случалось, Равну охватывало желание обнять его, утешить. Это как дружить со страшно искалеченным человеком: говорить-то с ним можно, однако лишь при взаимном условии не упоминать об уродстве. И Равна притворялась, что не замечает провалов, улыбалась и смеялась над рассказами.

А ведь Старику не было никакой нужды так с ним поступать. Не обязательно было делать Фама великим героем. Он же отличный парень, хотя и вспыльчивый охламон. Настойчивостью он не уступал Равне, а смелостью превосходил ее.

Как же искусно поработал Старик, создавая такого человека. Какую… Силу приложил. И как ныне Равна его ненавидела за столь мерзкую шутку над таким человеком.

Богосколок Фама редко давал о себе знать, и Равну это очень радовало. Впрочем, пару раз в месяц Фам погружался в «сон с открытыми глазами». Следующие пару дней он только и носился с каким-нибудь новым проектом, зачастую не в состоянии объяснить, чего хочет. Но не более. От Равны он не отдалялся.

— В конце концов богосколок может нас всех спасти, — обычно отвечал он, когда Равна набиралась мужества его спросить. — Нет, я не знаю как.

Он стучал пальцем по лбу.

— Тут до сих пор — захламленный чердак божества. Это не просто память. Иногда ему нужен весь мой ум, и места для самосознания не остается. Потом я не могу ничего объяснить, но… бывает иначе, иногда я что-то улавливаю. Что бы родители Джефри ни доставили на планету Когтей, эта штука опасна для Погибели. Зови ее противоядием… нет, лучше *контрмерой*. Нечто изъятое у Искажения в самом начале, при зарождении его в лаборатории страумеров. Искажение лишь много позже сообразило, чего лишилось.

Равна только вздыхала. Трудно было себе представить весть столь ободряющую и в то же время пугающую.

— Неужели страумерам удалось выхватить нечто подобное прямо из сердца Искажения?

— Быть может. А возможно, это контрмера воспользовалась страумерами, чтобы скрыться от Искажения. Спрятаться в недосягаемых глубинах и ждать своего часа. Думаю, Рав, что план этот может сработать. По крайней мере, если я, то есть богосколок Старика, сумею туда добраться и помочь ей. Ты глянь в новости. Погибель всю Вершину перелопатила. Она за чем-то охотится. Атака на Маршрутизатор — слабый отголосок тех событий, побочный эффект убийства Старика. Но пока что она ищет не там. У нас есть шанс в виде контрмеры.

Она вспомнила сообщения от Джефри.

— Та гниль на стенах корабля Джефри. Думаешь, это она?

Взгляд Фама стал отстраненным.

— Да. Кажется, она совершенно пассивна, и он говорит, что она там с самого начала, что родители не разрешали к ней приближаться. Она внушает ему некоторое отвращение… И хорошо, потому что его друзья, Когти, тоже станут держаться от нее подальше.

У нее сразу возникла тысяча вопросов. Несомненно, и у Фама тоже. Пока что ответа нельзя

было найти ни на один из них. Но настанет день, они окажутся в присутствии этой неизвестности и мертвая рука Старика потянется к ней… *через Фама.* Равна вздрогнула и надолго замолчала.

Проект создания пороховых пушек продвигался месяц за месяцем, точно по графику, составленному программой корабельной библиотеки. Когти без труда справлялись с ним: им очень редко приходилось возвращаться по дереву разработки в случае ошибок. Испытание сплавов, будучи ключевым этапом, замедляло процесс, но и тут главное уже было достигнуто. Стаи Тайного Острова соорудили первые три прототипа: орудия заряжались с казенной части и получились достаточно компактными, чтобы с ними могла орудовать одна стая. Джефри рассчитывал перейти к массовому производству через десять дней.

С радиосвязью дела шли как-то странно. С одной стороны, по графику; с другой же… проект превзошел все ожидания Равны. После длительного периода устойчивого продвижения Джефри вдруг предложил свой план: полностью переработать таблицы акустического интерфейса.

— Я думал, эти чудики в первый раз средневековье проходят, — сказал Фам Нювен, прочтя сообщение от Джефри.

— Да. В принципе, они просто творчески переосмыслили то, что мы им подсказываем. Они хотят думать по радио.

— Гм. Ну да, мы им показали таблицы для сети преобразователя… все на нетехническом самношке. И продемонстрировали, как незначительные изменения в таблицах сказываются на геометрии сети. Но ты только глянь: наша разработка давала им полосу в три килогерца — для голосовой связи вполне хватит. А ты говоришь, что новая таблица даст целых двести.

— Да. Ну, так мой данник утверждает.

Он насмешливо улыбнулся:

— Ага! Вот где самая мякотка. Конечно, в принципе мы им дали всю нужную для редизайна сети информацию. Но, сдается мне, получение расширенной таблицы спецификаций эквивалентно решению… — он сосчитал столбцы и строки, — системы пятисот дифференциальных уравнений в частных производных. А наш малыш Джефри заявляет, что все данники уничтожены и даже бортовой компьютер толком не фурычит.

Равна подняла голову от экрана:

— Извини, не сразу сообразила. — «Когда привыкаешь к повседневным инструментам, забываешь, каково без них». — Ты… ты думаешь,

это работа контрмеры?

Фам Нювен поколебался, словно эта возможность ему на ум не приходила. Потом ответил:

— Нет… нет, не ее. Я думаю, что этот Стальной Владыка нас водит за нос. Все, что у нас есть, это поток байтов от Джефри. Что мы в действительности знаем о происходящем?

— Я тебе скажу что. Мы общаемся с маленьким мальчиком, который рос на Страумлианском Просторе. Бóльшую часть его сообщений ты читал в переводе на трисквелин. При этом теряются специфические обороты и ошибки, характерные для ребенка, для которого самношк — родной язык. Подделать это могли только взрослые… но даже это маловероятно, так я тебе скажу, пообщавшись с Джефри двадцать с лишним недель.

— Хорошо, предположим, что Джефри настоящий. Итак, мы имеем дело с восьмилетним пацаном, застрявшим на планете Когтей. Он сообщает нам то, что считает истиной. Я бы сказал, что кто-то его дурачит. Тому, что он видит собственными глазами, мы, вероятно, можем верить. Он утверждает, что разумными эти существа становятся только в стаях от пяти элементов или как-то так. Ладно. Поверим. — Фам демонстративно закатил глаза. Надо полагать, он уже

успел прочесть, как редко встречается групповой разум по эту сторону Трансценденции. — Пацан говорит, что из космоса не видел ничего, кроме маленьких городов, и что все наземные постройки выглядят средневековыми. Примем это за чистую монету. Но! Каковы шансы, что эта раса настолько умна, чтобы решать в уме системы дифуров, воссозданные по намекам в твоем сообщении?

— Ну, были же люди с такими способностями. — Она могла бы назвать один случай из нюйорской истории, еще пару — со Старой Земли. Но если у стай такие дарования — обычное дело, то эта раса умнее всех известных ей природных видов. — Значит, средневековье у них не первое?

— Именно. Готов побиться об заклад, это колония, впавшая в темные века, вроде вашей Нюйоры или моей Канберры, только им подфартило очутиться в Запределье. У этих стайных песиков где-то работает компьютер. Возможно, он под контролем касты жрецов, возможно, у них больше ничего не осталось. Но они от нас что-то скрывают.

— Но зачем? Мы бы им все равно помогали. А Джефри нам сообщил, что эта группа его спасла.

Фам скорчил было старую снисходительную

ухмылочку, но тут же посерьезнел. От этой привычки он искренне старался избавиться.

— Ты бывала на дюжине разных миров, Равна. И читала еще о тысячах, по крайней мере обзоры. Я знаю. Тебе наверняка известны такие сорта средневековья, о которых я никогда и понятия не имел. Но дело в том, что я там *жил*… так я думаю. — Последние слова он нервно пробормотал.

— Я читала про век принцесс, — мягко сказала Равна.

— Да… и я заранее извиняюсь за пренебрежение. В любой средневековой культуре клинок должен быть остер, как и мысль. Но для того, кто все это пережил, связь еще теснее. Понимаешь, даже если принять на веру все виденное и пересказанное Джефри, с этим королевством Тайного Острова что-то не так.

— Ты про имена?

— Шкуродер, Стальной, Когти, все такое? Грозные имена не обязательно что-то особенное значат. — Фам усмехнулся. — Знаешь, когда мне было восемь лет, я в числе прочих носил уже и такой титул: Властелин-Потрошитель. — Увидев лицо Равны, он торопливо добавил: — Нет-нет, ты что, я в этом возрасте видел от силы пару казней! Имена — лишь небольшой фрагмент картины.

Я думаю об этом замке, каким описал его пацан: он, кажется, совсем рядом с кораблем. О засаде, из которой, как он считает, его спасли. Что-то не сходится. Ты спрашиваешь, какая им польза нас обманывать. Я смотрю с их точки зрения. Если там деградировавшая колония, они совершенно точно понимают, почему случился упадок. У них остались какие-то технологии, вдобавок они отъявленные параноики. На их месте я бы всерьез рассмотрел возможность заманить спасателей в ловушку, если те поведут себя беспечно или дадут слабину. А даже явись мы в полной силе… ты глянь, какие вопросы задает Стальной через Джефри. Он удочку закидывает. Пробует выяснить, что нам в действительности нужно: корабль беженцев, Джефри и дети в гибернаторах или что-нибудь на самом корабле. Когда мы прилетим, Стальной уже наверняка закончит прополку тамошней оппозиции. Нашими же стараниями. Думаю, что на планете Когтей нас ожидает тяжелый случай шантажа.

«А я думала, мы тут хорошие новости обсуждаем. — Равна перелистала недавние сообщения. Фам был прав. — Мальчик говорит правду, какой он ее видит, но…»

— Не понимаю, как можно изменить план. Если

бы мы не взялись помогать Стальному против древорезчиков…

— Угу. Мы слишком мало знаем, чтобы поступить иначе. Как ни крути, а древорезчики кажутся реальной угрозой для Джефри и корабля. Я просто предлагаю обдумать альтернативные возможности. А вот чего мы точно не должны делать, так это интересоваться *контрмерой*. Если туземцы поймут, как отчаянно мы в ней нуждаемся, мы пропали. И пора бы самим немного дыму пустить. Стальной там болтает насчет постройки посадочной площадки для нас. В стенах своего замка. «Внеполосный-II», само собой, туда не влезет, но стоит ему подыграть. Скажем Джефри, что мы в состоянии отстыковаться от ультрадвигателя, совсем как его контейнеровоз. Пускай Стальной себе строит безвредные ловушки…

Он принялся насвистывать одну из своих странных «маршевых» мелодий.

— А насчет радио… Почему бы не сделать Когтям комплимент за такое усовершенствование нашей разработки? Интересно, что они ответят.

Фаму Нювену и трех дней не пришлось ответа ждать. Джефри Ольсндот заявил, что оптимизация — всецело его заслуга. Если верить мальчишке, потайных компьютеров там нет.

Фама это не совсем убедило.

— Хочешь сказать, что у нас там по воле случая Исаак Ньютон на линии?

Равна не могла с ним спорить. Неимоверная удача, да, но… Она вернулась к ранним сообщениям. В языке и общих вопросах мальчик был вроде бы самый обычный для своего возраста. Но временами, когда ситуация требовала математической интуиции, а не формальной, заученной математики, Джефри выдавал потрясающие идеи. Некоторые беседы состоялись в отличных условиях, когда время ожидания ответа не превышало минуты. Все выглядело слишком естественно, чтобы подозревать ложь, что бы там ни воображал Фам Нювен.

«Джефри Ольсндот, я очень хотела бы с тобой познакомиться».

Всегда были какие-то хлопоты: проблемы с программой развития Когтей, страхи, что безжалостные древорезчики атакуют Стального Владыку, тревоги по поводу деградирующих двигательных шипов или зонной турбулентности, дополнительно замедлявшей продвижение «Внеполосного-II». Жизнь текла своим чередом, скучная, унылая и тревожная одновременно. А все же…

Однажды ночью, примерно через четыре месяца полета, Равна проснулась в каюте, которую делила с Фамом. Возможно, ей что-то снилось, но она не помнила, что именно; впрочем, не кошмар. В комнате не было никаких шумов, ничего, что могло бы разбудить. Рядом громко похрапывал в своем гамаке Фам. Она подсунула ему руку под спину и нежно привлекла к себе. Дыхание его переменилось, он пробормотал что-то спокойное, неразборчивое. Равна считала, что секс в невесомости совсем не так доставляет, как судачили некоторые, но обычный сон рядом с кем-нибудь… в невесомости он куда уютнее. Легкие, нежные объятия, без усилий.

Равна оглядела скудно освещенную каюту, пытаясь понять, что́ ее разбудило. Может, просто день трудный выдался: Силы свидетели, проблем выше крыши. Она уткнулась лицом Фаму в плечо. Проблемы всегда есть, но… кое в чем ей было лучше, чем когда-либо за много лет. Конечно, проблемы есть. Бедняжка Джефри… все эти смерти на Страумлианском Просторе и Маршрутизаторе… Зато у нее трое друзей и любовь. В крохотном корабле, идущем ко Дну, она чувствовала себя совсем не такой одинокой, как за все время после отлета со Сьяндры Кей. А может, даже и за

всю жизнь. Может, и с проблемами получится разобраться.

И тогда она поняла — с горечью и радостью одновременно, — что спустя много лет эти месяцы покажутся золотой, счастливой порой.

Глава 26

Наконец, по прошествии почти пяти месяцев, стало ясно, что без починки двигательных шипов нечего и думать о дальнейшем продвижении. «Внеполосный-II» с трудом выдавал четверть светового года в час там, где спокойно мог бы делать и два. И скорость только падала. До Гармоничного Покоя добрались бы без проблем, но не дальше.

Гармоничный Покой. «Какое идиотское название», — подумалось Равне. Фам с легким сердцем окрестил его Покойся с Миром — тот еще прикол. В Запределье обживали почти все, что можно было заселить. Цивилизации гибли, расы вымирали, но снизу постоянно поднимались новые. Результат? Лоскутные, многовидовые системы. Молодые расы, только выкарабкавшись из Медленной Зоны, начинали грызню с последышами старых. Если верить корабельной библиотеке, Покойся с Миром издавна пребывает в Запределье. Традиция колонизации этой системы уходила в прошлое по меньшей мере на двести миллионов лет. Десять тысяч рас могли считать ее домом. Самые свежие записи указывали на присутствие сотни видов, и даже самая молодая раса — лишь

остаток после дюжины эмиграций. Да уж, там, надо полагать, спокойно, как в хосписе.

Делать нечего. «Внеполосный-II» сместился на три световых года по направлению вращения Галактики. Они спускались к Покойся с Миром по основной сетевой магистрали этого района. Новости будут доступны всю дорогу.

С Гармоничного Покоя шел поток рекламных сообщений. По меньшей мере один вид высоко ценил импортные товары, за которые мог предложить услуги по ремонту и переоснастке кораблей. В объявлении утверждалось, что раса эта предприимчива и *твердонога* — что бы это ни значило. Наконец получилось поймать какое-то видео. Существа передвигались на чем-то вроде бивней, а под шеями у них рос пучок коротких рук. Объявление содержало отклики удовлетворенных сервисом пользователей Сети. Жаль, что по ссылкам не сходишь. Равна ограничилась кратким запросом на трисквелине — насчет общей диагностики и ремонта двигателей — и справилась, что с них возьмут в уплату.

Тем временем дурные вести шли бурным потоком.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Белорешк → трисквелин (диалект СК)

От: Альянс во Имя Защиты [как утверждается, этим термином обозначают себя пять сотрудничающих поливидовых империй областей Запределья, лежащих Ниже Страумлианского Простора. До Падения Простора сведений о них не было]

Тема: Призыв к действию

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 158,00 дней после Падения Маршрутизатора

Ключевые фразы: Действия, а не треп; многообещающее начало

Текст сообщения: Силы нашего Альянса готовят акцию против орудий Искажения. Время нашим друзьям возвестить о себе. В настоящее время мы не нуждаемся в вашем военном содействии, но очень скоро запросим поддержку, в том числе безлимитный доступ к Сети.

В ближайшие секунды мы намерены внимательно наблюдать за теми, кто поддерживает наши действия, и теми, кто мог быть порабощен Искажением. Если вы обитаете в местах, зараженных людьми, у вас остается выбор: действовать решительно, с хорошими шансами на победу, или ничего не делать и погибнуть.

Истребим паразитов!

За этим сообщением тянулся тред комментариев, где судачили, кого именно «истребители паразитов», сиречь Альянс во Имя Защиты, выбрали своей целью. Ходили слухи о военных приготовлениях. Сообщений было не так много, как сразу после Падения Маршрутизатора, однако их активностью заинтересовались несколько крупных новостных групп. Равна сглотнула и отвела взгляд от дисплея.

— Как и раньше, треплются ни о чем, — сказала она с деланой беззаботностью, но получилось не слишком убедительно.

Фам Нювен коснулся ее плеча:

— Ага, именно. Настоящие убийцы не разглашают своих планов.

Но в голосе его было больше сопереживания, чем уверенности.

— Мы пока не знаем: может, это и вправду обычный треп. О перемещениях флотов достоверных сведений нет. Какой ущерб они могут причинить?

Равна оттолкнулась от стола:

— Надеюсь, не слишком сильный. Небольшие человеческие колонии есть в сотнях цивилизаций. Несомненно, они готовятся к худшему с тех самых пор, как началась вся эта шумиха с призывами истребить паразитов… Во имя Сил, хоть бы на Сьяндре Кей все было в порядке.

Она уже больше двух лет не виделась с родителями и Линн. Сьяндра Кей будто осталась в другой жизни, но память о ней успокаивала Равну сильнее, чем девушка прежде осознавала. Теперь же…

На другом конце мостика наездники возились с ремонтными спецификациями. Синепанцирь подкатился к людям:

— За небольшие колонии действительно стоит опасаться, но Сьяндра Кей — преимущественно человеческая цивилизация; даже название это из людского языка. Любая атака на людей там будет означать нападение на всю цивилизацию. Мы с Зеленожкой часто торговали с ними под прикрытием коммерческой охранной службы.

Лишь идиоты или буффоны возвестили бы о вторжении туда заранее.

Равна, поразмыслив, успокоилась. Ну а дирокимам и лоферам нипочем любая угроза человечеству на Сьяндре Кей.

— Да, мы там не в гетто.

Изолированным человеческим поселениям, возможно, придется туго, но Сьяндра Кей в безопасности.

— Блефуют они, не иначе. Не зря же Сеть прозвали Сетью Миллиона Лжецов.

Равна бросила думать об опасностях, с которыми не могла бы справиться.

— Одно ясно. Когда причалим на Гармоничном Покое, нельзя ничем выдавать, что мы люди.

А это значило, что Равне и Фаму нельзя высовываться. Все переговоры предстоит вести наездникам. Они с Равной прочесали внешние программы корабля, выкорчевывая оттуда следы человеческого присутствия, скопившиеся после отлета с Маршрутизатора. А если на борт нагрянут с инспекцией? Что ж, от целенаправленного обыска не укрыться, но человеческие пожитки на всякий случай свалили в трюм, закамуфлированный под убежище для обитателей газовых гигантов. Если понадобится, двое человек сумеют

туда ускользнуть.

Фам Нювен проверил работу корабля и нашел многочисленные огрехи. Для программиста-варвара он был неплох. Впрочем, «Внеполосный II» стремительно погружался на глубину, где пределы возможного для компьютеров не так уж далеки от привычных Фаму.

По иронии судьбы, одну улику закамуфлировать было невозможно: «Внеполосный-II» выглядел кораблем с Вершины Запределья. Да, в основе его лежали Срединные разработки и предназначался он для придонных рейсов, но элегантность исполнения выдавала интеллект почти сверхчеловеческого уровня.

— Наше корыто выглядит словно секира фабричного производства, — заметил по этому поводу Фам Нювен.

Процедура проверки службой безопасности на Покойся с Миром внушала надежды: на борт никто не запросился, только ограничение скорости выставили. «Внеполосный-II» вышел из скачка уже внутри системы, после чего переключился на ракетную тягу: совместить курс и скорость с новой целью, сердцевинной областью Гармоничного Покоя, где располагалась «Ремонтная гавань святого Ринделла».

Фам прокомментировал:

— Если ты святой, то должен быть честным малым, не?

«Внеполосный-II» завис над эклиптикой, где-то за восемьдесят миллионов километров от единственной звезды системы Покойся с Миром. Они знали, что увидят, но зрелище все равно впечатляло. Внутри системы пыли и газа было не меньше, чем в областях активного звездообразования, хотя центральному светилу, звезде класса G, уже сравнялось три миллиарда лет. Звезду окружали миллионы колец, куда величественней, чем у любой планеты. Самое крупное и яркое при увеличении распадалось на мириады меньших. И даже в естественных цветах открывалась красочная картина: зеленые, красные, фиолетовые нити. Плоскость кольца вспарывали теневые озера и цветастые бугры, некоторые в миллион километров. Кое-где над плоскостью кольца торчали странные объекты (возможно, искусственные), такие высокие, что от них за пределы системы падала игольчатая тень. В окне инфракрасного обзора и на диаграмме собственного движения можно было различить более привычные структуры: за кольцами тянулся пояс астероидов, а еще дальше — единственная

планета, газовый гигант со своей системой колец миллиона кликов[14] в диаметре, которые казались игрушечными. Других планет ни на экране, ни в справочном файле не было видно. Крупнейшие объекты в основном кольцевом поясе имели в длину триста километров, но их тут были тысячи.

Следуя указаниям «святого Ринделла», они опустили корабль до плоскости колец и уравняли в скорости с крутящимся в системе мусором. Это потребовало жесткого ракетного маневра: перегрузка в 3*g* длилась почти пять минут.

— Как в старые добрые деньки! — обрадовался Фам Нювен.

Снова оказавшись в свободном падении, они осмотрели гавань. Вблизи местечко это не слишком отличалось от уже виденных Равной планетных систем. Объекты всех мыслимых размеров, вплоть до ширины ладони, бессчетные шарики льда — сталкиваются, слипаются, раскалываются. Скорость обломков была очень мала — хаос давно укрощен. В плоскости колец видимость упала до нескольких сотен метров, дальше все закрывал космический мусор. И не

---

[14] Примечания: 14
Один клик составляет около половины английской мили.

все обломки летали сами по себе. Зеленожка указала на белую линию, которая закручивалась вроде бы из бесконечности, проходила совсем рядом и уносилась в вечность на другой стороне.

— Это похоже на единую структуру, — сказала наездница.

Равна подобрала масштаб. В системах планетных колец такие вот «грязные снежки» иногда слипались в струнные объекты тысячи кликов длиной… Белая полоса заполнила окно. Дисплей сообщал, что ширина ее почти километр. Да уж, эта арка явно не из грязных снежков. Стали различимы корабельные шлюзы и коммуникационные узлы. Сверившись с картинкой, полученной на подходе к кольцам, Равна установила, что длина всего объекта более сорока тысяч километров. Арка зияла многочисленными разрывами, что и неудивительно: у такой структуры прочность на растяжение почти нулевая. Следуя локальным напряжениям, участки арки на краткое время расходились, но затем соединялись опять. Вся система в целом напоминала железные дороги старой Нюйоры, стыковку и расцепку вагонов.

Следующий час ушел на осторожное перемещение к причалу вдоль арки. Единственной постоянной характеристикой структуры была

линейность. Некоторые модули явно проектировались с расчетом на зацепление впереди и позади. Другие казались хаотично слепленными комками машинерии, перемешанными с грязным льдом. Последние несколько километров корабль плыл в лесу ультрадвигательных шипов. Две трети парковок были заняты.

Синепанцирь открыл окно со сводкой тарифов «святого Ринделла».

— Гм. Гмм. Вероятно, сир Ринделл не испытывает недостатка в клиентах.

Он изогнул некоторые ветки в сторону кораблей снаружи.

— Может, они ему металлолом сдают? — предположил Фам.

Синепанцирь и Зеленожка спустились в грузовой трюм, готовясь к выходу за борт. Наездники летали вместе уже двести лет, а Синепанцирь вообще был потомственным звездоторговцем. Но сейчас парочка яростно спорила о лучших способах переговоров со святым Ринделлом.

— Конечно же, дорогой мой Синепанцирь, Гармоничный Покой вполне *типичен.* Я местечко такого сорта и без тележки вспомню. Но дело наше тут совершенно *нетипично.*

Синепанцирь что-то бессвязно пробурчал и

запихнул себе в грузовой шарф еще одну связку товаров. Превосходная штука этот шарф. Материал прочный и эластичный, груз надежно защищен.

Они следовали процедуре, привычной при контактах с новыми кольцевыми системами. Покамест она срабатывала. Наконец наездник отозвался:

— Разумеется, различия есть. В этот раз нам особо нечего предложить за ремонт, а опыта коммерческих контактов с ними мы лишены. Если не включим лучшую свою торговую сметку, ничего от них не добьемся! — Он проверил сенсоры тележки, потом обратился к людям: — Надо ли переместить какие-то камеры? Вам хорошо видно? — Святой Ринделл сильно пожадничал — или просто поосторожничал — с каналом передачи данных.

Донесся голос Фама Нювена.

— Нет, все в порядке. Вы меня слышите?

Голос звучал из микрофонов в тележках. Линия была зашифрована.

— Да.

Наездники выкатились из шлюзов «Внеполосного-II» на обитаемый сегмент арки святого Ринделла.

Их окружили прозрачные окна естественного обзора, уходящие вдаль. Открылся вид на корабли клиентов святого Ринделла и кольца за гаванью. Солнце в окнах приглушили, но свет все равно лился очень яркий, будто сверхкорональный. Его источником, конечно, служили рои силовых спутников — кольцевые системы обычно не в состоянии так эффективно перерабатывать энергию своей звезды. На миг наездники замерли в своих колеях, очарованные невиданным морем: зрелище напоминало закат в мелком прибое. Тысячи мелких объектов, дрейфующих поблизости, походили на планктон в медленной приливной волне.

На дороге было тесно. Телесное строение у местных оказалось довольно обычным, хотя Зеленожка ни один вид не опознала с уверенностью. Бивненогие, соплеменники святого Ринделла, преобладали. Через некоторое время один такой бивненогий отделился от стены рядом со шлюзом «Внеполосного-II» и что-то прогудел. В переводе на трисквелин получалось:

— Для торговли идем мы сюда.

На своих костяных конечностях он живенько переместился через главный зал к автомобилю с открытым верхом. Наездники устроились позади.

Машина набрала скорость и понеслась по арке. Синепанцирь качнулся к Зеленожке:

— Старая история, э? Ну и что проку теперь с их ног?

Старая шутка наездников, никогда не терявшая свежести. Две или четыре ноги, сработанные эволюцией из плавников, челюстей или чего там еще, превосходны для перемещения по планете. А в космосе пользы от них немного.

Машина двигалась на скорости около ста метров в секунду, слегка покачиваясь при перескоке с одного кольцевого сегмента на другой. Синепанцирь завязал оживленный разговор с их водителем. Зеленожка знала, что в этом он находит одну из наибольших радостей жизни.

— А куда мы едем? А что это за существа там? А что именно ищут они здесь, у святого Ринделла?

Он забрасывал спутника вопросами весело, с почти человеческой живостью. Когда кратковременная память его подводила, сверялся с тележечной.

Бивненогий владел лишь азами трисквелина. Некоторых вопросов он явно не понимал:

— Мы направляемся к старшему продажнику… вспомогательные создания… союзники нового крупного клиента…

Синепанциря ограниченный словарный запас гида не смущал: его интересовали не столько ответы, сколько реакция бивненого. Интересы большинства рас оставались для Синепанциря с Зеленожкой загадками. Несомненно, на Гармоничном Покое миллиарды иномирцев, непостижимых для наездника, человека или дирокима. Но даже простой диалог помогал сориентироваться в поиске ответов на два важнейших вопроса: «Что у тебя есть полезного для меня и как тебя заставить с частью этого полезного расстаться?» Вопросы Синепанциря заставляли собеседника раскрыться, выявляли параметры личности, способности и наклонности.

В этой игре участвовали оба наездника. Пока Синепанцирь оживленно болтал, Зеленожка смотрела во все стороны. Регистраторы тележки работали во всех диапазонах, пытаясь сопоставить новое окружение с уже известными. Технологический аспект: что им нужно? Что будет работать? В таком месте, почти плоском, антиграв-ткань вряд ли пользуется спросом. Кроме того, здесь, на глубине Запределья, большая часть высокотехнологичных импортных товаров сверху почти немедленно выдыхается. Рабочие по ту сторону длинных окон носили стандартные

вытянутые скафандры — модели Вершины, с генераторами силовых полей, протянули бы тут не дольше нескольких недель.

Машина миновала замысловато изогнутые деревья (или что это было). Некоторые стволы закручивались вокруг стен арки, другие тянулись на сотни метров вдоль трассы. Бивненогие садовники летали над растениями, но признаков сельского хозяйства не было заметно: «деревья» сажали просто для красоты. Иногда за окнами проносились башенные структуры — вздымаясь над кольцом на тысячу километров, они отбрасывали узкие тени, замеченные командой «Внеполосного-II» еще на подлете. Голоса Равны и Фама перешептывались у нее в стволе, задавая Зеленожке вопросы насчет башен и гадая об их назначении. Зеленожка сохранила идеи людей в тележке, чтобы подумать на досуге, но толку с этого наверняка будет не много. Некоторые технологии явно сработали бы только на Вершине, другие казались слишком затратными даже для такой развитой цивилизации.

Зеленожка за свою жизнь посетила восемь кольцевилизаций. Возникали они обычно после катастроф и войн (реже — по доброй воле строителей хабитата). Библиотека «Внеполосного-II»

сообщала, что Гармоничный Покой перестал быть стандартной планетной системой миллионов эдак десять лет назад. Тогда начался спор о недвижимости: молодые пришельцы снизу решили захватить систему и уничтожить коренных обитателей. Лучше б они этого не делали: старперы оказались вполне боеспособны, и планеты разнесло в пыль. Молодежь, вероятно, уцелела, но по прошествии десятка миллионов лет потомки тех юных убийц наверняка одряхлели пуще всех рас системы. За это время через нее прошла добрая тысяча новых видов, и почти каждая раса кроила по своему усмотрению кольца и газопылевое облако, оставшиеся после битвы. Результат их активности уже нельзя было считать руинами, но он был древним, очень древним. Корабельная библиотека утверждала, что за последнюю тысячу лет ни одна раса не поднялась с Гармоничного Покоя в Трансценденцию. Это самое важное: нынешние цивилизации системы переживают упадок, состояние утонченного распада. Больше всего место это напоминало старую красивую заводь, которую привели в порядок и отгородили, закрыв от буйных волн прилива, чтоб те не повредили бонсайным камышикам. Вероятно, бивненогие из всех здешних обитателей самые

бойкие. Наверняка они одни заинтересованы в торговле с внешним миром.

Машина сбросила скорость и по спирали въехала в небольшую башню.

— Своим Флотом клянусь, я бы многое отдал, чтобы сейчас быть с ними!

Фам Нювен жестом обвел окна, демонстрирующие вид из тележечных камер. С тех пор как наездники отбыли, он прилип к дисплеям, глазея на диковинный ландшафт кольца и беспорядочно плавая от пола до потолка рубки. Равна еще не видела его столь заинтересованным и внимательным. Его воспоминания о карьере торговца, может, и подделка, но Фам явно искренен, считая, что мог бы там пригодиться. «Не исключено, что он прав».

Фам отлепился от потолка и подлетел ближе к экрану. Казалось, начался серьезный торг. Наездников привезли в сферическое помещение диаметром около пятидесяти метров. Наверное, они парят у самого центра сферы. На внутренней поверхности везде торчали деревья, и наездникам приходилось плавать всего в паре метров от их верхушек. То там, то сям сквозь кроны проглядывала земля — мозаика цветочных клумб.

Специалисты по продажам угнездились на

самых высоких деревьях. Они сидели (висели?), зацепившись бивнеобразными конечностями за стволы. Бивненогие в Галактике попадались довольно часто, но таких Равна встречала впервые. Телосложением они отличались от привычных ей, и девушка до сих пор толком не поняла, как они на самом деле выглядят. У восседавших на деревьях ноги казались скелетными костепальцами, охватывающими стволы. Старший продажник — кажется, святой Ринделл собственной персоной — выделялся среди сородичей бивнями, на две трети покрытыми резьбой. В паре окон эта резьба была показана крупным планом; вероятно, Фам решил, что разобраться в этом искусстве будет полезно.

Переговоры шли вяло. Трисквелин — распространенный язык, но так глубоко в Запределье программы-переводчики работают плохо, а святой Ринделл и его присные с этим торговым наречием были знакомы поверхностно. Равна же привыкла к четкому переводу (порою обманчиво легкому), даже сообщения по Сети, с которыми ей приходилось работать, были вполне понятны.

Через двадцать минут стало ясно, что у святого Ринделла, кажется, и впрямь есть техническая возможность починить «Внеполосный-II». Дело

тут было не только в привычке наездников терять нить беседы. А Фаму Нювену тягомотина нравилась:

— Рав, прикинь, совсем как в Чжэн Хэ. Лицом к лицу с неизвестными чуваками, на языке, которого они толком не понимают.

— Мы им уже несколько часов как послали запрос для ремонта. Чего они так тянут? Сказали бы уже: да — да, нет — нет.

— Они *цену себе набивают*, — ответил Фам, расплываясь в улыбке. — Честнейший святой Ринделл, — он ткнул пальцем в бивненого с роскошной резьбой, — пытается нас убедить, что работа сложнейшая… Господи, был бы я сейчас там…

Даже Синепанцирь с Зеленожкой, казалось, переменились. Трисквелин их упростился, став немногим лучше, чем у святого Ринделла. Торг плелся по кругу. Работая на Вриними, Равна приобрела некоторый опыт продаж и переговоров. Но что значит — *набивать себе цену*? Есть базы данных с ценами и стратегией техподдержки, есть инструкции от сотрудников Грондра. Сделка либо заключается, либо нет. Равна мало в жизни видела бесед непонятней той, что сейчас происходила между наездниками и святым Ринделлом.

— Впрочем, дело наше на мази… ну, я так думаю. Видишь ли, когда мы пришвартовались, эта костяная нога взяла образцы товаров Синепанциря. Теперь они точно знают, что у нас есть. Им что-то от нас надо.

— Да?

— Точняк. Святой Ринделл не ради забавы ругает наш товар.

— Проклятье! А если у нас нет ничего такого, что им бы пригодилось? Экспедиция же не планировалась как торговая.

Синепанцирь и Зеленожка наскребли «образцы товаров» по сусекам кладовой, отобрав то, без чего «Внеполосный-II» обошелся бы. В том числе — сенсорную автоматику и компьютерные железки для Дна Запределья. Без некоторых обойтись будет сложно. «Так или иначе, без ремонта мы никуда не улетим».

Фам фыркнул:

— Не-а. Святому Ринделлу что-то нужно. Иначе он бы не трепался… Видишь, как настойчиво он напоминает о потребностях «других клиентов»? Святой Ринделл очень человечен, я бы сказал.

Тут по каналу связи с наездниками и впрямь послышалось что-то человеческое — вроде бы песенка. Равна повернула камеры Зеленожки на

звук. С поросшего лесом «пола» сферы, напротив Синепанциря, поднялись новые действующие лица.

— Какого… ой, красивые, — сказала Равна. — Бабочки.

— Э?

— В смысле, похожи на бабочек. Ну, знаешь? Такие насекомые с большими цветными крыльями.

На *гигантских* бабочек, если точнее. Новоприбывшие телосложением напоминали людей, ростом были сантиметров сто пятьдесят, обросшие мягкой на вид коричневой шерстью. Крылья торчали у них за лопатками. Размах крыльев достигал почти двух метров, переливались они мягкими оттенками синего и желтого, на некоторых узор был особенно затейливый. Несомненно, крылья искусственные или продукт генной инженерии, потому что в гравитационном поле обычной планеты на таких не полетаешь. Но здесь, в невесомости… Трое мгновение задержались при влете в сферу, оглядывая наездников большими застенчивыми глазами. Затем, распахнув крылья, размеренными взмахами поднялись над лесом. Вид у них был жутко мультяшный. Носы задорные, кнопками, как у домашних йо-

ракорнов, глаза большие и такие сконфуженные, что человеку-аниматору и не придумать. А голоса как у подростков в хоре.

Святой Ринделл и его присные завертелись на своих насестах. Самый высокий из новоприбывших что-то пропел, мерно помахивая крыльями. Равна сообразила, что виртуозный трисквелин исходит из интерфейсного адаптера, настроенного на родной язык существа.

— Приветствуем тебя, святой Ринделл! Наши корабли готовы к ремонту. Мы заплатили тебе сполна и очень спешим. Начните работу немедленно!

Бивненогий, владевший трисквелином, перевел эти слова своему начальнику. Равна перегнулась через плечо Фама.

— Может, у нашего милейшего ремонтника и впрямь полно заказов? — предположила она.

— Может.

Святой Ринделл прокрутился на верхушке своего дерева и ответил, вцепившись ручками в зеленые иголки:

— Уважаемые клиенты, вы предложили нам оплату наших услуг, но полного согласия не получили. То, о чем вы просите, у нас в дефиците, и его запасы трудно… пополнить.

Прекрасная бабочка издала высокий звук, подобный радостному смеху человеческого ребенка. Смысл его оказался совсем иным.

— Времена меняются, слышь, Ринделл?! Вы вот что поймите: мы проволочек не потерпим. Тебе известна священная миссия моего флота. Вина за каждый час задержки ляжет на тебя. Подумай только, какой флот мы на тебя обрушим, если узнаем — нет, если просто *заподозрим*, — что ты уклоняешься от сотрудничества! — Бабочка взмахнула желто-синими крыльями и развернулась. Ее темные застенчивые глаза уставились на пару наездников. — А эти растения в горшках, они тебе кто, клиенты? Прогони их. Пока мы здесь, у тебя нет других клиентов!

У Равны захватило дух. Оружия у бабочек вроде бы не было, но девушка вдруг испугалась за Синепанциря с Зеленожкой.

— Надо же, — прокомментировал Фам. — Бабочки-вояки.

Глава 27

Если верить часам, то обратная дорога отняла у наездников менее получаса. Фаму Нювену она показалась гораздо длиннее, хоть он и пытался держаться бодряком перед Равной. Наверное, они оба пытались: он знал, что девушка до сих пор считает Фама хрупкой оболочкой себя прежнего.

Но бабочки-убийцы камерам наездников больше не попадались. Наконец грузовой шлюз открылся: Синепанцирь и Зеленожка были на корабле.

— Я был уверен, что эти бивненогие просто блефуют насчет оживленного спроса, — сказал Синепанцирь. Казалось, ему не меньше Фама хочется обсудить происшествие.

— Угу, я тоже так думал. В общем-то, я до сих пор не исключаю, что бабочки — лишь показуха. Слишком это все мелодраматично.

Ветви Синепанциря зашелестели — Фам распознал аналог судорожной дрожи.

— Это уж вряд ли, сир Фам. Это ведь апраханти. Один их вид приводит вас в ужас, разве нет? Нынче они редко встречаются, но звездные торговцы про них наслышаны. Впрочем… даже для апра-

ханти выходка несколько хамская. Гегемония уже несколько столетий как в упадке. — Он что-то прошелестел кораблю, и в окнах появились ближайшие верфи ремонтной гавани. Снова шелест наездников, на сей раз Синепанцирь с Зеленожкой говорили между собой. — Все эти корабли, гм, однотипны. По виду с Вершины Запределья, как и наш, однако… военного оттенка.

Зеленожка подкатилась ближе к окошку:

— Их там двадцать. С какой стати ремонтировать столько двигателей одновременно?

Военные корабли?

Фам окинул их критическим взором. Он уже изучил основные характеристики судов Запределья. У этих тоннаж вроде бы солидный, да и сенсоры хитроумные… хм.

— Хорошо, примем на веру, что эти бабочки — крутые типы. Они сильно напугали святого Ринделла и его присных?

Наездники долго молчали. Фам не понял, то ли вопрос им показался сложным, то ли они потеряли нить беседы. Он перевел взгляд на Равну:

— А что там в локалке? Интересно же узнать, что тут творится.

Она уже возилась с коммуникатором.

— Пока локальная сеть недоступна. Даже ново-

сти не почитаешь.

А вот это Фаму было нетрудно понять, хотя весть не из приятных. Локальная сеть здесь состояла из ультраволновых вычислительной и коммуникационной компонент, охвативших весь Покойся с Миром. Структура в миллиарды раз сложнее любой известной Фаму, но в концептуальном плане — сходная с аналогами из Медленной Зоны. И Фам Нювен видел, что могут натворить вандалы с такими структурами; Чжэн Хэ убрала с пути как минимум одну надоедливую цивилизацию, испортив ей компьютерную сеть. Неудивительно, что святой Ринделл не пускает их в сеть Покойся с Миром. На время захода в гавань антенный рой «Внеполосного-II» был по необходимости отключен, поэтому от Известной Сети и групп новостей они тоже отрезаны.

И вдруг Равна улыбнулась:

— Эй! Они нам дали доступ на чтение, а может, и еще какой-нибудь. Зеленожка, Синепанцирь, проснитесь!

Шелест.

— Я не спал, — заявил Синепанцирь. — Я размышлял над вопросом сира Фама. Да, святой Ринделл определенно испуган.

Зеленожка, по своему обыкновению, оправда-

ний не искала, а вместо этого объехала партнера, чтобы лучше видеть окно комма, только что открытое Равной. Структурный мотив — проитерированные треугольники с аннотациями на трисквелине. Фаму это ни о чем не говорило.

— Интересно, — сказала Зеленожка.

— Я фыркаю, — заметил Синепанцирь. — Это более чем интересно. Святой Ринделл тот еще скряга, но платы за обслуживание он с нас не берет, даже бартерного процента. Он боится, но упускать нас не хочет.

«Значит, было в привезенных с Вершины Запределья товарах нечто, убедившее его рискнуть даже перед лицом апрахантской угрозы. Надеюсь, это нечто нам не слишком нужно».

— Ладно, Рав, ты глянь, нет ли…

— Секундочку, — бросила девушка, — я только новости посмотрю.

Она запустила поисковую программу, быстро пролистала выдачу консоли… и вдруг запнулась, побледнев:

— О Силы! Нет!

— Что там?

Но Равна не отвечала, даже в главное окно новости не выводила. Фам уцепился за поручень рядом с ее консолью, подтянулся прочесть то, что

читала она:

Шифрование: 0

Получено: Святейший синод коммуникаций Гармоничного Покоя

Путь перевода: Белорешк → трисквелин (диалект СК)

От: Альянс во Имя Защиты [как утверждается, этим термином обозначают себя пять сотрудничающих поливидовых империй областей Запределья, лежащих Ниже Страумлианского Простора. До Падения Простора сведений о них не было]

Тема: Уверенная победа над Искажением

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 159,06 дня после Падения Маршрутизатора

Ключевые фразы: Действия, а не треп; многообещающее начало

Текст сообщения: Сто секунд назад силы нашего Альянса начали операцию против орудий Погибели. Когда вы это

прочтете, миры Homo Sapiens, известные как Сьяндра Кей, будут уничтожены.

Хорошенько запомните: за все время это впервые кто-то попытался сразиться с Погибелью и преуспел в этом, остальные же только треплются и теорийки строят. Сьяндра Кей – одна из трех систем вне Страумлианского Простора, только трех, где водятся люди в значительных количествах. Одним ударом мы уничтожили треть потенциала расползания Погибели.

Следите за обновлениями.

Истребим паразитов!

В окне уместилось еще одно сообщение, своего рода обновление, но не от этих «истребителей паразитов»:

Шифрование: 0

Получено: Святейший синод коммуникаций Гармоничного Покоя

Путь перевода: Самношк → трисквелин (диалект СК)

От: Коммерческая охрана Сьяндры Кей [замечание протокола нижнего слоя: сообщение получено на Нижнем Снееороте,

пришло по опорному каналу Сьяндры Кей. Сигнал очень слабый, вероятно, от корабельного передатчика]

Тема: Просим о помощи

Рассылка в/на: группу по интересам Угрозы

Дата: 5,33 часа после катастрофы на Сьяндре Кей

Текст сообщения: Сегодня наши основные хабитаты были обстреляны релятивистскими боеголовками. Погибло не меньше двадцати пяти миллиардов. В транзитных зонах и на малых хабитатах могло уцелеть до трех миллиардов.

Атака продолжается.

Флотилия врага вторглась во внутренние области нашей системы. Мы видим вспышки бомб. Они убивают всех.

Пожалуйста, помогите!

— Нет, нет, нет!

Равна бросилась к Фаму, крепко обхватила, спрятала лицо на груди. Плач мешался с неразборчивыми словами на самношке. Он чувствовал, как все ее тело дрожит мелкой дрожью. У Фама тоже наворачивались слезы. *Как странно*. Она была такая сильная, а он — хрупкий болванчик.

Теперь все наоборот, ну и что он может сделать?

Мама, папа, сестра… они все погибли, все!

Они думали, что подобная катастрофа невозможна, а она взяла и случилась. Равна в мгновение ока потеряла мир, в котором росла, и осталась одна во Вселенной. «Со мной это уже давно стряслось», — пришла внезапная мысль, на удивление безэмоциональная. Фам зацепился ступней за палубу и стал осторожно баюкать Равну на руках, пытаясь ее успокоить.

Горестные всхлипы постепенно затихали, но ее слезы все еще катились у него по груди. В том месте, куда Равна уткнулась лицом, рубашка промокла насквозь. Фам посмотрел поверх ее головы на Синепанциря и Зеленожку. Ветви наездников выглядели как-то странно… словно бы увяли.

— Послушайте, мы тут с Равной отлучимся ненадолго. Выясню у нее, что смогу, и вернусь.

— Да, сир Фам.

И ветви, казалось, поникли еще сильнее.

Фам вернулся в рубку только через час и застал наездников погруженными в шелестящий разговор с «Внеполосным-II». Во всех окнах мельтешило что-то странное. Изредка проскакивали структурные мотивы или аннотации, понятные Фаму. По ним он догадывался, что смотрит на

обычные диагностические экраны, только оптимизированные под восприятие наездников.

Синепанцирь первым его заметил, резко подкатился к человеку и пискнул через вокодер:

— Все в порядке?

Фам склонил голову:

— Спит.

«Вообще-то, я дал ей снотворное и наказал кораблю следить, как бы чего не вышло».

— С ней все будет в порядке. Ей так тяжело… но из нас всех она самая крепкая.

Ветки Зеленожки прошелестели в аналоге улыбки.

— Я часто об этом думала.

Синепанцирь мгновение не шевелился.

— Тогда за дело, за дело.

Он отдал кораблю какую-то команду. Окна приняли вид, понятный и наездникам, и людям.

— Пока вас не было, мы тут много чего выяснили. Святому Ринделлу действительно есть чего бояться. Корабли апраханти — малая часть флота этих *истребителей паразитов.* Некоторые до сих пор тащатся к Сьяндре Кей!

«Надо же, вооружились до зубов, а убивать уже некого».

— Значит, им надо на ком-нибудь отыграться.

— Да. Очевидно, обитатели Сьяндры Кей оказали сопротивление и кое-кому удалось сбежать. Командующий этим соединением флота полагает, что их можно перехватить, если починить корабли.

— А их вымогательство — не блеф? Разве могут двадцать кораблей разрушить Покойся с Миром?

— Нет. Дело тут в репутации силы, которую они представляют, дополненной известиями о резне на Сьяндре Кей. Святой Ринделл их боится до оторопи, и так получилось, что им требуются те же регенераторы, в каких нуждаемся мы. Действительно, мы конкурируем с ними за услуги Ринделла. — Ветви Синепанциря хлопнули друг по дружке: такой энтузиазм он проявлял в случаях, когда наклевывалась выгодная сделка. — Но у нас, видимо, есть какой-то груз, настолько ценный для святого Ринделла, что он даже готов пойти на риск и околпачить апраханти. — Наездник выдержал театральную паузу.

Фам перебрал в уме список товаров, который они предоставили *покойникам*, как он обозвал обитателей Гармоничного Покоя. «О боже, только бы не этот нижнезоновый ультраволновик».

— Ладно, сдаюсь. Чего им надо?

— Комплект пережженных шпалер! Ха-ха.

— Э? — Фам припомнил эту позицию в перечне всякой всячины, которую наездники наскребли по сусекам корабля. — Каких таких *пережженных шпалер*?

Синепанцирь сунул ветвь в сумку и вытащил оттуда что-то черное, неправильных очертаний. Протянул его Фаму. Предмет был мягкий на ощупь, сорок сантиметров на пятнадцать. Довольно легкий для своих размеров — от силы пару граммов весит. Искусственно умягченная… зола? Фам поддался любопытству:

— А что эта штука делает?

Синепанцирь затрясся, не зная, что сказать. Зеленожка ответила за него, немного смутившись:

— Есть теории. Это чистый углерод, фрактальный полимер. Известно, что в грузах из Трансценденции он очень часто встречается. Мы думаем, это упаковочный материал для какого-то разумного груза.

— Или экскременты этого груза, — прожужжал Синепанцирь. — Да ладно, не суть важно. А важно то, что некоторые расы Срединного Запределья его ценят очень высоко. Почему? Опять же, кто его знает. Народ святого Ринделла — явно не конечные пользователи: бивненогие слишком оборотистые ребята, чтобы просто покупать эти

шпалеры. Итак, у нас триста комплектов этого чудесного товара. Более чем достаточно, чтобы святой Ринделл превозмог панический страх перед апраханти.

Пока Фам отлучался успокоить Равну, святой Ринделл выступил с предложением. Слишком опасно залечивать повреждения регенератором в той же гавани, где висят корабли апраханти. Кроме того, главная бабочка уже потребовала, чтобы «Внеполосный-II» убрался. Поэтому святой Ринделл предложил им перебраться в гавань поменьше, на расстоянии примерно шестнадцати миллионов кликов вокруг системы Гармоничного Покоя. Вполне мотивированный перелет: так получилось, что именно это место выбрали себе для маленькой колонии в системе Гармоничного Покоя здешние наездники. Поселение их располагалось всего в паре сотен километров от второй гавани Ринделла. Там и пройдет встреча с бивненогими: регенераторы в обмен на двести семнадцать комплектов пережженных шпалер. Если окажется, что шпалеры в идеальном состоянии, Ринделл еще и запасную антиграв-ткань подкинет. После падения Маршрутизатора — очень кстати…

«Однако, старина Синепанцирь в своем репер-

туаре, колесики-то у него крутятся будь здоров!»

«Внеполосный-II» снялся с парковочного места и осторожно воспарил над плоскостью кольца. «Уходим на цыпочках». Фам внимательно следил за окнами ультраволновой связи и датчиками ЧП. Нет, корабли апраханти их не выцеливают: пробежались радаром в порядке рутинного сканирования, и только-то. Никто за ними не полетел. Великим воинам не до малютки-«Внеполосного-II» и его команды — *растений в горшках*.

Тысяча метров от плоскости кольца. Три тысячи. Наездники, оживленно шелестевшие между собой и с Фамом, притихли. Ветви и стебли их выгнулись так, чтобы чувствительные поверхности смотрели во все стороны. Центральная звезда и облако силовых спутников заливали яростным светом одну сторону рубки. Они летели над кольцами, но все еще так близко. Как будто стоишь на пляже из цветного песка и смотришь, как солнце закатывается за бесконечно далекий горизонт. Наездники любовались зрелищем, мерно помахивая ветвями.

Двадцать километров над кольцами. Тысяча. Включился основной факельный двигатель «Внеполосного-II», выдал ускорение, они полетели через систему. Наездники медленно вышли из

транса. После прибытия во вторую гавань на ремонт уйдет еще часов пять — это при условии, что регенератор Ринделла не выдохся. Впрочем, святой торгаш божился, что регенератор недавно импортировали с Вершины и ничем не разбавляли.

— Ладно, а шпалеры когда им отдать?

— Когда ремонт закончим. Нам не позволят улететь, пока ребята святого Ринделла — или его заказчики — не убедятся, что шпалеры подлинные.

Фам постучал пальцами по комм-консоли. Затея вызвала у него много воспоминаний, в том числе такие, что волосы на затылке дыбом вставали.

— Получается, когда они получат товар, мы еще будем внутри ПсМ. Мне это не нравится.

— Видите ли, сир Фам, вы занимались межзвездной торговлей исключительно в Медленной Зоне, где сделки тянутся десятилетиями или столетиями. Я восхищен вашим искусством больше, чем могу выразить, но жизненный опыт несколько исказил ваше восприятие ситуации. Тут, в Запределье, весьма дорожат своей репутацией. Мы мало знаем о мотивах святого Ринделла, но его ремонтное предприятие существует уже лет

сорок, если не больше. Можно ожидать, что он будет торговаться, но вряд ли осмелится ограбить или убить нас. В противном случае торговцы бы уже прознали и его маленькое дело захирело бы.

— Гмм.

Смысла спорить не было, но Фам подозревал, что данный случай особый. У Ринделла и его *покойников* на пороге *истребители паразитов*. Ширятся слухи о том, какой хаос они посеяли на Сьяндре Кей. В такой обстановке ремонтникам, вполне возможно, откажет храбрость, как только они заполучат вожделенные шпалеры. Стоит принять меры предосторожности.

Он удалился в корабельную мастерскую.

Глава 28

Равна появилась в грузовом отсеке, когда Синепанцирь с Зеленожкой готовили шпалеры к отправке. Под глазами у нее были темные круги, почти синяки. Она обняла Фама в ответ на его приветствие, словно бы примериваясь. Выпускать не стала.

— Я хочу вам помочь. Могу я вам чем-то помочь?

Наездники отвлеклись от шпалер и подкатились к ней. Синепанцирь ласково провел веткой по руке Равны:

— Миледи Равна, сейчас в вашей помощи нужды нет. У нас уже все, э-э, под рукой. Вернемся меньше чем через час, а потом сразу же улетаем.

Однако они позволили ей проверить камеры и крепеж груза. Пока Равна осматривала шпалеры, Фам подлетел ближе. В штабелях скрученные углеродные блоки выглядели даже непонятнее, чем поодиночке. Стопка шпалер, больше метра в обхвате, напоминала трехмерную головоломку, вырезанную из антрацита. Вместе с пакетом запасных образцов она весила меньше полукилограмма. «А ведь эта штука наверняка горит, как

трут». Фам решил отложить осмотр оставшихся шпалер (сотня с небольшим) до безопасного момента в космосе.

Затем наездники проследовали с грузом через шлюз. Теперь следить за происходящим можно было только через их камеры.

Эта вторая гавань, в общем-то, не была полноценным поселением бивненогой расы. Внутренняя полоса арки отличалась от мест, виденных ими в первую вылазку наездников. Наружные окна отсутствовали. Тесные захламленные проходы петляли меж стен неправильной формы, испещренных черными дырами. Везде летали насекомые, подчас натыкаясь на линзы камер. Фаму гавань показалась запущенной. Владельцев гавани видно не было, если, конечно, это вдруг не те бледные червяки, то и дело выставлявшие бесформенные головы (головы?) из нор в стенах. По голосовому каналу Синепанцирь высказал предположение, что это очень древние обитатели системы Гармоничного Покоя. Проведя здесь миллион лет и пережив сотню эмиграций в Трансценденцию, они могли сохранить разум, но более странный, чем все порождения эволюции в Медленной Зоне. Существ этих будет оберегать от физического вымирания древняя автоматика,

однако они неизбежно обратятся внутрь себя, станут чрезмерно осторожны, посвятят все свое время абсолютно бессмысленным для постороннего наблюдателя заботам. Именно такие типчики чаще всего и клевали на шпалеры.

Фам старался за всем следить. Наездникам предстояло проехать почти четыре километра от гаванного шлюза до места «валидации» шпалер. На этом отрезке Фам насчитал два шлюза, открывающихся наружу, и ничего особенно подозрительного не заметил; с другой стороны, почем ему было знать, что здесь представляет угрозу, а что нет?

Он переключил «Внеполосный-II» на внешний обзор. С другой стороны кольца болтался крупный контрольный спутник, но кораблей в гавани видно не было. В электромагнитном и ультраволновом диапазонах все тихо, а доступные в локалке сообщения тоже не внушали подозрений оборонительным системам корабля.

Фам отвлекся от сводок. Равна проплыла через палубу, решив выглянуть наружу. Ремонтники, несомненно, что-то делали, хотя зрелище не слишком впечатляло. Поврежденные шипы окутало бледно-зеленое сияние, немногим ярче ореола, который часто заметен вокруг корпусов

на низких планетных орбитах. Девушка обернулась и тихо произнесла:

— Они действительно его чинят?

— Насколько можем… то есть да.

Корабельная автоматика отслеживала процесс залечивания шипов, но сказать с полной уверенностью можно было только тогда, когда придется лететь на них.

Фам так никогда и не узнал, зачем Синепанциря с Зеленожкой заставили проследовать через владения червеголовых. Если эти существа и были заказчиками шпалер, не исключено, что они попросту захотели присмотреться к продавцам. А может, это как-то было связано с воспоследовавшим вскорости предательством. В любом случае, наездники быстро преодолели этот участок и очутились в запруженном разнообразными чужаками торговом ряду. Там было тесно, как на базаре в низкотехнологичной цивилизации.

У Фама челюсть отвисла. Куда ни глянь, новый класс разумных существ. Разумная жизнь во Вселенной развивается редко; за всю свою жизнь в Медленной Зоне Фам повидал лишь три нечеловеческих расы. Но Вселенная велика, и с ультрадвигателем поиск других форм жизни становится легким занятием. Запределье при-

тягивало хлам, оставленный бесчисленными миграциями, накапливало его и в конечном счете разносило цивилизацию повсюду. На миг он позабыл про свои шпионские программы и настойчивые тревоги, дивясь чуду. Десять рас? Двенадцать? Чужаки обменивались привычными приветствиями. Даже на Маршрутизаторе он не видел ничего подобного. Впрочем, Гармоничный Покой — цивилизация на этапе стагнации. Эти расы обитают тут уже тысячи лет. Те, кто в состоянии взаимодействовать с внешним миром, давным-давно этому научились.

Существ с большими жалостливыми глазами и крыльями бабочек нигде не было видно.

С дальнего конца палубы донесся негромкий возглас удивления. Равна заинтересовалась окном, где транслировала картинку одна из боковых камер Зеленожки.

— Что там, Рав?

— Наездники. Видишь?

Она указала в толпу и увеличила масштаб. На миг картинки вознеслись над головой девушки. В мимолетном хаосе Фам заметил очертания тележек и грациозных ветвей. Если не считать привычных уже косметических полосок и кисточек, выглядели они очень знакомо.

— Ну да, там действительно есть небольшое поселение наездников.

Фам связался с Зеленожкой и рассказал ей об увиденном.

— Знаю. Мы… унюхали их. Я вздыхаю. Хорошо было бы найти время для встречи с ними. Найти друзей в такой дали… всегда приятно.

Зеленожка помогала Синепанцирю протаскивать шпалеры вокруг аквариума на аэростате. Прямо впереди показались сотрудники Ринделла. Шестеро бивненогих восседали на стене вокруг… надо полагать, испытательного оборудования.

Синепанцирь с Зеленожкой толкнули навстречу группе шар вспененного углерода. Существо с резьбой на бивнях наклонилось и провело по образцу маленькими ручками. Одну за другой шпалеры размещали на стенде. Синепанцирь подъехал ближе понаблюдать за испытанием, и Фам вывел картинку с его камер на главные окна. Прошло двадцать секунд. Переводчик Ринделла сказал на трисквелине:

— Первые семь подходят. Образуют сцепленный септет.

Только тогда Фам осознал, что задерживает дыхание. Следующие три «септета» тоже прошли проверку. Еще шестьдесят секунд. Он глянул

на сводку диагностики с ремонтных сканеров. «Внеполосный-II» полагал, что работа закончена, осталось только подтверждение по локалке получить. «Еще несколько минут, и можем передать им воздушный поцелуйчик на прощание!»

Но от проблем никуда не денешься. Святой Ринделл прицепился к двенадцатому и пятнадцатому комплектам. Синепанцирь долго и ворчливо спорил с ним, но замену из сумки с запасными шпалерами достал. Фам не понял, то ли наездник препирается из любви к искусству, то ли у него и вправду годных запасок в обрез.

Двадцать пять комплектов прошли испытание.

— А куда это Зеленожка поехала? — спросила Равна.

— Что?

Фам запросил картинку с камер Зеленожки. Она отъехала от Синепанциря на пять метров и продолжала удаляться. Фам в панике перетасовал ракурсы. Слева от Зеленожки обнаружился местный наездник; еще один, перевернутый, висел над ее тележкой, сплетя ветви в несомненно дружеской беседе.

— Зеленожка!

Наездница не ответила.

— Синепанцирь, что происходит?

Наездник снова ввязался в спор с бивненогими и оживленно замахал ветвями. Те забраковали еще один комплект.

— Синепанцирь!

Спустя миг голос наездника прозвучал по закрытой линии. Синепанцирь отвечал с запинками — так случалось, когда он бывал чем-то занят или обескуражен.

— Пожалуйста, не отвлекайте меня сейчас, сир Фам. У меня осталось всего три комплекта на замену. Надо уломать этих субъектов удовольствоваться тем, что они уже получили.

— А что с Зеленожкой? — вмешалась Равна. — Что с ней творится?

Камеры наездников потеряли друг друга из виду. Зеленожка и ее спутники отделились от плотной толпы и воспарили над серединой торгового ряда. Эти наездники пользовались газовыми двигателями вместо колес. Видимо, они очень спешили.

До Синепанциря наконец дошла серьезность положения. Картинка с его тележки пьяно завертелась: наездник заколесил вокруг сотрудников святого Ринделла, осматриваясь. Прошелестел что-то на своем языке, вернулся на частную

линию. В голосе его прозвучали смущение и растерянность.

— Ее нет. Ее нет. Я должен… должен был…

Внезапно он отъехал назад к бивненогим и возобновил прерванную дискуссию. Через пару секунд наездник снова возник на закрытом канале.

— Что мне делать, сир Фам? Сделка еще не закончена, а моя Зеленожка куда-то пропала.

Или ее похитили.

— Займись сделкой, Синепанцирь. С Зеленожкой все будет в порядке… Эй, «Внеполосный-II»! Резервный план!

Фам сгреб гарнитуру и оттолкнулся от консоли. Равна полетела следом.

— Ты куда?

Он усмехнулся.

— Наружу. Я тут подумал, что у святого Ринделла в трудную минуту может нимб отвалиться, и разработал планы на этот случай.

Девушка пролетела за ним к люку в полу рубки.

— Послушай, ты должна оставаться здесь, на палубе. Я могу прихватить только шпионское оборудование. Мне нужно, чтоб ты помогала.

— Но…

Он пролез в люк головой вперед, не дослушав ее возражений. Равна за ним не последовала, но спустя миг ее голос зазвучал в гарнитуре. Нервной дрожи в этом голосе не осталось; прежняя Равна пробивала себе дорогу из-под гнета новых проблем.

— Ладно, я тебя прикрою. Но что нам делать?

Фам летел по проходу, поочередно отталкиваясь руками, с такой скоростью, что салагу размазало бы по стенам. Впереди мрачно замаячили створы грузового шлюза. Фам осторожно хлопнул рукой по переборке прохода и перевернулся вверх тормашками. Зацепившись за выступы стены, он затормозил ровно настолько, чтобы при столкновении ему инерцией не перебило голени. В шлюзе его уже ждал подготовленный кораблем скафандр.

— Фам, тебе нельзя наружу! — Она, очевидно, наблюдала за ним через шлюзовые камеры. — Они сообразят, что это человеческая экспедиция!

Голова и плечи Фама скрылись за шлемом и воротником скафандра. Когда сомкнулся низ, швы затянулись сами собой.

— Не обязательно. — «Да это уже и не имеет значения». — Тут полно двуруких и двуногих чудиков, а я снабдил свой выходной костюмчик

кое-каким камуфляжем.

Он ткнул подбородком в панель управления шлема и перезапустил дисплеи. На Маршрутизаторе у него были скафандры на силовых полях, рядом с которыми этот вакуумный бронескаф выглядел бы жалко. А вот в Чжэн Хэ за подобный скафандр не пожалели бы звездолета. Фам, вообще-то, склепал эту штуку, думая произвести впечатление на Когтей. Кажется, испытания начнутся раньше срока.

Он включил подбородком наружный обзор, то, что видела сейчас Равна. Его фигура была непроницаемо-черной, ростом больше двух метров, руки оканчивались клешнями, отовсюду торчали шипы и острые лезвия. Эти недавние дополнения сделали контур фигуры менее человеческим и, как надеялся Фам, чертовски грозным.

Фам загерметизировал люк и вылетел в колонию червеголовых. Вокруг вознеслись стены грязи. В мглистом воздухе, кишевшем роями гнуса, очертания их просматривались плохо.

Равна сказала ему на ухо:

— У меня низкоуровневый запрос, вероятно, автоматический: «Почему вы посылаете третьего переговорщика?»

— Игнорируй.

— Фам, поосторожнее. У старперских культур Срединного Запределья могут быть припасены крайне противные сюрпризы. Иначе бы они тут не выжили.

— Я постараюсь не нарушать законов.

«Пока ко мне не вздумают прицепиться». Он уже преодолел половину расстояния до торгового ряда. Вызвал подбородком врезку с камеры Синепанциря. Широкополосной связью Фам был обязан любезности локальной сети. Странно, что Ринделл еще не отключил эту услугу. Синепанцирь, кажется, продолжает переговоры. «Хочется верить, что это не подстава… по крайней мере, не с участием святого Ринделла».

— Фам, картинка от Зеленожки пропала, когда она въехала в какой-то туннель. Ее локатор пока работает.

Ворота торгового ряда раскрылись, и Фам оказался в базарной толпе. Даже сквозь броню долетал оглушительный гомон. Он двигался медленно, выбирая относительно свободные маршруты и стараясь держаться у путеводных веревок, пронизывавших рыночное пространство. Толпа ему не мешала: все расступались, некоторые едва ли не с панической поспешностью. Фам не знал, чем это вызвано, — лезвиями скафандра

или следами «утечки» хлора. «*Может, с этой утечкой я хватил лишку*». Но он хотел походить на человека как можно меньше. Он сбросил темп, стараясь никого не задевать. В затылочном окне мелькнуло что-то подозрительно напоминающее лазерный прицел. Фам быстро укрылся за каким-то аквариумом. Равна сообщила:

— Местные просто сделали тебе замечание. Если верить переводу, ты нарушаешь дресс-код.

«Дело в моем хлоре? Или они засекли оружие?»

— А что там снаружи? Бабочек не видать?

— Нет. За последние пять часов никакой активности среди кораблей. Апраханти не видно, состояние комм-сети не меняется.

Длинная пауза. Фоном с мостика «Внеполосного-II» долетал разговор Синепанциря с Равной. Слов было не разобрать, но тон возбужденный. Фам покрутился в скафандре, пытаясь нашарить выход на прямую связь. Потом Равна снова заговорила с ним:

— Эй, Синепанцирь сообщает, что Ринделл одобрил сделку! Он отгружает антиграв-ткань. «Внеполосному-II» только что подтвердили окончание ремонта!

Итак, они готовы к отлету, но три члена экипа-

жа все еще в гавани, а одна вообще пропала.

Фам перелетел через аквариум и наконец своими глазами увидел Синепанциря. Аккуратно маневрируя соплом скафандра, он подлетел к наезднику и опустился рядом с ним.

Его появлению обрадовались примерно так же, как сколопендре на пикнике. Бивненогий резьбоносец в это время разглагольствовал через трисквелинского переводчика, постукивая своим произведением искусства по стене. Завидев Фама, чужак аж втянул шейные ручки и подобрал бивни. Остальные последовали его примеру. Вся компания стала поспешно удаляться по стене, прочь от Фама с Синепанцирем.

— Наше дело здесь закончено, — сказал трисквелинский переводчик. — Мы не знаем, куда делся ваш друг.

Синепанцирь умоляюще замахал ветками им вслед:

— Н-но нам нужно хоть какое-то указание, где… кто…

Бесполезно. Святой Ринделл и его веселая ватага ретировались. Синепанцирь издал резкий трескучий шелест досады. Ветви его немного изогнулись, а все внимание сосредоточилось на Фаме Нювене.

— Сир Фам, у меня есть повод усомниться в вашем опыте торговца. Святой Ринделл мог бы нам помочь.

— Может, и мог бы. — Фам следил, как бивненогие исчезают в толпе, волоча за собой шпалеры, как большой черный воздушный шар. «Хм. А вдруг святой Ринделл и вправду честный торговец?» — А какова вероятность, что Зеленожка вот так взяла и бросила тебя в разгар переговоров?

Синепанцирь на миг впал в замешательство.

— На обычной торговой стоянке — только если бы заметила какую-то исключительную возможность для прибыли. Но здесь я…

Равна сочувственно заметила:

— А если она, э-э, попросту забыла контекст?

— Нет, — уверенно ответил Синепанцирь. — Тележка бы ни за что ей этого не позволила. Не в разгар тяжелых переговоров.

Фам перетасовал окна в своем шлеме, поглядел во все стороны. Толпа по-прежнему расступалась перед ними. Местных стражей порядка видно не было. «А я их узнаю, если замечу?»

— Хорошо, — сказал Фам. — У нас в любом случае проблема, независимо от моего вмешательства. Я предлагаю прогуляться. Попробуем найти Зеленожку.

Трескучий шелест.

— У нас нет особого выбора. Миледи Равна, пожалуйста, постарайтесь связаться с тем бивненогим, который знает трисквелин. Возможно, он выведет нас на местных наездников.

Синепанцирь отлепился от стены и развернулся на двигателях.

— Идемте, сир Фам.

Синепанцирь провел его через торговый ряд, примерно в том направлении, куда удалилась Зеленожка. Путь можно было назвать каким угодно, только не прямым; вихляясь, как пьяные, они однажды чуть не вернулись в исходную точку.

— Терпение, терпение, — ответил наездник, когда Фам пожаловался, что они слишком медленно движутся.

Наездник не пытался пробраться через скопления чужаков. Если те не реагировали на вежливые взмахи веток, Синепанцирь просто облетал их. Фама он все время прикрывал собой, чтобы устрашающие бронелезвия не так бросались в глаза.

— Сир Фам, вам могло показаться, что эти существа очень миролюбивы и ничего не стоит их растолкать. Это они между собой такие. Расы эти сосуществуют уже тысячи лет и выработали

локальные правила соседства. С посторонними они в силу необходимости бывают весьма невежливы, иначе их бы давно отсюда выжили.

Фам вспомнил предупреждение насчет дресс-кода и не стал спорить.

За следующие двадцать минут торговец из Чжэн Хэ продал бы душу: на расстоянии вытянутой руки бродили представители дюжины различных разумных видов. Но, достигнув дальней стены, Фам уже весь извелся. Ему еще дважды сделали замечание по поводу дресс-кода. Единственной отдушиной оставалась услуга доступа к локальной сети, которую святой Ринделл пока не отключил, так что Равна могла обмениваться информацией:

— Местная колония наездников примерно в сотне километров от торгового ряда. За стеной, у которой вы находитесь, что-то наподобие транспортной станции.

Прямо впереди показался туннель, в котором исчезла Зеленожка. Было видно, что за ним — темнота космоса. Толкучка впервые поредела: мало кто удалялся в туннель, немногие же и покидали его.

В затылочных окнах мелькнул лазерный огонек.

— Нарушение дресс-кода. Четвертое предупреждение. Примерный перевод: «Пожалуйста, немедленно покиньте помещение».

— Да уходим мы, уже уходим!

Их окружила тьма, и Фам увеличил чувствительность окошек шлема. Сперва он подумал, что «транспортная станция» открыта вакууму, а местные используют сдерживающие поля, как на Вершине Запределья. Потом заметил, как ряды колонн сливаются в прозрачные стены. Они все-таки в старомодном замкнутом помещении, но вид… Эта сторона арки была обращена к звездам. Всего в нескольких десятках метров от него парили в пустоте, как рыбешки в океане, частицы кольца. В отдалении над плоскостью кольца вздымались постройки такие высокие, что на них ослепительно сверкало солнце. Источник самого яркого света, однако, находился почти над головами: синий океан, белые облака. Мягкий свет озарял все вокруг Фама. Везде, где случалось побывать Чжэн Хэ, подобное зрелище сочли бы добрым знаком. Впрочем, океан был не совсем настоящий: сферический контур не идеально ровный, поперек падает тень кольца. До маленького объекта было лишь несколько сотен кликов. Один из контрольных спутников, замеченных

ими по пути сюда. Облачная атмосфера спутника была четко ограничена каким-то просторным куполом.

Фам с трудом отвел взгляд:

— Десять к одному, что там и обитают наездники.

— Разумеется, — ответил Синепанцирь. — Вполне типичное для нас место. Впрочем, прибой в такой низкой гравитации вряд ли пришелся бы мне…

— Дорогой мой Синепанцирь, сир Фам! Я здесь!

Голос Зеленожки. Скафандр Фама подтверждал, что сигнал локальный, а не маршрутизируется через «Внеполосный-II».

Ветки Синепанциря изогнулись во всех направлениях.

— Зеленожка, с тобой все в порядке?

Несколько мгновений они шелестели друг с другом, потом Зеленожка подытожила на трисквелине:

— Сир Фам? Да, со мной все в порядке. Извините, что я вас так переполошила. Я видела, что сделка с Ринделлом идет успешно, а тут как раз местные наездники мимо проезжали. Замечательные ребята, сир Фам. Они нас пригласили остановиться в своей колонии. Всего на денек-другой. Чудесно

же будет отдохнуть там перед дорогой. А еще я думаю, что они могут нам помочь.

Совсем как в романтических квестах из постельной библиотечки Равны: на полпути к цели усталые путники находят прибежище и получают какой-нибудь волшебный подарок. Фам сказал по закрытому каналу, обращаясь к Синепанцирю:

— Это действительно Зеленожка? И не под принуждением?

— Это она, сир Фам, и она вполне свободна. Вы же слышали, как я с ней говорил. Я ее двести лет знаю. Никто ей ветви не выкручивает.

— Тогда какого хрена ради она *бросила нас*? — Фам почти прошипел последние слова и сам этому удивился.

Длинная пауза.

— Это странно. Я предположил бы, что у местных наездников откуда-то имеется крайне важная для нас информация. Вперед, сир Фам. Но будем осторожны.

Он покатил прочь, словно наугад.

— Рав, а что ты…

Тут Фам заметил, что на панели комм-датчика мигает красный огонек, и гнев его как рукой сняло. *Как давно нет связи с Равной?*

Фам последовал за Синепанцирем, летя на газовых двигателях в темпе наездника и держась очень низко. Место было сплошь утыкано липкими присосками, которыми наездники пользовались в невесомости. В то же время оно казалось пустынным, заброшенным. Никого не видать, а ведь всего в сотне метров отсюда — свет и толпа народу. Тут буквально разило западней, хотя какой в ней смысл? Если «истребители паразитов» или их подручные заметили Фама с Синепанцирем, достаточно было бы просто поднять тревогу. Неужели все-таки подстава Ринделла? Фам включил лучеметы скафандра и активировал «контрмеры»; во все стороны упорхнули мошкамеры. Хватит на сегодня дресс-кодов.

Синеватый лунный свет заливал равнину, высвечивая невысокие холмики и угловатые массивы какого-то оборудования. Поверхность была издырявлена ямами (входами в туннели?). Синепанцирь что-то бормотал насчет «прекрасной ночи» и того, как чудесно сейчас сидится в прибое на морском берегу в сотне километров над ними. Фам сканировал окружение во всех направлениях, искал зоны обстрела и ловушки.

Одна из мошкамер показала лес безлистных ветвей: то были наездники, безмолвно замершие

в лунном свете. До них оставалось еще два пригорка. Молчаливые, неподвижные, они стояли во мраке… может, просто любуются лунным светом? Увеличив картинку с камеры, Фам без труда опознал Зеленожку; та замыкала пятерку наездников. Он четко видел косметические полоски на ее тележке. Передняя часть тележки бугрилась выступом, как если бы в этом месте торчал стержень. Какой-то крепежный механизм? Фам подвел туда пару мошкамер. Оружие. Все наездники были вооружены.

— Мы уже на борту транспортника, Синепанцирь, — сказал голосок Зеленожки. — Ты его заметишь через несколько метров, он сразу за углом вентиляционной кучи.

Наверное, имелся в виду пригорок, у которого сейчас находились человек и наездник. Но Фам знал, что никакого флаера там нет; Зеленожка и ее вооруженные напарники просто выманивают их. Коварство весьма искусное, но в то же время и очень низкотехнологичное. Фам чуть не выкрикнул предостережение Синепанцирю. Потом увидел, что на склоне холмика, всего в паре метров ниже того места, где находился наездник, смонтирован какой-то керамический прямоугольник. Ближайшая мошкамера опознала в

нем взрывчатку, вероятно направленную мину. Рядом была установлена камера низкого разрешения — по сути, обычный сенсор движения. Синепанцирь как ни в чем не бывало проехал мимо, продолжая весело болтать с Зеленожкой. *Они его пропустили*. Нахлынули новые мрачные подозрения. Фам остановился, резко сдал назад, не касаясь почвы. Он не производил ни звука, кроме тихих выхлопов газовых двигателей. Отцепив одну из клешней, он заставил мошкамеру пронести ее вблизи минного сенсора…

Вспышка бледного пламени и очень громкий звук. Хотя Фам был в пяти метрах, его задело ударной волной. Он успел заметить, как Синепанцирь, по ту сторону заминированного участка, прячет ветки под колеса. Рядом пронесся иззубренный металлический осколок. Неуправляемый: обратно для атаки он не вернулся. Взрыв уничтожил несколько мошкамер.

Фам воспользовался суматохой, резко врубил ускорение и взлетел по ближайшему «холму». За ним обнаружилась неглубокая долина (проулок?), в конце которой стояли наездники. Засадный отряд поехал вперед, окружая холмик оцеплением и удовлетворенно шелестя между собой. Фам из любопытства не стал стрелять.

Спустя миг в сотне метров от него показался Синепанцирь.

— Фам? — растерянно звал он. — Фам?

Засадный отряд проигнорировал Синепанциря. Трое наездников исчезли за холмом. Мошкамеры Фама показали, как они резко тормозят и напрягают ветки — внезапно поняли, что Фам ускользнул. Пятерка рассыпалась по местности, прочесывая ее в поисках человека. Обольстительных речей Зеленожки слышно не было.

За холмом раздался резкий треск, полыхнул бластер. Кто-то перенервничал и напрасно нажал на спуск.

А над всем этим летал Синепанцирь. Идеальная мишень, но его не трогали. В его речи смешивались трисквелин и трескучий наездничий шелест. То, что Фам понимал, отражало страх:

— Почему вы стреляете? В чем дело? Зеленожка, отзовись!

Параноика Фама Нювена это не обмануло. «Ты мне там наверху не нужен». Он выцелил наездника основным лучеметом, подумав, чуть сдвинул прицел и выстрелил. Вспышку обычным глазом не увидеть, но мощность импульса достигала нескольких гигаджоулей. Вдоль траектории выстрела воссияло плазменное облако, не достав

до Синепанциря каких-то пяти метров. Высоко над тележкой наездника треснул хрустальный купол. Актиническая вспышка впечатляла: сверкающие фрагменты купола разлетелись тысячей лучистых осколков.

Как только засветился купол, Фам отлетел в сторону. Синепанциря тоже отшвырнуло, но наездник восстановил равновесие и метнулся под прикрытие. В том месте, куда ударил луч, расцветала ослепительная корона плазмы, по мере остывания меняя цвет от голубого к оранжевому и красному. Света она по-прежнему давала больше, чем контрольный спутник наверху.

Предупредительный выстрел Фама сработал точно перст указующий. Следующие пятнадцать секунд четверо наездников отчаянно обстреливали точку, откуда ударил луч. Воцарилась тишина, затем раздался слабый шелест. Пятерка воображала, что легко обыграет человека в прятки. Они пока не понимали, как хорошо он вооружен. Фам усмехнулся, пролистывая картинки с мошкамер. Он видел каждого противника, а также Синепанциря.

Если здесь только эта четверка (пятерка?), проблем они не доставят. Но, без сомнения, вскоре подоспеет подкрепление, а с ним и реальная

засада. Пробоина в потолке остыла и потемнела. Диаметр дыры достигал полуметра. Оттуда исходил шипящий звук ветра, и Фама передернуло даже под броней. Утечка воздуха пока не угрожала наездникам, но все же это ЧП, и на него отреагируют. Он осмотрел дыру. Снизу казалось, что там дует легкий бриз, а на самом деле уже в паре метров под пробоиной свирепствовало миниатюрное торнадо, закручивая и унося наружу пыль и обломки.

А за пределами прозрачной оболочки, в космосе, за темным провалом виднелось сверкающее облако: солнце озаряло космический мусор, вылетавший из тени колец. В сознании скреблась какая-то новая идея…

Ой. Пятеро наездников почти сомкнули оцепление. Один высунулся, заметил Фама и выпалил в него. Фам ответил: от наездника остались облачко перегретого водяного пара и обугленные ветки. Тележка не пострадала и поплыла меж холмами в пустоте; напарники погибшего в панике обстреляли ее. Фам снова передислоцировался, отлетев подальше от врагов.

Он выгадал еще несколько спокойных минут. Посмотрел на сверкающее облако по ту сторону купола. О чем бишь?.. А, ну да. Если наездники

ждут подкрепления, то почему бы и ему?.. Глядя на облачко, Фам маршрутизировал голосовую связь через спусковой контур лучемета. Начал было говорить, потом остановился… Лучше снизить мощность. Дьявол в деталях. Снова прицелился, выстрелил несколько раз и произнес:

— Равна, я очень надеюсь, что ты глаза уже продрала. Мне нужна помощь… — И вкратце описал безумные события последних десяти минут.

На сей раз мощность луча составляла менее десяти килоджоулей в секунду, даже воздух не засветился. Но, отраженный облачком снаружи, луч станет виден за тысячи кликов. Его увидят и на «Внеполосном-II», по ту сторону хабитата.

Наездники снова смыкали кольцо. Проклятье. Фам не мог поставить сообщение в очередь на передачу; импровизированный передатчик был ему нужен сейчас позарез. Фам перелетал из долинки в долинку, держась за тележкой наездника, который оторвался от остальных. Он был один против троих (четверых?). Он превосходил их в огневой мощи и доступе к информации, но если не повезет, его срежут одним выстрелом. Он выбрал следующую цель. «Спокойно, осторожно…»

По руке Фама ударил световой хлыст, да так, что

броня вспыхнула цветами побежалости. Человек дернулся, брызнули белые раскаленные капли металла. Он рванул между холмиков, поливая огнем наездников внизу. Лучи сходились на нем, но он уже вылетел под прикрытие. Враги работали чертовски быстро, словно у них имелась система автонаведения. А может, так оно и было. *Тележки.*

Тут пришла боль. Фам сложился в три погибели, задыхаясь. Если рана вроде тех, какие ему припоминались, значит плоть прожжена до кости. Из глаз потекли слезы, накатила тошнота. На миг он отключился, но тут же пришел в себя. Еще секунда-две — и он не очнется. Наездники приближались, но от последней жертвы его лучемета остались только обломки тележки в медленно остывающем кратере. Автоматика скафандра затянула дыру в броне. Фам почувствовал холодок: броня вколола ему обезболивающее. Боль утихла. Он облетел вокруг пригорка, стараясь держаться так, чтобы никто из троицы врагов его не заметил. Они уже догадались про мошкамеры: каждые несколько секунд сверкала вспышка и вершина очередного холмика превращалась в раскаленный шлак. Они стреляли из пушек по воробьям, но мошкамер становилось все меньше.

Выбивают его главный козырь.

Где этот Синепанцирь? Фам попереключал картинки с уцелевших мошкамер, потом вернулся к обзору из скафандра. Мерзавец все еще летал высоко над полем битвы, и дружбаны-наездники его не трогали.

«Он им докладывает, что я делаю. — Фам сменил позу, неуклюже выцеливая лучеметом крохотную фигурку. Поколебался. — Раскис ты, Нювен».

Синепанцирь вдруг полетел вниз, взмахнув грузовым шарфом. Очевидно, включил двигатели на полную. Фоновые взрывы от лучевых ударов и бульканье кипящего металла заглушали его полет. Он пикировал прямо на ближайшего наездника засадного отряда.

Не долетая до земли тридцати метров, Синепанцирь выпустил что-то длинное, угловатое. Этот предмет отделился от его тележки, а сам Синепанцирь нырнул вбок и скрылся за холмами. Одновременно и куда ближе к Фаму что-то хлопнуло и заскрежетало. Фам выслал одну из немногих уцелевших мошкамер осмотреть склон. Он углядел силуэт тележки и ветки, бессильно распластанные по раздавленному стволу. Вспышка света. Мошкамера сдохла.

Значит, остались только два врага, в том числе Зеленожка.

Секунд десять никто не стрелял, но тишина не восстановилась. Пузырился и трескался, остывая, сияющий металл на предплечье скафандра. Высоко наверху со свистом уносился в дыру воздух. На уровне земли шелестели вихри, не позволяя удерживаться на месте: приходилось все время маневрировать газовыми движками. Фам помедлил, позволяя вихрю тихо вынести себя прочь из неглубокой долины. *Вон там.* Тихое шипение — это не его двигатели. Вот снова. Два наездника брали его в «вилку» с разных сторон. Они явно не знали его точной позиции, но координировали свои действия.

Боль накатывала и опадала, а с нею и связность мысли. Короткими импульсами набегали тьма и агония. С анестетиками Фам связываться больше не рисковал. Он увидел, как над ближним холмом высунул кончики ветвей какой-то наездник. Замерев, Фам пригляделся. Наверное, наездник может видеть ровно столько, чтобы отслеживать движения… Две секунды. Последняя мошкамера Фама показала, как сбоку тихо подлетает еще один враг. В любую секунду двое могут соединиться и броситься на него. Фам бы сейчас что

угодно отдал за *боевую* мошкамеру. Он столько корпел над самопальным оружием, а до такого не додумался. Ну и ладно. Он выжидал, пока сознание более-менее прояснится, чтобы вознестись над противником и выстрелить.

Громкий треск ветвей — *тут кто-то есть!* Мошкамера Фама показала Синепанциря: наездник ехал под сходящимися стенами в сотне метров от них. Он менял укрытия, но оставался ближе к Зеленожке, чем к другому. А что за треск? Мольба? Проведя с наездниками пять месяцев, Фам все равно почти не понимал их языка. Зеленожка — неизменно тихая, застенчивая Зеленожка — ничего не ответила, но, повернув свой лучемет, окатила наклонные стены струей огня. Третий наездник чуть высунулся из-за холма, тоже собираясь выстрелить туда. Он бы уложил Синепанциря на месте, если бы этим движением не подставился под выстрел Фама Нювена.

И Фам выстрелил точно в тот миг, когда наездник показался из укрытия. Теперь остается только один шанс. Если развернуться и выпалить в Зеленожку, пока та не расправилась с Синепанцирем… Маневр несложный, перевернуться вверх тормашками, зависнуть вниз головой, прямо над Зеленожкой и позади нее. Но для Фама

в его нынешнем состоянии простых маневров не существовало; он завертелся слишком быстро, ландшафт замелькал и стал удаляться. Впрочем, вот же Зеленожка, выцеливает его своим оружием, порядок…

Тут возник Синепанцирь: мчится к ним на полной скорости меж колонн, все еще сверкавших от залпа Зеленожки. Он громко закричал Фаму:

— Молю, не убивайте ее, не убивайте!..

Зеленожка поколебалась, потом навела оружие на Синепанциря. Фам нажал на спуск, не переставая вращаться. Луч дергался, бил по земле. Сознание ускользало. «*Целься! Целься же!*» Он пропахал землю сверкающей расплавленной стрелой, и та уткнулась во что-то темное, горбастое. Крохотная фигурка Синепанциря продолжала катиться через поле боя навстречу Зеленожке. Потом Фам слишком резко повернулся, а припомнить, как меняется угол обзора, не сумел. Перед глазами медленно проплыло небо. Голубоватая луна, рассеченная посередке резкой тенью. Совсем близко — корабль с перистыми шипами, похожий на огромную мокрицу. «Во имя Чжэн Хэ… где это я?..» И он отключился.

Глава 29

Он видел сны. Его снова разжаловали из капитанов и отрядили в корабельную теплицу, ухаживать за растениями в горшках. Эх, грусть-печаль. В обязанности Фама входило поливать растения и следить, чтобы они вовремя расцветали. Но затем он заметил, что у горшков есть колеса; растения заезжали ему за спину, чего-то выжидали, переговаривались трескучим шелестом. Раньше они казались ему красивыми, а теперь стали зловещими. Фаму прежде нравилось кормить и поливать растения: они ему всегда были симпатичны.

А теперь он один на всем корабле знал, что они — враги всего живого.

Фам Нювен не единожды просыпался в окружении медицинского оборудования. Тесные гробообразные баки, скучные зеленые стены, проводки и трубки — со всем этим он почти свыкся. На сей раз все было иначе; он не сразу сообразил, где находится. Над ним склонялись гибкие тонкие деревца, слегка колыхаясь на теплом ветру. Ему казалось, что он лежит на

мягчайшем мху посреди небольшой полянки над прудом. В воздухе над гладью пруда висело жаркое летнее марево. Очень приятное местечко, вот только листья какие-то шерстистые, а подобный оттенок зеленого Фаму еще не встречался. Он был дома, но дом этот принадлежал кому-то другому. Фам потянулся коснуться ближайшей ветки, но рука его уткнулась в незримую преграду сантиметрах в пятидесяти от лица. Выгнутая стенка. Как бы ни были замысловаты картинки, автохирург мало отличался от прочих на его памяти.

Где-то по ту сторону головы прозвучал щелчок; идиллия растаяла, теплый ветерок утих. Кто-то — *Равна* — парил над его цилиндрической капсулой.

— Привет, Фам.

Она просунула руку внутрь автохирурга, сжала его ладонь. Нерешительно поцеловала. Вид у девушки был измученный, словно она недавно много плакала.

— Привет и тебе, — ответил он.

Память возвращалась рывками. Он попытался оттолкнуться от постели и обнаружил еще одно сходство с автохирургами Чжэн Хэ: его пристегнули.

Равна вымученно рассмеялась:

— Хирург, отстегни его.

Спустя миг Фам воспарил над ложем.

— Он меня все еще держит за руку.

— Нет, это лубок. Твоя левая рука еще долго будет отрастать, Фам. Ее почти полностью сожгли.

— Ах вот оно что.

Он опустил взгляд и увидел, что левая рука притянута к боку белым кокономи. Он вспомнил перестрелку и догадался, что сны его были отчасти порождены кошмарной реальностью.

— Сколько я тут провалялся?

В голосе его звучала тревога.

— Около тридцати часов. Мы уже удалились от Гармоничного Покоя более чем на шестьдесят световых лет. Все отлично, только вот такое впечатление, что все на свете за нами гонятся.

Сон. Он стиснул кисть Равны здоровой рукой:

— Наездники! Где они?

«О Флот, только бы не на борту».

— Т-то, что осталось от Зеленожки, в другом хирурге. Синепанцирь…

«Почему он оставил меня в живых?» — подумал Фам, оглядывая каюту. Они были в медотсеке. Отсюда метров двадцать до любого оружия. Так. Есть кое-что поважнее оружия: командные права консоли управления «Внеполосным-II»… *если*

еще не поздно. Фам вытолкнул себя из хирурга и полетел прочь.

Равна последовала за ним.

— Фам, полегче. Ты же только что из хирурга.

— Что они тебе рассказали про ту перестрелку?

— Бедная Зеленожка не в состоянии говорить, Фам. Синепанцирь рассказал, в общем, то же самое, что и ты: Зеленожку похитили вымогатели-наездники, заманили вас в ловушку.

— Гм, гмм, — бессодержательно промычал Фам.

Может, еще есть шанс. Возможно, Синепанцирь еще не переметнулся на сторону врага. Фам торопливо перемещался вдоль оси корабля, отталкиваясь одной рукой. Через минуту он добрался до мостика. Равна следом.

— Фам, в чем дело? Нам еще столько всего надо обсудить…

«Ты чертовски права». Он нырнул в командную рубку и занял место у консоли.

— Корабль, ты узнаешь мой голос?

— Фам, что ты… — начала было Равна.

— Да, сир.

— …тут вытворяешь?

— Командные привилегии, — произнес он. На время отлучки наездников они были ему предо-

ставлены. — Еще в силе?

— Действительны.

Наездники за тридцать часов могли превосходно подготовиться к обороне. Слишком легко, слишком просто.

— Отключить командные привилегии наездников. Изолировать их.

— Исполнено, сир, — ответил корабль.

Вранье! Но что еще он может сделать? Панический страх захлестнул его с головой… и вдруг обернулся предельным хладнокровием. Он ведь из Чжэн Хэ… и в нем богосколок.

Оба наездника пребывали в одной и той же каюте: Зеленожка лежала во втором корабельном автохирурге, идентичном тому, из которого только что вышел Фам. Он открыл окошко каюты. Синепанцирь сидел рядом с хирургом. Ветви его казались увядшими, как в тот миг, когда пришло известие о Сьяндре Кей. Он выгнул их так, чтобы попасть на видео.

— Сир Фам… корабль говорит, что вы отменили наши привилегии?

— Фам, что происходит? — Равна утвердила ногу на полу и пожирала его яростным взглядом.

Фам проигнорировал оба вопроса.

— Как там Зеленожка? — спросил он.

Ветви отвернулись, вроде бы пожухли еще сильнее.

— Она будет жить… Благодарю вас, сир Фам. В той ситуации… немногие бы справились лучше вас. Я и не рассчитывал на большее.

«А что я сделал?» Он вспомнил, как стрелял по Зеленожке. Он что, сдвинул прицел? Заглянул внутрь хирурга. Устройство заметно отличалось от человеческих: почти весь объем заполнен водой, а ветки пациента погружены в турбулентный поток воздушных пузырьков. Зеленожка спала (наверное), вид у нее был более хрупкий, чем ему запомнилось, ветви ее бездумно колыхались в воде. Некоторых недоставало, но ствол ее, кажется, не пострадал. Взгляд Фама проследовал вниз по стволу, к точке обычного сочленения наездницы с тележкой. Ствол оканчивался жгутом хирургических трубок. И Фаму припомнилось, как в последний связный миг перестрелки он отстрелил Зеленожке тележку. «Как себя чувствует наездник, которому не на чем ехать?»

Он отвел взгляд в сторону:

— Я удалил твои командные права, потому что я тебе не доверяю.

«Бывший друг, орудие моего врага».

Синепанцирь не ответил, вместо него загово-

рила Равна:

— Фам, без помощи Синепанциря я бы ни за что тебя с хабитата не вытащила. А потом мы застряли в Покойся с Миром. Проклятый спутник орал о нас благим матом на всю систему — они догадались, что мы люди. Апраханти пытались взять гавань штурмом и уничтожить нас. Без Синепанциря мы бы ни за что не уломали местную службу охраны разрешить нам ультраскачок — а в противном случае нас бы разнесли на куски сразу на выходе из плоскости кольца. Мы бы все там *упокоились*, Фам.

— Ты знаешь, что там произошло?

Лицо Равны немного смягчилось.

— Да. Но тут же дело в тележках. Подвела техника. Несложно отсоединить от механических сочленений кибернетическую начинку. Те наездники крутили ее колеса и стреляли из ее оружия.

Вот как. В окошке за спиной Равны он видел Синепанциря. Тот хранил молчание, ветвями не шевелил. Торжествует?

— Это не объясняет, почему Зеленожка заманила нас в ловушку. — Фам поднял руку. — Да, я знаю, под принуждением и все такое. Но, Равна, тут такая маленькая деталь: ее никто не заставлял. Она сама. С энтузиазмом. — Он снова

посмотрел через плечо девушки. — Ее никто не вынуждал это делать. Не так ли ты мне говорил, Синепанцирь?

Длинная пауза.

— Да, сир Фам, — наконец ответил наездник.

Равна повернулась, отплыла в сторону, чтобы видеть обоих.

— Но… но это все равно чушь. Зеленожка с нами была с самого начала. Она бы тысячу раз могла уничтожить корабль или послать весть наружу. Зачем устраивать эту идиотскую засаду?

— Да, почему они не предали нас раньше…

Пока она не задала этот вопрос, Фам не знал ответа. Факты были перед ним, но в стройную теорию не укладывались. А теперь все сошлось воедино: засада, сны в автохирурге, даже парадоксы.

— Потому что раньше она предательницей не была, я думаю. Мы ускользнули с Маршрутизатора беспрепятственно, никто о нас не узнал, а уж про наш пункт назначения — и подавно. Наверняка и на Гармоничном Покое никто не ожидал, что появятся люди. — Он помолчал, пытаясь собраться с мыслями. Засада… — Засада была не такая уж и глупая… но ее готовили впопыхах. У врага не было запасного плана. Оружие

примитивное, самое простое… — (вспышка озарения), — и вот почему. Я готов побиться об заклад, что, если покопаться в ошметках Зеленожкиной тележки, окажется, что лучемет ее переделан из какого-нибудь режущего инструмента. А единственный сенсор на клейморной мине — датчик движения и он явно из гражданской аппаратуры. Все гаджеты слеплены вместе на скорую руку теми, кто специально к битве не готовился. О нет, врага застало врасплох наше появление.

— Думаешь, апраханти могли…

— При чем тут апраханти! Судя по твоим словам, они вломились только после перестрелки, когда спутник наездников заголосил о нашем присутствии. Кто бы это ни был, к бабочкам он отношения не имеет. У него чуток агентов там, чуточку тут, во множестве звездных систем: обширная сеть информаторов, которые ловят все сколько-нибудь интересное. Они заметили нас. У них почти не было ресурсов, но все же местная ячейка попыталась захватить наш корабль. И о нашем появлении они дали знать, только потерпев поражение в прямой схватке. Они не хотели позволить нам уйти, любой ценой. — Он ткнул рукой в окошко ультраволновика. — Если я правильно понял, у нас на хвосте больше пятисот

кораблей.

Взгляд Равны метнулся к дисплею и обратно.

— Да, — ответила она бесстрастно, — это часть главной флотилии апраханти и…

— И будет еще больше, вот только не все эти корабли будут бабочкиными.

— То есть? Зачем наездникам злоумышлять против нас? Заговор этот бессмыслен. У них даже государства никогда не было, что уж говорить про межзвездную империю.

Фам кивнул:

— Всего-навсего мирные обители, как та контрольная луна. Во множестве поливидовых цивилизаций по всему Запределью. — Он понизил голос. — Не-ет, Рав, наш истинный враг сейчас — не наездники, а то, что ими управляет. Страумлианское Искажение.

Ошеломленная тишина. Он заметил, как тесно прижимает к стволу ветки Синепанцирь. *Знает*.

— Это единственно возможный мотив, Равна. Зеленожка и вправду была верна нам, была нашей подругой. Я думаю, лишь малая доля наездников порабощена Искажением. Когда Зеленожка с ними столкнулась, они и ее перевербовали.

— Н-невозможно! Фам, это Срединное Запре-

делье. Зеленожка смелая и упорная. Никакая промывка мозгов ее бы так быстро не поменяла.

Но в глазах девушки проступали ужас и отчаяние. Так или иначе, а правда будет кошмарна.

«А я все еще здесь, жив и говорю с ней. Аргумент в пользу богосколка. Быть может, шанс еще есть!» И он заговорил, одновременно соображая, как следует отвечать.

— Зеленожка была верна нам, однако ж ее полностью перевербовали за считаные секунды. Это не просто взломанная тележка или какой-нибудь наркотик. Такое впечатление, что наездник и его тележка изначально были запрограммированы на отклик. — Он посмотрел на Синепанциря, пытаясь предугадать реакцию наездника на то, что он скажет дальше. — Наездники давным-давно ожидают возвращения своего Создателя. Раса эта очень древняя, возможно, древнее всех, кроме разве таких, кто уже из ума выжил. Они живут повсюду, но небольшими группами. Неизменно миролюбивые, неизменно практичные. А когда-то в самом начале их истории, несколько миллиардов лет назад, предки наездников угодили в эволюционную ловушку. Их Создатель построил первые тележки и сотворил первых наездников. Теперь, думается, понятно, кто это был

и зачем так поступил. Да-да, я знаю, что известны и другие случаи возвышения. Но этот оказался поразительно стабилен. Большие тележки — дань традиции, как говорит Синепанцирь, но слово это обычно применяют к цивилизациям на куда более коротких временны`х отрезках. Современные большие тележки полностью идентичны моделям миллиардолетней давности. Эти устройства можно построить в любом месте Запределья, но происходит разработка, несомненно, с Вершины или из Трансценденции.

Один из первых щелчков по самолюбию, полученных им в Запределье. Он просмотрел технологические схемы тележек (на самом деле — результаты вскрытия). Снаружи казалось, что это чисто механическая конструкция, у нее даже движущиеся части были! Сопроводительный текст пояснял, что изготовить ее можно почти на любой фабрике, едва ли более продвинутой, чем некоторые заводы Медленной Зоны. А вот электроника представляла собой хаотичную мешанину компонентов, не проявлявшую ни модульной, ни иерархической структуры. И тем не менее она работала, притом куда эффективнее устройств, придуманных интеллектами человеческого уровня. О починке же или отладке, если

не считать кибернетической компоненты, не могло идти и речи.

— В Запределье никто не понимает всех возможностей тележек, не говоря уж о требованиях, которые накладывает адаптация к ним на самих наездников. Не так ли, Синепанцирь?

Наездник сильно стукнул ветвями по центральному стволу и снова яростно затрещал. Фам его таким еще не видел. Ужас? Ярость? Голос Синепанциря из вокодера искажали нелинейные помехи:

— Ты смеешь спрашивать? Ты смеешь спрашивать? Да как тебе не стыдно спрашивать меня, который помог…

Голос подскочил до высоких частот, и наездник умолк, сотрясаясь всем телом.

Фаму, торговцу из Чжэн Хэ, стало нестерпимо стыдно. Наездник знал, понимал и… заслуживал лучшей участи. Наездников придется уничтожить. Нет смысла слушать его оправдания. Рука Фама дернулась отключить связь, потом замерла. «*Нет. Это твой последний шанс увидеть… работу Искажения*».

Взгляд Равны метался между человеком и наездником, и Фам понимал, каково ей. Лицо девушки исказилось му́кой, такой же, как после

известия о гибели Сьяндры Кей.

— Ты утверждаешь, что изначальные тележки изготовлены Искажением.

— И оно модифицировало наездников. Это было давным-давно. Конечно, не тем экземпляром Искажения, который создан страумерами, но…

Погибель — таково было другое общепринятое имя Искажения. Оно точнее отвечало точке зрения Старика. Какой бы трансцендентной ни была природа Искажения, вело оно себя скорей как болезнь. Возможно, чтобы одурачить Старика… Но теперь Фам понял: Погибель жила в спорах, таилась там невероятно долгое время. Пряталась в архивах, выжидала шанса на размножение. И она создала себе помощников для поры расцвета…

Он посмотрел на Равну и вдруг еще кое-что понял.

— Рав, у тебя было тридцать часов на размышления. Ты видела запись с камер моего скафандра. Ты же должна была догадаться если не обо всем, то о большей части.

Она потупилась.

— О меньшей, — наконец вымолвила она.

Во всяком случае, больше не пытается отрицать.

— Ты знаешь, как мы должны поступить, —

сказал он тихо. Богосколок несколько ослабил хватку. Теперь ясно, что делать, и его воля будет исполнена.

— А как? — уточнила Равна, будто не поняла его.

— Мы обязаны сделать две вещи. Во-первых, запостить это в Сеть.

— И кто нам поверит?

«Сеть Миллиона Лжецов».

— Много кто. Как только присмотрятся внимательнее, поймут, что мы правы… и примут необходимые меры.

Равна покачала головой.

— Нет, — едва слышно ответила она.

— Надо выложить это в Сеть, Равна. Наше открытие способно спасти тысячи миров. Мы обнаружили тайное оружие Погибели. — По крайней мере, для Срединного и Нижнего Запределья.

Она лишь снова покачала головой.

— Но если мы прокричим эту правду вслух, то погубим миллиарды!

— Это самооборона.

Он осторожно оттолкнулся от потолка, снова притянул себя к палубе.

У нее на глазах выступили слезы.

— Точно такие же аргументы выдвигали уббийцы м-моей семьи, моих планет… Я н-не б-буду в этом участвовать.

— Но *мы-то* говорим правду!

— Фам, я устала от погромов.

Вежливое, почти невероятное упрямство.

— Ты сама примешь такое решение, Рав? У нас есть информация, которую другие — лидеры, поумнее нас — вольны будут использовать, чтобы принять решение. Ты не дашь им сделать выбор?

Она помедлила, и на миг Фаму показалось, что цивилизованная, привыкшая к порядку часть ее личности возьмет верх. Но затем подбородок девушки упрямо вздернулся.

— Да, Фам. Я отказываю им в этом выборе.

Он пробормотал что-то невнятное и отчалил назад к консоли. «*Нет смысла спорить, когда нужно действовать*».

— И, Фам, Зеленожку и Синепанциря мы не убьем.

— Рав, у нас нет выбора. — Пальцы его плясали над сенсорной панелью. — Зеленожку уже перевербовали; мы понятия не имеем, восстановится ли ее состояние после гибели тележки и не выйдет ли Синепанцирь из-под контроля. Мы не

можем ни продолжать полет с ними вместе, ни отпустить их.

Равна подплыла сбоку, не сводя взгляда с его рук.

— Ф-фам, осторожнее, а то не тех убьешь, — сказала она тихо. — Как ты заметил, у меня было тридцать часов, чтобы подумать о моих решениях, тридцать часов, чтобы поразмыслить о твоих.

— Ну что ж.

Фам отстранился от консоли. Гнев (богосколок?) на миг овладел им. «*Равна, Равна, Равна*», — с прощальной интонацией прозвучал голос в его голове. Затем все внутри заледенело. Он-то боялся, что наездники захватили корабль, но за них это сделала, причем по доброй воле, эта бедная дурочка. Фам медленно подлетел к ней. Почти рассеянно принял боевую стойку.

— И как ты собираешься помешать мне сделать то, что я должен?..

Но он уже понял.

Она не отступила, даже увидев его руку в сантиметрах от своего горла. На заплаканном лице ее читалась решимость.

— Как ты думаешь, Фам? Пока ты был в хирурге… я тут все поменяла. Причини мне вред, и тебе воздастся сторицей. — Девушка окинула взгля-

дом стены за его спиной. — Убей наездников, и ты… ты умрешь.

Они долго смотрели друг на друга, прикидывая расклад. Возможно, в стенах и нет никакого оружия. Он мог бы ее убить, не успеет она и глазом моргнуть. Но корабль можно запрограммировать на его убийство тысячью способов. И если это так, то выживут только наездники. Полетят ко Дну за своим призом.

— Ну и что нам теперь делать? — спросил он наконец.

— Как и прежде, спасать Джефри. Мы вернем *контрмеру*. Я ограничу возможности наездников.

«Перемирие с монстрами при посредничестве идиотки».

Фам оттолкнулся от стены и облетел Равну, как неодушевленный предмет. Вылетая в коридор, он услышал позади всхлип.

Следующие несколько дней они старательно избегали друг друга. Фаму оставили поверхностный доступ к модулям управления кораблем. Он обнаружил, что весь прикладной уровень пронизан программами самоуничтожения. Но, что странно (и что вызвало бы у него досаду, будь он на это способен), изменения датировались ча-

сами *после* его стычки с Равной. Она блефовала. «Благодарение Силам, я этого не знал». Мысль не успела оформиться, как тут же исчезла.

Ну и ладно. Шарада продлится до самого конца. Игра обманов и уверток. Фам исполнился мрачной решимости победить в ней. У них на хвосте целые флоты, вокруг него одни предатели. «Но, клянусь Чжэн Хэ и богосколком, Искажение проиграет. Наездники проиграют. И Равна Бергсндот, при всем ее мужестве и великодушии, проиграет тоже».

Глава 30

Тиратект проигрывала битву в себе самой. О, битва была далека от завершения; точнее будет сказать, что прилив сменился отливом. Поначалу ей удавались небольшие победы; однажды, скажем, она оставила Амдиджефри одних играть с коммуникатором, а дети даже не поняли, что это Тиратект им его подсунула. Но то дела давних десятидневок, а ныне… Выпадали дни, когда она полностью теряла контроль над собой. А другие, вроде бы самые счастливые, начинались с того, что ей *казалось*, будто власть эта восстановлена.

Было непонятно, что принесет новый день.

Тиратект шла по строительным лесам, поднявшимся выше стен нового замка. Место это, несомненно, новое, но замком его считать сложно. Стальной возводил его в панической спешке. Южные и западные стены очень толстые, испещрены многочисленными ходами. А северная кое-где представляла собой просто деревянное заграждение, кое-как подпертое каменной кладкой. За отпущенное Стальному время не получилось бы сделать больше. Тиратект помедлила, принюхиваясь: пахло свежераспиленным деревом.

Вид с Холма Звездолета был как никогда прекрасен. Дни постепенно удлинялись, закат и восход теперь разделяли только сумерки. Снег ужался до обычных летних пятен, и вереск в тепле понемногу зеленел. Тиратект обозревала округу на целые мили, до голубоватого туманного моря и прибрежных островов.

Здравый смысл подсказывал, что атака на новый замок, даже недостроенный, окажется чистой воды самоубийством: для этого требовалось собрать целое полчище. Она горько усмехнулась собственным мыслям. Разумеется, Древорезчица здравого смысла не послушается. Старуха воображала, что ее оружие, способное пробивать дыры в стенах на расстоянии сотен футов, секретно. Разведчики Стального продолжали докладывать, что Древорезчица, проглотив наживку, пустилась со своей маленькой армией и наскоро сляпанной артиллерией через горы.

Тиратект спустилась по пристенной лестнице во двор. Раздался далекий гром. К северу от Ручейной Лощины пушкари самого Стального начали утренние учения. При подходящем воздухе их даже было слышно. Испытания вблизи крестьянских хозяйств не проводились. О новом оружии знали только изолированные от внеш-

него мира рабочие да слуги Движения высокого ранга. Стальной имел в своем распоряжении уже тридцать пушек и вдоволь пороха для них. Основной проблемой была нехватка личного состава. На близком расстоянии пушки грохотали так, что артиллеристы рисковали оглохнуть. Но что это за оружие! Пушки били почти на восемь миль, втрое дальше, чем поделки Древорезчицы. Они умели стрелять «бомбами», начиненными порохом, которые взрывались от столкновения с целью. В северных холмах появились участки, где от непрерывного огня в лесу образовались проплешины, а оползни обнажили скальное основание.

И вскоре, быть может даже сегодня, у шкуродерников тоже появится радиосвязь.

«Будь ты проклята, Древорезчица!» Конечно, Тиратект никогда не встречалась с Древорезчиком, но Шкуродер знал эту стаю очень хорошо. Древорезчик приходился Шкуродеру основным родителем. «Благородный Древорезчик» родил его и облек властью. Это Древорезчик обучил его свободе мысли и эксперимента. Древорезчик должен был понимать, что гордыня Шкуродера подтолкнет его дойти до пределов, куда родитель боялся ступить. И это Древорезчик обязан был

казнить Шкуродера или хотя бы разбить на фрагменты, как только жуткая натура последнего дала о себе знать. Вместо этого Шкуродеру позволили удалиться в изгнание… и там он создал тварей вроде Стального, а те принялись порождать собственных монстров, пока не установилась иерархия безумия.

А теперь Древорезчица вознамерилась исправить эту ошибку — с почти вековым запозданием. Плетется сюда со своими игрушечными пушками, самоуверенная идеалистка. Попадет прямо в расставленную Стальным ловушку, и никто из ее бойцов не выживет. Если бы была хоть какая-то возможность предупредить Древорезчицу! Тиратект до сих пор оставалась тут лишь потому, что дала самой себе обет низвергнуть Движение Шкуродера. Знай Древорезчица, какой прием ей здесь уготован, догадайся она о предателях в собственном стане… был бы шанс. Прошлой осенью Тиратект едва не отправила на юг анонимное послание. Некоторые торговцы посещали оба королевства, и память Шкуродера подсказывала ей, кто из них более или менее независим. Она чуть не передала одному такому листок шелковой бумаги: рассказ о том, что случилось при посадке звездолета и как выжил Джефри. Она размину-

лась со смертью меньше чем на сутки: Стальной показал ей донесение с юга, о другой двуногой и успехах Древорезчицы в работе с «данником». В донесении были подробности, которые мог знать лишь кто-то из ближнего круга Древорезчицы. Кто? Она не осмелилась спросить, но догадалась, что это Проныра: Шкуродер внутри Тиратект хорошо помнил своего родственника. Они… заключали сделки. Проныра ничего не унаследовал из подлинных талантов их общего родителя, зато приспособленчества в нем было с лихвой.

Стальной показал ей тот доклад хвастовства ради, желая доказать Тиратект, что ему удалось деяние, на какое Шкуродер и не замахивался. Это был удар. Тиратект похвалила Стального с большей, чем обычно, искренностью… и отложила идею послать весточку южанам в долгий ящик. Если у Древорезчицы шпион в ближайшем окружении, эта попытка обернется самоубийством.

И сейчас Тиратект трусила через внешний замковый двор. Тут предстояло еще много работы, но рабочие команды были числом поменьше. Стальной построил по всему двору бревенчатые хижины. Многие пустовали. Стальной рассчитывал убедить Равну посадить корабль в особое место внутри замковых стен, рядом с внутренним

донжоном.

Внутренний донжон. Единственное, что в этом замке отвечало стандартам Тайного Острова. Красивое сооружение, ничего не скажешь. Конечно, оно могло сойти за то, чем выставлял его Стальной в глазах Амдиджефри: убежище, призванное защитить от опасности корабль Джефри, святилище для поклонения ему. Вот центральный купол из тесаного камня на изящных консолях, диаметром не меньше главного зала твердыни на Тайном Острове. Тиратект пробежалась вокруг него, оглядывая парой глаз. Стальной хотел облицевать купол лучшим розовым мрамором. Он будет виден с неба за десятки миль. Центральным же элементом плана Стального — на случай, если спасатели отклонят приглашение приземлиться в западне, — были вмонтированные в купол ловушки.

Шрек и парочка шкуродерников высокого ранга стояли на лестнице, ведущей в главный зал замка. Увидев Тиратект, они подобрались и спешно отползли прочь на брюхах… но не так торопливо, как осенью. Они знали, что остальные Фрагменты Шкуродера погибли. Тиратект едва сдержала усмешку, проходя мимо них. Как бы слаба она ни была, при всех своих трудностях она

бы с этими субчиками запросто разделалась.

Стальной уже ждал ее внутри. Самые важные совещания они так и проводили: наедине, только Стальной и Тиратект. Она понимала, в чем тут соль. Поначалу Стальной ее отчаянно боялся — ее, единственное на свете создание, которое не мог бы убить. Целыми десятидневками он метался между стремлениями припасть перед ней на животы и расчленить на элементы. Забавно было видеть, что вбитые в него Шкуродером много лет назад клинья все еще на местах. Затем пришла весть о гибели остальных Фрагментов. Тиратект перестала быть Шкуродером в Ожидании. С тех пор она каждый день ожидала смерти. Но в каком-то смысле ее положение стало даже безопасней. Стальной уже не так ее боялся и удовлетворял потребность в личных советах менее пугавшими его способами. Тиратект стала демоном в кувшине: она обладала мудростью Шкуродера, но угрозы, как Шкуродер, не представляла.

В этот вечер Стальной источал какую-то расслабленность и приветствовал Тиратект спокойным кивком. Она тоже кивнула. Во многих аспектах Стальной был ее, то бишь Шкуродера, лучшим творением. Сколько сил тот положил,

создавая Стального. Сколько стай можно было бы сложить из элементов, которыми пришлось пожертвовать в поисках идеальной комбинации — Стального. Она, то есть Шкуродер в ней, стремилась взрастить безжалостное и великолепное существо. Ныне Тиратект узрела правду. Шкуродерством своим Шкуродер сотворил несчастную забитую шавку. Как ни странно, временами Стальной казался ей из всех жертв Шкуродера наиболее заслуживающим сострадания.

— Главное испытание? — спросила Тиратект.

Наконец-то радио готово, по крайней мере так кажется.

— Совсем скоро. Я хотел посоветоваться с тобой насчет сроков. Мои источники сообщают, что армия Древорезчицы уже в пути. Двигаясь в разумном темпе, они прибудут через пять десятидневок.

— И это почти за три десятидневки до прилета корабля Равны.

— Именно так. Мы избавимся от старого врага задолго до того, как игра пойдет по-крупному. Но… что-то странное было в последних сообщениях от двуногой. Как ты думаешь, они могли нас заподозрить? Возможно ли, чтобы Амдиджефри им что-то выдали?

Такую неуверенность Стальной раньше, при Шкуродере в Ожидании, старался маскировать. Тиратект расселась, прежде чем ответить:

— Если бы ты потрудился лучше изучить язык двуногих, дорогой мой Стальной, или позволил это мне, мы бы знали больше.

Зимой Тиратект строила отчаянные планы, чтобы поговорить с детьми наедине или передать на корабль предупреждение. Нынче у нее сложилось двойственное мнение на сей счет. Амдиджефри так невинны, так прозрачны. Если бы дети сообразили, что Стальной замышляет предательство, то не сумели бы скрыть своего знания. А как поступили бы спасатели, проведав, что Стальной на деле — мерзавец? Тиратект видела такой звездолет в полете. Даже посадка его была страшным оружием. Кроме того… «Если план Стального сработает, мне не придется полагаться на добрую волю чужаков».

Вслух Тиратект заметила:

— Пока великолепный спектакль тебе удается, подвоха от детей опасаться нечего. Ты разве не видишь, как они тебя любят?

На миг ей показалось, что Стальному польстила похвала, но затем верх взяла своеобычная подозрительность.

— Не знаю. Амди, такое впечатление, то и дело меня поддразнивает, точно разгадал мою игру.

«Бедняга Стальной». Амдиранифани — величайший его успех, а он этого так и не понял. В этом отношении, единственном, Стальной превзошел своего Хозяина. Он переоткрыл и усовершенствовал технику, доступную прежде только Древорезчику. Фрагмент посмотрел на своего бывшего ученика почти голодным взглядом. «Эх, вот бы его перекроить; должно же существовать сочетание любви и привязанности со страхом и шкуродерством». Плод этих трудов был бы подлинно достоин имени Стального. Тиратект пожала плечами:

— Поверь мне на слово. Продолжай в том же духе, и оба останутся тебе верны. Что до второй части твоего вопроса, то я тоже отметила некоторые перемены в тональности сообщений Равны. Она кажется уверенней в оценке сроков прибытия, но с ними все равно что-то не так. Не думаю, что они стали подозрительней прежнего; они ведь поверили, что Джефри сам разработал ту идею Амди насчет радио. Между прочим, отличный ход: эта ложь потешила их чувство превосходства. В честном бою мы, вероятно, победили бы их, но об этом они догадываться не должны.

— Так почему они внезапно так встревожились?

Фрагмент пожал плечами:

— Терпение, дорогой мой Стальной, терпение и наблюдение. Вероятно, Амдиджефри тоже это заметили. Ты мог бы слегка намекнуть им, чтобы уточнили причину. Я предполагаю, что у двуногих иные поводы для беспокойства. — Он сделал паузу и повернул к Стальному все головы. — А не мог бы твой «источник» у Древорезчицы разнюхать, в чем причина?

— Возможно, я попрошу его об этом. Данник — единственное весомое преимущество Древорезчицы. — Стальной мгновение посидел в молчании, нервно кусая губы. Внезапно встряхнулся, словно сбрасывая многочисленные тревоги, облекшие его. — Шрек!

Застучали лапы. Откинулась дверца, Шрек просунул внутрь морду:

— Да, властелин!

— Тащи сюда эти радиомантии. Потом спроси у Амдиджефри, не будут ли они так любезны спуститься поговорить.

Радио — чудесная штука. По утверждению Равны, базовая конструкция доступна цивилизации ненамного продвинутей шкуродерников. В это не

верилось. Процесс разработки был так сложен и многоступенчат, содержал столько непонятных обходных петель. Но вот и результаты: восемь черных, как ночь, квадратов ярд на ярд. Странный материал прошит золотыми и серебряными нитями. По крайней мере, в этом тайны нет: Шкуродер пожертвовал на эксперименты часть собственных богатств.

Явились Амдиджефри. Они бегали по центральному залу, тыкались в радиомантии, кричали на Стального и Фрагмент Шкуродера. Иногда приходилось себе напоминать, что в действительности это не слитная стая и двуногий — не элемент ее, но они так притерлись друг к дружке, как возможно только в стае. Амди часто отвечал на заданные Джефри вопросы, используя в ответах местоимение «я-стая».

Но сегодня они, кажется, разошлись во мнениях.

— Прошу вас, господин, позвольте мне первому попробовать!

Джефри гаркнул ему что-то на самношке. Когда Амди не перевел, мальчик повторил фразу медленнее, обращаясь напрямую к Стальному.

— Нет. Это [непонятное слово, непонятное слово] опасность. Амди слишком [непонятное слово]

мал ростом. И, кроме того, времени [непонятное слово] обрез.

Фрагмент напряг слух, пытаясь разобрать сказанное. Проклятье. Рано или поздно незнание языка двуногих выйдет ему боком.

Стальной выслушал человека, потом издал великолепный вздох, долженствующий изобразить терпение.

— Амди. Джефри. Пожалуйста. В чем проблема?

Самношк Стального Фрагмент Шкуродера понимал лучше, чем болтовню человеческого щенка.

Амди мгновение колебался.

— Джефри думает, что радиокуртки для меня слишком большие. Но смотрите, они же не сползают!

Амди нервно запрыгал вокруг одного из темных, как ночь, квадратов, без всякой осторожности вытряхивая его из бархатного чехла на пол. Потом напялил самому крупному элементу своей стаи на плечи и спину.

Радиокуртка стала похожа на просторную мантию; портные Стального добавили на плечах и животе застежки. Но одеяние это малышу Амди было явно велико. Куртка окружила его, как

палатка.

— Видите? Видите?

Головенка высунулась наружу, поглядела сперва на Стального, потом на Тиратект. В глазах щенка была мольба.

Джефри что-то сказал, Амди сердито тявкнул в ответ и перевел:

— Джефри обо всем так беспокоится, но кто-то же должен протестировать радио! У нас тут небольшая проблема со скоростью. Радио работает гораздо быстрее звука. Джефри боится, что слишком уж быстро, и если так, то стая, которая наденет куртки, придет в мыслесмятку. Глупость какая. Ну разве оно может оказаться быстрее мысли головами вместе?

Последняя фраза прозвучала с вопросительной интонацией. Тиратект улыбнулась. Щенкостая не умела врать, но Фрагмент догадался, что Амди знает ответ на этот вопрос и он противоречит его умопостроениям.

На другом конце зала сидел и слушал, склонив головы, Стальной. Само добросердечие и терпение.

— Прости, Амди. Слишком опасно испытывать его на тебе.

— Но я смелый! И я хочу вам помочь.

— Извини. Когда мы убедимся, что это безопасно…

Амди яростно взвизгнул тоном куда выше нормальной межстайной речи, почти в мыследиапазоне. Закрутился вокруг Джефри, толкая его и тычась в ноги.

— Коварный предатель! — завопил он и продолжил сыпать оскорблениями уже на самношке.

Чтобы успокоить их, ушло десять минут. Амди и Джефри мрачно уселись на пол, переругиваясь на самношке. Тиратект наблюдала за парочкой и за Стальным с другого конца зала. Если бы ирония проявляла себя звуком, они бы все уже оглохли. Все свои жизни Шкуродер со Стальным экспериментировали на других, чаще всего доводя этих других до гибели. А тут у них жертва, которая просто вопиет, чтоб ее погубили… но ей надо отказать. Это не обсуждается. Даже если бы Джефри не воспротивился, Амди представляет собой слишком большую ценность, чтобы на нем ставить опыты. Более того, Амди восьмерка. Чудо уже то, что такая крупная стая вообще функционирует. Какие бы угрозы ни несло радио, для Амди они стократ сильней.

Значит, им нужна подходящая жертва. Которую не жалко. Конечно, в темницах под Тайным

Островом таких полно. Тиратект вспоминала стаи, которых обрекла на смерть. Как ненавидела она Шкуродера в его расчетливой жестокости! «Я куда хуже Стального. Я сотворила Стального». Она перебрала в сознании мысли последнего часа. Денек не задался: из тех, в которые Шкуродер покидал мрачные закутки ее разума и власть его становилась сильнее, покуда не вытесняла рациональное мышление, и тогда *она* становилась *им*. Ну ничего, еще несколько секунд она продержится. «Что можно сделать за это время?» Достаточно сильная душа могла бы отринуть себя самое, стать иной личностью… в конце концов, покончить с собой.

— Я… я испытаю радио.

Не успев оформить эти слова, она услышала, как произносит их. «Дура ты, дура».

— Что?! — изумился Стальной.

Но что сказано, то сказано, и Стальной услышал. Фрагмент Шкуродера сухо ощерился.

— Я сам посмотрю, что умеет это радио. Позволь мне испытать его, дорогой мой Стальной.

Они вынесли радиомантии во двор, разложив под прикрытием звездолета. «Увидят только Амдиджефри, Стальной и я, кем бы меня сейчас ни считать. — Фрагмент Шкуродера рассмеялся,

почуяв страх. — Дисциплина. Думай, сучка. В этом спасение».

Он встал посередине и позволил человеку облачить себя в радиокуртки. Странно было видеть совсем рядом разумное существо, да вдобавок выше себя ростом.

Невероятно умелые лапы Джефри свободно закрепили куртки на его спинах. Изнанка была мягкая и глушила мысли. В отличие от обычной одежды, радиомантии закрывали мембраны. Мальчик пытался объяснить, как это работает.

— Видите? Вот это, — он потянул за уголок мантии, — надеваете на голову. Внутри [непонятное слово] звука в радио.

Мальчик стал натягивать ткань ему на голову, и Фрагмент попятился.

— Нет! Я думать не могу.

Фрагмент сохранял сознание, только стоя очень тесно и всеми головами внутрь. Слабейшие элементы его уже чувствовали панику одиночества. Элементы, принадлежавшие Тиратект, сегодня получат неплохой урок.

— О, простите.

Джефри отвернулся и заговорил с Амди: что-то про старую модель.

Амди стоял головами вместе всего в тридцати

футах. На мордах его проступила озабоченность: его раздражало, что им пренебрегли, и нервировало, что он так далеко от двуногого. Но по мере приготовлений он понемногу оттаивал. Глаза щенков наливались откровенным восторгом. Фрагмент почувствовал симпатию к Амди: волна нежности налетела и пронеслась почти незамеченной.

Амди придвинулся: мантии заглушали мыслезвуки Фрагмента, и щенкостая этим воспользовалась.

— Джефри говорит, что нам, наверное, не стоило переделывать радио под мысль, — сказал он. — Но так же гораздо лучше. Я это знаю! И, — добавил он с неприкрытым ехидством, — можно ведь испытать на мне.

— Нет, Амди. Пусть будет так, как мы решили. — Голос Стального был исполнен сочувствия. Лишь Фрагмент Шкуродера увидел, как по мордам пары элементов владыки расползается широкая ухмылка.

— Ну ладно. — Щенки еще подползли. — Не бойтесь, Владычица Тиратект. Мы эти радио долго на солнце продержали, в них много силы. Чтобы заработало, вы просто затяните все ремешки, даже шейные.

— Что, все одновременно?

Амди передернуло.

— Да, так будет лучше. Иначе скорости не согласуются, и… — Он что-то бросил двуногому.

Джефри наклонился:

— Этот ремешок сюда, а вот этот сюда. — Он указал на лямки, которыми нужно было притягивать клобук. — А потом вот этот затяните пастью.

— Чем сильнее тянуть, — добавил Амди, — тем громче радио.

— Хорошо.

Фрагмент Шкуродера собрался вместе. Поерзал в куртках, затянул плечевые и брюшные ремешки. «Проклятое безмыслие». Казалось, что куртки сейчас приплавятся к его мембранам. Он оглядел себя остатками ясного ума. Куртки были прекрасны: мрачны, как одеяние чародея, но с просверками золота и серебра, как мантия владыки шкуродерников. Прекрасные орудия пытки. Даже Стальной бы до такого возмездия не додумался. Или он мог?

Фрагмент схватил пастями ремни клобуков и потянул.

Двадцать лет назад, когда Тиратект только собралась в стаю, она любила бродить со своим родителем по травянистым дюнам близ Звонкого

Озера. То было еще до их ссоры, до того, как одиночество погнало Тиратект в Столицу Республики, на поиски «смысла жизни». Но не все берега Звонкого Озера были сплошь пляжами и дюнами. Далеко на юге тянулись Скалы, где ручейки пробивались к озеру сквозь каменную гряду. Иногда, особенно после стычки с родителем, Тиратект уходила туда, вверх по течению, где гладкие отвесные стены ущелья вздымались над быстрой водой. Своего рода епитимья: в некоторых местах вода отполировала камень, как стекло, и звука он вообще не поглощал. Там стенало эхо, во всех диапазонах вплоть до мыслезвуков. Было похоже, что Тиратект вдруг окружили копии ее самой, а за ними и копии этих копий, и все думают на одной и той же частоте, но вразнобой.

Разумеется, эхо часто доставляет неудобства среди каменных стен без обивки и штор, особенно если геометрия выбрана неверно. Но те скалы отражали звук идеально: самая жуткая каменоломня на свете. И там были участки, где форма скал усиливала этот эффект… Тиратект, забредая туда, не могла отличить своих мыслей от эха. Все рычало и гремело в резонанс, с едва уловимой задержкой. Сперва было так больно, что она тут же пускалась наутек. Но заставляла

себя возвращаться снова и снова, пока не приучилась мыслить даже в самых узких ущельях.

Радиокуртки Амдиджефри немного напоминали Звонкие Скалы. «Достаточно, чтобы я уцелела». Тиратект пришла в себя, лежа кучей друг на дружке. С тех пор как включилось радио, прошли, быть может, секунды. Амди и Стальной во все глаза смотрели на нее. Человек тряс одного элемента Тиратект, выкликал ее по имени. Тиратект лизнула мальчику лапу, потом частично поднялась. Она слышала только свои мысли… но раздражали они не меньше межскального эха.

Она снова отползла в стороны. Частью элементов выблевала в грязь. Мир расплылся, расфокусировался. «Вот она, мысль, хватай ее, хватай!» Вопрос времени и координации. Она вспомнила: Амдиджефри рассказывали, какое радио быстрое. В некотором смысле проблема, обратная тому случаю с вопящими скалами.

Она затрясла головами, приноравливаясь.

— Минутку, — выговорила она едва слышно. Огляделась. Медленно. Если сосредоточиться и не дергаться, то думать можно. Внезапно она увидела, что все мембраны закрыты мантиями. Ей бы сейчас валяться оглохшей, изолированной. А мысли спутаны не больше, чем после кошмара.

Она снова поднялась на все лапы и медленно вышла на пустое пространство между Амди и Стальным.

— Слышите меня? — спросила она.

— Да, — сказал Стальной. Он боязливо отодвигался.

Разумеется. Плащи приглушали звук, подобно плотной обивке: все в мысленном диапазоне должно полностью поглощаться. Но самношк и межстайный — низкие звуки, на них это не сказывается. Она остановилась, набрала воздуха. Услышала пение птиц, скрежет пилы: где-то в дальнем конце внутреннего двора пилили бревно. А Стальной ведь всего в тридцати футах. Его мыслешум должен был стать громкой помехой, задурить головы. Она потянулась, прислушалась к себе. Ничего, кроме ее собственных мыслей и едва уловимого жужжания словно бы отовсюду.

— А мы-то думали, это нам только в бою поможет, — сказала она удивленно. Повернулась всеми элементами и пошла к Амди. Он стоял в двадцати футах, теперь в десяти. Мыслешума нет. У Амди глаза полезли из орбит. Щенкостая не испугалась, восьмерка даже сделала шаги навстречу.

— Ты же знал? — спросила Тиратект. — Ты ведь

знал заранее?

— Я надеялся. Ой как я надеялся.

Он подошел ближе. Пять футов. Восьмерку и пятерку разделяли считаные дюймы. Он вытянул нос и потерся с Тиратект мордами. Мыслезвуки пробивались сквозь мантию, но не громче, чем в пятидесяти футах. Мгновение они восторженно глазели друг на друга. Нос к носу, а оба сохраняют рассудок! Амди торжествующе подскочил и влетел в середку Тиратект, путаясь у нее под лапами.

— Джефри, получилось! — заорал он на самношке. — Работает. Работает!

Тиратект шарахнулась от него, чуть не обезмыслев. То, что сейчас произошло… За всю историю мира такого не бывало. Если мыслящие стаи смогут работать так тесно… Следствия открытия множились в ее сознании. Головы снова закружились.

Стальной подвинулся ближе, выдержав по дороге мимолетное объятие Джефри Ольсндота. Он как мог изображал радость, но ясно было, что он не понял смысла случившегося. И, в отличие от Тиратект, не осознал его значения.

— Прекрасный результат для первой пробы, — сказал он. — Но, наверное, болезненный? — Два

его элемента смерили ее резкими взглядами. — Надо снять с тебя эти плащи. Отдохни немного.

— Нет! — в один голос сказали Тиратект с Амди. Она одарила Стального улыбкой.

— Но мы ведь еще толком не испытали ее, разве нет? Наша цель — связь на больших расстояниях.

«Во всяком случае, мы так думали». Фактически, даже если качество связи будет не лучше разговорного, Тиратект все равно сочла бы успех грандиозным.

— О… — Стальной неуверенно улыбнулся Амди и украдкой глянул на Тиратект. Джефри все еще висел на двух его элементах, обхватив за шеи. По Стальному было видно, что он готов лопнуть от негодования. — Тогда начинай помедленнее. Мы не знаем, что произойдет, если ты выйдешь за пределы дальности.

Тиратект отцепила двойку от Амди и отошла на несколько шагов. Мысль оставалась ясной и потенциально обескураживающей. Но она уже приспособилась. Теперь сохранять равновесие было несложно. Она отошла двойкой еще на тридцать футов, почти до предела мышления в идеальной тишине.

— А такое впечатление, что я до сих пор го-

ловами вместе, — поразилась она. Обычно, если разойтись на тридцать футов, мысли так сбивались, а задержка так возрастала, что координировать свои действия уже становилось трудно. — Как далеко я еще могу уйти? — пробормотала она Амди.

Тот издал человеческое хихиканье и наклонил к ней морду:

— Не знаю. Должно хватить хотя бы до внешнего вала.

— Хорошо, — сказала она обычным голосом, обращаясь к Стальному, — посмотрим, удастся ли мне рассыпаться еще немного.

Двойка отошла на десять ярдов. Она уже растянулась на шестьдесят футов!

Стальной вытаращился на нее:

— А теперь?

Тиратект засмеялась:

— Мысль четкая, как и прежде.

Она развернулась двойкой и пошла прочь.

— Стой! — рявкнул Стальной, вскочив на все лапы. — Это слишком… — Потом вспомнил, кто его слушает, и ярость его поутихла, став вежливым беспокойством за ее здоровье. — Это слишком опасно для первого опыта. Возвращайся!

Тиратект лучезарно усмехнулась ему оттуда,

где сидела рядом с Амди.

— Но, Стальной, я никуда и не уходила, — сказала она на самношке.

Амдиджефри смеялись не переставая.

Она растянулась на сто пятьдесят футов. Двойка перешла на осторожную трусцу — и она увидела, как Стальной давится пеной на губах. Мысль ее оставалась четкой, поразительно ясной, даже лучше, чем головами вместе. Насколько же быстро это радио?

Она пробежала рядом со Шреком и его гвардейцами, дежурившими на краю испытательной площадки.

— Приветик, Шрек! Как жизнь? — сказала она одним элементом в его обалделые морды. Стальной, не отходя от Амди и остальных ее элементов, заорал, приказывая Шреку следовать за ней.

Трусца превратилась в проворный бег. Тиратект расщепила себя, послав одного элемента к северной стороне внутреннего двора, а другого к южной. Шрек и компания, слегка оправившись от шока, побежали следом. Ее разделил купол внутреннего донжона, изящная каменная громада. Радиомысли утонули в щелчках и жужжании.

— Не могу думать, — пробормотала она Амди.

— Потяни за ремешки. Прибавь мыслям гром-

кости.

Тиратект потянула, и жужжание стихло. Вновь обретя равновесие, она забегала вокруг корабля. Один ее элемент вбежал туда, где велись строительные работы. Мастера ошеломленно уставились на него. Одиночный элемент обычно означал либо смертельный несчастный случай, либо свихнувшуюся стаю. В любом случае его надо было схватить. Но элемент Тиратект носил тяжелую мантию с золотыми нитями. А по пятам ее бежали Шрек и гвардейцы и приказывали всем расступиться.

Она повернула голову к Стальному, и в голосе зазвенела радость.

— Я будто лечу!

Она пронеслась через брызнувших врассыпную рабочих, подбежала к южной и западной стенам. Она была повсюду и продолжала разбегаться. В эти секунды рождалась история, которая переживет ее саму и станет легендой в умах ее потомков тысячу лет спустя.

Стальной плюхнулся наземь. События окончательно вышли из-под его контроля. Все гвардейцы Шрека убежали к дальней стене внутреннего донжона. О происходящем они с Амдиджефри могли судить только по словам Тиратект — и суматохе.

Амди носился вокруг нее.

— Где ты сейчас? Ты где?

— Почти у внешней стены.

— Дальше не выходи, — тихо сказал Стальной.

Тиратект едва услышала его. Еще несколько секунд она упивалась этой радостной мощью. Взбежала по внутренней лесенке. Гвардейцы попятились, некоторыми элементами свалившись во двор. Шрек еще следовал за ней, крича, чтоб поберегла себя.

Один ее элемент достиг парапета. Другой.

Она задохнулась от возбуждения.

— С тобой все в порядке? — спросил Амди.

— Я… — Тиратект огляделась. С южной стены она видела себя в замковом дворе: черные с золотом пятнышки, она сама и Амди. За стенами на северо-востоке простирались леса и долины, убегали дороги к Ледовым Клыкам. К западу за Тайным Островом — туманные внутренние воды. Она уже тысячу раз созерцала эту картину глазами Шкуродера. Как любил он это место, свой домен. Ныне же… словно оживший сон. Как далеко разнесены ее глаза! Стая растянулась почти на ширину замка. Возник параллакс, и от этого казалось, что до Тайного Острова считаные шаги. Новый замок раскинулся вокруг нее, будто

игрушечная модель. «О Стая Стай Всемогущая, я смотрю глазами Бога».

Солдаты Шрека приближались. Он отправил две стаи обратно в замок, за указаниями.

— Еще пару минут, пожалуйста. Я спущусь через пару минут.

Она сказала эти слова одновременно солдатам у частокола стройплощадки и самому Стальному во дворе. Потом обернулась, взглянула на свой домен.

Она растянула свою двойку менее чем на четверть мили. Задержка была неощутима; координация мыслей такая же резкая, как головами вместе. А ведь ремешки клобука еще не затянуты до упора. А если рассредоточить всю пятерку, разбежаться на мили? Весь Север станет ее личными покоями.

А Шкуродер? Ах да, Шкуродер. *А где он, кстати?* Воспоминания его остались, но… Тиратект припомнила, как теряла сознание сразу после включения радиосвязи. Мышление с такой жуткой скоростью требует особой подготовки. Наверное, Владыка Шкуродер в молодости никогда не гулял меж узких скал. Тиратект усмехнулась. Наверное, лишь ее разумы способны справиться с радио. В таком случае… Тиратект опять оглядела

окрестности. Шкуродер построил великую империю. Правильно применяя новые разработки, можно сделать ее бесконечно величественней за счет грядущих побед.

Он обернулся к солдатам Шрека:

— Очень хорошо. Теперь я готов вернуться к Стальному Владыке.

Глава 31

В дни высокого лета армия Древорезчицы выступила на север. Собирались в спешке, так что Проныра и себя и подчиненных загнал почти до изнеможения. Нужны были пушки — Щепетильник изготовил семьдесят стволов, из которых отобрали тридцать надежных. Нужны были пушкари, которых предстояло обучить и отыскать безопасные позиции для стрельбы. Нужно было сколотить фургоны и прикупить керхогов.

Несомненно, весть об этих приготовлениях давно уже ушла на север. Город древорезчиков портовый, невозможно же остановить всю торговлю. Проныра не раз поднимал этот вопрос на заседаниях Совета: Стальному известно, что они выступают в путь. Фокус в том, чтобы напустить шкуродерникам туману в морды относительно точной численности, времени выступления армии и подлинных целей похода.

— У нас одно крупное преимущество над врагом, — заявлял он. — Мы располагаем агентами в высших кругах его власти. Мы знаем то, что ему становится известно о нас.

От шпионов нельзя было утаить главное, но

подробности — особое дело.

Армия уходила по сухопутным дорогам материка: дюжина фургонов тут, несколько отрядов там. Всего примерно тысяча стай, но вместе они не сойдутся вплоть до лесных дебрей. Проделать первую половину пути по морю было бы легче, но у шкуродерников дозорные посты высоко в горах вокруг фьордов. О любом перемещении кораблей, даже в акваториях Древорезчицы, узнают на севере. Поэтому они выбрали лесные тропы на участках, которые Проныра зачистил от вражеских агентов.

Сперва все шло довольно резво, по крайней мере в отрядах с фургонами. Йоханна ехала в одном из арьергардных, вместе с Древорезчицей и Данником. «Я сама уже начинаю относиться к нему словно к оракулу, — подумала Йоханна. — Жаль, что эта штука не умеет на самом деле предсказывать будущее».

Погода была прекраснее любой, какую довелось Йоханне видеть на планете Когтей: бесконечный день. Странно, что нескончаемая светлая красота заставляла ее нервничать, но с этим девочка бессильна была справиться. Слишком уж похоже на первые дни в этом мире, когда все… пошло не так.

В первые переходы, еще на своей территории, Древорезчица убивала время, показывая и называя на самношке для Йоханны каждый новый горный пик. Королева за шестьсот лет хорошо узнала свои владения. Даже снежные пятна (из тех, что держались все лето) были ей хорошо знакомы. Она показала Йоханне свиток для набросков, который везла с собой. На каждой странице — зарисовка определенных снежников в один и тот же день лета каждого следующего года. Если быстро перелистывать страницы, немного похоже на грубую анимацию. Йоханна видела, как пятна сдвигаются, нарастают в течение десятилетий, затем отступают.

— Стаи, как правило, не живут так долго, чтоб это ощутить, — говорила Древорезчица. — Но для меня эти вечные снежники — почти живые существа. Видишь, как они перемещаются? Как волки, которых гонит прочь с нашей земли солнечное пламя. Они рыщут, кружат, растут. Временами сливаются воедино, и тогда к морю начинает ползти новый ледник.

Йоханна засмеялась с некоторым беспокойством:

— Они побеждают?

— Последние четыреста лет — нет. Лето часто

выдается жарким и ветреным. В долгосрочной же перспективе?.. Не знаю. Впрочем, мне это уже не очень важно. — Она отвлеклась покачать двух щенят и добродушно рассмеялась. — Малыши Странника еще даже думать не умеют, а я уже теряю свое чувство истории!

Йоханна потянулась погладить ее по шеям:

— Но они ведь и твои малыши тоже.

— Знаю. Большинство моих щенков были от других стай, но этих первых я впускаю в себя.

Слепец ткнулся мордой в одного из них. Щенок дернулся и издал высокий звук, почти на грани слышимости для Йоханны. Йоханна взяла другого щенка на колени. Когти-малыши скорее напоминали детенышей морских млекопитающих, чем собачьих щенков. И развивались они, кажется, гораздо медленнее щенка, который жил у них с Джефри в доме. Им до сих пор было тяжело сфокусировать взгляд. Йоханна медленно поводила пальцами взад-вперед перед глазами кутенка — его попытки уследить за жестом были уморительны.

Прошло уже шестьдесят дней, а щенки Древорезчицы еще не умели толком ходить. У королевы была особая пара курток с боковыми карманами для щенят. Бóльшую часть дня щенки проводили

там, уткнувшись мордами в ее животы и посасывая молоко. В каком-то смысле отношение Древорезчицы к отпрыскам мало отличалось от человеческого. Она сильно нервничала, когда щенки убегали за пределы ее поля зрения. Она старалась их укачивать и играла с ними в игры, развивающие координацию движений. Часто укладывала обоих на спины и всей восьмеркой теребила им лапки, а потом неожиданно толкала кого-то из них в пузико. Двое яростно дрыгали лапками во все стороны, отражая нападение.

— Покормлю того, кому последнему трону лапку. Странник достоин меня. Эти двое уже немножко мыслят. Видишь? — Она указала на щенка, который свился в клубок, уходя от неожиданного тычка.

В иных аспектах родительское поведение Когтей было чуждо Йоханне и почти пугало. Ни Странник, ни Древорезчица не говорили со щенками в слышимом диапазоне, но то и дело, казалось, касались их ультразвуковыми «мыслями», словно зондируя. Некоторые мысли были так просты и размеренны, что в стенках маленького фургона рождался резонанс. Под ладонями Йоханны гудело дерево. Как мамина колыбельная, но ясно было, что цель тут иная. Малыши

реагировали на звуки, извиваясь в сложных ритмах. Странник говорил, что интеграция в сознательное мышление стаи отнимет еще тридцать дней, но щенят для этого уже тренировали и натаскивали.

Часть каждого из бесконечных дней они стояли лагерем, и солдаты по очереди дежурили линейными часовыми. Даже в переходах отряды часто останавливались — то тропу расчистить, то дождаться разведчиков, то просто отдохнуть. Однажды на привале Йоханна уселась рядом со Странником в тени дерева, похожего на сосну, но пахнущего медом. Странник забавлялся со своими малышами, помогая им подняться на лапы и пройти несколько шагов. Она чувствовала по вибрациям в черепе, что Странник обменивается мыслями с потомством. Внезапно щенки показались ей не детьми, а марионетками.

— Почему ты им не позволяешь играть самим или с их… — «Братьями? Сестрами? Как назвать родичей, рожденных в другой стае?» — Со щенками Древорезчицы?

Странник добросовестно изучал людские обычаи, даже старательнее Древорезчицы. Самая свободомыслящая стая из всех Йоханне известных… в конце концов, он же сумел интегрировать

убийцу, значит обязан быть гибким. Но ее вопрос Странника просто ошеломил. Вибрация у Йоханны в голове вдруг прекратилась. Он негромко рассмеялся. Очень человеческий смех, хоть и немного наигранный. Странник часами смотрел интерактивные сценки в даннике — в учебных целях или забавы ради, Йоханна не знала.

— Играть? Самим по себе? О… я понимаю, тебе это кажется естественным. Для нас это было бы извращением… нет, даже хуже, потому что в извращениях кто-то черпает удовольствие. Но вырастить щенка синглетом, пусть даже в двойке… это значит сделать тупым животным нормального элемента.

— Хочешь сказать, у щенят никогда не бывает собственной жизни?

Странник склонил головы и уселся поудобнее. Одним элементом он продолжал возиться со щенками, но вниманием его уже завладела Йоханна. Ему нравилось разбираться в людской экзотике.

— Порою случаются трагедии — щенок остается сиротой. Часто поделать с этим ничего нельзя; существо это вырастает слишком независимым для интеграции в какую-либо стаю. В любом случае жизнь у него очень одинокая и пустая. Я сам помню, как это неприятно.

— Вы многое теряете. Я знаю, ты смотрел передачи про детей из данника. Так грустно, что вам никогда не бывать молодыми и дурашливыми.

— Эй, я этого не говорил! Я много раз бывал юн и дурашлив; у меня стиль жизни такой. Большинство стай так живут, если у них несколько молодых элементов от разных родителей. — Пока они беседовали, один из щенков Странника доковылял до края одеяла, на котором сидели девочка и стая. Неловко вытянул шею, принюхиваясь к цветам у корней близстоящего дерева. Когда щенок сунул нос в чашечку цветка, в голове у Йоханны снова зажужжало. Движения малыша обрели новую степень координации. — Ух ты! Я через него цветок обоняю. Готов об заклад побиться, не дойдем мы еще до Шкуродерова Тайного Острова, а уже будем видеть глазами друг друга!

Щенок вернулся, и малыши затеяли какой-то танец на одеяле. Головы Странника качались им в такт.

— Такие умнички! — Он усмехнулся. — Ну, не так уж мы от вас и отличаемся, Йоханна. Знаю, люди тоже гордятся детьми. Мы с Древорезчицей себе тут думаем, что может получиться из наших с нею. Она такая умная, а я… ну, немножко тронутый на головы. Может, эти двое сделают

из меня гениального ученого? А Древорезчицу ее двое — заразят охотой к перемене мест? Хе-хе, Древорезчица великая заводчица, но даже ей пока неясно, какими станут эти новые души. Ах, не могу дождаться, когда снова стану шестерным!

Странник, Грамотей и Йоханна добрались до гавани города древорезчиков из домена Шкуродера всего за трое суток. По суше армия добиралась туда, где начались приключения Йоханны, целых тридцать дней. Отложенный на карте, путь казался извилистым, петлял меж фьордов и отклонялся в разные стороны. Тем не менее первая десятидневка прошла на диво легко. Погода сохранялась сухая и теплая. Как будто день той засады растянули во времени до бесконечности. *Суховейное лето*, так называла его Древорезчица. Должны бы налетать периодические бури, ну хотя бы облака наползать. Но нет, солнце водило круги над лесным шатром, снова и снова, а когда армия выбиралась на открытое пространство (никогда — надолго, и лишь в тех случаях, когда Проныра гарантировал безопасность), небо оставалось ясным и почти безоблачным.

Вообще-то, погода стала даже чуть неприятна. В полдень бывало откровенно жарко. Суховей дул не переставая. Сам лес высох так, что с огнем

следовало обращаться с предельной осторожностью. Вечный безоблачный день нес угрозу: их продвижение было видно за километры. Щепетильника это особенно тревожило. Он не ожидал перестрелки, но солдат натаскать хотел на открытом месте.

Официально Щепетильник числился членом Совета и главным инженером королевы. Но с поры приснопамятного опыта с пушкой он настаивал, чтоб величали его не иначе как «командующий артиллерией». Йоханне старший инженер всегда казался резким и нетерпеливым. Элементы его все время пребывали в движении, причем имели манеру резко менять направление. С Данником он возился почти столько же времени, сколько Странник Викврэкшрам и королева, но человеческой культурой совсем не интересовался.

— Он думает только о машинах, — однажды прокомментировала Древорезчица, — но я его таким и спроектировала. Еще до твоего прилета он много всякого изобрел.

Щепетильник просто влюбился в свои пушки. Большинству стай стрельба доставляла боль. Произведя первый залп, Щепетильник повторял его раз за разом, совершенствуя конструкцию ствола,

рецептуру пороха и форму снарядов. Шерсть его зияла десятками опаленных залысин — от пороха. Он заявлял, что грохот пушек освежает разум, но все остальные почти в один голос твердили, что от этого звука едет крыша.

На привалах Щеп сновал повсюду, мотаясь вдоль линии пушкарей и донимая их придирками. Он расценивал даже краткую остановку как возможность для учений, поскольку в настоящем бою скорость реакции окажется жизненно важна. Он разработал для пушкарей специальные эполеты, вроде ушных затычек артиллеристов Нюйоры. Низкозвуковых ушей они не прикрывали — только мембраны на лбу и плечах элемента-гармаша. Честно говоря, эполеты все равно здорово оглупляли, но в моменты залпа это себя оправдывало. Щепетильник носил свои постоянно, однако не застегивал. Было похоже, что из морды и плеч у него прорезались нелепые крылышки. Может, он считал их своего рода знаками отличия — и скоро стаи-артиллеристы стали носить эполеты не снимая. Через некоторое время даже Йоханна признала, что тренировки приносят плоды. По крайней мере, пушкари научились по команде слаженно разворачивать пушки, набивать туда закладку — имитацию

пороха и ядер, — а завершать это эквивалентом звука БУММ!

Пороха в поход взяли куда больше, чем провизии. Стаи кормились в лесу. У Йоханны почти не было опыта жизни в походе на поверхности планеты. Неужели леса везде тут так богаты? Нечего и сравнивать с урбанизированными лесопарками Страума, где требовалась особая лицензия на право сойти с отмеченных троп, а большинство «диких животных» являлись попросту механическими имитациями нюйорских оригиналов. Мир этот превосходил древнюю Нюйору дикостью. В конце концов, Нюйора была обжита, а только потом впала в средневековье. Когти же никогда не имели городской цивилизации континентального масштаба. Странник оценивал население планеты примерно в тридцать миллионов стай. Северо-запад только начали обживать. Дичь водилась повсюду. А Когти охотились по-звериному. Солдаты рыскали в подлеске, и любимым способом охоты у них была травля на истощение, когда жертву загоняли до предела сил. Не самый практичный метод, но Когтям он доставлял не меньшее удовольствие, чем охота с засады.

Йоханне это не нравилось. Типичное средневековое извращение или характерное сугубо

для Когтей? Когда позволяло время, солдаты не пользовались кинжалами и арбалетами. Истинную усладу они получали, перегрызая жертвам глотки, вспарывая животы когтями и клыками. Не то чтобы лесные обитатели были совсем беззащитны: противостояние длилось миллионы лет эволюции. Почти любое животное умело издавать ультразвуковой визг, вышибавший у стай все мысли. Некоторые участки леса Йоханне казались молчаливыми, но армия пробегала их чуть ли не рысью, когда солдаты и ездовые то и дело извивались под невидимым натиском.

А попадались в лесу звери и хитрее…

Двадцать пять дней с начала похода. Продвижение армии замедлил переход через самую крупную долину из пока встреченных. Посередине, почти скрытая из виду лесом, несла воды к западному морю бурная река. Таких стен, как в этой долине, Йоханна в парках Страума никогда не видела; в поперечном сечении под прямым углом к потоку они имели форму буквы U. На высоте почти отвесные, крутые, как скалы, затем становятся пологими и переходят в равнину близ речных берегов.

— Это ледник их прорезал, — пояснила Древорезчица. — Тут выше по течению есть места, где

я видела, как это происходит.

И она показала Йоханне иллюстрацию из данника. Это случалось все чаще; Странник, Древорезчица и порою даже Щепетильник узнавали из современной школьной программы такое, о чем Йоханна и понятия не имела.

Они уже пересекли несколько долин поменьше. Спуск всегда представлял трудности, но пока что удавалось найти удобные тропы. Проныра вывел армию к этой долине, и они остановились у ее края.

Древорезчица и советники расположились на опушке. Совсем рядом путь обрывался. Позади, в нескольких метрах, сидела Йоханна, Странник Викврэкшрам расселся вокруг нее. Деревья на такой высоте немного напоминали Йоханне сосны. Листья узкие, острые, держатся круглый год. Древесина, однако, была вся в белых пузырях, бледного оттенка. Всего же необычнее — цветы. Пурпурные и фиолетовые, они росли у обнаженных корней деревьев. В мире Когтей не водилось насекомых вроде пчел, но между цветков неутомимо сновали крохотные, с палец, млекопитающие. Их были тысячи, и ничем, кроме цветов и сладостного аромата, они не интересовались. Йоханна, сидя среди цветов и

наслаждаясь видом, краем уха слушала булькающую перепалку королевы с Пронырой. На сколько же километров отсюда видно? Воздух был поразительно прозрачный, как нигде больше в мире Когтей. Долина, казалось, терялась в бесконечности на западе и востоке. Серебряная нитка реки местами показывалась из-под лесного покрова на дне ущелья.

Странник толкнул ее носом и показал на королеву. Древорезчица ожесточенно мотала мордами над ущельем.

— Они там спорят. Хочешь, переведу?

— Давай.

— Древорезчице этот маршрут не нравится. — Затем голос Странника изменился, имитируя говорящую на самношке королеву. — Эта дорога ничем не прикрыта. На той стороне кто угодно может засесть и пересчитать все наши фургоны. Даже за много миль. — Своим голосом: — Миля — это километр с хвостом.

Проныра возмущенно тряс головами. Он что-то булькнул: Йоханна знала, что эти звуки выражают гнев. Странник фыркнул и снова изменил голос, подделываясь под начальника тайной стражи:

— Ваше величество! Мои разведчики обша-

рили всю долину и дальнюю стену. Угрозы нет никакой.

— Я знаю, ты совершил много чудес, но… Ты всерьез утверждаешь, что обыскал всю северную стену? До нее пять миль, и я с юных лет помню, что там десятки пещерок. Ты сам должен это помнить.

— И вот тут он заткнулся! — рассмеялся Странник.

— Да ладно тебе, просто переводи. — Йоханна уже умела интерпретировать тона и язык поз. Временами даже отдельные аккорды стайной речи понимала.

— Гм-мф. Ну хорошо.

Королева устроила щенков поудобнее и села. Тон ее стал примирительным:

— В пасмурную погоду или ночью мы бы попробовали, но… Ты помнишь старую тропу? Двадцать миль вглубь материка? Она, верно, вся заросла. А обратная дорога…

Проныра забулькал, гневно зашипел:

— Я вас уверяю, тут безопасно! Мы целые дни потеряем на старой тропе. Если опоздаем в домен Шкуродера, вся моя работа пойдет впустую. Вы обязаны пройти здесь!

— О-о, — прошептал Странник, не удержавшись

от комментария. — Старый пень хватил лишку.

Головы королевы резко вздернулись. Странник сказал, в совершенстве имитируя ее человеческий голос:

— Я понимаю твое беспокойство, стая крови моей. Но пройдем мы там, где я велю. Если для тебя это невыносимо, я приму твою отставку с сожалением и благодарностью за труды.

— Но я вам нужен!

— Не до такой степени.

Йоханна вдруг сообразила, что эта ссора может их разбить без единого выстрела. «Где б мы были без Проныры?» Она затаила дыхание, приглядываясь к двум стаям. Элементы Проныры сновали кругами, стараясь не бросать на Древорезчицу сердитые взоры. Наконец он понурил все морды.

— Гм. Я приношу вам извинения, ваше величество. Пока вы находите мои услуги необходимыми для себя, прошу оставить меня на посту.

Древорезчица тоже расслабилась. Приласкала щенков. Те ответили в лад ее настроению, ворочаясь в карманах и шипя.

— Ты прощен. Я ценю независимость твоих суждений, Проныра. До сих пор твои советы приносили колоссальную пользу.

Проныра чуть заметно улыбнулся.

— А я не думал, что у этого тупицы мозгов хватит пойти на попятный, — сказал Странник на ухо Йоханне.

Чтобы переместиться на старую тропу, потребовалось двое суток. Как и предсказала Древорезчица, тут все заросло. Более того, кое-где и тропы-то не было, а вместо нее из бугристой земли тянулась густая молодая роща. Спуск этой дорогой обещал отнять несколько дней. Если Древорезчица и сожалела о принятом решении, то не при Йоханне. Королеве было шестьсот лет; она часто сетовала на приходящую с возрастом косность. Теперь Йоханна лицезрела превосходный пример этого явления.

Выходя к размывам, стаи принимались рубить деревья и сооружать переправу. Каждый переход отнимал сутки. Но даже оставайся тропа на месте, продвижение все равно было бы выматывающе медленным. Уже никто не ехал в фургонах. Край тропы осыпался, и колеса повозок зачастую повисали над пустотой. Йоханна видела справа, всего в нескольких метрах, кроны деревьев.

На волков напоролись через шесть дней обходного пути, почти спустившись на дно долины. *Волки.* Во всяком случае, так называл их Странник; Йоханне они больше напоминали песчаных

крыс.

Почти километр проделали без осложнений. Даже под прикрытием деревьев чувствовался ветер: сухой и жаркий, он неустанно задувал в низины. Растаяли последние снежинки, а от северной стены тянуло дымком.

Йоханна шла рядом с фургоном Древорезчицы. Странник бежал в десяти метрах позади, иногда перебрасываясь с ними парой слов. (Королева последние несколько дней отмалчивалась.) Неожиданно сверху раздался визг — сигнал тревоги у Когтей.

Через секунду сотней метров выше что-то прокричал Проныра. В просветах меж деревьев Йоханна видела, как солдаты звена сразу над ними заряжают арбалеты и открывают огонь по склону. Сквозь лесной полог пробивались пятна солнечного света, но он мельтешил и рябил, мешая разглядеть то, что так переполошило солдат. Хаос, но… там, вверх по склону, были существа — не Когти! Маленькие, коричневые или серые, они перебегали из тени в свет и снова сливались с подлеском. Они лавиной ринулись на бойцов со стороны, противоположной направлению огня.

— Развернитесь! Развернитесь! — закричала Йоханна, но голос ее утонул в гаме. Да и кто бы ее

понял? Древорезчица всеми элементами наблюдала за битвой. Схватила Йоханну за рукав:

— Ты там наверху что-то видишь? Где?

Йоханна принялась сбивчиво объяснять, но тут подоспел Странник. Его громкое бульканье вознеслось над битвой. Кинувшись назад, где пытался расчехлить пушку Щепетильник, он заорал:

— Йоханна, помоги!

Древорезчица поколебалась, потом разрешила:

— Ладно. Может, и вправду все так плохо. Помоги ему с пушкой, Йоханна.

До повозки с пушкой всего пятьдесят метров, но по склону холма. Она сорвалась на бег. На тропинку рядом рухнуло что-то тяжелое. Элемент солдата! Коготь дергался и вопил. Его грызли полдюжины комков меха размером с песчаную крысу, и шерсть элемента была вся в крови. Еще один элемент грянулся оземь рядом. И еще один. Йоханна спотыкалась о них, но продолжала бежать.

Викврэкшрам стоял головами вместе лишь в паре метров от Щепетильника. Все его взрослые элементы были вооружены ножами и стальными когтями. Он жестом велел Йоханне прижаться к земле рядом.

— Мы налетели на гнездо этих, э-э, волков. — Говорил он с трудом, сглатывал слова. — Должно быть, между этим местом и тропой наверху. Такой пригорок, типа башни замка. Надо выжечь гнездо. Видишь?

Сам он явно не видел, но осматривался всеми элементами. Йоханна глянула вверх по склону. Шум сражения поутих, зато звуки агонии Когтей стали громче.

Йоханна показала:

— Имеешь в виду вон ту темную штуку?

Странник не ответил. Его элементы дергались, разевая пасти и беспорядочно болтая ножами. Йоханна отскочила, чтобы не порезаться. Себя Странник уже ранил. *Звуковая атака.* Она оглянулась на тропу. Она уже год с небольшим прожила среди стай, и сейчас те… обезумели. Некоторые стаи распадались, разбегались врассыпную во всех направлениях, на такие расстояния, что на связность мышления можно не надеяться. Другие, в том числе Древорезчица в своем фургоне, сжались в клубки, не поднимая голов.

Сразу за ближним рядом деревьев по холму текла серая волна. Волки. Сам по себе каждый комочек меха выглядел вполне невинно. А вместе… Йоханну на миг парализовало зрелище волков,

разрывающих глотку одному элементу.

Йоханна одна из всей армии сохраняла рассудок, а потому понимала, что сейчас умрет.

Выжечь гнездо.

На тележке рядом с нею остался только один элемент Щепетильника, старенький Белоголовый. Тупица не тупица, а эполеты надел и тыкался мордой в ствол. *Выжечь гнездо.* Может, не такой он и тупица!

Йоханна вскочила в фургон. Тележку сорвало бы с обрыва, кабы не встречное дерево, но девочка едва ли это заметила. Она подняла ствол, как видела на учениях. Белоголовый потянул за мешок с порохом, но одной пары челюстей тут было недостаточно. В отрыве от стаи он был словно без рук и мозгов. Существо воззрилось на Йоханну широко распахнутыми глазами, полными отчаяния.

Она схватилась за другой конец мешка, и вместе они засыпали порох в дуло. Белоголовый отбежал обратно к боеприпасам, стал тыкать носом в ядро. Умней собаки, да вдобавок обученный. «Может, вдвоем и сладим!»

Всего полуметром ниже Йоханны ярились волки. Одного или двух она бы отогнала, но их там были десятки. Волки без разбору рвали и

терзали элементы. Тройка Странника окружила Шрамозадого и щенков, но отбивалась бездумно, только когтями и зубами. Кинжалы и стальные накладки-когти стая потеряла.

Йоханна с Белоголовым протолкнули ядро в ствол. Белоголовый подскочил к казеннику и взялся за маленькое пушкарное огниво. Его он мог взять, обойдясь только одной пастью, потому что поджигать порох должен был только один элемент.

— Стой, дурень! — отпихнула его Йоханна. — Надо нацелить эту штуку!

Белоголовый обиженно глянул на нее. Он не понял, за что его стукнули. Трут он отпустил, но огниво в пасти удержал. Высек огонь и целенаправленно забегал вокруг казенника, пытаясь пролезть мимо Йоханны. Она снова оттолкнула его и посмотрела на склон. Темный выступ. Это, верно, и есть гнездо. Она навела ствол и присела за ним. Лицо девочки оказалось всего в нескольких сантиметрах от неугомонного Белоголового с огнем. Голова элемента в пушкарном эполете таки пролезла вперед, и пламя лизнуло трут.

Йоханну чуть не сбило с тележки. На миг она потеряла способность соображать от боли в ушах. Перекатилась, села, отчаянно кашляя в дыму.

Она ничего не слышала за визгливым звоном огромного колокола, который бил снова и снова. Фургончик качался, одним колесом сползая с обрыва. Белоголовый лежал плашмя под казенником. Она отвела пушку и погладила Когтя по голове. У него — или у нее? — шла кровь. Йоханна еще несколько секунд посидела, приходя в себя, пытаясь понять, чья эта кровь и что вообще она здесь делает.

На краю сознания вопил голос: *Нет времени, нет времени!* Она с усилием поднялась на колени, встала, огляделась. С болезненной неспешностью возвращалась память.

Вверх по склону деревья расщепило, сквозь листву проглядывала свежесодранная светлая кора. За деревьями, на месте гнезда, бугрилась земляная куча. Они «выжгли» его, но бой еще не унялся.

На тропе оставались волки, только теперь они бежали кто куда. Пока Йоханна смотрела, десятки их подскочили к пропасти и кинулись вниз, разбившись о камни и деревья. А Когти теперь дрались по-настоящему. Странник подобрал свои клинки. С порезанных морд и лезвий капала кровь, но он сражался. В тележку влетело и шлепнулось под ноги Йоханне что-то серое,

окровавленное. «Волк» не достигал в длину и двадцати сантиметров, шерсть у него была грязно-серая и коричневая. Он походил на домашнего зверька, но маленькие челюсти хищно заклацали, пытаясь прокусить девочке щиколотку. Йоханна уронила на него ядро.

Следующие три дня армия Древорезчицы собирала потерянную амуницию и зализывала раны. За это время Йоханну просветили насчет волков. То, что сделали они с Белоголовым, намертво остановило наступление. Несомненно, прижиганием гнезда они спасли множество жизней и саму экспедицию. «Волки» были ульевыми созданиями и в этом не слишком походили на Когтей. Групповое мышление для стай стало залогом высокого интеллекта; Йоханна ни разу не встречала мыслящей стаи крупнее шестерки. А волчьим гнездам интеллект особо не требовался; Древорезчица говорила, что в некоторых гнездах тысячи элементов — они уж точно разворошили *большое.* Интеллект своры не достигал человеческого. Более того, в чисто рациональном отношении свора была не смышленей стайного синглета. С другой стороны, модели поведения волков оказывались куда гибче. Они могли действовать порознь на значительных расстояниях.

В пределах сотни метров от гнезда, однако, они служили просто придатками многоэлементной «царице» улья, и там в их верности никто не сомневался. Странник слышал легенды о гнездах почти стайного ума, о лесных жителях, которые поставляли ближним гнездам еду в обмен на прикрытие. Пока в гнезде действовал живой источник высокочастотного шума, рабочие волки могли действовать скоординированно, не хуже одиночных Когтей. Но стоило убить гнездо, и своростая распадалась, как дешевая, плохо скомпонованная сеть звездообразной топологии.

Гнездо без труда ввергло в смятение армию Древорезчицы. Оно спокойно выждало, пока солдаты окажутся в самой «громкой» его близости. Затем рубежные волки синхронизированно мимикрировали под звуковых «призраков», одурачив стаи, которые принялись без толку палить в сторону, противоположную гнезду. А когда нападение действительно началось, гнездо облучило Когтей звуковой волной мыслепомех. Атака оказалась куда мощнее, чем на участках «звуковой вони», какие солдатам уже встречались в этом лесу. «Вонючки» мешали Когтям болезненно громким, даже пугающим шумом, но он не шел ни в какое сравнение с умопомрачительным хаосом атаки

из волчьего гнезда.

От засады пострадало более сотни стай. Некоторые, в основном стаи с малышами, сбились в кучу. Другие, как Щепетильник, «брызнули врассыпную». Долгие часы после атаки фрагменты возвращались и реинтегрировались. Таких Когтей здорово перетрясло, но они хотя бы остались невредимыми. Солдаты, которых атака не задела, прочесали окрестные склоны вдоль и поперек в поисках раненых элементов своих товарищей. Кое-где долина достигала в глубину двадцати метров. Упав с обрыва, элементы разбивались о камни, если им на пути не подворачивалась растительность. В конце концов обнаружили пятерых мертвых элементов и подобрали двадцать серьезно раненных. Потеряли два фургона. Тележки разломались, а керхоги пострадали так тяжело, что на их выживание рассчитывать не приходилось. Великое счастье, что залп не спровоцировал лесной пожар.

Трижды солнце описало на небосклоне размашистую перекошенную арку. В глубине леса, у реки, армия Древорезчицы зализывала раны в лагере. Проныра выставил на северной стене долины дозорных с сигнальными зеркалами. Место самое безопасное, какое только можно

найти так далеко к северу. И несомненно, из самых прекрасных. Роскошного вида, как из высокогорного леса, нет, но рядом звенит река, да так громко, что заглушает собой вздохи суховея. У корней низинных деревьев цветы не росли, и все равно растения отличались от известных Йоханне. Подлеска не было, лишь мягкий синий «мох», который, по утверждениям Странника, тоже являлся частью деревьев. Подобно парковому газону, он устилал все вплоть до самой реки.

В последний день отдыха королева созвала всестайное собрание — не присутствовали только разведчики и часовые. Йоханна не видела столько Когтей в одном месте со дня убийства ее семьи. Но эти не сражались. Насколько хватало глаз, на синем мшистом ковре сидели стаи, каждая не менее чем в восьми метрах от соседа. На какое-то абсурдное мгновение девочке представился Парк Первопоселенцев, что в Овербю[15]. Семейные пикники на травке, у каждой традиционное покрывало и коробочки для еды. Но «семьи» были индивидуальными стаями, и это не банкет, но военное построение. Ряды стай загибались арками, и все сидели мордами к королеве.

---

[15] Примечания: 15

Overby — здесь: «первая база» (*норв.*), букв.: «старый поселок».

Странник Викврэкшрам расположился в десяти метрах позади, в тенечке; никакой официальной роли консорт королевы не исполнял. Слева от Древорезчицы лежали выжившие в нападении элементы, все в бинтах да шинах. В некотором смысле видимый глазом урон был не самым жутким. Попадались те, кого Странник называл «ходячими ранеными». Синглеты, двойки, триплеты — все, что осталось от некогда слитных стай. Кое-кто пытался принять позу почтительного внимания, но остальные лишь стонали, время от времени заглушая своим бормотанием речь королевы. Они все были похожи на Грамотея Джакерамафана, только живые. Кое-где обломки стай уже сливались, пробуя уложиться в новых индивидов. Иногда это даже срабатывало, как в случае Странника Викврэкшрама. Но большинству предстояла еще долгая дорога к душевной реинтеграции.

Йоханна сидела рядом со Щепетильником в первом ряду, перед королевским помостом. Командующий артиллерией стоял навытяжку на стайный лад: ляжки на земле, грудь высоко, почти все головы смотрят вперед. Щеп отделался легким испугом. Белоголового подпалило в паре мест, а один элемент растянул плечо, падая с

тропы. Пушкарные эполеты Щепетильник носил с прежним гонором, однако в позе его чувствовалась тревога — а может, это у них такая военная стойка в готовности получить медаль за подвиг.

Королева облачилась в особые куртки. Каждая голова смотрела в особый сектор аудитории. Йоханна все еще не понимала межстайного языка, а заговорить на нем, наверное, никогда не сумеет без механических помощников. Но звуки в основном попадали в ее диапазон слышимости: «низкие» частоты девочка разбирала куда лучше высоких. Даже без мнемоаффекторов и грамматических генераторов она уже кое-чему выучилась. Уловить эмоциональную окраску было легко; например, раскатистое *арк арк арк* служило стайным аналогом аплодисментов. Что до отдельных слов, то они больше напоминали аккорды, одиночные ноты, каждая со своим значением. Теперь, слушая очень внимательно (и без Странника рядом, который бы ей переводил в синхрон), девочка даже понимала некоторые из них.

К примеру, сейчас Древорезчица хвалит соратников. Одобрительное *арк арк арк* донеслось со всех сторон. Будто группа морских львов. Королева сунула морду в стоявший перед нею кубок

и вытащила какую-то резную штучку, зажав ее в зубах. Произнесла стайное имя, многоаккордный *тумптититум*. Прослушав его достаточно долго, Йоханна смогла бы это имя уже повторить, как «Джакерамафан», или даже уловить часть смысла, как в «Викврэкшрам».

Из переднего ряда вылез и затрусил в сторону королевы синглет. Остановился он почти нос к носу с ближайшим элементом Древорезчицы. Та что-то сказала насчет его отваги и двумя элементами прицепила деревянную фенечку — брошь? — ему на куртку. Синглет сноровисто развернулся и побежал обратно в стаю.

Древорезчица выудила из кубка следующую награду и вызвала другую стаю. Йоханна склонилась к Щепетильнику.

— Что происходит? — удивленно спросила она. — Почему медали получают только синглеты? — «И как им удается подойти так близко к другой стае?»

Щепетильник держался куда скованней большинства стай и почти игнорировал ее. Теперь голова одного элемента повернулась к ней.

— Ш-ш-ш!

Он начал было отворачиваться, но девочка схватила его за одну из курток.

— Глупышка, — наконец отозвался он. — Награда для целой стаи. Один элемент выходит ее получить. Если выйдет больше — сдуреют.

Ага. Одна за другой три стаи «выдвинули» элемента принять награду. Некоторые шли четко, как солдаты-люди в исторических анимациях. Другие начинали движение бойко, но затем сбивались с шага и робели, приближаясь к Древорезчице.

Наконец Йоханна не выдержала:

— Щ-щепетильник, а когда нам медали дадут?

На этот раз он даже не обернулся, всеми мордами глядя на королеву.

— В последнюю очередь, конечно. Мы с тобой выжгли гнездо и спасли саму Древорезчицу.

Он весь дрожал от напряжения. И был безумно испуган. Внезапно Йоханна догадалась почему. Видимо, Древорезчице нетрудно сохранять рассудок в присутствии только одного элемента другой стаи. Но работает ли это в обратную сторону? Отослать одного своего элемента в другую стаю означало частично лишиться разума и положиться на милость этой стаи. Если так посмотреть… что ж, Йоханне вспомнились исторические романы, которые она любила проигрывать. На Нюйоре, в Темные века, дамы, удостоенные ауди-

енции у королевы, по обычаю отдавали ей меч и преклоняли колено. Так они изъявляли верность. Здесь то же самое, но, взглянув на Щепетильника, Йоханна поняла, что церемония хотя и чисто формальная, однако устрашающая.

Еще три медали обрели владельцев, а затем Древорезчица пробулькала аккорды, слагавшие имя Щепетильника. Командующий артиллерией стоял прямой, как палка, издавая тонкий жалобный свист.

— Йоханна Ольсндот, — проговорила Древорезчица и добавила на своем языке: выйдите, мол, вперед.

Йоханна встала. Щепетильник и элементом не повел.

Королева засмеялась человеческим смехом. Она держала две полированные броши.

— Йоханна, я тебе потом на самношке все объясню. Просто выйди вперед с одним из элементов Щепетильника. Щепетильник?

Неожиданно они очутились в центре внимания, под тысячами взглядов. Порыкивание и фоновая болтовня прекратились. Йоханна себя так неуютно не чувствовала с тех пор, как играла первую колонистку в школьной пьесе «Высадка». Наклонясь так низко, что могла бы коснуться

головой одного из элементов Щепетильника, она позвала:

— Пойдем, парень. Мы с тобой великие герои.

Тот вылупился на нее:

— Не могу. — Почти неслышно. Щегольские эполеты и задор удальца не могли скрыть истинных чувств. Щепетильник был напуган до смерти. И не сцены он боялся. — Я не могу себя снова разрывать так скоро. Я не могу.

Позади них раздалось бульканье: то были артиллеристы Щепетильника. «Всех Сил ради, лишь бы они против него не повернулись! Добро пожаловать в средневековье. Вот же идиоты. Щепетильника на фрагменты разнесло, а он им задницы спас, и теперь…» Она обняла его двойку руками за плечи:

— Мы это вместе сделали, ты и я. Помнишь?

Головы кивнули.

— Кое-что. Та часть меня была одна… ни за что бы сама это не сделала.

— Правильно. Как и я. Но вместе мы выжгли волчье гнездо.

Щепетильник мгновение глядел на нее, вращая глазами.

— Да. Мы это сделали. — Он поднялся на лапы, резко дернул головами, так что заглушки хлоп-

нули. — Да! — И придвинул к ней Белоголового.

Йоханна выпрямилась. Они с Белоголовым вышли на открытое пространство. Четыре метра. Шесть. Она слегка поглаживала элемента по шее. Отойдя от остального Щепетильника на двенадцать метров, Белоголовый сбился с шага. Поднял голову, помотал ею, озираясь, увидел Йоханну и двинулся дальше, медленней.

Йоханна мало что запомнила из церемонии, потому что смотрела в основном на Белоголового. Древорезчица произнесла длинную непонятную фразу. Каким-то образом у них на воротниках появились богато украшенные резьбой деревянные медали, и они пошли обратно к остальному Щепетильнику. Потом девочка снова осознала присутствие толпы. Те растянулись под пологом леса, насколько хватало глаз, и каждая стая весело приветствовала их, а громче всех кричали Щеповы пушкари.

Полночь. Тут, на дне долины, в нескончаемом дне бывала пора, когда солнце на три-четыре часа опускалось за северную стену. Не ночь, даже не сумерки. Дым пожаров на северной стене сгустился. Йоханна могла обонять его.

Она прошла от бивуака пушкарей к центру лагеря и палатке Древорезчицы. Там было тихо; она

слышала, как пищат в кустарниковой поросли какие-то зверушки. Празднество продлилось бы дольше, но все понимали, что уже через несколько часов придется взбираться на северную стену ущелья. Поэтому веселье уже почти улеглось, лишь кое-где раздавались взрывы хохота или попадалась навстречу стая навеселе. Йоханна шла босиком, перекинув через плечо сапоги. В такую засуху подошвам было приятно ступать по мягкому мху. Сквозь разрывы в лесном пологе проступало затянутое дымом небо. Удалось почти забыть то, что произошло, и отвлечься от того, что предстояло.

Стражники, охранявшие палатку Древорезчицы, не остановили девочку, лишь окликнули вполголоса. Ну да, не так уж много людей тут слоняется. Королева высунула морду наружу:

— Заходи, Йоханна.

Древорезчица расселась в своей обычной позе, кружком, со щенками в центре. Было совсем темно, лишь немного света проникало от входа в палатку. Йоханна плюхнулась на подушки, где привыкла спать. Весь день и вечер после награждения она выжидала момента поговорить с Древорезчицей по душам. Но… пушкари на пиру были так счастливы. Йоханна не решилась

разрушать атмосферу.

Древорезчица склонила голову, глядя на нее. Двое щенков повторили движение.

— Я тебя видела на пиру. Ты трезвенница. Еда наша тебе в основном подходит, но пива ты не пьешь.

Йоханна передернула плечами. «И вправду, почему?»

— Детям не положено выпивать, пока им не исполнилось восемнадцать.

Таков был обычай, и родители ему следовали. Йоханне пару месяцев назад сравнялось четырнадцать; Данник напомнил ей об этом в точный час. Она задумалась. Не случись всего этого, живи она, как прежде, в Высокой Лаборатории или на Страумлианском Просторе, старалась бы удрать с подружками из дому, вкусить запретных плодов? Вероятно, да. Но здесь, где она предоставлена самой себе и уже прослыла великой героиней, она и капли в рот не взяла… Может, потому, что мамы с папой тут нет и, если следовать их пожеланиям, они вроде как рядом. На глаза навернулись слезы.

— Мм. — Древорезчица вроде бы не заметила. — Странник тоже так говорил. — Она потыкалась носами в щенят и усмехнулась. — Думаю, в этом

есть резон. Этим двоим пива не дают, пока они не подрастут, хотя сегодня вечером они наверняка от меня чуток насосались. — В палатке слегка пахло пивом.

Йоханна резким движением утерла слезы. Ей не хотелось сейчас говорить о подростковых проблемах.

— Ты знаешь, сегодня ты со Щепетильником нехорошо поступила.

— Я… да. Но я с ним это предварительно обсудила. Он не хотел, но мне показалось, что он… *упрямится*, правильное слово? Если б я знала, как ему тяжко, то…

— Он там на глазах у всех чуть не распался. Если я правильно понимаю, это его опозорило бы, разве нет?

— Да. Честь в обмен на верность на глазах равных себе — это важно. По крайней мере, так правлю я. Странник или Данник, вероятно, подскажут дюжину других способов управления. Пойми, Йоханна, мне нужен был этот акт Обмена, и вы со Щепетильником должны были при нем присутствовать.

— Да, я знаю. Мы двое спасли ваши задницы.

— Прикуси язык! — Голос ее стал жестче, и Йоханна вспомнила, что говорит со средневековой

королевой. — Мы в двух сотнях миль от моих границ, почти в сердце домена Шкуродера. Через несколько дней мы столкнемся с врагом и в большинстве своем погибнем неизвестно за что.

У Йоханны внутри все оборвалось. Если не получится пробиться на корабль и закончить начатое родителями…

— Пожалуйста, Древорезчица! Оно того стоит!

— Я понимаю. И Странник понимает. Большинство членов Совета соглашаются с нами, хотя и не без оговорок. Но Совет говорит с Данником. Мы видели ваши миры, видели, на что способна ваша наука. С другой стороны, мои подданные, — она махнула головой в сторону лагеря за выходом из палатки, — следуют за мной, потому что верят, а еще из преданности. Для них положение смертельно опасное, а цель не вполне ясна. — Она помолчала, хотя двое щенят еще мгновение принужденно жестикулировали. — Я, если честно, не понимаю, как вы убеждаете свой народ идти на такой риск. Данник рассказывает о воинской повинности.

— То было на Нюйоре, в давние времена.

— Не важно. Суть в том, что мои войска тут, потому что они верны мне, по большей части — именно мне лично. Шестьсот лет я оберегала

их; воспоминания и предания ясно свидетельствуют об этом. Я не единожды видела сокрытую опасность, и не единожды советы мои спасали тех, кто к ним прислушивался. Вот что держит здесь бóльшую часть солдат и пушкарей. Каждый волен вернуться. Что они должны думать, если первое наше «сражение» произошло, когда мы, подобно неопытным… туристам… напоролись на волчье гнездо? Не окажись вы со Щепетильником волею счастливого случая в нужном месте в нужное время, я бы погибла. Странника бы убили. Наверное, треть армии бы тут полегла.

— Не мы, так кто-то другой, — тихо ответила Йоханна.

— Возможно. Хотя не думаю, чтобы кто-то другой отважился выстрелить по гнезду. Ты понимаешь, какой эффект это способно оказать на моих подданных? *Если несчастный случай в лесу чуть не погубил нашу королеву и наше удивительное оружие, то что же сулит нам стычка с мыслящим врагом?* Вот какой вопрос гложет многих. Если бы я на него не ответила, мы бы не вышли из этой долины, по крайней мере в северном направлении.

— И ты раздала медали. Верность за отвагу.

— Да. Но ты многого не поняла, потому что не

владеешь нашим языком. Я там долго распиналась насчет их великого подвига. Я раздала медали серебряного дерева всем, кто проявил себя, отражая атаку. Это помогло кое-кого успокоить. Я снова толкнула речь насчет мотивов похода — о чудесах, обещанных Данником, и про то, как солоно нам придется, если Стальной продолжит в том же духе. Но они это уже слышали, и говорила я о вещах довольно абстрактных. А потом я показала им кое-что новое — вас со Щепетильником.

— Нас?

— Я вознесла вас выше неба. Синглеты часто проявляют отвагу. Иногда они полуразумны или умеют говорить. Но в одиночку фрагмент Щепетильника мог бы лишь хорошо рубить клинком, не более. Он умел пользоваться пушкой, но возможности управлять ею у него одного не было. Сам по себе он бы и не сообразил, куда стрелять. А ты — Двуногая. Во многих аспектах ты беспомощна. Думать ты способна лишь в одиночку, но не мешаешь другим своими мыслями. Вместе вы совершили деяние, непосильное любой стае в разгар атаки из волчьего гнезда. И я сказала войскам: узрите, на что способны представители двух рас, действующие сообща и закрывающие

уязвимые места другого! Вместе мы еще на шаг приблизимся к Стае Стай. Как там Щепетильник, между прочим?

Йоханна едва заметно улыбнулась:

— Вроде отошел. Как только выбрался оттуда и принял медаль, — девочка коснулась собственной броши, приколотой к воротнику, красивого изделия с резной картинкой города древорезчиков, — так сразу изменился. Ты бы его видела потом на пирушке с пушкарями. Им тоже воздалось за верность по чести, а потом они ка-ак вжарили по пивку… Щепетильник всем рассказывал направо и налево, какие мы молодцы. Он даже заставил меня показывать… Ты в самом деле считаешь, что армия поверила твоим словам о сотрудничестве людей и Когтей?

— Думаю, да. На родном языке я бываю весьма красноречива. Я себя такой сделала. — Древорезчица помолчала. Щенки ползали по ковру и тыкались мордами в ладони Йоханны. — Кроме того… это может оказаться правдой. Странник в этом уверен, во всяком случае. Ты спишь со мной в одной палатке и сохраняешь способность мыслить. Мы с ним этого не можем; с другой стороны, мы оба живем долго и, наверное, не глупее людей или прочих созданий Запределья, описанных

Данником. Но вы, синглеты, можете находиться вплотную друг к другу, и при этом думать и работать. Бьюсь об заклад, по сравнению с нами синглетные расы куда быстрее развивают науку. Но теперь, с твоей помощью, мы тоже станем меняться быстрее. — Щенята отползли назад, Древорезчица уронила головы на лапы. — По крайней мере, я убеждала в этом подданных… Постарайся поспать.

На земле рядом с палаткой уже сверкали пятнышки солнечного света.

— Ладно.

Йоханна стянула верхнюю одежду. Легла рядом и укуталась легким одеялом. Большинство элементов Древорезчицы уже, казалось, уснули. Как обычно, у одного-двух глаза оставались открыты, но интеллект их был ограничен — а сейчас и эти выглядели очень утомленными. Забавно: Древорезчица так настойчиво тренировалась с Данником, обучаясь выражать человеческим голосом не только смысл сказанного, но и эмоции. И сейчас голос ее был таким усталым, таким грустным.

Йоханна высунула руку из-под одеяла, погладить по голове ближайшего элемента Древорезчицы — слепца.

— Ты веришь в то, что сказала им? — мягко спросила она.

Один из «караульных» посмотрел на нее, и отовсюду раздался очень человеческий вздох. Древорезчица ответила еле слышно:

— Да… но я так боюсь, что для меня самой это уже не важно. Я шестьсот лет была уверена в себе. Но то, что случилось на южной стене… это недопустимо. Если бы только я послушалась Проныры и двинула армию Новой Дорогой…

— Но нас там могли бы заметить…

— Да. Куда ни кинь, всюду клин, так получается? У Проныры агенты в высших кругах шкуродерников. Но к повседневным обязанностям он подчас относится небрежно. Я это знала и считала, что сумею компенсировать его промашки. Старая Дорога оказалась куда в худшем состоянии, чем мне помнилось. Если бы последние несколько лет тут кто-то ездил, волки бы не появились. Если бы Проныра правильно расставлял караульных или я с ним обходилась бы как следует, нас не застигли бы врасплох. А вместо этого нас чуть не разбили наголову… и единственный оставшийся у меня талант, как погляжу, служит теперь тому, чтоб дурачить тех, кто мне все еще доверяет, полагая, что я знаю свое дело. — Она открыла еще

пару глаз и улыбнулась жестом. — Удивительно. Я даже со Странником так не откровенничаю. Это что, еще одно «преимущество» человеческой модели отношений?

Йоханна погладила слепого по шее:

— Возможно.

— Как бы там ни было, я верю в то, что сказала им, но опасаюсь, что душевной стойкости воплотить это в жизнь уже лишилась. Вероятно, мне стоило бы отречься в пользу Странника или Проныры; надо об этом поразмыслить.

Йоханна удивленно вскинулась, но Древорезчица шикнула на нее:

— А теперь спи, будь добра.

Глава 32

Когда-то Равна лелеяла надежду, что их маленький корабль доберется до самого Дна незамеченным. Теперь все поменялось, и это тоже. В данный момент «Внеполосный-II» отслеживался, как никакой другой звездолет Сети. Наверное, миллион рас наблюдал за погоней. Из Срединного Запределья в их сторону развернулись исполинские антенные рои. Там выцеливали их следящими лучами и слушали новости (как правило, лживые) с кораблей преследования. Равна не могла напрямую прослушать эту дезу, но передачи из Запределья не оставляли в этом сомнений. Можно было даже на главную магистраль не заходить.

Равна ежедневно уделяла какое-то время чтению новостных групп, пытаясь вернуть утраченную надежду, доказать самой себе, что поступает правильно. Теперь было совершенно ясно, *что* за ними гонится. Фам и Синепанцирь оказались правы. В Сети же без конца спорили, каковы причины погони и что преследователи пытаются найти. Как обычно, правда, что под нею ни понимай, могла скрываться под горами

разносортной лжи.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: трисквелин (диалект СК)

От: Хансе [до Падения Маршрутизатора неизвестен. Вероятный источник не установлен. Кто-то очень осторожничает]

Тема: Альянс во Имя Защиты – мошенники?

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 5,80 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: вылазка идиотов, бессмысленный геноцид

Текст сообщения: Ранее я предположил, что разрушения Сьяндры Кей не произошло. Вынужден извиниться. Меня ввела в заблуждение ошибка при каталожной идентификации. Я согласен с сообщениями (общим числом 13123 по состоянию на

время несколько секунд назад), в которых утверждается, что за последние шесть дней хабитаты Сьяндры Кей были подвергнуты разрушительной кинетической бомбардировке.

Итак, кажется вероятным, что Альянс во Имя Защиты действительно осуществил военную акцию, которую грозился провести. И вероятно, военная мощь их позволяет уничтожать небольшие цивилизации Срединного Запределья. Остается невыясненным вопрос: зачем? Я уже запостил сюда аргументы против гипотезы о Homo Sapiens как расе, особо подверженной воздействию Погибели (хотя именно им хватило глупости ее сотворить).

Теперь большая часть флотилии Альянса летит ко Дну Запределья в погоне за одним-единственным кораблем. Какой ущерб способен Альянс причинить Погибели так глубоко внизу? Погибель, конечно, представляет собой значительную угрозу. Вероятно, самую страшную и необычную в достоверно задокументированной истории. Альянс же продолжает

деструктивную и бессмысленную деятельность. Проанализировав список некоторых спонсоров Альянса, предоставленный им в [следуют идентификаторы сообщений], я думаю, что догадался об истинных его мотивах. Я усматриваю связь между Альянсом и старой Апрахантской Гегемонией. Тысячу лет назад эта группа предприняла сходный джихад, заграбастав то, что осталось после недавно ушедших в Трансценденцию. Как удалось остановить Гегемонию в этой области Галактики – отдельная и драматичная история. Полагаю, они вернулись и решили обернуть себе на пользу панику, вызванную пришествием Погибели (а эта угроза, надо сказать, куда серьезнее).

Мой совет: берегитесь Альянса и не принимайте всерьез его россказней о героических свершениях.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: ширахен → рондралип → трисквелин (диалект СК)

От: Святейший синод коммуникаций Гармоничного Покоя

Тема: Столкновение с агентами Погибели

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели

Дата: 6,37 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: Хансе – мошенник?

Текст сообщения: Мы не настроены предубежденно ни к одному из комментаторов треда. Тем не менее считаем своим долгом подчеркнуть, что создание, не разгласившее ни своего местопребывания, ни интересов, а именно «Хансе», смеет поливать грязью свершения Альянса во Имя Защиты. Альянс утаивал от общественности состав своих участников лишь на время сбора боевых сил, когда Искажение могло уничтожить его одним ударом. Приступив к действиям, он ведет теперь совершенно открытую политику.

Хансе удивляется, что один-единственный звездолет стал целью всего Альянса. Поскольку именно Гармоничный Покой – сайт, на котором развернулись недав-

ние события, мы можем представить этому некоторые объяснения. Вышеозначенный корабль, «Внеполосный-II», разработан явно для операций на Дне Запределья; он даже способен ограниченно функционировать в Медленной Зоне. Корабль сообщил, что выполняет рутинный зонографический полет с целью изучить недавнюю турбулентность придонной области. Истинная миссия его совсем иная. По горячим следам его поспешного бегства мы сопоставили несколько исключительных фактов.

По крайней мере один из членов экипажа – человек. Они старались не выдавать своего присутствия и вели переговоры через торговцев-наездников, но нам удалось сделать записи. Мы также получили биопоследовательность одного индивида, которая совпала с образцами, предоставленными двумя из трех архивов по Homo sapiens. (Хорошо известно, что третий архив, на Нижнем Снееросте, контролируется симпатиками человечества.) Можно возразить, что причиной такой скрытности послужил страх: в

конце концов, указанные события имели место после гибели Сьяндры Кей. Мы иного мнения. Первоначальный контакт корабля с нами произошел еще до инцидента на Сьяндре Кей.

Мы предприняли тщательный анализ отчета о ремонтных работах, выполненных для этого корабля нашими верфями. Ультраволновая автоматика сложна и многоуровнева; даже самая тщательная маскировка не в состоянии полностью исказить все ее записи. Теперь мы уверены, что «Внеполосный-II» прибыл из системы Маршрутизатора, покинув ее после атаки Искажения. Подумайте, что это может значить.

Команда «Внеполосного-II» тайно пронесла на хабитат оружие, убила нескольких разумных обитателей и скрылась, прежде чем наши музыканты [гармонизаторы? полицейские?] получили надлежащее оповещение. У нас достаточно поводов ополчиться на них.

Впрочем, наши несчастья незначительны по сравнению с важностью раскрытия тайной миссии. Мы крайне благодарны

Альянсу за то, что он взял на себя риск возглавить преследование.

В данном новостном треде выдвигается необычно много безосновательных утверждений. Мы надеемся, что изложенные нами факты заставят кое-кого остыть. Поразмыслите, например, кем в действительности является «Хансе». На Вершине Запределья Искажение легко узнать по делам его. Там оно в полной силе и может отвечать само за себя. Тут, внизу, более вероятными инструментами его видятся дезинформация и скрытая пропаганда. Подумайте об этом, читая посты от не желающих идентифицировать себя комментаторов вроде этого «Хансе»!

Равна сжала зубы. Самое скверное, что факты в этом сообщении не перевраны. Злобным и лживым было лишь их истолкование. И нельзя было понять, то ли постаралась чья-то теневая пропаганда, то ли святой Ринделл сам в это верит (хотя Ринделл, казалось, никогда особо не доверял бабочкам).

В одном все комментаторы новостных групп сходились: за «Внеполосным-II» гонится не толь-

ко флотилия Альянса. Рой ультраволновых следов виден был любому наблюдателю за тысячу световых лет. За кораблем летели, самое меньшее, три флота. Три! Альянс во Имя Защиты, продолжавший громогласно обвинять и хвастаться, хотя некоторые его и подозревали в совершении геноцида по корыстным мотивам. За Альянсом летела флотилия Сьяндры Кей, то, что оставалось от сил родного мира Равны; вероятно, во всей Вселенной ей некому больше доверять, кроме них. А сразу за этим флотом — еще один, молчаливый. Сообщения из разных источников подтверждали, что летит он с Вершины Запределья. На Дне у флота будут проблемы, но сейчас он шел быстрее всех. Мало кто сомневался, что снарядило его Искажение. Присутствие этой флотилии служило лучшим аргументом для Вселенной в пользу теории, что «Внеполосный-II» или его цель обладают космической значимостью. Спорили о том, почему это так. Предположения на этот счет сыпались со скоростью пяти тысяч постов в час. Загадку штурмовали с миллиона разных подходов, иногда настолько чужацких, что авторы даже считали наездников и людей представителями одного вида. По крайней мере пятеро участников треда были газообразными

обитателями звездных корон. Еще в парочке Равна подозревала расы, не внесенные в общий каталог и столь застенчивые, что они, наверное, впервые высунулись в Сеть.

Компьютер «Внеполосного-II» значительно поглупел по сравнению с тем, каким он был в Срединном Запределье. Равна уже не могла переложить на него фильтрацию сообщений в поисках нюансов и намеков. Вообще говоря, если в сообщении не было перевода на трисквелин, оно зачастую оказывалось нечитабельно. С основными торговыми языками бортовой переводчик все еще справлялся, но и в этих случаях работал медленно, сдабривая результаты альтернативными значениями и всякими «варкалось, хливкие шорьки». Еще одно знамение близости Дна Запределья. Эффективный перевод с естественных языков требует почти разумных программ.

Тем не менее, будь конструкция лучше проработана, можно было ожидать лучшего. Автоматика бы медленно деградировала под влиянием глубинных ограничений. Вместо этого отдельные устройства отключались без предупреждения, а уцелевшие начинали глючить и тормозить. Эх, если бы переоснастку удалось завершить до Падения Маршрутизатора! «Сколько раз я уже на

это сетовала?» Оставалось надеяться, что преследователям приходится не легче.

Так что теперь Равна применяла корабельную автоматику лишь для простейшей фильтрации сообщений группы Угроз. После этого тоже оставалась в основном чушь, будто авторы погоду пытались предсказать.

> Шифрование: 0
>
> Синтаксическая кодировка: 43
>
> Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций
>
> Путь перевода: Арбвит → торговый-24 → чергелен → трисквелин (диалект СК)
>
> От: Твирлип Туманный [вероятно, организация тучелетчиков одиночной системы с планетами юпитерианского типа. Раньше появлялся очень редко]
>
> Тема: Цель поисков Погибели на Дне
>
> Рассылка в/на: Угроза Погибели, Великие тайны мироздания
>
> Дата: 4,54 дня после Падения Сьяндры Кей
>
> Ключевые фразы: зонная неустойчивость и Погибель, гексаподия как ключевая идея

Текст сообщения: Заранее извинюсь, если повторяю очевидные выводы. Мой единственный гейт на Сеть очень дорог, и я пропускаю много важных сообщений. Полагаю, все подписчики групп Угроза Погибели и Великие тайны мироздания видят важную закономерность. С момента событий, о которых сообщила информационная служба Гармоничного Покоя, большинство комментаторов соглашается, что на Дне Запределья в районе [...] существует нечто важное для Искажения. Я усматриваю возможную связь с Великими тайнами. В последние сто двадцать дней участились сообщения о неустойчивости зонного интерфейса в области ниже Гармоничного Покоя. По мере распространения Угрозы Погибели и учащения ее атак на продвинутые расы и другие Силы неустойчивость тоже усиливалась. Нет ли здесь связи? Я призываю всех поделиться информацией на этот счет с Великими тайнами или ближайшим архивом группы. Такие события лишний раз подтверждают, что Вселенная находится в непрестанном ронзелле.

Некоторые сообщения дразнили любопытство, например:

> Шифрование: 0
>
> Синтаксическая кодировка: 43
>
> Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций
>
> Путь перевода: шаталкин → белорешк → трисквелин (диалект СК)
>
> От: Песня Сверчка под Высокой Ивой [Песня Сверчка – искусственная раса, созданная шутки/эксперимента/инструмента ради Высокой Ивой при уходе в Трансценденцию. Песня Сверчка присутствует в Сети более десяти тысяч лет. Очевиден фанатичный интерес ее к путям Трансценденции. Последние восемь тысяч лет она выступает главным комментатором Где они сейчас? и родственных групп. Нет данных о переходе хотя бы одного поселения Песни Сверчка в Трансценденцию. Сама по себе Песня Сверчка настолько необычна, что существует крупная группа новостей, специально посвященная этой расе. По общему мнению, Песня Сверчка разработана Высокой

Ивой в качестве Запредельного зонда, и эта раса по каким-то причинам не способна к Трансценденции сама.]

Тема: Цель поисков Погибели на Дне

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Где они сейчас?

Дата: 5,12 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: О переходе в Трансценденцию

Текст сообщения: Вопреки мнению остальных комментаторов, у Сил достаточно поводов инсталлировать артефакты на Дне Запределья. Абселор в данном треде приводит некоторые примеры: зафиксирован интерес некоторых Сил к Медленной Зоне и, более того, даже Безмысленным Глубинам. Изредка они высылали туда экспедиции (хотя возвращение из Глубин в любом случае происходит много позже потери Силой-отправительницей интереса ко всем локальным проблемам).

Здесь, однако, подобные объяснения

вряд ли применимы. Участникам, знакомым с Трансцендентной историей Быстро Горящего, ясно, что Погибель взыскует устойчивого состояния. Ее интерес ко Дну возник внезапно и спровоцирован, как мы полагаем, откровениями с Гармоничного Покоя. На Дне есть нечто критически важное для благоденствия Погибели.

Учтем также понятие аблятивного диссонанса (см. архив группы Где они сейчас?). В точности неизвестно, какие именно процедуры запуска применяли люди Страумлианского Простора. Быстро Горящее могло и само по себе обладать трансцендентным интеллектом. Что, если направление цепнокольцовки его разочаровало? В этом случае не исключено, что оно пытается спрятать новейший преисходник. На Дне этот алгоритм если и не способен к самозапуску, то короткоживущие аватары породить все же в состоянии.

До какого-то момента Равна почти понимала мысль автора: аблятивный диссонанс был расхожим понятием прикладной теологии. Но затем сообщение резко обессмыслилось, как бывает во

сне, когда раскрывается великая тайна.

Попадались посты и не дурацкие, и не туманные. Как обычно, Сандор на 3оо многое понимал чертовски верно:

> Шифрование: 0
>
> Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций
>
> Путь перевода: трисквелин (диалект СК)
>
> От: Сандорская арбитражная разведка, 3оо [Известная военная корпорация с Вершины Запределья. Если это подставное лицо, кому-то явно угрожает опасность.]
>
> Тема: Цель поисков Погибели на Дне
>
> Ключевые фразы: внезапное изменение тактики Погибели
>
> Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens
>
> Дата: 8,15 дня после Падения Сьяндры Кей
>
> Текст сообщения: Если вы не в курсе, то у Сандорской разведки несколько сетевых лент. Мы получаем информацию

по разным путям без общих промежуточных узлов. Это позволяет нам убедиться, что по дороге она не подверглась искажениям. (Конечно, лживые и неверные трактовки, присутствующие изначально, таким образом отсеять невозможно, однако это и придает самый смак разведывательной работе.)

Погибель стала приоритетным направлением нашей деятельности еще год назад, когда выяснились ее цели. Это связано не только с очевидной мощью Погибели, не только с разрушениями и богоубийствами, содеянными ею. Мы опасаемся, что это еще малая часть Угрозы. В задокументированном прошлом возникали Искажения почти столь же сильные. Погибель выделяется из себе подобных прежде всего устойчивостью. Признаков ее внутренней эволюции не видно; в некоторых отношениях она меньше, чем Сила. Возможно, она так и не утратит интереса к господству на Вершине Запределья. Не исключено, что мы стали свидетелями масштабного и перманентного сдвига в порядке вещей. Только

вообразите себе устойчивый некроз, когда Погибель станет единственным разумным существом Высокого Запределья.

Таким образом, изучение Погибели для нас – вопрос жизни и смерти (хотя мы сильны и широко рассредоточены). Мы пришли к ряду выводов. Некоторые из них покажутся вам очевидными, другие – натянутыми. Вести с Гармоничного Покоя заставляют все воспринять в ином свете.

Почти с самого начала Погибель что-то искала. Эти поиски простирались далеко за пределы сферы ее непосредственной физической экспансии. Ее автоматические агенты пытались заразить буквально каждый узел Вершины Запределья. Высокая Сеть в плачевном состоянии – сведена к протоколам едва ли эффективнее известных внизу. В то же время несколько архивов Погибель похитила физически. Нам известно, что огромные флотилии обыскивают внесетевые архивы Вершины и Нижней Трансценденции. При этом погибло не меньше трех Сил.

А затем эта деятельность внезапно прекратилась. Физическое расползание Погибели продолжается, конца ему не видно, однако ее поиски в Высоком Запределье прекращены. Насколько можно судить, перемена эта возымела место примерно за две тысячи секунд до побега человеческого корабля с Гармоничного Покоя. Меньше чем через шесть часов начал собираться безмолвный флот, о котором сейчас так много судачат. Этот флот действительно порожден Погибелью.

В другое время уничтожение Сьяндры Кей и мотивы Альянса во Имя Защиты могли бы стать важными темами для дискуссий (а наша организация была бы заинтересована в сотрудничестве с теми, кого это коснулось). Сейчас гораздо важнее безмолвный флот и корабль, им преследуемый. Мы не согласны с анализом [соучастием?] Гармоничного Покоя: для нас очевидно, что Погибель понятия не имела о «Внеполосном-II», пока не обнаружила его на Гармоничном Покое.

Это судно не является орудием Погибе-

ли, однако несет на борту нечто крайне важное для Погибели или же связано с ним. Что это может быть? Тут начинаются догадки. Коль скоро мы ударились в гипотезы, воспользуемся же мощными псевдозаконами, принципами тривиальности и минимальных допущений. Если Погибель способна установить на всей Вершине перманентно устойчивый порядок, почему этого не случалось раньше? Мы полагаем, что Погибель уже некогда возникла (и делаем отсюда мрачный вывод, что случилось это в начале документированной истории), но у нее имеется естественный враг.

Последовательность событий угадывается легко, можно даже предложить знакомый экспертам по сетевой безопасности сценарий. Однажды (очень-очень давно) существовало другое воплощение Погибели. Были созданы успешные средства защиты, и все известные копии алгоритма Погибели пали их жертвами. Конечно, в столь обширной сети нельзя быть до конца уверенными, что уничтожены все копии заразы. Несомненно,

средство защиты также было размножено в огромных количествах. Но даже если оно достигло зараженного архива, то могло не подействовать, если Погибель присутствовала там в неактивном состоянии.

Невезучим людям Страумлианского Простора именно такой архив, давно уплывший из Сети, и подвернулся. Они пробудили Погибель и волею случая – вероятно, чуть позднее, – программу борьбы с ней. Враг Погибели каким-то образом спасся. Все это время Погибель его искала – но не там, где было нужно. В слабости своей новое воплощение средства защиты отступило в глубины, куда Силам путь заказан, но не может вернуться оттуда без посторонней помощи. Снова ударяясь в гипотезы, отметим, что о природе этого средства мы можем только гадать, но отступление его – огорчительный признак. А теперь даже эта жертва пропала втуне, ибо Погибель разгадала его уловку.

Флот Погибели явно собран впопыхах, из кораблей, оказавшихся ближе остальных к месту открытия. Но без этой спешки

Погибель бы уже проиграла. Следовательно, аппаратура преследователей должна быть плохо приспособлена к таким глубинам и по мере продвижения начнет сбоить. Впрочем, наша оценка указывает, что даже так флотилия превзойдет силой любого противника, способного добраться туда в ближайшем будущем.

Когда Погибель достигнет пункта назначения «Внеполосного-II», мы, вероятно, узнаем больше. Если она сразу же уничтожит его, мы сделаем вывод, что там имелось нечто действительно опасное для Погибели (и может находиться где-то еще, по крайней мере в виде алгоритма). Если нет, то, скорее всего, Погибель искала нечто, способное сделать ее даже опасней прежнего.

Равна откинулась в гамаке и некоторое время глядела на дисплей. Сандорская арбитражная разведка оказалась в числе самых проницательных участников этой новостной группы… Но даже ее прогнозы теперь сулили неминуемый крах того или иного толка. И такие сплошь деловитые, аналитические. Равна знала, что Сандор

— поливидовая организация, с филиалами по всей Вершине Запределья. Но не Сила. Против Искажения, которое низвергло Маршрутизатор и убило Старика, Сандору при всех ресурсах не выстоять; захочет враг их поглотить, так и схрумкает. В сандорских выкладках звучали интонации пилота гибнущего корабля, который понимает опасность и не тратит время на испуг.

«О Фам, вот бы сейчас поговорить с тобой, как раньше!» Она свернулась в клубок — в невесомости это несложно. Тихо, безнадежно заплакала. За последние пять дней они обменялись от силы сотней слов. Жили, словно каждый приставил другому пушку к виску. В общем-то, так оно и было — она об этом позаботилась. Работая вместе, Фам, Равна и наездники хотя бы делили груз опасности. Теперь они расколоты, а враги настигают. Какая польза от Фамова богосколка против тысячи вражеских кораблей под управлением Погибели?

Она невесть сколько парила в воздухе. Всхлипы прекратились, сменившись молчаливым отчаянием. Она снова задумалась, а правильно ли поступила. Она угрожала Фаму, вступившись за Синепанциря с Зеленожкой и их расу. Она утаила предательство — наверняка крупнейшее

за историю Известной Сети. Имеет ли право один человек нести такую ответственность? Фам ее об этом спросил. Она ответила, что да. Но…

Вопрос мучил ее каждый день. И каждый день она искала выход. Она тихо утерла слезы. В истинности слов Фама она не сомневалась.

В Сети встречались самодовольные комментаторы, утверждавшие, будто Погибель, при ее масштабе, не может нести зло, а является лишь трагической катастрофой. Концепция зла, доказывали они, применима лишь в меньших масштабах, на уровне вреда, который причиняют друг другу разумные существа. До Гармоничного Покоя их аргументация казалась просто фривольным словоблудием. Теперь Равна понимала, что доводы эти ошибочны и откровенно опасны. Погибель создала наездников, чудесную миролюбивую расу. На миллиарде планет они не совершили ничего дурного. И тем не менее этих друзей потенциально можно было превратить в чудовищ, поработив их разум. При мысли о Синепанцире и Зеленожке Равну захлестывал страх. Она понимала, что те отравлены, заражены, пускай сами по себе и отличные ребята. То была искра зла трансцендентных масштабов.

Она сама втянула Синепанциря с Зеленожкой

в эту миссию; они не напрашивались. Они были ей друзьями и союзниками, и она не позволит причинить им вред только потому, что они могут измениться.

Наверное, она слишком начиталась свежих новостей. Наверное, устала в очередной раз взвешивать одни и те же вероятности. Равна медленно выпрямилась, перечитала последние сообщения. Итак, она верила, что Фам прав насчет исходящей от наездников угрозы. Она знала, что эти двое — потенциальные враги. Она отшвырнула это знание, желая спасти их расу и их самих. Возможно, она ошиблась, но придется извлекать преимущества из того, что есть. «Если ты рискнула их пощадить, потому что считаешь их союзниками, ну так веди себя с ними соответственно. Воспринимай их как друзей. Мы тут все пешки на доске».

Равна осторожно оттолкнулась и полетела к двери каюты.

Каюта наездников располагалась сразу за рубкой управления. После катастрофы на Покойся с Миром эти двое не покидали ее. Спускаясь по проходу к их двери, Равна почти ожидала, что из тени появится какой-нибудь робот, которого Фам сварганил из подручных материалов. Она пони-

мала, что он делает все, чтобы «защитить себя». Но ничего такого не произошло. «Как отнесется он к моему посещению наездников?»

Она представилась. Спустя миг появился Синепанцирь. Тележка его была без косметики, в каюте позади царил бедлам. Он приветствовал ее короткими взмахами ветвей:

— Миледи?

— Синепанцирь. — Она дружески кивнула ему. Половину времени она себя проклинала за то, что доверяет наездникам, другую половину — терзалась, что оставила их в одиночестве. — Как там Зеленожка?

Неожиданно ветви Синепанциря сложились вместе в эквиваленте улыбки.

— А, вы догадались? Она первый день на новой тележке… Я вам покажу, если хотите.

Он проложил им путь среди оборудования, установленного в каюте. Оно напоминало корабельную аппаратуру, которой пользовался Фам, сооружая себе бронескаф. Если Фам это увидит, наверняка потеряет остатки самообладания.

— Я над нею трудился каждую минуту с тех пор… как Фам запер нас.

Зеленожка находилась в соседней каюте. Ствол и ветви ее торчали из серебристого горшка. Ко-

лес у горшка не было, как и других элементов традиционной тележки. Синепанцирь проехал по потолку и протянул ветвь вниз, к своей подруге. Прошелестел ей что-то. Спустя миг пришел ответ.

— Эта псевдотележка очень ограниченна, двигаться не способна, резервных источников питания не имеет. Я скопировал ее с меньших тележек: простая модель, разработанная дирокимами. Она ни для чего не пригодна, кроме как сидеть и смотреть в одну сторону. Зато снабжена кратковременной памятью и модулем фокусировки внимания… Мы снова вместе. — Он суетился вокруг Зеленожки, касаясь ее веток своими и указывая на построенный для подруги гаджет. — Сама Зеленожка не очень пострадала. Иногда я думаю… что бы там ни говорил Фам, в последний момент, наверное, он просто не смог ее убить. — Речь наездника стала нервной, словно он боялся возражений Равны. — Первые дни я очень переживал, но хирург справился отлично. Он ее долго выдерживал в сильном прибое, позволяя медленно мыслить. Когда я приделал ей эту псевдотележку, Зеленожка стала… вроде как зарядку делать. Тренировать память. Повторять то, что хирург ей говорил. Псевдотележка обеспечи-

вает ей доступ в новую память почти на пятьсот секунд. Этого достаточно, чтобы естественный ум передал мысль в долговременную память.

Равна подлетела ближе. На ветвях Зеленожки появились одеревеневшие участки — наверное, рубцы. Зрительные поверхности следили за Равной. Наездница знала, что девушка здесь, и вид у нее был дружелюбный.

— Может ли она говорить на трисквелине, Синепанцирь? Ты подключил вокодер?

— Что? — Он пожужжал. Забывается или нервничает? Равна не могла понять. — Да-да. Минуточку… Раньше не было нужды. Никто не хотел с нами разговаривать.

Он повозился с импровизированной тележкой.

— Привет, Равна, — пришел ответ спустя миг. — Я… узнаю тебя.

Ветви шелестели в такт словам.

— Я тоже тебя узнаю. Мы… я рада, что ты снова с нами.

Голос из вокодера был какой-то странный, тоскливый, что ли.

— Да. Мне трудно объяснить. Я хочу с вами поговорить, но я не уверена… я, случайно, не ерунду несу?

Синепанцирь вытянул длинное щупальце так,

чтобы Зеленожка не увидела. *Скажи, что нет.*

— Нет, Зеленожка. Я тебя отлично понимаю. — И Равна мысленно пообещала себе никогда больше не злиться на Зеленожку за ее забывчивость.

— Хорошо. — Ее ветви выпрямились, и она замолчала.

— Вот видите? — сказал из вокодера Синепанцирь. — Я весело смеюсь. Даже сейчас Зеленожка переписывает этот разговор в долговременную память. Пока что процесс идет медленно, однако я совершенствую псевдотележку. И я уверен, что замедление связано прежде всего с эмоциональным шоком. — Он и дальше гладил Зеленожку по ветвям, но наездница больше ничего не произнесла. Равна задумалась, насколько показным был оптимизм Синепанциря.

Позади наездников были дисплейные окошки, настроенные на их органы чувств.

— Вы следите за новостями? — спросила Равна.

— Да, конечно.

— Я… я себя такой беспомощной чувствую.

«И такой идиоткой, что тебе это говорю».

Но Синепанцирь не обиделся. Казалось, смена темы его обрадовала: он предпочел более абстрактные поводы для уныния.

— О да. Мы прославились. Три флотилии гонятся за нами, миледи. Ха-ха.

— Непохоже, чтобы они особенно быстро нас догоняли.

Синепанцирь тряхнул ветками, как человек — плечами.

— Сир Фам проявляет себя вполне компетентным капитаном. Боюсь, однако, что по мере спуска ситуация осложнится. Вершинная автоматика корабля станет глючить. Все большее значение начнет обретать то, что вы называете «ручным управлением». «Внеполосный-II» построен для моей расы, миледи. Что бы сир Фам о нас ни думал, у Дна лучше нас с ним никто не управится. И другие нас постепенно догонят, по крайней мере те, кто хорошо разбирается в устройстве своих кораблей.

Об этом она не подумала, да и в Сети бы наверняка не вычитала. Жаль, что новости дурные.

— Но в-ведь Фам это понимает?

— Думаю, что должен. Но он в плену собственных страхов. Что он может сделать? Если бы не вы, миледи Равна, он бы нас уже убил. Вероятно, если выбор у него будет между смертью в течение часа и решением довериться нам, у нас появится шанс.

— Тогда будет уже поздно. Послушай, даже если он тебе не доверяет и полон мрачных подозрений насчет наездников, мы все равно должны что-то придумать. — И Равна поняла, что иногда не нужно ни менять образ мысли других, ни даже подставлять им другой объект ненависти. — Фам хочет попасть на Дно, отбить свою *контрмеру*. Он полагает, что, если вами завладела Погибель, цель у нее та же. Но он может до некоторой степени…

«Согласиться на сотрудничество, отсрочив решительную схватку до тех пор, пока необходимость в ней, возможно, отпадет».

Не успела Равна закончить, как Синепанцирь уже замахал на нее ветками.

— Мною Погибель не завладела! Зеленожкой не завладела! И расой наездников тоже! — Он облетел подругу и подкатился по потолку вплотную к Равне, пока шелестящие ветки его не уткнулись ей прямо в лицо.

— Прости, это всего лишь потенциальная…

— Чушь! — Вокодер орал на пределе громкости. — Мы налетели на выродков. В каждой расе такие есть: они способны убить ради выгоды. Они похитили Зеленожку и подменили программу в ее вокодере. Фам Нювен миллиарды наездников

уничтожил бы, поверив в свои выдумки!

Он замахал ветками и потерял дар речи. Равна еще не видела, чтобы ветви наездника меняли оттенок, а тут они потемнели.

Понемногу он успокоился, но больше ничего не сказал. А потом Равна услышала звук, который мог исходить из вокодера. Жалобный стон. Звук нарастал, переходя в отчаянный вой. Покруче любых спецэффектов Синепанциря. Это стонала Зеленожка.

Крик едва не достиг болевого порога, а потом оборвался, сменившись сбивчивым трисквелином:

— Это правда! Ох, Синепанцирь, всей нашей жизнью клянусь, правда…

Из вокодера послышались статические помехи. Зеленожка отчаянно затрясла ветками, вертя ими во все стороны, как обезумевший человек вращает глазами навыкате или что-то истерически лепечет.

Синепанцирь тут же вернулся к ней по стене, полез было переналаживать новую тележку. Зеленожка отогнала его взмахом ветвей и продолжила обычным голосом из вокодера:

— Я была в ужасе, Синепанцирь! Это был ужас, чистый ужас. И он не прекращался… — Голос ее

на миг сорвался, перешел в треск, но на этот раз Синепанцирь не двинулся с места. — Я помню все, что со мной было, кроме последних пяти минут. И, любовь моя, все, что говорил Фам, — правда. Я была тебе верна, как и ты мне, уже двести лет, и тебя бы совратили так же быстро, как и меня. — Слова хлынули стремительным потоком, точно вода, пробившая плотину. В основном осмысленные. Ужас глубоко запечатлелся в ней, и Зеленожка только сейчас отходила от жуткого шока. — Я сразу за тобой стояла, помнишь, Синепанцирь? Ты весь ушел в переговоры с бивненогими, так глубоко закопался, что даже не заметил. А я увидела, как приближаются другие наездники. Думала, просто поздороваться захотели — так далеко от дома. Потом один из них коснулся моей тележки. Я… — Зеленожка замялась, ветви ее затрещали, она снова начала: *я была в ужасе, я была в ужасе…* Спустя минуту: — Синепанцирь, это как будто тебе в тележку внезапно закачали новые воспоминания. Новая память, новое отношение к миру. Тысячелетней глубины. И не мое. Мгновенно, мгновенно. Я не теряла сознания. Я мыслила так же ясно, я помнила все, что со мной раньше происходило.

— А когда ты воспротивилась? — тихо спросила

Равна.

— Воспротивилась? О, миледи Равна, я не сопротивлялась. Я стала их… Нет. Не *их*, потому что их тоже подчинили. Мы стали бездушными предметами, интеллект наш перешел на службу чьим-то целям. Мы были мертвы и одновременно живы, потому что понимали это. Я бы вас убила, я бы Фама убила, я бы убила Синепанциря. Вы знаете, я пыталась. И я старалась преуспеть. Вы себе не представляете, Равна. Вы, люди, говорите о насилии. Но вы понятия не имеете… — Длинная пауза. — Нет, не совсем. На Вершине Запределья, внутри самой Погибели: наверное, там все живут так, как довелось мне.

Дрожь не прекращалась, но жесты веток больше не были бесцельны. Она что-то говорила на родном языке и нежно поглаживала ветви Синепанциря.

— Вся наша раса, любовь моя. Точно так, как Фам говорит.

Синепанцирь поник, и Равну замутило, как при вести о гибели Сьяндры Кей. Тогда погибли ее миры, ее семья, ее жизнь. Синепанцирю пришлось хуже.

Равна подлетела немного ближе. Она почти могла коснуться ветвей Зеленожки.

— Фам говорит, что дело тут в больших тележках.

«Диверсия миллиардолетней давности».

— Да, главным образом в них. «Великий дар», который мы, наездники, так почитаем… Тележки разработаны для управления нами, но я боюсь, что и нас самих переделали. Когда моей тележки коснулись, то сей же миг перевербовали. Мгновенно. Все, что я ценила, обессмыслилось. Мы — разумные бомбы, триллионами разбросанные повсюду в пространстве, но нас никто не считает угрозой. Нас намерены использовать выборочно. Мы — тайное оружие Погибели, специально для Нижнего Запределья.

Синепанцирь дернулся и произнес сдавленно:

— Значит, все, что утверждает Фам, верно.

— Нет, Синепанцирь, не все. — Равна припомнила последнее, леденящее душу противостояние с Фамом Нювеном. — Факты истинны, но толкует он их неверно. Пока ваши тележки не совращены, вы ничем не отличаетесь от тех существ, с которыми я решилась путешествовать ко Дну.

Синепанцирь скосил зрительные поверхности, уводя их от Равны: эквивалент сердитого пожатия плечами. Вместо него ответила Зеленожка:

— Пока тележки не совращены. Но как легко

оказалось это сделать, как неожиданно я стала рабыней Погибели!

— Да, но разве это может случиться иначе, как при прямом контакте? Разве вас можно «изменить», просто дав почитать сетевые новости?

Равна мрачно язвила, но бедная Зеленожка восприняла вопрос всерьез.

— Нет, новости по стандартному протоколу нам ничего не сделают. Но передача, направленная на оборудование тележки, — может.

— Значит, мы в безопасности. Ты теперь не ездишь на большой тележке, а Синепанцирь…

— Потому что меня не коснулись, но откуда тебе это знать?

Гнев его по-прежнему был оттенен затаенным стыдом, но стал безнадежным, обратился куда-то очень далеко.

— Нет, любовь моя, тебя не касались. Я бы знала.

— Да. А почему Равна должна тебе верить?

«Все это может оказаться ложью… — подумала Равна. — Но Зеленожке я верю. Я верю, что мы четверо во всем Запределье только и можем уничтожить Погибель. Если бы Фам поверил!» И это вернуло ее к вопросу:

— Ты говоришь, отрыв сокращается?

Синепанцирь утвердительно взмахнул ветками:

— Как только спустимся еще чуть ниже, они нас догонят за считаные недели.

«И тогда уже будет не важно, кто перевербован, а кто нет».

— Думаю, надо нам поболтать с Фамом Нювеном.

С его богосколком и всем остальным.

Равна не представляла себе, как завершится их противостояние. Вполне возможно, что Фам совсем оторвался от реальности и попробует их убить, стоит им только появиться на мостике. Вероятнее, впрочем, яростный спор, полный угроз. И все сначала.

Но… он был почти прежний, как Фам до Гармоничного Покоя. Он впустил их в рубку и ничего не сказал, когда Равна тщательно устроилась между ним и наездниками. Не перебивая, он выслушал объяснения Зеленожки в пересказе Равны.

— Эти двое нам не угроза, Фам. И без их помощи нам ко Дну не добраться.

Он кивнул и поглядел в окна. Некоторые пестрели звездами в естественном обзоре, но бóльшая часть была отведена под ультраволновое слежение: можно сказать, портреты врагов,

догонявших «Внеполосный-II». Отстраненное выражение на миг исчезло с лица Фама, и показался человек, который ее любил. Он был в отчаянии.

— Рав, ты правда во все это веришь? Но *почему*?

Но тут же снова опустилось забрало, и лицо стало спокойным, далеким.

— Не обращай внимания. Очевидно вот что. Если не работать сообща, до мира Когтей ни за что не доберемся. Синепанцирь, я принимаю твое предложение. Работаем сообща, принимая меры предосторожности.

«Пока я не сумею без опаски от тебя избавиться», — услышала Равна невысказанные слова за этой вялой вежливостью. Решающая схватка откладывалась.

Глава 33

По оценкам Фама и Синепанциря, им оставалось меньше восьми недель пути до планеты Когтей. Если зонная погода не переменится. Если их за это время не настигнут.

Менее двух месяцев после уже проведенных в полете шести. Но то будут иные дни. Каждый день бросал вызов, таил противостояние под пленкой цивилизованных взаимоотношений, которую время от времени разрывали прямые угрозы насилием — например, когда Фам обнаружил новую аппаратуру в мастерской Синепанциря.

Фам переселился в командную рубку; покидая ее, он запирал люк личным идентификационным ключом. Он уничтожил (или считал, что уничтожил) все остальные средства привилегированного доступа к корабельной автоматике. Они с Синепанцирем почти все время сотрудничали… но не так, как в былые времена. Каждый шаг давался им с трудом. Синепанцирь объяснял все, но не имел права ничего демонстрировать. Порою их стычки доходили до края, когда Фам вынужденно выбирал из двух зол меньшее. Ибо с каждым днем преследователи чуть сокращали

отставание: две банды убийц и то, что осталось от флота Сьяндры Кей. По всей видимости, часть Коммерческой охраны уцелела, сохранила боеспособность и теперь жаждала отомстить Альянсу. Равна как-то предложила Фаму выйти с Коммерческой охраной на связь, чтобы убедить тех повернуть оружие против Погибельного флота. Фам посмотрел на нее без всякого выражения.

— Пока не требуется, а может, и никогда не потребуется, — сказал он, отворачиваясь. В каком-то смысле ответ его принес облегчение: битва эта, несомненно, оказалась бы самоубийственной. Равна не желала остаткам своего народа погибнуть во имя ее.

Итак, «Внеполосный-II» успевал на планету Когтей раньше врага, но каким кратким получалось это опережение! Бывали дни, когда Равна срывалась в горестный плач. Мысли о Джефри с Зеленожкой, однако, помогали ей держать себя в руках. Эти двое нуждались в ней. Еще несколько недель в пути не уменьшат этой потребности.

Оборонительные планы Стального Владыки воплощались в жизнь. Когти даже достигли определенных успехов с этим широкодиапазонным радио. Стальной сообщал, что главные

силы Древорезчицы уже выступили на север; гонку со временем вели несколько участников. Равна долгие часы копалась в библиотеке «Внеполосного-II», пытаясь придумать, какие еще изобретения пригодятся друзьям Джефри. Некоторые устройства, вроде подзорных труб, несложно было изготовить, но другие… Овчинка не стоила выделки. Даже если Погибель одержит победу, флот ее может проигнорировать разборки туземцев, занимаясь уничтожением «Внеполосного-II» и возвращением *контрмеры*.

Зеленожка понемногу поправлялась. Поначалу Равну терзали опасения, что это улучшение лишь мнимое. Ежедневно она проводила много времени рядом с наездницей, пытаясь добиться прогресса в общении. Зеленожка блуждала где-то далеко — так ведут себя разбитые инсультом люди на стадии восстановления. В общем-то, после членораздельной первой беседы о пережитом ужасе наездница даже несколько регрессировала. Возможно, недавнее улучшение действительно привиделось Равне и она, охваченная сочувствием, просто выдала желаемое за действительное. Синепанцирь настаивал, что Зеленожка поправляется, но вел себя при этом со своим обычным упрямством. Две недели, три — стало ясно, что

интерфейс взаимодействия наездницы с новой псевдотележкой понемногу приживается. Зеленожка осмысливала происходящее, постоянно фиксировала в памяти важные переживания… Она даже помогала Равне. Иногда наездница замечала то, что от девушки ускользало.

— Сир Фам не единственный боится нас, наездников. Синепанцирь тоже испуган, и страх этот рвет его на части. Он даже мне в этом не признается, но полагает, что нас могли инфицировать независимо от тележек. Он отчаянно стремится убедить меня, что Фам ошибался, а заодно и самого себя.

Она долго молчала, поглаживая веточкой по руке Равны. В каюте слышались звуки моря, но прибоя корабельная автоматика воссоздать не могла.

— Я вздыхаю. Мы обязаны вообразить себе прибой, дорогая моя Равна. Где-нибудь всегда есть прибой, что бы ни стряслось на Сьяндре Кей, что бы ни случилось с нами.

Наедине с подругой Синепанцирь был сама сердечность, но стоило ему остаться с Равной, как прорывался гнев:

— Нет-нет, я не протестую против курса, проложенного сиром Фамом. По крайней мере, сейчас.

Возможно, мы бы сумели продвинуться чуть дальше, если б я сидел за штурвалом, но самые быстрые суда преследователей все равно нагоняли бы нас. Тут дело в другом, миледи. Вы знаете, как ненадежна здесь, внизу, автоматика. Фам же уродует ее еще больше. Он написал собственные программы и установил поверх существующих инструкций систем безопасности. Он превратил рабочую среду корабельной автоматики в нагромождение ловушек.

Равна и сама это видела. Подступы к мастерским и командной рубке «Внеполосного-II» производили впечатление военных блокпостов.

— Ты знаешь, чего он опасается. Если ему так спокойнее…

— Дело не в этом, миледи. Я бы ему позволил все, что угодно, рискни он принять мою помощь. Но его действия попросту опасны. Наша придонная автоматика и так ненадежна, а он дополнительно ее корежит. В случае непредвиденных осложнений рабочая среда, скорее всего, попросту отрубится. Последствия могут быть любыми — отказ термоконтроля, утечка воздуха и так далее.

— Я…

— Разве он не понимает? Фам не контролирует

ничего! — Голос из вокодера сорвался в нелинейный писк. — Он властен разрушать, и ничего более! Ему нужна моя помощь. Он был моим другом. Разве он не понимает?

Фам понимал… о да, Фам понимал. Они с Равной пока еще общались. Таких тяжелых споров у нее ни с кем в жизни не бывало. Временами, однако, споры приближались к рациональной дискуссии.

— Я не одержим, Равна. По крайней мере, не в том смысле, в каком Погибель контролирует наездников. Моя душа мне принадлежит.

Он отвернулся от консоли и слабо улыбнулся ей, признавая уязвимость подобных заверений. Но улыбки вроде этой убеждали Равну, что Фам Нювен еще жив и иногда говорит с нею.

— А как насчет богосколка? Я же вижу, как ты часами напролет просто сидишь и смотришь на дисплей слежения, роешься в библиотеке или читаешь новости, — сканируя информацию на скорости куда выше человеческой.

Фам пожал плечами:

— Я изучаю наших преследователей, пытаюсь выяснить, кто какими кораблями управляет, какая у них боевая мощь. Подробностей я не знаю. В такие минуты самосознание отдыхает.

И разум Фама полностью превращается в процессор, выполняющий загруженные Стариком программы. Несколько часов в состоянии фуги, бывало, дарили прозрение, достойное Силы, но даже его он потом не мог вспомнить.

— Я отдаю себе в этом отчет. Что бы такое ни было этот богосколок, он очень специфичен. Он неживой — в каком-то отношении даже не очень разумный. Повседневные функции, вроде управления кораблем, он возлагает на старого доброго Фама Нювена.

— И мы, Фам, хотим тебе в этом помочь, в частности — Синепанцирь, — тихо говорила Равна. В этом месте Фам обычно впадал в ледяное молчание или взрывался от ярости. Сегодня он лишь грустно нахохлился.

— Равна, Равна. Я понимаю, он мне нужен… И да, я рад, что он мне нужен. Мне не пришлось его убивать. Пока.

Губы Фама мгновение дрожали, и Равне почудилось, что он вот-вот разрыдается.

— Богосколку Синепанцирь неизвестен…

— Это не богосколок. Не он заставляет меня действовать подобным образом. Я действую, как действовал бы любой на моем месте при столь высоких ставках.

Он говорил без гнева. Может, есть еще шанс. Возможно, получится его урезонить.

— Синепанцирь и Зеленожка лояльны нам, Фам. Не считая происшествия на Гармоничном Покое…

Фам вздохнул:

— Да, я много об этом размышлял. Они прибыли на Маршрутизатор со Страумлианского Простора. Они обратили внимание Вриними на корабль беженцев. Это пахнет подставой, но если даже так, то их, вероятно, использовали вслепую. Возможно, противники Погибели. В любом случае тогда они еще не были одержимы, иначе Погибель бы с самого начала знала про мир Когтей. А Погибель ничего не знала до самого Гармоничного Покоя, пока не перевербовали Зеленожку. Синепанцирь же остался верен даже тогда. Он знал, как работает моя броня — например, как я высылаю дистанционные устройства, — и мог бы предупредить их, но не стал.

Равну охватила нежданная надежда. Он и вправду о многом размышлял, и…

— Дело тут исключительно в тележках, Фам. Это взведенные капканы. Но мы здесь в изоляции, а Зеленожкину ты спалил.

Фам уже качал головой:

— Это не просто тележки. Погибель и к самим наездникам приложила лапу, хотя бы частично. Не могу себе представить, как бы иначе произошла сверхъестественно быстрая перевербовка Зеленожки.

— Д-да, мы рискуем. Но это малый риск в сравнении с…

Фам не шевельнулся, но что-то в нем отдалилось от нее, отвергая возможное предложение поддержки.

— Малый риск? Этого мы не знаем. Ставки слишком высоки. Я за соломинку хватаюсь. Если не прибегнуть сейчас к помощи Синепанциря, флот Погибели нас вышибет из пространства. Если же слишком ему довериться, он — или какая-то часть его — может предать нас. У меня ничего нет, кроме богосколка и пригоршни воспоминаний, которые… достоверны менее всего прочего. — Последние слова он произнес едва слышно. Поднял холодный отчаянный взгляд на девушку. — Но я намерен сражаться тем, что у меня есть, Рав, и таким, какой я есть. Как-нибудь я доставлю нас на планету Когтей. Как-нибудь я дотащу богосколок Старика к тому, что там нас ожидает.

Еще через три недели прогнозы Синепанциря

начали сбываться.

В Срединном Запределье «Внеполосный-II» держался бойко, и даже поврежденный ультрадвигатель сдался не сразу. Теперь из корабельных программ так и лезли баги. Большинство не имели ничего общего с самопальными программами Фама. Окончательная проверка оборудования так и не состоялась, и доверия придонная автоматика «Внеполосного-II» в любом случае не заслуживала. Однако ее глюки осложнялись отчаянными попытками Фама перекроить систему безопасности.

В корабельной библиотеке имелись исходники общей придонной автоматики. Фам несколько дней работал не покладая рук — переделывал их для «Внеполосного-II». Когда настала пора применить обновления, все четверо собрались на мостике. Синепанцирь пытался помочь, Фам подозрительно следил за всеми его действиями. Через тридцать минут вниз по главному коридору раздалось приглушенное буханье. Равна не обратила бы внимания, но ничего подобного на борту «Внеполосного-II» ей раньше слышать не доводилось.

Реакция Фама и наездников была близка к панической, необъяснимые стуки в ночи космо-

проходцев напрягают. Синепанцирь метнулся к люку, сунул туда ветки:

— Я ничего не вижу, сир Фам.

Фам быстро просмотрел выдачу диагностических утилит. Из-за обновлений форматы покорежились и перемешались.

— Я тут вижу некоторые тревожные сигналы, но…

Зеленожка начала что-то советовать, но Синепанцирь уже вернулся и затрещал:

— Я им не верю. Любое такое происшествие уже отразилось бы в детальном отчете со снимками. Что-то не в порядке, очень сильно не в порядке.

Фам секунду смотрел на него, потом отвернулся к диагностическим дисплеям. Прошло пять секунд.

— Ты прав. Окно отчета о состоянии зациклилось. Выдает старые результаты.

Он лихорадочно переключал картинки с разбросанных по «Внеполосному-II» камер. Отвечала едва ли половина, но что они показывали! Водный резервуар корабля превратился в затянутую туманом ледяную пещеру. Оттуда-то и доносились глухие удары — тонны воды вылетали в космос. Еще дюжина вспомогательных подсистем жизнеобеспечения сбрендила, и… и вдобавок

свихнулся блокпост возле мастерской. Лучеметы вели непрерывную стрельбу на малой мощности. Однако, невзирая на очевидный урон, диагностические индикаторы по-прежнему сияли зеленым или янтарным или вообще не отвечали. Фам запросил вид из мастерской. Там был пожар.

Фам отстегнулся и оттолкнулся от потолка. На миг Равне показалось, что он сейчас бросится прочь с мостика. Потом он овладел собой и мрачно принялся тушить огонь.

Следующие несколько минут на мостике царила тишина, временами прерываемая тихой бранью Фама: никакое из очевидных решений не срабатывало.

— Каскад отказов, — пробормотал он пару раз. — Автоматика огнетушителей вырубилась… Не могу откачать из мастерской воздух. Мои лучеметы там все пережгли.

Пожар на корабле. Равна видела изображения подобных катастроф, но они всегда казались ей маловероятными. Разве может пламя долго продержаться в сердце абсолютного вакуума? К тому же при нулевой гравитации пожар сам задохнется и без откачки воздуха. Камера из мастерской показывала размытую картинку в прямом эфире: да, пламя выжирало кислород и некоторые листы

изолирующей пены едва-едва обгорели, изолированные возникшими пустотами. Но пожар продолжал распространяться, медленно продвигаясь туда, где еще был воздух. Кое-где тепловая турбулентность обогащала его кислородом, и выгоревшие было области вспыхивали снова.

— Вентиляция все еще работает, сир Фам.

— Знаю. Не могу ее отключить. Механизм заплавило в открытом положении, наверное.

— Все же думаю, что ошибка программная. — Синепанцирь мгновение помолчал. — Попробуйте вот так… — Указания наездника Равне ничего не говорили. Какие-то низкоуровневые команды.

Но Фам кивнул, и пальцы его заплясали над консолью.

В мастерской языки пламени, подбираясь к корпусу, прогрызали конструкционную пену. Теперь они лизали внутренние части брони, на которую Фам потратил столько времени. Последняя версия была готова лишь наполовину. Равна вспомнила, что Фам планировал приделать к доспехам реактивные двигатели… *Там же окислители!*

— Фам, а броня герме…

Огонь был в шестидесяти метрах и скрыт дюжиной переборок. Раздался взрыв: далекий тупой

удар, издалека — так, ничего особенного. Но в камере было видно, что броня разлетелась на части и пламя, торжествуя, воссияло еще ярче.

Через несколько секунд Фам закончил вводить рекомендованные Синепанцирем команды, и вентиляция в мастерской отключилась. Огонь продолжал пожирать остатки брони еще полчаса, но дальше по мастерской не распространялся.

На расчистку пепелища, оценку ущерба и проверки, не затаилась ли где новая напасть, ушло еще двое суток. Бóльшая часть мастерской была уничтожена огнем. На планете Когтей придется обойтись без брони. Фам спас один из лучеметов, стерегших подступы к мастерской. Классический каскад случайных взаимосвязанных ошибок охватил весь корабль. Они потеряли пятьдесят процентов запаса воды. Посадочная шлюпка лишилась почти всей вершинной автоматики.

Ракетный двигатель «Внеполосного-II» сильно пострадал. В межзвездном пространстве это было не страшно, однако заключительный этап путешествия предусматривал компенсацию скорости при ускорении 0,4g. Слава небесам, антиграв уцелел, и в гравитационных колодцах, то бишь на планете Когтей, маневрировать можно будет без труда.

Равна понимала, как близка была гибель, и с ужасом наблюдала за Фамом. Она боялась, что он примет случившееся за новое, окончательное доказательство измены наездников и совсем слетит с катушек. Как ни странно, случилось противоположное. Боль и отчаяние Фама были очевидны, однако с цепи он не сорвался, а лишь принялся блуждать по кораблю, бесцельно ковыряясь в обломках. Он теперь чаще говорил с Синепанцирем. Автоматику модифицировать еще не позволял, но советы принимал охотнее. Вместе они восстановили корабль до некоего подобия прежнего, допожарного вида.

Равна спросила Фама на этот счет.

— Я не изменил своего мнения, — ответил он наконец. — Я вынужден был уравновешивать риски и просчитался. А может, равновесия никакого и нет. Может быть, Погибель нас одолеет.

Богосколок слишком многое доверил Фаму сделать самостоятельно. Теперь паранойя его несколько ослабевала.

В семи неделях пути от Гармоничного Покоя и менее чем в неделе от того, что их ожидало на планете Когтей, Фам впал в многодневную фугу. Прежде он был сильно занят бесплодными попытками проверить всю автоматику, какая

могла им пригодиться у Когтей. Сейчас Равна не могла его даже поесть дозваться.

Дисплей навигатора показывал три флота, размеченные по интуитивным догадкам Фама и данным новостных групп: агенты Погибели, Альянс во Имя Защиты и остатки Коммерческой охраны Сьяндры Кей. Смертоносные чудовища и останки их жертвы. Альянс регулярно отсылал бюллетени о своем продвижении в новостные группы. Коммерческая охрана Сьяндры Кей ответила парой кратких опровержений, по большей части храня молчание: к пропаганде они либо не привыкли, либо, что вероятнее, не интересовались ею. Коммерческой охране больше ничего не осталось, как искать личного возмездия. А Погибельный флот? В новостях он о себе не заявлял. Сопоставляя данные по срокам вылета и потерянным кораблям, Наблюдатели войны пришли к выводу, что собрана флотилия в спешке, из подручных судов, контролировавшихся Погибелью внизу на момент известия Гармоничного Покоя о катастрофе. Равна же знала, что Наблюдатели войны кое в чем ошиблись: флот Погибели не был безмолвен. Тридцать раз за последние недели он отправлял сообщения «Внеполосному-II»… В формате данных для программ управления

тележкой. Фам велел кораблю отбрасывать все такие сообщения непрочитанными — и беспокоился, следует ли судно его приказу. В конце концов, «Внеполосный-II» спроектирован наездниками.

Но му́ка, терзавшая его, ушла с поверхности на глубину. Фам целыми часами сидел, уставясь в экран. Вскоре остатки флотилии Сьяндры Кей сблизятся с флотом Альянса. Хотя бы эти мерзавцы поплатятся за всё. Но ведь останутся Погибельный флот и по меньшей мере часть сил Альянса… Быть может, фугу вызвало отчаяние беспомощного богосколка.

Прошло три дня, и Фам пришел в себя. Лицо его слегка заострилось, но выражение приобрело более вменяемое, чем в предыдущие недели. Он попросил Равну привести на мостик наездников.

Когда это было сделано, Фам показал им заполнившие окошко ультраволновые следы. Три флотилии выстроились в подобии цилиндра, глубиной пять световых лет и диаметром три. Дисплей показывал только часть этого объема, сердцевинную зону, где разместились самые скоростные суда преследователей. Текущее местоположение каждого отмечалось искоркой света в начале бесконечного следа меньших,

тускнеющих огоньков — ультраволновой отпечаток корабельного двигателя.

— Я отметил наиболее вероятные траектории каждого флота красным, синим и зеленым.

Самые быстрые корабли собрались в комок такой плотный, что в разрешении навигатора он казался белесым, с торчащими наружу цветными нитями. Были и другие тэги, а также аннотации, смысла которых Фам, как признался Равне, и сам не понимал.

— Передний фронт этой оравы — быстрейшие из быстрых — продолжает сокращать отставание.

Синепанцирь нерешительно предложил:

— Мы могли бы немного улучшить скоростные показатели, доверь вы мне управление. Ненамного, но…

Ответ Фама был, по крайней мере, вежливым:

— Нет, я о другом думаю. О предложении, которое Равна высказала раньше. Такая возможность всегда оставалась, и… я… думаю, время ее рассмотреть.

Равна подлетела ближе к дисплею, разглядывая зеленые следы. Распределение их приблизительно отвечало тому, что сообщали новостные группы о Коммерческой охране Сьяндры Кей.

«Все, что осталось от моего народа».

— Они пытаются выйти на огневой контакт с Альянсом уже сто часов.

Их с Фамом взгляды пересеклись.

— Да, — тихо согласился он. — Бедняги. В буквальном смысле — флот из порта Отчаяние. На их месте я бы… — Его лицо снова стало бесстрастным. — Есть у тебя предположение об их вооружении?

Вопрос был скорее риторический, но задавал тему для обсуждения.

— Наблюдатели войны полагают, что Сьяндра Кей ожидала неприятностей с момента, когда Альянс впервые бросил клич «истребить паразитов». Коммерческая охрана была дальнекосмическим оборонительным эшелоном. Их флотилия состоит из переделанных грузовозов, оснащена была оружием местного производства. Наблюдатели войны заявляют, что, ожидай Альянс серьезного сопротивления, он бы выдвинул в бой такие силы, что Коммерческая охрана все равно бы с ними не сладила. Проблема в том, что на случай атаки с разрушением планет Сьяндра Кей приготовлений не вела вообще. И когда появился флот Альянса, наши выдвинулись им навстречу…

— …пока кинетические боеголовки летели прямо в сердце Сьяндры Кей.

«В мое сердце»[16].

— Да. Вероятно, Альянс разгонял их неделями.

Фам Нювен коротко рассмеялся:

— Командуй я флотом Альянса, я бы немного занервничал. Они в меньшинстве, а переделанные грузовозы здесь, внизу, по скорости ничем не хуже любых других кораблей. Бьюсь об заклад, любой пилот со Сьяндры Кей без раздумий пожертвует собой, лишь бы отомстить. — Эмоциональный всплеск утих. — Хм. Истребить все суда Альянса или Погибели, не говоря уж про обе цели, им не под силу. Бессмысленно… — Взгляд его неожиданно заострился на Равне. — Если оставить все как есть, флот Сьяндры Кей в конце концов поравняется с Альянсом и попытается выбить их из этой юдоли.

Равна только кивнула.

— Говорят, что через двадцать часов или около того.

— А затем у нас на хвосте останется только флот Погибели. Но если уговорить твоих людей сразиться с истинным врагом…

---

[16] Примечания: 16

Название планеты Херте, центрального мира Сьяндры Кей, образовано от норвежского hjerte — «сердце».

Равна не раз в кошмарах видела эти планы. Все, что осталось от Сьяндры Кей, гибнет, спасая «Внеполосный-II»… пытаясь спасти их. Вероятность, что сьяндранцам повезет уничтожить все корабли Погибели, была очень мала. Но они прилетели сюда сражаться. Почему бы не обратить их стремление к настоящей цели? Так нашептывал ей кошмар. Каким-то образом эти подначки совпадали с планами богосколка.

— У нас проблемы. Они не знают, что мы здесь делаем и зачем третий флот за нами гонится. Что бы мы ни крикнули им, обернувшись, нас подслушают.

Ультраволновик мог вести направленную передачу, но большинство преследователей уже слишком близко.

Фам кивнул:

— Нужен способ поговорить с ними наедине. Нужно уговорить их сразиться за нас. — Слабая улыбка. — И я считаю, что у нас как раз имеется для этого необходимое… *оборудование.* Синепанцирь, помнишь ту ночь на Высоких Причалах? Ты нам тогда рассказал про «испорченный груз» со Сьяндры Кей.

— Действительно, сир Фам. Мы перевозили треть шифра, сгенерированного Коммерческой

охраной Сьяндры Кей для нужд дальней связи. Он все еще тут, в корабельном трюме, хотя без остальных двух третей бесполезен.

В расчете на единицу массы криптосубстраты были величайшей ценностью межзвездной торговли — но, будучи скомпрометированы, практически обесценились. Где-то в грузовых файлах «Внеполосного-II» — одноразовый шифр для коммуникационного оборудования Сьяндры Кей. Фрагмент шифра.

— Бесполезен? Может, и нет. Даже треть шифра обеспечит нам безопасную связь.

Синепанцирь колебался.

— Я не хотел бы вас понапрасну обнадеживать. Ни один вменяемый пользователь не примет такую передачу. Да, связь будет безопасна, но у другой стороны нет способа проверить личность собеседника.

Взгляд Фама вновь обратился к Равне и вновь — слабая улыбка.

— Если прислушаются, думаю, я смогу их убедить… Тонкость в том, что я хочу обратиться лишь к одному из них.

Фам объяснил, что имеет в виду. Наездники в продолжение речи Фама слабо шелестели. Проведя с ними столько времени, Равна уже кое-что

понимала — а может, просто изучила их личности. Синепанцирь, как обычно, тревожился: идея казалась ему нереализуемой. Зеленожка умоляла выслушать.

Но когда Фам закончил объяснения, наездник возражать не стал.

— На расстоянии семидесяти световых лет ультраволновая связь между кораблями вполне возможна и без антенного роя. Вероятно, видеосвязь тоже удастся наладить. Но вы правы, луч, расширяясь по мере распространения, охватит все корабли центрального флотокластера. Если получится точно установить принадлежность определенного судна флотилии Сьяндры Кей, то ваш замысел будет реален; корабль воспользуется флотскими кодами для перенаправления передачи. Но, если честно, я обязан вас предупредить, — продолжал Синепанцирь, отмахнувшись от Зеленожки, — что профессиональные связисты, скорее всего, не ответят на ваш запрос с предложением беседы. Даже не распознают таковой в передаче.

— Не глупи, — сказала наконец Зеленожка тихим, но решительным голосом из вокодера. — Ты всегда так говоришь, если только не с клиентами о завершении сделки.

— Бррап. Да. Отчаянные времена, отчаянные меры. Я и сам не прочь попробовать, но я боюсь… Я требую не обвинять наездников в измене, сир Фам. Я ставлю вам такое условие.

Фам Нювен улыбнулся ему:

— Я так и думал.

Флот Аньяры. Так называли себя остатки Коммерческой охраны. Аньярой назывался корабль из древнечеловеческой мифологии, из донюйорских преданий, восходящих предположительно ко временам тувинско-норвежских кооперативов астероидного пояса Солнечной системы Старой Земли[17]. В этом мифе Аньяра была крупным кораблем, отправившимся в межзвездные бездны как раз перед гибелью родной цивилизации. Экипаж видел агонию родной системы, а потом, уходя все дальше и дальше в бесконечную тьму, погибал и сам, от постепенного отказа систем жизнеобеспечения. От этой картины кровь стыла в жилах; вероятно, потому-то образ и удержался в культуре по прошествии тысячелетий. Когда погибла Сьяндра Кей, а Коммерческая охрана совершила вынужденный исход, миф об Аньяре

[17] Примечания: 17

«Аньяра» — научно-фантастическая поэма шведского писателя Харри Мартинсона, лауреата Нобелевской премии (1974, совм. с Эйвиндом Йонсоном). Название образовано от греческого слова «отчаяние».

неожиданно обрел новое содержание.

«Но до конца мы этой пьесы не сыграем». Групп-капитан Кьет[18] Свенсндот уставился на дисплей навигатора. На сей раз цивилизация была убита, а не просто погибла, и убийцы были в досягаемости. Уже много дней командование флота маневрировало, подбираясь вплотную к Альянсу. Дисплей показывал, что успех уже очень близок. Бóльшая часть кораблей Альянса и Сьяндры Кей сливалась в сверкающий клубок ультраволновых следов — и был там третий флот, безмолвный. Глядя на дисплей, легко было обмануться и решить, что битва уже начинается. Фактически корабли противников делили одно пространство, проходя друг от друга в каком-то миллиарде километров, но оставались разделены миллисекундами времени. Все суда шли на ультрадвигателях, совершая около дюжины скачков за секунду. И даже на Дне Запределья за каждый скачок пролетали ощутимую долю светового года. Чтобы вступить в бой с врагом, который уклоняется от огневого контакта, требовалось идеально совместить векторы скоростей и наводнить пространство боевыми автономниками.

---

[18] Примечания: 18
От норвежского имени Kjetil — «боевой шлем; священный котел».

Групп-капитан Свенсндот перелистнул окно, запросив позиции кораблей, которым уже удалось синхронизироваться с Альянсом. Почти треть флота. Еще пара часов, и…

— Проклятье! — Он отпихнул планшет через рубку, и дисплейник закувыркался.

Старший помощник поймал его и отправил обратно.

— Обычное проклятие или новое? — поинтересовался Тиролль.

— Обычное. Извини.

И то правда. У Тиролля с Глимфреллем хватало своих проблем. Несомненно, в Запределье остались еще разбросанные поселения людей, сокрытые до поры от Альянса. Но дирокимы уцелели только на флоте Коммерческой охраны. Если не считать сорвиголов вроде Тиролля и Глимфрелля, вся их раса проживала в обителях грез Сьяндры Кей.

Что до Кьета Свенсндота, то он служил в Коммерческой охране уже двадцать пять лет. Начинал в те времена, когда корпорация состояла из горстки наемников. Тысячи часов он положил, чтобы стать лучшим боевым пилотом в организации. Но в бою побывал только дважды. Кто-то бы на его месте пожалел. Свенсндот и его

начальники воспринимали это как награду за отличную работу. Опыт Свенсндота позволил ему пробиться в пилоты лучших кораблей Коммерческой охраны, вплоть до собственного. «Эльвиру» капитан купил за часть колоссальных бонусов, выплаченных Сьяндрой Кей при первых угрозах Альянса. «Эльвира» — это вам не переделанный грузовоз, а вооруженный до последнего винтика боевой корабль. Он мог похвастаться лучшими интеллект-процессорами и ультрадвигателями, какие только способны работать в Запределье на глубинах Сьяндры Кей. В команде служили всего трое, а сражение пилот мог вести в одиночку, при помощи искусственного интеллекта. Боезапас «Эльвиры» составлял более десяти тысяч самонаводящихся бомб, каждая умнее целого двигателя среднестатистического грузовоза. Отличная награда за двадцать пять лет безупречной службы. Свенсндоту даже позволили дать кораблю имя.

А теперь… Что ж, *та* Эльвира, скорее всего, мертва. Вместе с миллиардами других сьяндранцев, которых Коммерческой охране полагалось защитить, она была на Херте, во внутренней системе. Термоядерные боеголовки живых не оставляют.

А красавец-корабль, носивший ее имя, в это

время рыскал за полгода от пределов системы, тщетно выискивая врагов. Их там не было. В честном бою Кьет Свенсндот и «Эльвира» проявили бы себя блестяще. Вместо этого им пришлось гнаться за врагом ко Дну Запределья. Каждый новый световой год уводил их все дальше от областей космоса, для которых создавалась «Эльвира». С каждым световым годом процессоры работали все медленнее (если вообще работали). Здесь, внизу, переоборудованные грузовозы — едва ли не оптимальный выбор. Тупые, неуклюжие, обслуживаемые десятками человек, они продолжали работать. А «Эльвира» уже отстала на пять световых лет. Именно грузовозы пойдут в атаку на флот Альянса. Кьет снова окажется в положении беспомощного наблюдателя и будет смотреть, как гибнут друзья.

Свенсндот в сотый раз воззрился на дисплей системы слежения, замышляя мятеж. Альянсу тоже пришлось несладко: «высокоэффективные» суда тащились позади центровой стаи. Но ему было приказано блюсти позицию и координировать наступление более проворных кораблей флотилии. Что ж, придется подчиниться приказам… напоследок. Но когда битва закончится, а флот погибнет, уничтожив перед тем столь-

ко альянсовцев, сколько сумеет, — вот тогда Кьет Свенсндот задумается о личном возмездии. Кое-какие планы он возлагал на Тиролля и Глимфрелля. Уговорит ли он их бросить погоню за остатками Альянса и вернуться в Срединное Запределье, где «Эльвире» равных нет? Звездные системы тех, кто прикрывался Альянсом во Имя Защиты, уже были идентифицированы достаточно точно. Убийцы хвастались своими злодеяниями. Вероятно, так они рассчитывают заполучить себе приверженцев. Но могут явиться и гости вроде «Эльвиры». Бомбы во чреве корабля способны уничтожить планету, хотя они и не так быстры, как использованные на Сьяндре Кей. Впрочем, даже сейчас Свенсндота мутило при мысли о таком способе воздаяния. *Нет.* Цели надлежит выбрать более тщательно: корабли, идущие в новые флоты Альянса, и плохо защищенные конвои. «Эльвира» продержится дольше, если будет нападать исподтишка, не оставляя свидетелей. Он неотрывно глядел на экран, игнорируя собравшуюся в уголках глаз влагу. Всю жизнь он подчинялся законам. Зачастую его работа и состояла в том, чтобы предотвращать такие акты возмездия… А сейчас ему ничего в жизни не осталось, кроме мести.

— Кьет, я кое-что особенное поймал. — На вахте был Глимфрелль. В принципе сигналы должна отслеживать автоматика, и в нормальной рабочей среде «Эльвиры» так и происходило. Теперь это занятие, скучное и изнуряющее, свалилось на экипаж.

— Что там опять? — спросил Тиролль. — Снова какая-то чухня из Сети?

— Нет. Это передача с того придонного люггера, за которым тут все гонятся. Никто другой это быть не может.

Свенсндот поднял брови. Он переключился на загадку с невероятным, едва осознаваемым удовольствием.

— Характеристики сигнала?

— Сигнальный процессор корабля считает, что передача узконаправленная. Вероятно, мы — единственный адресат. Сигнал мощный, полоса пропускания достаточная для двумерного видео. Если бы только наш прожорливый ЦСП нормально работал… Я бы знал… — ‘Фрелль издал короткую трель, которая у его расы соответствовала нетерпеливому бормотанию под нос. — Ийя! Сигнал зашифрован по верхнему слою. Синтаксическая кодировка видео — сорок пять. Вообще-то, он утверждает, что использовал треть шифра

Компании годичной давности.

На миг Свенсндот подумал, что ‘Фрелль полагает сообщение само по себе разумным, но здесь, на дне, такое совершенно невозможно. ‘Фрелль, вероятно, прочел это по его взгляду:

— Простите мое просторечие, начальник. Я это в описании фрейма вычитал… — По его дисплею что-то пронеслось. — Ага, с шифром дела такие: Компания разработала его и сопутствующие фрагменты для нужд межсудовой связи в конвоях. — Раньше, до атаки Альянса, это был высший уровень шифрования в организации. — Третью часть так и не доставили. Весь шифр был сочтен скомпрометированным, но, чудо из чудес, у нас осталась его копия.

‘Фрелль и ‘Ролль испытующе глядели на Свенсндота крупными темными глазами. Стандартная политика — в пору стандартных приказов — предписывала игнорировать передачи, зашифрованные скомпрометированными ключами. Если бы сигнальщики Компании блох не выкусывали, испорченный шифр вообще бы не попал на борт и проблема решилась бы сама собой.

— Расшифрровать, — коротко бросил Свенсндот. События последних недель продемонстрировали вопиющую некомпетентность Компании

в делах военной разведки и связи. А вдруг эта некомпетентность принесет и какую-то пользу?

— Есть, капитан!

Глимфрелль стукнул по клавише. Где-то в сигнальном процессоре «Эльвиры» длинная последовательность псевдослучайного шума расщепилась на фреймы и наложилась на псевдослучайный шум во фреймах входящих данных. После заметной паузы (будь проклято это Дно) окно коммуникатора показало двумерную видеотрансляцию:

— …повторяем сообщение в четвертый раз…

Она говорила на самношке, на чистейшем херте-сьяндранском диалекте. Говорила… У него чуть сердце не выскочило из груди, когда он снова увидел Эльвиру живой. Медленно переведя дух, он заставил себя успокоиться. Темноволосая, стройная, с фиолетовыми глазами — совсем как Эльвира. И как миллион других женщин Сьяндры Кей. Сходство, несомненно, присутствовало, но весьма отдаленное: раньше он бы ни за что не обманулся. На миг Кьет увидел Вселенную за пределами флота обреченных и цели за пределами возмездия. Потом, насилу собрав мысли в кучу, впился глазами в экран.

Девушка произнесла:

— Мы повторим его еще трижды. Если вы не ответите, мы попробуем связаться с другим кораблем.

Она отлетела от камеры, показав, что у нее за спиной. Каюта была просторная, но с низким потолком. Господствовал в ней дисплей ультраволнового навигатора, но Свенсндот не обратил на него внимания. В каюте находились два наездника. У одного на тележке полосы: выдают опыт торговых миссий на Сьяндре Кей. Второй, вероятно, меньшетележечный, тележка у него была маленькая, без колес. Камера повернулась, сфокусировалась на четвертой фигуре. Человек? Если и так, то явно не нюйорской линии. В иное время его появление произвело бы фурор во всех человеческих цивилизациях Запределья. Теперь же Свенсндот, краем сознания отметив этот факт, лишь насторожился.

Девушка продолжила:

— Вы видите здесь людей и наездников. Мы и есть экипаж «Внеполосного-II», больше никого. Мы не сотрудничаем с Альянсом во Имя Защиты или Погибелью. Но именно за нами гонятся их флотилии здесь, внизу. Если расшифровали это сообщение, то, скорее всего, вы со Сьяндры Кей. Нам надо поговорить с вами. Пожалуйста,

отвечайте, используя завершающий фрагмент одноразового шифра, которым закодировано наше сообщение. — Картинка дернулась, лицо девушки снова заполнило экран. — Мы повторяем сообщение в пятый раз. Мы повторим его еще дважды…

Глимфрелль выключил звук:

— Если это так, у нас еще около ста секунд. Что делать, капитан?

Внезапно «Эльвира» перестала быть никчемушным тормозом.

— Поговорим с ними, — ответил Свенсндот.

Отклик и новый запрос отняли считаные секунды. Затем… пятиминутный разговор с Равной Бергсндот убедил Кьета, что слова ее необходимо повторить перед командованием флота. Его корабль будет просто маршрутизатором, но все же хоть как-то, а пригодится.

Командование отвергло полную видеоссылку с «Внеполосного-II». Кто-то на флагмане был твердо убежден в необходимости следовать стандартным процедурам — и скомпрометированные шифроключи им там поперек зоба встали. Даже Кьету пришлось переключиться в боевой режим: на дисплее появилось цветное изображение высокого разрешения. Внимательно вглядев-

шись, легко было распознать в нем скверную эвокацию. Кьет узнал Владелицу Лимменде[19] и Яна Скритса, начштаба, но выглядели картинки устаревшими на несколько лет. Это «Эльвира» подгоняла старое видео под переданные анимационные ключи. Канал реальной связи сузился меньше чем до четырех килобит в секунду; командование не хотело рисковать.

Бог его знает, что они там видели вместо Фама Нювена. Человек с кожей цвета дыма уже несколько раз объяснил свою идею. Преуспел он ничуть не больше, чем до него — Равна Бергсндот. Залихватская манера его постепенно уступала место отчаянию.

— …Я же вам говорю, они оба ваши враги. Конечно, это Альянс во Имя Защиты уничтожил Сьяндру Кей, но Погибель спровоцировала ситуацию, в которой это стало возможным.

Мультяшная фигура Яна Скритса переглянулась с Владелицей Лимменде. «Господи, какая же на Дне хреновая эвокация», — подумал Свенсндот. Когда Скритс заговорил, движения губ даже не отвечали словам:

— Мы тоже читаем группу Угроз, господин

---

[19] Примечания: 19
Limmende — «обжора» (*швед., жарг.*).

Нювен. Угроза Погибели стала предлогом к уничтожению наших миров. Мы не намерены в неразберихе рубить направо и налево, а уж тем более — ввязываться в бой с теми, кто враг нашему врагу… Или вы утверждаете, что Погибель заодно с Альянсом во Имя Защиты?

Фам сердито пожал плечами:

— Нет. Понятия не имею, в каких они отношениях. Но вам следует понять, что Погибель — источник зла куда большего, чем этот «Альянс».

— О да. Это вся Сеть утверждает, господин Нювен. Но те события отдалены от нас тысячами световых лет. Известия о них даже в Срединное Запределье доходят с чужих слов, претерпевая множество неизвестных интерпретаций, хотя, возможно, в них есть зерно правды. Сеть не просто так прозвали Сетью Миллиона Лжецов.

Лицо незнакомца потемнело. Он произнес громкую сердитую фразу на языке, лишенном сходства с нюйорской ветвью. Речь его была тоновая, взлетала и падала, словно щебет дирокимов. С видимым усилием овладев собой, он продолжил на самношке, причем акцент его резко усилился:

— Да. Но я вам говорю: я видел Падение Маршрутизатора. Погибель страшнее всего, что вы можете себе представить. Гибель Сьяндры Кей

— лишь побочный эффект ее действий. Вы поддержите нас против Погибельного флота?

Владелица Лимменде утонула необъятными телесами в командирской подвеске. Они с начштаба переглянулись и о чем-то неслышно поговорили. Взгляд Кьета блуждал по экрану; за спиной Лимменде на дюжину метров просматривался мостик флагманского корабля. Там тихо сновали младшие офицеры, кое-кто искоса наблюдал за разговором. Картинка была резкая, детализированная, но любые движения превращали ее в издевательски мультяшную. Кьет заметил людей, которых, он это знал точно, перевели с флагмана еще до гибели Сьяндры Кей. Процессоры «Эльвиры» принимали узкополосный сигнал от флотского командования, смешивали с детализированным (и устаревшим) фоновым изображением и выводили на дисплеи. «Никаких больше эвокаций, — пообещал себе Свенсндот, — по крайней мере, пока не выберемся отсюда, снизу».

Владелица Лимменде глянула обратно в камеру:

— Простите мне застарелую полицейскую паранойю, но я полагаю, что вы можете оказаться агентами Погибели. — Лимменде воздела длань,

словно желая оборвать возражения, но рыжеволосый лишь ошалело глазел на нее. — Если вам поверить, то придется принять на веру и тот факт, что в звездной системе впереди имеется опасное сокровище, за которым мы тут все и гонимся. Более того, отсюда следует, что и вы, и так называемый Погибельный флот в полной мере способны воспользоваться преимуществами этой добычи. Если мы сразимся с ними по вашему наущению, уцелеют немногие из нас. Приз достанется вам. Мы опасаемся, что вы не те, за кого себя выдаете.

Фам Нювен молчал несколько мгновений. Гнев медленно изгладился с его лица.

— Хорошо, Владелица Лимменде, я согласен с вашим замечанием. Вы очертили дилемму. Есть ли выход?

— Мы со Скритсом обсуждали его. Независимо от наших действий, ставки высоки и для нас, и для вас. Альтернативы, впрочем, много ужаснее. Мы склонны последовать вашему совету и вступить в битву, если перед этим вы повернете к нам свой корабль и позволите нашим офицерам взойти на борт.

— В смысле, пропустить вас вперед?

Лимменде кивнула.

Фам открыл рот, закрыл его, но ничего не

произнес. У него, кажется, язык отнялся. Равна ответила:

— Если у вас не получится, мы потеряем все. Сейчас у нас есть хотя бы шестидесятичасовая фора. Нам может хватить этого времени, чтобы разобраться с артефактом, даже если Погибельный флот уцелеет.

Лицо Скритса искривилось в анимационной ухмылке.

— Вам не усидеть на двух стульях. Хотите, чтобы мы всем рискнули под ваше честное слово? Мы с готовностью умрем за вас, но должны знать, что не стали пешками в игре чудовищ. — Последние слова он произнес странным тоном, с прорвавшейся яростью. Картинка с флагмана при этом не двигалась, за вычетом нескольких плохо синхронизированных движений губ. Глимфрелль перехватил взгляд Свенсндота и указал на коммпанель: там зажглись тревожные индикаторы.

Голос Скритса продолжал:

— И, групп-капитан Свенсндот, я приказываю, чтобы дальнейшие переговоры с неизвестным кораблем осуществлялись…

Картинка застыла, и больше начштаба ничего не сказал.

Равна:

— Что случилось?

Глимфрелль щебетофыркнул:

— Мы теряем связь с командованием. Наша эффективная полоса пропускания сузилась до двадцати бит в секунду и продолжает ужиматься. Последняя фраза Скритса, впрочем, не заняла бы и ста — по приближенным оценкам программ «Эльвиры».

Кьет сердито махнул в сторону экрана:

— Вырубите эту хреномуть.

По крайней мере, не придется больше мучиться с этой придурковатой эвокацией. Кроме того, капитан не хотел слышать приказа Яна Скритса, потому что догадывался, каким тот будет.

Тиролль уточнил:

— Эй, но почему бы не оставить ее включенной? Разницы мы все равно не заметим.

Глимфрелль тихо хихикнул, оценив шутку брата, но длинные пальцы его заплясали над комм-панелью, и на дисплее возникли звезды. Два дирокима терпеть не могли бюрократов.

Свенсндот, не обращая на них внимания, переключился в оставшееся комм-окно. По каналу связи с Фамом и Равной шло широкополосное видео почти без дополнительной интерпретации; значит, и ответный сигнал не пострадает от

идиотских артефактов.

— Простите. Последние несколько дней у нас со связью кошмар. Видимо, эта зонная буря самая сильная за много столетий.

И она лишь усиливалась; дисплеи ультраволнового навигатора запестрили случайным шумом.

— Вы потеряли связь со своим командованием? — спросила Равна.

— На некоторое время — да. — Он глянул на Фама. У рыжего взгляд все еще был немного обалдевший. — Поймите, мне тоже жаль, что так все повернулось, но Лимменде со Скритсом славные люди. Вы просто попробуйте встать на их точку зрения.

— Странное дело, — перебил его Фам. — Там картинки были странные. — Тон его сделался ледяным.

— Вы про сигнал, который мы вам перенаправили от командования? — Свенсндот стал объяснять про узкую полосу и глюки корабельных процессоров здесь, внизу, на Дне.

— Значит, у них наше изображение тоже было низкого качества… Интересно, каким они меня восприняли?

— Гм… — Хороший вопрос. Вот Фам Нювен: рыжие всклокоченные волосы, дымчато-серая кожа,

звонкий напевный голос. Если переданы такие ключи анимации, то дисплей в командной рубке флагмана мог показать совсем не того человека, с каким сейчас говорил Кьет. — Нет, погодите. Эвокация работает иначе. Уверен, они вас видели прекрасно. Понимаете ли, сперва пересылают несколько картинок высокого разрешения, которые потом используются как основа анимации.

Фам посмотрел на него словно на идиота, как бы предоставляя Кьету шанс подумать еще раз. Проклятье, но ведь так оно и есть; нет сомнений, Лимменде со Скритсом видели рыжеволосого *человека*. Кьета беспокоило кое-что другое. Лимменде и Скритс выглядели устаревшими.

— Глимфрелль! Проверь необработанный поток данных от командования. Они нам картинки посылали для синхрона?

Глимфрелль справился за секунды. Удивленно присвистнул:

— Нет, начальник. Но шифр был правильный, поэтому наша автоматика просто подставила старую анимацию из объявлений. — Он что-то бросил Тироллю, двое обменялись оживленным щебетом. — Здесь, внизу, ничего ж толком не пашет. Может, еще какой баг вылез.

Непохоже, впрочем, чтобы Глимфрелля убеди-

ло собственное заявление. Свенсндот повернулся к дисплею с трансляцией от «Внеполосного-II».

— Слушайте, канал связи с флотским командованием полностью закриптован, одноразовые шифросхемы, и я им доверяю больше, чем той, какую мы используем сейчас. Я не верю, что это инсценировка. — Но к горлу Кьета поднималась тошнота. Как в первые минуты Битвы за Сьяндру Кей, когда он догадался, что их провели, когда понял, что все, кого он пытается защитить, обречены. — Эй, ну я же могу вызвать другие корабли. Мы проверим местонахождение флагмана…

Фам Нювен поднял бровь:

— Может, это и не была инсценировка.

Он не успел ничего добавить, потому что наездник, восседавший на большой тележке, принялся кричать на них. Он прокатился по потолку каюты и распихал людей, пробиваясь к камере.

— У меня вопрос! — Голос из вокодера был сбивчивым, почти неразборчивым. Чужак сухо щелкал щупальцами друг о дружку, звук был неприятнее всего, что Кьету доводилось слышать. — Мой вопрос: есть ли на борту главного корабля вашей флотилии наездники?

— Да зачем вам…

— Отвечайте на вопрос!

— Почем я знаю? — Кьет поразмыслил. — Тиролль, у тебя друзья в штабе Скритса. Там на борту есть наездники?

Тиролль издал несколько икающих тактов:

— А'а'а'а. Да. Наняты в срочном порядке — фактически беженцы. Сразу после битвы.

— Больше ничем не можем помочь, дружище.

Наездник молча затряс ветвями, щупальца его сникли.

— Спасибо, — тихо промолвил он. Потом укатился прочь и пропал из виду камеры.

Фам Нювен тоже куда-то делся. Равна в панике озиралась.

— Погодите минутку! — сказала она в камеру, и перед Кьетом появилась опустевшая командная рубка «Внеполосного-II». На пределе слышимости оттуда доносились звуки сбивчивой перепалки. Голоса были человеческие и вокодера. Потом девушка вернулась.

— Что все это значит? — спросил Равну Свенсндот.

— Н-ничего такого, с чем мы не могли бы справиться… Капитан Свенсндот, сдается мне, вашим флотом теперь командуют не те, за кого вы их принимаете.

— Возможно. —«И скорее всего». — Надо по-

думать.

Она кивнула. Мгновение они молча переглядывались. Так странно вдалеке от дома, пережив крушение всех надежд… увидеть настолько знакомое лицо.

— Вы правда были на Маршрутизаторе? — спросил он и тут же понял, что вопрос идиотский. Впрочем, присутствие девушки помогало перебросить мостки от привычного и надежного прошлого к опасному и непонятному настоящему.

Равна Бергсндот кивнула:

— Да… и все там было так, как вы читали. У нас даже был прямой контакт с Силой… И этого не хватило, групп-капитан. Погибель уничтожила всё. В этом новостные группы не лгут.

Тиролль откинулся за своей навигационной консолью:

— И чем же в таком случае вы способны навредить Погибели здесь, внизу?

Слова прозвучали издевательски, но широко распахнутые глаза ‘Ролля смотрели серьезно. Пожалуй, он таким образом умолял указать ему скрытый смысл всей этой бойни. Дирокимы не были ключевой расой цивилизации Сьяндры Кей, но, бесспорно, древнейшей. Миллион

лет назад они прорвались из Медленной Зоны, колонизировав три системы, которые людям однажды предстояло назвать Сьяндрой Кей. Задолго до прибытия человека они погрузились в медитативное самосозерцание. От опасностей дирокимские системы оберегали древняя автоматика и помощь дружественных молодых рас. Еще полмиллиона лет, и раса эта, вероятно, ушла бы из Запределья: либо вымерла, либо эволюционировала бы в нечто иное. Обычный сценарий, немного сходный со смертью от старости, но не столь беспощадный.

О таких дряхлых расах бытовало поверье, что все представители их тоже из ума выжили. Это было не так: любая достаточно крупная популяция допускает вариативность. Всегда найдутся желающие повидать мир снаружи и немного позабавиться там. С такими, как Глимфрелль и Тиролль, человечество уживалось превосходно.

И Бергсндот, казалось, поняла дирокима.

— Вы слышали о богосколке?

— Нет, — ответил Кьет, но заметил, как встрепенулись оба дирокима. Несколько секунд они щебетали друг другу что-то на диалекте, выражающем изумление.

— Да, — произнес наконец ‘Ролль на самношке

голосом таким близким к благоговению, какой только доводилось Кьету от них слышать. — Вам известно, что мы, дирокимы, уже давно пребываем в Запределье. Мы основали в Трансценденции немало колоний; некоторые развились в Силы… А однажды… Нечто вернулось к нам оттуда. Конечно, это была не Сила. Скорей оно напоминало дирокима-безумца. Однако знания и деяния его стали для нас источником великих перемен.

— Фентроллар? — задумчиво уточнил Кьет. Он вдруг вспомнил это предание. Описанные в легенде события случились за сто тысячелетий до пришествия человечества на Сьяндру Кей, но в дирокимских обителях оставались темой жарких споров.

— Да, — ответил Тиролль. — Даже сейчас народ наш расходится во мнениях, кем был Фентроллар — даром или проклятием, но он основал хабитаты грез и Старую Религию.

Равна кивнула:

— Нам на Сьяндре Кей лучше прочих известен этот случай. Учитывая все последствия, может, и не самый счастливый… — И она поведала им о Падении Маршрутизатора, о том, что произошло со Стариком и во что превратился Фам Нювен. Дирокимы перестали болтать и слушали, затаив

дыхание.

Наконец Кьет сказал:

— Значит, Ню… — он запнулся на имени, не менее странном, чем все в этом парне, — Нювену известно, что там такое на Дне? Что он намерен с ним сделать?

— Я… я не знаю, групп-капитан. Фам Нювен сам не знает. Озарения приходят урывками. Я ему верю, потому что сама кое-что видела… но я не знаю, как убедить вас.

Она порывисто вздохнула. Кьет вдруг сообразил, каким странным местом, похожим на камеру пыток, должен быть этот «Внеполосный-II». Это неожиданно придало рассказу убедительности. Нечто, способное уничтожить Погибель, и должно оказаться невероятно странным. Кьет задумался, как бы сам повел себя взаперти с подобным существом.

— Миледи Равна, — начал он официально и высокопарно. «В конце концов, я и так замышляю мятеж». — Я, э-э, располагаю связями среди друзей во флоте Коммерческой охраны. Я могу проверить ваши подозрения и… — («ну же!») — даже оказать вам определенную поддержку в обход командования.

— Спасибо, сир. Спасибо вам.

Глимфрелль вмешался:

— На канале связи с «Внеполосным-II» сильные помехи.

Кьет оглядел окна. Все экраны ультраволнового слежения показывали случайный шум. Буря усиливалась, что бы ее ни вызвало.

— Равна Бергсндот, непохоже, что нам долго осталось беседовать.

— Да. Мы теряем сигнал… Групп-капитан, если ничего не получится, если вы не сумеете за нас заступиться… Ваши люди — все, что осталось от Сьяндры Кей. Мне было приятно повидать вас и дирокимов… я так давно не видела знакомых лиц, не встречала людей, которых действительно понимаю. Я… — Пока Равна говорила, изображение девушки пошло пикселями и распалось на низкочастотные компоненты.

— Фьюуу! — присвистнул Глимфрелль. — Полоса пропускания ниже плинтуса.

В сигнале с «Внеполосного-II» не было ничего особенного, и корабельные процессоры, реагируя на проблемы со связью, переключились на низкоуровневое кодирование.

— «Внеполосный-II», прием. У нас проблемы на этом канале. Предлагаю завершить сеанс.

Окошко посерело, и по нему побежали символы

самношка.

— Да. Но это не просто проблемы со свя…

Глимфрелль ожесточенно забарабанил по своей комм-панели.

— Ничего. Ноль, — сказал он. — Нет сигнала.

Тиролль высунулся с боевого поста навигатора:

— Это куда хуже, чем проблемы со связью. Наши компьютеры не могут инициировать ультраскачок уже больше двадцати секунд.

До этого они делали пять прыжков за секунду и пролетали более светового года в час. Теперь…

Глимфрелль откинулся в подвеске:

— Эй, эй, Медленная Зона приветствует вас!

Медленная Зона. Равна Бергсндот оглядывала командную рубку «Внеполосного-II». У нее было неосознанное представление о Медленной Зоне как о царстве кретинов с арифмометрами, юдоли удушающей тьмы, озаренной в лучшем случае факелами. На самом-то деле все не слишком переменилось. Потолки и переборки были подсвечены так же, как и раньше. Из окошек глядели звезды (вот только теперь они еще долго не сдвинутся).

Наиболее явственным знамением перемены стали дисплеи «Внеполосного-II». Сфера ультра-

навигатора монотонно мигала, в красной строчке отсчитывалось время с момента последнего обновления. По навигационным окнам ползли строки выдачи диагностических программ с корабельных процессоров. Раз за разом повторялось голосовое сообщение на трисквелине:

– *Внимание. Обнаружен переход в Медленную Зону. Выполните обратный скачок! Внимание. Обнаружен переход в Медленную Зону. Выполните…*

— Да вырубите вы его! — Равна вцепилась в пристежку и опустила себя на пол. Ее подташнивало, хотя то мог быть симптом вполне естественной паники. — Ни фига себе придонный люггер. Мы влетели прямиком в Медленную Зону, а он только и может, что задним числом предупреждения выдавать!

Зеленожка переместилась к ней «на цыпочках», цепляясь за потолок щупальцами.

— Даже придонные люггеры бессильны в таких ситуациях, миледи Равна.

Фам отдал кораблю какую-то команду, и большая часть дисплеев очистилась.

— Даже самая сильная зонная буря редко вздымается выше нескольких световых лет. Мы сейчас в двух сотнях световых лет над границей Зоны. Вероятно, мы попали под чудовищный прилив,

какие только в архивах описаны, — сказал Синепанцирь.

Слабое утешение.

— Мы знали, что подобное возможно, — сказал Фам. — В последние несколько недель все шло наперекосяк. — Для разнообразия, он на этот раз не выглядел огорченным.

— Ну да, — бросила Равна. — Замедления мы могли ожидать, но не Медленной же Зоны! — «Мы в ловушке». — Где тут ближайшая пригодная для жизни система? Десять световых лет? Пятьдесят? — Виде́ние тьмы налилось новым содержанием. Звездное поле за стенами корабля перестало быть дружелюбным, успокаивающим зрелищем. Бесконечная пустота окружала их. Ползя в ней на скорости пренебрежимо меньше световой, они как в гробу, заживо похоронены. Отвага Кьета Свенсндота и его флота пропадет втуне. Джефри Ольсндота никто никогда не спасет.

Фам тронул ее за плечо. Он впервые за много… дней… прикоснулся к ней.

— Но мы все еще можем достичь мира Когтей. Это же придонный люггер, помнишь? Мы не в ловушке. Да полно тебе, ионный прямоточник на этом корыте лучше всех двигателей Чжэн Хэ. А

я-то считал себя тогда самым свободным человеком во Вселенной.

Десятилетия в пути, по большей части — в гибернаторах. Таков был мир Чжэн Хэ, мир из воспоминаний Фама. У Равны захватило дух, но потом напряжение разрешилось слабым смешком. Колоссальная тяжесть спала с плеч Фама, по крайней мере до поры. Он снова человек.

— Что смешного? — не понял Фам.

Она покачала головой:

— Все мы смешны. Не обращай внимания. — Пара медленных вдохов. — Ладно. Думаю, я уже в состоянии соображать. Итак, случился зонный сдвиг. То, что обычно, даже в состоянии бури, перемещается на световой год за тысячу лет, вдруг взяло и взлетело на двести. Да уж! Люди и через миллион лет будут об этом в архивах читать. Не уверена, что мне польстит… Мы знали, что близится буря, но тонуть я не подписывалась.

На глубине многих световых лет под поверхностью моря…

— Аналогия с морской бурей не вполне точна, — заявил Синепанцирь.

Наездник все еще сидел в дальнем конце рубки, куда удалился после обмена репликами со сьяндранским капитаном. Вид у него все еще был

подавленный, хотя свои обычные надоедливые уточнения он вносил исправно. Сейчас Синепанцирь изучал навигационный дисплей, видимо проигрывая на нем запись, непосредственно предварившую прилив. Он сделал картинку плоской и медленно перекатился по потолку. Когда он проезжал мимо Зеленожки, та нежно погладила его веточками.

Синепанцирь подал Равне плоский дисплей и продолжил тоном лектора:

— Даже в бурю поверхность воды на море никогда не искажается так, как зонная в случае значительных возмущений интерфейса. Свежие новости из Сети указывают, что фрактальная размерность поверхности близка к трем… Представьте себе пену из распылителя. — Он тоже не сумел уклониться от аналогии с бурей. Да, за прозрачными стенами звезды сияли недвижимо и спокойно, а самым громким звуком оставался шелест воздуха из корабельных вентиляторов. А все ж их поглотил Мальстрём. Синепанцирь махнул веткой по дисплею. — Через несколько часов, вероятно, вернемся в Запределье.

— Как?

— Смотрите. Плоскость дисплея построена по данным о местоположениях: корабля, которое

мы считаем флагманом сьяндранской флотилии, корабля, с которым мы связывались напрямую, и нашим. — Три корабля образовали вытянутый треугольник; вершины, соответствующие кораблям Лимменде и Свенсндота, были близки. — Я отметил времена разрыва связи. Заметьте, что линк на флагман Коммерческой охраны вырубился за сто пятьдесят секунд до того, как прилив накрыл нас. По характеристикам входящего сигнала и его запросам на смену протокола я предполагаю, что и нас, и другой корабль захлестнуло почти одновременно.

Фам кивнул:

— Ага. Самые далекие сайты отключаются последними. Это означает, что прилив пришел сбоку.

— Именно! — Синепанцирь ткнул в дисплей веткой со своего насеста на потолке. — Эти три корабля — как зонды в стандартной методике картирования Зоны. Не сомневаюсь, что записи навигатора подтвердят мою мысль.

Равна воззрилась на график. Дальняя вершина треугольника, «Внеполосный-II», смотрела почти точно в центр Галактики.

— Наверное, это исполинская отвесная волна, перпендикулярная поверхности.

— Гигантская волна, которая расплывается в стороны! — сказала Зеленожка. — И потому она, скорее всего, быстро схлынет.

— Да. Дольше всего прослеживаются радиальные изменения. У нее же должен быть быстро спадающий хвостовой профиль. Через несколько часов мы его минуем — и вернемся в Запределье.

Значит, гонка со временем продолжится.

Первые часы прошли в смятении чувств. «Через несколько часов» — такова была оценка Синепанциря. Они слонялись по мостику, поглядывая на часы и заново начиная оборванные разговоры. Фама снова что-то напрягало. В любой момент их могло опять вынести в Запределье. И что тогда делать? Если перевербованы лишь несколько кораблей, Свенсндот сумеет организовать атаку. Но какой с нее прок? Фам снова и снова просматривал ультраволновые записи, изучая расположение всех кораблей в округе.

— Но когда мы выберемся, когда мы выберемся… Я знаю, как поступить. Не знаю почему, но знаю как.

Больше он ничего не мог объяснить.

В любой момент… Смысла перенастраивать аппаратуру не было; все равно потребуется делать

это заново.

Однако по прошествии восьми часов…

— Может, и дольше посидим тут. Целый день, скажем.

Как в исторических романах.

— Может, хозяйством стоит заняться?

«Внеполосный-II» проектировался с расчетом как на Запределье, так и на Медленную Зону, но вторая из этих сред рассматривалась как маловероятная, аварийная. На корабле имелись специальные процессоры для Медленной Зоны, но автоматически они не включались. С помощью Синепанциря Фам отключил высокоэффективную автоматику; это оказалось несложно, если не считать нескольких автономных устройств с голосовым управлением, которые так отупели, что не воспринимали команд отключения.

При каждом обращении к новой автоматике у Равны по спине пробегал холодок. В каком-то смысле это пугало ее не меньше первоначальной потери ультрадвигателя. Ее представление о Медленной Зоне как о пещере тьмы с редкими факелами было, конечно, плодом кошмарного бреда. С другой стороны, картинка царства кретинов с арифмометрами наперевес в чем-то соответствовала действительности. Производительность

вычислительных устройств «Внеполосного-II» по мере снижения неумолимо падала, но теперь… Голосовое управление визуализаторами отключилось: устройства реализуемой графики были новому «Внеполосному-II» не по зубам, во всяком случае, в режиме полной интерпретации. Интеллектуальные контекст-анализаторы, позволявшие работать с корабельной библиотекой, будто с личными воспоминаниями, тоже перестали функционировать. В конце концов Равна даже выключила музыку и художественные заставки — без отклика на контекст и настроение они казались ей слишком тупыми… постоянно напоминали своим поведением, что лишены собственных мозгов. Даже простейшие функции разладились. Взять хотя бы голосовое и жестовое управление: на сарказм и жаргонные словечки эти устройства больше не реагировали. Теперь, чтобы ими пользоваться, требовалась определенная дисциплина. А Фаму это даже нравилось. Напоминало Чжэн Хэ.

Двадцать часов. Пятьдесят. Все наперебой заверяли друг друга, что бояться нечего. Но Синепанцирь признал, что его первоначальная оценка — *через несколько часов* — была нереалистичной. Учитывая высоту «цунами» (не менее

двухсот световых лет), казалось вероятным, что размах его не меньше нескольких световых веков — такое соотношение отвечало историческим прецедентам. Вот только одна трудность с этими аналогиями: само по себе событие не имело прецедентов. Поверхности раздела Зон в основном следовали распределению плотности вещества в Галактике. Из года в год профили их почти не менялись, и лишь через много эпох, после смерти всех звезд, кроме самых маленьких, медленная просадка границ должна была открыть галактическое ядро Запределью. В любой конкретный момент времени состояние бури охватывало, быть может, одну миллиардную поверхности раздела. Обычная буря смещала ее на световой год за десятилетие в ту или иную сторону, плюс-минус. Такие бури оказывали значительное воздействие на ежегодные экономические показатели множества миров.

Гораздо реже, примерно раз в сто тысяч лет на всю Галактику, случались бури, серьезно искажавшие контуры поверхностей раздела; такие приливы перемещались со скоростью куда выше световой. По этим-то трансверсальным сдвигам Фам с Синепанцирем и строили масштабную экстраполяцию. Самый быстрый прилив двигался

примерно со скоростью светового года в секунду на расстояниях менее трех световых лет; самый крупный взметнулся на тридцать световых лет, со скоростью менее светового года в сутки.

Так что же было известно о чудовищах вроде той волны, что захлестнула их? Немногое. В корабельной библиотеке имелись невнятные рассказы со слов третьих лиц о приливах столь же мощных, но четкие показатели фрактальной размерности и скорости распространения там не приводились. Трудно полагаться на предания стомиллионолетней давности; промежуточные языки были почти недоступны. А если бы и так, что с них толку-то? Новая, дебильная версия «Внеполосного-II» автоперевод естественных языков выполнять не умела. Ковыряться в корабельной библиотеке было бессмысленно.

Когда Равна пожаловалась на это Фаму, тот ответил:

— Все могло быть и хуже. Что собой в действительности представляло Перворазделение?

Это было пять миллиардов лет назад.

— Никто не знает.

Фам постучал пальцем по дисплею с выводом библиотечных данных.

— Ну так я тебе скажу: есть мнения, что это

был «величайший из великих приливов». Такой мощный, что захлестнул все расы, способные его зарегистрировать. Иногда величайшие катаклизмы проходят незамеченными — ибо никто не выжил, чтобы поведать об этих ужасах.

Хорошенькое дело!

— Извини, Равна. Честно говоря, я думаю, что мы уже через денек-другой выберемся, если и угодили во что-то вроде этих древних катастроф. Лучше всего сейчас заниматься планами. У нас перерыв в битве. Воспользуемся преимуществами недолгого перемирия. Надо подумать, как заручиться поддержкой тех кораблей Коммерческой охраны, которые пока не перевербованы.

— Да-да…

В зависимости от хвостового профиля спадающей волны «Внеполосный-II» может потерять существенную долю форы. «Но я нюхом чую, что Альянс в панике. Эдакие приспособленцы мигом улепетнут, сверкая пятками, стоит им только вывалиться обратно в Запределье».

Совет Фама позволил ей убить еще двадцать часов. Все это время Равна сражалась с полудурками, которые выдавали себя за стратегических планировщиков «Внеполосного-II». Даже если прилив прямо сейчас схлынет, может оказаться

уже слишком поздно. В игре участвовали и те, для кого прилив перерывом на отдых не был: Джефри Ольсндот и его друзья-Когти. С момента последнего сеанса связи миновало семьдесят часов; Равна пропустила их уже три. Если она сама паникует, каково приходится Джефри? Возможно, Стальной и сумеет его защитить, но время на планете Когтей утекает, а с ним и доверие местных.

Когда прошло сто часов в глубине прилива, Равна заметила, что Синепанцирь с Фамом проверяют ионный прямоточный двигатель «Внеполосного-II»…

Некоторые перерывы длятся вечно.

Глава 34

Летняя жара на время спала, стало почти прохладно. Воздух был все еще иссушен и пах дымом, но ветра поутихли. Впрочем, Амдиджефри в своей берлоге на борту корабля мало интересовались погодой.

— Задержки с ответом бывали и раньше, — сказал Амди. — Она объясняла про ультраволновую…

— Так Равна еще ни разу не опаздывала! — По крайней мере, ни разу с зимы. В голосе Джефри звучали страх и нетерпение. Сеанс связи был намечен на середину ночи: Стальной Владыка ждал технических данных сверху. Тем утром разговор не состоялся, а теперь Равна пропустила еще и вечерний сеанс, когда им обыкновенно выпадало время поболтать.

Дети внимательно просмотрели все установки комма. Прошлой осенью они кропотливо скопировали их вместе с выдачей диагностических утилит первого уровня. Все выглядело так же, за исключением какой-то хреновины, которая называлась «детектор несущего сигнала». Будь у них данник, дознались бы, что это означает.

Они для пробы поменяли некоторые параметры и тут же вернули все как было, когда это не принесло эффекта. Может, произведенные изменения попросту не успели подействовать. А может, они и впрямь что-то испортили.

Весь день после полудня они сидели в командной рубке, поочередно впадая в страх, скуку и фрустрацию. Через четыре часа скука на время победила. Джефри спал беспокойным сном в гамаке своего отца, а двойка Амди свернулась у него на руках.

Остальными элементами Амди лениво слонялся по каюте, разглядывая консоль управления ракетным двигателем. Не-ет… при всей самоуверенности он не рискнет сунуть туда носы. Еще один элемент оттянул стенную занавесь. Так можно было видеть, как растет плесень. Она разрасталась очень медленно.

Но со времени последней проверки серая масса заметно увеличилась. Ее слой за шторой сделался толстым. Амди растянул себя цепочкой между стеной и завесой. Там было темно, хотя через дырку в потолке проникало немного света. В большинстве мест плесень не достигала в толщину и дюйма, но здесь утолщилась до пяти-шести — *ого!* Совсем рядом с любопытствующей мордой

Амди со стены свисал крупный нарост. Размерами он не уступал шапкам декоративного мха на стенах замковых приемных. Из грибковой массы торчали тонкие серые волоконца. Он чуть не окликнул Джефри, но двум элементам в гамаке было так удобно…

Он просунул за штору еще пару голов — осмотреть диковинку. Стена за нею тоже выглядела непривычно… как будто плесень ее разъела. А сам грибок словно дымчатый — но волоконца, которые Амди осязал носами, были твердые, сухие. В носу защекотало. Амди замер от удивления. Глядя на себя сзади, он увидел, как пара волоконец прошла сквозь череп элемента! Но боли не было, лишь легкая щекотка.

— Что там? Что? — вскинулся Джефри, ощутив сквозь дрему, как напрягается Амди вокруг него.

— Тут что-то очень странное, за шторой. Я коснулся этого большого комка плесени, а он…

Продолжая говорить, Амди осторожно пятился от стены. Боли он не испытывал, но тревога пересилила любопытство. Он почувствовал, как волоконца медленно выскальзывают из его головы.

— Я же тебе сказал, нельзя нам играть с этой штукой. Она грязная. Хорошо еще, что не воня-

ет! — Джефри выскочил из гамака, прошагал через рубку и включил свет. Носовой элемент Амди потерял равновесие и шарахнулся от грибка. Что-то щелкнуло, и резкая боль обожгла губу.

— Ух ты, какая она большая стала! — Потом, услышав свист боли от Амди: — Ты в порядке?

Амди отступил:

— Думаю, да.

Кончик последнего волоконца застрял у него в губе. Жегся он слабее, чем крапива, на которую Амди не повезло напороться пару дней назад. Амдиджефри осмотрели рану. То, что осталось от дымчатого шипа, выглядело твердым и хрупким. Джефри проворно вытащил его. Затем двое обернулись и уставились на стенный нарост.

— Не-е, она реально расползается. Похоже, что стенку проела.

Амди коснулся кровоточащей ранки на морде:

— Ага. Я теперь понимаю, почему твои предки тебе говорили держаться от нее подальше.

— Может, попросим Стального Владыку ее соскрести?

Двое полчаса ползали за стенными занавесями и обивкой. Серая масса расползалась повсюду, но так вольготно ей было лишь в одном месте. Амдиджефри вернулись на нее поглазеть и даже

потыкали сложенными в трубочки предметами одежды. Носами и пальцами, однако, рисковать никто больше не хотел.

В тот день только и оставалось, что глазеть на плесень. «Внеполосный-II» на связь так и не вышел.

На следующий день жара вернулась.

Прошло еще двое суток. От Равны по-прежнему ни слова.

Стальной Владыка мерной поступью обходил стены замка на Холме Звездолета. Стояла середина ночи, солнце зависло примерно в пятнадцати градусах над северным горизонтом. Шерсть была мокрой от пота; лето выдалось самое жаркое за декаду. Суховей дул тридцатые сутки подряд. Желанным отдохновением от холодов севера эта жара быть перестала. На полях лютовала засуха. Во фьордах вспыхивали пожары, к северу и югу от замка поднимался коричневатый дым. Сперва красный оттенок его был даже занятен: какое-то разнообразие на фоне бескрайней синевы или белесых морских туманов. Но лишь поначалу. Когда загорелся восток Ручейной Лощины, все небо заалело. Целый день с небес сыпался пепел и воняло паленым, перебивая все запахи. Некоторые утверждали, что воздух теперь хуже, чем в

грязных трущобах южных городов.

Дежурившие на стене гвардейцы отступили, пропуская их. И не только из почтения или страха перед Стальным. Они все еще не привыкли к элементам в мантиях, а Шрекова легенда их не слишком успокоила. Стального Владыку сопровождал синглет — в цветах Владыки. Существо не издавало мыслешума и двигалось невероятно близко к своему повелителю.

Стальной сказал синглету:

— Размеренность в работе — залог успеха. Я помню, как ты меня этому учил.

«Сталью во мне вырезáл».

Элемент искоса посмотрел на него:

— Как мне помнится, я говорил, что залог успеха — способность изменять график работы и приспосабливаться.

Слова произнесены безукоризненно чисто. Синглеты иногда умели внятно говорить, но даже самые способные бессильны были поддерживать осмысленный разговор. Шрек без труда убедил солдат, что наука Шкуродера позволила создать расу сверхстай и элементы в мантиях индивидуально так же умны, как целая стая. Хорошее прикрытие для их реального дела. Внушает почтение и маскирует истину.

Элемент подошел еще ближе. Так близко к Стальному еще никто не бывал, не считая моментов убийства, изнасилования или избиения. Помимо воли Стальной закусил губы и растянулся вокруг источника опасности. Да, синглет в мантии чем-то напоминал труп: мыслезвуков вообще слышно не было. Стальной стиснул челюсти и произнес:

— Да. Истинный гений побеждает, даже если все графики летят в мусорку.

Он отвернулся от элемента Шкуродера и оглядел южный горизонт в красном зареве.

— Каковы свежайшие прогнозы срока прибытия Древорезчицы?

— Ее лагерь пока в пяти днях пути к юго-востоку.

— Проклятая дура! Трудно поверить, что она тебя родила. Проныра ей так все облегчил; ее войска с игрушечными пушками уже десятидневку назад должны были подойти сюда…

— И угодить на бойню. По графику.

— Да! Задолго до прибытия наших дружков с неба. Вместо этого она плетется вглубь страны и потом валяет там дурака.

Элемент Шкуродера пожал плечами под темной мантией. Стальной знал, что радиомантия

так же тяжела, как выглядит. Его радовало, что другой вынужден платить столь тяжкую цену за свое всеведение. Подумать только, в такую жару закутать все элементы до мембран. Он легко мог себе представить, как скверно Шкуродеру… а в помещении — унюхать.

Они миновали одну из пушек. Многослойный ствол металлически сверкал. Орудие било втрое дальше жалких поделок Древорезчицы. Пока та возилась с Данником, полагаясь на интуицию человеческого детеныша, Стальной получал прямые и ясные указания от Равны с дружками. Сперва он испугался их размаха, сочтя Гостей могущественными настолько, чтобы с ними ничего нельзя было поделать. Сейчас… чем больше он узнавал о Равне и остальных, тем явственней понимал их уязвимость. Они не умели ставить на себе эксперименты, самосовершенствоваться. Негибкие, косные тупицы. Иногда они проявляли примитивную хитрость — например, Равна уходила от вопросов, касающихся того, что им в действительности нужно на корабле, — но за всеми сообщениями (и приложениями для человеческого щенка) читалось отчаяние.

Еще несколько дней назад все шло как по маслу. Отойдя от пушкаря на приличное расстояние,

Стальной сказал элементу Шкуродера:

— А от наших «спасателей», как и прежде, ни слуху ни духу.

— Именно. — Еще одно отклонение от графика, притом важное и неподконтрольное. — Равна пропустила четыре сеанса. Два моих элемента сейчас вместе с Амдиджефри. — Синглет указал мордой в сторону купола внутренней твердыни. Жест получился ужасно неуклюжим — без участия других морд и глаз язык тела сильно оскудевал. «Мы просто не приспособлены действовать поэлементно». — Через несколько минут звездники пропустят и пятый. Дети уже в отчаянии, знаешь ли.

Голос элемента звучал сочувственно. Стальной Владыка почти бессознательно раздался в стороны, подальше от него. Стальной помнил этот тон с ранних версий своей личности. И еще он помнил, что за ним следовало — ножи и смерть.

— Тиратект, я хочу, чтоб они были счастливы. Мы исходим из предположения, что связь рано или поздно возобновится. Тогда они нам понадобятся. — Стальной оскалился на синглета шестью парами челюстей. — И чтоб без твоих старых фокусов!

Элемент едва заметно вздрогнул: это движение

Стальному душу согрело больше, чем ползание на животе десятка тысяч других.

— Разумеется. Я просто считаю, что тебе стоит к ним наведаться. Помочь им обуздать страхи.

— Вот ты этим и займешься.

— О… мне они не слишком доверяют. Я тебе уже говорил, Стальной. Они *тебя* любят.

— Ха! А тебя видят насквозь до дна злобной твоей душонки, э?

Стальной был очень доволен собой. Он преуспел там, где методы самого Шкуродера результатов не дали бы. Он научился манипулировать жертвами без угроз или пыток. Самый безумный эксперимент Стального — и уж точно самый выигрышный. Но…

— Пойми, нет у меня времени с ними нянчиться. Утомительное занятие — болтать с этой парочкой.

Ему стоило изрядных трудов сдерживаться, терпеть «обжималки» Джефри и розыгрыши Амди. Стальной изначально настоял, чтоб никого другого к детям не пускали. Они слишком важны, чтобы показывать их кому попало; малейшая неточность выдаст им истинное положение вещей и разрушит всю затею. За исключением Тиратект, никому постороннему с детьми встре-

чаться не разрешалось. Но Стальному каждая следующая встреча давалась тяжелей предыдущей, становясь испытанием на прочность. Трудно было мыслить, превозмогая кипящий гнев, — а именно это чувство вызывала у Стального почти любая беседа с детьми. Как все упростится, когда прибудут звездники. Тогда инструменту по имени Амдиджефри найдется иное применение. В их дружбе и доверии нужда отпадет. С каким же облегчением он примется их пытать и мучить, подкрепляя свои требования.

Разумеется, если чужаки так и не прилетят или…

— Надо же что-то предпринять! Я не намерен плыть по течению будущего. — Стальной ударил лапой по ограждению с внутренней стороны парапета, оставив на дереве глубокие зазубрины от сверкающих когтей. — С чужаками мы справиться не сумеем, так давай разберемся с Древорезчицей. О да! — Он ухмыльнулся элементу Шкуродера. — Какая ирония судьбы, не так ли? Сотню лет ты вынашивал замыслы ее уничтожить. Ныне я в этом могу преуспеть. Но то, что стало бы для тебя величайшим триумфом, для меня лишь утомительный побочный эффект временной задержки более грандиозных планов.

Элемент в мантии не слишком впечатлился.

— Все немножко изменилось, когда с небес упали эти дары.

— О да, прямо мне в челюсти. Но я же везунчик, разве нет? — Он некоторое время трусил, презрительно фыркая про себя. — Да. Пора Проныре привести свою доверчивую королеву на бойню. Может, одно с другим совместится, но… Думаю, что решающая битва должна пройти к востоку отсюда.

— Марграмский Перевал?

— Точно. Силы Древорезчицы при подъеме тесно стянутся вместе. Мы наведем на перевал пушку, установленную за вершинной грядой Перевала. Мы их всех там положим. Это достаточно далеко от Холма Звездолета; если даже звездожители явятся в то же самое время, мы сумеем решить обе задачи. — Синглет ничего не ответил, и спустя миг Стальной обернулся к нему. — Да, дорогой мой наставник, я понимаю, что иду на риск. Я отдаю себе отчет, что наши силы придется раздробить. Но у нас на пороге армия. Они недопустимо запоздали, это правда, но даже Проныре не по силам развернуть их и отправить восвояси. А если он попытается настоять на своем, королева может… Ты знаешь, как она поступит?

— …Нет. Она всегда отличалась непредсказуемостью.

— Она даже может его сместить, раскрыв измену. Итак, шансы наши невелики, если не расправиться с нею сейчас. Ты с Дальноведчиком Ранголитом?

— Да. Двумя элементами.

— Вели ему связаться с Пронырой. Пускай приведет армию королевы на Марграмский Перевал через два дня, самое позднее. Импровизируй, как тебе угодно, — ты лучше знаешь те места. Когда обе армии соберутся там, проработаем более тонкие детали. — Чудесное ощущение — командовать обеими сторонами сражения! — И еще одно. Это важно, и Проныра должен исполнить приказ в течение суток. Я хочу, чтобы человечицу Древорезчицы убили.

— А какой от нее вред?

— Идиотский вопрос. — «Особенно от тебя». — Мы не знаем, когда прибудут Равна с Фамом. Пока не зажмем их челюстями, эта Йоханна под боком представляет опасность. Прикажи Проныре замаскировать все под несчастный случай, но чтоб Двуногой не стало!

Шкуродер был повсюду. О таком богоподобии он мечтал с тех самых пор, как отщепился от

Древорезчицы. Один его элемент общался со Стальным, двое лениво слонялись по звездолету с Амдиджефри, а еще двое пробирались через невысокий лесок сразу к северу от лагеря Древорезчицы.

Рай может обернуться и агонией, и с каждым днем пытку становилось тяжелее выносить. Во-первых, лето выдалось невыносимо жарким, невиданным на Севере. А радиомантии были не просто жаркие и тяжелые. Они укутывали мембраны всех его элементов. И от обычной неудобной одежды отличались тем, что снять их хотя бы на миг означало обезуметь. Первые тренировки длились не более часа-двух. Но затем он отправился в пятидневную экспедицию с Дальноведчиком Ранголитом, поставляя Стальному немедленные сведения о расположении сил врага и обеспечивая возможность мгновенно распоряжаться по всей стране вокруг Холма Звездолета. Когда все закончилось, Шкуродер двое суток приходил в себя, зализывая потертости и ссадины от радиомантий.

Последнее его упражнение во всеведении длилось уже двенадцать дней. Не снимая мантий, он ввергал себя в необоримую пытку. Ежедневно один элемент, по очереди, снимал радиоплащ,

чтобы вымыться и дождаться замены подкладки. И ежедневно Шкуродер на час терял рассудок; в такие моменты слабовольная дурочка Тиратект приходила в себя и пыталась восстановить контроль над стаей. Это все ерунда, конечно. Когда один элемент отключался, оставалось только четверо. Попадались четверки с нормальным интеллектом, но Шкуродер/Тиратект такой не имели. Мылись и переодевались они в безмысленном тумане.

И разумеется, Шкуродер не стал умнее, чем был, даже растянувшись повсюду. После первых утомительных экспериментов он наловчился воспринимать звуковые и зрительные впечатления из совершенно разных мест, но вести несколько разговоров одновременно ему все еще было нелегко. Пока он препирался со Стальным, остальные элементы, бывшие при Амдиджефри или отряде Ранголита, предпочитали помалкивать.

Стальной Владыка наконец унялся. Шкуродер шел вдоль парапетов в обществе своего бывшего ученика. Если Стальной опять сочтет нужным что-то вякнуть, сразу оторвет Шкуродера от текущей беседы. Шкуродер осторожно ухмыльнулся (следя, чтобы элемент при Стальном этого не

выказал). Стальной думает, что Шкуродер сейчас общается с Дальноведчиком Ранголитом. О, так оно и будет… через несколько минут. Одно из преимуществ нынешнего положения состояло в том, что никто не мог точно знать, чем Шкуродер занят. Если действовать осторожно, он снова вернется к власти. Опасная игра, да и мантии сами по себе опасны. Продержи мантию вдали от солнечного света несколько часов, и она разрядится, отрезая носителя от стаи. Еще хуже было со *статикой* — человеческое слово. Второй комплект мантий убил надевшую его стаю, и звездожители толком не поняли почему, списав все на «проблемы интерференции».

Шкуродер подобных крайностей не испытал. Но временами, поднявшись на самые дальние пики с Ранголитом или в моменты, когда мантия подсаживалась… он слышал жуткие вопли в глубине разума, будто к нему подкралась разом дюжина стай. Звуки эти означали нечто среднее между безумием совокупления и яростью убийства. Тиратект эти моменты вроде бы нравились; она появлялась из смятения, обволакивая его тихой ненавистью. Обычно она шныряла на задворках сознания, вставляя слово там, движущую эмоцию сям. После статики было тяжелее;

выпадали дни, когда она перехватывала контроль почти безраздельно. Будь у него в запасе спокойный год, Шкуродер бы изучил Ти, Ра и Текст, чтобы выполнить ампутацию. Наверное, придется убить Текта, белоухого элемента; особым умом тот не отличался, но каким-то образом скреплял тройку. При должной замене Шкуродер станет еще могущественней, чем был до резни в Парламентской Чаше. Пока же ему приходилось терпеть; душерезка на себе самом — жуткое занятие, даже для Хозяина.

Итак… *осторожнее, осторожнее.* Надо держать мантии заряженными, не отлучаться надолго и никому не показывать все нити замысла. Пока Стальной думал, что Шкуродер общается с Ранголитом, тот говорил с Амди и Джефри.

Лицо человека было в слезах.

— Уже ч-четыре раза Р-равна не выходила на связь. Ну что с ней случилось?

Голос его сорвался на визг. Шкуродер и не знал, что аппарат, каким люди производят похожие на отрыжку звуки, обладает такой гибкостью.

Амди собрал вокруг мальчика большинство элементов и стал лизать Джефри щеки.

— Может, у нас ультраволновик поломался. — Он беспомощно поглядел на Шкуродера: у щенков

тоже глаза были на мокром месте. — Тиратект, пожалуйста, попросите Стального. Пусть позволит нам остаться на корабле целый день. Возможно, сообщения поступают, но не фиксируются.

Шкуродер со Стальным спустился по лестнице северного вала и пересек плац. Частью сознания он улавливал ворчливый гундеж спутника насчет скверной выправки солдат при построении на плацу. По крайней мере, Стальному хватило ума проводить показательные казни на Тайном Острове, подальше отсюда.

Шкуродер с Ранголитом и разведчиками переплывал горный поток. Даже высоким летом, в разгар суховейного сезона, тут уцелели снежные пятна, и потоки, питаемые ими, были холодны, как лед.

Шкуродер с Амдиджефри подался вперед, позволив двойке Амди прижаться к себе. Дети любили физический контакт, а больше у них никого постороннего для этого не было. Извращение, спору нет, но Шкуродер жизнь свою выстроил, манипулируя чужими слабостями, так что ему было в целом приятно, если не считать боли. Он издал плечами глубокое урчание, поглаживая лежащего рядом щенка.

— Хорошо, я попрошу Стального Владыку, когда

в следующий раз увижу его.

— Спасибо.

Щенок ткнулся в его мантию и, к счастью, тут же отбежал. У Шкуродера в этом месте под мантией была сплошная ссадина. Возможно, Амди это почувствовал, но… чем дальше, тем больше дети отдалялись от Шкуродера. Реплика в разговоре со Стальным была неохотным признанием правды: эта парочка ему и впрямь не доверяла. Винить за это следовало Тиратект. Сам по себе Шкуродер без труда завоевал бы любовь Амдиджефри; он был лишен убийственной ярости и легкоранимого самолюбия Стального. Шкуродер умел болтать удовольствия ради, искусно сплетая правду с выдумкой. Одним из величайших талантов его было сопереживание — истинные садисты всегда одарены этим диагностическим качеством. Но стоило ему расчистить почву и склонить их к доверию, как вылезали Ти, Ра или Текст, искажая его выражение или корежа начатую фразу. Возможно, следует удовольствоваться подрывом доверия детей Стальному (воздерживаясь при этом от прямых обвинений в его адрес). Шкуродер со вздохом погладил Джефри по руке:

— Равна появится, это точно.

Человек шмыгнул носом и потянулся погла-

дить Шкуродера по голове там, где мантия не закрывала шерсть. Так они некоторое время сидели в уютной тишине, и внимание Шкуродера постепенно уплыло… в лес, к отряду Ранголита. Отряд шел в гору уже минут десять. Остальные были налегке и к подобным упражнениям привычны. Элементы Шкуродера отставали. Он издал шипение в сторону передового.

Тот сдал назад, остальные шустро расступились. Остановился в пятнадцати футах от Шкуродера, считая по ближнему элементу. Головы солдата покачались:

— Чего изволите… повелитель?

Этот был из новеньких; ему рассказали про мантии, но Шкуродер видел, что солдат толком ничего не понимает. На темных мантиях сверкали золотые и серебряные нити — цвета владык домена. Но присутствовала только пара элементов Шкуродера; в обычных стаях такой фрагмент с трудом мог бы поддержать разговор, а уж о приказах и речь не заходила. Не меньше смущало солдата, как догадывался Шкуродер, отсутствие мыслешума. *Нежит*ь, так называли двойку между собой некоторые бойцы, полагая, что их никто не слышит.

Шкуродер указал вверх по склону; линия дере-

вьев была лишь в нескольких ярдах.

— Дальноведчик Ранголит на другой стороне. Мы пройдем напрямик, — вяло произнес он.

Часть собеседника уже глядела в том направлении.

— Но, господин, это не очень разумно. — Боец говорил медленно. *Чтоб ты провалилась, тупорылая двойка*, добавляла его поза. — Плохие стаи увидят нас.

Шкуродер зыркнул на него: двумя элементами это сложновато сделать как следует.

— Солдат, разве ты не видишь золото на моих плечах? Даже один мой элемент стоит вас всех. Если я приказываю срезать путь, значит так и поступим, даже если придется ползти на животах по острой гальке. — На самом-то деле Шкуродер точно знал, где расположены посты Проныры. Тут можно было без опаски пройти по открытой местности. А он очень устал.

Передовой все еще не был уверен, кто такой Шкуродер, но видел, что элементы в темных мантиях источают такую же угрозу, как любая стая властителей в полном составе. Он униженно пополз восвояси. Отряд развернулся и через несколько минут пересек вершину холма, выйдя на вересковую пустошь.

Командный пункт Ранголита менее чем в полумиле…

Шкуродер со Стальным вошел во внутренний донжон. Камень был свежетесаный, стены возводились в лихорадочной спешке, что было характерно для замка в целом. В тридцати футах над головами своды сходились с контрфорсами, и там в камне были проделаны небольшие дыры. Вскоре их, как и щели в стене по периметру взлетно-посадочного поля, заполнят порохом. Гостеприимные Челюсти, так называл их Стальной. Он обернулся к Шкуродеру одной головой:

— Что поделывает Ранголит?

— О, прости. Он в отлучке. Должен быть здесь, то есть в лагере, с минуты на минуту.

Шкуродер изо всех сил старался скрывать, что сам участвует в вылазках. Это не воспрещалось, но Стальной, несомненно, потребовал бы объяснений.

Шкуродер с бойцами Ранголита продирался через влажный тяжелый вереск. Ветер дул с подтаявшего снежника, принося приятную прохладу, и холодные язычки его проникали даже под проклятые мантии.

Ранголит выбрал удачное место для командного пункта, разбив лагерь в небольшой ложбине на

краю крупного озерца, которое летом полностью вскрывалось ото льда. В сотне ярдов располагался крупный подтаявший снежник, оттуда по холму в озерцо стекали ручейки, и воздух тут был приятно прохладным. Палатки лагеря еще не показались, но с такой высоты от края ложбины открывался превосходный вид на три стороны света, с центром на юге. Снабжению с севера почти ничто не угрожало, и даже если лес внизу загорится, командный пункт уцелеет.

Дальноведчик Ранголит возился с сигнальными зеркальцами, смазывая механизм. Один из его адъютантов лежал на вершине холма, свесив морды вниз и оглядывая местность в подзорные трубы. Завидев Шкуродера, Ранголит отвлекся, но не испугался. Как и многие разведчики, проводившие большую часть времени в далеких отлучках, он не слишком пересекался с ужасами замковой политики. Кроме того, Шкуродер сразу наладил с ним панибратские отношения в духе «мы бойцы, а они — штабные крысы». Ранголит принялся было костерить передового:

— Еще раз увижу, как рыщешь по открытой местности, зады надеру!

— Это моя вина, Дальноведчик, — влез Шкуродер. — У меня важные новости.

Они отошли подальше от солдат, в сторону личной палатки Ранголита в низине.

— Видел что-нибудь интересненькое? — заговорщицки усмехнулся Ранголит. Он давно уже понял, что Шкуродер — не гениальная двойка, а часть стаи, остальные элементы которой в замке.

— Когда у тебя следующий выход на Понурого? — Это была кодовая кличка Проныры.

— Сразу после полудня. Он не пропустил ни одного за четыре дня. Южане, кажется, засели все в одном большом лагере.

— Все изменится. — Шкуродер повторил приказы, переданные ему Стальным для Проныры. Слова давались тяжко. Предательница внутри его запротестовала; он чувствовал признаки ее серьезной атаки.

— Ничего себе! Вы собираетесь всех перебросить к Марграмскому Перевалу меньше чем за два… Ладно, мне лучше не знать.

Под мантиями двойка Шкуродера ощетинилась. Есть пределы фамильярности. Ранголит полезен, но потом, когда все закончится, его полезно будет переделать во что-нибудь… менее кустарное.

— Это все, повелитель?

— Да… постой. — Шкуродер вздрогнул: нерешительность была для него нехарактерна. Трудность с этими мантиями в том, что иногда так сложно вспомнить нужные вещи… *О Стая Всемогущая, только не это!* Опять Тиратект вылезла. Стальной приказал убить девчонку Древорезчицы. Учитывая сложившиеся обстоятельства, ход вполне оправданный, но…

Шкуродер со Стальным яростно замотал головами, сжав зубы.

— В чем дело? — спросил Стальной Владыка. Мытарства Шкуродера с радиомантиями доставляли ему явное наслаждение.

— Ничего особенного, повелитель. Статика. — На самом деле никакой статики не было, но Шкуродеру казалось, будто он вот-вот распадется. Да что же дало этой дуре такую мощь?

Шкуродер с Амдиджефри клацал челюстями снова и снова, открывал и закрывал пасти. Дети испуганно отскочили.

— Все в порядке, — сказал он мрачно, хотя два его тела аж стукнулись друг о дружку.

Действительно, Йоханну Ольсндот целесообразно было бы оставить в живых по целому ряду причин. В долгосрочной перспективе это поможет заручиться поддержкой Джефри. Почему бы

Шкуродеру не обзавестись тайной союзницей среди людей? Если подделать сообщения о смерти Двуногой для Стального и… «Нет, нет!» Шкуродер овладел собой, отшвырнув эти рассуждения. Приемчики, какие он сам применил к Тиратект, теперь обернулись против него же. «Со мной это не сработает. Я повелитель *лжи*».

Но тут она снова пошла в атаку, и все мысли из него выбило, точно ударом дубины.

Его элементы — со Стальным, с Ранголитом, с Амдиджефри — все как один издавали тихие невнятные звуки. Стальной Владыка бегал вокруг, не понимая, то ли подтрунивать, то ли тревожиться. Ранголит вытаращился на него с искренним любопытством.

Дети подошли и коснулись его.

— Вам больно? Вам больно?

Человек просунул эти замечательные *руки* под радиомантию и слегка погладил окровавленную шерсть Шкуродера. Мир расплылся в статических помехах.

— Не надо. Не делай так. Ты можешь хуже сделать, — послышался голос Амди. Щенки тянули к нему мордочки, пытаясь помочь с мантиями.

Шкуродер чувствовал, как его отпихивают, сталкивают в бездну забытья. Теперь Тиратект

перешла в лобовую атаку, не пытаясь обольстить или усовестить его, и…

… и восхищенно осмотрелась. «Столько дней прошло, и я снова стала собой. Я контролирую стаю». Хватит убивать невиновных. Если кто и должен подохнуть, так это Стальной и Шкуродер. Голова ее поворачивалась, следя за движениями Стального, выбирая элемента, который отошел дальше всех. Она подобрала под себя лапы, готовясь вцепиться ему в глотку. «Подойди еще чуть-чуть ближе… и сдохни, тварь».

Последнее мгновение ясности ума Тиратект не заняло, вероятно, и пяти секунд. Ее атака на Шкуродера была актом отчаяния, она отдала все силы, не оставив ничего в резерве для внутренней обороны. Готовясь прыгнуть на Стального, она уже ощутила, как ее душу тянут назад и вниз, как из тьмы внизу поднимается Шкуродер. Лапы элемента дернулись и обмякли, она стукнулась мордой о камень…

…и Шкуродер снова перехватил контроль. Атака слюнтяйки его изумила. Она и вправду пожалела тех, кого следовало бы убить, так пожалела, что готова была пожертвовать собой, уничтожив Шкуродера. И тем подписала себе смертный приговор. Самоубийственные порывы

никогда еще не помогали подчинить себе стаю. Искренняя решимость ее ослабила контроль над подсознанием и указала Хозяину шанс, которым тот воспользовался. Он овладел стаей снова и обрел значительное преимущество. Нападение Тиратект оставило ее беззащитной. Глубинные ментальные барьеры, окружившие тройку ее бывших элементов, неожиданно истончились, будто кожура перезрелого фрукта. Шкуродер прорвался сквозь мембрану, вонзил когти в плоть ее разума, разметал его на ошметки и растоптал. Трое, составлявшие ядро ее личности, останутся жить, но души, отдельной от его собственной, уже никогда не обретут.

Шкуродер со Стальным растянулся плашмя, сделав вид, что потерял сознание, и судороги его унялись. Пусть Стальной Владыка подумает, что тот лишился чувств. За это время на ум придет наиболее правдоподобное объяснение.

Шкуродер с Ранголитом медленно поднялся, хотя оба элемента еще не вышли из позы стесненной мысли. Он стянул их вместе. Тут объяснений не требовалось, но лучше, чтобы Дальноведчик не заподозрил в нем душевного расстройства.

— Мантии — мощный инструмент, дорогой Ранголит; временами даже слишком.

— Да, повелитель.

Шкуродер позволил себе улыбнуться. Мгновение он молчал, наслаждаясь готовыми прозвучать словами. Нет, от слабовольной дуры не осталось и следа. Это была ее последняя, и лучшая, попытка перехватить контроль. Последняя и самая грубая ошибка. Улыбка Шкуродера поползла дальше, зацепив двойку с Амдиджефри. Ему вдруг подумалось, что он никого не приказывал убивать с тех самых пор, как вернулся на Тайный Остров. Следовательно, кровь Йоханны Ольсндот станет первой на трех его мордах.

— Дальноведчик, есть еще одно задание для Понурого. Необходимо устранить…

И пока он объяснял задание в подробностях, по элементам его расползалось приятное тепло верного решения.

Глава 35

Единственное приятное последствие задержки — раненым выпала передышка. Теперь Проныра обнаружил дорогу в обход шкуродерников, и солдатам не терпелось сняться с места, но…

Йоханна провела последний день в полевом госпитале. Госпиталь состоял из неправильных прямоугольников, каждый примерно шестиметровой ширины. Некоторые были уставлены драными палатками — там помещали тех, кто сохранил еще достаточный для заботы о себе уровень интеллекта. Других окружили простыми выгородками, по изгороди на элемента, бывшего некогда частью слитной стаи. Синглетам ничего не стоило перепрыгнуть ее, но большинство смутно понимали ее предназначение и оставались внутри.

Йоханна катила по госпиталю уставленную снедью тележку, останавливаясь, чтобы покормить то одного пациента, то другого. Тележка была для нее великовата, иногда застревала меж корней. Но с такой работой она справлялась лучше любой стаи, и ей нравилось чувствовать себя полезной.

В лесу вокруг госпиталя то и дело фыркали керхоги, которых запрягали в фургоны, или орали артиллеристы, грузившие пушки и паковавшие инвентарь. Из карт, продемонстрированных Пронырой на Совете, следовало, что следующие денька два будут жаркими во всех смыслах, но в конце концов армия выйдет на высоту глубоко в тылу ничего не подозревающих шкуродерников.

Она остановилась у первой маленькой палатки. Тройка, занявшая ее, услышала шаги девочки и уже выскочила наружу, наматывая вокруг тележки небольшие круги.

— Йоханна, Йоханна! — кричала тройка ее же голосом.

Все, что осталось от одного из младших стратегов Древорезчицы. Когда-то он владел самношком. Первоначально стая состояла из шести элементов, но половину убили волки. Выжившие были «рассказчиками» — интеллектом достигавшими уровня пятилетнего ребенка, хотя и с необычным словарным запасом.

— Спасибо за еду. Спасибо тебе.

Тройка тыкалась в нее мордами. Она потрепала их, прежде чем потянуться в тележку и достать горшочки с теплым мясом. Двое тут же сунулись туда, но третий отошел в сторонку и сел пого-

ворить.

— Я слышал, у нас скоро бой.

«Не для тебя, но…»

— Да. Мы пойдем по высохшему водопаду, как раз на востоке отсюда.

— Уй, ой, — сказал синглет. — Уй. Ой, это плохо. Плохо видно, нет контроля, засады боюсь. — Вероятно, фрагмент сохранял некоторые воспоминания о прежней своей тактической работе. Но Йоханна не могла ему втолковать аргументы Проныры.

— Не беспокойся, мы все сделаем правильно.

— Ты уверена? Ты обещаешь?

Йоханна улыбнулась живым останкам некогда симпатичной в общении стаи:

— Да. Я обещаю.

— Ах-ах-ха… Ну хорошо. — Все трое уткнулись мордами в горшочки. Этим на самом-то деле повезло. Осколок стаи проявлял значительный интерес к происходящему вокруг. Не менее важен был и его почти детский энтузиазм. Странник говорил, что такие фрагменты в конце концов легко собираются в нормальную стаю, если за ними правильно ухаживать и дать завести щенка-двух.

Она перетащила тележку еще на несколько

метров, к огороженному участку — символическому коралю для синглета. Там слабо воняло дерьмом. Некоторые синглеты и двойки потеряли способность ухаживать за собой; да и в любом случае отхожая яма всего в сотне метров.

— Эй, Черныш, Черныш! — Йоханна постучала пустым горшочком по краю тележки. Из кустов высунулась морда; иногда это создание даже и так не реагировало. Йоханна опустилась на колени, чтобы глаза ее были ненамного выше черношерстной морды. — Черныш?

Элемент выбрался из кустов и медленно направился к ней. Все, что осталось от одного из пушкарей Щепетильника. Йоханна с трудом его припоминала: красивая шестерка, вся из крупных, сильных элементов. Но сейчас даже «Черныш» мало походил на себя прежнего: ему на задние лапы упал ствол. Он таскал безногий огузок на маленькой тележке с тридцатисантиметровыми колесами… вроде наездника, только с передними конечностями. Она поставила перед ним горшочек с едой и повторила звуки, которым научил ее Странник. Черныш последние три дня отказывался от еды, но сегодня подъехал поближе, чтобы она его погладила. Через минуту он таки опустил морду в горшок.

Йоханна усмехнулась: приятная неожиданность. Странное местечко этот госпиталь. Год назад он бы девочку напугал; даже сейчас подход Когтей к раненым был ей неприятен. Продолжая гладить Черныша по склоненной голове, Йоханна оглядела просвет в лесной чаще: палатки, пациентов, фрагментов. Это и вправду госпиталь. Хирурги делали что могли, спасая жизни, хотя в отсутствие анестетиков медицина тут была жутким ремеслом. В известном смысле вполне средневековым, каким его описывал в применении к человечеству данник Йоханны. Но у Когтей имелись свои отличия. Место это скорее служило складом запчастей. Медики старались выходить *стаи*. Для них синглеты были просто обломками, которые можно использовать, наскоро приводя в рабочее состояние другие фрагменты, даже если те долго и не продержатся. Если синглет был ранен, то по шкале врачебных приоритетов его автоматически уносило в самый низ.

— Там мало что можно спасти, — объяснял ей один врач через Странника, — а если б и можно было, разве ты захотела бы принять в себя калеку-полудурка?

Он слишком устал, чтобы заметить абсурдность вопроса. С его морд капала кровь; он часами на-

пролет работал, спасая раненых для уцелевших стай.

Кроме того, многие раненые синглеты менее чем за десятидневку прекращали есть и умирали. Даже проведя с Когтями год, Йоханна не вполне с этим свыклась. Каждый синглет напоминал ей Грамотея; она желала им лучшей участи, чем последнему его фрагменту. Она взяла на себя кормление и проводила с одиночными ранеными не меньше времени, чем с более крупными фрагментами. И это приносило результаты. Она могла приблизиться к пациенту, не раздражая его мыслешумом. Ее помощь давала заводчикам время изучить невредимых синглетов и более крупные осколки стай, чтобы затем попытаться составить здоровые.

И теперь, быть может, этот элемент не уморит себя голодом. Она сообщит о нем Страннику. Тот чудеса творил, подбирая комбинации, и казался Йоханне единственной стаей, способной отчасти разделить чувства девочки к раненым синглетам.

— Если они не отказываются от еды, это часто служит признаком силы разума; даже искалеченными они могут принести стае пользу, — говорил Странник. — Меня в путешествиях вдоль и по-

перек увечили; нельзя предугадать и соломки подстелить, когда именно ужмешься до тройки за тысячи миль от знакомых мест.

Йоханна поставила рядом с кормом миску воды. Помедлив, калека повернулся на своей тележке и сделал несколько маленьких глотков.

— Держись, Черныш, мы тебе найдем стаю, которой ты сможешь стать.

Читиратт был там, где ему было приказано быть, патрулируя свой участок точно по графику. И все же он немного нервничал. Он всегда по крайней мере одной головой следил за этой человечицей, за Двуногой. Никаких подозрений его поза вызвать не могла. Ему полагалось охранять участок, то есть — смотреть во все стороны. Он нервно перекладывал арбалет из челюстей в сумку и обратно. Еще несколько минут…

Читиратт снова обошел госпиталь. Это было несложное задание. Хотя здесь пожары пощадили лес, вся крупная живность тем не менее сбежала вниз по течению, от суховея. Тут, вблизи реки, земля поросла мягким кустарником, колючки попадались редко. Обходя госпиталь, он почти мог вообразить себя на юге, в зеленых владениях Древорезчицы. Вот несколькими сотнями ярдов восточнее велась тяжелая работенка

— там готовили к подъему на перевал фургоны и амуницию.

Фрагменты понимали: что-то происходит. Там и сям головы их выныривали из палаток и поднимались с подстилок. Они следили, как грузят фургоны, вслушивались, ловя знакомые голоса. Самые тупые рвались выполнять воинский долг; он даже загнал трех почти здоровых синглетов назад в кораль. От таких обломков никакой пользы. Когда армия возьмется покорять Марграмский Перевал, госпиталь оставят здесь. Читиратт с радостью бы остался тоже. Он достаточно давно служил Начальнику и просек, от кого в действительности исходят приказы. Читиратт подозревал, что с Марграмского Перевала вернутся немногие.

Он повернул к Двуногой три пары глаз. Это последнее задание было самым опасным за всю его карьеру. Если все пройдет, как задумано, можно попросту потребовать, чтобы Начальник оставил его при госпитале. «Но будь осторожен, старина. Проныра бы не достиг нынешнего положения, если бы не зачищал следы». Читиратт видел, что сталось с тем выходцем из восточных земель, который совал носы в дела Начальника.

Какая же тормознутая эта человечиха! Она с

этим синглетом уже пять минут булькает. По тому, сколько она проводит с ними времени, можно подумать, будто сексом занимается! Ну что ж, скоро узнает цену такой близости. Он начал было взводить арбалет, потом передумал. «Несчастный случай, несчастный случай. Помни, все должно выглядеть, словно несчастный случай».

Ага. Двуногая собирала объедки и миски с водой, грузила их в тележку. Читиратт неприметно скользнул по периметру госпиталя, расположась на виду у двойки Кратци — фрагмента, который и должен совершить убийство.

Кратциниссинари был пехотинцем, пока не лишился фрагментов Ниссинари. С Начальником или тайной стражей его ничто не связывало. Но он был известен как сумасшедшая стая, состоящая в основном из сук, стая, неизменно балансирующая на краю боевого безумия. Обычно увечье до двух элементов такие стаи смягчало. В этом случае… что ж, Начальник утверждал, что Кратци специально натаскали и он как взведенный капкан. От Читиратта требовалось лишь присутствовать там, нести бдительную стражу. Он быстро продырявит Кратци мозги стрелами… но, увы, уже не успеет спасти Двуногую.

Человечиха неуклюже тащила тележку через

кустарник в сторону следующего пациента, которым и был Кратци. Двойка выбралась из своей норы, выкрикивая неразборчивые приветствия, которых даже Читиратт толком не понял. Впрочем, звучали в них полутонами грозные нотки убийственной ярости под покровом показного дружелюбия. Конечно, Двувногая не уловила их. Еще миг, и она опустится к земле, поставить еду… Читиратт чуть не поддался соблазну застрелить ее, если Кратци подведет. Он мог выдать это за трагический промах. Двуногая ему действительно не нравилась. Человечиха внушала страх: такая высокая, движется неуверенно-механически. Он уже понимал, что она гораздо уязвимей стай, но думать о такой умной синглетке по-прежнему было жутковато. Он отогнал искушение чуть ли не быстрей, чем оно возникло. Нечего и говорить, он поплатится за подобное, даже если его оправданиям о несчастном случае поверят. Нет, сегодня у него нет настроения для альтруистических порывов. Кратци сделает работу сам, своими зубами и когтями.

Одна голова Кратци смотрела примерно на Читиратта. Вот Двуногая взяла горшки, отвернулась от повозки с кормом…

— Привет, Йоханна, как ты там?

Йоханна подняла голову от горшочков и увидела на краю госпиталя Странника Викврэкшрама. Он подошел так близко, как мог, не мешая пациентам думать. Охранник, стоявший там за мгновение до этого, отошел при появлении Странника и остановился на несколько метров дальше.

— Отлично, — сказала она. — Ты помнишь того, на тележке? Он сегодня немного поел.

— Хорошо. Я подумывал насчет того, чтоб слить его с той тройкой на другом конце госпиталя.

— Увечным врачом?

— Да. От Треллелака одни самки остались. Я слушал их мысли и…

Объяснял Странник на превосходном самношке, но Йоханна мало что понимала. Стайная селекция пестрила терминами, для которых даже Странник не мог подыскать аналога, понятного человеку. Одно было очевидно: поскольку Черныш самец, есть вероятность, что у него и тройки, оставшейся от врача, вскоре появятся щенки, которые и дополнят стаю. Остальное — дело «резонанса настроений» и «смешения слабостей с достоинствами». Странник говорил, что сам не заводчик, а так, любитель, но, что любопытно, многие врачи (и даже сама Древорезчица) часто

его слушались. Он в странствиях повидал многое. Предложенные им «запчасти» приживались чаще всего.

Наконец Йоханна сделала рукой жест: помолчи, мол.

— Хорошо. Когда я всех тут накормлю, попробуем.

Странник скосил пару голов внутрь госпиталя:

— Тут что-то странное творится. Не могу «пальцем показать», но… все фрагменты следят за тобой. Даже сильнее обычного. Ты это чувствуешь?

— Нет, — ответила Йоханна, пожимая плечами.

Она опустилась на колени — поставить рядом с ущербной двойкой пациента воду и корм. Пара аж вибрировала от нетерпения, хотя вела себя вежливо и вперед не лезла. Краем глаза Йоханна уловила странное движение охранника — тот склонил две средние головы, и… И ее словно двумя огромными кулаками ударили в лицо и грудь. Йоханна упала, двойка оказалась сверху. Девочка вскинула окровавленные руки, закрываясь от разящих когтей и клыков.

Когда Читиратт подал сигнал, оба Кратци бросились друг на друга, почти случайно опрокинув

человечиху на спину. Их зубы и когти рвали воздух и собственные тела не меньше, чем Двуногую. На миг Читиратт застыл в удивлении. Может, она и не мертва еще. Потом опомнился и перепрыгнул ограду, на лету вскидывая и заряжая арбалет. Пожалуй, первым выстрелом придется промазать — Кратци кромсал Двуногую, но не так, чтобы… И вдруг возможность стрелять в двойку пропала. Кратци и человечиху захлестнула рычащая черно-белая волна. Каждый здоровый фрагмент госпиталя, казалось, ринулся в атаку. Всплеск убийственной ярости был куда сильнее, нежели у обычных стай. Читиратт отскочил в изумлении перед этим зрелищем и его мыслешумом.

Казалось, что даже пилигрима это зацепило; стая пронеслась мимо Читиратта и забегала вокруг свалки тел. Странник так и не рискнул ворваться в самую сечу, но кидался туда-сюда, выкрикивая слова, терявшиеся в общем гаме.

Из своры вырвался координированный мыслевопль такой силы, что Читиратта в двадцати ярдах оглушило. Свора будто съежилась, провалилась внутрь, и большинство ее элементов неожиданно успокоились. Подобие огромного зверя из двух дюжин тел внезапно развалилось на смятенную, окровавленную ораву случайных

элементов.

Пилигрим все еще бегал по краю драки, каким-то чудом сохраняя рассудок и память о цели. Его крупный элемент, весь в шрамах, нырял в толпу, разил когтями тех, кто еще продолжал сражаться, вырывался обратно и кидался снова.

Пациенты потихоньку отползали от страшного места. Некоторые тройки и двойки ужались до синглетов, другие же, напротив, прибавили в числе. Почва была залита кровью. Погибло не менее пяти элементов. Посередине валялась пара колес от протезной тележки.

Пилигрим не обращал внимания. Четверка стояла, окружив кровавую кучу в самом центре и склонившись над нею.

Читиратт ухмыльнулся про себя. Двуногую раздавило, ай-яй, какая трагедия.

Йоханна ни на миг не теряла сознания, но боль и удушающая тяжесть десятков тел выбили из головы связные мысли. Наконец давление ослабло. Где-то на фоне общего гвалта слышались крики на нормальном межстайном. Она подняла глаза и увидела стоящего вокруг Странника. Шрамозадый сидел на ней верхом, закрывая от нападения, его морда оказалась в считаных сантиметрах от ее лица. Он склонился над ней и облизал лицо.

Йоханна улыбнулась и попыталась заговорить.

Проныра все устроил так, чтобы оказаться на совещании с Древорезчицей и Щепетильником. В данный момент «командующий артиллерией» был по уши занят тактическими премудростями, показывая с помощью Данника свои планы наступления на Марграмский Перевал.

Тут снизу, от реки, налетел шквал яростных воплей.

Щепетильник с омерзением оторвал морды от Розового Слоника.

— Ну что опять такое…

Шум нарастал, и это уже была не мелкая потасовка. Проныра с Древорезчицей, не переставая обмениваться тревожными взглядами, вытянули шеи посмотреть, что там, за деревьями.

— Драка в госпитале? — предположила королева.

Проныра уронил планшет и бросился прочь, крикнув охранявшим место совещания стаям, чтоб оставались с королевой. Пробегая через лагерь, он видел, что бродившие вокруг гвардейцы уже несутся в госпиталь. Все шло гладко, как программа в Даннике… но почему такой гвалт?

На последних сотнях ярдов Щепетильник обогнал его и вырвался вперед. Артиллерист

ворвался в госпиталь и замер, ошеломленный. Проныра бросился на открытое место, готовясь выказать горестное изумление и готовность к немедленным действиям.

Странник Викврэкшрам стоял вокруг тележки с кормом для пациентов, чуть позади него — Читиратт. Пилигрим склонился над Двуногой, лежащей в самом центре поля бойни. «Во имя Стаи Стай, что тут стряслось? Начать с того, что крови слишком много…»

— Все назад, кроме врачей! — рявкнул Проныра на солдат, которые теснились на краю поляны. Прошел по выбранному пути, обходя пациентов, мысливших громче всех. У многих были свежие раны, на бледной коре деревьев виднелись темные пятна крови. «Что-то пошло не так».

Меж тем Щепетильник обежал госпиталь по периметру и уже оказался всего в паре дюжин ярдов от Странника. Большая часть его стаи смотрела на землю рядом с Викврэкшрамом.

— Это же Йоханна! Йоханна! — Казалось, еще миг — и этот придурок кинется на колья ограды.

— Думаю, с ней все в порядке, Щепетильник, — сказал Викврэкшрам. — Она тут кормила одну двойку, а та сбрендила и напала на нее.

Какой-то врач осматривал место драки. На зем-

ле валялись три трупа, но по количеству крови было видно, что это не всё.

— Интересно, что она такого сделала, чтобы их спровоцировать?

— Говорю тебе, ничего! Но стоило ей упасть, как половина госпиталя сюда слетелась и атаковала этих вот, как их там.

Он ткнул носом в неузнаваемые останки.

Проныра воззрился на Читиратта, следя в то же время, не появится ли Древорезчица.

— А ты что скажешь, солдат? — спросил он.

«Ну, Читиратт, только не обделайся тут».

— В-все было точно так, как пилигрим говорит, господин мой. Я никогда ничего похожего не видел. — Он был искренне ошеломлен случившимся.

Проныра подошел к Страннику:

— Странник, можно мне взглянуть?

Викврэкшрам колебался. Он обнюхивал девочку, проверяя, нет ли ран, требующих немедленной помощи. Потом та слабо кивнула ему, и пилигрим отошел в сторону.

Проныра приблизился к ней, сама серьезность и забота. Внутри же он кипел от ярости. Он никогда о таком не слышал. Но даже примчись ей на помощь весь гребаный госпиталь, она уже

должна быть мертва; пара Кратци ей за полсекунды горло вырвала бы. Его план ему казался защищенным от дураков (и даже теперь провал не принес непоправимого ущерба), но Проныра только теперь начинал понимать, где допустил ошибку. Человечиха уже много дней была в тесном контакте с этими пациентами, даже с Кратци. Никакой врач-Коготь не сумел бы к ним приблизиться и коснуться их так, как Двуногая. Даже некоторые здоровые стаи поддавались этому влиянию; на фрагментов же она воздействует ошеломляюще. В глубине души большинство пациентов считали чужачку своей частью.

Он оглядел Двуногую с трех сторон, понимая, что пятьдесят стай следят за каждым его движением. Очень мало крови принадлежало самой Двуногой. Порезы на шее и руках были длинными, но неглубокими: бесцельные взмахи лап. В последнее мгновение внушенная Кратци ненависть отступила перед осознанием человечихи как своего элемента. Но даже случайный взмах лапы мог бы вскрыть ей глотку. Проныра прикинул, не поместить ли ее под заботу тайной стражи. В случае Грамотея уловка сработала, но сейчас риск будет очень велик. Странник стоял нос к носу с Йоханной, и любые заявления насчет

«неожиданных осложнений» его насторожат. «Нет. Даже превосходные планы иногда проваливаются. Считай это уроком на будущее».

Он улыбнулся девочке и сказал на самношке:

— Сейчас ты в полной безопасности.

«В данный момент и к великому несчастью».

Голова девочки дернулась в сторону Читиратта.

Щепетильник рыскал взад-вперед вдоль изгороди так близко, что Читиратту со Странником пришлось отступить.

— Я в это не верю! — громко заявил артиллерист. — Наша самая важная персона подверглась такой атаке. Тут смердит вражеским заговором!

Викврэкшрам вылупился на него:

— Но как?

— Не знаю! — заорал Щепетильник отчаянно. — Но ей защита нужна не меньше медицинской помощи! Проныра пускай найдет, где ее спрятать!

Пилигрима довод явно впечатлил и заставил занервничать. Он склонил голову в сторону Проныры и произнес с нетипичной для себя вежливостью:

— Что скажешь?

Конечно, Проныра все это время следил за

Двуногой. Удивительно, как мало способны маленькие люди скрывать, куда направлено их внимание. Йоханна посмотрела сперва на Читиратта, теперь на Проныру. Ее подвижные глазки сузились. Проныра за последний год особо поработал, изучая человеческую лицевую мимику, как на Йоханне, так и по ролевым сценкам из Данника. Она что-то заподозрила. И возможно, поняла кое-что из речи Щепетильника. Спина ее выгнулась, рука слабо приподнялась. К счастью для Проныры, получился у нее не вопль, а шепот такой слабый, что он и сам едва расслышал:

— Нет… не надо… как Грамотея…

Проныра высоко ценил тщательные планы. Но он знал, что даже самые ценные схемы надо приспосабливать к обстановке. Он глянул вниз на Йоханну и улыбнулся с правдоподобнейшей симпатией. Слишком рискованно убивать ее, как фрагмента Грамотея, но альтернативы, как он понимал теперь, гораздо хуже. Благодарение небесам, Древорезчица все еще плелась с той стороны лагеря. Он кивнул Страннику и собрался вместе.

— Боюсь, что Щепетильник прав. Как именно ей помочь, я пока не знаю, но пускать все на самотек нельзя. Мы перенесем Йоханну ко мне в

берлогу. Сообщите королеве.

Он снял со спин мантии, чтобы осторожно укрыть девочку для последнего в ее жизни путешествия. Лишь глаза ее протестовали.

Йоханна то приходила в себя, то снова теряла сознание, ужасаясь неспособности выкрикнуть вслух свои подозрения. Самые громкие вопли ее звучали шепотками. Руки и ноги ее могли только подергиваться, и даже эти движения сковывали мантии Проныры. «Может, сотрясение мозга?» — всплыло объяснение из абсурдно рационального уголка разума. Все так отдалилось и потемнело…

Йоханна проснулась у себя в хижине, в городе Древорезчицы. «Какой жуткий сон! — Ей привиделось, что ее всю изодрали, обездвижили, а Проныра оказался предателем. Она попыталась сесть, но не получилось. — Проклятые простыни закрутились». Она полежала секунду в тишине, продолжая стряхивать обескураживающий сон.

— Древорезчица? — попробовала позвать Йоханна, но вырвался лишь слабый стон. Какой-то элемент пошевелился у очага. Комната была слабо освещена, и что-то в ней было не так. Йоханна лежала не на обычном своем месте. Мгновение апатии; она постаралась сориентироваться в тем-

ных стенах. Интересно. Потолок ужасно низкий. Воняет сырым мясом. У нее ныла щека, на губах чувствовалась кровь. Она не у Древорезчицы, а этот кошмар…

Три головы — Когти — склонились над ней. Неясные силуэты. Одна придвинулась, и в тусклом свете Йоханна узнала черно-белый узор на морде.

Проныра.

— Отлично, — сказал он, — ты пришла в себя.

— Где я? — Слова получились вялые, невнятные. Ужас вернулся к ней.

— В заброшенной арендаторской хижине на восточном конце лагеря. Я ее занял. В качестве логова для тайной стражи, ну ты понимаешь.

Он говорил на самношке спокойно и бегло, одним из стандартных голосов Данника. В одной пасти у него был клинок, и лезвие тускло отсвечивало в полумраке.

Йоханна извивалась в коконе из мантий, пытаясь закричать. Что-то с ней было неправильно: будто кричишь, не набрав воздуха.

Одним элементом Проныра бегал по чердаку хижины. По морде его плясали пятнышки дневного света, когда он по очереди выглядывал в узкие щелки между бревен.

— Ага, хорошо, что ты не притворяешься. Я вижу, ты каким-то образом догадалась о моей… второй работе. Хобби. Но крики, даже громкие, тебе не помогут. У нас мало времени на разговоры. Уверен, что королева вскоре явится… но прежде я тебя убью. Какая жалость. Скрытые ранения оказались неожиданно серьезными и привели к трагическому исходу.

Йоханна не совсем понимала, что он говорит. При каждом движении головой перед глазами все плыло. Она все еще не могла припомнить, что там случилось на госпитальной поляне. Проныра каким-то образом оказался предателем, но как… Воспоминания ускользали, боль затмевала их.

— Ты убил Грамотея, ведь так? Зачем?

Голос ее стал громче прежнего. Она поперхнулась кровью в глотке и откашляла ее.

Мягкий человеческий смех послышался отовсюду вокруг.

— Он узнал обо мне правду. Забавно, что этот олух единственный меня раскусил… Или ты спрашиваешь в более общем смысле? — Три морды рядом придвинулись, клинок коснулся щеки Йоханны. — Бедная Двуногая, я не уверен, что ты поймешь ответ. В какой-то мере — ради власти. Я читал, что в Даннике написано про мотивы

человеческого поведения, весь этот «фрейдизм». Мы, Когти, устроены намного сложней. Я почти весь из самцов, ты этого не знала? Опасная штука, когда ты одного пола. Безумие рыщет рядом. Но я так решил. Я устал быть изобретателем средних талантов, устал жить в тени Древорезчицы. Сколь многие из нас — ее отпрыски, и она доминирует над нами всеми. Она была довольна, скажу тебе, когда я пошел в тайную стражу. У нее как раз недоставало нужной комбинации элементов. Она считала, что наличие в стае только одной самки сделает меня управляемо-сдвинутым.

Его часовой сделал очередной круг, выглядывая в щелки. Снова прозвучал человеческий смешок.

— Я долго строил планы. Я не только против Древорезчицы действую. Властная сторона ее души обитает по всему приполярному побережью. У Шкуродера почти столетие форы передо мной; Стальной новичок, но у него империя, построенная Шкуродером. Я сделал себя незаменимым для всех. Я начальник тайной стражи Древорезчицы… и самый ценный шпион Стального. Если все правильно разыграть, я стану обладателем Данника, а остальные погибнут.

Клинок опять уткнулся ей в лицо.

— Думаешь, что могла бы помочь мне? — Он

всмотрелся в ее залитые ужасом глаза. — Очень сомневаюсь. Если бы мой план сработал полностью, ты бы уже валялась мертвая. — По комнате прокатился вздох. — Но он провалился, и я вынужден убивать тебя сам. Что ж, не исключено, что это к лучшему. Данник — кладезь информации обо всем на свете, но о пытках в нем едва упоминается. В некоторых отношениях вы так хрупки, вас так легко убить. Вы умираете прежде, чем вам вырывают разум. Однако мне известно, что боль и ужас испытывать вы можете; фокус в том, чтобы применить насилие, не убивая.

Ближняя тройка расселась в непринужденных позах, как человек для серьезного разговора.

— И есть у меня вопросы, на которые ты можешь дать ответ, но которые я прежде ставить не осмеливался. Стальной, знаешь ли, очень уверен в себе, и не только потому, что у него шпион в стане Древорезчицы, сиречь я. У этой стаи есть еще какое-то преимущество. Мог он заполучить другой Данник?

Проныра сделал паузу. Йоханна молчала, то ли от ужаса, то ли от омерзения. Этот монстр убил Грамотея.

Морда, сжимавшая кинжал, придвинулась, скользнула между Йоханной и одеялами. Боль

пронзила кисть девочки. Она вскрикнула.

— Ага, Данник говорил, что в этом месте человеку больно. Нет нужды отвечать, Йоханна. Ты знаешь, какова, по моему мнению, тайна Стального? Я полагаю, выжил кто-то из твоих близких. Вероятнее всего, маленький брат, учитывая твои рассказы о побоище.

«Джефри? Жив?» На миг боль отступила, да и страх почти отхлынул.

— Но как…

Проныра пожал плечами на стайный манер:

— Ты же не видела его мертвым. Ты можешь быть уверена, что Стальной нуждался в живом Двуногом, а почитав про холодный сон в Данни-ке, я глубоко сомневаюсь, что он мог бы оживить кого-то из спящих. А какой-то секрет у него есть. Он интересуется информацией из Данника, но ни разу не потребовал, чтоб я украл для него само устройство.

Йоханна смежила веки, будто отрицая само существование предателя. «Джефри жив!» Ее захлестнули воспоминания. Джефри радостно играет, плачет, храбрится на борту корабля беженцев… она-то думала, что никогда этого не вспомнит. На миг эти воспоминания показались более реальными, чем насилие и раны последних

минут. «Но как мог бы Джефри помочь шкуродерникам? Остальные данники просто сгорели. Там что-то еще, и даже сам Проныра этого не понимает».

Проныра сгреб ее за подбородок и встряхнул:

— Глаза разуй… Я научился читать по ним, я хочу видеть… Гм, не знаю, поверила ты мне или нет. Не важно. Было бы время, я бы разузнал, как именно он мог помочь Стальному. У меня есть вопросы поважнее. Данник — ключ ко всему, это ясно. Менее чем за полгода мы с Древорезчицей и Странником получили колоссальную информацию о вашей расе и ее цивилизации. Осмелюсь утверждать, что мы знаем вас лучше, чем вы сами себя, и, как мне порою кажется, лучше, чем собственную планету. Когда резня утихнет, победителем выйдет стая с Данником. Этой стаей намерен стать я. И я частенько задумывался, нет ли там других паролей или программ, которые я мог бы запустить, чтобы они следили за моей безопасностью…

«Нянькин код».

Следившие за ней головы покачались в стайной усмешке.

— А-а, значит, таки есть! Не было бы счастья, да несчастье помогло… этим утром. Я бы никогда

не узнал… — Речь его разбилась на резкие диссонирующие аккорды. Два элемента Проныры подскочили к часовому, кружившему на чердаке вдоль оконных щелок. Затем тихий голос в ее ухе продолжил: — Это Странник, он еще далеко, но приближается… Не знаю. Лучше бы тебя сразу убить. Глубокая рана в незаметном месте. — Нож просунулся дальше. Йоханна что есть силы заворочалась в коконе, пытаясь увернуться от острия, но тщетно. Потом клинок убрался, скользнув по ее коже. — Ну ладно, послушаем, что Странник имеет нам сказать. Нет смысла убивать тебя, если он не настоит на том, чтобы увидеть тебя лично.

Он вставил ей в рот кляп и туго затянул его тесемки.

Мгновение тишины, нарушаемой лишь цоканьем когтей по гравию рядом с хижиной. Затем снаружи, из-за деревянных стен, донеслось булькающее ворчание стай. Йоханна сомневалась, что когда-нибудь научится различать стаи по голосам, но… разум ее с трудом продирался сквозь эти звуки, пытаясь расшифровать сливающиеся друг с другом аккорды.

— Йоханна *(что-то вопросительное, скрип)* безопасно.

Проныра булькнул в ответ:

— Приветствую, Странник Викврэкшрам. Йоханна *(вибрирующая трель)* без видимых повреждений *(что-то грустное)* не уверен *(писк)*.

И предатель прошептал ей на ухо:

— Теперь он спросит, не нужна ли мне помощь в уходе за тобой, и если примется настаивать… нашу беседу придется прервать преждевременно.

Но Странник лишь издал сочувственное хоровое ворчание.

— Да этот олух тут просто так расселся, — раздраженно зашептал Проныра.

Еще мгновение тишины, и Странник сказал человеческим голосом, голосом Джокера из Данника, на чистом, разборчивом самношке:

— Проныра, старина, не делай глупостей, а?

Проныра испустил звук вежливого удивления и сомкнулся вокруг девочки. Лезвие проткнуло кожу Йоханны меж ребер еще на сантиметр: ей казалось, что там впилась колючка. Она чувствовала, как лезвие трепещет, ощущала дуновение дыхания элемента с кинжалом на своей окровавленной коже.

Странник продолжал спокойным, доверительным тоном:

— В смысле, мы же в курсе, что ты затеял. Твоя стая в госпитале раскололась и все немногое, что

знала, выложила Древорезчице. Ты думаешь, она поверит твоему вранью? Если Йоханна умрет, тебя на куски порежут, понял? — Он загудел тоном тревожного сигнала Данника: — Я ее хорошо знаю, свою королеву. Она такая грациозная… но откуда, по-твоему, почерпнул Шкуродер свою зловещую изобретательность? Убей Йоханну, и ты узнаешь, насколько гений королевы превосходит в этом отношении таланты Шкуродера.

Нож отодвинулся. Еще один элемент Проныры подскочил к оконным щелкам, а двое рядом с Йоханной ослабили хватку. Он мягко провел лезвием по ее коже. «Размышляет? Действительно ли Древорезчица так страшна в гневе?» Четверка у щелей смотрела во все стороны; Проныра явно пересчитывал свою охрану и что-то лихорадочно планировал. Ответил он на самношке:

— Угроза выглядела бы убедительней не из вторых лап.

Странник коротко фыркнул:

— О да. Но мы догадались, что случится, если королева посетит тебя лично. Ты осторожен; ты бы сей же миг прикончил Йоханну и потом изощрялся бы в фальшивых объяснениях, не зная даже, что королеве все известно. Но при виде скромного пилигрима вроде меня… Я знаю, ты

мнишь меня дураком, немногим сообразительнее Грамотея Джакерамафана. — Странник запнулся на этом имени, на миг сбившись с небрежного тона. — В любом случае, теперь ты в курсе. Если сомневаешься, отправь своих псов за опушку и посмотри, как королева тебя обложила. Если убьешь Йоханну, тебе не жить. Кстати, а наш разговор на эти темы вообще имеет смысл?

— Да. Она жива. — Проныра вытащил кляп у Йоханны. Она закашлялась и повернула голову. По щекам текли слезы.

— Странник, ой, Странник! — Слова прозвучали немногим громче шепота. Она болезненно вдохнула, сконцентрировалась на создании звука. Перед глазами плясали светлые пятна. — Эй, Странник!

— Да, Йоханна. Он тебе сделал больно?

— Немножко. Я…

— Достаточно. Она жива, Странник, но это легко исправить.

Проныра не стал вставлять кляп. Йоханна видела, как он нервно потирает лапами морды, бегая по чердаку. Он провизжал что-то насчет «патовой ситуации».

Странник ответил:

— Проныра, говори на самношке. Я хочу, чтобы

и Йоханна тебя понимала. А ты на самношке можешь вилять не хуже, чем на стаеречи.

— Как пожелаешь. — Голос предателя звучал непринужденно, однако элементы его не прерывали нервного бега. — Королева должна понять, что положение патовое. Я убью Йоханну, если мне не гарантируют должного обхождения, без дураков. Но Древорезчица в любом случае не посмеет меня тронуть. Ты хоть понимаешь, какой капкан расставил Стальной на Марграмском Перевале? Я единственный знаю, как его обойти.

— Подумаешь! Я все равно не собирался идти этой дорогой.

— Да, Странник, но твое мнение тут веса не имеет. Ты безродная дворняжка. Древорезчица понимает, как опасна ситуация. Силы Стального обладают всеми преимуществами, которые я отрицал, а вдобавок я пересылал им любую информацию, какую мне удавалось выудить из Данника.

— Мой брат жив, Странник, — сказала Йоханна.

— О… Ты предатель-рекордсмен, Проныра, э? Все, что ты нам говорил, было враньем, а Стальной знал о нас всю правду. Ты серьезно полагаешь, что мы не посмеем тебя за это убить?

Смешок, и Проныра перестал носиться по чердаку. «Он видит, что снова оказался хозяином положения».

— И даже более того, вам нужно мое сотрудничество. Всех моих элементов. Видишь ли, я преувеличил число вражеских агентов в стане Древорезчицы, но они тут действительно есть. Не исключено, что Стальной внедрил и других, о которых я не знаю. Если вы меня хотя бы просто арестуете, шкуродерникам немедленно станет это известно. Бóльшая часть моей информации утратит ценность — а вы столкнетесь с немедленной атакой превосходящих сил противника. Видишь? Я нужен королеве.

— А почем нам знать, что ты не врешь?

— В этом-то и вся соль, э? И сравнима задача по сложности только с гарантией моей безопасности по завершении похода. Не сомневаюсь, что твой дворняжий умишко с нею сладить не способен. Мне нужно поговорить с Древорезчицей. Там, где нас никто не услышит и не помешает. Передай ей мое предложение. Она не сможет содрать шкуры с предателя, но если пойдет на сотрудничество с ним, то сохранит свои!

Снаружи молчали, только на деревьях поблизости раздавался птичий щебет. Внезапно

Странник рассмеялся.

— Дворняжий умишко, так? Ну что ж, Проныра, ты меня сделал в этом плане. Я обошел весь мир, мне полтысячи лет, но из всех негодяев, предателей и гениев не было никого, равного тебе по бесстыжей наглости!

Проныра издал аккорд — непереводимый, но выражавший мрачное удовлетворение.

— Я польщен.

— Отлично. Я передам королеве твои условия. Надеюсь, вы там двое что-нибудь да сообразите… А, еще одно. Йоханна должна пойти со мной. Таково требование королевы.

— Требование королевы? Мне это больше напоминает дворняжью сентиментальность.

— Возможно. Однако тем самым ты докажешь серьезность своих намерений. Рассматривай это как залог сотрудничества.

Проныра обернулся к Йоханне всеми мордами, молча поглядел на нее, еще раз — напоследок — пробежался вдоль щелей.

— Хорошо, я отпущу ее.

Двое прыгнули ко входу в берлогу, еще пара перетащила Йоханну туда по земляному полу. Голос Проныры прозвучал совсем близко и очень тихо:

— Гребаный Странник. Живая, ты только про-

блемы мне будешь создавать у королевы.

Перед глазами у нее проплыл кинжал.

— Не лезь ко мне, ясно? Я собираюсь выйти сухим из воды.

Он откинул дверку. В лицо Йоханне ударил ослепительный дневной свет. Она прищурилась, разглядела стену хижины и нависшие ветки. Проныра тащил и перекатывал носилки с девочкой по лесной подстилке, не переставая обмениваться со стражниками повелительным бульканьем. Они со Странником некоторое время вежливо беседовали, назначая срок, в который пилигрим должен будет вернуться.

Потом Проныра элемент за элементом залез к себе в берлогу. Подошел Странник, сгреб носилки с Йоханной за ручки. Один из его щенков высунулся из кармана и обнюхал ее лицо.

— Ты в порядке?

— Не уверена. Меня в голову ударили… и дышать трудно.

Он ослабил путы на ее груди, а остальными элементами потянул прочь от хижины. В тени деревьев было мирно и прохладно…

… и повсюду маячили стражники Проныры. «Сколько же у него клевретов?» Два часа назад Йоханна считала их своими защитниками. Те-

перь же каждый взгляд в ее сторону вызывал у девочки дрожь. Она перекатилась к центру носилок, снова почувствовав тошноту, уставилась вверх: меж веток и листвы мелькало дымное небо. Какие-то зверьки вроде страумлианских древобельчиков гонялись друг за другом, рассерженно чирикая.

«Забавно. Почти год назад меня тащили Грамотей со Странником, я была ранена еще тяжелее, и меня все пугало, прежде всего они сами». Теперь же… Йоханну ничье появление в жизни так не радовало. Даже Шрамозадый, трусивший рядом, внушал ей спокойствие и уверенность.

Страх понемногу отступал. Осталась ярость, хотя более рассудочная, чем год назад. Она понимала, что произошло; участники игры были ей знакомы, предательское убийство не было случайностью. После всех предательств Проныры, после всех его душегубств, после того, как он замышлял их всех погубить… его собираются отпустить! Странник и Древорезчица посмотрят на это сквозь лапы!

— Он убил Грамотея, Странник. Он Грамотея убил… — «Разрезал на фрагменты, догнал сбежавшие останки и добил прямо у нас в руках». — И Древорезчица ему это спустит? Как так можно?!

Как ты так можешь?

Снова наворачивались слезы.

— Ш-ш, ш-ш.

Перед нею замаячили две головы Странника. Посмотрели на нее сверху вниз, нервно подергиваясь. Она потянулась к ним, взъерошила короткий плюшевый мех. Странника трясло! Один его элемент придвинулся ближе и заговорил голосом, далеким от уверенного:

— Йоханна, не знаю я, как поступит королева. Ей об этом ничего не известно.

— Ка…

— Ш-ш. — Голос его стал едва различимым жужжанием, пробился сквозь ладонь: — Его стражники все еще видят нас. Он может догадаться… Знаем только мы с тобой, Йоханна. Не думаю, чтобы кто-нибудь еще сообразил.

— Но та стая, которая расколо…

— Блеф. Сплошной блеф. Я в своей жизни много чего вытворял, но эта затея по отвязности идет сразу после нашей с Грамотеем вылазки к твоему кораблю… Когда Проныра тебя увез, я начал размышлять. Ты не так уж сильно пострадала. И все это сильно напоминало случай с Джакерамафаном, но у меня не было улик.

— И ты никому не сказал?

— Нет. Я такой же олух, как бедняга Грамотей, не правда ли? — Он посмотрел во все стороны. — И если бы прав я был, то он оказался бы достаточно глуп, чтобы не убивать тебя сразу же. Я так боялся опоздать…

«И опоздал бы, не окажись Проныра таким чудовищем, каков он есть».

— В любом случае, я раскрыл его почти так же, как бедолага Грамотей: волею случая. Но если пройдем еще семьдесят метров, то не умрем, как Грамотей. И все, что я вешал на уши Проныре, станет правдой.

Она погладила ближайшего элемента по плечу и оглянулась. Халупа в кольце стражников скрылась за опушкой.

«И Джефри жив!»

Шифрование: 0 [95 зашифрованных пакетов отброшены]

Получено: Борт «Эльвиры», без модификаций

Путь перевода: Тредешк → трисквелин (диалект СК)

От: Зонографический Эйдолон [сообщество или религиозный орден Срединного Запределья, поддерживается несколь-

кими тысячами подписчиков из числа цивилизаций Нижнего Запределья, в частности тех, кому угрожает погружение]

Тема: Обновление Приливного Бюллетеня, пинг

Рассылка в/на: сообщество подписчиков Зонографического Эйдолона, группу по интересам Зонометрика, группу по интересам Угрозы (подгруппу навигации, всем отпингованным)

Дата: 1087892301 секунда после 239011-го Калибровочного События в системе отсчета Эйдолона (66,91 дня после Падения Сьяндры Кей)

Ключевые фразы: событие галактического масштаба, сверхсветовая скорость, призыв оказать помощь в чрезвычайной ситуации

Текст сообщения: (Пожалуйста, во всех откликах на пинг укажите точное локальное время.)

Если вы получили это, значит колоссальный Прилив отхлынул. Новая поверхность Зоны, насколько можно судить, представляет собой устойчивую

пену низкой размерности (2.1–2.3). В новой конфигурации по крайней мере пять цивилизаций оказались поглощены, а тридцать девственных звездных систем достигли Запределья. (Подписчики, интересующиеся подробными сведениями, найдут их в зашифрованной сводке после этого бюллетеня.)

Изменение соответствует по размаху процессам, наблюдаемым обычно за два года по всей галактической поверхности Медленной Зоны, однако сдвиг продлился менее двухсот часов и охватил менее тысячной доли этой поверхности.

Даже эти параметры не дают точного представления о масштабах случившегося. (Далее приводятся приблизительные оценки: многие сайты уничтожены, аппаратура слежения не откалибрована для событий такого размаха.) В максимуме Прилив взметнулся на 1000 световых лет над Стандартной Поверхностью Зоны. Скорость более 30 миллионов световой (примерно световой год в секунду) сохранялась на промежутках более ста секунд. Отчеты от наших подписчиков показы-

вают, что прямыми жертвами Прилива стали более десяти миллиардов нормализованных разумных существ (по причинам отказа локальных сетей, коллапса систем управления климатом, медицинских систем, устройств передвижения, систем безопасности). Заявленный экономический ущерб намного выше.

Сейчас важнее всего понять, что нам принесут хвостовые волны. Наши прогнозы построены по данным зонометрических анализов и наблюдениям с оснащенных необходимой аппаратурой сайтов, а также экстраполируют исторические сведения из архивов. За исключением долговременных тенденций, наука пока бессильна предсказать зонные сдвиги, однако подписчики высоко оценивают наши усилия по предсказанию хвостовых волн и определению доступности новых миров. В нынешней ситуации опыт всей нашей работы практически бесполезен. Точные записи, которыми мы располагаем, уходят в прошлое на десять миллионов лет. Сверхсветовые приливы случаются примерно каждые двадцать

тысячелетий (обычно на скоростях менее 7,0 с). Ничего подобного нынешнему чудовищному явлению в наших файлах не отмечено. Отдаленно сходный прилив описан со слов третьих лиц в старых и замусоренных базах данных: если им верить, то аналогичное событие произошло пятьдесят миллионов лет назад в галактике Скульптора. [Рукав Персея] нашей галактики, вероятно, испытал что-то похожее полмиллиарда лет назад.

Такая неопределенность делает нашу Миссию почти невозможной и выступает хорошим поводом запостить данное сообщение в открытый доступ для новостной группы Зонометрика и других участников. Все, кого интересуют зонометрика и космонавигация, должны приложить усилия к решению этой проблемы. Мы примем любую помощь – идеи, доступ к архивам, алгоритмы. Мы обещаем значительное вознаграждение тем, кто не подписан на наши услуги, и эквивалентный обмен тем, кто предоставит важные данные.

Замечание. Мы также направляем это

сообщение оракулу Свндвп и передаем напрямую в те точки Трансценденции, которые считаем обитаемыми. Наверняка событие такого масштаба представляет интерес даже там. Мы обращаемся к Силам наверху: позвольте нам поделиться с вами своей информацией. Намекните, если у вас есть идеи на этот счет.

В качестве жеста доброй воли мы приведем здесь свои свежайшие оценки. Они основаны на линейной экстраполяции хорошо задокументированных приливов для данной области. Подробности см. в незашифрованном приложении к настоящему сообщению. В течение следующего года воспоследует от пяти до шести хвостовых волн все убывающих скорости и размаха. В течение этого времени будут перманентно поглощены еще по крайней мере две цивилизации (см. список субъектов риска). Хотя интенсивность хвостовых волн нарастать не будет, в регионе сохранится обстановка зонной бури. Навигация в области [приведены координаты] крайне затруднится; мы рекомендуем воздержаться от полетов

через эту зону. Разработать надежные планы эвакуации цивилизаций, которым угрожает опасность, уже вряд ли получится. Наш долгосрочный прогноз (вероятно, наименее неопределенный): на постоянном сжатии Зон в масштабе миллионов лет это событие никак не скажется. Однако в следующие сто тысячелетий скорость просадки границы Медленной Зоны в этой области Галактики уменьшится.

И наконец, замечание философского характера. Мы, сообщество Зонографического Эйдолона, наблюдаем за зонными границами и орбитами примыкающих звезд. По большей части изменения эти очень слабы: 700 метров в секунду для долговременной просадки. Но вместе с орбитальным движением они ежегодно воздействуют на жизни миллиардов существ. Как в дотехнологическом мире влияют на жизнь засухи и ледниковые оползни, так и эти долговременные изменения определяют нашу: с этим мы должны смириться. Бури и приливы – явления, несомненно, трагические,

некоторым цивилизациям они приносят почти мгновенную смерть. Однако с ними мы поделать ничего не можем, ровно так же, как и с меньшими смещениями. За последние несколько недель некоторые новостные группы захлестнула волна сообщений о войнах и боевых флотилиях, о миллиардах жертв столкновения рас. Всем участникам – и тем, кто продолжает жить в мире вокруг них, – мы говорим: взгляните на Вселенную. Ей это не важно. Вся наша наука бессильна предотвратить некоторые катастрофы. Пред ликом Природы и злое и доброе равно ничтожны. Лично нас это радует: Вселенная достойна восхищения в том, что ее нельзя склонить к добру или злу, она просто *существует*.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Эльвиры», без модификаций

Путь перевода: Арбвит → торговый-24 → чергелен → трисквелин (диалект СК)

От: Твирлип Туманный [вероятно, организация тучелетчиков одиночной

системы с планетами юпитерианского типа. Раньше появлялся очень редко]

Тема: Причина недавнего Великого Прилива

Рассылка в/на: Угроза Погибели, Великие тайны мироздания, группу по интересам Зонометрика

Дата: 66,47 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: зонная неустойчивость и Погибель, Гексаподия как ключевая идея

Текст сообщения: Заранее извинюсь, если повторяю очевидные выводы. Мой единственный гейт на Сеть очень дорог, и я пропускаю много важных сообщений. Нынешний Великий Прилив, судя по всем признакам, явление космического масштаба и редкости. Более того, комментаторы помещают его эпицентр в область, удаленную менее чем на 6000 световых лет от недавнего столкновения с участием Погибели. Может ли это оказаться простым совпадением? Уже давно выдвигаются теории [цитаты из различных источников, в том числе

трех, «Эльвире» известных; цитируемые теории давно устоялись и нефальсифицируемы], что сами Зоны – артефакт, вероятно, созданный чем-то за пределами Трансценденции для защиты низших форм жизни или [гипотетически] разумных газовых облаков в ядрах галактик.

Ныне, впервые за всю историю Сети, над Запредельем фактически доминирует Трансцендентная форма жизни, а именно Погибель. Многие участники Сети [цитирует Хансе и Сандора на Зоо] полагают, что Погибель ищет на Дне какой-то артефакт. Удивительно ли, что эти действия могли нарушить Естественное Равновесие и спровоцировать недавнее событие?

Пожалуйста, отпишитесь мне и сообщите, что вы по этому поводу думаете. Я получаю мало почты.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Эльвиры», без модификаций

Путь перевода: Белорешк → трисквелин (диалект СК)

От: Альянс во Имя Защиты [как утверждается, этим термином обозначают себя пять сотрудничающих поливидовых империй областей Запределья, лежащих Ниже Страумлианского Простора. До Падения Простора сведений о них не было. В противовес этой информации различные источники (в том числе «Внеполосный-II») указывают, что этот Альянс выступает лишь прикрытием старой Апрахантской Гегемонии. Ср., напр., Террор бабочек]

Тема: Наша отважная миссия завершена

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, группу по интересам Homo Sapiens

Дата: 67,07 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: Действия, а не треп

Текст сообщения: Вслед за действиями против человеческого гнезда на [Сьяндре Кей] часть нашей флотилии устремилась в погоню за людьми и прочими контролируемыми Погибелью силами ко Дну Запределья. Очевидно, Искажение наде-

ялось защитить эти силы, поместив их в среду слишком опасную, чтобы им могли бросить вызов. Этот план оказался сорван стараниями отважных командиров и экипажей Альянса. Теперь мы можем сообщить, что убегавшие силы врага понесли значительный урон.

Первая крупная операция нашего Альянса увенчалась колоссальным успехом. Погибель, лишившись самых верных своих сторонников, приостановила расползание по Срединному Запределью. Однако впереди еще много работы.

Флот Альянса возвращается в Срединное Запределье. У нас некоторые потери, нам требуется существенная дозаправка. Нам известно, что в Запределье остались еще компактные гнездовья людей, и мы выявили второстепенные расы, которые пособничают людям. Все разумные существа доброй воли да поднимутся на защиту Срединного Запределья. Элементы Флота нашего Альянса вскоре посетят системы в регионе [приведены координаты]. Мы просим у вас поддержки и споспешествования в борьбе с тем, что

осталось от этого ужасного врага.

Истребим паразитов!

Глава 36

Кьет Свенсндот был один на мостике «Эльвиры», когда Прилив миновал. Они уже давно проделали все нужные приготовления, а двигателей для Медленной Зоны, окружившей их, корабль не имел. Тем не менее групп-капитан большую часть времени проводил именно тут, пытаясь добиться хоть сколько-нибудь вменяемой реакции от уцелевшей автоматики. Полуидиотическое программирование помогало убить время не хуже узелкового вязания и, подобно ему же, наверняка восходило к истокам человеческой цивилизации.

Разумеется, сам момент подъема из Медленной Зоны прошел бы абсолютно незамеченным, не поставь они с дирокимами тревожные сигнализаторы. Как только это случилось, шумовые и световые сигналы привели капитана в состояние столь бодрое, что волосы дыбом встали. Он стукнул по панели корабельного интеркома:

— Глимфрелль! Тиролль! Тащите сюда хвосты!

Когда братья возникли в командной рубке, данные предварительного расчета уже красовались на навигационных экранах, а последователь-

ность скачков ожидала подтверждения. Двое, с улыбками до ушей, влетели на мостик и пристегнулись к боевым постам. Несколько мгновений их оживленное чириканье перемежалось свистом дирокимского наслаждения. За последние сто с небольшим часов они уже не раз репетировали процедуру, а с убогой автоматикой работы предстояло выше крыши. Понемногу дисплейные окна рубки обрели резкость. Вначале изображение было размытым и неясным: ультраволновые сенсоры отслеживали индивидуальные следы, постепенно улучшая оценку векторов и расстояний. В окне коммуникатора прокручивалась, разрастаясь, лента входящих сообщений от остальных кораблей флотилии.

Тиролль поднял глаза от консоли.

— Слышите, начальник, графики прыжка вполне себе ничего, по крайней мере для первой пробы.

— Отлично. Отправь и разреши автодополнение.

В часы внутри Прилива они решили, что первоочередной целью остается погоня. А что потом? Об этом спорили долго, а групп-капитан Свенсндот размышлял еще дольше. Штатные ситуации кончились.

— Есть, капитан! — Длинные пальцы дирокима заплясали над консолью, а ‘Ролль присовокупил несколько голосовых команд. — Бинго!

Диагностика показала пять выполненных скачков. Десять. Кьет несколько секунд смотрел в окно естественного обзора. Изменений не видно, не видно… а потом одна из ярчайших звезд сместилась, неуловимо скользнула по небосклону. «Эльвира» набирала скорость, как жонглер — уверенность по ходу номера.

— Эй, эй! — Глимфрелль склонился глянуть на плоды трудов брата. — Мы выдаем один и две десятых светового года в час. Это лучше, чем было до Прилива.

— Отлично. Связь и устройства слежения?

«Где все остальные и куда направляются?»

— Да-да. Я над этим работаю.

Тонкая фигура Глимфрелля опять склонилась к панели. Несколько секунд он провел в молчании. Свенсндот взялся листать почту. От Владелицы Лимменде пока ничего. Двадцать пять лет Кьет прослужил в Коммерческой охране Сьяндры Кей и под началом Лимменде. Отважится ли он на мятеж? И если да, то кто за ним пойдет?

— Хорошо. Дела обстоят так, начальник. — Глимфрелль вывел свой анализ состояния

корабельных систем в главное окно. — В общем-то, мы все угадали верно. Если и хуже, то ненамного. — Они почти сразу поняли, что сдвиг — явление беспрецедентное в истории; дироким не это имел в виду, говоря «хуже». Короткие пальцы его прочертили по экрану расплывчатую синюю линию. — Мы предположили, что передний фронт Прилива движется по нормали к этой линии. Это согласуется с наблюдением, что он накрыл Владычицу Лимменде за четыреста секунд до «Внеполосного-II», а нас — еще через десять секунд после него. Теперь, если предположить, что хвостовой профиль аналогичен таковым для обычных приливов — но в миллион раз крупнее, — тогда мы, а затем и другие корабли флотилий преследования вынырнем задолго до «Внеполосного-II». — Он указал на единственную сияющую точку — «Эльвиру». Впереди и вокруг появлялись десятки новых: корабельные детекторы фиксировали начальные этапы ультраскачков. Было похоже, что от корабля во тьму тянется холодное пламя. В конце концов Лимменде и ядро безмолвного флота тоже вернутся к делу. — Наш скачковый регистратор показывает примерно такую картину. Бóльшая часть кораблей погони выйдет из Прилива рань-

ше «Внеполосного-II».

— Гм. Значит, они потеряют часть форы.

— Угу. Но если они направляются туда, куда мы и думаем, — к звезде класса G, до которой было восемьдесят световых лет, — то успеют первыми, прежде чем их уничтожат. — Он остановился, указывая на туманное облачко, расползавшееся от светоносного пучка. — Не все продолжают погоню.

— Да… — Свенсндот, слушая отчет ‘Фрелля, продолжал читать новости. — Если верить Сети, Альянс во Имя Защиты покидает поле боя. Победителем.

— Что?

Тиролль резко дернулся в пристежке. Его большие темные глаза утратили часть привычной смешливости.

— Вы меня слышали.

Кьет показал братьям сообщение. Двое быстро прочли его. ‘Фрелль бормотал себе под нос: *…стараниями отважных командиров… убегавшие силы врага понесли значительный урон…*

Глимфрелля затрясло. Куда делся его прежний легкомысленный тон!

— Даже не заикнулись о Приливе. Все это — трусливая ложь!

Голос его взвился за пределы обычного речевого диапазона, и он продолжил уже на своем языке. Кьет кое-что понимал. Дирокимы, покидавшие обители грез, отличались легким нравом, хотя были склонны к легкому сарказму и эксцентричным выходкам. Поведение Глимфрелля сейчас мало от них отличалось, если не считать высокотонового свиста и оскорблений таких цветастых, какие Свенсндоту от него еще не доводилось слышать: «выползки червивой коровьей лепешки… убийцы безобидных грез…» Это и на самношке звучало внушительно, а на дирокимском «выползки червивой коровьей лепешки» рождали сенсорную ассоциацию, от которой по каюте, того и гляди, вонь эдакой гадости поползет. Голос Глимфрелля взмывал все выше и выше, пока не вырвался за пределы слышимости. Вдруг дироким обмяк, затрясся и глухо застонал. Дирокимы умеют плакать, но Свенсндот прежде никогда этого не видел. Глимфрелль покачивался в объятиях брата.

Тиролль глянул на Кьета через плечо Глимфрелля:

— Куда теперь ведет нас возмездие, групп-капитан?

На миг Кьет не нашелся что ответить.

— Я позже сообщу, лейтенант. — Он посмотрел на дисплеи. «Послушай и понаблюдай еще немного, и тогда, быть может, сообразишь». — Тем временем веди нас к центру погони, — добавил он мягко.

— Есть, капитан.

Тиролль нежно погладил брата по спине и отвернулся к своей консоли.

Следующие пять часов команда «Эльвиры» наблюдала, как флот Альянса в беспорядке удирает наверх. Это даже отступлением нельзя было назвать, а только паническим бегством. Великие приспособленцы не гнушались вероломными убийствами и без раздумий кидались в погоню за легкой добычей. Теперь, столкнувшись с перспективой угодить в ловушку Медленной Зоны или погибнуть меж звезд, они драпали кто куда. Их бюллетени для новостных групп, как и прежде, источали браваду, но маневр замаскировать не могли. Комментаторы, ранее сохранявшие нейтралитет, подметили несоответствие; чем дальше, тем больше их приходило к выводу, что Альянс под контролем Апрахантской Гегемонии и, вероятно, стремится отнюдь не к бескорыстному противостоянию с Погибелью. Строились нервные предположения, кого Альянс выберет

следующей своей целью.

Крупные трансиверы продолжали отслеживать продвижение флотилий. Не нужно было даже на основную магистраль вылетать. Новостной трафик превратился в широкий водопад, и «Эльвира» в нынешнем своем положении не справлялась с ним. Тем не менее Свенсндот старался следить за новостями. Где-то может промелькнуть идея, отыскаться ключ… Большинство участников Наблюдателей войны и группы Угроз гибель Сьяндры Кей и Альянса сами по себе интересовали мало. В основном они страшились Погибели, которая продолжала расползаться по Вершине Запределья. Никому из высокожителей не удалось с нею совладать, и ходили слухи, что две Силы, вздумавшие вмешаться, уничтожены. Кое-кто (пропагандисты Погибели?) одобрял новый порядок на Вершине, пускай даже основанный на повсеместном паразитизме.

Фактически только внизу, где шла погоня за «Внеполосным-II», Погибель еще не восторжествовала. Неудивительно, что на эту тему поступало десять тысяч сообщений в час.

С геометрией отлива «Эльвире» невероятно повезло. Начинали они в отстающих, а теперь обрели фору в несколько часов перед главны-

ми силами. Глимфрелль и Тиролль работали интенсивно, как никогда прежде: следили, как всплывают флотилии, и подтверждали другим судам Коммерческой охраны, что «Эльвира» та, кем кажется. Покуда Скритс и Лимменде не всплывут из Медленной Зоны, Кьет Свенсндот за старшего в организации. Более того, многие командиры знали его лично. Кьет был не тем человеком, из каких получаются адмиралы: чин групп-капитана он получил в награду за исключительное летное мастерство на защите Сьяндры Кей. Он всегда без колебаний подчинялся нанимателям. Но не сейчас.

Групп-капитан воспользовался преимуществами служебного ранга. Он запретил гнаться за кораблями Альянса. («Дождитесь, пока сможем действовать согласованно», — распорядился Свенсндот.) Появляясь из прилива, флотилия получала новые планы, в том числе и на случай гибели флагмана. Кьет намекнул некоторым командирам, что это отчасти так и есть, что флагманский корабль Лимменде захвачен врагом, а силы Альянса каким-то образом оказались прислужниками этого истинного противника. Очень скоро Кьет уже не волен будет уйти с дороги своей «измены».

Флагман Лимменде и ядро Погибельного флота всплыли из Медленной Зоны почти одновременно. В командной рубке «Эльвиры» прозвучал сигнал: поступило и прошло расшифровку сообщение приоритетной важности.

— Источник: Лимменде, флагман. Приоритет: «Разрушитель звезд», — сказал корабль.

Глимфрелль вывел сообщение на главный экран, и Свенсндот почувствовал, как по шее ползет холодок уверенности.

> Всем кораблям пуститься в погоню за уходящими судами. Это силы врага, губители нашего народа. ВНИМАНИЕ! Подозревается маскировка. Уничтожить любые суда, возразившие этому приказу. Боевая разнарядка и коды валидации…

Боевая разнарядка даже по меркам Коммерческой охраны была проста. Лимменде хотела разделить флот и отослать его прочь не мешкая, кроме как для уничтожения «замаскировавшихся предателей». Кьет спросил у Глимфрелля:

— Что там с кодами валидации?

Дироким, казалось, вернулся в привычное расположение духа.

— Все чисто. Мы бы вообще не получили этого

сообщения, не используй отправитель сегодняшний одноразовый шифр… Начинают поступать запросы от остальных, командир. Аудио и видео. Они спрашивают, что делать.

Кьет не имел бы ни единого шанса поднять мятеж, если бы за последние несколько часов не подготовил его. Владычице Лимменде повиновались бы беспрекословно, будь Коммерческая охрана подлинно военной организацией. Однако она ею не была, и многие командиры задумывались над вопросами Кьета. На таких расстояниях видеосвязь несложна, а одноразовые шифры флотилии обслужили бы даже очень интенсивный трафик. Но «Лимменде» выбрала для послания приоритетной важности текстовую почту. С военной точки зрения та была ничуть не хуже, если шифр в порядке, однако Свенсндот именно это и предсказал: здесь, внизу, подменное командование флагманского корабля не отважится показать лица, понимая, что идеальная видеомаскировка невозможна. Приказы будут отдавать в текстовом виде или через обращения, которые внимательного наблюдателя тоже насторожат.

За такую соломинку сейчас хватались Кьет и его друзья.

Кьет вглядывался в световой пучок, представ-

лявший флот Погибели. Эти не колебались. Ни один корабль не отступил в безопасные вышины. Кто бы ни командовал флотилией, повиновались ему беспрекословно, как редко бывает у людей. Он все поставил на карту в погоне за одним маленьким звездолетом. «И что дальше, групп-капитан?»

Чуть впереди этого мазка холодного света возникла единственная искорка.

— «Внеполосный-II»! — воскликнул Глимфрелль. — До него шестьдесят пять световых. Начальник, я получаю от них зашифрованное видео. Тот же искалеченный одноразовый шифр с «исключающим ИЛИ», что и прежде. — Он вывел сигнал в главное окно, не дожидаясь указаний Кьета.

Это была Равна Бергсндот. Фоном шли странные звуки — возня и крики, словно спорили человек и наездник. Бергсндот тоже на кого-то кричала, отвернувшись от камеры. Похоже, за время после первого разговора с Кьетом дела у них пошли совсем наперекосяк.

— Сейчас это уже неважно, говорю ж тебе! Пусть его. Мы сейчас свяжемся… — Наверное, девушка заметила ответный сигнал Глимфрелля. — Они здесь! Фам, Силами прошу тебя, ну пожалуйста! —

Сердито махнув рукой, она обернулась в камеру:
— Групп-капитан, мы…

— Знаю. Мы сами недавно вышли из Прилива. Мы сейчас почти у центра погони.

У нее захватило дух. Конечно, эти сто часов она строила планы, но оказалась застигнута врасплох. «Как и я».

— Это уже кое-что, — сказала она спустя миг. — Прежние договоренности в силе, групп-капитан. Нам нужна ваша помощь. За нами гонится Погибель. Пожалуйста!

Свенсндоту в глаза бросился индикатор: хитрюга Глимфрелль ретранслирует передачу всем кораблям флотилии, кому может доверять. Отлично. Он вкратце рассказал о событиях последних часов, но куда важнее для него сейчас было просто видеть Равну Бергсндот на экране коммуникатора, видеть кого-то со Сьяндры Кей, кто выжил и нуждается в их помощи. «Ты можешь всю оставшуюся жизнь искать возмездия в Срединном Запределье, но убьешь ты одних стервятников. А за Равной Бергсндот, возможно, гонится истинный виновник».

Бабочки давно уже смотались, продолжая оглашать всю Сеть победными реляциями. Приказу «Лимменде» пуститься за ними в погоню

подчинилось менее одного процента кораблей Коммерческой охраны. Проблемы это не представляло; Кьета Свенсндота беспокоили те десять процентов, что остались позади и пристроились к флоту Погибели. Вероятно, не все они порабощены врагом: просто повинуются приказам тех, кого считают командованием. Трудно будет по ним стрелять.

А стрелять придется, в этом сомнений не осталось. Боевые маневры на ультрадвигателях — дело нелегкое, особенно если противник пытается избежать столкновения. Флот Погибели не прекращал погони за «Внеполосным-II», и две флотилии рано или поздно должны были сойтись в одной области пространства. До поры до времени раскиданные на просторах кубических светолет, они сближались с каждым прыжком, поскольку флот Аньяры, ведомый групп-капитаном, оказался лучше приспособлен к полетам на немощных двигателях в такой Глубине. Некоторые суда уже приблизились к врагу (или к местам, где тот был либо появится) на расстояние нескольких сот миллионов километров. Активировались системы целеселекции. До первой стычки оставалось несколько сот секунд.

— Теперь, когда апраханти сбежали, у нас чис-

ленное превосходство. Нормальный противник бы…

— Погибель — что угодно, но не нормальный противник.

Это заявил рыжеволосый чувак. Хорошо, что Глимфрелль не пересылал картинку с его изображением на остальные суда флотилии Свенсндота. Незнакомец держался заносчиво и отчужденно; сейчас, казалось, его обуяла мания высмеивать любую идею, высказанную Свенсндотом.

— Погибель не считается с жертвами, пока у нее остается шанс опередить нас.

Свенсндот пожал плечами:

— Тогда мы сделаем все, что сможем. Первый огневой контакт через семьдесят секунд. Если у них нет в распоряжении чего-нибудь эдакого, мы выйдем из перестрелки победителями. — Он смерил собеседника острым взглядом. — Или ты на это и намекаешь? Вдруг Погибель… — Продолжали разлетаться вести о расползании Погибели по Вершине Запределья. Несомненно, она обладает трансчеловеческим интеллектом. Безоружный человек способен одолеть стаю псов, хотя те многократно превосходят его числом. Так и Погибель?..

Фам Нювен покачал головой:

— Нет-нет, нет. Здесь, Внизу, тактика Погибели куда примитивнее твоей. На Вершине у нее колоссальное преимущество; там она вертит рабами, как пальцами руки. Здесь же, Внизу, ее создания подобны плохо синхронизированным уолдо. — Нювен нахмурился, глядя куда-то мимо камеры. — О нет, чего нам стоит опасаться, так это ее стратегических измышлений. — Голос его внезапно сделался отстраненным, это резко контрастировало с недавним нетерпением и, пожалуй, пугало. Не спокойствие храбреца перед лицом угрозы, а, скорее, беззаботность идиота.

— До огневого контакта сто секунд… Групп-капитан, у нас есть шанс, если вы сконцентрируетесь на нужных целях.

В верхней части картинки показалась Равна, положила руку на плечо рыжего. «Богосколок, — говорила она, — тайное оружие против врага». Богосколок, послание гибнущей Силы. Хлам или сокровище — кто может знать наверняка?

«Проклятье. Если те ребята — плохо синхронизированные уолдо, кем в таком случае хочет сделать нас Фам Нювен?» Но Кьет махнул Тироллю: пускай отметит цели, указанные Нювеном. Девяносто секунд. Время принимать решение. Кьет жестом обвел красные отметки Тиролля,

раскиданные в гуще вражеского флота.

— Есть в этих целях что-нибудь особенное, ‘Ролль?

Дироким мгновение размышлял, насвистывая что-то себе под нос. В окошках перед ним мучительно медленно проплывали данные корреляционного анализа.

— Нет, эти корабли ни быстрейшие, ни крупнейшие. Нам потребуется лишнее время, чтобы перенацелиться на них. — «Суда командования?» — Ага, вот еще одно. Некоторые из них обладают высокой собственной, а не остаточной скоростью. — «Корабли с ионными прямоточными движками? Разрушители планет?»

— Гм. — Свенсндот еще секунду смотрел на дисплей. Тридцать секунд, и «Люнснар»[20], корабль Йо Хауген, синхронизируется с первой целью. Но не с той, какую указывал Нювен. — Глимфрелль, прикажи «Люнснару» сменить позицию и перенацелиться.

Полная смена целей.

Огоньки, обозначавшие корабли Аньяры, медленно скользили по периферии Погибельного флота, выискивая новые цели. Прошло двадцать

---

[20] Примечания: 20

Lynsnar (*норв.*) — «молниеносный».

минут. Немало капитанов высказали возражения. Коммерческая охрана создавалась не для настоящей войны. Особенность эта, приведшая Кьета Свенсндота к успеху, порождала также нескончаемые споры и контрпланы. Вдобавок по каналу связи с Владелицей Лимменде сыпались угрозы: *уничтожить мятежников… истребить всех, изменивших компании*… Шифр правильный, но тональность абсолютно чуждая мягкосердечной, меркантильной Гиске Лимменде. По крайней мере, теперь всем было ясно, что не зря заподозрили Лимменде.

Йоханна Хауген первой синхронизировалась с новыми целями. Глимфрелль открыл новое окошко, с потоком данных от «Люнснара». Обзор почти естественный, ночное небо и медленно движущиеся звезды. «Люнснар» отделяло от цели менее тридцати миллионов километров, но рассинхронизация составляла почти миллисекунду. Хауген прибывала в нужную точку чуть раньше или чуть позже скачка противника.

— Высылаю дронов, — сказал голос Хауген. Добавился вид «Люнснара» с расстояния нескольких метров: его передавала камера на одном из первых вооруженных беспилотников. Корабль был едва различим: темная масса, заслонившая

звезды, громадная рыба в глубинах бескрайнего моря. Рыба принялась метать икру. Картинка замерцала, «Люнснар» то исчезал, то возникал снова, когда дрон на миг выходил из синхрона. Из корабельных ангаров вылетел рой синих огоньков. Боевые дроны. Рой окружил «Люнснар», выполняя автокалибровку и выцеливая врага.

Окутавшее «Люнснар» сияние медленно гасло: дроны один за другим теряли синхронизацию с кораблем в пространстве-времени. Тиролль открыл новое окошко: сфера диаметром сто миллионов кликов, с центром в «Люнснаре». Вражеский корабль метался внутри сферы — красная точка, похожая на обезумевшее насекомое. «Люнснар» загонял добычу на скорости в восемь тысяч световых. Временами цель на миг исчезала, когда синхронизация сбивалась, в другие моменты «Люнснар» и цель накладывались друг на дружку, когда корабли десятую долю секунды проводили на расстоянии менее миллиона километров. Диспозицию беспилотников корректно отображать не удавалось. Косяк их растянулся по мириадам траекторий, вытянув сенсоры в поисках вражеского судна.

— Что насчет цели? Тоже роится? Тебе поддержка нужна? — спросил Свенсндот. Тиролль пожал

плечами на дирокимский манер. Они наблюдали за происходящим в трех световых годах от «Эльвиры». Откуда им знать?

Но Йо Хауген ответила:

— Да нет, не думаю, что этот субчик роится. Я потеряла всего пять дронов, не больше, чем при случайном огне по своим. Поглядим… — Она замолчала, хотя ультраволновой след и сигнал «Люнснара» сохраняли прежнюю интенсивность. Кьет заглянул в другие окошки. Пять кораблей Аньяры уже вступили в бой, три завершили роение. Нювен на «Внеполосном-II» молча наблюдал. Богосколок сделал свое дело, Кьет и его люди стали игрушками *его* судьбы.

Хорошие и дурные вести приходили вперемешку, стремительно:

— Я его сделала! — Это Йо Хауген. Красной точки внутри выпущенного «Люнснаром» роя больше не было. Вражеское судно прошло за несколько тысяч километров от одного из дронов. За миллисекунды обсчета нового скачка дрон почуял присутствие противника и взорвал себя. Это не погубило бы врага, успей тот прыгнуть до прихода ударной волны; прежде такие недопромахи уже случались. На этот раз не успел. Родилась новая звездочка: свету ее еще годы ползти до

основной сферы битвы.

Глимфрелль издал придушенный свист: непереводимое ругательство.

— Мы потеряли «Абльсндота» и «Хольдера», начальник. Наверное, их цель противоройнула.

— Отправь туда «Гливинга» и «Транс». — В сознании Кьета завязался плотный болевой узелок ужаса. Гибли друзья. Кьет раньше уже сталкивался со смертью, но не такой. В полицейских операциях, если не считать спасательных миссий, погибнуть не мог никто. И все же… он отвлекся от сводки с поля битвы: бросить новые корабли на цель, показавшую клыки. Тиролль тем временем по своей инициативе занялся другими. В долгосрочной перспективе они могут проиграть, сосредоточившись на нескольких малозначительных целях, но пока… враг несет урон. Впервые со времени Падения Сьяндры Кей Коммерческая охрана сумела дать сдачи.

Хауген:

— О Силы, а этот парень был шустряк! Дрон второй волны словил его ЭМ-спектр в момент взрыва. Его цель летела с истинной скоростью пятнадцать тысяч километров в секунду.

Сбойнувшая боеголовка? Проклятье. Надо будет потом эти отловить, когда основную сферу боя

зачистят.

Тиролль:

— На дальнем краю сферы боя у врага еще потери. Он перегруппировывается. Они догадались, что мы…

Глимфрелль издал торжествующий свист.

— Давай, давай! Ой. Начальник, мне кажется, Лимменде сообразила, что это мы тут мозговой центр…

Над местом Тиролля открылось новое окошко. Сферический обзор вокруг «Эльвиры», диаметр пять миллионов километров. Там возникли два новых корабля. В окошке они были помечены флажками Лимменде. Один из этих кораблей не откликнулся прежде на призывы Свенсндота.

В командной рубке «Эльвиры» на миг стало очень тихо. Торжествующие возгласы и вопли паники с других кораблей флота словно бы отдалились. Свенсндот и его команда заглянули в лицо смерти.

— Тиролль, сколько у них до роения?..

— Уже! Дрон промазал на десять миллисекунд.

— Тиролль, завершить текущие боевые задания! Глимфрелль, пускай «Люнснар» и «Транс» примут командование, если потеряют с нами контакт.

Эти корабли уже выпустили своих дронов, и все капитаны знали Йо Хауген лично.

Потом у Кьета все мысли другие вылетели из головы, и он всецело окунулся в управление дронороем «Эльвиры». В локальном тактическом окне облачко автономников понемногу рассеивалось, окрашиваясь разными кодовыми цветами опережения или отставания от корабля-матки.

Атакующие корабли идеально уравняли псевдоскорости. Три корабля раз за разом прыгали на малую толику светового года, и так десять раз в секунду. Подобно камушкам, скачущим по глади пруда, они размеренно прыгали из точки в точку реального пространства, но расстояние между ними никогда не превышало пяти миллионов километров. Разделяли их теперь только миллисекундная разница во времени скачка да то обстоятельство, что свет попросту не успевал долететь от одного корабля к другому за краткий миг, проведенный в каждой прыжковой точке.

Командную рубку озарили три актинические вспышки, от Свенсндота и дирокимов упали тени. Это был не свет самого залпа, а экстренный сигнал от дисплея о близкой детонации. *Спасайся кто может* — только так можно было его понимать. Ну да, они бы рассинхронизировались… и

потеряли тактическое управление флотом Аньяры. Тиролль и Глимфрелль спрятали голову от главных окон, прикрывая глаза от сияния близкой смерти. Но свистящие голоса их не сбились, и «Эльвира» продолжала рассылать команды другим кораблям. В сфере битвы одновременно протекали десятки схваток, а без «Эльвиры» поставлять точную информацию и контролировать действия их флота сейчас будет некому. Каждая секунда на связи, какую им удавалось выгадать, дарила Аньяре прикрытие и преимущество. Если они сейчас вывалятся из эфира, «Люнснар» и «Транс» потратят драгоценные минуты, восстанавливая контроль, и воцарится хаос.

Почти две трети выбранных Фамом Нювеном целей уже были уничтожены. Но дорогой ценой: половина друзей Свенсндота погибла. Враг понес существенные потери, обороняя эти цели, но в основном сохранил боеспособность.

И тут по «Эльвире» словно врезал невидимый кулак, с такой силой, что Свенсндота вдавило в амортизационные ремни. Вырубилось все освещение, даже дисплеи. Потом пол засветился тускло-красным. В этом неверном свете стали видны силуэты дирокимов на фоне маленького монитора. ‘Ролль тихо присвистнул.

— Начальник, мы выбыли из игры, ну, пока она продолжается… Я и не подозревал, что в такой близости можно промазать.

«Возможно, это и не промах. — Кьет вылез из подвески, пролетел через каюту, завис вниз головой над маленьким монитором. — Возможно, нам конец». Где-то совсем рядом взорвал себя автономник, и «Эльвира» не успела отпрыгнуть подальше от ударной волны. Глухой удар мог означать, что внешние слои корпуса, поглотив мягкое рентгеновское излучение вражеской боеголовки, развалились. Он уставился на красные символы, медленно марширующие по экрану аварийной диагностики. Вероятно, электроника сдохла; велики также шансы, что им самим досталась приличная доза облучения. Вентилятор разгонял по рубке вонь горелой изоляции.

— Ийя! Ты только глянь. Лишних пять наносекунд, и нас вообще не задело бы. Мы фактически успели увернуться от ударной волны!

И электроника каким-то образом продержалась до конца скачка. Гамма-поток через командную рубку составил триста бэр. В ближайшие часы это не скажется, да и корабельный автохирург легко их подлатает. А кстати, как там хирург и остальная автоматика «Эльвиры»?

Тиролль ввел с клавиатуры несколько длинных команд: распознавание голоса не работало. По экрану пополз ответ.

> Центральная автоматика в режиме ожидания. Управление дисплеями приостановлено. Расчеты скачков приостановлены.

Тиролль толкнул брата локтем в бок:

— Эй, ‘Фрелль, похоже, ‘Вира успела все чистенько отключить. Бóльшую часть мы восстановим!

Дирокимы слыли безудержными оптимистами, но в данном случае Тиролль недалек был от истины. Их столкновение с дроном было из тех, что случаются раз на миллиард; корабль зацепило взрывом лишь самую чуточку. Проработав полтора часа, дирокимы выполнили перезагрузку на защищенном процессоре монитора и вызвали к жизни одну функцию за другой. Кое-что пострадало необратимо: например, автоматика коммуникатора утратила способность к распознаванию речи, а шипы ультрадвигателя по одну сторону корпуса частично оплавились. (Как ни странно, паленым тянуло из сбрендившей автоматики: этот аварийный сигнал, вообще-то,

должен был отключиться вместе с остальными устройствами «Эльвиры».) Они очутились далеко позади флота Погибели.

А Погибельный флот уцелел. Узел огоньков, представлявший его, ужался в размерах, но продолжал безостановочное движение по прежней траектории. Бой давно окончился. Остатки Коммерческой охраны оказались рассеяны на четыре световых года от покинутой сферы битвы, а ведь начинали сражение, имея численное превосходство. Если бы дрались, как задумано, могли бы победить. Вместо этого они уничтожили все корабли, обладавшие существенной собственной скоростью, но вывели из строя только половину прочих. Некоторые крупнейшие корабли врага тоже уцелели, и теперь уже у них было четырехкратное превосходство перед оставшимися у флота Аньяры судами такого же класса. Погибель без труда добила бы Коммерческую охрану, пожелай она того. Но это, видимо, было сочтено отвлекающим занятием, а если враг в чем и был неизменен, так именно в жажде погони.

Тиролль и Глимфрелль часы напролет корпели над аппаратурой связи, пытаясь выяснить, кто погиб, а кого можно попытаться спасти. На пяти кораблях полностью отказали двигатели,

но команда выжила. Места гибели некоторых судов были известны, и Свенсндот посылал туда корабли с незадействованными дронороями — подобрать обломки. Большинство выживших воспринимали потом поединки кораблей как интеллектуальное упражнение, освежающее ум, но хаос и разрушение этой битвы были так же реальны, как и в любом планетном сражении, только размазаны по объему пространства триллионократно большему.

Наконец время чудесных спасений и печальных открытий миновало. Сьяндранское командование собралось на общем канале обсудить общее будущее. Конечно, уместнее было называть это тризной — по Сьяндре Кей и флоту Аньяры. В разгар совещания открылось новое окошко, продемонстрировав мостик «Внеполосного-II», и оттуда молча взглянула Равна Бергсндот. Глашатая богосколка нигде не было видно.

— Ну и что теперь делать? — вопросила Йоханна Хауген. — Проклятые бабочки давно улетели.

— Ты уверена, что мы спасли всех, кого можно было? — спросил Ян Тренглетс.

Свенсндот проглотил сердитую отповедь, готовую сорваться с уст. Командир «Транса» зациклился на этом вопросе: он слишком многих

друзей потерял в сражении. Всю оставшуюся жизнь Яна Тренглетса будут донимать кошмары с кораблями, медленно гибнущими во мраке.

— Мы все учли, вплоть до распыленных остатков, — ответила Хауген по возможности мягко. — Сейчас вопрос в том, что делать дальше.

Равна демонстративно откашлялась:

— Дамы и господа…

Тренглетс воззрился на нее, и его тоска перешла в ослепительную ярость.

— Какие мы тебе *господа*, гребаная сука?! А ты нам не принцесса, смерть за которую радостна и почетна. Тебя бы сейчас спалить на хер, и дело с концом!

Женщину будто смяло гневом Тренглетса.

— Я…

— Ты нас втянула в эту самоубийственную бойню! — завопил Тренглетс. — Ты заставила нас атаковать второстепенные цели! А потом сидела сложа руки и ничем нам не помогала. Погибель в тебя вцепилась, точно акула в кальмара. Да если б ты хоть раз отклонилась от курса, хоть на самую малость, ты бы увела Погибельный флот с нашего пути!

— Сомневаюсь, что это помогло бы, уважаемый капитан, — сказала Равна. — Погибели, похоже,

более интересна наша цель.

Звездная система прямо по курсу «Внеполосного-II», до которой было всего пятьдесят пять световых лет. Беглецы доберутся туда на пару дней раньше гонителей.

Йо Хауген передернула плечами:

— Ты хоть соображаешь, чем обернулся идиотский план битвы твоего дружка? Если б мы атаковали продуманно, от флотилии врага осталась бы щепотка против теперешней. Если бы после этого враг все равно продолжил погоню, то, вероятно, мы сумели бы тебя прикрыть и на этой… на этой планете Когтей. — Казалось, Хауген пробует странное название на вкус, размышляя, что оно может означать. — Теперь же… теперь я туда ни за какие коврижки не полечу. Даже остатки вражеского флота запросто нас перебьют.

Она покосилась на Свенсндота. Кьету стоило немалых трудов не отвести взгляда. Можно вешать собак на «Внеполосный-II», но в конечном счете решение принял групп-капитан Кьет Свенсндот. Это он заставил флот поступать так, как он поступил. Самопожертвование Аньяры оказалось напрасным. Он удивился, что Хауген, Тренглетс и другие вообще взялись с ним разговаривать.

— Предлагаю продолжить конференцию позже. Встречаемся через тысячу секунд, Кьет.

— Я буду на связи.

— Ну и славно. — Не сказав Равне Бергсндот ни слова, Йо отключилась. Мгновением позже исчезли Тренглетс и остальные капитаны. Остались Свенсндот, двое дирокимов и Равна Бергсндот в окошке с «Внеполосного-II».

Бергсндот наконец вымолвила:

— Когда я была девчонкой на Херте, мы иногда играли в похитителей и Коммерческую охрану. Я всегда себе воображала, как ваша компания спасает меня от опасностей страшней самой смерти.

Кьет невесело улыбнулся:

— Ну что ж, ты получила свою спасательную миссию. — «А ты ведь даже не клиентка». — Это самая-самая масштабная битва за всю нашу историю.

— Простите, Кье… групп-капитан.

Он разглядывал ее темные черты. Вылитая сьяндранка, даже глаза фиолетовые. «Это не симуляция. Здесь подобное невозможно». Он поставил все на кон в уверенности, что это не подделка. Он все еще так думал. Но…

— А что твой друг говорит?

Фам Нювен не показывался с тех самых пор, как

в начале битвы его богосколок осуществил столь впечатляющее вмешательство.

Взгляд Равны скользнул в сторону от камеры.

— Он не слишком разговорчив, групп-капитан. Он тут бродит, расстроен даже больше, чем ваш капитан Тренглетс. Фаму помнится, что он был абсолютно уверен в обоснованности своих требований, но теперь он ломает себе голову почему.

— Гмм. — «Поздновато спохватился». — А что ты собираешься делать? Знаешь ли, Хауген права. Мы бы просто в мясорубку себя швырнули, рискни и дальше гнаться за флотом Погибели до самого конца. Между прочим, и ты тоже. Вы опередите их от силы на пятьдесят пять часов. Ну что ты успеешь за это время?

Равна Бергсндот снова посмотрела на него, и на лице девушки постепенно проступило отчаяние — того и гляди разрыдается.

— Я не знаю. Я… не знаю.

Она замотала головой, уткнулась лицом в ладони, разметав темные волосы. Наконец она подняла голову, кое-как привела в порядок прическу. Сказала спокойно, но очень тихо:

— Но мы летим вперед. Мы за этим сюда прибыли. Может, что и получится… Ты знаешь, здесь, внизу, что-то есть, и Погибель рыщет в поисках

этого. Вдруг нам хватит пятидесяти пяти часов, чтобы разобраться и сообщить в Сеть? И… и у нас еще остается богосколок Фама.

«Твоего злейшего врага?» Вполне вероятно, Фам Нювен — порождение Сил, конструкт. Он и выглядел так, словно его слепили по перевранному описанию человека. «Но как ты отличишь богосколок от обычного безумия?»

Она пожала плечами, словно отвечая на его сомнения — и соглашаясь.

— А что собираетесь делать вы, Коммерческая охрана?

— Коммерческой охраны больше нет. Почти все наши клиенты погибли. Мы убили владелицу компании — во всяком случае, подбили ее корабль и суда, которые оставались ей верны. Ныне мы — флот Аньяры. — Таково было официальное имя, выбранное по итогам только что закончившейся конференции. Было в нем что-то мрачно-горделивое — отголосок древних времен, до Сьяндры Кей, до Нюйоры, эхо древнейшей истории человеческой расы. Ибо ныне они действительно стали затерянной флотилией, оторвались от своих миров, отреклись от клиентов и бывших лидеров. Сто кораблей полетят…

— Мы это уже обсудили. Кое-кто вызывался со-

провождать тебя на планету Когтей. Некоторые стремятся вернуться в Срединное Запределье и до конца дней своих охотиться на бабочек. Большинство же собирается возродить Сьяндру Кей. Найти место, где нас не заметят, где никому не будет до нас дела.

А еще все согласились, что дальнейшее дробление флота Аньяры не имеет смысла, как и очередное самопожертвование. Когда все на этом сошлись, стало ясно, что делать. Недавний Великий Прилив хаотически вспенил этот участок Дна, перемешал Запределье и Медленную Зону. Пройдут века, прежде чем сюда доберутся зонографические суда сверху и составят приемлемого качества карты нового межзонного интерфейса. В его складках и щелях прятались новые миры, только что вынырнувшие из Медленной Зоны, миры, где могла родиться новая Сьяндра Кей. «Как ее назвать — Нюсьяндра Кей?»

Кьет глянул через мостик на Тиролля и Глимфрелля. Те были заняты — возились, выводя из спящего режима основные навигационные процессоры. Для встречи с «Люнснаром» это не так важно, однако, если маневрировать смогут оба корабля, многое упростится. Братья не подавали виду, что слышат разговор Кьета с Равной. А

может, и вправду не обращали внимания. Решение командования Аньяры для них в известном смысле было судьбоноснее, чем для людей. В Запределье, несомненно, выжили миллионы людей (и кто знает, сколько еще в Медленной Зоне заселенных людьми планет, далеких родичей Нюйоры, далеких потомков Старой Земли). А вот дирокимы по эту сторону Трансценденции остались только в Аньяре. Хабитаты грез погибли вместе со Сьяндрой Кей, унеся в небытие целую расу. На кораблях Аньяры уцелела по меньшей мере тысяча дирокимов: пары братьев и сестер, разбросанные по сотне бортов. Самые что ни на есть сорвиголовы своей расы. Теперь они стояли перед величайшим в жизни вызовом. Парочка с «Эльвиры» уже подыскивала себе друзей среди выживших, чтобы вымечтать новую реальность.

Равна с тоской слушала его объяснения.

— Групп-капитан, зонография — занятие муторное, а ваши корабли почти на пределе своих возможностей. В этой пене будете рыскать много лет, а нового дома, может статься, так и не обрящете.

— Мы принимаем меры. Покинем все корабли, кроме тех, где имеются ионные прямоточные двигатели и гибернаторы. Будем работать ско-

ординированными группами; никого не оставят больше чем на пару лет. — Он пожал плечами. — А если так и не найдем… — «Если умрем во тьме меж звезд, когда наконец откажут системы жизнеобеспечения». — Ну что ж, хотя бы оправдаем принятое имя — Аньяра. Думаю, шанс у нас есть. — «О тебе и этого, пожалуй, не скажешь».

Равна медленно кивнула:

— Хорошо, пусть. Мне… будет легче от этого знания.

Они проговорили еще несколько минут. Подключились Тиролль и Глимфрелль. Они были у самого центра чего-то очень важного, но, как это всегда бывает с деяниями Сил, никто толком не понимал, что произошло и какие плоды принесет.

— Встреча с «Люнснаром» через двести секунд, — напомнил корабль. Равна услышала его, кивнула. Подняла руку в прощальном жесте.

— Всего вам хорошего, Кьет Свенсндот, Тиролль и Глимфрелль.

Дирокимы просвистели ответное пожелание удачи, и Свенсндот тоже поднял руку. Окошко с изображением Равны Бергсндот закрылось.

…Кьет Свенсндот помнил ее лицо всю оставшуюся жизнь, но с годами все чаще принимал его

за Эльвиру.

Часть третья

Глава 37

— Это мир Когтей. Фам, я его вижу!

Главное окошко показывало естественный обзор системы: до солнца менее двухсот миллионов километров, и свет его проникал на мостик. Позиции обнаруженных планет были отмечены мигающими красными стрелками. Но лишь одна из них, на удалении всего двадцати миллионов километров, «земного типа». При выходе из межзвездного прыжка бóльшую точность позиционирования обеспечить невозможно.

Фам не ответил, только глянул в окно с таким выражением, словно в этом зрелище было что-то неправильное. После битвы с Погибелью в нем стал виден внутренний надлом. Он был так уверен в своем богосколке — и так разочарован последствиями его вмешательства. Он глубже обычного погрузился в себя. Казалось, он думал теперь только о том, достаточно ли быстро они летят и какой урон им способны причинить оставшиеся силы врага. К Синепанцирю и Зеленожке он теперь относился с еще большим подозрением, словно угроза от них превысила ту, что приближалась с кораблями преследова-

телей.

— Проклятье, — пробормотал Фам. — Ты глянь на остаточную скорость!

Семьдесят километров в секунду.

Позиционирование проблемы не представляло, но…

— Компенсация скорости будет стоить нам времени, сир Фам.

Фам повернулся к Синепанцирю и уставился на него.

— Мы это уже обсуждали с местными три недели назад, разве не помнишь? И ты тогда гасил ее.

— А вы проверили мою работу, сир Фам. Это, наверное, снова какой-то системный баг… хотя на уровне простой баллистики я ничего подобного не ожидал.

Инверсия знака: семьдесят кликов в секунду остаточной скорости вместо нуля. Синепанцирь подплыл ко вспомогательной консоли.

— Возможно, — ответил Фам. — А теперь, Синепанцирь, покинь, пожалуйста, мостик.

— Но я могу вам помочь! Нам следует связаться с Джефри, заново согласовать скорости и…

— Синепанцирь, катись вон с мостика. У меня больше нет времени за тобой присматривать.

Фам нырнул через разделяющее их простран-

ство, но Равна перехватила его совсем рядом с наездником.

Она парила, разделив их собой, и быстро говорила в надежде урезонить, усмирить задир:

— Все в порядке, Фам. Он сейчас уйдет.

Она коснулась одной рукой дико вибрирующих ветвей Синепанциря. Спустя миг наездник сник:

— Уезжаю. Уезжаю.

Она еще раз коснулась его, ободряя, и не отплывала в сторону, пока удрученный наездник не убрался.

Когда он уехал, Равна повернулась к Фаму:

— Разве это не мог быть баг навигатора, Фам?

Он вроде бы не услышал вопроса. Как только затворился люк, Фам вернулся к пилотской консоли. Последняя оценка «Внеполосного-II» показала, что флот Погибели менее чем в пятидесяти трех часах от планеты. А теперь им придется тратить время зря, компенсируя скорость, которую надо было погасить еще три недели назад.

— Кто-то или что-то нам сильно гадит… — бормотал Фам, заканчивая вводить команду. — Может, и впрямь баг. В следующий раз, когда будем гасить скорость, придется управлять всем вручную.

По «Внеполосному-II» разнеслись сигналы

тревоги: предстояла перегрузка. Фам полистал дисплейные окна в поисках незакрепленных предметов, достаточно крупных, чтобы представлять опасность.

— Ты тоже пристегнись.

Он нашел таймер и поставил его на пять минут.

Равна метнулась через мостик, развернула складную подвеску для невесомости и пристегнулась. Она слышала, как Фам объявляет по каналу общей связи предупреждение о перегрузке. Затем включился двигатель, и пристежку лениво сдавило. Ускорение 0,4*g* — все, что еще мог выдержать бедняга «Внеполосный-II».

Когда Фам говорил о ручном управлении, он имел в виду именно то, что сказал. Главное окошко словно гвоздем приколотили в центре рубки. Обзор больше не менялся по прихоти пилота, аннотаций или вспомогательных схем тоже не было. Насколько возможно, окно показывало естественный вид вдоль центральной оси «Внеполосного-II». На периферии окна сохраняли фиксированную привязку к этой картинке. Взгляд Фама метался между ними, а пальцы плясали над консолью. Он летел практически на собственных органах чувств, никому больше не доверяя.

Однако применение ультрадвигателю Фам все же находил. От цели корабль отделяло двадцать миллионов кликов — расстояние субмикроскопического скачка. Фам Нювен возился с параметрами двигательной установки, пытаясь выполнить точный скачок интервалом меньше стандартного. Каждые несколько секунд пятно солнечного света сдвигалось на долю градуса, ползая сперва по левому плечу Равны, а потом по правому. Восстановить связь с Джефри в этих условиях не представлялось возможным.

Внезапно в окошке под ногами появилась планета — огромная, выпуклая, вся в синеве и крутящихся белых вихрях. Мир Когтей, как и обещал Джефри Ольсндот, был планетой стандартного земного типа. После месяцев, проведенных в космосе, после известия о гибели Сьяндры Кей, Равна почувствовала, как у нее захватило дух. Океан; планета была преимущественно водной, но вблизи терминатора виднелись темные массы суши. Над лимбом планеты она заметила единственный маленький спутник.

Фам перевел дыхание:

— Десять тысяч километров. Отлично, если не считать, что мы летим на семидесяти кликах в секунду. — Планета словно разбухала под ее

взглядом, затягивала их в себя. Фам еще несколько секунд смотрел на нее. — Не беспокойся, мы пролетим как раз над… э-э… северным лимбом.

Шар под ними продолжал распухать, затмевая луну. Ей всегда нравился вид Херте, родной планеты Равны в Сьяндре Кей. Но у того мира океаны были меньше, и гладь их исчеркали оставленные дирокимами следы. А эта планета была прекрасна, как Маршрутизатор, только выглядела поистине девственной. Солнце озаряло небольшую полярную шапку, и от нее к югу в сторону терминатора тянулась береговая линия. «Я смотрю на северо-западное побережье, и прямо там Джефри!» Равна коснулась клавиатуры, запросив у корабля одновременный сеанс связи в ультраволновом и радиочастотном диапазонах.

— Ультраволновой сигнал, — произнесла она спустя миг.

— И что слышно?

— Сигнал искажен. Наверное, просто пинг.

Пинг на сигнал «Внеполосного-II». Джефри в эти дни жил совсем рядом с кораблем; иногда она получала ответы почти сразу, даже в пору планетной ночи. Приятно будет снова поговорить с ним, даже если…

Планета Когтей заполнила все окна по кур-

су и сторонам, а лимб ее превратился в слегка изогнутый горизонт. Она увидела, как цвета местных небес переходят в черноту космоса. На фоне моря в деталях прорисовались полярная шапка и айсберги. Стали видны тени облаков. Равна взглянула вдоль побережья на юг: острова и полуострова были расположены так тесно, что различить их она не могла. Темные горы и глетчеры, разорванные черными полосами. Зеленые и коричневые долины. Она попыталась вспомнить географию планеты, восстановленную по рассказам Джефри. Тайный Остров? Но здесь очень много островов.

— Радиосвязь с поверхностью планеты, — сказал корабль. Одновременно красная стрелка нацелилась в точку рядом с берегом. — Принять голосовой вызов в реальном времени?

— Да, да! — крикнула Равна и стукнула по клавиатуре, когда корабль не отреагировал сразу же.

— Эй, Равна! Привет, Равна! — Возбужденный голос мальчика раскатился по рубке. Он звучал именно так, как представляла себе девушка.

Равна отстучала на клавиатуре запрос двусторонней связи. От Джефри их отделяло менее пяти тысяч кликов, хотя корабль продолжал нестись

к планете со скоростью семьдесят километров в секунду. Достаточно близко для радиосвязи.

— Привет, Джефри! — ответила она. — Мы наконец прилетели, но нам нужна…

«Нам нужна любая помощь, какую твои четвероногие друзья способны предоставить» — как это сказать быстро и понятно?

Но у мальчика на земле были свои резоны:

— …Нам нужна помощь, Равна! Древорезчики нас атакуют. Прямо сейчас!

Послышался стук, словно передатчик сшибли на пол. Заговорил другой голос, странно неразборчивый и визгливый:

— Это Стальной, Равна. Джефри прав. Древорезчица…

Почти человеческий до этого, голос исчез в булькающем шипении. Спустя миг она услышала Джефри:

— Засада. Это называется «засада».

— Да… Древорезчица устроила нам большую, большую засаду. Они нас со всех сторон обложили. Если ты не поможешь, через несколько часов нам конец.

Древорезчице никогда не хотелось становиться воином. Но удержание власти в течение полутысячи лет требовало от нее разных умений, и

вести войну она научилась. Некоторые умения — скажем, доверять штабу — пришлось позабыть на эти несколько дней. Действительно, на Марграмском Перевале получилась засада, но не та, какую планировал Стальной Владыка.

Она поглядела через уставленное палатками поле на Проныру. Стая была в берушах, скрывавших позу, но Древорезчица видела, что спеси в Проныре заметно поубавилось. Допрос пошатнет чью угодно самоуверенность. Проныра понимал, что жизнь его на милости королевы. Впрочем… отвратительно было думать, что Проныра, на чьей совести столько предательств и убийств, останется в живых. Она осознала вдруг, что двое элементов поддались ярости, оскалились и стиснули зубы. Щенки съежились, уходя от незримой угрозы. Над палаточным городком сгустилась вонь потной шерсти и стоял мыслешум от множества скученных стай. Чтобы успокоиться, ей пришлось приложить немалое усилие. Облизав щенят, Древорезчица несколько мгновений размышляла о приятном, словно задремав с открытыми глазами.

Да, обещание, данное Проныре, придется выполнить. Возможно, оно того стоит. Проныра мог лишь строить предположения о тайнах внут-

реннего круга Стального, но тактика врага была ему известна куда лучше, чем предполагали шкуродерники. Проныра в точности знал, где и в каком количестве затаились вражеские солдаты. Армия Стального исполнилась самоуверенности: ну как же, у них такие великолепные пушки и такой ценный шпион. Когда стаи Древорезчицы обрушились на них, то застали врасплох и легко рассеяли; а вдобавок бойцы королевы захватили в качестве трофеев несколько чудесных шкуродерских пушек.

Орудия продолжали бить с холмов, выцеливая склады боеприпасов, указанные пленными пушкарями Стального. Предательство Проныры дорого ей обошлось, но узник-Проныра еще может обеспечить победу.

— Древорезчица? — Это был Щепетильник. Она махнула ему подойти ближе. Главный артиллерист отодвинулся от жаркого солнца и сел на расстоянии тесной близости — двадцать пять футов. В бою было не до учтивостей.

Мыслешум Щепетильника выдавал его тревогу и смятение. Он посмотрел на нее: изможденный, радостный и обескураженный одновременно.

— Ваше величество, мы очистили от врагов подъем к замковому холму, — отрапортовал

он. — Ответный огонь почти подавлен. В стенах замка появились бреши. Больше не будет замков на этой земле, моя королева. Мы бы и собственными пушками справились.

Она качнула головами в знак одобрения. Щепетильник большую часть времени проводил, копаясь в Даннике в поисках способов производства — не только пушек. Древорезчица же читала о том, к чему приводят изобретения. К этому моменту она знала о воздействии оружия на общественный уклад куда больше Йоханны, изучив эффекты всех его видов — от самого примитивного до такого странного, что и оружием-то оно вовсе не казалось. Тысячу миллионов раз оборонительные замковые технологии уступали технологиям вроде этих пушек, отчего же в ее мире должно быть иначе?

— В таком случае мы перейдем в наступление…

Над затененным палатками пространством раскатился свистящий гул: редкий выстрел противника в их сторону. Она прижала к себе щенков, выждала мгновение. В двадцати ярдах от нее Проныра собрался вместе и припал к земле. Но когда ядро долетело до лагеря, то упало далеко позади, на холме. Это даже могло быть их

собственное.

— …и нашим войскам надлежит воспользоваться смятением в стане противника. Стальной должен понять: старые приемчики с захватом заложников и пытками ему пользы не принесут, а как раз наоборот.

«Скорее всего, отвоевать звездолет и спасти ребенка получится. Вопрос в том, какой ценой для обоих?» Оставалось надеяться, что Йоханна так и не узнает, с какими угрозами и опасностями будут сопряжены следующие несколько часов.

— Да, ваше величество, будет исполнено. — Но Щепетильник не поднялся, чтобы уйти, и вид у него стал еще более озабоченным и понурым. — Древорезчица? Я опасаюсь…

— Чего? Мы оседлали волну. Надо лететь вперед, пока она несет нас.

— Да, ваше величество… но пока мы летим вперед, нам вгрызаются в бока и огузки. Вражеские дальноведчики и пожары…

Щепетильник был прав. Шкуродерники в тылу армий Древорезчицы действовали с убийственной точностью. Их было не очень много; вражеские силы в основном полегли на Марграмском Перевале или разбежались. Те, кто вгрызался армии во фланги, были вооружены обычными

арбалетами и секирами… но координация у них оказалась исключительная. Тактика выше всяких похвал; она чуяла за ней разум Шкуродера. Каким-то чудом ее злобный отпрыск уцелел и теперь, как древняя чума, снова надвигался на мир. Если дать им время, его партизаны серьезно повредят линиям снабжения Древорезчицы. Если дать время. Ее двойка встала и посмотрела Щепетильнику прямо в глаза, подчеркивая важность слов:

— Тем больше оснований продолжать наступление, друг мой. Мы вдали от дома. Наши силы и запасы ограниченны. Если не одержать быструю победу, нас окружат и разрежут на куски.

«Шкуры с нас сдерут».

Щепетильник поднялся, кивнул, соглашаясь с приказом:

— Так говорит и Странник. Йоханна рвется на штурм замка… Но там что-то не так, ваше величество. Даже если мы пойдем в наступление, примите во внимание вот что. Я работал десять десятидневок, выцепил из Данника все, что смог, и построил пушки. Ваше величество, я знаю, как это нелегко. Но орудия, захваченные нашей армией на Марграмском Перевале, бьют втрое дальше, а весят вчетверо меньше. Как они умудрились

этого добиться? — В голосе его звучали аккорды зависти и унижения. — Предатель, — продолжил Щепетильник, мотнув мордой в сторону Проныры, — считает, что у них в плену брат Йоханны, но сама Йоханна говорит, что ничего, подобного Даннику, у них быть не может. Ваше величество, у Стального имеется еще какое-то преимущество, и мы о нем ничего не знаем.

Не помогали даже показательные казни. Ярость Стального нарастала день ото дня. В одиночестве он метался вдоль парапета, мало что соображая от гнева. С тех пор как Шкуродер кроил его ножами, гнев еще не овладевал им так полно. «Приди в себя, пока он не изрезал тебя еще сильнее», — сказал внутри голос из ранних лет Стального.

Он зацепился за эту мысль, собрался с мыслями. Глянул вниз на собственный кровавый плевок и ощутил на губах вкус пепла. На трех плечах следы зубов — он себя покусал. Еще одна привычка, от которой Шкуродер его давно отучил. Гнев следует направлять вовне, а не обращать на себя. Стальной машинально облизал места укусов и подошел к парапету.

На горизонте моря за темно-серой дымовой завесой не было видно островов. Последние несколько дней ветер дул к берегу, и в горячем

дыхании его чувствовался привкус дыма. А теперь сами ветра, казалось, обжигали, хлестали замок огненными плетьми, осыпали его дымным пеплом. Последние сутки дальняя сторона Горькой Кручи пылала не переставая. Сегодня стали видны склоны холмов: коричневые и черные, увенчанные дымными султанами, стелющимися к морю и горизонту. В пору высокого лета часто случались лесные пожары и дожди из пепла. Но в этом году природа напоминала ему Стаю Войны — божество, которое сеет пламя на своем пути. Пожары вспыхивали там, куда падали ядра проклятых пушек. А кроме того, этим летом нельзя было ретироваться в прохладу Тайного Острова и оставить гребаную чернь дышать дымом.

Стальной абстрагировался от боли в плечах и задумчиво побежал вдоль парапета дальше. Неожиданно ему удалось настроиться чуть ли не на аналитический лад. Проныра предал своего покупателя и изменил собственной измене. Стальной учитывал, что Проныру могут раскрыть, и внедрил в стан врага шпионов, которые должны были предупредить об этом. Но признаков не было… никаких признаков, до самой катастрофы на Марграмском Перевале. А теперь кинжал предательства Проныры извернулся и падал лезвием

им на головы. Древорезчица прибудет очень скоро, и не в роли жертвы на бойне.

Кто бы мог предположить, что ему и впрямь потребуется помощь звездников против Древорезчицы? Он так тяжко трудился, стремясь заманить южан в ловушку до прибытия Равны. Но теперь ему и вправду требовалась подмога с небес, а до ее прибытия еще пять часов. Стальной чуть было не поддался гневу снова. Неужели все эти щенячьи нежности с Амдиджефри окажутся напрасны? «О, когда все кончится, как же я на этой парочке отыграюсь. Они заслужили смерти больше, чем кто бы то ни было». Они так часто проявляли неповиновение. Они все время вынуждали его держаться паинькой. Такое впечатление, что это они повелевают Стальным. Он стерпел от них больше унижений, чем от десятка тысяч обычных обидчиков!

В замковом дворе раздавался шум: работали стаи, напряженно покрикивая друг на друга. Стонал и скрежетал камень. Профессионалы империи Шкуродера уцелели. Еще несколько часов, и бреши в стенах будут заделаны, а с севера подвезут новые пушки. Великий план будет спасен. «Пока я жив, план все еще можно реализовать, что бы там ни случилось».

В шуме почти потерялся цокот когтей по ступеням внутренней лестницы. Стальной повернул все головы в ту сторону. Шрек? Но Шрек сперва доложил бы о себе. Потом Стальной расслабился: цокал только один комплект когтей. Это был синглет.

Элемент Шкуродера поднялся по лестнице и отвесил Стальному поклон. Без остальных жест вышел кривоватым. Мантия элемента казалась такой же чистой, как всегда, черной и золотой. Солдаты трепетали перед элементами в мантиях, синглетами и двойками с разумом выше, чем у самой умной стаи. Даже лейтенанты самого Стального, посвященные в тайну мантий (даже Шрек!), относились к элементам с почтением и робостью. Вдобавок Стальной отчаянно, как никогда прежде, нуждался в услугах Фрагмента Шкуродера. Он был ему нужней кого угодно, кроме разве что доверчивых звездников.

— Какие вести?

— Разрешите сесть, повелитель? — Нет ли за этими словами сардонической ухмылки Шкуродера?

— Разрешаю, — прорычал Стальной.

Синглет опустился на камни в наглой позе. Но Стальной видел, что тот дрожит от усталости;

Фрагмент рассредоточил себя по всему домену еще без малого двадцать дней назад. Не считая кратких перерывов, все это время он носил мантии. Пытка тьмой и золотом. Стальной видел этого элемента без мантии, когда того купали. Шерсть у синглета на плечах и ляжках выпала, и прямо в центрах залысин, где мантия давила сильнее всего, образовались кровоточащие ссадины. Без мантии синглет захлебывался безмысленной болью. Стальному нравилось за ним наблюдать, хотя к речи этот синглет и не был особо расположен. Было похоже, что он, Стальной, стал Тем, Кто Учит Ножом, а Шкуродер — его учеником.

Синглет мгновение помолчал. Стальной слышал его тяжелое хриплое дыхание.

— Последний день прошел удачно, Владыка.

— Только не здесь! Мы потеряли почти все пушки. Мы заперты в стенах замка. — «А звездожители опаздывают».

— Я имел в виду, вон там. — Синглет обвел носом пространство за парапетом. — Ваши разведчики отлично обучены, повелитель, и командиры у них тоже смышленые. Сейчас я рассыпан в тылу и на флангах Древорезчицы. — Синглет изобразил жест частичного смеха. — В

тылу и на флангах. Забавно. Я вижу армию Древорезчицы, подобно единственной вражеской стае. Наша пехота — словно когти на моих лапах. Мы глубоко вгрызлись в королеву, владыка. Я поджег лес на Горькой Круче. Только я вижу, куда распространяется этот пожар и как его применить нам на пользу, уничтожая врага. Еще через четверо суток от снабженцев королевы никого не останется. Она попадет нам в лапы.

— Слишком долгий срок, если нас убьют сегодня.

— О да. — Синглет насмешливо склонил морду в сторону Стального. «Да он надо мной издевается». Как тогда, под ножом Шкуродера, когда Стальному ставили задачу, за ошибку в решении которой следовала кара — смерть. — Но Равна и ее дружки ведь прибудут через пять часов, разве нет?

Стальной кивнул.

— Отлично. В таком случае я гарантирую, что они на несколько часов опередят решающее наступление Древорезчицы. У тебя в лапах простодушный Амдиджефри. Кажется, придется лишь сдвинуть график и ужать его. Если Равна как следует отчаялась…

— Звездники в отчаянии. Я в этом уверен. —

Точные причины этого Равна утаивала, но было ясно, что она в отчаянии. — И если тебе удастся задержать Древорезчицу… — Стальной принудил все свои элементы сконцентрироваться на изменении плана. Он смутно чувствовал, как отступают старые страхи. Строя планы, он всегда получал удовлетворение. — Трудность в том, что мы вынуждены делать два дела сразу, притом успех зависит от точности координации. Раньше нам просто требовалось имитировать осаду и заманить звездолет в Челюсти замка.

Он мотнул головой на замковый двор. Каменный купол над приземлившимся кораблем был установлен еще в середине весны. Сооружение немного пострадало от обстрела, и часть мраморной облицовки осыпалась, но прямых попаданий не было. Рядом тянулось поле Челюстей: достаточно просторное, чтобы корабль спасателей туда сел, но окруженное каменными колоннами — клыками Челюстей. Если взорвать пороховые заряды в нужных местах, клыки сожмут спасателей. Это будет отчаянная мера, на случай, если не удастся выманить и убить людей, как родителей дражайшего Джефри. Стальной любовно вынашивал этот план много десятидневок, опираясь на советы Амдиджефри о человеческой психоло-

гии и способах нормальной посадки звездолетов. Но сейчас…

— Сейчас нам действительно нужна их помощь. То, что я у них прошу, должно сыграть двойную роль: одурачить их и уничтожить Древорезчицу.

— Трудно добиться всего сразу, — согласился Фрагмент. — Почему бы не разыграть сценку в два акта, причем первый — воздерживаясь от обмана? Пускай они уничтожат Древорезчицу, а потом уже разберемся, как с ними поступить?

Стальной задумчиво постучал когтем о камень.

— Да. Трудность в том, что, случись им слишком много увидеть… Они, вероятно, не так наивны, как Джефри. Он говорит, что в истории человечества были замки и войны с ними. Если будут здесь слишком много летать, увидят то, чего никогда не видел или не понимал Джефри… Возможно, удастся уговорить их опуститься в замке и вынести орудия на стены. Как только поймаем их в Челюсти, они станут нашими заложниками. Проклятье, это потребует по-настоящему тонкой игры с Амдиджефри! — Просветленное спокойствие планирования сменилось на миг порывом ярости. — Мне все тяжелее управляться с этой парочкой.

— Они же оба щенки, во имя Стаи Стай. — Фрагмент помолчал мгновение. — Хотя, разумеется, Амдиранифани умнее любой стаи, какую мне доводилось видеть. Ты думаешь, он так умен, что сумеет разгадать твой план, даже будучи *по-детски*… — здесь Фрагмент употребил слово из самношка, — наивен?

— Нет, я не об этом. Их шеи у меня в челюстях, а они до сих пор этого не поняли. Ты права, Тиратект, они меня действительно любят. — «И я ненавижу их за это». — Когда я вокруг него, человечий щенок так и лезет ко мне; он так близко, что мог бы мне глотку перерезать или глаза выколоть, но он лишь ластится и играет. И ожидает от меня ответной ласки. Да, они поверят во все, что я им наплету.

— Остынь, дорогой мой ученик. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы проявлять мнимые эмоции, не позволяя чужим эмоциям касаться тебя. — Как обычно, Фрагмент остановился на краю допустимого. Стальной почти неосознанно зашипел в ответ:

— Не смей… меня… учить! Ты не Шкуродер. Ты Фрагмент! Ты кусок дерьма! Теперь ты вообще фрагмент фрагмента! Одно мое слово, и тебя разрежут на тысячи кусков и ты сдохнешь! — Он

попытался унять дрожь, охватившую все элементы. «Почему я до сих пор его не убил? Я ненавижу Шкуродера больше всех на свете, и это так легко сделать». Но Фрагмент был так полезен: зачастую лишь его вмешательство спасало замыслы Стального от краха. И Стальной его контролировал.

Если ужас синглета и был наигранным, то игра вышла правдоподобная.

— Сядь и сиди, ты! Мне нужны твои советы, а не поучения. Будет так — останешься жить… Я не могу больше дурачить этих щенков, и причина не имеет для тебя значения. Может, несколько минут подряд мне это и будет удаваться, особенно если рядом другие стаи и щенки держатся от меня подальше, но вот этих непрерывных ласк я уже не вынесу. Еще час таких забав, и я… и я начну их убивать. Короче, с Амдиджефри говорить будешь ты. Объясни им «ситуацию». Объясни…

— Но… — Синглет изумленно уставился на него.

— Я стану за вами наблюдать; я не отдам их тебе в полную власть. Ты просто будешь моим посредником.

Фрагмент сник, не скрывая больше боли в плечах:

— Как прикажете, Владыка.

Стальной оскалился всеми челюстями:

— Именно. И помни, я буду при всех мало-мальски важных событиях, особенно при переговорах по радио. — Он махнул синглету отойти от парапета. — А теперь ступай возиться с детьми; научись и ты себя контролировать.

Когда синглета след простыл, Стальной позвал к парапету Шрека. Следующие несколько часов прошли в обсуждении планов обороны. Стального приятно удивила ясность ума, возникшая после того, как он сбросил с плеч тяжесть проблемы со щенками. Советники, казалось, тоже это почуяли и так расслабились, что временами позволяли себе существенные дополнения к плану. Там, где бреши заделать было невозможно, решили устроить ловчие ямы. Пушки с севера подвезут до конца дня, а один из помощников Шрека разрабатывал альтернативную схему снабжения водой и провиантом. Отчеты дальноведчиков показывали, что активность в тылу противника постепенно нарастает; еще до Холма Звездолета древорезчики потеряют бóльшую часть амуниции. Уже сейчас залпы поутихли, и редко какое ядро долетало до холма.

Солнце поднималось в южном небе. Стальной вернулся на парапет, обдумывая, что сказать

звездникам.

Совсем как в первые дни, когда планы срабатывали на ура и успех был невероятен, однако достижим. Тем не менее… по краю сознания все время после разговора с синглетом скребли коготки страха. Стальной делал вид, что командует. Фрагмент Шкуродера делал вид, что подчиняется. Но даже будучи раскидан на много миль, Фрагмент казался более цельным, чем когда бы то ни было. Недавно он даже стал самодовольничать, почти… наглеть. Фрагмент Шкуродера отвечал за силы домена по всему югу от Холма Звездолета, а с сегодняшнего дня, когда Стальной *сам* ему это приказал, еще и за Амдиджефри: синглет ежедневно будет рядом с ними. И неважно, что приказ исходил от Стального. Не важно, что Фрагмент, такое впечатление, дунешь — и свалится. В полноте своего гения Великий мог бы и лесного волка убедить, что Шкуродер — царица его улья. «Почем мне знать, какие разговоры ведет он с другими стаями? А что, если шпионы мне скармливают подготовленную им ложь?»

Непосредственные заботы немного отступили, и коготки страха вонзились глубже. «Да, он мне нужен. Но места для промахов стало куда меньше». И вдруг, поразмыслив с минуту, он испустил

радостный аккорд согласия с рискованной затеей. Если понадобится, Стальной покажет, чему научился, экспериментируя со вторым комплектом мантий; это знание он от Шкуродера-Тиратект тщательно скрывал. Если понадобится, Фрагмент узнает, что смерть может быть стремительна, как *радиопередача*.

Даже компенсируя скорость, Фам продолжал работать ультрадвигателем. Это экономило им часы полета, но корабль на такую рулетку рассчитан не был. «Внеполосный-II» прыгал по всей системе. Им требовался один по-настоящему удачный скачок. (А один по-настоящему НЕудачный мог их убить, приведя в недра планеты. Именно по этой причине пилоты от подобных игр обычно воздерживались.)

Бедолага Фам часы напролет копался в бортовой автоматике и играл в рулетку с ультрадвигателем, так что руки у него заметно дрожали. Каждый раз, стоило планете Когтей появиться на виду — зачастую не более чем далекой точкой синего света, — он секунду смотрел на нее. Равна видела, как его грызут сомнения: память твердила, что с низкоуровневой автоматикой он должен управляться отлично, однако были на «Внеполосном-II» и почти непрошибаемо примитивные

процедуры. А может, память о пилотском мастерстве и о Чжэн Хэ — лишь дешевая подделка.

— Погибельный флот. Сколько еще? — спросил Фам.

Зеленожка смотрела в окно навигатора из каюты наездников. За последний час ее в пятый раз об этом спрашивали, но голос наездницы оставался спокойным и тихим. Возможно, повторение вопроса казалось ей вполне естественным.

— Дистанция сорок девять световых лет. Оценочное время подлета сорок восемь часов. Еще семь кораблей сошли с курса.

Равна вычла в уме: оставалось сто пятьдесят два корабля преследователей.

Вокодер Синепанциря загудел громче, перебивая подругу:

— За последние двести секунд они несколько увеличили скоростные показатели, но я это склонен отнести на счет локальных вариаций придонной структуры. Сир Фам, вы справляетесь отлично, однако я свой корабль знаю. Если вы позволите мне управлять им, мы выиграем еще немного времени. Пожалуйста…

— Заткнись. — Фам ответил резко, но, похоже, автоматически. Этот разговор повторялся, обычно обрываясь, почти всякий раз, как Фам

запрашивал сведения о подлете флота Погибели.

В первые недели путешествия Равна считала богосколок носителем сверхчеловеческих качеств. А оказалось, что это именно осколки, фрагменты, загруженная в панике автоматика. Возможно, она работает как надо, а может, свихнулась и рвет Фама на части своими промахами.

Старый цикл сомнений и страхов внезапно разорвало вторжение мягкого голубого света. Планета Когтей! Наконец скачок получился удивительно точным, почти таким же, как пять часов назад: всего в двадцати тысячах километров висел узкий длинный полумесяц, край дневной стороны планеты. Остальная масса ее казалась темным пятном на звездном фоне, если не считать слабого полярного сияния у южного полюса. Джефри Ольсндот на другом конце мира, в царстве полярного дня. Радиопереговоров до входа в атмосферу не будет, а как переделать ультраволновик для ближней связи, Равна так и не придумала.

Она отвернулась от экрана. Фам все еще глядел вверх, в небо за ее спиной.

— Фам, а нам хватит сорока восьми часов? Не получится ли так, что мы просто разрушим *контрмеру*?

«А с нею уничтожим Джефри и народ Стального Владыки…»

— Возможно. Однако есть и другие варианты. Должны быть. — Последние слова он произнес совсем тихо. — За мной уже гонялись. Я и не в таких передрягах побывал.

Он не смотрел ей в глаза.

Глава 38

За последние два дня Джефри видел небо не более часа. Они с Амди сидели в относительной безопасности под огромным каменным куполом, что высился над кораблем беженцев, но отсюда нельзя было выглянуть наружу. «Если бы не Амди, я бы тут и минуты не высидел». В каком-то смысле пришлось даже хуже, чем в первые дни на Тайном Острове. Убийцы мамы, папы и Йоханны подступили на считаные километры. Они отбили у Стального Владыки несколько пушек, и обстрел не прекращался часами; от залпов дрожала земля, а однажды что-то даже врезалось в стены донжона.

Их обеспечивали пищей, и когда парочка не сидела в командной рубке корабля, то бродила снаружи, забираясь в комнаты спящих детей. Джефри выполнял простые процедуры техобслуживания, которые заучил, но, заглядывая в прозрачные гробы капсул холодного сна, каждый раз отчаянно пугался. Было такое впечатление, что некоторые дети совсем не дышат. Температура внутри казалась слишком высокой. А они с Амди не знали, как им помочь.

Внутри ничто не менялось, но сейчас появился повод для радости. Равна прервала долгое молчание. Амдиджефри со Стальным Господином поговорили с ней напрямую! Через несколько часов прилетит корабль! И даже обстрел прекратился, словно Древорезчица догадалась, что время ее истекает.

Еще три часа. Предоставленный самому себе, Джефри так разволновался бы, что хоть на стены лезь. В конце концов, ему уже девять: взрослый человек со взрослыми проблемами. Но с ним был Амди. Стая кое в чем оказалась значительно умнее Джефри, но щенки были такие малыши — им лет пять по человеческим меркам, как прикинул Амдиджефри. Кроме как в минуты тяжких раздумий, щенкостая на месте усидеть не могла. Поговорив с Равной, Джефри собрался было сесть и предаться озабоченным размышлениям, но Амди принялся гоняться сам за собой вокруг пилонов. Там и сям раздавались крики голосами Джефри и Равны, а потом Амди якобы случайно наскочил на мальчика. Джефри подпрыгнул и сердито глянул на разыгравшихся щенят. «Честное слово, совсем ребенок. — И тут же другая мысль, приятная и грустная одновременно: — Не таким ли я казался Йоханне?» Теперь на нем

тоже лежит ответственность. Например, надо проявлять выдержку. Когда один из элементов Амди пробежал мимо, Джефри сгреб извивающееся тельце в охапку. Он поднял щенка на уровень плеч, а остальная стая в восторге налетела на него, тычась мордами со всех сторон.

Они повалились на сухой мох и несколько секунд потратили на потешную драку.

— Пошли посмотрим, пошли посмотрим!

— Надо оставаться здесь. Равна и Стальной Господин нас просили.

— Не беспокойся. Мы вспомним, когда надо будет.

— Ладно. — «А куда это он намылился?»

Парочка вышла на сумрачную галерею — туда падал только свет из верхнего ряда окон да отблески факелов, — проложенную вдоль стены изнутри. Насколько мог судить Джефри, они остались в одиночестве. Ничего необычного. Стальной Господин очень тревожился, чтобы к кораблю не проникли шпионы Древорезчицы. Даже его собственные солдаты здесь появлялись редко.

Амдиджефри уже обследовали внутреннюю стену. По ту сторону штор камень был холодный и влажный. Наружу выходили отверстия — для

вентиляции, — но располагались они на высоте почти десятка метров, где стена донжона уже закруглялась, переходя в купольный свод. Камни были свежетесанные, даже не отшлифованые. Стаи Стального трудились в страшной спешке, торопясь закончить строительство до подхода войск Древорезчицы. В этой части цитадели не было ни отшлифованных стен, ни богато украшенных штор.

Впереди и позади Амди принюхивался к щелям меж камней, заполненным свежим известковым раствором. Щенок на руках Джефри испустил довольное хихиканье.

— Ха! Прямо над головой. Я знал, что этот камень неплотно сидит, — сказала стая. Джефри отпустил друга полностью собраться у тайника. Стена тут выглядела так же, как везде, но Амди царапался в нее пятью парами лап.

— Если ты выковыряешь его, что толку-то? — Джефри видел каменные блоки, когда их укладывали в стену. В толщину такая каменюка достигала пятидесяти сантиметров, и клали их чередующимися рядами. Сковырнут один — а дальше все равно сплошная стена.

— Хех-хех, не знаю. Я оставил это дело на потом, когда нам нечем будет заняться… Ой, известка

жжется! — Он еще поскребся и вытащил из стены камень размером с голову Джефри. Между блоков действительно имелся проход, и Амди вполне мог в него пролезть. Элемент стаи юркнул в тесную пещерку.

— Доволен? — Джефри пригнулся к дыре и попробовал что-то рассмотреть внутри.

— Догадайся, что тут? — пискнул от возбуждения элемент стаи совсем рядом с его ухом. — Тут нет новых камней, а есть туннель! — Щенок протиснулся мимо Джефри и пропал во мраке. Потайные ходы? Слишком уж похоже на нюйоркскую сказку. — Джефри, лаз достаточно просторен для взрослого элемента. Ты тоже мог бы пролезть на четвереньках. — Еще два элемента Амди пролезли в туннель.

Возможно, обнаруженный лаз и был достаточно просторен для человеческого ребенка, но на входе пришлось тесно даже щенкам. Джефри не оставалось выбора, кроме как смотреть во тьму. Часть стаи, оставшаяся у входа, рассказывала о своих открытиях:

— …Туннель очень, очень длинный. Я пару раз сам себе мешал думать. Верхний мой элемент метрах в пяти выше, у тебя над головой. Прикольно. Я весь растянулся.

Амди говорил тоном даже глупей своего обычного дурашливого. Еще два элемента сунулись в лаз. Намечалось нешуточное приключение, но Джефри в нем участия принять не мог.

— Не уходи слишком далеко, там может быть опасно.

Один из пары оставшихся щенков глянул на него снизу вверх:

— Не беспокойся. Не беспокойся. Туннель там не просто так проложен. Такое впечатление, что его прорезали нарочно, когда укладывали стену. Это специальный потайной ход, который Стальной Владыка оставил для бегства. Я в порядке. Я в порядке. Хахахооо… — И еще один щенок исчез в дыре. Спустя миг туда пролез и последний, но далеко не ушел, чтобы Амди мог поддерживать разговор. Стая отчаянно дурачилась, что-то распевая сама себе визгливо-скрипучим голоском. Джефри понимал, что так он веселит сам себя, люди для таких игр не созданы. В такой позе ум Амди путался до невозможности и рождал странные мысли. «Вот черт». Сейчас, когда Амди возится внутри стены, стая наверняка чувствует себя еще забавнее: щенки так прочно отрезаны от чужих мыслей, что обмениваться могут только своими, и поэлементно.

Дурашливый мотивчик доносился из дыры еще некоторое время, а потом Амди заговорил почти осмысленно:

— Эй, туннель местами разветвляется. Передовой наткнулся на развилку. В одну сторону лаз идет вниз… Эх, было бы у меня достаточно элементов пойти в обе стороны!

— Но у тебя недостаточно!

— Хей-хо, тогда сегодня пойду вверх. — Несколько секунд тишины. — Там дверка! Вроде комнатной двери, но высотой с элемента. Не заперто. — Амди ретранслировал скрежет камня о камень. — Ха! Вижу свет! Еще несколько метров, и ход открывается в бойницу. Ветер совсем рядом. — Он передал шум ветра и крики морских птиц с Тайного Острова. *Чудесные звуки.* — Ой-ой-ой, придется растянуться до предела, но я хочу выглянуть… Джефри, я вижу солнце! Я снаружи. Сижу на камне, выступающем из купола. Я все вижу на юг. Слышь, тут так дымно…

— А что на склоне холма? — спросил у ближнего элемента Джефри; шерсть его, вся в белых пятнышках, была почти незаметна в дыре. Ну хоть связь с Амди не прерывалась.

— Склон чуть потемнел с последней десятидневки. Я не вижу там солдат. — Звук залпа из

пушки. — Ой, тут стреляют! Ударило по эту сторону гребня холма. Там кто-то есть, но мне не видно.

«Древорезчица: явилась наконец». Джефри вздрогнул, злясь, что ничего не видит, и страшась того, что мог бы увидеть. Его преследовали кошмары о Древорезчице, о том, что она сделала с мамой, папой и Йоханной. Картинки неизменно расплывчатые… и словно бы из памяти. «Стальной Владыка задаст жару этой Древорезчице».

— Ой-ой-ой, старая карга Тиратект бредет через двор. — Из дыры послышался шум — Амди торопливо возвращался. Нет смысла выдавать Тиратект, что в стенах есть потайные ходы. Наверняка ее элемент просто прикажет им держаться подальше. Один, двое, трое, четверо… половина Амди вылезла из стены. Четверка бродила вокруг, словно кемарила на ходу. Джефри не понял, из-за чего: то ли от умственной растяжки, то ли их на время отрезало от другой половины.

— Веди себя нормально, веди себя нормально!

Тут появилась вторая четверка, и Амди пришел в себя. Он оттащил Джефри от стены и рысью устремился обратно.

— Давай садись у комма. Прикинемся, что все время пытались Равну дозваться.

Амди прекрасно знал, что корабль не выйдет на связь еще как минимум минут тридцать. Вообще-то, именно он и проверил для Стального Владыки расчеты Равны. Тем не менее он стремительно взлетел по трапу и стащил вниз радио. Парочка уже вставляла антенну в усилитель, когда распахнулись общедоступные двери на западной стороне донжона. Против дневного света показались силуэты стражника и одного из элементов Тиратект. Часовой отступил, закрыл двери и запер. Синглет в мантии потрусил к ним по моховому ковру.

Амди выбежал навстречу и затрещал насчет того, как они пытались наладить связь. Джефри подумал, что стая перебарщивает. Щенки не до конца оправились от вылазки.

Синглет глянул на присыпанную известковой пылью шерсть Амди.

— Ты ведь в стенах лазил, да?

— Э? — Амди оглядел себя, заметил пыль. Обычно он бывал хитрее.

— Угу, — пристыженно пробормотали щенки и отряхнулись. — Вы же не скажете, ну правда?

«Черта с два», — подумал Джефри. Самношк Тиратект был даже лучше, чем у Стального, и, кроме Владыки, лишь эта стая утруждала себя

разговорами с парочкой. Но еще до переодевания в радиомантии Тиратект легко выходила из себя и начинала командовать. У Джефри когда-то были такие няньки. Стая Тиратект до какого-то момента вела себя чудесно, а потом начинала язвить или хамить. В последнее время поведение Тиратект немного улучшилось, но Джефри недолюбливал ее.

Элемент ничего не ответил. Он медленно уселся, словно у него болел крестец.

— Нет, не скажу.

Джефри озадаченно переглянулся с одним из щенков.

— А для чего этот туннель? — застенчиво поинтересовался мальчишка.

— Во всех замках есть потайные ходы, особенно в моем… в домене Стального Владыки. Нужны для бегства, для слежки за врагами. — Синглет покачал головой. — Ладно, пустое. Амдиджефри, ваше радио нормально работает?

Амди покосился на дисплей комма.

— Думаю, да, просто еще принимать нечего. Видите ли, корабль Равны должен погасить скорость и… Мм, может, я вам лучше расчеты покажу? — Но Тиратект явно не интересовали исписанные мелом доски. — Смотря по обстоя-

тельствам, как там ультрадвигатель… короче, мы уже скоро выйдем с ними на радиосвязь.

Но входящего сигнала на экранчике комма видно не было. Они несколько минут провели в ожидании. Элемент Тиратект уткнул морду в лапы и вроде бы уснул. Каждые несколько секунд тело его подергивалось, точно ему снился сон. Джефри задумался: чем сейчас заняты остальные?

Тут экран засветился зеленым. Прозвучал каркающий звук, словно устройство откашливало сигнал от фонового шума.

— …над вами через пять минут, — произнес голос Равны. — Джефри, ты слушаешь?

— Да! Мы здесь.

— Дай мне Стального Владыку, пожалуйста.

Тиратект подвинулся к комму:

— Его здесь сейчас нет, Равна.

— Кто это?

Тиратект захихикал; другого смеха от этой стаи Джефри никогда не слыхал.

— Кто я? — Он издал стайный аккорд, который для Джефри прозвучал как «Тиратект». — Или вам нужно принятое имя, как «Стальной»? Не подберу точного аналога. Можете называть меня… господином Скорняком. — Тиратект снова

захихикал. — Сейчас я говорю за Стального.

— Джефри, там с тобой все в порядке?

— Да-да. Слушай господина Скорняка. — «Какое странное имя».

Из комма донесся невнятный шум. Кажется, мужской голос с кем-то спорит. Потом Равна вернулась, голос у нее стал напряженный, как у мамы, когда ее что-то злило.

— Джефри… каков объем шара диаметром десять сантиметров?

Амди в продолжение разговора нетерпеливо прыгал. Последний год он только и слушал от Джефри истории о людях и все гадал, на кого окажется похожа Равна. Теперь был его выход. Он прыгнул к панели и улыбнулся Джефри.

— Равна, это просто. — Он говорил голосом Джефри, притом совершенно бегло. — Ответ: пятьсот двадцать три целых пятьсот девяносто восемь тысячных кубических сантиметра… или тебе еще десятичные знаки нужны?

Приглушенный разговор.

— …Нет, достаточно. Ладно, господин Скорняк. У нас снимки с прошлого пролета мимо планеты и примерный радиопеленг. Вы где точно находитесь?

— Под куполом замка на вершине Холма Звез-

долета. Он у самого побережья…

Вмешался мужской голос. Фам? Он говорил с забавным акцентом.

— Я по карте посмотрел. Мы пока не видим вас непосредственно. Слишком сильный туман.

— Это дым, — ответил элемент в мантии. — Враги с юга подошли почти вплотную. Ваша помощь нужна немедленно… — Синглет опустил голову, отклонился от комма. Глаза его пару раз закрылись и открылись. Думает? — Хм, да. Без вашей помощи мы с Джефри пропадем, и этот корабль тоже. Пожалуйста, садитесь во двор замка. Вам известно, что мы специально укрепили его к вашему прибытию. После посадки мы могли бы воспользоваться вашим оружием…

— Ни за что, — тут же ответил мужчина. — Просто укажите нам, где хорошие ребята, а где плохие, и мы обо всем позаботимся.

Голос Тиратект стал вкрадчивым, как у ребенка, который что-то клянчит у родителей. «Он и в самом деле изучил нас».

— Нет-нет, я не хотел вас оскорбить. Действительно, поступайте, как вам удобно. А насчет вражеских сил очень просто: все, кто у замка на южном склоне холма, и есть враги. Один пролет вашего корабля на… гм, факеле… обратит их в

бегство.

— Я не могу лететь на факеле в атмосфере. Джефри, а твой папа и впрямь посадил корабль на двигателе? Без антиграва?

— Да, сир. У нас ведь только движок и остался.

— Гениальный счастливчик.

Равна:

— Может, просто пролететь над ними в паре тысяч метров? Это их отпугнет.

— Да, это может оказаться… — начал Тиратект.

Распахнулись двери на северной стороне донжона. На фоне дневного света обрисовались силуэты Стального Владыки.

— Дай я с ними поговорю, — бросил он.

Цель всего путешествия лежала лишь в двадцати километрах под «Внеполосным-II». Так близко, но преодолеть эти двадцать тысяч метров, вероятно, окажется не легче, нежели перекинуть мостик через бездну в уже пройденные двадцать тысяч световых лет.

Они зависли на антиграве прямо над Холмом Звездолета. Мультиспектр «Внеполосного-II» работал фигово, но в моменты, когда дым уносило ветром, корабельная оптика помогала пересчитать иглы на деревьях внизу. Равна видела, как наступают на замок по южному склону войска

Древорезчицы. В лесах, окаймлявших фьорд с юга, прятались еще войска, и у них, кажется, была пушка. Было бы чуток времени в запасе, они бы и этих выцелили. Времени, однако, не осталось вовсе.

Времени и доверия.

— Сорок восемь часов, Фам. После этого прилетит флот и обрушится на нас. — Может, богосколок сотворит чудо, *может быть*; но, ошиваясь здесь, наверху, этого не узнать. *Попытайся.* — Фам, тебе придется кому-то довериться.

Фам оглянулся на нее, и на миг Равна перепугалась, что он сейчас совсем рассвирепеет.

— Хочешь, чтоб мы сели во двор замка? Рав, средневековые мерзавцы не глупее виденных тобой в Запределье. Они бы даже бабочек кой-чему научили. Стрела в голову убьет тебя не хуже бомбочки с антиматерией.

«Опять ложная память?» Но Фам прав. Она перебрала в голове недавний разговор. Вторая стая, Стальной, настаивала несколько резче правдоподобного. Он хорошо обращался с Джефри, но откровенно впал в отчаяние. Она ему поверила: полет на большой высоте и вправду не отпугнет древорезчиков. Надо спуститься и окатить их огнем. А единственным огнестрелом в их распо-

ряжении остался лучемет Фама.

— Ну ладно. Делай, о чем вы там со Стальным договорились. Пролетишь в шлюпке над войсками Древорезчицы и спалишь их лазером.

— Рав, ну твою ж мать, ты же знаешь, что я не умею летать на шлюпке! Никто из нас не умеет, а без автоматики…

А вот теперь мягко:

— Без автоматики тебе придется положиться на Синепанциря, Фам.

На лице Фама проступил ужас. Она потянулась к нему. Фам долго молчал и, казалось, не замечал ее.

— Да. — Голос низкий, сдавленный. И: — Синепанцирь! Двигай сюда.

Для Фама с Синепанцирем места в посадочной шлюпке «Внеполосного-II» вполне хватило. Суденышко проектировалось под нужды наездников. Если бы вершинная автоматика работала, Фам бы управился с ним без труда. Ребенок бы управился. А теперь шлюпка не могла сама обеспечить устойчивости полета, и «ручное» управление осложняло жизнь даже Синепанцирю. Проклятая автоматика. Проклятая оптимизация. Бóльшую часть взрослой жизни Фам Нювен провел в Медленной Зоне. За эти десятилетия ему доводилось

управлять космическими кораблями и орудийными системами, способными стереть с лица планеты феодальную империю внизу. Сейчас, располагая оружием несоизмеримо более мощным, он даже с дурацкой шлюпкой разобраться не в состоянии.

В кабине экипажа Синепанцирь занял место пилота. Раскинул ветки по сети подставок и элементов управления. Он отключил все дисплеи, кроме главного, и в этом окошке появилась картинка в естественных цветах с носовой камеры шлюпки. «Внеполосный-II» парил в нескольких сотнях метров над ними, то появляясь, то исчезая из виду, когда шлюпку дергало вниз и вбок.

Нервозность — суетливость, как Фаму показалось, — словно смыло с Синепанциря, как только ему доверили управление. Голос из вокодера стал отрывистым и сосредоточенным. Кончики веток замелькали по консоли: Фам бы так не сумел, даже убей он всю жизнь на тренировки с этим корытом.

— Благодарю вас, сир Фам… Я оправдаю оказанное мне доверие…

Шлюпка клюнула носом; в двадцати километрах внизу и прямо впереди возникло изрезанное фьордами побережье. Полминуты они провели в

свободном падении, а ветви наездника то и дело ерзали на подставках. *«Увлекся фигурой высшего пилотажа?»* Нет:

— Простите, простите.

Перегрузка. Фама вдавило в сиденье: ускорение то падало до десятых долей *g*, то подскакивало до едва переносимого. Пейзаж перед глазами завертелся, на миг мелькнул «Внеполосный-II» — крохотная мошка в небе над головой.

— А нужно ли их убивать, сир Фам? Вероятно, уже одним появлением над полем боя мы…

Нювен скрипнул зубами:

— Ты просто спускайся.

Этот Стальной был непреклонен, когда речь заходила о том, чтобы выжечь весь склон холма. И несмотря на все Фамовы подозрения, в этом стая могла оказаться права. Им противостояли орды убийц, без колебаний атаковавшие звездолет; древорезчикам нужно преподать хороший урок.

Шлюпка опускалась километр за километром. Даже в естественном обзоре стали различимы укрепления Стального: неправильный многоугольник вокруг корабля беженцев и гораздо более крупный — на острове в нескольких километрах западнее. «Не так ли выглядел замок моего отца с посадочных шлюпок Чжэн Хэ?» Но у

этого замка высокие стены обрывались отвесно. Очевидно, у Когтей понятия не было о порохе, пока Равна им не подсказала.

В долине к югу от замка набух клуб темного дыма, медленно расползаясь к морю. Даже без цифрового увеличения Фам видел там горячие точки: оранжевую бахрому темных занавесей.

— Вы на высоте двух тысяч метров, — сказал голос Равны. — Джефри говорит, что заметил вас.

— Свяжи меня с ними.

— Попробую, сир Фам. — Синепанцирь засуетился, и оставленная без внимания шлюпка ушла в штопор. Фаму доводилось видеть листья, падавшие менее хаотично.

Писклявый детский голосок:

— С в-вами п-порядок? Только не разбейтесь!

А это уже Стальной, помесью голосов Равны и ребенка:

— На юг держите! На юг держите! Огнеметом их. Быстро сожгите!

Синепанцирь уже следовал этому указанию. Шлюпка влетела в дым. Несколько секунд они летели вслепую. Не успел Фам ругнуться на Синепанциря, как наездник развернул шлюпку и вылетел в чистый слой воздуха. Потом резко набрал высоту, завис, и они оглядели битву.

После тридцати недель переговоров и планов Фам впервые увидел Когтей. Даже с высоты было очевидно, что эти разумные существа отличаются от всех ранее попадавшихся ему. Группки из четырех, пяти или шести особей держались так тесно, что производили впечатление единого паукообразного создания. И эти стаи разделяло по десять-пятнадцать метров.

В дымном сумраке сверкнула пушка. Стая орудийного расчета двигалась согласованно, координированно, как рука: вот она откатила ствол, вот пропихнула в дуло новый заряд.

— Но если это враги, сир Фам, откуда у них пушки?

— Украли. — «Но почему они заряжаются с дула?» Он не успел обдумать эту мысль.

— Вы прямо над ними, Фам! Я вижу, как вы то скрываетесь в дыму, то вылетаете. Вас сносит к югу со скоростью пятнадцать метров в секунду, вы теряете высоту. — Это говорил ребенок, с обычной для него сверхъестественной точностью. — Убейте их! Убейте их!

Фам вывернулся из ремней и пролез к люку, где смонтировал лучемет. После пожара в мастерской уцелела только эта штука, но Господним соизволением так вышло, что именно с нею Фам

умел обращаться.

— Держи высоту, Синепанцирь. Если опрокинешь меня, я и тебя запросто смогу зажарить!

Он откинул люк и закашлялся от едкого дыма. Потом антигравы Синепанциря вынесли шлюпку на открытое пространство, и Фам перечеркнул бегущие стаи лучом лазера.

Сперва Древорезчица хотела, чтобы Йоханна осталась в базовом лагере. Ответ Йоханны был подобен пушечному залпу. Девочка до сих пор немного удивлялась своей реакции. Она с первых дней в этом мире не была так близка к тому, чтобы накинуться на стаю. Никто не посмеет ее удержать от поисков Джефри! В итоге они достигли компромисса: Йоханне в охрану придали Странника. Пока остается под его присмотром, может следовать за армией в бою.

Йоханна вглядывалась в клубящийся дым. Проклятье! Странник всегда был таким беззаботным весельчаком. По собственному признанию, его за годы жизни многократно убивали по частям, а теперь он ее даже к пушкам Щепетильника не подпускает. Они вдвоем бежали по терраске на склоне холма. Несколько часов назад тут в подлеске случился пожар, до сих пор стоял пряный запах горелого мха. А с этим запахом возвраща-

лась память о тех ужасах годичной давности, прямо здесь, когда…

Доверенные гвардейцы сопровождали их, перебегая в двадцати метрах по обе стороны. Тут вроде бы можно было не опасаться вражеских шпионов, а шкуродерники уже много часов не вели ответного огня. Но Странник настрого запретил ей подходить ближе.

Совсем не так, как в прошлом году. Тогда солнце сияло в синем небе, а воздух был чист — и тогда убили ее родителей. Теперь они со Странником вернулись, а небо из синего стало желтовато-серым, и мох на склоне холма выгорел до черноты. Стаи, бежавшие рядом, теперь были ее союзниками. И у нее оставался шанс…

— Да пусти же ты, блин! Что бы со мной ни сталось, Слоник-то у Древорезчицы!

Странник встряхнулся жестом стайного отрицания. Один его щенок высунулся из кармана куртки и словил девочку за рукав.

— Погоди немножко, — в десятый раз повторил Странник. — Дождись гонца от Древорезчицы. Тогда мы…

— Мне нужно наверх! Я одна тут знаю корабль! — «Джефри, Джефри. Лишь бы Проныра насчет тебя угадал…»

Она извернулась, чтобы закатить Шрамозадому оплеуху, а когда это произошло, ей опалило спину, и в дыму что-то ярко сверкнуло. Снова. Снова. Донесся громовой раскат.

Странник прижался к ней.

— Это не пушки! — крикнул он. — Двух моих чуть не ослепило. Давай. — Он окружил Йоханну, чуть не сбив с ног, и потащил, поволок вниз по склону.

Секунду-другую Йоханна бежала вместе с ним, ошеломленная, и не сопротивлялась. Стаи эскорта куда-то запропали.

Сражение на холме прекратилось. Громовой раскат всех утихомирил. Когда дым немного рассеялся, Йоханна увидела одну из пушек Щепетильника: ствол торчал из лужицы расплавленного металла. Пушкаря разорвало в клочья. Да уж, это не артиллерия. Йоханна стала вырываться из хватки Странника. *Не артиллерия*.

— Это из космоса! Странник, это, наверное, был факел двигателя.

Странник снова сгреб ее и побежал дальше.

— Нет, не факел! Факел я слышал. Эта штука тише, и ее кто-то направляет.

Раздалась длинная очередь взрывов. «Скольких бойцов Древорезчицы сейчас убило?»

— Они, наверное, решили, что мы нападаем на корабль. Странник, если ничего не сделаем, они нас тут всех положат!

Челюсти стаи ослабили хватку на рукавах и штанинах.

— Ну и что делать? Если будем тут слоняться, нас так и так прикончат.

Йоханна поглядела в небо. Флаеров не видно, правда, дыму столько… Солнце казалось тусклым кроваво-красным шаром. «Если бы спасатели знали, что убивают друзей. Если бы они только увидели». Она уперла ноги в землю.

— Странник, а ну выпусти меня сейчас же! Я пойду вверх по склону, выберусь за дымовую завесу.

Он остановился, но продолжал ее цепко удерживать. Четыре взрослых морды и две щенячьих смотрели прямо на Йоханну, во всех взглядах читалась неуверенность.

— Странник, пожалуйста. Это единственный способ.

По холму вниз бежали стаи. Некоторые в крови, другие распались на фрагменты.

Перепуганные глаза Странника долгое мгновение глядели на нее. Потом он отпустил девочку и ткнулся ей в руку носом.

— Я так и знал, что встречу на этом холме свою смерть. Сначала Грамотей меня сюда притащил, а теперь ты… Вы все с ума посходили. — По элементам стаи расползалась знакомая усмешка. — Лады, двум смертям не бывать! — Двое, те, что без щенят, устремились вверх по холму, разведывая кратчайшую дорогу.

Йоханна и остальные побежали следом. Они двигались по слегка наклонной терраске. Летняя жара иссушила прохладную болотистую почву, которая помнилась Йоханне по моменту высадки, и горелый мох утаптывать было легко. Путь не представлял бы особого труда, но Странник выбирал самые заросшие пригорки, приседая каждые несколько секунд и оглядываясь во всех направлениях. Они достигли края терраски и начали подъем. Тут склон сделался таким крутым, что Йоханне временами приходилось цепляться за ремни на куртках Странника и позволять стае затащить ее наверх на себе. Они задержались у ближайшей пушки. От орудия мало что осталось. Йоханна никогда раньше не видела, как стреляют, только в кино, однако брызги металла и обгоревшие лохмотья плоти недвусмысленно указывали на какое-то лучевое оружие. Холм рассекала полоса таких кратеров, довершая царящее

на уже выжженной земле разрушение.

Йоханна прислонилась к гладкому скальному выступу.

— Вот только через этот перелезем, и мы на следующей террасе, — сказал ей на ухо голос Странника. — И быстрее, я слышу, там стреляют.

Он спустил двоих своих вниз, протягивая ремни Йоханне. Девочка вцепилась в них и прыгнула. Мгновение Йоханна и стая покачались на краю четырехметровой впадины, а потом девочка оказалась на коричневатом, не тронутом огнем мху. Странник сгрудился вокруг, заслонив ее собой. Она выглянула между его лап. Отсюда уже просматривались внешние стены замка Стального. Лучники стояли на бастионах, не прячась, пользуясь замешательством войск Древорезчицы. В общем-то, потери королевы были не так велики, но даже невредимые стаи пустились в бегство. Солдаты Древорезчицы не трусы, Йоханна могла в этом поклясться, но сейчас им противостоял неуязвимый противник.

Над ее головой дым рассеивался, проступила лазурь. Участок поля боя впереди уже оказался в просвете. В годы на Страуме до отлета в Высокую Лабораторию Йоханна с матерью частенько ходили в походы на болота Бигбю. Сенсорами

походных рюкзаков они без труда засекали шюггвингов[21], так что ее заметят, даже если автоматика флаера и не настроена на поиск человека внизу.

— Ты что-нибудь видишь?

Взрослая четверка Странника скоординированными парами голов поглядела в разные стороны.

— Нет. Либо их флаер очень далеко, либо за дымовой стеной.

«Вот черт. — Йоханна поднялась с колен и побежала прямо к стенам замка. — Туда-то наверняка смотрят!»

— Древорезчице это не понравится.

Две стаи солдат королевы уже бежали к ним, привлеченные целеустремленными действиями, а может, присутствием Йоханны. Странник жестом отогнал их.

Одни в чистом поле меньше чем за две сотни метров от замковой стены. Ну как не заметить, даже невооруженным глазом? И действительно, их заметили: что-то мягко зашипело, в торф слева уткнулась метровая стрела. Шрамозадый схватил Йоханну за плечо и пригнул к земле. Элементы сдвинули щиты в нужную позицию, и под при-

[21] Примечания: 21

Skyggwing — букв.: «тихокрыл», от skygg — «тихий» (*швед.*) и wing — «крыло» (*англ.*).

крытием этой самодельной баррикады Странник побежал назад. Назад, в дым.

— Нет! Параллельно стенам! Я хочу, чтоб меня было видно.

— Ну ладно, ладно. — Вокруг мягко зашептала смерть. Йоханна держала руку на плече элемента, пока они бежали через поле, и почувствовала, как Шрамозадый сбился с шага. Стрела вонзилась ему в плечо, в сантиметрах от мембраны.

— Я в порядке! Пригнись, пригнись.

Передовая линия войск Древорезчицы покатилась к ним — по террасе бежала дюжина стай. Странник метался вверх-вниз по склону, и вопли его доставляли физическую боль. Приказывал не подходить, кричал об опасности с неба. Это их не остановило.

— Они хотят увести тебя из-под обстрела.

Вдруг обстрел из замка прекратился. Странник оглядел небо.

— Возвращается! С востока, может, в километре от нас.

Она посмотрела в ту сторону. По небу летело что-то бугристое, наверное, для перемещения в космосе, хотя ультрадвигательных шипов она не заметила. Аппарат болтался и дрожал в полете. Выхлопных струй видно не было. «На антиграве

идет? Это что, не люди?» Мысли перекрывало радостное смятение.

Из мачтового выступа на брюхе корабля сверкнула бледная вспышка, и вокруг бегущих ей на выручку стай ударили гейзеры грязи. Снова прозвучал раскат грома, но теперь луч двинулся прямо через ряды ее друзей, прямо к ней.

Амдиджефри стояли на бастионе. Стальной прятал от парочки гневные взоры. Делать нечего; Равна ясно потребовала, чтобы Джефри направлял удар по радио. Эта человечиха не так уж и глупа. Впрочем, не важно. Армия всегда одинаково выглядит, своя или чужая. И очень скоро армия за этими стенами прекратит свое существование.

— Как результаты первого пролета? — четко прозвучал голос Равны из комма. Но ответил не Джефри: по бастионам разбежалась восьмерка Амдиранифани. Некоторые уселись на зубцах, упражняясь в стереоскопическом зрении, другие глазели на Стального и радио. Не было смысла ему что-то запрещать. И Амди ответил голосом Джефри:

— Порядок. Я насчитал пятнадцать импульсов. Только десять попаданий. Я бы и то лучше справился.

— Черт подери, это лучшее, на что я способен с [непонятные слова]. — Голос принадлежал не Равне. Стальной слышал в нем гневные нотки. «Каждому найдется причина возненавидеть этих щенков». Эта мысль его приятно согрела.

— Пожалуйста, — сказал Стальной. — Стреляйте снова. Снова.

Он глянул через парапет. Атака с воздуха очистила от вражеских сил край ближней террасы. Зрелище было впечатляющее: будто туда пришелся залп огромной пушки или одновременно опустились двадцать звездолетов. И это сделал крохотный кораблик, болтающийся в воздухе, как сорванный лист. Линия наступления противника распалась, враги обратились в паническое бегство. Вверху и внизу на стенах замка его собственные солдаты плясали от радости. После потери пушек ситуация сложилась отчаянная; нужно было их приободрить.

— Лучники, Шрек! Вели им стрелять по отступающим. — И на самношке: — Передние ряды врага продолжают наступление. Они… они… — Как сказать «уверены в себе»? — Они нас убьют, если вы не поможете.

Человеческий щенок недоуменно воззрился на Стального. Если сейчас уличит его во лжи, то… В

следующее мгновение Равна ответила:

— Не знаю. Насколько мне видно, мы их как следует оттеснили от ваших стен. Я не хочу устраивать бойню… — Быстрый разговор с человеком во флайере, кажется, даже не на самношке. Стрелок был явно недоволен.

— Фам отлетит на несколько километров, — продолжила она. — Как только враг снова атакует, мы тут же придем на выручку.

— Сссссст! — Высокая шипящая речь Шрека ударила, как дубинка. Стальной в ярости обернулся. «Да как он…» Но лейтенант стоял, в изумлении показывая на центр поля боя. Конечно, Стальной и туда парой глаз смотрел, но не обратил особого внимания на… другую Двуногую!

Человечиха спряталась за сопровождавшей ее стаей: к счастью, Амдиджефри не успели этого заметить. «Благодарение Стае Стай, что эти щенки близоруки!» Стальной подался вперед, окружив часть Амди, а другим крикнул убираться с парапета. Оба элемента Тиратект подскочили к ним, хватая ослушников за шкирку.

— Вниз! — заорал Стальной на стайной речи. На миг воцарилось замешательство: его собственные мыслезвуки смешались со щенячьими. Амди отшатнулся, явно раздраженный шумом и

неласковым обращением. Стальной добавил на самношке: — Там еще пушки подвезли. В укрытие, пока вас не задело!

Джефри перегнулся через парапет:

— Но я не вижу…

К счастью, там особо и нечего было видеть. В данный момент. Двуногая продолжала прятаться за стаей охраны Древорезчицы. Шрек взял человеческого щенка в челюсти и лапы, и они с одним из элементов Тиратект унесли протестующую парочку вниз по лестнице. По дороге Тиратект уже принялась разукрашивать выдумку Стального, рассказывая о войсках, которые видит под холмом.

— Взорвать малый пороховой погреб! — вполголоса скомандовал Стальной Шреку. Погреб был почти пуст, но его взрыв, возможно, убедит космонавтов лучше, чем слова.

Оставшись в одиночестве, Стальной мгновение молча трясся. Никогда еще он не был так близок к провалу. Лучники обстреливали вражескую стаю и Двуногую из бойниц. К сожалению, те были почти недосягаемы.

Со двора долетел взрыв: Шрек подорвал малый погреб. Получилось неплохо, куда внушительней залпов вражеской артиллерии. Одна из внут-

ренних башен раскололась и рухнула. Во дворе пролился каменный дождь, самые мелкие обломки задели Стального на бастионе.

Равна что-то быстро кричала на самношке, Стальной не понял, что именно. Все его планы и надежды балансировали на лезвии клинка. Придется рискнуть всем. Стальной прислонился к комму плечом и произнес:

— Извините. У нас тут все очень быстро происходит. Под прикрытием дыма подошло много древорезчиков. Можете убить всех на склоне холма?

«Видят ли звездники сквозь дым?» Это тоже риск.

Стрелок ответил:

— Попробую. Следите.

И третий голос, монотонный и невыразительный даже по человеческим стандартам:

— Еще пятьдесят секунд, сир Стальной. У нас трудный вираж.

«И хорошо. Сконцентрируйтесь на полете и стрельбе. Не надо слишком пристально всматриваться в тех, кого убиваете». Лучники отогнали человечиху назад, почти в дымовую завесу. Ей на помощь бежали другие стаи. Когда звездники, завершив маневр, вернутся, там возникнет много

целей, и человечиха среди них потеряется.

Двумя элементами он заметил, как летающая машина космонавтов снижается сквозь дым. Гостям толком не видно, в кого они стреляют. Под брюхом аппарата сверкнула бледная вспышка. Будто коса, она двинулась к войскам Древорезчицы по склону холма.

Фама подбрасывало на его насесте, пока Синепанцирь разворачивал шлюпку к цели. Летели они не очень быстро; поток воздуха не мог быть быстрее тридцати метров в секунду. Но каждую секунду суденышко выдавало скачки и кульбиты. Был момент, когда Фам чуть не вывалился из люка, успев схватиться за турель лучемета. «Через сорок с небольшим часов сюда прибудет самая жуткая сила во Вселенной, а я собак наугад стреляю».

Как зачистить склон холма? Скулеж Стального еще отдавался у него в ушах. Равна с «Внеполосного-II» тоже толком ничего не видела сквозь дым. «Обошлись бы лучше совсем без автоматики, чем с этим ублюдочным гибридом возиться». Хорошо хоть лучемет на ручном управлении. Фам обнял турель одной рукой, а другой наводил. Он увеличил угол раствора луча: против брони лазер будет бесполезен, хотя сможет выжигать глаза,

опалять шкуру и шерсть. Зато на уровне земли охват луча теперь составлял десятки метров.

— Пятнадцать секунд, сир Фам, — сказал ему в ухо голос Синепанциря.

На этот раз они летели совсем низко. В разрывах дымовой завесы стоп-кадрами мелькали участки поля битвы. Земля по большей части обгорела дочерна, однако встречались скальные выступы и даже покрытые сажей снежники в расщелинах и тенистых впадинах… То там, то сям валялись груды собачьих трупов или торчал ствол искалеченной пушки.

— Сир Фам, впереди целая свора. Они бегают у замка.

Фам наклонился в люк и посмотрел вперед. Кипеш затевался метрах в четырехстах. Стаи бежали параллельно замковым стенам, и склон в этом месте щетинился древками стрел. Он нажал гашетку, заметая лучом поле боя под шлюпкой. Под пересохшим верхним слоем мха было еще полно воды, и луч вздымал фонтаны пара. Но дальше пучок расширялся и был малоэффективен. У обреченных стай оставалось несколько секунд, прежде чем Фам как следует прицелится.

Время для осторожных подозрений. Откуда это у врагов пушки, заряжающиеся с дула? Их

они должны были изготовить сами — в мире, где огнестрелом и не пахнет. А Стальной — классический средневековый интриган, Фам этого типа за тысячу световых лет раскусил. Как пить дать, они сейчас делают за мерзавца грязную работу. «Заткнись. Со Стальным разберешься потом».

Немного отклонив луч, Фам выстрелил снова, на сей раз — по живой плоти. Он целился чуть вперед, в сторону замка; может, не все они погибнут. Высунул голову дальше в турбулентный воздушный поток, присмотрелся внимательней. Перед наступавшими стаями протянулась пустая стометровая полоса, а на ней — одинокая стая из четырех собак и… *человеческая фигурка, тонкая, темноволосая, прыгает и машет руками.*

Фам рванул ствол вверх, ударил о корпус, одновременно ставя лучемет на предохранитель. Отраженная вспышка зацепила его горячей волной и опалила брови.

— Синепанцирь! Сажай шлюпку! Сажай!

Глава 39

— Плохое понимание. Ей солгали.

Равна пыталась разгадать по голосу подлинную обстановку. Самношк Стального оставался скрипучим, тон — жалобным, хнычущим, как у ребенка. Таким же, как и раньше. Но после того, что недавно случилось, россказни его выглядели крайне неубедительно. Он либо величайший притворщик в Галактике, либо… говорит правду.

— Человечице, скорее всего, причинили боль и солгали у Древорезчицы. Это объясняет многое, Равна. Без нее Древорезчица не атаковала бы. Без нее все было бы безопасно.

Голос Фама на их с Равной личном канале:

— Рав, во время нападения девочка была в обмороке. Но она мне чуть глаза не выцарапала, когда я предположил, что, может, со Стальным и Древорезчицей все наоборот. А стая, которая ее сопровождает, насчет Стального более чем уверена.

Равна вопросительно воззрилась через рубку на Зеленожку. Фам не знал, что наездница здесь. Как тяжело. Зеленожка — островок спокойствия в океане безумия, и «Внеполосный-II» ей знаком

несравнимо лучше Равны.

Стальной заговорил, прервав ее колебания:

— Видите, ничего особо не изменилось, только к лучшему. Еще одним живым человеком больше. Как вы можете сомневаться в нас? Поговорите с Джефри; он поймет. Мы сделали все, что в наших силах, для детей в… — Бульканье, и (другой?) голос продолжил: — Холодном сне.

— Конечно, конечно, нам очень нужно снова с ним поговорить, Стальной. Это послужит лучшим доказательством твоих добрых намерений.

— Хорошо. Подождите несколько минут, Равна. Но, понимаете ли, он и *моя* страховка на случай *вашего* предательства. Я знаю, как вы, звездожители, могущественны. Я… боюсь вас. Нам нужно, — булькающие переговоры с кем-то, — поддерживать друг друга против наших страхов.

— Гм. Мы что-то придумаем. Просто дай нам поговорить с Джефри. Сейчас же.

— Да.

Равна переключила каналы:

— Что думаешь, Фам?

— У меня вопросов нет. Эта Йоханна не наивная дурочка вроде Джефри. Мы всегда подозревали, что Стальной — скользкий типчик. Мы просто кое-что неверно поняли. Место посадки в центре

его владений. Он и есть убийца. — Голос Фама упал почти до шепота. — Но, черт подери, это, возможно, ничего и не меняет. У него корабль. Мне надо туда.

— Это еще одна засада.

— Знаю. Ну и что? Если доберусь до *контрмеры*, оно… может оправдать потраченные силы. — «Что стоит добавить к самоубийственной миссии еще одну, такую же?»

— Я не уверена, Фам. Если мы ему дадим все, чего он требует, он нас убьет, не допустив на корабль.

— Он попробует. Ты ему просто зубы заговаривай. Возможно, получится его засечь и выбить чуваку мозги. — Тон Фама не располагал к оптимизму.

Тиратект не повела их обратно на корабль и в покои тоже не проводила. Они спускались по замковой лестнице в том секторе твердыни, который примыкал к наружному валу. Впереди шла часть стаи Амди, затем Джефри с остальными щенками, а замыкал процессию синглет Тиратект.

Амди продолжал ныть:

— Я не понимаю. Я ничего не понимаю. Мы же можем ему помочь.

— Я не видел ни одной вражеской пушки, —

сказал Джефри.

Синглет пустился в объяснения, хотя они казались еще более натянутыми, чем обычно.

— А я видел, то есть одним из своих элементов в долине. Мы бросаем в битву все подкрепления. Мы обязаны выстоять, иначе никто из нас не выживет и спасать будет некого. Сейчас вам лучше оставаться здесь.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джефри. — Ты можешь поговорить со Стальным?

— Да, один из моих элементов все еще наверху, с ним.

— Тогда скажи ему, что мы ему поможем. Мы даже лучше твоего говорим на самношке.

— Сейчас скажу, — быстро ответил элемент в мантии.

Бойницы в стенах исчезли. Единственными источниками света оставались факелы, торчавшие через каждые десять метров туннеля. Воздух тут был холодный и пах плесенью; неприкрытые камни поблескивали от влаги. Крохотные двери были не из отполированного дерева, а решетчатые, и за ними тянулась темнота. «*Куда мы идем?*» Джефри вдруг припомнились темницы из преданий, вроде того, где предательство погубило Вторую Величайшую и Графиню Озера. Амди

вроде бы ничего такого не чувствовал. При всей своей озорной натуре щенкостая отличалась доверчивостью; щенки полностью полагались на Стального Владыку. Родители Джефри, однако, никогда его так не воспитывали и даже во время бегства из Высокой Лаборатории так себя не вели. Вдруг мальчик увидел Стального Владыку под иным углом зрения, словно у того отпала нужда сюсюкать. Кроме того, Джефри никогда по-настоящему не доверял зловещей Тиратект, чей элемент теперь откровенно трусил.

«На склоне холма не было никаких новых угроз».

Страх, упрямство и подозрительность разом перевесили. Джефри упер руки в боки и перегородил дорогу элементу в мантии:

— Мы дальше не пойдем. Нам не сюда надо было. Мы хотим поговорить с Равной и Стальным Владыкой! — Внезапное облегчение: — А ты не такой большой, чтобы нас задержать!

Синглет резко дернулся, потом сел, опустил голову и подмигнул:

— Ага, так ты мне не доверяешь? Имеешь право. Вы никому не вправе доверять, кроме себя самих. — Взгляд элемента переместился с Джефри на щенков, потом вниз по залу, через который

они как раз проходили. — Стальной не знает, что я вас сюда привел.

Признание получилось таким непринужденным и неожиданным, что у Джефри дух захватило. Он с трудом сглотнул:

— Ты привел нас сюда, чтобы убить.

Все элементы Амди глазели на Тиратект, вылупив зенки от ужаса.

Синглет качнул головой в подобии стайной усмешки:

— Думаешь, я предатель? Ну наконец-то у тебя проявилась здоровая подозрительность. Я тобой горжусь. — И синглет снова гладко зажурчал: — Вас, Амдиджефри, окружают предатели. Но я не из них. Я намереваюсь вам помочь.

— Я знаю. — Амди ткнулся синглету в морду. — Вы не предатель. Вы единственная были, кроме Джефри, кого я мог потрогать. Нам всегда хотелось вас полюбить, но мы…

— Ах-ха, но вы считали необходимым меня подозревать. Ну что ж, иначе вы бы уже умерли. — Тиратект оглядел щенкостаю и насупленного Джефри. — Твоя сестра жива, Джефри. Она там, снаружи, и Стальной все это время знал, что она выжила. Он убил твоих родителей; он совершил почти все преступления, какие повесил на Дре-

ворезчицу.

Амди отшатнулся, затрясся в испуганных отрицаниях.

— Ты мне не веришь? Забавно. Когда-то я считался мастером *лжи*: своим языком я мог рыбу заманить себе в пасти. Ныне же, когда сработает лишь правда, я не в состоянии вас околпачить… Слушайте.

Внезапно синглет заговорил человеческим голосом Стального. Стальной рассказывал Равне, что Йоханна жива, и просил прощения за атаку на нее, которой только что потребовал.

Йоханна. Джефри рванулся к элементу Тиратект и упал на колени рядом. Не размышляя, он схватил элемента за горло и стал трясти. Тот, пытаясь освободиться, защелкал клыками. Амди подбежал к мальчику и резко потянул его за рукава. Джефри, очнувшись, отпустил синглета. Морда элемента оказалась в сантиметрах от его лица, и в темных зрачках отразился свет факелов.

— Человеческие голоса так легко подделать… — говорил Амди.

— Конечно, — пренебрежительно фыркнул Фрагмент. — И я не утверждаю, что это прямая передача. То, что ты слышал, прозвучало

несколько минут назад. А вот о чем мы со Стальным говорим прямо сейчас. — Слова самношка оборвались, и по залу раскатилась булькающая стайная речь. Даже проведя с Когтями почти год, Джефри толком не понимал их языка и уловил лишь основной смысл аккордов. Похоже, говорили две стаи. Одна требовала что-то сделать, привести Амдиджефри (аккорды, слагавшие имя, он различил четко).

Амдиранифани внезапно замер, точно окоченел, вслушиваясь всеми ушами в ретранслируемые звуки.

— Прекрати! — завизжал он. В зале тут же воцарилась гробовая тишина. — Ой, Стальной Владыка, ой, Стальной Владыка… — Все щенки прижались к Джефри. — Он говорит, что сделает нам больно, если Равна его не послушает. Он хочет убить звездников, когда те приземлятся. — Из распахнутых глаз текли слезы. — Я не понимаю…

Джефри сгреб Мантию за шиворот:

— Может, он и этот разговор подделал?

— Не знаю. Я бы точно не смог так правдоподобно говорить за две стаи. — Тела щенят дрожали, прижимаясь к Джефри. Послышался тонкий детский плач, знакомый противный звук хныка-

нья потерявшегося ребенка. — Что нам делать, Джефри?

Джефри не отвечал, вспоминая — и наконец понимая — те первые минуты, когда войска Стального спасли его (или пленили?). Воспоминания, впоследствии приглушенные добрым отношением, выползали из закутков. «Мама, папа, Йоханна. Но Йоханна еще жива, она за стенами…»

— Джефри?

— Я тоже не знаю. М-может, спрячемся?

Мгновение они просто переглядывались, и наконец отозвался Фрагмент:

— Можно поступить лучше. Вам уже известно о ходах в стенах. Если знаете, где они открываются, можете перебраться почти в любое место. И даже выйти наружу.

«Йоханна».

Амди перестал хныкать. Три щенка пристально уставились на Тиратект: спереди, сзади, сбоку. Остальные еще жались к Джефри.

— Мы тебе все еще не доверяем, Тиратект, — сказал мальчик.

— Ну и хорошо, хорошо. Я лоскутная стая, знаете ли. Мне не всегда можно доверять.

— Покажи нам все лазы. — «И позволь решить

самим».

— Времени нет…

— Ладно, но ты начни. А покамест ретранслируй то, что говорит Стальной Господин.

Синглет нахохлился и возобновил передачу. Зазвучали несколько потоков стайной речи. Элемент в мантии с трудом поднялся на все лапы и повел детей по боковому туннелю, где пристенные факелы почти все уже догорели. Самый громкий звук здесь производила мерно капающая со стен вода. Туннель возвели меньше года назад, но во всем, кроме несглаженных краев камней, он казался древним.

Щенки снова расплакались. Джефри потрепал по спинке элемента, который припал к его плечу.

— Амди, пожалуйста, переводи мне.

Спустя миг Амди неохотно зашептал на ухо:

— Стальной Господин снова спрашивает, где мы. Тиратект говорит, что нас завалило, когда во внутреннем крыле рухнул потолок. — И действительно, несколькими минутами раньше раздался звук падающих камней, но очень далеко. — Стальной Господин отослал остальных элементов Тиратект помогать господину Шреку, чтобы нас откопали. Стальной Господин какой-

то… другой стал.

— Может, это и не он, — прошептал в ответ Джефри.

Долгое молчание.

— Нет. Это он. Он просто очень рассержен и говорит странные слова.

— Напыщенные?

— Нет. Страшные. О том, что будет резать и убивать… Равну, тебя и меня. Он… не любит нас, Джефри.

Синглет остановился. В этом месте горел последний факел, а дальше не было видно ничего, кроме смутных контуров. Элемент указал в какую-то точку стены. Амди подтянулся туда и толкнул камень. Тиратект продолжала говорить, ретранслируя разговоры снаружи.

— Ага, — сказал Амди, — тут проход. И ты тоже пролезешь, Джефри. Думаю…

Тиратект сказала человеческим голосом:

— Космонавты возвращаются. Я вижу их шлюпку… Я вовремя смылся. Стальной что-то подозревает. Еще несколько секунд, и он бы отдал приказ учинить облаву.

Амди заглянул в темный лаз.

— Нужно туда пролезть, — сказал он тихо и печально.

— Угу. — Джефри опустил руку потрепать Амди по плечу. Элемент подвел его к дыре с острыми краями. Если втянуть плечи, можно протиснуться. Один из щенков уже заползал туда. Остальные сбились в кучу. — Надеюсь, дальше туннель не сужается.

Тиратект ответил:

— Не должен. Все эти лазы рассчитаны на стаи в легких доспехах. И вот что важно: на развилках держитесь проходов, уходящих вверх. Следуйте все время наверх, и в конце концов выберетесь наружу. Летательный аппарат Фама… мм.. менее чем в пятистах метрах от стены.

Джефри даже голову повернуть не мог, чтобы увидеть Тиратект.

— А если Стальной Владыка отправит погоню?

Короткое молчание.

— Скорее всего, он этого не сделает, если не пронюхает, где именно вы вошли. Слишком долго придется вас искать. Но, — голос внезапно стал мягче, — наверху имеются отверстия. На случай, если внутрь проникнут вражеские солдаты, должен быть способ их убить прямо в туннелях. Залить туда нефть.

Джефри даже не испугался, такой странной ему показалась идея.

— Тогда надо спешить.

Он протиснулся в лаз, а остальные элементы Амди полезли за ним. Он уже углубился в каменную стену на несколько метров, когда услышал от входа голос последнего щенка:

— А с вами все будет в порядке, Тиратект?

«Или это очередная уловка?» — подумал Джефри.

Синглет ответил своим сухим, циничным тоном:

— Я намерен приземлиться на лапы. А вы, пожалуйста, помните, что это я вам помог.

После этого проход закрылся, и они поползли вперед, во тьму.

«Переговоры, ага». Фам не сомневался, что идея Стального о «взаимно безопасном месте встречи» была просто прикрытием новых козней. Даже Равну не обманули очередные предложения этой стаи. По крайней мере, ясно, что Стальной импровизирует: все его предыдущие планы и схемы провалились. К сожалению, впускать он их по-прежнему отказывался. Фам бы с радостью отдал жизнь за несколько спокойных часов наедине с *контрмерой*, но западня Стального могла их погубить, не дав и шанса проникнуть на борт.

— Продолжай облет, Синепанцирь. Я хочу,

чтобы вид нашей шлюпки его напрягал. Но под выстрел не подставляйся.

Наездник взмахнул веткой в знак согласия, шлюпка подпрыгнула над ковром мха, пролетела метров сто параллельно замковым стенам и снова снизилась. Они оказались на нейтральной полосе между армиями Стального и Древорезчицы.

Йоханна Ольсндот изогнулась заглянуть ему в лицо. В шлюпке было тесновато; Синепанцирь растянул ветви по наездничьей консоли на носу, Фам и Йоханна устроились позади, а стая по имени Странник заняла все оставшееся место.

— Даже если обнаружите передатчик, не стреляйте, пожалуйста. Там рядом может быть Джефри.

Стальной уже двадцать минут рассыпался в клятвенных заверениях, что Джефри Ольсндота вот-вот приведут.

Фам посмотрел в испачканное, заплаканное лицо девочки:

— Мы не станем стрелять, если не будем уверены, в кого попадем.

Девочка коротко кивнула. Ей не могло быть больше четырнадцати, но боевые задатки у нее ого-го. Половина его знакомых по Чжэн Хэ бились

бы в падучей после такой переделки. А остальные едва ли сумели бы доложить обстановку лучше, чем это сделали Йоханна с приятелем.

Фам покосился на стаю. К этим ребятам трудно было привыкнуть. Сперва ему показалось, что у двоих псов растут дополнительные головы, но потом он понял, что это морды щенков, носимых в карманах курток. «Странник» рассыпался по всей кабине; с каким его элементом заговорить? Он обратился к морде, смотревшей в его сторону.

— Есть идеи, что делать со Стальным?

Стая говорила на самношке лучше самого Фама:

— Стальной и Шкуродер хитрее всех и вся, виденного мной в Даннике Йоханны. А Шкуродер притом хладнокровен.

— Шкуродер? Не припомню личности с таким именем… Там был какой-то «господин Скорняк», мы с ним говорили. Кто-то из помощников Стального.

— Он достаточно хитер, чтобы прикинуться мелкой сошкой… эх, вот нам бы сейчас сесть и обсудить это с Древорезчицей. — В его интонации слышалась тщательно замаскированная просьба. Фам мельком подумал, многим ли стаям свойственна такая гибкость. Если выйдут в кос-

мос, из них получатся торговцы — палец в пасть не клади.

— Извини, нет времени. На самом-то деле, если не прорваться прямо сейчас, потеряем все. Лишь бы Стальной об этом не догадался.

Головы стаи слегка передвинулись. Самый крупный элемент, у которого из куртки торчал обломок стрелы, придвинулся к девчонке.

— Ну, если всем заправляет Стальной, шанс у нас остается. Он умен, но в трудной ситуации у него крыша едет. Узнав, что вы обнаружили Йоханну, он наверняка хвосты себе кусает от злости. Выведите его из равновесия, и он еще не таких ошибок наделает.

— Он может убить Джефри, — резко ответила Йоханна.

«Или взорвать звездолет».

— Равна, как там Стальной?

Голос Равны ответил из коммуникатора:

— Никак. Его угрозы стали несколько менее завуалированными, а самношк теперь сложнее разбирать. Он пытается навести на вас пушку, стоящую к северу от замка; не думаю, что он понимает, насколько далеко мне видно… И он все еще не привел Джефри к передатчику.

Девочка побледнела, но промолчала. Рука ее

украдкой потянулась сжать одну из лап Странника.

Синепанцирь в продолжение спасательной операции был очень немногословен. Сперва потому, что все ветки его были заняты маневрированием, а потом оттого, что девочке и стае столько требовалось всякого рассказать. Фам заметил, что ближние элементы Странника вежливо обнюхивают наездника. Тот не противился; у его расы был богатый опыт контактов с инопланетниками. Но теперь наездник издал резкое «бррап», призывая к вниманию.

— Сир Фам, там перед замком какая-то заварушка.

Странник уже смотрел туда: одна морда держала подзорную трубу, другая следила за происходящим в окуляр.

— Да. Открываются главные ворота для войск. Но зачем Стальному высылать новые силы сейчас? Древорезчица их попросту перемелет.

И вправду, враг выпускал пехоту. Стаи вылетали на поле битвы из широкой дыры, формация их была нацелена вперед подобно стреле; так выходили в битву солдаты из воспоминаний Фама. Но стоило им покинуть замок, и поток тел разбивался на группки по четыре-шесть псин, которые

разбегались вдоль замкового периметра.

Фам наклонился, пытаясь охватить взглядом стены.

— Может быть, и нет. Они не переходят в наступление. Они остаются в поле зрения лучников на стенах.

— Ага. Но у нас же есть пушки. — Идеальная иллюзия человеческой речи Странника на миг рассеялась: в кабине зазвучали аккорды стайного языка. — Там что-то очень странное. Такое впечатление, что они пытаются кого-то удержать внутри.

— А что, из замка есть другие выходы?

— Да наверняка. И полно лазов в стенах, шириной с элемента.

— Равна?

— Стальной вообще прекратил разговор. Он что-то провизжал насчет предателей, проникших в замок. А сейчас я вообще ничего не слышу, кроме стайного бульканья.

Фам видел, как от амбразуры к амбразуре по бастионам снуют солдаты, держась над линией войск снаружи. «Что-то разворошило крысиное гнездо».

Йоханна Ольсндот в испуганной сосредоточенности неотрывно глядела вперед, сжав свободную

руку в кулак. Ее губы дрожали.

— Все это время я считала его мертвым. Если они его сейчас убьют, я… — Голос девочки вдруг подскочил: — Что они делают?

На стены втаскивали железные котлы.

Фам догадывался. При отражении осады на Канберре применили похожий прием. Он посмотрел на девочку, но промолчал. «Мы бессильны».

Стая по имени Странник оказалась не столь добра — или не считала нужным ее жалеть:

— Это нефть, Йоханна. Они хотят убить кого-то в стенах. Но если он выберется… Синепанцирь, я читал про громкоговорители. Можно мне воспользоваться одним из них? Если Джефри прячется в стенах, Древорезчица может спокойно соскоблить силы Стального с поля боя и бастионов.

Фам собрался было что-то возразить, но наездник уже открыл для Странника канал. Над холмом раскатились стайные аккорды. Солдаты вдоль стен оборачивались на звук. Для них это наверняка все равно что глас Божий. Аккорды и трели продолжались еще какое-то время, потом утихли.

Голос Равны отозвался из коммуникатора почти сразу же:

— Что бы вы сейчас ни придумали, Стальной совсем с резьбы слетел. Я его едва понимаю; он, кажется, сейчас расписывает в подробностях, каким пыткам подвергнет Джефри, если мы не прикажем древорезчикам отойти.

Фам хмыкнул:

— Ну ладно. Синепанцирь, поднимай шлюпку. — «Хватит церемониться. Хорошо-то как».

Синепанцирь вильнул носом шлюпки и набрал высоту. Они полетели вперед немногим быстрее бегущего человека. За ними через гребень холма сыпались новые силы Древорезчицы. Этих ребят карательный рейд Фама основательно оттеснил; не исключено, что все решится, не успеют они даже добраться до замка. Однако Древорезчица била далеко и насмерть: по бастионам расплескались огненные вспышки, пошел дым, прозвучали резкие хлопки. Попытка убить Джефри Ольсндота дорого обойдется Стальному.

— А можно просто смести солдат Стального со стены лучеметом? — попросила Йоханна.

Фам собрался было кивнуть, потом увидел, что творится в замке.

— Там же нефть.

Между вражеским кордоном и стенами быстро прибывали темные лужи. Пока не выяснится, где

пацан, лучше не играть с огнем.

— Ой, — сказал Странник и что-то прокричал в динамик. Залпы древорезчиков прекратились.

— Хорошо, — сказал Фам, — а теперь все смотрим на замковую стену. Синепанцирь, лети по периметру. Если заметим ребенка раньше солдат Стального, у нас есть шанс.

Равна:

— Они равномерно рассыпались вдоль всех стен, кроме северного вала, Фам. Кажется, Стальной понятия не имеет, где мальчишка.

Когда бросаешь вызов Небу, ставки высоки. «И я мог выиграть. Не предай он меня, я бы выиграл». Но теперь маски сброшены, и брутальное превосходство врага — все, что имеет значение. Стальной с трудом пришел в себя после нескольких минут безмысленной истерики. «Небеса мне завоевать не суждено, но, по крайней мере, я отправлю их в Ад. Убью Амдиджефри, уничтожу корабль, за которым прилетели Гости… а самое главное, истреблю предавшего меня учителя».

— Владыка? — Это был Шрек.

Стальной повернул к нему голову. Истерика отступила.

— Как идет заполнение туннелей? — мягко спросил он. О Тиратект он больше не спрашивал.

— Почти завершено. Нефть уже переливается через стены замка. — Две стаи пригнулись: сразу за бастионом взорвалась бомба Древорезчицы. Войска ее уже наполовину вернули себе поле — а лучники Стального были заняты, наполняя нефтью туннели и следя за выходами. — Мы могли бы выкурить предателей, Владыка. Перед тем как Древорезчица возобновила обстрел, мы что-то услышали у юго-восточной стены. Но я опасаюсь, что эти, из космоса, увидят, куда мы направляемся. — Его головы спазматически задергались.

«Странно видеть, как Шрек разваливается», — мельком подумал Стальной. Шрек был ему верен, как механизм, но теперь привычный мир Шрека рухнул, и помощнику не на что больше было опереться. Осталось только безумие, из коего он некогда и возник.

«Если Шрек на грани, значит осада Холма Звездолета близка к концу. Еще немного времени. О большем я не прошу». Стальной напустил на себя уверенности.

— Понимаю. Ты хорошо поработал, Шрек. Мы все еще можем победить. Мне ведомо, как мыслят человечьи твари. Если убьем их ребенка, особенно у них на глазах, это сломит их дух — как

можно сломить щенка, правильным образом устрашая его.

— Да, повелитель. — В глазах Шрека застыло тупое уныние, но этот приказ его удержит, послужит правдоподобным основанием продолжить кутерьму.

— Лейте нефть за стены. Переместите солдат туда, где, по твоим предположениям, могут высунуться Амдиджефри. Гости должны это увидеть, чтобы их проняло. И… — «И взорвите корабль беженцев!» — чуть не вырвалось у него, но он вовремя прикусил языки. Взрывчатка, заложенная в Челюсти и Купол над звездолетом, разнесет внутри все, до внешней стены, и большая часть гарнизонных стай погибнет. Если отдать Шреку такой приказ, истинные цели Стального станут очевидны. — И быстро, прежде чем подтянутся силы Древорезчицы. Это последний шанс Движения, Шрек.

Стая кланялась, утекая по лестнице. Стальной продержался в величавой позе, надменно взирая на поле боя, пока последний элемент Шрека не пропал из виду. Тогда Стальной перебежал через бастион и швырнул радио на каменные плиты. Устройство не разбилось, и Равна сердито провякала что-то из динамика. Стальной бросил радио

и понесся вниз по лестнице.

— Ты ничего не получишь! — провизжал он напоследок на стайном языке. — Все, к чему ты стремишься, погибнет!

Он ссыпался по лестнице и пересек замковый двор. Нырнул, уходя от наблюдателей, на галерею, опоясавшую Гостеприимные Челюсти. Он бы мог их подорвать, но главный купол и корабль, скорее всего, при этом уцелеют. Нет, надо бить в сердце. Уничтожить звездолет и всех спящих человечьих щенков. Он влетел в тайную кладовую, подцепил два арбалета и дополнительную радиомантию, которой запасся заранее. В мантию была вделана небольшая бомба. Он проверил эту идею на втором комплекте радиоплащей; стая, принявшая сигнал, погибла на месте.

Вниз по другой лестнице, в боковой коридор. Звуки битвы стихли. Самым громким звуком теперь был цокот его собственных когтей. Вокруг громоздились бочонки с порохом, провиант, свежезаготовленные доски. До запалов и зарядов оставалось всего пятьдесят ярдов. Стальной замедлился, поджал лапы так, чтобы металл не звякал о камень. Вслушался. Поглядел во всех направлениях. Откуда-то он знал, что здесь *другой*. Фрагмент Шкуродера. Шкуродер охотился за ним

с первого дня жизни, продолжал преследовать даже после того, как в основном умер. Но до этого последнего, несомненного предательства Стальной заставлял себя сдерживать ярость. Вероятно, Хозяин скрылся с детьми, но оставался шанс, что Шкуродер вернется, взыскуя полной победы. Именно ради этого шанса вернулся и Стальной. Он понимал, что и сам скоро умрет. Но мог победить даже в смерти. Убив Хозяина своими зубами и когтями… «О, дорогой Хозяин, приди же, пожалуйста, приди. Молю тебя, явись, воображая, что сумеешь меня одурачить, как прежде».

И его желание исполнилось. Он услышал смутный мыслешум. Близко. На стеллажах вздернулись головы. Двойка Фрагмента высунулась из коридора впереди.

— Ученик?

— Наставник, — ухмыльнулся Стальной.

Пятерка в полном сборе, Фрагмент умудрился воссоединиться. Но радиомантий на нем *не было.* Элементы стояли нагие, шерсть их пестрела гноящимися язвами. Радиобомба теперь бесполезна. Ну что ж, не важно; Стальной видывал трупы, которые выглядели здоровее этой стаи. Он исподтишка взводил арбалеты.

— Я пришел убить тебя.

Мертвец пожал плечами:

— Ты пришел попытаться.

В бою клыков и когтей Стальной бы убил его без труда. Но Фрагмент расположил наверху свою тройку, и бочонки выглядели какими-то шатким. Рывок может оказаться роковым решением. Если же как следует прицелиться… Стальной подался вперед, не доходя совсем чуть-чуть до места, куда могли бы свалиться бочонки.

— Фрагмент, ты что, всерьез надеешься выжить? Я не единственный твой враг. — Он ткнул носом назад по коридору. — Там снаружи тысячи таких. Они жаждут твоей смерти.

Другой покачал головами в ехидной усмешке призрака. От этого движения вскрылись новые раны, и оттуда закапал кровавый гной.

— Милый мой Стальной, ты так ничего и не понял. Это ты дал мне шанс выжить. Разве не видишь? *Я* спас детей. Даже сейчас *я* не даю тебе взорвать звездолет. В конечном итоге этим я выторгую себе почетные условия сдачи. Несколько лет я буду очень слаб, но выживу.

Сквозь боль от ран проступала прежняя поза Шкуродера. Старого приспособленца.

— Но ты фрагмент. Ты на три пятых…

— Жалкая училка? — Шкуродер склонил головы

и с притворной застенчивостью моргнул. — Она оказалась сильней, чем я ожидал. Было время, она правила этой стаей, но я понемногу прогрыз себе путь обратно. В конце концов я снова стал собой. И остальные мне уже не нужны.

«Шкуродер снова целостен». Стальной непроизвольно попятился, чуть не бросившись наутек. Но было тут что-то странное. Да, Шкуродер в мире с собой и вполне самодоволен. Однако, увидев слитную стаю, Стальной заметил в ее позе нечто… Его озарило, и тут же нахлынула невероятная гордость. «В кои-то веки я понял дело лучше Хозяина».

— Стал собой, говоришь? А ты подумай. Мы оба знаем, как идет битва душ — через маленькие уступки и большие обманы. Ты воображаешь, что убил ту, другую, но откуда ж у тебя такая уверенность в себе? Ты поступаешь ровно так же, как поступила бы на твоем месте Тиратект. Да, ты думаешь сам за себя, но основа твоей души — от нее. И, как ни крути, эта жалкая училка тебя одолела!

Фрагмент на миг растерялся, прозревая. Он потерял концентрацию лишь на долю секунды, но Стальной был начеку. Он выскочил на открытое пространство, спуская тетивы, и ринулся вце-

питься врагу в глотки.

Глава 40

Раньше ползать внутри стен всегда было прикольно. Пускай и темно хоть глаз выколи, но Амди держался впереди и позади, а носы его неизменно указывали дорогу. Раньше Джефри пробирала бы дрожь восторга в преддверии открытий или хихиканье над поглупевшим от умственной цепочки Амди.

Но теперь Амди был в ужасе и наступал Джефри на пятки.

— Я не могу быстрее!

Джефри уже разорвал штаны о сколы камней. Он торопился. Коленки кололо каменной крошкой, но он этого почти не чувствовал. Уткнулся в щенка впереди. Тот остановился и, казалось, озирался во всех направлениях.

— Тут развилка. Я бы сказал, что нам… Джефри, что делать?

Джефри отшатнулся, стукнувшись макушкой о потолок лаза. За год он привык полагаться на уверенность Амди, его ироничное остроумие, а сейчас… внезапно тонны нагроможденного сверху камня будто навалились на него, сдавливая со всех сторон. Если туннель сузится еще на

несколько сантиметров, они тут застрянут.

— Джефри?

— Я… — «Думай!» — В какой стороне, по-твоему, подъем?

— Секундочку. — Элемент во главе цепочки пробежался по одному из отходящих от развилки туннелей.

— Не уходи далеко! — закричал Джефри.

— Не беспокойся. Я… он знает, как вернуться. — Звуки обратной побежки, и идущий впереди щенок ткнулся ему носом в щеку. — Вот тот лаз идет прямо вверх.

Они и пятнадцати метров не успели преодолеть, как Амди что-то услышал.

— За нами гонятся? — спросил Джефри.

— Нет. То есть я не уверен. Остановись. Послушай… Слышишь? Что-то хлюпает. Что-то вязкое.

Нефть.

«Останавливаться больше нельзя». Джефри полез вперед и вверх быстрей прежнего. Все время стукаясь макушкой о потолок, обдирая локти о стены, он продолжал карабкаться. По лицу текла струйка крови.

Теперь даже он слышал, как льется нефть.

Стены туннеля еще больше сузились, коснувшись его плеч. Амди впереди сказал:

— Тупик — или выход! — Царапанье. — Не могу пролезть. — Щенок стал извиваться, пытаясь развернуться и протиснуться Джефри между ног. — Лезь вверх, Джефри. Если это такой же туннель, как тот, что я в донжоне нашел, он открывается на самом верху.

Совсем рядом с выходом проклятый туннель опять сужался. Джефри вжал голову в плечи и стал протискиваться вперед. Ткнулся в заслонку. Та поддалась, быть может, на сантиметр. Он протиснулся еще немного, зажатый меж стен так тесно, что не мог дыхание перевести. Оттолкнулся что было сил. Камень провернулся в нише, и на лицо мальчика упал свет. Не свет полудня: их все еще закрывали выступы стены. Но Джефри показалось, что ничего прекраснее он в жизни не видел. Еще полметра, и свобода… как раз тут он и застрял.

Он дернулся, пытаясь протиснуться наружу, и стало только хуже. Позади сбивался в кучу Амди.

— Джефри, у меня задние лапы в нефти. Они залили ею весь туннель позади нас!

Паника. На секунду Джефри потерял способность соображать. Так близко, так близко. Он снова различал цвета: на ладонях были красные пятна крови.

— Назад! Я куртку сниму и попробую протиснуться.

Сдать назад было почти невозможно — так тесно их зажало. Наконец получилось. Он перекатился на бок, выскользнул из куртки.

— Джефри! Два моих… в нефти… Дышать не могу… — Щенки лезли на него, шерсть их была скользкой от нефти. *Скользкой!*

— Щас, секунду! — Джефри провел руками по его шерсти, смазал себе нефтью плечи. Вытянул руки прямо вперед и вверх, над головой, и что было сил подтянулся, отталкиваясь пятками. Вокруг смыкались камни, позади жалобно пищали щенки. Его сдавило. *Толкай, толкай.* Сантиметр. Еще. И наконец он выскользнул наружу. Полегчало.

Он упал на землю, приподнялся, развернулся вытащить из дыры ближайшего элемента Амди. Щенок вырывался. Существо бормотало что-то — не на межстайном и не на человеческом языке. Джефри видел, как несколько элементов — тени в туннеле — тянут наверх что-то невидимое. Секундой позже из тьмы ему в руки вылетел холодный мокрый комок шерсти. Еще секунда, и за ним последовал второй. Джефри опустил этих двоих на землю и вытер с их мордочек маслянистую грязь. Один плюхнулся на лапы и начал отряхиваться.

Другой кашлял и задыхался.

Тем временем из дыры лезли остальные элементы Амди. Восьмерка была вся перемазана нефтью, кто меньше, кто больше. Они пьяно повалились в кучу, вылизывая друг другу мембраны. Щенки жужжали и чирикали что-то непонятное.

Джефри отвернулся от друга и побрел на свет. Их прикрывал мощный контрфорс… по счастью. Дойдя до угла, он услышал боевой клич солдат Стального. Припал к углу, выглянул наружу. На миг ему почудилось, что они с Амди вылезли обратно в замковый двор: так много было тут солдат. Но потом Джефри заметил, что впереди стен нет, а холм идет под уклон и из долины поднимается дым.

«Дальше что?» Он оглянулся на Амди, который продолжал яростно вылизывать мембраны. Аккорды и сопение щенков стали более осмысленными. Все элементы шевелились. Он отвернулся поглядеть на склон. Его пронзило секундное желание подбежать к солдатам. Так долго были они его защитниками…

Один из элементов Амди ткнулся ему в ноги и выглянул из прикрытия:

— Ой. Там целое озеро нефти, между нами и войском Стального Владыки. Я…

Звук был гулкий, но не такой, как от залпа пороховой пушки. Продлился он почти секунду, а потом перешел в рев. Еще два элемента Амди выглянули из-за угла стены. Озеро превратилось в бушующее море пламени.

Синепанцирь приступил к маневру за двести метров от замковой стены, напротив скопления солдат. Сейчас посадочный модуль завис над ковром мха всего лишь на высоте человеческого роста.

— Одним видом мы их гоним прочь, — сказал Странник.

Фам оглянулся через плечо. Войска Древорезчицы снова заняли поле и перешли в наступление на замок. Еще максимум шестьдесят секунд, и они столкнутся со стаями Стального.

Из вокодера Синепанциря прозвучало громкое «бррап». Фам глянул вперед.

— Клянусь Флотом… — вырвалось у него.

Стаи на бастионах швыряли в разлитые под стенами лужи нефти нечто вроде зажигательных бомб. Синепанцирь подлетел немного ближе. Параллельно замковым валам тянулись длинные пруды нефти. Вражеские стаи вне стен оказались почитай что отрезаны от своего замка. Не считая полосы шириной тридцать с чем-то метров,

вокруг твердыни встала заградительная стена огня.

Шлюпка поднялась чуть выше, покачиваясь и вихляя в пламенном вихре. В большинстве мест нефть расплескалась до подножия стен. И стены были устроены хитрее, чем у замков Канберры: оказалось, что там внутри сплошной лабиринт проходов. «Довольно глупо для оборонительного сооружения».

— Джефри! — вскрикнула Йоханна, указывая в середку участка, пока не затронутого пожаром. Фам увидел краем глаза, как там из-за контрфорса что-то высунулось и тут же спряталось обратно.

— Я тоже его видел. — Синепанцирь наклонил нос шлюпки и скользнул вниз, к стене. Рука Йоханны стискивала кисть Фама, дергалась и тряслась. Он едва слышал голос девочки за криками Странника.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… — повторяла она.

На миг показалось, что у них получится: войска Стального остались далеко позади, а нефть внизу хотя и разлилась обильно, однако пока не горела. Даже вихрь, казалось, унялся. Именно в этих условиях Синепанциря угораздило потерять управление. Небольшой наклон остался неском-

пенсированным, и шлюпку потянуло к земле. Столкновение вышло слабым, но Фам услыхал, как ломается одно из посадочных шасси. Синепанцирь повозился с панелью управления, и суденышко коснулось земли другой стороной. Носовой лучемет увяз дулом в почве.

Фам метнул бешеный взгляд на наездника. Он так и знал, что этим кончится.

— Что у вас происходит? — спросила Равна. — Подняться сможете?

Синепанцирь еще несколько мгновений колдовал над консолью, потом сделал жест, эквивалентный человеческому пожатию плечами.

— Да. Но это будет слишком долго… — Он отстегнулся и начал выкатывать тележку из кабины. Люк перед ним откинулся. Шум битвы и рев огня стали громче.

— Синепанцирь, какого хрена ты затеял, мать твою?

Ветви наездника внимательно склонились к Фаму.

— Надо спасать малыша. Тут в любой момент тоже может полыхнуть.

— А если мы бросим шлюпку, она тоже поджарится. Синепанцирь, ты никуда не поедешь.

Он подался вперед и поймал наездника за ниж-

нюю ветвь.

Йоханна в неприкрытой панике смотрела на них.

— Не надо! Пожалуйста…

Равна тоже закричала на него. Фам напрягся, сосредоточив внимание на наезднике.

Синепанцирь придвинулся к нему, откатившись в тесную кабину, и приблизил ветви к лицу Фама. Голос из вокодера сорвался на нелинейный скрежет:

— А если я не послушаюсь, что вы мне сделаете? Я вам нужен живым и невредимым, иначе что толку от шлюпки? Я поехал, сир Фам. Я докажу, что я не раб какой-то Силы. А вы можете это доказать?

Он сделал паузу. Мгновение человек и наездник смотрели друг на друга, разделенные считаными сантиметрами. Но Фам не делал попыток вцепиться в Синепанциря.

Бррап! Ветви Синепанциря отдернулись. Он откатился обратно на край люка, третья колесная ось тележки коснулась земли, и наездник спустился, покачивая корпусом. Фам не шевелился.

«Я не программа какой-то Силы».

— Фам? — Девочка смотрела на него, хватая за рукав. Нювен стряхнул кошмарное видение и

оглянулся. Странник уже выскочил из шлюпки. В челюстях взрослой четверки были короткие мечи, на передних лапах сверкали стальные когти.

— Да, хорошо. — Он полез за консоль и достал оттуда спрятанный пистолет. Поскольку Синепанцирь раскокал чертову шлюпку, остается выжать из ситуации все, что еще можно.

Осознав это, он словно бы ощутил прохладное дуновение свободы. Отстегнувшись, он вылез наружу. Странник построился вокруг него. Двое со щенками на закорках прикрывались чем-то вроде щитов. Хотя все челюсти стаи были заняты, голос Странника оставался четким:

— Может, получится найти проход между…

Между огней. Со стен больше не стреляли. Там стало слишком жарко для лучников.

Фам с Йоханной пошли за Странником, огибавшим лужи черной вязкой жидкости.

— Держитесь от нефти подальше.

Стаи Стального Господина появились из-за края пламенной стены. Фам не понял, то ли они атакуют приземлившихся инопланетников, то ли спасаются бегством от их союзников. Впрочем, не важно. Он упал на колено и окатил бегущие к нему стаи огнем. Конечно, не лучемет, особенно на таком расстоянии, но считаться с собой за-

ставляет: передовые собаки рухнули. Остальные налетели на них и споткнулись. Они достигли дальнего края нефтяного разлива. Лишь немногие стаи вбежали туда — бойцы понимали, что может произойти. Большинство скрылось из виду, драпая за шлюпку.

Есть ли тут сухой проход? Фам побежал вдоль нефтяной лужи. Должен же быть разрыв этого «рва», иначе бы пламя сюда распространилось. Впереди огненная стена вздымалась метров на двадцать, и жар ее обжигал кожу. По краю стены реяли, медленно оползая к полю боя, стяги дегтярно-черного удушливого дыма; пропущенный сквозь них солнечный свет казался красноватыми сумерками.

— Я ничего не вижу! — пожаловался в его ухе голос Равны.

— Рав, спокойно. Шанс еще есть. — Если продержаться до подхода войск Древорезчицы…

Стаи Стального отыскали безопасный проход и приближались. Что-то просвистело рядом — стрела. Фам упал на землю и окатил наступавших огнем по полной. Знай они, как ограничен его боезапас, продолжали бы наступление, но за несколько секунд атака захлебнулась. Вражеские стаи разделились и побежали прочь, искать уда-

чи в бою с войсками Древорезчицы.

Фам развернулся, чтобы посмотреть на замок. Йоханна со Странником стояли в десяти метрах от стены. Девочка вырывалась из объятий удерживающей ее стаи. Фам проследил ее взгляд… Там был наездник! Синепанцирь игнорировал стаи, бежавшие вдоль охваченной пламенем стены. Он продолжал движение вперед, оставляя за собой следы испачканных нефтью колес. Наездник втянул все внешние органы чувств и замотал центральный стебель грузовым шарфом. Он вслепую ехал через раскаленный вихрь, углубляясь в узкую щель между стенами огня. И та продолжала сужаться.

От стены замка его отделяло не более пятнадцати метров. Внезапно две ветки протянулись в сторону от ствола, в самое пекло. Там. Сквозь марево пожара Фам увидел ребенка: тот неуверенно выглядывал из-за контрфорса. На плечах мальчика сидели и у его ног суетились маленькие фигурки. Фам устремился вверх по склону. На этой местности у него было превосходство в скорости перед наездниками. Еще можно успеть.

С замковых стен слетел пламенный ком и угодил в лужу нефти между Фамом и наездником. Узкий безопасный канал исчез. Перед Фамом

взметнулась неразрывная стена огня.

— Еще полно чистых участков, — заявил Амди, сбегав на разведку за угол на несколько метров. — Флаер садится! Там… что-то странное… к нам едет. Синепанцирь или Зеленожка?

Вокруг метались стаи Стального, но близко не подбегали — наверное, испугались флаера. Летательный аппарат выглядел необычно, характерной страумлианской симметрии в его силуэте не было вовсе. Какой-то перекошенный, точно после аварии. В поле их зрения возник высокий человек и выстрелил в солдат Стального. Джефри выглянул дальше. Рука его рефлекторно вцепилась в шерсть ближнего щенка. К ним катилась повозка на колесах, словно из исторической постановки о временах Нюйоры. По бокам тележки тянулись зазубренные полосы. Сверху торчал толстый шест.

Дети рискнули высунуться из укрытия. Космонавт их заметил! Он повернул к ним, из-под колес полетели брызги нефти и клочья выдранного мха. Две обожженных… конечности?.. высунулись из синеватого ствола. Писклявый голосок произнес на самношке:

— Быстро, сир Джефри. Времени мало.

А за тележкой, по ту сторону нефтяного озерца,

Джефри увидел… *Йоханну!*

И тут озерцо взорвалось, по обоим берегам его взметнулись стены пламени, блокируя отход. Космонавт продолжал махать щупальцами, призывая их подойти и залезть к нему в корпус. Джефри схватился за несколько выступавших рукояток и подтянулся внутрь. Щенки запрыгнули следом, цепляясь за рубашку и штаны мальчика. Вблизи Джефри стало ясно, что ствол живой: поверхность его была грязная, местами пересохшая, но мягкая на ощупь и подвижная.

Два элемента Амди еще оставались на земле, оглядывая пожар по обе стороны тележки.

— Ай! — пискнул ему в ухо Амди. Хоть и близко, а за ревом огня почти не слышно. — Джефри, нам тут ни за что не пройти. Единственный шанс — остаться на месте.

Голос космонавта исходил из-за маленькой пластины у основания ствола.

— Нет. Если останетесь здесь, погибнете. Огонь распространяется.

Джефри согнулся в три погибели, укрываясь за стволом наездника, но его все равно обжигало пышущим жаром. Еще немного, и загорится смоченная нефтью шерсть Амди.

Щупальца наездника подцепили закрывавший

тележку лоскут цветного материала.

— Накройтесь этим. — Он махнул щупальцем в сторону остальных элементов Амди. — Вы оба.

Двое на земле скорчились за передними колесами существа.

— Слишком жарко, — произнес Амди, — слишком горячо.

Но два щенка запрыгнули в тележку и вместе с остальной стаей закутались в странную покрывашку.

— Прикройтесь, вы оба!

Джефри почувствовал, как наездник стягивает покров над ними. Тележка уже ехала обратно, в пламя. Сквозь каждую щелку накидки нестерпимо жгло. Мальчик отчаянно задергался, пытаясь подоткнуть ее под ноги — сперва одной рукой, потом второй. Ехали они, дико вихляя из стороны в сторону; Джефри едва удерживал накидку. Амди помогал, цепляя ее всеми свободными челюстями. Огонь ревел, как разъяренный зверь, и даже прикосновение накидки опаляло кожу. На каждом ухабе Джефри подбрасывало, и мальчик в испуге стискивал накидку крепче. На какое-то время паника затмила разум. Много, много позже Джефри вспомнил доносившиеся из вокодера тихие звуки и понял, что они означали.

Фам бежал в сторону новых очагов пожара. *Агония.* Он поднял руки к лицу, почувствовал, как пузырится кожа. Отшатнулся.

— Сюда, сюда! — сказал позади него Странник, указывая направление.

Фам побежал обратно, спотыкаясь на каждом шагу. Стая сидела в неглубокой яме. Щиты она сдвинула вместе, загородившись от новой полосы возгорания. Два элемента уступили бегущему человеку дорогу.

Йоханна и стая принялись хлопать его по голове.

— У тебя волосы горят! — закричала девочка. Спустя миг пламя улеглось. Странник тоже слегка обгорел. Плечевые карманы были надежно закрыты; впервые из них не выглядывали любопытные щенячьи глазенки.

— Я по-прежнему ничего не вижу, Фам, — сказала высоко в небесах Равна. — Что там творится?

Быстрый взгляд через плечо.

— Мы живы, — прохрипел он. — Стаи Древорезчицы рвут армию Стального в лоскуты. Но Синепанцирь…

Он выглянул в щелку между щитов, точно в печку. Прямо у замковой стены, быть может, еще сохранилось немного воздуха. Надежда слабая,

но…

— Там что-то движется. — Странник тоже на миг высунул голову между щитов, а сейчас убрал, облизывая с двух сторон обожженный нос.

Фам снова выглянул в щелку. В огне были сравнительно темные участки, с пониженной температурой, и они… двигались?

— Я тоже вижу. — Он почувствовал, как Йоханна тянет голову к щели, напряженно всматриваясь. — Это Синепанцирь, Рав… *Клянусь Флотом!* — Последние слова такие тихие, что их заглушил треск пламени. Джефри Ольсндота видно не было, но… — Синепанцирь едет прямо сквозь огонь, Рав.

Тележка выкатилась из пылающей нефтяной лужи. Медленно, постепенно продвигаясь вперед. Фам видел огонь внутри огня: ствол Синепанциря был сплошь усеян язычками пламени. Ветви наездника не прижаты к стволу, как обычно, а разведены и корчатся в пламени.

— Он продолжает. Он едет прямо через пламя.

Тележка прокатилась через огненную стену и медленно, подергиваясь, съехала с холма. Синепанцирь не повернул к ним, но, не доезжая до шлюпки, все шесть колес остановились.

Фам поднялся и побежал к наезднику. Странник

уже брал на передки щиты и выбирался из ямы вслед за ним. Йоханна Ольсндот постояла секунду, всеми покинутая, печальная, одинокая; взгляд ее бесцельно блуждал по завесе огня и дыма, скрывшей из виду замок. Один элемент Странника потянул ее за рукав, уводя от пламени.

Фам приблизился к наезднику. Мгновение он молча смотрел на него.

— Рав, Синепанцирь мертв; не могу тебе показать, но это точно.

Ветки обгорели до обугленных пеньков у самого ствола, а ствол, в свою очередь, треснул от жара.

Равна переспросила дрожащим от ужаса голосом:

— И что, он так и ехал через пламя, пока горел?

— Это невозможно. Он уже на первых метрах умер, дальше тележка везла его на автопилоте. — У Фама перед глазами стояли кошмарные агонизирующие взмахи ветвей в огне. При взгляде на расколотый огнем ствол он на миг отключился.

От тележки разило жаром. Странник принюхался к ней и вдруг отскочил, когда нос обожгло. Потом резко сунул туда лапу со стальными когтями и потянул за грузовой шарф.

Йоханна с воплем рванулась вперед. Тела под шарфом не двигались, но и не обгорели. Девочка схватила брата за плечи, стащила на землю. Фам опустился на колени рядом. «Дышит ли пацан?» Он слышал, как откуда-то издалека в ухо кричит Равна. Странник по одному стягивал с металлической тележки маленьких собакоподобных существ.

Через несколько секунд мальчик прокашлялся. Руки его замолотили по воздуху, наткнулись на сестру.

— Амди, Амди! — Его глаза раскрылись, распахнулись шире. — Сестренка! — И снова: — Амди?

— Не знаю, — протянул Странник, стоя рядом с семеркой — нет, восьмеркой — грязных щенячьих тел. — Есть какие-то мыслезвуки, но несогласованные.

Он потыкал носом в трех щенят. Действия его чем-то напоминали искусственное дыхание.

Спустя миг мальчик расплакался, но пламя заглушило этот звук. Он пополз по земле к щенкам, лицо его оказалось прямо напротив одной из голов Странника. Йоханна стояла позади, держа его за плечи, и взгляд ее метался от Странника к недвижимым щенкам.

Фам приподнялся на коленях, оглянулся на

замок. Огонь немного улегся. Он долго смотрел на черный обгоревший пенек: все, что осталось от Синепанциря. Вспоминал и размышлял. Раздумывал, не могли ли его подозрения оказаться зряшными. Дивился отваге наездника и надежности автопилота, которые стали залогом спасения.

Вспоминал месяцы, проведенные рядом с Синепанцирем, дружбу и последующую ненависть…

«О Синепанцирь, друг мой…»

Пожар медленно угасал. Фам бегал вдоль края отступающей тепловой завесы. Он чувствовал, как возвращается богосколок. И впервые был ему рад, приветствуя маниакальную сосредоточенность и порыв, сметающий все неважное. Он оглядывался на Странника с Йоханной и Джефри, на щенков, которые медленно приходили в себя. Все это было несущественно, отвлекало. Хотя нет, не вполне: оно имело последствия, замедляя продвижение к невероятно важной цели.

Он поднял взгляд к небесам. В черных, как сажа, облаках наметились прорехи. Там виднелись красноватые дымные слои более высокой пепельной облачности, а еще выше — редкие пятна лазури. Замковые бастионы опустели, сражение прекратилось.

— Какие новости? — нетерпеливо спросил он у неба.

Равна ответила:

— Я, как и прежде, толком ничего вокруг тебя не вижу, Фам. Крупные соединения Когтей отступают к северу. Похоже, что отступление быстрое и скоординированное. Ничего похожего на «бой до последней капли крови», с которым мы раньше сталкивались. В замке пожаров нет, стай тоже не видно.

Решение. Фам обернулся к остальным. С трудом подыскал уместные формулировки для резких команд:

— Странник, Странник! Мне нужна помощь Древорезчицы. Надо попасть в замок.

Странника не пришлось уговаривать, хотя вопросов у него явно было море.

— Ты собираешься перелететь через стены? — спросил он, подскакивая к Фаму.

Фам уже бежал к шлюпке. Пропустил Странника вперед, потом влез сам. Нет, на этом корыте он летать не собирался.

— Нет. Я просто включу динамик, чтобы твоя начальница услышала мою просьбу показать путь внутрь.

Через миг над холмами раскатились звуки

стаеречи. «Еще несколько минут. Еще несколько минут, и мы с *контрмерой* свидимся». Хотя Фам не имел осознанного представления о том, что случится затем, он чувствовал, как собирает внутри силы богосколок, готовясь к последнему рывку, последнему усилию свершить волю Старика.

— Где сейчас Погибельный флот, Рав?

Ответ пришел незамедлительно. Она следила как за сражением внизу, так и за молотом, готовым прихлопнуть их всех сверху.

— За сорок восемь световых лет. — Невнятное бормотание, не в микрофон. — Они еще немного ускорились. Они прибудут в систему через сорок шесть часов… Мне очень жаль, Фам.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: трисквелин (диалект СК)

Предположительно от: Сандорская арбитражная разведка [получено не из обычного источника, но засвидетельствовано промежуточными сайтами. Источник сообщения может быть филиа-

лом организации или резервной копией сайта]

Тема: Последнее наше сообщение?

Рассылка в/на: группу по интересам Угроза Погибели, группу по интересам Наблюдатели войны, журнал исчезнувших сайтов

Дата: 72,78 дня после Падения Сьяндры Кей

Ключевые фразы: обширная новая атака, Падение Сандорского арбитража

Текст сообщения: Насколько можно судить, все наши сайты в Высоком Запределье поглощены Погибелью. По возможности игнорируйте сообщения от них.

Еще четыре часа назад наша организация объединяла двадцать цивилизаций Вершины. То, что от нас осталось, не уверено, как поступить и что сказать. Тут все так уныло, медленно и тоскливо; мы не приспособлены к жизни так низко. Отправив этот пост, мы намерены расформироваться.

Для тех, кто пожелает продолжить наше дело, сообщаем, что случилось. Новая

атака произошла внезапно. Наши последние воспоминания вверху: Погибель неожиданно тянется во всех направлениях, жертвуя текущей безопасностью ради того, чтобы заполучить как можно больше вычислительных ресурсов. Мы не знаем, то ли недооценили ее мощь, то ли Погибель отчаялась и предпринимает рискованные действия.

Еще 3000 секунд назад мы находились под массированной атакой на все уцелевшие внутренние сети организации. Атака прекратилась. Временно? Или же достигла предела? Мы не знаем, но, если услышите нас снова, знайте, что нами овладела Погибель.

Прощайте.

Шифрование: 0

Получено: Борт «Внеполосного-II», без модификаций

Путь перевода: Оптима → аквилерон → трисквелин (диалект СК)

От: Общество рациональных исследований [вероятно, одиночная система Срединного Запределья, в 7500 световых

годах против вращения Галактики от Сьяндры Кей][22]

Тема: Целостная картина

Ключевые фразы: Погибель, красота Природы, беспрецедентные возможности

Краткое содержание: Жизнь продолжается

Рассылка в/на: Угроза Погибели, Общество рационального управления Сетью, группу по интересам Наблюдатели войны

Дата: 72,80 дня после Падения Сьяндры Кей

Текст сообщения: Всегда забавно наблюдать, как народ мнит себя центром Вселенной. Взять хотя бы недавнее расползание Погибели [следуют ссылки для тех, кто не читал соответствующие треды и группы новостей]. Погибель принесла беспрецедентную перемену на ограниченный участок Вершины Запределья – это очень далеко от большинства моих читателей. Я уверен, для многих это кру-

---

[22] Примечания: 22

Ранее в тексте указывалось другое расстояние — 5700 световых лет. Причина расхождения неясна.

шение мира, и я им сочувствую, но не без ехидства, поскольку эти существа воображают, будто их личное несчастье – конец света. Эй, чуваки, жизнь продолжается!

В то же время очевидно, что многие за этими событиями не следят, поскольку не видят в них ничего чрезвычайно важного. Напомню, за последний год мы стали свидетелями несомненных убийств нескольких Сил и установления новой экосистемы в некоторых областях Высокого Запределья. События эти хотя и происходят очень далеко, но поистине беспрецедентны.

Прежде я часто называл это сообщество Сетью Миллиона Лжецов. Ну что, ребята, теперь у нас есть возможность наблюдать за тем, как правда говорит сама за себя. Если повезет, раскроем несколько фундаментальных тайн природы Зон и Сил.

Я прошу читателей следить за событиями Ниже Погибели с как можно более разнообразных позиций. В частности, следует воспользоваться преимуществами уцелевшего маршрутизатора Нижнего Деблея для координации наблюдений

с обеих сторон пораженной Погибелью области. Это будет дорогим и утомительным занятием, поскольку в зараженной области доступны только сайты Срединного и Нижнего Запределья, но затраты себя оправдают.

Топики для обсуждений:

Природа связи в Погибельной Сети. Создание это отчасти Сила, а отчасти существо Высокого Запределья и потому безгранично интересно.

Природа недавнего Великого Прилива в Нижнем Запределье под областью Погибели. Это еще одно беспрецедентное явление. Пора заняться его изучением.

<…>

Природа Погибельного флота, который сейчас приближается ко внесетевому сайту Нижнего Запределья. Последние недели Наблюдатели войны пристально интересовались продвижением этого флота, но, как правило, по идиотским причинам (ну кого заботят терки Сьяндры Кей с Апрахантской Гегемонией? Оставьте местную политику местным). Вопрос, ответ на который следовало искать всем,

кроме умственно отсталых: почему Погибель прилагает такие усилия, чтобы пробиться в область, удаленную от естественной глубины ее обитания?

Если в окрестностях флота Погибели еще остаются корабли, я прошу их отсылать сообщения Наблюдателям войны. Если нет, следует возмещать местным цивилизациям расходы на перенаправление данных об ультраволновых следах.

Все это очень дорого, но дело того стоит: наблюдения будут эпохальные. К тому же затраты не предвидятся долговременными. Флот Погибели вот-вот прибудет к своей цели. Остановится ли он и отступит ли? Или мы увидим, как Сила уничтожает системы, дерзнувшие противостоять ей? В любом случае нам открылась великолепная возможность.

Глава 41

Равна шла через поле боя к ожидавшим ее стаям. Плотную дымовую завесу уже разорвало, но тяжелый запах дыма еще стоял в воздухе. Склон холма был выжжен до неузнаваемости. С неба замок Стального казался центром огромного черного соска, а вокруг на целые гектары простиралась территория, опустошенная природой и стаями.

Солдаты молча уступали ей дорогу. Не один бросал беспокойные взгляды на звездолет за ее спиной. Она медленно миновала их, направляясь к ожидающим. Странный был вид у сидевших на земле стай: будто на пикник собрались, но стесняются друг друга. Вероятно, такая поза у них соответствует тесному совещанию штаба. Равна прошагала к центральной стае, восседавшей на шелковых подушках. С шей взрослых свисали украшенные затейливой резьбой деревянные медальоны, но у некоторых элементов вид был больной и дряхлый. Перед стаей сидели два щенка. Они вылезли вперед точно в тот момент, когда Равна пересекла последний участок ничейной земли.

— Э-э… вы Древорезчица? — спросила она.

Один из старших элементов ответил женским голосом, до жути правдоподобным:

— Да, Равна. Я Древорезчица. Но тебе нужен Странник. Он там, в замке, с детьми.

— Ага.

— У нас фургон. Мы можем тебя туда подвезти. — Королева указала одной мордой на повозку, стоявшую на склоне. — Но ты ведь могла приземлиться и ближе, не так ли?

Равна покачала головой:

— Нет… больше нет.

На лучшую посадку они с Зеленожкой не сподобились.

Головы королевы качнулись в скоординированном жесте.

— Я полагала, ты страшно спешишь. Странник говорит, у вас на хвосте целая флотилия. Из космоса.

На миг у Равны отнялся язык. «Значит, Фам рассказал им про Погибель?» Ну и к лучшему. Девушка тряхнула головой, пытаясь найти нужные слова.

— Д-да. Мы очень спешим. — Данник на ее запястье был подключен к системам «Внеполосного-II». На экранчике неумолимо приближался

флот Погибели.

Все головы мотнулись в жесте, который Равне остался непонятен.

— И ты в отчаянии. Боюсь, что понимаю тебя.

«Что, правда? А если так, то разве сможешь ты нас простить?» Но Равна вымолвила только:

— Простите.

Королева поднялась в карету, и они поехали по склону холма к стенам цитадели. Равна один раз оглянулась. Внизу огромным умирающим мотыльком покоился «Внеполосный-II». Верхние шипы ультрадвигателей возносились на добрую сотню метров, отсвечивая влажным металлическим зеленоватым сиянием. Строго говоря, они не упали на планету: даже сейчас антиграву удавалось компенсировать часть веса корабля. Но с обращенной к поверхности стороны шипы покорежились. За кораблем холм резко обрывался, уходя к воде и островам. Клонящееся к западу солнце отбрасывало неясные тени на острова и замок по ту сторону протоки. Фантастическое зрелище: замки и звездолеты.

А дисплей на запястье коммуникатора безжалостно отсчитывал секунды.

— Стальной обложил весь купол донжона пороховыми зарядами, — сказала Древорезчица,

подняв пару носов и обведя ими сооружение. Равна проследила ее жест. Арочный свод придавал зданию сходство даже не с военным объектом, а с собором века принцесс: громада из розового мрамора соперничала с небесами. Если бы обрушилась, то наверняка погребла бы под собой припаркованный внизу летательный аппарат.

Древорезчица сказала, что там сейчас Фам. Они въехали в замок и покатили по темным сырым помещениям. Равна видела уходящие во мрак ряды гибернаторов. Скольких удастся оживить? И удастся ли? Тени были глубоки.

— Вы уверены, что войска Стального отступили?

Древорезчица помедлила с ответом, глядя в разные стороны. Пока что Равна не умела различать стайной мимики.

— В достаточной степени. Если в замке еще кто и остается, их плотно завалило, иначе бы мои поисковики их нашли. К тому же, и это более важно, мы нашли то, что осталось от Стального. — Вот королеве прочесть на лице Равны невысказанный вопрос труда явно не составило. — А ты не знала? Вероятно, Стальной Владыка спустился вниз подорвать заряды лично. Это прикончило бы его, но он всегда был психом. Кто-то не

дал ему этого сделать. Там везде кровь. Два его элемента погибли. Остальные бродили вокруг — жалкое зрелище… Кто бы ни убил Стального, он же отдал приказ о быстром отступлении. И этот *кто-то* чрезвычайно умело уворачивается от прямого столкновения с нами. Он не вернется в ближайшее время, хотя, полагаю, рано или поздно дражайший Шкуродер даст о себе знать.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Равна полагала, что этой проблеме материализоваться не суждено. Данник показывал, что флот Погибели прибудет через сорок пять часов.

Джефри с Йоханной сидели у своего контейнеровоза, под главным куполом. Они устроились на ступенях откидного трапа, держась за руки. Когда распахнулись широкие двери и въехал экипаж Древорезчицы, девочка встала и махнула ему рукой. Потом они заметили Равну. Мальчик сбежал по трапу и устремился им навстречу через зал, понемногу сбавляя темп.

— Джефри Ольсндот? — мягко спросила Равна.

Поза его, исполненная достоинства, казалась слишком взрослой для восьмилетки. Бедолага Джефри столько потерял и так долго прожил, располагая столь малым. Равна вышла из кареты и направилась к мальчишке. Он выступил из

теней. Вокруг него крутилась целая орава маленьких Когтей. Один щенок повис у мальчика на плече; кое-кто суетился под ногами, умудряясь ни разу не подвернуться, другие просто шли сзади и спереди. Джефри остановился на почтительном расстоянии.

— Равна?

Она кивнула.

— Нельзя ли подойти ближе? Королева так громко думает…

Голос был мальчишеский, но губы его *не шевелились*. Равна прошла оставшиеся метры. Щенки и мальчик неохотно приблизились. Стало видно, что одежки мальчишки порваны, а на плечах, локтях и коленях какие-то повязки. Лицо он вроде бы умыл, но волосы остались липкими и грязными. Он грустно посмотрел на нее и поднял руки — обнять.

— Спасибо, что прилетели.

Он заговорил тише, уткнувшись ей в грудь, но не расплакался.

— Да, да, спасибо вам, спасибо бедному господину Синепанцирю.

И это снова был его голос. Грустный, но звонкий. Говорила щенкостая вокруг них.

Йоханна Ольсндот подошла и остановилась

сразу за стаей. «Ей всего четырнадцать?» Равна протянула девочке руку.

— По тому, что я слышала, ты сама себе спасательный отряд.

Голос Древорезчицы из кареты сказал:

— Так и было. Йоханна изменила наш мир.

Равна взмахом руки обвела трап и освещенный проем корабля.

— Фам там, внутри?

Девочка собралась было кивнуть, но щенки ее опередили.

— Да, он там. Они со Странником внутри.

Щенки отцепились от мальчика и побежали по трапу. Один задержался подтолкнуть туда Равну. Она пошла за ними, а Джефри следом.

— Кто эта стая? — внезапно спросила она мальчишку, ткнув пальцем в щенят.

Мальчик замер в удивлении.

— Амди, кто ж еще?

— Простите, — сказали щенки голосом Джефри. — Я с вами так много разговаривал. Я и забыл, что вы не в курсе.

Последовали мелодичные аккорды, а в конце — человеческое хихиканье. Она опустила взгляд на раскачивающиеся мордочки. «Уж конечно, дьяволенок превосходно отдавал себе отчет в

том, что дурачит меня». Загадка неожиданно разрешилась.

— Рада с тобой познакомиться, — ответила Равна, обозленная и очарованная одновременно. — А теперь?..

— Ага, сейчас есть дела поважнее. — Стая запрыгала вверх по трапу. «Амди», казалось, мотало между маниакальным возбуждением и тихой печалью. — Не знаю, чем они там заняты. Как только мы им показали дорогу, они нас шуганули.

Равна пошла за стаей, Джефри держался рядом. Непохоже было, чтобы внутри что-нибудь затевалось. Купол изнутри напоминал гробницу. Вполголоса болтали несколько стражников, и аккорды их эхом отдавались от стен склепа. Но когда было пройдено полтрапа, даже эти звуки стихли, а из откинутого наверху люка по-прежнему ничего не слышалось.

— Фам?

— Он там. — Йоханна стояла у подножия. Они с Древорезчицей смотрели вверх. Девочка замялась. — Не уверена, что с ним все в порядке. После битвы он… такой странный.

Головы Древорезчицы качались, точно королева пыталась пристально разглядеть их против

света из люка.

— На вашем корабле такая жуткая акустика. Как люди это выдерживают?

Амди:

— Ай, совсем нет. Мы с Джефри там много времени проводили. Я привык. — Двумя мордами он тыкался в люк. — Не знаю, зачем Фам со Странником нас прогнали. Мы бы посидели себе тихо в другой каюте, и всё.

Равна осторожно прошла между передовых щенков и постучала по металлу корпуса. Люк не был задраен; изнутри доносился шум корабельных вентиляторов.

— Фам, как дела?

Что-то зашуршало, зацокали когти. Крышка люка частично откинулась. На трап излился яркий мигающий свет. Высунулась собачья морда. Равна видела белки ее глаз. «Любопытно, это что-нибудь выражает?»

— Привет, — сказало существо. — Гм, понимаешь… Там напряженка. Фам… Не думаю, что Фама надо беспокоить.

Равна просунула руку внутрь:

— Я не стану его беспокоить, но войти намерена.

«Как долго мы сражались ради этой минуты.

Сколько миллиардов жизней положили. А теперь какой-то говорящий пес мне сообщает, что там напряженка».

Странник опустил взгляд на ее руку.

— Хорошо. — Он откинул крышку, позволяя ей протиснуться внутрь. Щенки покрутились у нее под ногами, но, прежде чем Странник одарил их неласковым взором, ссыпались вниз по трапу. Равна этого даже не заметила.

«Корабль» был, по сути, обычным контейнеровозом. Но его нынешний груз, капсулы холодного сна, вынесли, и внутри особо ничего не осталось: ровный пол, сотни крепежных скоб.

Обстановки Равна тоже почти не заметила. Ее захватил свет. И эта *штука*. Она проросла из стен и сверкала так ярко, что ближе к центру корабля свет едва можно было переносить. Штука снова и снова меняла форму и цвета: от красного к фиолетовому и розовому. Фам восседал, скрестив ноги, залитый этим призрачным сиянием. Волосы его наполовину сгорели. Руки и кисти тряслись, он бормотал что-то на непонятном наречии. *Богосколок*. Дважды его явление знаменовало катастрофу. Безумная выходка гибнущей Силы… и последняя их надежда. «О, бедный Фам!»

Равна шагнула к нему, но ее удержали зубами

за рукав.

— Пожалуйста, не отвлекайте его.

Ее удерживал крупный пес, весь в боевых шрамах. Остальные элементы стаи — Странника — смотрели на Фама. Дикарь, глядевший на Равну, каким-то образом уловил гнев на ее лице. И стая сказала:

— Послушайте, хозяйка, ваш Фам там вроде как в состоянии фуги, он нормальную личность выменял на вычислительные мощности.

«Чего?» Странник жаргон, может, и освоил, но едва ли что понял сверх этого. Фам, наверное, говорил с ним. Она шикнула на стаю:

— Да понимаю я, понимаю.

И уставилась в сияние. Изменчивые формы трудно было охватить взглядом, но они походили на графику, доступную отображению на большинстве дисплеев обычными сечениями многомерных фрактальных пен. В областях самого яркого свечения пена была монохромная, в других местах цвет ее менялся. Свет, вероятно, когерентный: на каждом предмете внутри корабля метались интерференционные пятнышки. Там, где интерференционные зоны сливались, по корпусу при каждой смене цвета ползли темные и светлые полосы.

Она медленно подходила ближе, созерцая Фама и… Контрмеру. А чем еще это может быть? Какая-то плесень на стенах, разраставшаяся навстречу богосколку. Это не просто субстрат данных, носитель сообщения, которое следовало маршрутизировать. Это трансцендентная машина. Равна про такие читала: устройства, разработанные в Трансценденции, но предназначенные для Дна Запределья. В этом устройстве нет ничего разумного, ничего, нарушающего препоны Нижних Зон, но здешнюю природу оно использует по полной, чтобы реализовать замысел проектировщика. Проектировщика? Погибели? Врага Погибели?

Равна подошла еще ближе. Устройство пронизало грудь Фама, но ни крови, ни ошметков плоти не было видно. Равна приняла бы это за искусную голограмму, не заметь, как человек дергается при каждом изгибе Контрмеры. Фрактальные отростки, усаженные длинными зубцами, вгрызались в него. Ахнув, она чуть не окликнула его по имени. Фам не сопротивлялся. Богосколок охватил его так плотно, как никогда прежде, и поразительным образом успокоил. Надежда и тревога неожиданно вынырнули из укрывищ: надежда, что уж на сей-то раз богосколок сподо-

бится поразить Погибель, и тревога, что Фам при этом погибнет.

Подергивание артефакта замедлилось. Свет стал бледно-голубым. Глаза Фама распахнулись. Голова повернулась в ее сторону.

— Миф наездников правдив, Равна. — Голос его звучал отстраненно. Раздался едва уловимый смешок. — Наездники это знали, я так думаю. В тот раз узнали. Есть те, кому Погибель не по нраву. Те, о ком мой Старик лишь догадывался…

Силы над Силами? Равна осела на пол. Дисплей на запястье мигнул. Оставалось меньше сорока пяти часов.

Фам увидел, куда она смотрит.

— Знаю. Флот не остановится. Так глубоко внизу он представляет собой жалкое зрелище… но для уничтожения этой планеты и всей системы его мощи вполне достаточно. Именно это Погибели и нужно. Погибель знает, что я в состоянии ее уничтожить… тем же способом, каким ее убили в прошлый раз.

Равна едва осознавала, что со всех сторон к ней крадется Странник. Все морды стаи смотрели на синюю пену и оплетенного ею человека.

— Каким, Фам? — прошептала Равна.

Молчание. Затем:

— Вся эта зонная турбулентность… это пыталась действовать Контрмера, но без координации. Теперь ее направляю я. Я начал… отлив. Он питается местными источниками энергии. Не чувствуешь?

«Отлив? О чем это он?» Она покосилась на запястье и ахнула. Скорость вражеской флотилии подскочила до двадцати световых лет в час — такой прыти можно было ожидать в Срединном Запределье. Без малого два дня форы превратились в два часа. А дисплей уже показал двадцать пять световых лет в час. Тридцать.

Кто-то скребся в люк.

Щепетильник дезертировал с поста. Ему полагалось следить за подъемом войск по холму. Он это знал, и ему было очень стыдно, но совладать с любопытством он не смог и нарушил приказ. Некоторые штуки его манили так же, как наркомана — сладостные листья кримы.

Щепетильник слонялся рядом с кораблем, осторожно придерживая Данник, чтобы его откидные розовые ушки не волочились по земле. В общем-то, охранять Данник было куда важней, чем подгонять солдат. И в любом случае он близко; если потребуется — отдаст команду. С повседневными обязанностями лейтенанты

справляются лучше.

За последние несколько часов прибрежные ветра отогнали дымные тучи вглубь материка, воздух очистился и стал пахнуть солью. По эту сторону холма сгорело не всё. Уцелели даже некоторые цветы и пушистые семенные стручки. Короткохвостые пташки носились на воздушных течениях, и крики их сливались в летящую от моря радостную музыку, словно обещая, что мир снова станет таким, как был.

Щепетильник знал, что это невозможно. Он повернулся всеми головами вниз по холму, туда, где сел корабль Равны Бергсндот. Он прикинул, что уцелевшие шипы ультрадвигателя длиной не меньше ста метров, а корпус — не менее ста двадцати. Он расселся вокруг Данника и откинул мягкую подушку с изображением слоника. О космических кораблях Данник знал многое. Вообще-то, этот звездолет построен не людьми, но контур корпуса вполне стандартный; Щепетильник это узнал из предыдущих сеансов работы с Данником. Двадцать-тридцать тысяч тонн, антиграв-подъемники, сверхсветовой двигатель. Для Запределья — обычная штука. Но видеть ее здесь, глазами собственных элементов! Щепетильник не мог оторвать глаз от звездолета. Тремя голо-

вами он работал с Данником, а двумя глазел на зеленый переливчатый корпус. Пушки и солдаты вокруг показались ему ничтожными. Обладая колоссальной массой, корабль едва касался склона. «Сколько же времени пройдет, прежде чем мы сами сумеем такое построить?» Без посторонней помощи, свидетельствовали исторические примеры в Даннике, — столетия. «Чего бы я не отдал за день на борту этой штуки!»

Но за кораблем гналась более могущественная сила. Щепетильника передернуло даже под жарким летним солнышком. Он часто слышал рассказы Странника о первой высадке иномирцев. И видел людской лучемет. В Даннике он прочел о бомбах, способных взорвать планету, и других системах запредельного оружия. Работая над пушками Древорезчицы — лучшим оружием из всего ему доступного, — он не прекращал мечтать и удивляться. Но пока не увидел, как парит звездолет над головой, сердцами не ощущал реальности всего этого. А теперь прочувствовал. Но вослед Равне Бергсндот летит флот убийц. Часы мира, быть может, сочтены. Он быстро пробежал поисковые пути Данника: где тут статьи про пилотирование звездолетов? «Даже если часы сочтены, стоит учиться, чему можно».

Щепетильник погрузился в картинки и звуки Данника. Он открыл три окна, каждое для своего аспекта пилотирования.

Вниз по холму раздались крики. Он поднял голову в неимоверной досаде. Это не сигнал боевой тревоги, а обычные вопли. Как ни странно, послеполуденный воздух нес приятную прохладу. Двумя элементами он глянул вверх: облаков нет.

— Щепетильник, смотрите! Смотрите!

Пушкари метались в панике. Они показывали в небо… на солнце. Щепетильник прикрыл лицо Данника розовым забралом и затенил головы, чтобы посмотреть на солнце. Светило стояло высоко на юге и ослепительно сверкало. Однако воздух был прохладен, а птицы ворковали, точно собираясь улетать на ночь в гнезда. Неожиданно он понял, что уже пять секунд смотрит на солнце, а глаза еще не болят и даже не слезятся. Никакой дымки в небе не было. Его продрал мороз.

Солнце тускнело. Он увидел на его лике темные точки. *Солнечные пятна*. Он часто видел такие в гляделках Грамотея. Но тогда для наблюдений требовались мощные фильтры. *Нечто* опустилось между ним и солнцем, высасывая из светила тепло и свет.

Стаи на холме возопили. Такого жуткого стона

Щепетильник ни разу не слышал от них в бою: вопль ужаса и смятения перед непознаваемым.

Синева ушла с небосклона. Воздух вдруг остыл, как глубокой темной ночью. Солнце стало серым люминесцентным диском, подобным бледной луне. И продолжало тускнеть. Щепетильник вжался животами в землю. В нескольких глотках у него поднимался испуганный свист. «Оружие, оружие». Но о *таком* в Даннике не было ни слова. Теперь поле боя озаряли только звезды.

— Фам, Фам. Они через час прилетят. Что ж ты наделал?

«Чудо, но во зло?»

Фам Нювен шевельнулся в сверкающих объятиях Контрмеры. Ответил он почти нормальным голосом: богосколок отступал.

— Что я сделал? Не так много. И больше, чем доступно Силам. Даже Старик лишь догадывался, Равна. То, что страумеры принесли сюда, и есть миф наездников. Мы… я и оно… только что отодвинули границу Зоны вспять. Локальный сдвиг, но мощный. Мы сейчас в условиях Высокого Запределья, а может, и Нижней Трансценденции — локально. Вот почему так ускорился Погибельный флот.

— Но…

Странник вернулся от люка и унял панику Равны деловитой репликой:

— Солнце только что погасло.

Головы его покачивались с непонятным выражением.

Фам ответил:

— Это временно. Надо было чем-то подпитать этот маневр.

— З-зачем, Фам? — «Даже если Погибель все равно победит, к чему ей помогать?»

Лицо человека стало пустым. Фам Нювен временами почти исчезал за работающими в его мозгу программами. Но затем:

— Я… фокусирую Контрмеру. Теперь я понимаю, что она такое, Контрмера… Ее создало нечто над Силами. Может быть, существуют Облачники[23], может, она им сигналит. А возможно, это лишь укус насекомого, который вызывает куда более существенную реакцию. Дно Запределья только что отступило, как прибой перед цунами. — Контрмера воссияла красно-оранжевым огнем, колючки и дуги ее цепко вонзились в Фама. — А теперь, когда мы себя вытащили за волосы в приличную Зону из этого болота… теперь

---

[23] Примечания: 23
Речь идет о жителях Магеллановых Облаков.

начнется веселье. Ой, как бы Старик повеселился! Заглянуть дальше Сил — за такое и умереть, пожалуй, не жалко.

На запястье Равны обновлялись отметки позиций флота. Погибель невиданно ускорилась.

— Пять минут, Фам. — И это при том, что они еще в тридцати световых годах.

Смех.

— А-а, Погибель тоже знает. Именно этого она и боялась. Это ее и убило в ту эпоху. Она мчится вперед, но уже поздно. — Сияние посветлело; похожее на световую маску лицо Фама словно расслабилось. — Что-то… очень далекое… услышало меня, Равна. И оно приближается.

— Что? Что приближается?

— Прилив. Величайший. Тот, который нас накрыл, покажется ласковой волной. В такие события никто не верит, потому что некому их зарегистрировать. Дно взлетит выше флота.

Внезапное понимание. Внезапный прилив дикой надежды.

— И они здесь застрянут, правда?

Значит, Кьет Свенсндот сражался не зря, и совет Фама не был бесполезен. Во всем Погибельном флоте не осталось ни одного корабля с ионными прямоточными двигателями.

— Да. Они в тридцати световых годах. Мы уничтожили все их быстрые суда. Они сюда тысячу лет ползти будут… — Артефакт вдруг сжался, Фам застонал. — Времени мало. Мы в максимальном понижении. Когда придет прилив, он… — Снова болезненный стон. — Я его вижу! Клянусь Силами, Равна, он взлетит высоко и продлится долго.

— Как высоко, Фам? — тихо спросила Равна. Она думала обо всех цивилизациях над ними. Там бабочки и те предатели, кто поддержал погром на Сьяндре Кей… И триллионы других, мирно торящих себе путь к вершине.

— На тысячу световых лет? Десять тысяч? Не уверен. Призраки Контрмеры, Арне и Сьяна, полагали — так высоко, что заденет Трансценденцию, закуклит Погибель там, где она засела… Вероятно, это и случилось Прежде.

Арне и Сьяна?

Конвульсии Контрмеры замедлялись. Свет ее ярко вспыхивал и гас. Ярко вспыхивал и гас. Она слышала хрип Фама с каждым мгновением тьмы. Контрмера, спаситель, который погубит миллионы цивилизаций. И прямо сейчас — человека, который ее запустил.

Почти неосознанно она потянулась к Фаму, отталкивая эту штуку. Но поднялась гребенка

лезвий и преградила ей путь.

Фам смотрел на нее и пытался что-то вымолвить.

Потом свет погас окончательно. Отовсюду вокруг из мрака донесся шипящий звук и пришел усиливающийся горький запах, который Равна потом так и не сумела забыть.

Фам Нювен боли не испытывал. Последние минуты его жизни не поддаются никакому описанию, пригодному для Медленной Зоны или даже Запределья.

Так что попробуем метафоры и аналогии. Это было как… это было как… как если бы Фам со Стариком стояли на широком пустынном пляже, а Равна и Когти копошились у их ног. Планеты и звезды стали песчинками. Море ненадолго отступило, позволяя яркой мысли проникнуть туда, где раньше господствовала тьма. Но Трансценденция будет коротка. На горизонте уже громоздилась, возвращаясь, темная стена выше гор: море накатывало обратно. Он воззрился на эту громаду. Фам, богосколок и Контрмера погружения не переживут даже по отдельности. Они вызвали катастрофу, превосходящую всякое разумение, и погрузили значительную область Галактики в Медленную Зону: глубоко, как Старую Землю, и

столь же основательно.

Арне, Сьяна, страумеры и Старик отомщены… и Контрмера исполнена.

А Фам Нювен? Инструмент, который был использован и теперь будет выброшен. Человек, которого не было.

Нахлынул прилив, унося их в глубины. Вниз, прочь от сияния Трансценденции. Снаружи снова засияло солнце планеты Когтей, но в разуме Фама смыкались все створки, а чувства сводились к зрению глазами и слуху ушами. Он чувствовал, как уползает в небытие Контрмера, выполнив задание без единой сознательной мысли. Призрак Старика продержался чуть дольше, отступая и возвращаясь вместе с колебаниями мыслительного потенциала. Но самосознания Фама он не отключил. В первый раз он не оттеснил его прочь. В первый раз он касался поверхности разума Фама нежно, как человек, поглаживающий верного пса.

Но ты не пес, ты скорей храбрый волк, Фам Нювен.

Оставались секунды до полного погружения в Безмысленные Глубины, где умрут навеки слитые воедино тела Контрмеры и Фама Нювена. Воспоминания смешивались. Дух Старика отсту-

пил, показывая скрытые все это время факты.

Да, я построил тебя из нескольких тел в Кладовке Маршрутизатора. Но лишь один разум и один набор воспоминаний я мог оживить. Сильного, отважного волка — такого сильного, что я бы тебя ни за что не обуздал, сперва не заронив в тебя сомнения…

Где-то падали барьеры. Отказывали последние меры контроля Старика — а может, то был его прощальный дар. Сейчас уже было не важно, что там говорит призрак, ибо Фам Нювен узрел истину непреложную.

Канберра, Синди, века странствий с Чжэн Хэ, последний полет «Дикого гуся». Все это было на самом деле.

Он поглядел на Равну. Она столько для него сделала. Она столько вытерпела. И, даже не веря ему, она его полюбила.

«Все в порядке. Все в порядке. — Он пытался дотянуться к ней, сказать ей. — Я настоящий, Равна!»

Тогда Глубины навалились на него всей тяжестью, и больше он ничего не узнал.

В дверцу люка снова стучали. Она услышала, как Странник идет туда. Внутрь проник свет.

Джефри завопил:

— Солнце вернулось! Солнце!.. Эй, а чего тут так темно?

Странник:

— Артефакт, ну, та штука, которой помогал Фам, выключился.

— Вы чё, вырубили весь свет? — Люк полностью откинулся, внутрь просунулась голова мальчика, очерченная сиянием факела вместе с несколькими щенячьими мордами. Он пролез в люк, девочка следом. — Выключатель вон там, видишь?

С закругленных стен пролился мягкий белый свет. Все как обычно, все по-человечески, кроме… Джефри застыл как вкопанный, прижав ладонь ко рту, с глазами навыкате. Обернулся и приник к сестренке.

— Что это? Что это? — спросил его голос из открытого люка.

Равне захотелось ослепнуть. Она упала на колени.

— Фам? — тихо позвала она, зная, что ответа не будет. Останки Фама Нювена лежали внутри Контрмеры. Артефакт перестал сиять. Истерзанный контур его потемнел и скорчился. Сейчас он больше всего походил на обгоревшую корягу… но коряга эта сжимала лежащего человека и нани-

зала его на себя. Крови и огарков не было. Там, где артефакт проткнул Фама, остались пепельные пятна; плоть и машина сливались воедино.

Странник подошел и ткнулся носами совсем рядом с недвижным артефактом. В воздухе по-прежнему висела горькая вонь. Пахло смертью, но не обычной гнилью: тут умерло создание из плоти и чего-то иного.

Равна глянула на запястье. Информация на дисплее упростилась до нескольких строк символов и цифр. Ультрадвигателей не обнаружено. «Внеполосный-II» сообщал о трудностях с навигацией. Они были глубоко в Медленной Зоне, вне досягаемости любой помощи, вне досягаемости Погибельного флота. Она посмотрела в лицо Фама.

— Ты это сделал, Фам. Ты это и вправду сделал, — сказала она тихо, самой себе.

Дуги и петли Контрмеры истончились и стали хрупкими. А тело Фама Нювена стало их частью. «Как разломить эти дуги, не разбив?..» Странник и Йоханна мягко увлекли Равну прочь из каюты контейнеровоза. Следующие несколько минут изгладились из ее памяти, и как выносили тело, она тоже не запомнила. Синепанцирь и Фам погибли безвозвратно.

Потом все оставили ее. Не от недостатка сочувствия, но потому, что катастрофы, странные события и чрезвычайные ситуации были в изобилии. Следовало позаботиться о раненых. Не исключалась вражеская контратака. Воцарилось великое смятение, и отчаянно требовалось навести порядок. Она всего этого почти не замечала. Для нее завершилось долгое отчаянное бегство, и силы ее окончательно покинули.

Равна просидела на ступенях трапа, наверное, бóльшую часть дня, в молчаливом бездумном горе, едва осознавая, что Зеленожка включила ей через данник свою песню моря. В конце концов до девушки дошло, что она уже не одна. И дело было не только в заботе Зеленожки. В какой-то момент вернулся мальчик. Он сидел рядом с Равной, а вокруг рассыпались щенки и тоже молчали.

Эпилоги

Мир снизошел на земли, составлявшие некогда домен Шкуродера. По крайней мере, вражеских стай видно не было. Кто бы ни отвел их с поля боя, маневр был выполнен искусно. Шли дни, из берлог начали выбираться испуганные крестьяне. Те, кто не был ошарашен случившимся, в основном радовались падению старого режима. Жизнь возвращалась на поля, крестьяне делали, что могли, спасая остатки урожая после самого страшного за последнее время сезона пожаров и величайшей битвы в истории этих земель.

Королева послала гонцов на юг возвестить о победе, но возвращаться, казалось, не торопилась. Войска ее помогали крестьянам и всячески старались не слишком отягчать их своим присутствием. А еще рыскали по цитадели на Холме Звездолета и старой твердыне на Тайном Острове. В подвалах замка обнаружились подтверждения жутким рассказам, годами ходившим из уст в уста. И никаких следов исчезнувшей армии. Местные наперебой делились собственными наблюдениями, в большинстве своем злове-

щими: многие считали, что Шкуродер, уходя в Республику, оставил на севере редуты. Там были войска, хотя, по слухам, Стальной давно уже отозвал эти силы и бросил в бой. Крестьяне северной долины заявляли, что видели отступление шкуродерников. Некоторые клялись, что встречали Шкуродера то там, то сям, точнее, встречали двойки и синглеты в одеяниях цветов Владыки. Даже местные относились к таким историям с сомнением — в самом деле, что за россказни: Шкуродер-де рассыпался повсюду, разбился на разделенные километрами синглеты и координирует отступление. Равна и королева этим рассказам верили: у них на то были свои причины. Но проверять истинность слухов было бы глупо. Экспедиционный корпус древорезчиков был невелик, а леса и долины тянулись к северу более чем на сто километров, до места, где к морю спускались Ледовые Клыки. Этих мест Древорезчица не знала. Если Шкуродер укреплял территорию десятилетиями (а у стай это было обычным делом), стоило ожидать, что там полно ловушек, и даже несколько десятков партизан могут серьезно потрепать армию. Пускай отсиживается там, и остается надеяться, что его редуты серьезно выскреб Стальной.

Древорезчица полагала, что это станет самой серьезной проблемой следующего века.

Но все разрешилось куда быстрее. Именно Шкуродер стал искать с ними встречи, притом не для контратаки. Примерно через двадцать дней после битвы, в конце дня, когда солнце ненадолго опустилось за край северных холмов, прозвучали сигнальные рожки. Равна с Йоханной проснулись и бросились на замковый парапет. Вдалеке горел своеобразный закат — холмы за северным фьордом темными силуэтами маячили на оранжево-красном фоне. Советники Древорезчицы настороженно впились множеством глаз в линию холмов. У нескольких были с собой подзорные трубы.

Равна передала бинокль Йоханне.

— Там кто-то есть. — Темная на фоне сияющего неба, шла стая, вознеся над собой длинный штандарт. Каждый элемент держал свое древко.

Древорезчица смотрела сразу в две подзорные трубы, и с учетом стереобазы, доступной стае, это было эффективнее прибора Равны.

— Вижу. Между прочим, этот флаг означает предложение перемирия. Думается, я знаю, кто его несет. — Она что-то булькнула Страннику. — Давненько мы с ним не разговаривали.

Йоханна все еще глядела в бинокль. Наконец она пробормотала:

— Он же… создал Стального, да?

— Да, солнышко.

Девочка отвела бинокль от глаз:

— Тогда… лучше мне с ним не пересекаться.

Голос ее прозвучал отстраненно.

Они повстречались на северном склоне замкового холма всего через восемь часов. Солдаты Древорезчицы это время провели, обыскивая долину. И не только затем, чтобы выявить возможные ловушки: на встречу явилась особенная стая, которой многие местные желали смерти.

Древорезчица прошла туда, где холм очень круто обрывался к лесу. Равна со Странником проследовали за ней, держась на близком, по меркам Когтей, расстоянии в десять метров. Древорезчица в преддверии встречи была неразговорчива, а вот Странника одолело словесное недержание.

— Именно этой дорогой я в первый раз поднялся на холм, год назад, при посадке первого вашего корабля. Видишь? Вон там факел опалил деревья. Хорошо еще, что тот год выдался не настолько засушливый.

Деревья стояли тесно, однако отсюда были видны только кроны. Даже в засуху от них под-

нимался аромат смолы. Слева шумел небольшой водопад и бежала тропинка на дно долины — по ней и согласился подняться парламентер. Странник называл дно долины «крестьянскими хозяйствами». Равне казалось, что там царит полный хаос. Когти выращивали различные растения на одном и том же участке, изгородей не использовали, даже скоту загонов не строили. Там и сям торчали избушки с крутыми крышами и закругленными наружу стенами: в краю суровых зим этого и следовало ожидать.

— А там целая толпа, — заметил Странник.

Равне так не казалось: много мелких групп, каждая примерно со стаю, на порядочном расстоянии друг от друга. Они жались к избушкам. Еще больше рассеяно в полях. Стаи Древорезчицы стерегли дорогу через долину.

Она почувствовала, как Странник прижимается к ней. Одной шеей вытянулся на уровне ее пояса, показывая:

— Это, наверно, он. Один, как и обещал. И… — Частью себя Странник смотрел в подзорную трубу. — Вот это сюрприз.

Одинокая стая плелась по дороге мимо солдат Древорезчицы. Она катила небольшую тележку — вероятно, там сидит один из ее элементов.

Покалечился?

Крестьяне напирали на оцепление, бежали параллельно одиночке. Она слышала булькающее межстайное ворчание. Когда Когти этого хотели, они могли говорить очень, очень громко. Солдатам приходилось отгонять тех, кто подошел к дороге слишком близко.

— Я думала, они нам благодарны.

После битвы на Холме Звездолета это было самое близкое подобие насилия в исполнении стай.

— А они благодарны. Большинство требуют казни Шкуродера.

Шкуродер, Скорняк. Стая, которая спасла Джефри Ольсндота.

— И они одну-единственную стаю так ненавидят?

— Любят, ненавидят и боятся — все в одном флаконе. Они больше века жили под его ножами. И вот он здесь, калека, без охраны. А они все же боятся его. Внизу достаточно крестьян, чтобы смять наше оцепление, но они не слишком сильно напирают. Тут был домен Шкуродера, и он обращался с этими землями, как рачительный хозяин со своим двором. Что еще хуже, он и подданных, и владения превратил в материал для

великого эксперимента. Из Данника я узнал, что монстр-Шкуродер значительно опередил свое время. Некоторые там жаждут убить Хозяина, но никто не уверен, что им это нужно… — Он помолчал мгновение, приглядываясь. — И знаешь, что их пугает больше всего? Что он явился один, без какой-либо подмоги.

«Ну-ну». Равна коснулась пистолета Фама в кобуре у себя на поясе. Тяжелая, тупорылая штука… и она радовалась, что оружие при ней. Она посмотрела на запад, в сторону Тайного Острова. «Внеполосный-II» теперь стоял за бастионами, надежно защищенный. Если Зеленожка не сладит с низкоуровневой перепрошивкой, кораблю больше не подняться в небо. И Зеленожка не питала по этому поводу оптимизма. Но они с Равной смонтировали на одной из грузовых палуб корабля лучемет, и дистанционное управление этой штукой оказалось проще простого. Может, у Шкуродера припасены сюрпризы, но есть они и у Равны.

Пятерка исчезла за обрывом.

— Он скоро поднимется, — сказал Странник. Один из его щенков встал взрослому на плечи и прислонился к руке Равны. Девушка усмехнулась: ее личная новостная лента. Она подняла

щенка и усадила себе на плечо. Остальные элементы Странника расселись на краю обрыва и стали ждать.

Равна оглядела остальных спутников королевы. Древорезчица расставила справа и слева стаи арбалетчиков. Шкуродер сядет прямо перед нею и немного ниже. Равне подумалось, что Древорезчица наверняка нервничает: ее элементы постоянно облизывали губы, со змеиным проворством мелькали тонкие розовые язычки. Королева расселась точно для группового портрета: высокие элементы позади, двое щенков — впереди, вытянувшись во весь росточек. Большей частью взглядов Древорезчица следила за обочиной тропы в том месте, где должен был показаться и подняться на террасу парламентер.

Наконец послышался цокот когтей по камню. Над краем тропы возникла морда, следом остальные. Шкуродер вылез на мшистый ковер, его двойка подтащила наверх колесную тележку. Элемент в тележке сидел очень прямо, задние лапы и огузок его были укутаны одеялом. За исключением белых кончиков ушей, не было в нем ничего особенного.

Стая завертела головами во все стороны. Одна в замешательстве глядела на Равну все время, пока

шла по склону к королеве. Скорняк — Шкуродер — и был тем, кто носил радиомантии. Теперь их на нем не было. Сквозь разрезы в куртках Равна видела места, где шерсть вылезла начисто.

— Шелудивая дворняжка, э? — сказал голосок Равне на ухо. — Прикольно. Ты зацени, какой у него невинный вид!

Королева не шевелилась. Застыв как вкопанная, она смотрела на приближающуюся стаю. Несколько ее носов подрагивали.

Четверка Шкуродера выкатила тележку вперед и помогла белоухому слезть. Равна увидела, что задние лапы элемента, укутанные до того одеялом, неестественно вывернуты и неподвижны. Пятерка расселась спина к спине. Покрутила шеями, выгнула вверх и наружу, словно конечности единого существа. Стая пробулькала что-то напомнившее Равне птичьи трели.

Странник сей же миг начал переводить через щенка на плече Равны. Щенок заговорил новым голосом, традиционным для злодея из историй для детей, сухим и сардоническим.

— Приветствую… Родительница. Столько лет прошло.

Древорезчица мгновение молчала. Потом что-то булькнула в ответ, Странник перевел:

— Ты узнаешь меня?

Шкуродер склонил к Древорезчице одну голову:

— Не элементов, но душу. Это же очевидно.

Королева опять помолчала. Странник добавил тоном комментатора:

— Бедная моя Древорезчица. Не думал, что ее можно так смутить прилюдно. — И вдруг, уже Шкуродеру, громко и на самношке: — А ты для меня не был так очевиден, о бывший спутник в странствиях. Я тебя помню как Тиратект, скромную училку из Длинноозерья.

Несколько голов повернулись к Равне и Страннику. Существо ответило на очень приличном самношке, хотя и детским голоском:

— Приветствую тебя, Странник. И тебя… Равна Бергсндот? Да. Я — Шкуродер-Тиратект. — Головы стаи склонились, глаза поморгали.

— Хитрый жук, — пробормотал Странник.

— С Амдиджефри все в порядке? — вдруг спросил Шкуродер.

— А? — сперва не поняла Равна. Потом: — Да, с ними все хорошо.

— Отлично. — Все головы повернулись к королеве, и существо продолжило на межстайном: — Я почтительнейше явился заключить мир с

моей родительницей, дорогой Древорезчицей.

— Он что, на полном серьезе такое отчебучил? — прошептала Равна щенку у себя на плече.

— А с чего бы мне приукрашивать?

Древорезчица резко гавкнула, и Странник перевел человеческим голосом королевы:

— Мир? Ой, сомневаюсь, Шкуродер. Более вероятно, что ты взыскуешь передышки, желая перестроиться и снова попытаться убить нас всех.

— Хотел бы перестроиться, это правда. Но я изменился. «Скромная училка» меня несколько… смягчила. Тебе это так и не удалось, родительница.

— Что? — Странник умудрился передать в одном слове обиженное удивление.

— Древорезчица, а ты никогда не задумывалась? Ты величайшая из стай этой части света, быть может, величайшая в истории. И стаи, которые ты сотворила, тоже выдающиеся личности. Но задумывалась ли ты когда-то, кто из них самый способный? Ты слишком хорошо надо мной поработала. Ты проигнорировала инбридинг и (затрудняюсь подобрать точный перевод), и ты создала… меня. Со всеми… чудачествами, кото-

рые тебе так досаждали последнее столетие.

— Я… я обдумала эту ошибку и с тех пор работала старательнее.

— Да-да, как с Пронырой. (Ой, ты глянь на мою королеву. Он ее серьезно задел.) Ладно уж, ладно. Проныра вполне может оказаться ошибкой иного рода. Суть в том, что ты создала *меня*. Раньше я полагал это величайшим творением твоего гения. Теперь… не уверен. Я хочу измениться. Внести поправки и жить в мире. — Одна из его голов смотрела на Равну, другая обратилась к «Внеполосному-II» на Тайном Острове. — И есть во Вселенной другие цели, достойные нашего гения.

— Слышу прежнее высокомерие. С чего бы мне сейчас тебе доверять?

— Я помог спасти детей. И спас корабль.

— И ты всегда был величайшим приспособленцем мира.

Головы Шкуродера сдвинулись назад.

— (Это вроде пренебрежительного пожатия плечами.) У тебя преимущество, родительница, но на севере я еще силен. Давай договариваться о мире, иначе я тебе устрою десятилетия саботажа и войн.

Древорезчица так взвизгнула, что уши зало-

жило.

— (Это, если ты не догадалась, признак раздражения.) Наглец! Я тебя могу на месте прикончить и устроить себе столетие более или менее мирной жизни.

— Готов побиться об заклад, что ты меня не тронешь. Ты обещала мне безопасность, поодиночке и в целости. Одно из самых сильных твоих душевных качеств — презрение ко лжи.

Задние элементы Древорезчицы присели, а передовые щенки сделали несколько быстрых шагов навстречу Шкуродеру.

— Мы десятилетия не виделись, Шкуродер! Если ты изменился, отчего бы не измениться мне?

На миг все элементы Шкуродера оторопели. Потом часть стаи медленно поднялась и осторожно придвинулась к Древорезчице. Стаи арбалетчиков по обе стороны места встречи прицелились в него. Шкуродер остановился метрах в шести или семи от Древорезчицы. Помотал головами из стороны в сторону, пристально изучая королеву. Наконец вымолвил удивленным, почти опешившим голосом:

— Да, почему бы и нет… Древорезчица, после стольких веков ты… изменила себе? Эти новые элементы…

— Не только мои. Все верно. — Странник почему-то довольно захихикал Равне на ухо.

— Ну что ж. Тогда… — Шкуродер вернулся на прежнее место. — Я все равно хочу мира.

— (Древорезчица вроде бы удивилась.) А ты и вправду изменился. Сколько в тебе от настоящего Шкуродера?

Долгая пауза.

— Двое.

— Очень хорошо. В зависимости от условий, может, и заключим мир.

Принесли карты. Древорезчица потребовала указать позиции основных войск Шкуродера. Их следовало разоружить под присмотром двух или трех стай королевы на каждую боевую единицу, с отчетами по гелиографу. Шкуродера обязали вернуть радиомантии и предоставить их для исследования. Тайный Остров и Холм Звездолета отходили Древорезчице. Двое начертили новые границы и заспорили о способах надзора королевы за оставленными Шкуродеру владениями.

Солнце достигло полдневной точки в южных небесах. В полях внизу крестьяне давно оставили угрюмую стражу и вернулись к работе. Лишь арбалетчики королевской охраны продолжали напряженно наблюдать.

Наконец Шкуродер отступил от своего края карт.

— Да-да, твоим стаям будет позволено наблюдать за моей работой. Никаких… ужасных экспериментов. Я стану кротким собирателем знаний (сарказм, что ли?), как и ты.

Древорезчица мотнула головами, по мордам точно рябь прокатилась.

— Возможно, располагая содействием двуногих, я тебе это и позволю.

Шкуродер поднялся, развернулся, чтобы помочь калеке влезть на тележку, но помедлил.

— Ага, и последнее, дорогая Древорезчица. Так, пустяк. Я убил двух элементов Стального, когда он пытался уничтожить звездолет Джефри. (Если быть точным, раздавил их, будто клопов. Теперь понятно, отчего Шкуродер стал калекой.) Остальные у тебя?

— Да.

Равна видела, что осталось от Стального. Они с Йоханной посещали многих раненых, рассчитывая перестроить автохирург «Внеполосного-II» на планете Когтей. Но в случае Стального интерес был скорее мстительный: стольких невинных погубила эта тварь. Впрочем, обломки Стального в медицинской помощи не нуждались. У них

нашлось несколько царапин (и то Йоханна подозревала, что Стальной сам себя ранил) да вывих одной лапы. Сама стая, однако, представляла собой душераздирающее зрелище — ментальную развалину. Она сбилась в углу загона, дрожа от ужаса и зыркая во все стороны. То и дело судорожно клацала пара челюстей, порой какой-то элемент пытался перелезть через ограду. Тройка не обладала интеллектом человеческого уровня, но говорить умела. Увидев Равну и Йоханну, трое так выпучились на них, что показались белки, и завизжали что-то едва понятное на самношке. Кошмарная смесь угроз и мольбы: «Не режьте меня, не режьте!» Бедная Йоханна расплакалась. Она почти год ненавидела стаю, которой были эти трое, но…

— Они в жалком состоянии. Плохо быть тройкой, но им никто не позволит разрастись.

— Ну ладно, — сказал Шкуродер. — Я бы хотел позаботиться об этих остатках. Я…

— Ни за что! Он был почти так же умен, как ты, хотя и достаточно безумен, чтобы проиграть. Я не позволю тебе его вернуть.

Шкуродер собрался вместе, посмотрел всеми глазами на королеву. «Голос» его был тих и вкрадчив:

— Древорезчица, пожалуйста. Это сущая мелочь, но я, — он ткнул мордой в карты, — откажусь от всех предыдущих договоренностей, если ты мне этого не позволишь.

— (Ой-ой.)

Арбалетчики внезапно встали на изготовку. Древорезчица частично разошлась вдоль карт, подойдя к Шкуродеру так близко, что мысли их наверняка столкнулись. Она свела головы вместе и пронзила его яростным взором:

— Если это сущая мелочь, к чему рисковать всем ради нее?

Шкуродер на миг сомкнулся, его элементы в буквальном смысле посмотрели друг на друга. Равна еще не видела у стай такого жеста.

— Потому что я это затеял! То есть… Стальной — величайшее мое порождение. В каком-то смысле я им горжусь. Но… я за него отвечаю. Ты разве не чувствуешь того же к Проныре?

— У меня на Проныру свои планы, — пробурчала королева. — (На самом-то деле Проныра жив-здоров. Боюсь, королева столько ему наобещала, что теперь не сможет поквитаться.)

— Я хочу возместить Стальному ущерб, который ему причинил. Ты поймешь.

— Понимаю. Я видела Стального, я знаю твои

методы: ножи, страх, боль. Тебе больше не позволено так поступать!

Равне показалось, что из долины долетела слабая музыка, чужое напевное сплетение аккордов. Это ответил Шкуродер. В голосе Странника-переводчика не было и капли сарказма:

— Никаких ножей, никакой вивисекции. Я сохраню свое имя, но пускай другие дадут мне новое, когда наконец сообразят, что… Тиратект победила, по-своему. Дай мне шанс, Древорезчица. Молю тебя.

Двое больше десяти секунд простояли, глядя друг на друга в упор. Равна переводила взгляд со стаи на стаю, пытаясь понять язык тел. Все молчали. Даже Странник не осмелился пуститься в рассуждения ей на ухо о том, ложь это или весточка от новой души.

Древорезчица решилась:

— Хорошо. Забирай его.

Странник Викврэкшрам *летел*. Пилигрим, знавший предания последней тысячи лет, — и ни в одной легенде не говорилось о подобном! Он бы ударился в радостную песнь, но понимал, что пассажирам станет больно. Крутой пилотаж Странника и без того доставлял им неудобства, хоть они и списывали это на его неопытность.

Странник шагал по облакам, пролетал между ними и сквозь них, плясал в случайной грозе. Сколько часов своей жизни он провел, глядя на облака и размышляя об их глубине, а теперь оказался среди них, исследуя пещеры внутри пещер внутри пещер… Бескрайние соборы света.

Меж облачных островков тянулся в бесконечность Великий Западный океан. Ориентируясь по солнцу и аппаратуре флаера, Странник определил, что они почти достигли экватора и отдалились от домена Древорезчицы на восемь тысяч километров к юго-западу. Тут попадались атоллы: так утверждали космические снимки «Внеполосного-II» и собственные воспоминания Странника. Но он давно уже не бывал в этих местах, а увидеть островные королевства при жизни нынешних элементов и вовсе не надеялся.

И теперь он неожиданно возвращался. *Летел* обратно!

Шлюпка «Внеполосного-II» была настоящим чудом, и отнюдь не таким непостижимым, как ему представилось в пылу битвы. Да, они пока не сумели запрограммировать ее на автополет. Возможно, никогда не сумеют. А пока маленький флаер работал на электронике, немногим превосходящей старую добрую механику. Антиграв

сам по себе требовал постоянной корректировки, элементы управления были разбросаны по периферии носовой кабины — очень удобно для веток наездника или элементов стаи. С помощью космонавтов и документации «Внеполосного-II» Странник всего за пару дней освоил управление шлюпкой. Фокус был в том, чтобы разделить ум между разными задачами. Часы тренировок доставляли ему некоторую тревогу и много счастья. Порою он почти терял контроль, а однажды его сорвало в штопор и понесло вверх по бесконечной спирали. Но в конце концов машина стала продолжением его лап и челюстей.

Когда они спустились с пурпурных высот и стали чиркать по верхушкам облаков, Равна перестала скрывать тревогу. Странник заложил особенно залихватскую петлю и нырнул в яму; девушка заметила с таким видом, словно ей внутренности подвело:

— А может, тебе пока приземлиться? Стоило бы отложить это дело… — *ух ты!* — пока ты не научишься летать лучше.

— Да-да. Мы скоро, э-э, вылетим из грозового фронта.

Он снизился, пролетел в облаках несколько десятков километров на восток и вышел в область

ясной погоды. К тому же так удалось сократить маршрут. Чертыхаясь про себя, Странник твердо решил полетать в свое удовольствие еще немножко… ну, на обратном пути.

Другая пассажирка заговорила всего во второй раз за два часа полета.

— А мне понравилось, — молвила Зеленожка. Голос из вокодера просто очаровывал Странника: узкополосный, но с высокими атоналями от прямоугольных выбросов. — Это как… это словно ездить сразу под прибоем и чувствовать, как море колышет ветки.

Странник очень старался получше узнать наездницу. Существо это осталось единственным наездником на планете, и понять его было тяжелее, чем двуногих. Большую часть времени Зеленожка словно дремала, вновь и вновь забывая происходящее с нею. Равна объяснила, что за долговременную память отвечает примитивная тележка. Вспомнив, как друг Зеленожки катился сквозь огонь, Странник поверил. На звездах водятся создания даже удивительней двуногих, и мысль об этом дразнила воображение Странника.

У горизонта показалось темное колечко. И еще одно, наружное.

— Очень скоро мы тебя поместим в настоящий прибой.

— Там острова? — спросила Равна.

Странник сверился с картами на дисплеях и солнцем.

— Да, действительно. — Но это не имело значения. Западный океан протянулся более чем на двенадцать тысяч километров, а вся тропическая зона была утыкана атоллами и островными цепочками. Эта группка просто несколько изолированней остальных; ближайшее поселение островитян почти в двух тысячах километров.

Они пролетели над ближайшим островом. Странник описал круг, любуясь мангровыми зарослями и коралловыми рифами. На отливе обнажились тонкие скелетные корни. Удобной посадочной площадки нет; Странник подлетел к следующему атоллу, более крупному, и тут как раз внутри кораллового кольца нашлось отличное ровное местечко. Он зашел на глиссаду и коснулся песка совершенно беззвучно.

Равна Бергсндот посмотрела на него с явным подозрением. *Ой-ой.*

— Эй, а у меня ведь уже лучше получается? — невинно спросил он.

Необитаемый островок в бескрайнем море.

Исходные воспоминания размылись; это прежний его элемент, Рам, был уроженцем островных королевств. Но все, что он помнил, совпадало: высокое солнце, дурманяще влажный воздух, жара, которую чувствуешь даже лапами. Рай. Аспект Рама, сохранявшийся в нем, радовался сильнее всех. Годы словно растаяли; частью себя Странник вернулся домой.

Они помогли Зеленожке спуститься на песок. Равна утверждала, что тележка — примитивная имитация оригинала, а колеса добавлены для вящего сходства. Тем не менее Странник впечатлился: каждая из четырех шин сидела на собственной оси. Наездница сумела подняться на гребень рифа почти без помощи Равны или стаи. Но у вершины, где тропические заросли сгущались, а корни мангров тянулись поперек любой тропки, пришлось им с Равной немного повозиться, подтолкнуть и втащить.

Потом они перевалили через гребень и увидели океан.

Часть Странника устремилась вперед: найти самый удобный спуск и подбежать к воде. Очень хотелось скорее понюхать соленую воду и гниющие водоросли. Стоял почти полный отлив, и под солнцем сверкал миллион прудиков — некото-

рые не крупней лужицы в кольце валунов. Три элемента Странника носились от лужи к луже, разглядывая кишащую внутри жизнь. Самыми странными созданиями на свете показались ему эти существа, когда он впервые ступил на острова. Были тут панцирные и улитки, всех форм и цветов, не понять, то ли животные, то ли растения, и если их занесет далеко на сушу, они, наверное, в мангровые заросли обратятся.

— Где ты хочешь устроиться? — обратился он к наезднице. — Если сейчас пройти до самой линии прибоя, то при высоком приливе ты окажешься на метр под водой.

Наездница не ответила, но все ветки ее жадно изгибались, тянулись к воде. Колеса тележки проскальзывали и крутились, отчего-то утратив координацию.

— Давай подвезем ее ближе, — предложила Равна, помолчав.

Они достигли сравнительно ровного участка рифа, утыканного дырами и ямками глубиной не больше пары сантиметров.

— Пойду поплаваю, поищу удачное местечко, — заявил Странник. Все элементы стаи кинулись вниз, туда, где сходились кораллы и море. По частям не поплаваешь, хе-хе. В общем-то, немного

на суше сорвиголов, умеющих плавать и думать одновременно. Большинство жителей материка полагают, что вода несет безумие. Странник знал теперь, что причина проста: в воздухе и воде звук распространяется с разной скоростью. Думать с погруженными в воду мембранами — это вроде как радиомантии напялить: требует обучения и тренировок, а некоторым так просто и не дается. Но среди островитян всегда встречались искусные пловцы, умевшие медитировать в воде. Равна даже выдвинула гипотезу, что Когти произошли от китов!

Странник выбежал на край рифа и посмотрел вниз. Прибой показался ему не таким уж и приветливым. Скоро выяснится, сколько правды в его воспоминаниях и том, что нашептывает дух пловца-Рама. Он стянул куртки.

«Одновременно. Лучше всем одновременно». Он собрался и неуклюже нырнул. Смятение. Головы над водой и под водой. «Держи все под водой». Он бултыхался, каждые несколько секунд выставляя наружу морду и освежая элементу воздух. «Я это еще могу!» Шестерка скользила в роях мальков, ныряла поодиночке между зелеными подводными зарослями. Вокруг шипело море, и звук этот походил на мыслешум исполинской

спящей стаи.

Спустя несколько минут он отыскал удачное ровное местечко — повсюду песок, надежно укрыто от ярости бурь. Он поплыл обратно, где море разбивалось о камень и кораллы… и чуть себе лапы не переломал, выбираясь на берег. Вывести на сушу всех одновременно не удалось, пару мгновений он провел разделенным.

— Эй, давайте сюда! — крикнул он Равне и Зеленожке. Они пошли к нему, поднялись на белый скальный выступ, а он сидел, зализывая порезы от кораллов. — Нашел местечко спокойней этого… — Показал на брызги пены.

Зеленожка подъехала к краю, помедлила. Ветви ее заколыхались взад-вперед, словно обводя жестом береговую линию. «Может, ей помочь?» Странник подошел было, но Равна только села рядом с наездницей и оперлась о колесную платформу. После секундной паузы Странник тоже подошел и присоединился к ним. Они так сидели некоторое время: девушка смотрела в море, наездница непонятно куда, а стая — во все стороны… Тут было спокойно, даже вопреки (или благодаря?) гулким ударам и туманным брызгам прибоя. Странник почувствовал, как замедляется биение сердца, и понежился на солнце. На всех

его шкурах, просохших от морской воды, мелким порошком осела соль. Сначала приятно было себя вылизывать, но… да уж, насчет высыхающей соли дурные воспоминания не солгали. Ветви Зеленожки лениво шевелились; они были слишком редкие и тонкие, особой тени не давали, но так было комфортней и приятней.

Так они сидели долго. Достаточно долго, чтобы у Странника некоторые носы обгорели до волдырей, и даже темнокожая Равна подзагорела.

Наездница издавала мерное напевное гудение, которое спустя много минут перешло в речь.

— Хорошее море, хороший берег. То, что мне сейчас нужно. Посидеть и подумать немного в своем темпе.

И Равна спросила:

— Как долго? Нам будет тебя не хватать. — Это не была фигура речи. Всем ее будет не хватать. Даже склонная к неуместной задумчивости Зеленожка оставалась экспертом по уцелевшей автоматике «Внеполосного-II».

— По вашим меркам, боюсь, долго. Несколько десятков лет… — Она еще несколько минут «смотрела» на волны. — А мне хочется вниз. Ха-ха. Я в этом почти как человек… Равна, знаешь, у меня все путается в памяти. Я двести лет провела с

Синепанцирем. Он бывал мелочен и язвителен, но… он был великий торговец. Мы много чудесных путешествий совершили вместе. А под конец даже вы увидели, какой он был храбрый.

Равна кивнула.

— В нашем последнем странствии мы открыли страшную тайну. Думаю, ему от этого стало так же плохо, как от того… пламени. Я тебе благодарна за то, что ты защитила нас. А теперь я хочу поразмыслить; пускай время и прибой очистят мою память и рассортируют воспоминания. Возможно, я даже сочиню хронику нашего квеста, если эта скверная имитация тележки справится.

Она коснулась пары голов Странника.

— Еще одно, сир Странник. Вы оказали мне большое доверие, пустив к себе в моря… Но вам следует знать, что мы с Синепанцирем были беременны. У меня внутри кладка наших общих яиц. Оставите меня здесь, и через несколько лет на острове появятся новые наездники. Пожалуйста, не расценивайте это как вторжение. Я хочу почтить память Синепанциря, принеся ему детей. Но умеренно; наше племя обитает на десяти миллионах миров, и мы никому не были плохими соседями… кроме того случая, который, как вас может заверить Равна, здесь ни за что не

повторится.

Оказалось, что укромная затока, найденная Странником, Зеленожке совсем не по нраву. Из всех доступных на атолле мест она выбрала то, где океан ярился сильней всего. На поиск пути туда ушло больше часа, а еще полчаса — на то, чтобы осторожно спустить наездницу и тележку в воду. Тут Странник плавать и не пытался. Коралловые скалы подступали отовсюду, кое-где покрытые зеленой слизью, а в других местах — острее бритв. Пять минут в этой мясорубке, и у него силы кончатся. Как ни странно, именно тут зелень росла гуще всего. Вода казалась матовой от морской травы и роящейся пеноживности.

Равне было проще — даже в самом глубоком месте заливчика она все еще держалась над водой, ну, большую часть времени. Она стояла в пене, упираясь ногами и рукой, помогая спустить имитацию тележки по скале. Опустившись в воду, механическая поделка стукнулась о дно рядом с девушкой.

Равна подняла лицо к Страннику, сделала жест: все, мол, в порядке. На миг присела, держась за тележку. Их окатил прибой, оставив на виду лишь самые высокие ветки Зеленожки. Когда волна схлынула, он заметил, как нижние ветки приоб-

няли девушку за спину, и услышал жужжание из вокодера, но в шуме океана не разобрал слов.

Девушка поднялась и направилась, по пояс в воде, к скале, где расположился Странник. Он схватился сам за себя и протянул Равне несколько лап. Она полезла вверх по склизкой зелени и белому кораллу.

Странник последовал за хромавшей Двуногой к манграм, на гребень рифа. Там, в тенечке, они остановились, девушка села на песок и прислонилась к упругому сплетению корней у подножия ствола. Вся в синяках и порезах, она вдруг напомнила ему Йоханну прежних дней.

— Ты в порядке?

— Да. — Она пригладила руками растрепанные волосы, глянула на него, рассмеялась. — Мы оба смахиваем на жертв кораблекрушения.

Ага. Скоро надо будет искупаться в пресной воде. Он огляделся. С гребня кораллового кольца видна была Зеленожкина лагуна. Равна тоже смотрела туда, позабыв о своих ссадинах.

— И что она тут нашла? — искренне удивлялся Странник. — Кому понравится, чтоб тебя колотили без устали…

Равна улыбнулась, не отводя глаз от прибоя:

— Во Вселенной много странного, Странник;

рада, что ты еще не обо всем успел прочесть. Там, где прибой колотится о берег, происходит много всякого. Ты сам видел, сколько живности плавает в этом безумном местечке. Как растения любят солнце, так и некоторые создания привержены разности энергопотенциалов на этом рубеже. У них там солнце, прилив и кормовая взвесь… Все же надо бы за ней еще чуток присмотреть. — Между волн вздымались ветки Зеленожки. Странник знал, что они не очень сильные, но сейчас начинал понимать, какие прочные. — С ней все будет в порядке, хотя эта дешевая подделка под тележку долго не простоит. Бедная Зеленожка останется совсем без автоматики… и она, и дети ее, нижайшие из низших наездников.

Равна обернулась на стаю. На лице ее по-прежнему блуждала улыбка. Задумчивая, но… довольная?

— Ты знаешь тайну Зеленожки?

— Древорезчица мне поведала, когда ты открылась ей.

— Рада — в смысле, приятно удивлена, — что Зеленожке вообще позволили остаться здесь. Средневековые умы — ой, прости, почти любые умы, — как правило, убивают без колебаний, столкнувшись даже с тенью подобной угрозы.

— Тогда почему ты рассказала королеве? О порабощении тележки?

— Это ваша планета. Я устала изображать из себя богиню, владеющую Тайной. И Зеленожка со мной согласилась. Откажи ей королева, Зеленожка бы, наверное, легла в гибернатор «Внеполосного-II». — «И скорее всего, уснула бы навеки». — Но Древорезчица не воспротивилась. Она каким-то образом поняла то, что я до нее пыталась донести: что поработить можно лишь настоящие тележки, а Зеленожкина нынешняя не из таких. Через десяток лет побережье это будет населено сотнями юных наездников, но без разрешения местных они дальше архипелага не распространятся. Риск исчезающе мал… и тем не менее я до сих пор удивляюсь спокойствию Древорезчицы.

Странник расселся вокруг Равны, оставив только одну пару глаз смотреть туда, где утопали в пене ветви наездницы. «Лучше ей кое-что объяснить». Он склонил к девушке голову:

— О да, Равна, мы средневековые создания, хотя это быстро изменится. Нас восхитило мужество Синепанциря, который проехал сквозь огонь. Подобное заслуживает награды. Кроме того, мы, средневековые типчики, привычные к изменам.

Какая разница, что на сей раз предательство космических масштабов? Для нас, здесь, угроза от этого не возрастет. Мы, первобытные бедолаги, все время так живем.

— Ха! — От его насмешливого тона улыбка Равны стала еще шире.

Странник захихикал, покачивая мордами. Он сказал ей правду, только не всю, и даже не важнейшую часть. Он вспомнил, как накануне они с Древорезчицей решали судьбу Зеленожки. Древорезчица сперва испугалась, с государственной мудростью восприняв страшную тайну миллиардолетней давности. Источник подобной угрозы и в холодном сне-то заточить опасно. Государственный ум, средневековый ум, поступил бы так: удовлетворил бы просьбу, оставил наездницу на берегу далекого атолла… а потом, через день-другой, втайне послал бы туда кого-нибудь убить ее.

Странник устроился под троном королевы, ближе, чем обычно могут родственники или супруги, не теряя связности ума.

— Ты Проныре оказала больше чести, — сказал он тогда.

Губитель Грамотея все еще ходит по земле, целый и невредимый, и вообще кары особой не понес.

Древорезчица хватанула зубами воздух; Странник знал, что решение пощадить Проныру тоже немало отравляло ей жизнь.

— Да. А от этих наездников мы не видели ничего, кроме отваги и верности. Я не трону Зеленожку. Но я боюсь. Она несет в себе угрозу, способную звезды сковырнуть с небес.

Странник рассмеялся. Может, он и чокнутый на все головы пилигрим, но…

— А чего ж ты ожидала, моя королева? Большие планы, большие опасности. Мне люди нравятся; мне нравится касаться другого существа, сохраняя способность мыслить. — Он рыскнул вперед, ткнулся мордой в ближайшего элемента Древорезчицы и тут же отскочил на более почтительное расстояние. — Даже без кораблей и данников они бы наш мир вверх лапами перевернули. Ты не заметила… как легко нам перенимать все их знания? Даже сейчас Равна диву дается, как хорошо мы овладели их языком. Даже сейчас она, кажется, не вполне понимает, как тщательно мы изучили Данник. А корабль их — это штука несложная, о моя королева. То бишь, э-э, физики, по принципам которой он устроен, я, конечно, не понимаю. Но и на звездах немногие ею владеют. Однако с оборудованием работать

несложно, хотя оно существенно пострадало. Подозреваю, Равна так и не научится летать на антиграв-шлюпке, как я.

— Гм-мф. Ну так ты ведь можешь до всех элементов управления одновременно дотянуться.

— Не только. Думаю, что у нас, Когтей, ум гибче, нежели у двуногих бедолаг. Ты себе представляешь, чего мы только не навытворяем, когда сделаем еще радиомантии, когда построим себе летательные аппараты?

Древорезчица улыбнулась, но с легкой тоской.

— Странник, ты размечтался. Мы в Медленной Зоне. Антиграв через пару лет выдохнется. А замена ему, если мы ее и сделаем, будет куда хуже твоей нынешней игрушки.

— Ну и?.. Ты вспомни человеческую историю. На Нюйоре меньше двухсот лет прошло от тамошнего средневековья до возвращения в космос. А у нас архивы лучше, чем были у их археологов. Мы с людьми — отличная команда; они нас освободили, и мы станем теми, кем должны.

Век до собственных звездолетов, возможно, еще век — до первых субсветовиков. Настанет день, и они вырвутся из Медленной Зоны. «Любопытно, может ли существовать в Трансценденции стая крупнее восьмерки?»

Молодые элементы Древорезчицы забегали вокруг, гоняясь за остальными. Королева заинтересовалась.

— Ты считаешь, Стальной был прав, полагая нас избранной расой, коей суждена великая судьба в Запределье? Интересная мысль, вот только, кроме людей, мы оттуда никого не знаем. Как они соотносятся с прочими тамошними расами? Данник не дает полных ответов.

— Ага, и вот поэтому, Древорезчица, для нас так важна Зеленожка. Нам нужен опыт общения и с другими расами. Похоже, что наездники в Запределье встречаются повсеместно. Они нам нужны, чтобы мы могли с ними общаться. Нужно понять, так ли они забавны и полезны нам, как двуногие. Даже будь риск десятикратно выше, я бы посоветовал исполнить просьбу наездницы.

— Да. Если хотим стать теми, кем должны, надо учиться. И учитывать риски. — Она прекратила бегать, все глаза стаи вдруг изумленно оборотились к Страннику. Неожиданно королева рассмеялась.

— Ты чего?

— Мы ведь об этом уже думали, дорогой Странник, но сейчас я вижу, насколько была права. Ты тут стал хитрей и расчетливей. Из тебя в будущем

получится отличный державник и стратег.

— Но все ради странствий.

— Да уж наверняка… А что до меня, то я теперь не так привержена планам и собственной безопасности. Настанет день, и мы полетим к звездам. — Щенки шутовски отсалютовали. — Ныне я тоже немного странница.

Она легла на животы и поползла к нему. Сознание медленно уплывало в дымку неги и страсти. Последнее, что Странник связно запомнил, это как Древорезчица говорит:

— Какая удивительная удача: я постарела и *обязана была* обновиться, а ты изменил нас именно в нужную сторону.

Странник вернулся мыслями в настоящее и к Равне. Девушка все еще усмехалась ему. Протянула руку погладить его по одной из голов.

— Средневековые умы, да уж.

Они просидели в тени мангровых зарослей еще часа два, наблюдая прилив. Солнце уже клонилось к закату, но стояло так высоко, как в стране Древорезчицы — полдневное. В некотором смысле самым странным элементом сцены была игра света и тени, порожденная движением солнца. Солнце стояло так высоко, а закатывается так быстро, что это совсем непохоже на долгий при-

полярный закат. Странник почти забыл, как это бывает в Краю Коротких Сумерек.

Прибой докатился на тридцать метров вглубь острова, где они оставили наездницу. Полумесяц сопровождал солнце в пути к горизонту; вода перестала подниматься. Равна поднялась, приложила руку козырьком ко лбу, посмотрела на закат.

— Думаю, пора нам лететь.

— Она в безопасности?

Равна кивнула:

— За это время Зеленожка наверняка бы обнаружила в воде яды или хищников. Вдобавок она вооружена.

Девушка и стая Когтей поднялись на гребень атолла, минуя самые высокие мангры. Странник продолжал парой глаз оглядываться на море. Прибой уже давно захлестнул Зеленожку. Туда еще набегали высокие волны, но уже не было ни пены, ни брызг. Он заметил, как наездница показалась из налетевшей волны: морскую гладь на миг разорвали кончики двух самых длинных веток, медленно помахали им вслед, и больше Странник ее не видел.

Лето понемногу сдавало позиции в окрестностях Тайного Острова. Временами шли дожди, и

лесные пожары прекратились. Наверное, даже урожай получится собрать, вопреки войне и всем опустошениям засухи. Каждые сутки солнце немного дальше опускалось за северные холмы, и сумерки удлинялись неделю за неделей. Потом в полночь стала являться истинная ночь, а с нею — звезды.

Так получилось, что на последнюю ночь лета выпало много важных событий. Равна взяла детишек посмотреть на звезды с полей у Замка Звездолета.

На планете не было городской засветки, а тем более низкоорбитальных фабрик, и небосклон ничто не затмевало, кроме бледно-розового сияния на далеком севере; возможно, это еще сумерки, а может, полярное сияние. Четверо сидели на инеистом ковре мха и глядели вокруг. Равна глубоко вздохнула. Пеплом в воздухе не пахло, тянуло лишь легким чистым холодком предзимья.

— Снег будет такой глубокий, тебе аж по плечи, Равна! — восторженно пообещал Джефри. — Тебе понравится.

Бледное пятно его лица поднималось и опускалось: он разглядывал небо.

— Может, и нет, — сказала Йоханна Ольсндот.

Она не возражала против вечерней прогулки, но Равна знала, что девочка предпочла бы остаться дома на Тайном Острове и посвятить себя повседневным заботам.

Джефри почувствовал ее неуверенность — нет, это Амди… они так и не научились отличать их друг от друга по голосам.

— Не тревожься, Йоханна, мы тебе поможем.

На миг воцарилась тишина. Равна смотрела вниз по склону. В темноте терялись шестисотметровый обрыв, фьорд и острова. Но замок на Тайном Острове был виден — его местоположение отмечали факелы. Там, в старой твердыне Стального, теперь правит Древорезчица. И там же стоят все уцелевшие корабельные гибернаторы. Сто пятьдесят один ребенок спал в капсулах: последние выжившие страумеры. Йоханна считала, что бóльшую часть удастся пробудить, если сделать это быстро. Королева восприняла идею с энтузиазмом. Значительные секции замка переделывали под человеческое жилье. Тайный Остров отлично защищен, если не от снегов, то, по крайней мере, от самых лютых ветров. Если детей получится оживить, им там будет хорошо. Равне нравились Джефри, Йоханна и Амди; но управится ли она еще со ста пятьюдесятью од-

ним? Древорезчица, казалось, не испытывала на этот счет никаких сомнений. Она уже строила планы насчет школы, где люди и Когти станут учиться совместной жизни в этом мире… Наблюдения за Джефри с Амди давали Равне намек, на что эта жизнь может оказаться похожа. Парочка сблизилась тесней любых известных ей детишек, а вместе была куда умней их. И тут дело не только в том, что Амдиранифани — математический гений; они одарены и во многих других аспектах.

Люди и стаи способны уживаться, и старая Древорезчица видела, какую пользу это способно принести. Равна любила королеву, а Странника тем паче, но в конечном счете именно стаи от этого сотрудничества выиграют. Древорезчица превосходно осознавала недостатки стайного способа жизни. Письменная история Когтей уходила в прошлое по меньшей мере на десять тысяч лет. Все это время они были зажаты в тисках культур, немногим отличных от нынешней. Раса обладала превосходным интеллектом, но страдала от одной препоны: они не могли работать рядом, не утрачивая этого интеллекта. Достижения стайной цивилизации оставались плодами изолированных умов, вынужденных интровертов, не способных к продвижению дальше

определенного предела. Дополнительным подтверждением этому служил энтузиазм, с каким налаживали контакт Странник, Щепетильник и другие. «В долгосрочной перспективе мы сможем вывести Когтей из этого тупика».

Джефри с Амди о чем-то болтали, вполголоса посмеиваясь. Стая разбежалась почти до пределов связной мысли. За последние недели Равна поняла, что такая вот суетливость — нормальное состояние Амди, а первоначальное оцепенение было лишь знаком горя по Стальному. Как… отвратительно (или прекрасно?), что монстр вроде Стального может вызывать такую любовь.

Джефри крикнул:

— Ты у нас тут во все стороны смотришь, ну подскажи, куда глянуть! — Тишина. И снова голос Джефри: — Вон там!

— Что это вы делаете? — по-сестрински ворчливо спросила Йоханна.

— Метеоры высматриваем, — ответил кто-то из них. — Угу, я смотрю во все стороны и тыкаю Джефри — *сюда*!.. — показываю, куда смотреть, когда пролетает метеор.

Равна ничего не видела, но мальчик крутился, следуя указаниям друга.

— Отлично, отлично, — раздался голос Дже-

фри. — Высота километров сорок, скорость… — Двое секунду о чем-то невнятно бормотали. «Как они определяют высоту, даже со стайным широкоугольным зрением?»

Равна откинулась на склон пригорка, сидя в ямке, выстланной мхом. Стаи сшили для нее превосходную парку, и она совсем не чувствовала идущего от почвы холода. Над головой сияли звезды. Время подумать и отдохнуть немного перед тем, что начнется завтра. У Равны появится выводок числом сто пятьдесят один… «А я-то воображала себя библиотекаршей».

Дома она любила смотреть в ночное небо; с одного взгляда узнавала другие звезды Сьяндры Кей, а иногда — и другие миры. Но то было родное небо. На миг вечерний холодок показался частью нескончаемой зимы. Линн и другие, на Сьяндре Кей. Вся ее жизнь, кроме трех последних лет. Все погибло. «Не надо об этом думать». Где-то там летит то, что осталось от флота Аньяры, от ее народа. Кьет Свенсндот. Тиролль и Глимфрелль. Она узнала их лишь на несколько часов, но это были сьяндранцы. И они спасли куда большее, чем могли себе представить. Не исключено, что они еще выживут. Коммерческая охрана Сьяндры Кей располагала ионными прямоточными двига-

телями. Найдут себе планету, не эту, конечно, но ближе к сфере битвы.

Равна откинула голову, разглядывая небо. Где? Возможно, она еще даже не взошла. Отсюда галактический диск представлялся сияющей полосой, которая перечеркивала небо почти под прямым углом к эклиптике. Ощущения истинной величины Галактики или их точного местоположения тут не было. Величественное зрелище терялось в сиянии ближних светил, ярких узлов открытых скоплений, мерцающими драгоценностями вмороженных в рассеянный фоновый свет. Но внизу, у южного горизонта, далеко от галактической тропки, виднелись два клочка света. Магеллановы Облака! Неожиданно включилось восприятие геометрии пространства, и Вселенная наверху перестала казаться неизвестной. Флот Аньяры, должно быть…

— Я… я тут думаю, можно ли отсюда увидеть Страумлианский Простор, — сказала Йоханна. Ей уже больше года приходилось изображать взрослую. С завтрашнего дня эта роль пребудет с нею навсегда. Но сейчас голосок ее был детским, просительно-тонким.

Равна разлепила губы — сказать, как это маловероятно.

— Может, и получится, может, и получится. — Это был Амди. Стая стянулась вместе, по привычке держась поближе к людям. Щенкам нравилось человеческое тепло.

— Видишь ли, я в Даннике читал про все эти штуки, а сейчас соображаю, как они соотносятся с тем, что мы видим. — Пара морд обрисовалась на звездном фоне, будто человек радостно замахал руками небесам. — Самые яркие объекты — всего лишь мелкие местные светила. На них ориентироваться не стоит. — Он показал пару открытых скоплений, заявив, что нашел соответствия им в Даннике. Амди вдобавок отождествил Магеллановы Облака и просчитал куда больше, чем удалось Равне. — В любом случае, Страумлианский Простор был… — («Был! И то правда, малыш!») — в Высоком Запределье, но вблизи галактического диска. Видите вон тот большой звездный квадрат? — Он показал носами. — Мы его так и зовем: Великий Квадрат. От его верхнего угла взять вон в ту сторону шесть тысяч световых лет, и мы на Страумлианском Просторе.

Джефри опустился на колени и молча смотрел туда секунду-другую.

— Но это же так далеко; что там вообще можно отсюда увидеть?

— Страумлианских звезд не видно, но всего в сорока световых годах от Страума голубовато-белый гигант…

— Ага, — прошептала Йоханна, — Сторлюс[24]. Он такой яркий, что ночью от него тени.

— Ну вот, это четвертая по яркости звезда, считая от верхнего угла; они почти на прямой расположены. Я его вижу, значит и вы можете.

Йоханна и Джефри долго молчали, глядя на этот клочок небосклона. Равна сжала губы от ярости. Хорошие дети, и они прошли сквозь ад. А их родители сражались, чтобы предотвратить адскую катастрофу; они сбежали от Погибели, унося средство ее уничтожения. Но… сколько миллионов рас обитало в Запределье, забиралось в Трансценденцию и заключало сделки с дьяволами? Сколько рас самоуничтожилось там? А Страумлианскому Простору и этого было мало. Они сунулись в Трансценденцию и пробудили Нечто, способное пожрать Галактику.

— Думаешь, там кто-то выжил? — спросил Джефри. — Неужели мы — это все, кто уцелел?

Сестра обняла его рукой за плечи:

— Может, и выжил… хотя, наверное, не на Стра-

---

[24] Примечания: 24
Storlys — «сильный свет» (*норв.*).

умлианском Просторе. Но остальная Вселенная — гляди, она еще там. — Тихий смех. — Мама с папой, Равна с Фамом. Они остановили Погибель. — Девочка жестом обвела небосклон. — Они спасли бóльшую часть всего этого.

— Да, — отозвалась Равна, — мы спасли его и спаслись сами, Джефри. Чтобы начать все с чистого листа. — Вроде бы так и есть. Корабельные зонографы еще работали. Разумеется, по данным из одной точки прецизионную зонограмму не построить, но Равна понимала, что они глубоко в новой Медленной Зоне, в области, задетой Возмездием Фама. Что еще важнее, «Внеполосный-II» не фиксировал локальных вариаций зонной интенсивности. Нескончаемый тремор предыдущих месяцев закончился. Новое равновесие держалось твердо, как гора, и сместится лишь за века.

В пятидесяти градусах над руслом галактической реки находился еще один ничем с виду не примечательный клочок неба. Равна не стала показывать его детям, но он представлял больший интерес, потому что располагался куда ближе, всего в тридцати световых годах. Там Погибельный флот. Мошки в янтаре. На скорости обычного для Нижнего Запределья прыжка они бы долетели сюда за считаные часы. Но Фам

взметнул Великий Прилив, и теперь… Будь у них придонные люггеры, корабли с ионными прямоточными двигателями, они бы преодолели это расстояние лет за пятьдесят, даже меньше. Но самопожертвование флота Аньяры по совету Фамова богосколка оказалось оправданным. Сами того не ведая, они разгромили Погибель. В летящей к миру Когтей флотилии не осталось ни единого судна, пригодного для Медленной Зоны. Возможно, уцелели некоторые внутрисистемники — у этих предельная скорость несколько тысяч кликов в секунду. Но не больше. Не здесь, внизу, где новую конструкцию мановением волшебной палочки не создашь. Истребители Погибели достигнут мира Когтей… через несколько тысяч лет. Времени достаточно.

Равна оперлась на одного из элементов Амди. Щенок завозился, уютно обернувшись вокруг талии. Стая значительно прибавила в росте и весе за последние два месяца; вероятно, Стальной держал их на каких-то снадобьях, сдерживая развитие. Взгляд Равны блуждал в небесных полях света и мрака; далеко вверху над ней громоздились все Зоны. А где же теперь их интерфейсы? Как же внушительно было Возмездие Фама. Хотя нет, лучше сказать — Возмездие Старика. И даже

не так. «Старик» был лишь недавней жертвой Погибели. Старик не более чем акушер у колыбели этого возмездия. Первопричина его наверняка не уступает возрастом исходной Погибели, а силой превосходит Силы.

Но чем бы ни было вызвано Возмездие, последствия Прилива оказались куда более серьезными. Равна просмотрела корабельные сводки интенсивности Зон. Конечно, это лишь прикидки, но ясно, что они застряли на глубине от тысячи до тридцати тысяч световых лет в новой Медленной Зоне. Одним Силам ведомо, как высоко протолкнул Прилив границу Медленной Зоны… возможно, он уничтожил даже некоторые Силы. Примитивные цивилизации мучаются кошмарами об армагеддоне планетарных масштабов, а тут это случилось в масштабе Галактики. Крупная область Млечного Пути в одночасье очутилась в Медленной Зоне. И не только Погибельный флот влип, как мошка в янтарь. Почему бы всему небосводу, кроме, возможно, далеких и тусклых Магеллановых Облаков, не оказаться нынче Медленным Склепом? Там, конечно, кто-то выжил, но сколько миллионов звездолетов застряли в межзвездном пространстве? Сколько отказало автоматизированных систем, уничтожив за-

висящие от них цивилизации? Небеса теперь молчали по-настоящему[25]. Пожалуй, Возмездие в чем-то оказалось страшнее Погибели.

А кстати, Погибель. Не флот, устремившийся в погоню за «Внеполосным-II», но сама Погибель? Это создание принадлежало Вершине и Трансценденции. В самом дальнем своем расползании оно захватило бóльшую часть видимого этой ночью неба. Действительно ли Возмездие Фама сокрушило его? Если в этом и был смысл всех жертв, то наверняка. Устроить прилив такой мощи, чтоб он протолкнул границу Медленной Зоны на тысячи световых лет вверх, через Нижнее и Срединное Запределье, мимо великих цивилизаций Вершины… и в Трансценденцию. «Неудивительно, что она так упорно за нами гналась». Сила, погруженная в Медленную Зону, уже больше не Сила; вряд ли она вообще способна там выжить.

«Если, если, если. Если Прилив Фама взметнулся так высоко… И этого я никогда уже не узнаю».

Шифрование: 0
Получено:
Путь перевода: Оптима

---

[25] Примечания: 25
Отсылка к парадоксу «молчаливой Вселенной» Энрико Ферми.

От: Общество рациональных исследований

Тема: Пинг

Ключевые фразы: Помогите!

Краткое содержание: Сеть разделилась – или что?

Рассылка в/на: Угроза Погибели, Общество рационального управления Сетью, группу по интересам Наблюдатели войны

Дата: 0,412 Мсек после потери всех контактов

Текст сообщения: Я еще не сумел восстановить связь ни с одним сайтом Сети в направлении вращения Галактики. Очевидно, я как раз на краю пораженной катаклизмом области.

Если получите этот пинг, пожалуйста, ответьте! Грозит ли мне опасность?

К вашему сведению, сайты, расположенные против вращения Галактики, вполне доступны. Я понимаю, как дорого перегонять сообщения через всю Галактику, но это, по крайней мере, даст представление о масштабах потерь. Пока ни одно не вернулось – что неудивительно,

учитывая значительное число промежуточных узлов и стоимость ретрансляции.

Тем временем я продолжаю рассылать пинги наподобие этого. Я, между прочим, трачу на них колоссальные ресурсы, но дело слишком важное. Я передавал напрямую на все сайты-концентраторы, расположенные в зоне моей досягаемости по направлению вращения. Ответов я не получил.

Еще более грозный симптом: я пытался передавать «через Вершину», то есть использовать известные сайты Трансценденции над областью катаклизма. Они редко когда откликаются: у Сил свои странности. Но я не получил вообще никаких откликов. Глухо, как в Глубинах. Такое впечатление, что Трансценденцию тоже зацепило.

Повторюсь: если получите это сообщение, пожалуйста, ответьте!